I

IA

HA

GO

Bor. 340 z

ИСТОРІЯ

ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО

ТЕКСТЪ

ѲЕДОРА КОНИ,

РИСУНКИ

АДОЛЬФА МЕНЦЕЛЯ.

Василій Васильевичъ
ИЛЬИНЪ

Второе изданіе.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. И. СТЕПАНОВОЙ.

1863.

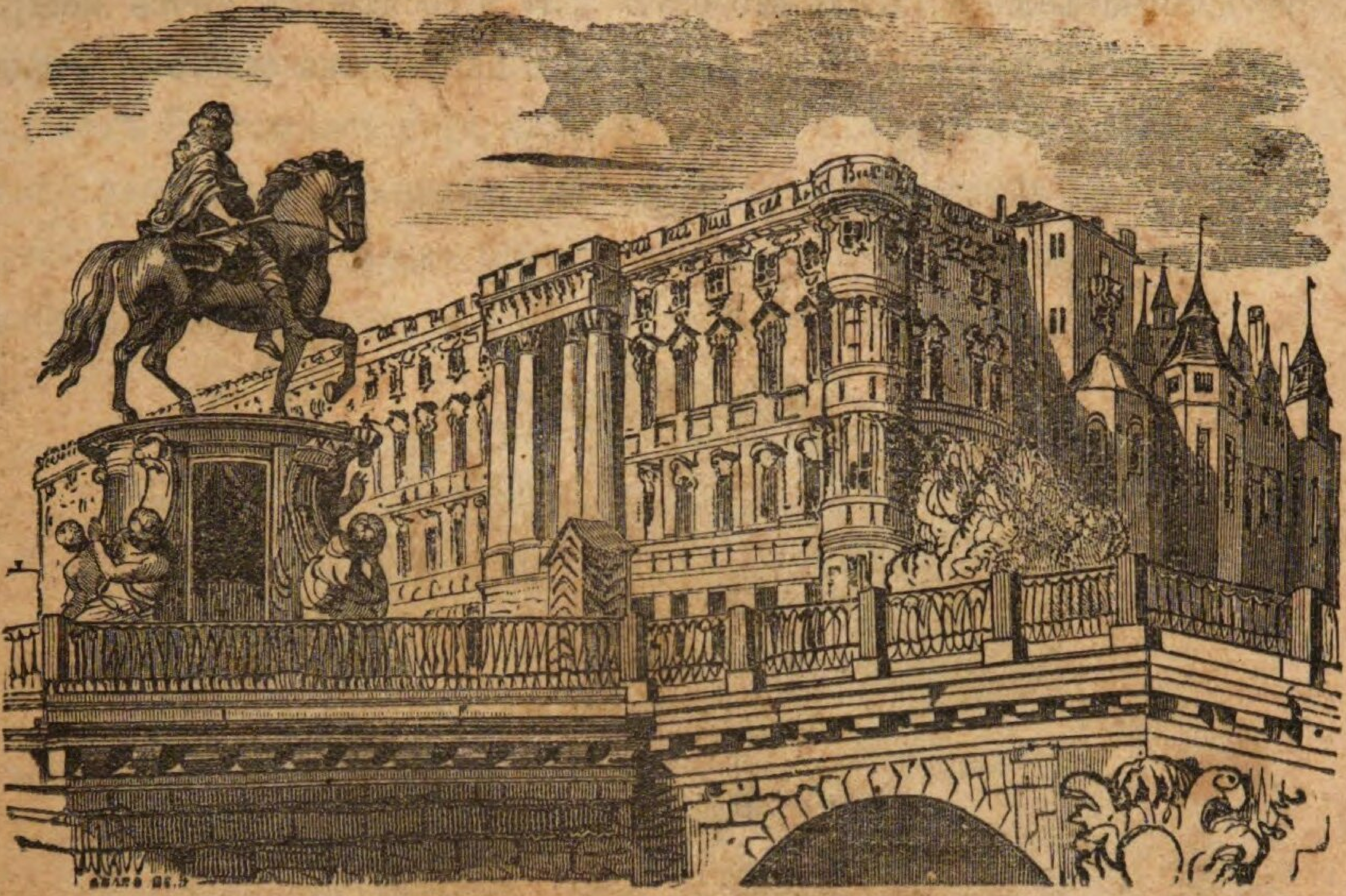
Bav. 340 z

Дозволено цензурою. Москва. Марта 2-го, 1863 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Печатано съ изданія 1844 года.

TGT | 86 | 2634

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рожденіе.

Фридрихъ II, прозванный современниками и потомствомъ Великимъ, родился 24 января 1712 года, въ королевскомъ дворцѣ, въ Берлинѣ. Появленіе его на свѣтъ было встрѣчено неизъяснимой радостью, потому что всѣ надежды вѣнценоснаго семейства покоились на немъ. На престолѣ прусскомъ сидѣлъ еще дѣдъ новорожденнаго, король Фридрихъ I; онъ имѣлъ единственнаго сына Фридриха-Вильгельма, у котораго двое первыхъ сыновей умерли вскорѣ послѣ рожденія. Еслибъ Фридрихъ-Вильгельмъ остался безъ мужескаго потомства, королевская корона должна была перейти на боковую линію царствующаго дома. Эта мысль огорчала старика короля. Ему принесли извѣстіе о рожденіи внука въ самую ту минуту, когда онъ садился за столъ, съ большою придворной церемоніей, по тогдашнему обычаю.

Онъ тотчасъ-же оставилъ столовую залу и поспѣшилъ лично поздравить августѣйшую роженицу и поцѣловать будущаго наслѣдника своего престола.

Вскорѣ жители столицы были извѣщены о радостномъ событіи въ королевскомъ домѣ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Награды многимъ почетнымъ лицамъ, обѣдъ для всѣхъ бѣдныхъ, содержимыхъ въ городскихъ богадѣльняхъ, сдѣлали этотъ торжественный день еще радостнѣе. Король Фридрихъ I наслѣдовалъ государство отъ отца своего, великаго курфирста Бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма.

Этотъ курфирстъ былъ первый и единственный монархъ въ Германіи, который послѣ опустошительной тридцатилѣтней войны и при могучемъ перевѣсѣ Франціи, умѣлъ съ честью сохранить достоинство своего званія и значеніе въ политической системѣ Европы. Онъ возвысилъ свое государство до уважительнаго величія и значительной силы.

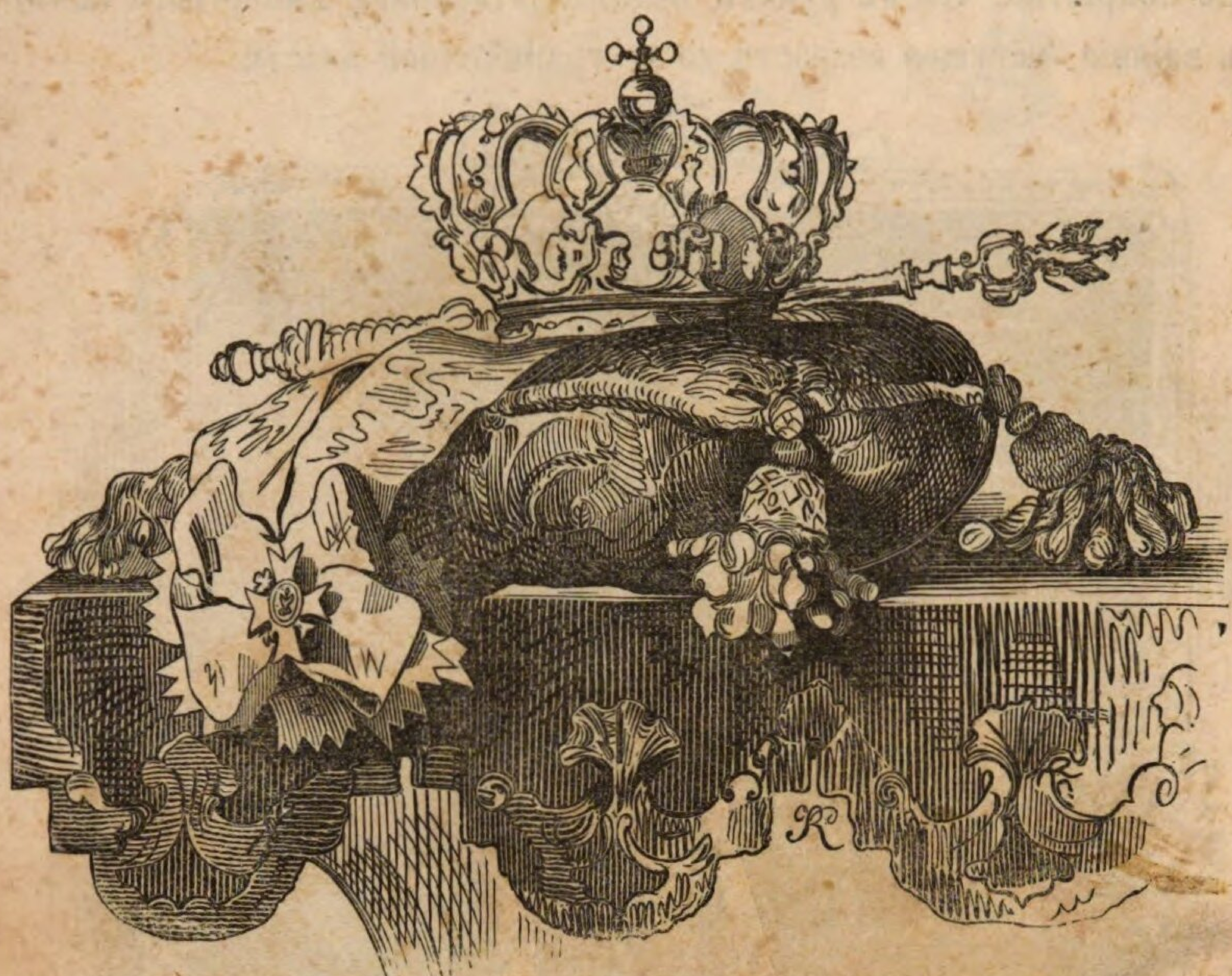
Онъ такъ счастливо велъ войны и такъ мудро управлялъ, что возбудилъ ревность въ Австрійскомъ дворѣ. Въ Вѣнѣ съ неудовольствіемъ замѣчали, что на берегахъ Балтійскаго моря крѣпкой стопою сталъ новый «великанъ». Австрійскому властолюбію, которое стремилось къ преобладанію надъ всею Германіей, было непріятно, что въ рукахъ подвѣдомственнаго имперскаго князя расширялось вліяніе, могущее возрасти до неограниченной власти.

Фридрихъ I къ дѣяніямъ своего великаго отца прибавилъ одно, которое, свидѣтельствуя о его дальновидной политикѣ, впослѣдствіи привело къ важнымъ историческимъ результатамъ. Онъ возвысилъ въ достоинство королевства отчину свою, герцогство Пруссію (*), не входившую въ составъ Германскаго Союза, и въ 1701 году (18-го января) въ Кёнигсбергѣ возложилъ на главу свою королевскую корону.

(*) Восточную Пруссію, — западная Пруссія была отнята у прежнихъ владѣтелей — поляками.

Фридриху I надо было хитро отстранить долговременную оппозицію Австріи, прежде, чѣмъ рѣшиться на такой шагъ; но онъ преслѣдовалъ планъ свой съ удивительнымъ постоянствомъ до тѣхъ поръ, пока оборотъ политическихъ событій представилъ ему возможность осуществить его.

Какъ важенъ былъ этотъ шагъ, доказываютъ слова Евгенія Савойскаго, величайшаго полководца и политика того времени: «по моему мнѣнію» — говорилъ онъ — «министры, присовѣтовавшіе императору признать независимость прусскаго престола, заслуживаютъ смертную казнь.»

И въ самомъ дѣлѣ титулъ короля былъ не пустой звукъ, а королевскій придворный штатъ, не ничтожный парадъ, особливо въ тотъ вѣкъ, гдѣ все цѣнилось по мѣркѣ этикета. Новый титулъ и штатъ Пруссіи показывали уже дряхлѣвшему Германскому Союзу стремленіе Бранденбургскаго курфирста выдти изъ-подъ вліянія его уставовъ. При дальнѣйшемъ развитіи бранденбургско-прусскаго государства стремленіе это могло дозрѣть до дѣйствительной независимости.

Но первому королю новой державы не было суждено свершить этотъ подвигъ вполнѣ. Для окончательнаго переворота необходимы были благопріятныя обстоятельства извнѣ, сила и мудрость внутри государства.

Фридрихъ I довольствовался тѣмъ, что могъ поддержать достоинство своей новой короны приличнымъ блескомъ и роскошью, и этого, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, было дѣйствительно достаточно. Онъ окружилъ себя великолѣпнымъ дворомъ и соблюдалъ церемоніялы придворнаго этикета съ такою же стро-

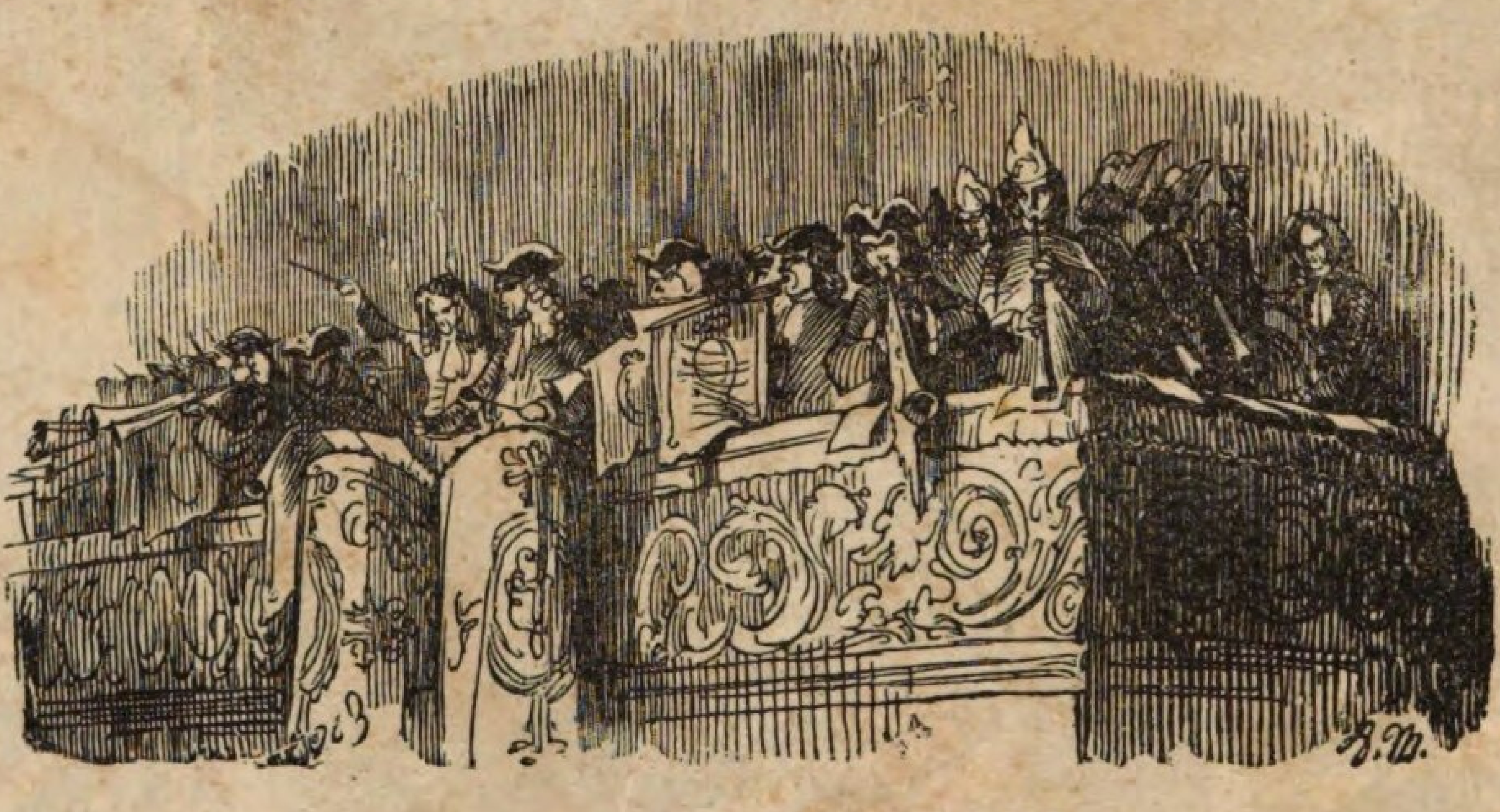
гостію и важностію, какъ коренные законы государства. Онъ праздновалъ счастливыя событія своего правленія съ такой изысканной роскошью, что приводилъ въ изумленіе сосѣдей и заставлялъ благоговѣть свой народъ.

Добродушный нравъ довершалъ остальное — подданные любили его до безумія. Наружному блеску умѣлъ онъ хитро придавать видъ внутренняго достоинства, поощряя науки и художества. По его мановенію — являлись превосходнѣйшія созданія искусства. Андрей Шлютеръ былъ одинъ изъ колоссальныхъ геніевъ, созданныхъ прихотью Фридриха I: какъ зодчій и ваятель, этотъ великій художникъ не имѣлъ въ Германіи предшественниковъ и въ новыхъ поколѣніяхъ—не нашелъ себѣ равнаго. Въ Берлинѣ основалась академія, душею которой былъ величайшій мыслитель своего времени, Лейбницъ. Тогдашнюю столицу Пруссіи называли не иначе, какъ германскими Аѳинами.

Рожденіе будущаго наслѣдника престола, при обстоятельствахъ вышеизложенныхъ, было слишкомъ важнымъ событіемъ, чтобъ не подать повода къ новому торжеству, гдѣ королевское величіе могло выказаться во всемъ своемъ блескѣ.

Всѣ почитали счастливымъ предзнаменованіемъ, что наслѣдникъ престола родился въ январѣ, мѣсяцѣ коронаціи короля. Фридрихъ, чтобъ придать этому предзнаменованію еще болѣе торжественности,поспѣшилъ устроить великолѣпный церемоніялъ крестинъ, еще въ томъ же мѣсяцѣ. Января 31-го св. таинство крещенія было совершено въ дворцовой церкви. Чрезъ всѣ залы, отъ самой комнаты новорожденнаго до церкви, стояли, въ два ряда, придворные слуги и гвардія, въ парадныхъ мундирахъ. Маркграфиня Альбрехтъ, свояченица короля, поддерживаемая своимъ мужемъ и маркграфомъ Людовикомъ, младшимъ братомъ короля, несла младенца. На головѣ новорожденнаго была маленькая корона, пеленки были изъ парчи, обшитной брилліантовою тесьмою, которой концы держали четыре графини. Въ церкви ожидалъ ихъ король, королева, принцъ Леопольдъ Ангальтъ-Дессаускій,главнокомандующій прусскими войсками, и весь придворный штатъ, въ торжественной формѣ. Король стоялъ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, на которомъ развивались строусовыя перья и, подъ королевскою короной, красовался гербъ Пруссіи. Золотыя кисти балдахина держали четыре кавалера ордена чернаго орла. Передъ нимъ стоялъ столъ, накрытый парчею, съ золотою купелью. Онъ самъ принялъ на руки младенца, котораго, въ честь ему, назвали Фридрихомъ. Громъ орудій и колокольный звонъ раздались въ городѣ, величественная музыка въ церкви—и святой обрядъ былъ совершенъ.

День заключился блистательными праздниками при дворѣ и въ городѣ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по рожденіи принца, при первомъ весеннемъ теплѣ 1712 года, въ королевскомъ саду, въ Кёпеникѣ, близъ Берлина, роскошно расцвѣло американское алоэ, посаженное самимъ королемъ, которое двадцать четыре года не давало цвѣта. Дерево, вышиною въ тридцать футовъ, было сверху до низу обсыпано цвѣтами. Народъ стекался любоваться этимъ чудомъ природы. Сотни одъ, сонетовъ и пѣсенъ полетѣли на бѣдное дерево, которое никогда не дожило бы до этой чести, еслибъ господа поэты не открыли

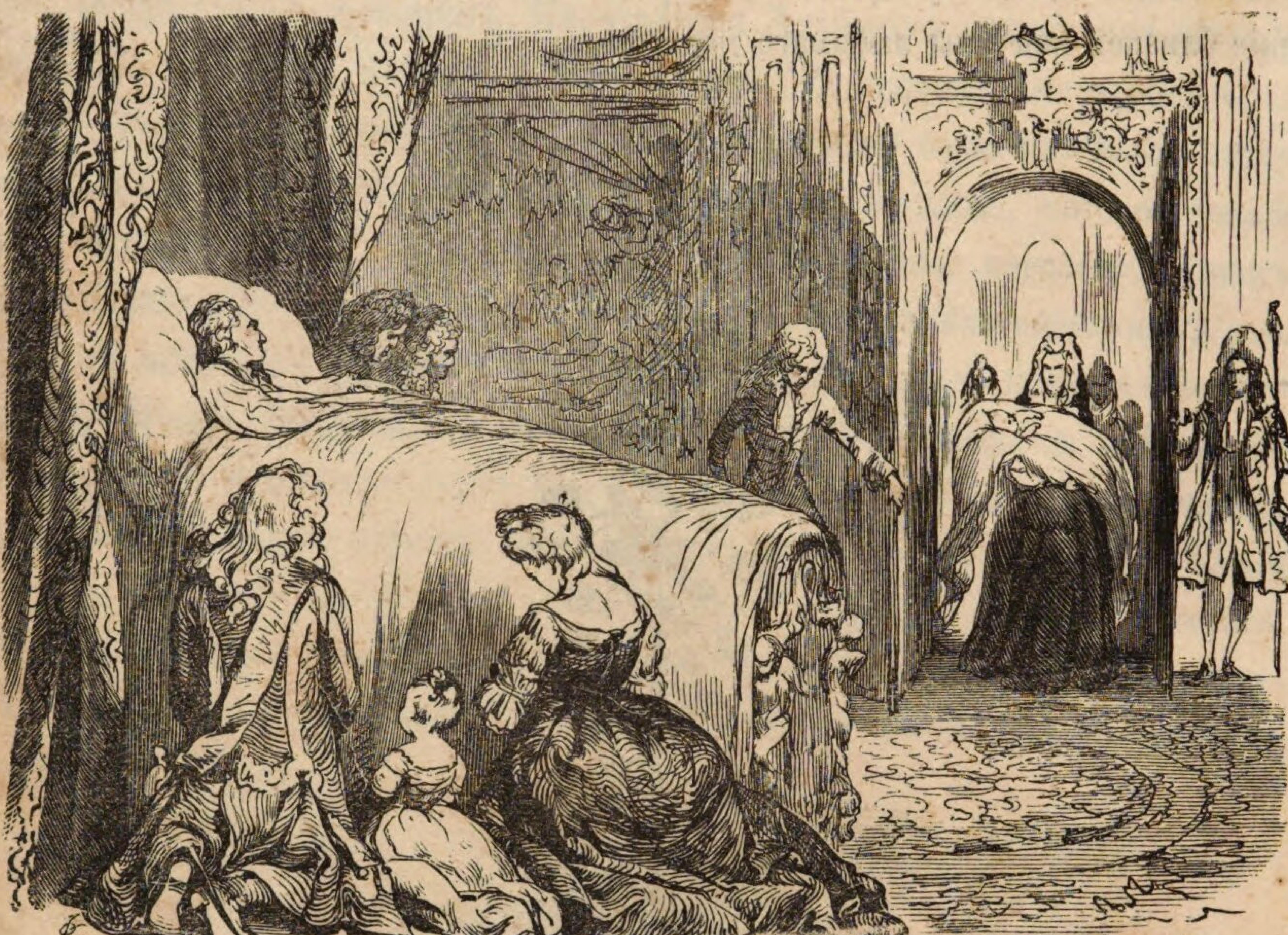
тутъ тайнаго смысла и пророческой эмблемы, очень выгодно прилагаемой къ современнымъ обстоятельствамъ. Въ роскоши этого дерева представляли они могущество и силу Пруссіи, выходящія крѣпкимъ стволомъ изъ нѣдръ Бранденбургскаго дома. Расцвѣтъ дерева породилъ новыя надежды въ народѣ: царственный младенецъ былъ ихъ залогомъ. Но многіе замѣчали, что дерево, давая роскошный цвѣтъ, само умирало: это перетолковывали въ печальное предзнаменованіе близкой кончины любимаго монарха.

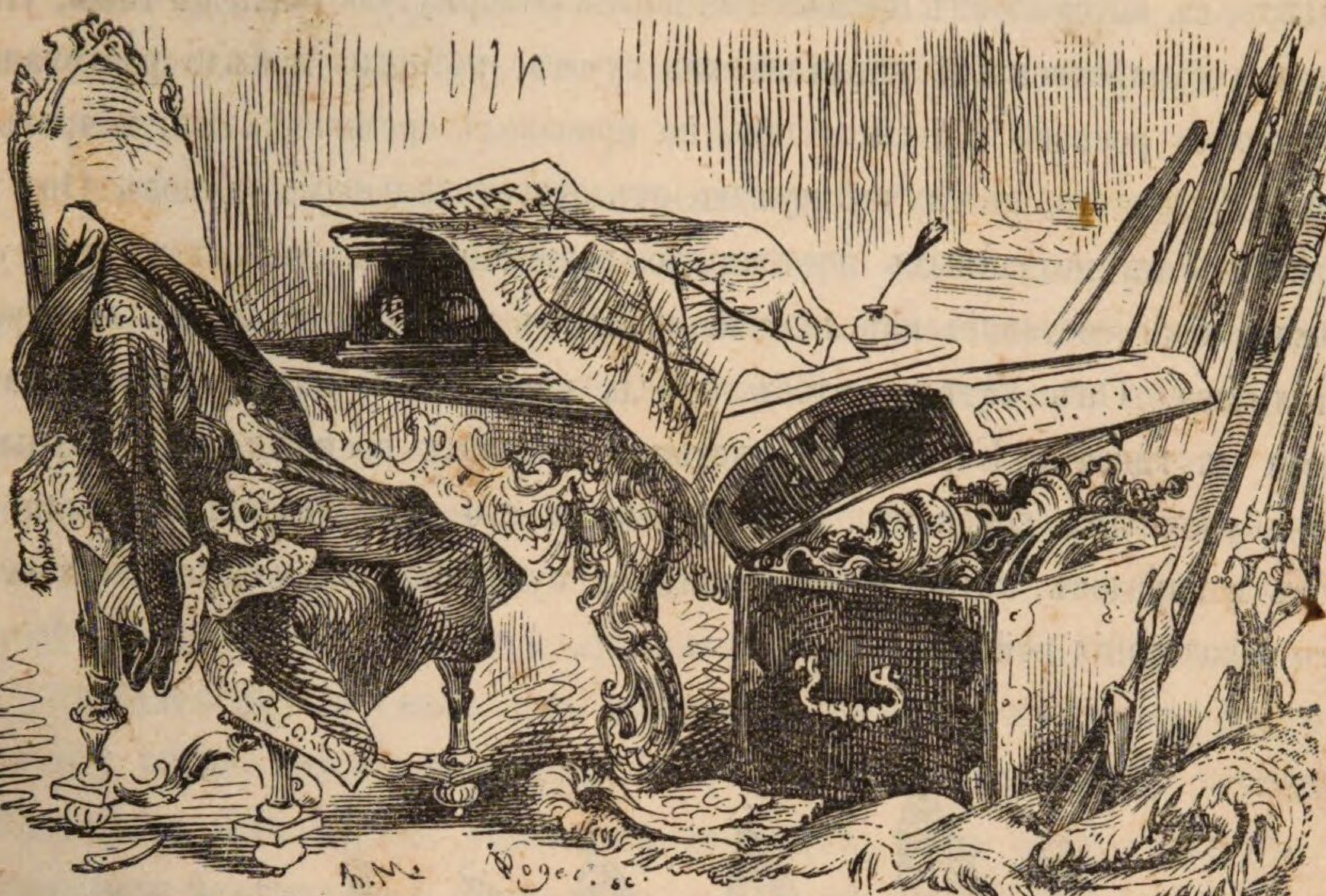

Такое истолкованіе простаго случая было не совсѣмъ безъ основанія: король, и безъ того слабаго сложенія, давно уже хворалъ. Рожденіе внука было послѣдней радостной вспышкой его жизни. Годъ спустя, онъ, въ день рожденія принца, въ послѣдній разъ показался передъ народомъ. Болѣзнь его приняла опасный характеръ. Февраля 13-го онъ созвалъ къ одру своему все семейство и первыхъ сановниковъ государства, чтобъ съ ними проститься.

Онъ благословилъ кронпринца и внучатъ, Фридриха на рукахъ кормилицы и четырехъ-лѣтнюю Вильгельмину, которая съ родителями своими стояла на колѣняхъ предъ его постелью.

25-го февраля—короля нестало.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Младенчество.

Смерть Фридриха I произвела большія перемѣны въ дѣлахъ правленія, при дворѣ и въ самомъ образѣ жизни королевской фамиліи.

Фридрихъ-Вильгельмъ I рѣшительно ни въ чемъ не походилъ на своего отца. Строгій церемоніялъ двора, которому онъ до сихъ поръ, поневолѣ, долженъ былъ подчиняться, ему надоѣлъ, а тщеславный блескъ празднествъ сдѣлался нестерпимымъ. Высшія науки и утонченіе въ нравахъ, на которыхъ покойная мать его Софія-Шарлотта старалась основать его воспитаніе, казались ему излишествомъ и даже вредной прикрасой жизни. Характеръ его отъ природы получилъ исключительно практическое направленіе.

Цѣль, съ которою онъ принялся за новую реформу, состояла въ томъ, чтобъ составить государственный капиталъ изъ суммъ, которыя прежде расточались на придворную роскошь и были отданы на произволъ временщикамъ, и чрезъ то избавить государство, въ случаѣ нужды, отъ отяготительныхъ займовъ. Онъ хотѣлъ развить въ подданныхъ постоянную дѣятельность и любовь къ труду, и поддержать благосостояніе королевства строгимъ и попечительнымъ надзоромъ правительства. Онъ хотѣлъ, чтобъ впредь корона его поддерживала значеніе свое въ глазахъ Европы не пустымъ блескомъ роскоши, но сильнымъ, хорошо обученнымъ войскомъ. Всѣ торжества его царствованія состояли изъ смотровъ и парадовъ, которые онъ почиталъ существенною необходимостью для полнаго образованія войска.

Неутомимой дѣятельностью онъ вскорѣ довелъ до того, что солдаты его отличались отъ всѣхъ лучшихъ тогда армій, быстротой, вѣрностью и правильностію воинскихъ движеній и порядкомъ фрунта. Онъ старался даже украсить передовые фрунты полковъ людьми отборными, крѣпкими, которые и мужественнымъ видомъ и ростомъ могли бы внушить врагамъ страхъ и уваженіе. На красоту формы онъ употреблялъ огромныя суммы, что впрочемъ совсѣмъ не соотвѣтствовало его обычной бережливости, даже, нѣкоторымъ образомъ, скупости.

Все государство приняло видъ воинственный; испуганное просвѣщеніе на минуту пріостановилось; Берлинъ пересталъ именоваться Аѳинами, его прозвали — Спартою.

Семейная жизнь короля была поставлена на простую, гражданскую ногу. Въ вѣкъ, когда отъ роскоши и пресыщенія при многихъ дворахъ укоренились порча нравовъ и наклонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, а слѣдовательно и мелкія страсти, — онъ, простотой своего быта, сохранилъ при дворѣ своемъ приличную важность, а въ народѣ простоту нравовъ и національный характеръ. Супружеская вѣрность была для него дѣломъ святымъ. Дѣтей своихъ, которыхъ число въ продолженіе времени значительно увеличилось, онъ воспитывалъ въ страхѣ Божіемъ и въ строгихъ правилахъ нравственности. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ старался онъ внушить имъ любовь къ порядку, къ правосудію, къ правильному образу жизни, и уваженіе къ уму и заслугамъ людей, истинно уважительныхъ. Онъ хотѣлъ образовать изъ нихъ, какъ самъ говорилъ, людей практически полезныхъ, и потому все, что только могло относиться къ обольщеніямъ свѣтской жизни, къ увлеченію воображенія и сердца, къ развлеченію ума, — было навсегда изгнано изъ дворца его.

Правосудіе его было строго, но безпристрастно: обиженный смѣло шелъ къ нему и приносилъ жалобу, и если дѣло его право, — онъ могъ надѣяться на

скорый и вѣрный успѣхъ. Но въ тоже время король былъ неумолимымъ судьей для тѣхъ, кто противился его благообдуманнымъ предначертаніямъ или хотѣлъ нововведеніями искоренить національность въ обычаяхъ и нравахъ народа. Отъ природы вспыльчивый, онъ въ подобныхъ случаяхъ часто доходилъ до забвенія величія и важности своего сана.

Въ первые годы юности сына его Фридриха, который былъ уже объявленъ наслѣднымъ принцемъ, невозможно было въ точности опредѣлить въ какой степени направленіе ума молодаго человѣка будетъ согласоваться съ мнѣніями и направленіемъ его отца.

Первое о немъ попеченіе было поручено женщинамъ. Мать его, королева Софія-Доротея, дочь курфюрста Ганноверскаго, (въ послѣдствіи короля англійскаго Георга I), отличалась природной добротой души и необыкновенной склонностью къ благотворительности; къ тому-же она не чувствовала такой антипатіи къ наукамъ, какъ ея супругъ. Къ несчастію здоровье ея не позволяло ей съ полной любовью и всѣмъ материнскимъ усердіемъ заняться малюткою Фридрихомъ.

Воспитаніе наслѣдника престола было поручено надзору статсъ-дамы королевы, г-жѣ Камеке. Въ помощницы ей дана была г-жа Рокуль, старушка, которая ходила за самимъ королемъ въ его малолѣтствѣ.

Ея прямой и благородный характеръ, ея любовь и привязанность къ царствующему дому прусскому, налагали на короля обязанность почтить ее снова такимъ лестнымъ порученіемъ. Она была родомъ парижанка и принадлежала къ числу реформатовъ, которые, изъ ревности къ новому исповѣданію, добровольно отлучали себя отъ отчизны, лишая тѣмъ окровавленную Францію лучшихъ силъ ея. Въ бранденбургскихъ владѣніяхъ ихъ принимали радушно; новое государство нуждалось въ полезныхъ и просвѣщенныхъ людяхъ, приносившихъ съ собою образованность и искусства Франціи, которой тогда подражала вся Европа. Французскій языкъ сдѣлался общимъ при дворахъ и замѣнилъ латинскій въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Отъ дворовъ распространился онъ и въ образованные классы народа.

Мудрено ли, послѣ этого, что воспитаніе двухъ будущихъ государей Пруссіи было поручаемо француженкѣ.

И такъ Фридриха, съ ранняго возраста, упражняли преимущественно во французскомъ языкѣ, что осталось не безъ вліянія на позднѣйшія эпохи его жизни.

Когда Фридриху минуло четыре года, объ немъ сказано было замѣчательное пророчество. Въ то время находилось въ Берлинѣ много шведскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ при занятіи Стральзунда прусскими войсками, въ день рождества Христова, 1715 года. Одинъ изъ этихъ офицеровъ, по имени Кромъ, славился своимъ знаніемъ астрологіи и тѣмъ, что въ чертахъ руки могъ читать

будущую судьбу человѣка. Весь городъ сходилъ съ ума отъ его прорицаній. Молва объ немъ дошла и до двора. Королева и придворныя дамы полюбопытствовали узнать отъ него нѣкоторыя тайны изъ грядущей своей участи. Онъ былъ призванъ на половину королевы. Множество нѣжныхъ ручекъ съ трепетомъ отверзались передъ его испытующимъ, пронзительнымъ взглядомъ, и къ удивленію, многія изъ его предсказаній сбылись въ послѣдствіи самымъ поразительнымъ образомъ. Но всѣ эти пророчества были, болѣе или менѣе, вѣрными соображеніями ума быстраго и зоркаго. Такъ, напримѣръ, онъ предсказалъ королевѣ, которая тогда была въ благословенномъ положеніи, что она чрезъ два мѣсяца подаритъ Пруссію новою принцессою; многимъ дамамъ, подходившимъ къ нему съ легкомысленнымъ сарказмомъ, онъ пророчилъ скорое удаленіе отъ двора и тому подобное. Когда къ нему подвели наслѣднаго принца и тотъ наивно развернулъ передъ нимъ свою дѣтскую ручку, Кромъ съ какимъ-то

вдохновеннымъ жаромъ объявилъ, что онъ будетъ благословенъ Богомъ: въ юности перенесетъ много испытаній, а въ зрѣломъ возрастѣ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между европейскими государями и будетъ сильнѣйшимъ властителемъ.

Предсказаніе вполнѣ оправдалось.

Въ первые годы жизни, до тѣхъ поръ, пока воинскія упражненія не закалили тѣла Фридриха, здоровье его было слабо и не подавало надеждъ на долголѣтіе. Это болѣзненное состояніе имѣло послѣдствіемъ какую-то печальную задумчивость, которая увеличивала опасенія его окружавшихъ. Тѣмъ болѣе обращали вниманія на тѣлесное развитіе молодаго принца. Онъ съ особенной любовью обращался къ старшей сестрѣ своей, посвящавшей ему всѣ свои дѣтскіе досуги. Взаимная привязанность сохранилась между ними до самой смерти принцессы.

Одна сцена этой дѣтской любви прекрасно передана потомству въ картинѣ знаменитаго тогда художника Пена (Pesne).

Принцу подарили маленькій барабанъ; и придворные съ удовольствіемъ замѣтили, что, вопреки всегдашней его молчаливости и грустному расположенію духа, маленькій Фридрихъ находилъ особенное удовольствіе выбивать на своемъ барабанчикѣ дроби и марши. Однажды королева дозволила ему это упражненіе въ своихъ покояхъ. Сестра его была тутъ-же съ своими игрушками. Ей наконецъ падоѣлъ барабанный бой и она просила брата лучше покатать ея куколъ въ колясочкѣ или поиграть съ нею цвѣтами. Но принцъ, который обыкновенно уступалъ просьбамъ сестры, на этотъ разъ принялъ важный видъ и пресеріозно отвѣчалъ ей: «Выбивать дроби мнѣ нужнѣе, чѣмъ катать тряпки и забавляться цвѣтами.» Это замѣчаніе малютки показалось королевѣ столь забавнымъ, что она тотчасъ-же позвала короля, и онъ былъ весьма обрадованъ воинственными наклонностями, которыя открывались въ его сынѣ.

Король любилъ проводить время въ кругу своего семейства. Любовь его къ дѣтямъ обнаруживалась въ томъ, что онъ часто самъ принималъ участіе въ ихъ играхъ. Однажды старый генералъ Форсадъ вошелъ въ кабинетъ короля безъ доклада, въ самое то время, какъ онъ игралъ съ принцемъ въ мячикъ. «Фор-

садъ» — сказалъ король — «ты самъ отецъ и знаешь, что и королю надо иногда быть ребенкомъ, чтобъ забавлять королевскихъ дѣтей.»

Выше уже замѣчено, что королева имѣла особенную наклонность къ благотворительности. Это свойство души своей она старалась передать и своимъ дѣтямъ. Принца она рано посвятила въ прекрасную должность раздатчика милостыни. Бѣдные, которые съ упованіемъ на ея милосердіе, обращались къ ней, были ею всегда отсылаемы къ наслѣднику, который раздавалъ имъ щедро деньги и подарки. Можетъ быть, это было слѣдствіемъ дальновидной политики

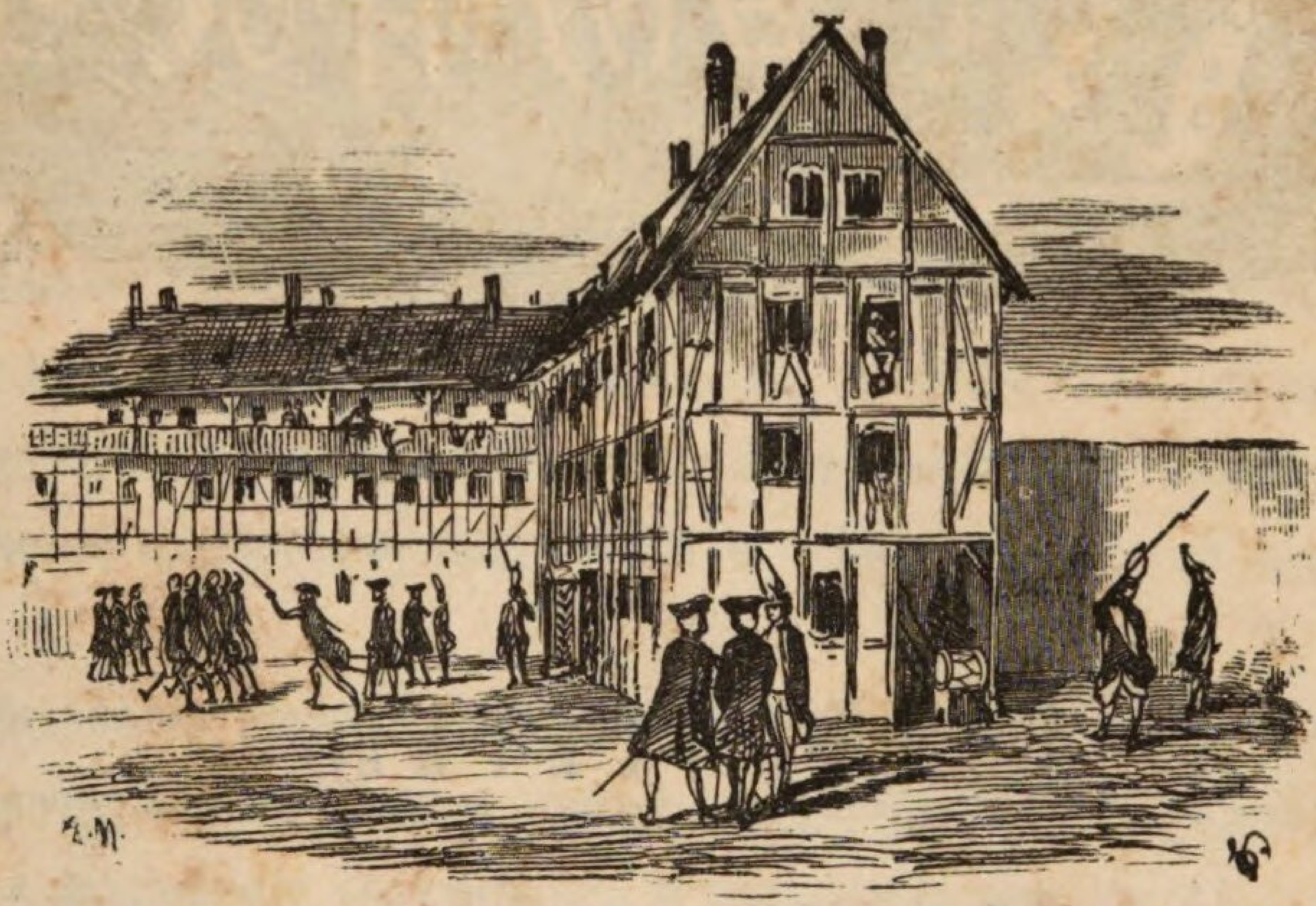
королевы, которая заранѣе желала приковать сердца народа къ будущему монарху. Во всякомъ случаѣ, прекрасный этотъ обычай дѣлаетъ честь ея сердцу. Онъ имѣлъ благодѣтельныя послѣдствія на нравъ молодаго принца: съ измала показалъ онъ уже, какъ живо привилось къ душѣ его чувство состраданія и милосердія.

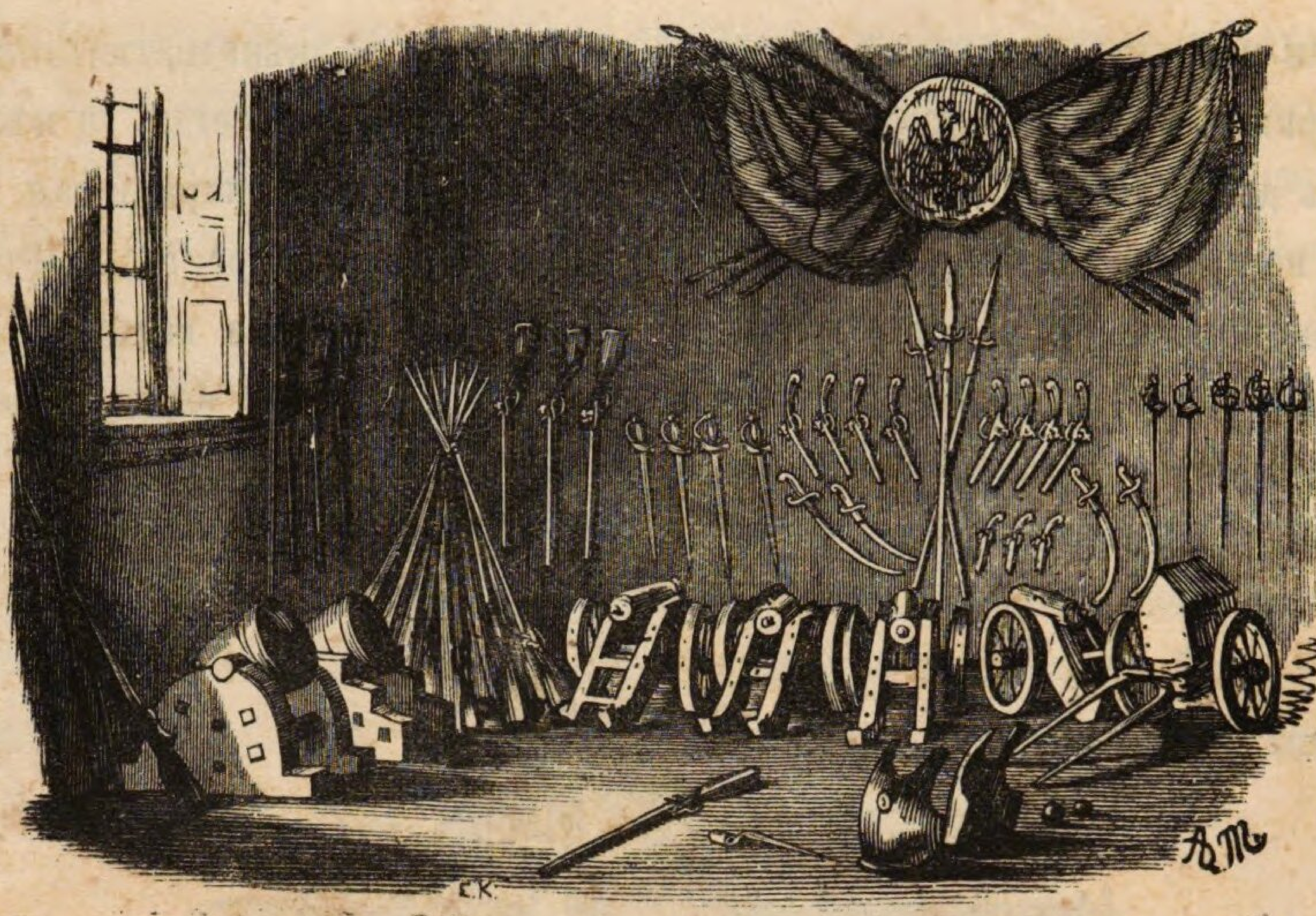
Въ первые годы своего супружества, король и королева имѣли обыкновеніе каждое лѣто ѣздить въ Ганноверъ, навѣщать отца королевы. По третьему году и наслѣдникъ сдѣлался участникомъ этихъ путешествій. Въ Тангермюнде король всегда останавливался на нѣсколько часовъ, для совѣщаній съ чиновниками, которымъ было поручено управленіе этой провинціею. При этомъ случаѣ собиралась большая часть жителей города, чтобы видѣть наслѣднаго принца, которому королева дозволяла выходить къ народу.

Однажды онъ попросилъ одного изъ зрителей свести его къ булочнику. Тутъ онъ проворно разстегнулъ свой кошелекъ и высыпалъ всѣ сбереженныя имъ деньги, прося булокъ, сухарей, пряниковъ и сахарныхъ кренделей. Часть покупки онъ взялъ самъ, остальное должны были нести за нимъ слуги и его провожатые. Потомъ онъ обратился къ народу и началъ обдѣлять хлѣбомъ и сухарями бѣдныхъ стариковъ и дѣтей. Обрадованные родители видѣли все изъ оконъ ратуши, въ которой остановились, и чтобы продлить удовольствіе принца,

приказали принесть ему новый запасъ. Каждый годъ, до двѣнадцатилѣтняго возраста, принцъ повторялъ раздачу хлѣба въ Тангермюнде и всегда, за нѣсколько мѣсяцевъ до отъѣзда въ Ганноверъ, начиналъ уже копить карманныя деньги, которыя по временамъ ему выдавались. По вступленіи на престолъ, Фридрихъ часто вспоминалъ это время и говорилъ: «Въ Тангермюнде я впервые узналъ, что значитъ любовь народная и какъ пріятно видѣть слезы благодарности на глазахъ стариковъ и дѣтей».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дѣтскій возрастъ.

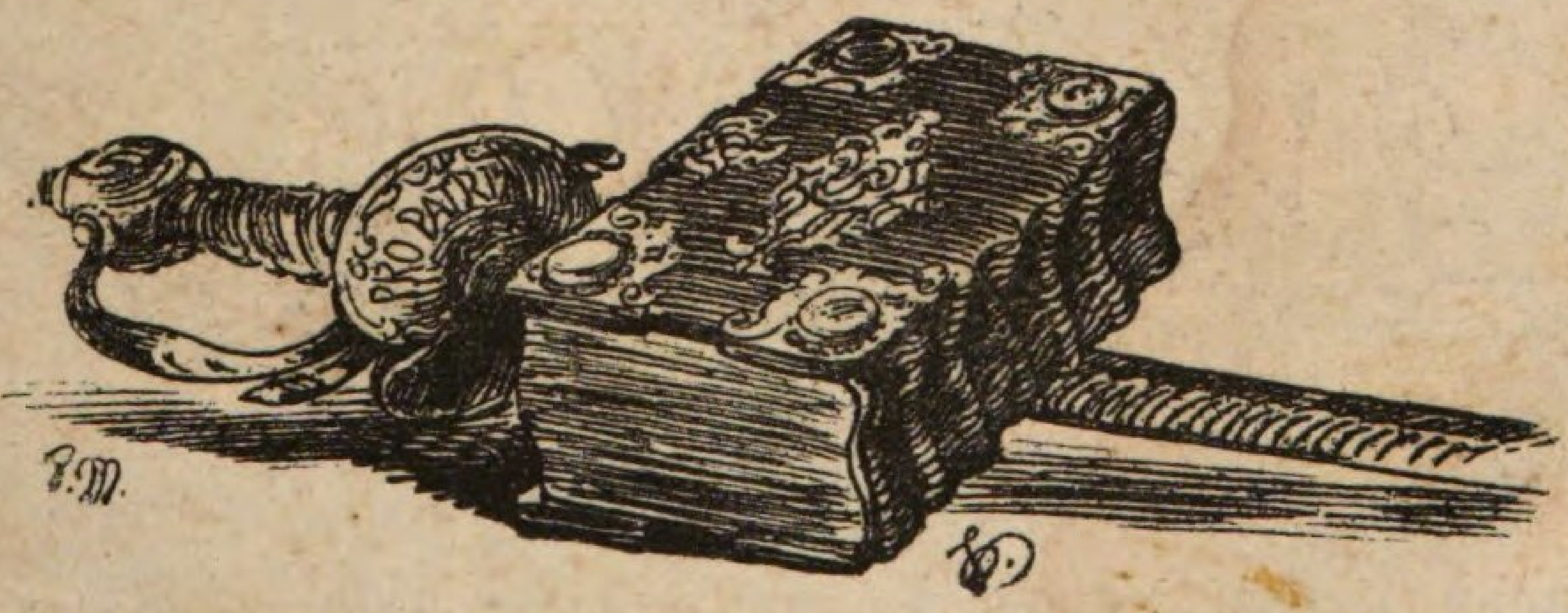
Младенчество Фридриха кончилось съ седьмымъ его годомъ, гдѣ кончается и женское его воспитаніе. Мѣсто нянекъ и надзирательницъ заступили воспитатель его генералъ-лейтенатъ графъ Финкенштейнъ и надзиратель полковникъ Калкштейнъ. Сыновья этихъ почтенныхъ сановниковъ и родственные принцы дома Бранденбургскаго сдѣлались товарищами его игръ и воспитанія; дѣтская привязанность принца къ сыну графа Финкенштейна перешла впослѣдствіи въ чувство искренней дружбы; сдѣлавшись королемъ, Фридрихъ возвысилъ товарища дѣтства въ званіе кабинетсъ-министра.

Король далъ обоимъ воспитателямъ подробную инструкцію, которой они должны были слѣдовать при воспитаніи принца. Первая статья инструкціи была слѣдующая:

«Внушать ему чистую вѣру въ Промыселъ и въ судъ будущей жизни, чтобъ благоговѣніе передъ Творцомъ и страхъ Божій сопровождали всѣ его помыслы и дѣла: это единственное средство удержать его въ предѣлахъ правды и человѣколюбія.»

Въ остальныхъ статьяхъ инструкціи король поручалъ развить въ принцѣ уваженіе къ королевской власти и довѣріе къ отцу; истреблять въ немъ духъ гордости и высокомѣрія, напоминая ему, что онъ вознесенъ на высочайшую степень въ государствѣ для того только, чтобъ нести тяжскую заботу о благѣ подданныхъ; вселять въ него отвращеніе къ лести и презрѣніе къ льстецамъ, показывая, что ѳиміамъ ихъ просто дымъ, возжигаемый своекорыстіемъ и низкими видами тщеславія. Онъ строго приказывалъ пріучать заранѣе принца къ смиренію, кротости и ласковости, къ бережливости, порядку и къ собственному обсуживанію каждаго дѣла. Что касается до умственнаго образованія, инструкція указываетъ только на необходимыя знанія въ практической жизни. По латынѣ обучать принца было совсѣмъ запрещено, за то особенное вниманіе было обращаемо на изученіе языковъ французскаго и нѣмецкаго, и на ясный, разборчивый почеркъ.

Въ преподаваніи исторіи приказано было обращать особенное вниманіе на событія въ царствующемъ домѣ и преимущественно на тѣ, которыя могли пояснить тогдашнее положеніе государствъ и отношенія ихъ къ Пруссіи. Надъ развитіемъ тѣлесныхъ силъ было велѣно наблюдать преимущественно, не изнуряя впрочемъ принца непосильными ему занятіями. «Въ особенности» — гласитъ инструкція — «вы должны стараться внушить принцу любовь къ военному дѣлу и убѣдить его въ мысли, что ничто на свѣтѣ не доставляетъ монархамъ болѣе чести и славы, какъ добрая шпага: въ ней надо искать прочной безопасности отчизны.»

Собственно наукамъ обучалъ принца французъ Дюганъ, который еще въ молодыхъ лѣтахъ убѣжалъ изъ Франціи и нашелъ пріютъ въ Бранденбургѣ. Король познакомился съ нимъ въ траншеяхъ, при осадѣ Стральзунда, въ 1715 го-

ду. Дюганъ имѣлъ большое вліяніе на умственное развитіе Фридриха, на логическое направленіе его идей: онъ руководствовалъ его при первомъ мышленіи, въ выборѣ первыхъ книгъ для чтенія. Ему Фридрихъ обязанъ знаніемъ всемірной исторіи и французской литературы. Нѣмецкая словесность была въ то время въ совершенномъ упадкѣ, тогда какъ французская достигала высшей степени развитія и славы. Въ образцовыхъ произведеніяхъ послѣдней, душа Фридриха почерпала обильную пищу, тѣмъ болѣе, что отъ первой своей воспитательницы онъ научился владѣть французскимъ языкомъ гораздо лучше, чѣмъ своимъ природнымъ. Фридрихъ уважалъ и любилъ Дюгана до самой его смерти.

Изученіе латинскаго языка было запрещено Фридриху королевской инструкціей, какъ мы выше видѣли. Но Фридрихъ впослѣдствіи самъ часто говорилъ, что въ дѣтствѣ имѣлъ учителя латинскаго языка, — съ позволенія-ли короля, или нѣтъ, — неизвѣстно.

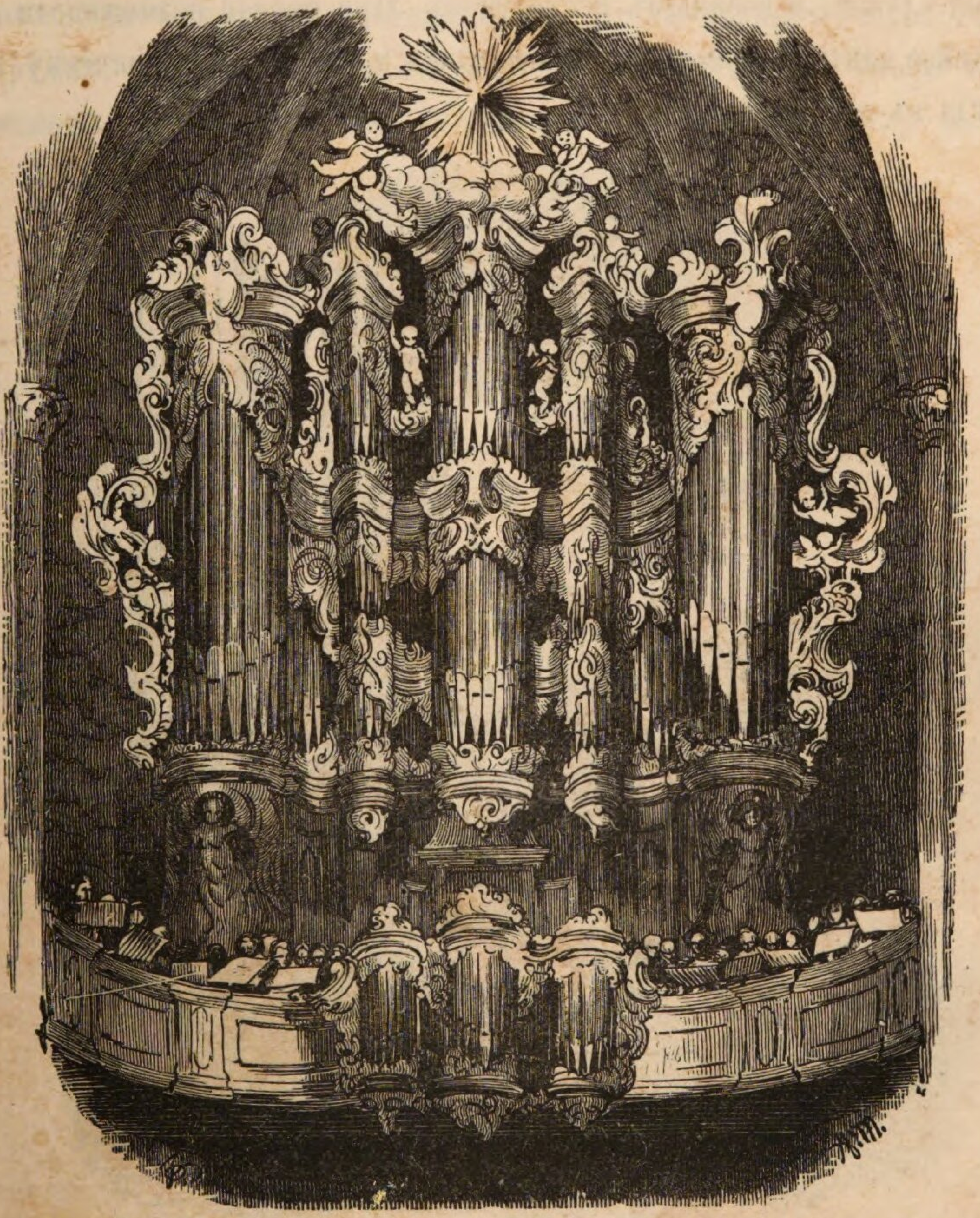

Разъ, говорилъ онъ, король вошелъ въ комнату въ самое то время, какъ учитель началъ переводить нѣкоторыя статьи изъ знаменитаго уложенія «Золотой буллы.»

«Что ты дѣлаешь?» спросилъ король.

— Перевожу красоты изъ Aurea bulla, ваше величество! — отвѣчалъ учитель.

«Aurea bulla?» — «вотъ моя булла,» вскричалъ раздраженный король, поднявъ свою камышевую трость, «если ты не хочешь испытать ея красотъ, то убирайся вонъ отсюда!» Менторъ, кажется, слишкомъ хорошо понялъ чувствительную сторону этого краснорѣчиваго изрѣченія и поторопился исполнить желаніе монарха. Тѣмъ латинское образованіе Фридриха и кончилось: далѣе переплета Золотой буллы онъ не дошелъ. Хотя король не жаловалъ вообще свѣтскаго и художественнаго образованія, однако онъ любилъ музыку, и притомъ музыку высокую, важную, глубоко приникнутую творческимъ вдохновеніемъ, словомъ музыку, которой представителемъ въ то время являлся Гендель, любимецъ короля.

Музыкальное образованіе сына не было имъ оставлено безъ вниманія. Соборный органистъ былъ назначенъ для преподаванія ему основныхъ правилъ фортепьяно и теоріи музыки. Но въ этомъ преподаваніи было слишкомъ много педантизма, и ученикъ тогда только началъ дѣлать успѣхи, когда музыкальное чув-

ство самобытно развилось въ его душѣ. Онъ выбралъ себѣ флейту и съ необыкновенной страстью упражнялся на этомъ инструментѣ.

Еще съ большимъ педантствомъ преподавались принцу догматы вѣры. Ихъ объясняли въ такой кудреватой, темной и мистической формѣ, что самыя высокія, святыя истины Евангелія не могли отогрѣть юной души. Къ тому-же самъ король дѣлалъ жестокую ошибку, заставляя сына, когда онъ провинялся, въ наказаніе выучивать псалмы и цѣлыя главы катехизиса. Могло ли пустить корни въ сердце то, что посѣвалось въ памяти насильственно, механически, съ угрозою и въ наказаніе?

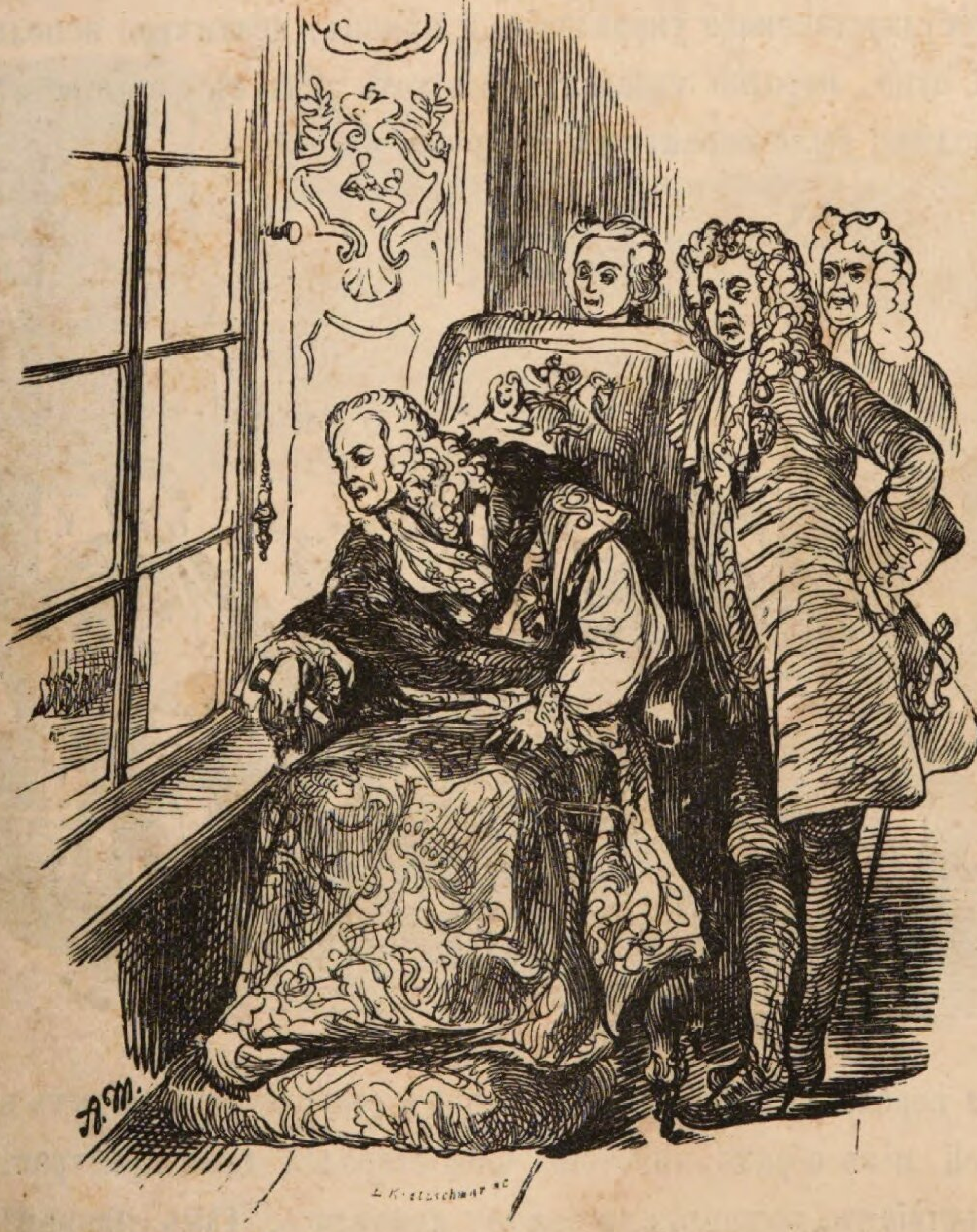
За то рано и дѣятельно старались ознакомить наслѣдника престола съ обязанностями службы и военнымъ искусствомъ. При первой возможности съ него сняли дѣтское платье, нарядили его въ мундиръ и приноровили прическу къ принятой тогда въ прусской арміи.

Прекрасные, бѣлокурые локоны вились до самыхъ плечь принца и онъ радовался свободѣ своей прически, среди двора, потѣющаго подъ тяжелыми париками, и войска съ насаленными косами. Разставаніе съ кудрями стоило ребенку слезъ, которыя робко проглядывали изъ-подъ рѣсницъ, въ присутствіи строгаго

отца, выжидавшаго исполненія своей воли. Придворный парикмахеръ былъ тронутъ горестію принца; онъ медлилъ, дѣлая разныя высокоторжественныя приготовленія къ стрижкѣ будущаго владыки Пруссіи, стараясь чрезъ то выиграть время. Король, между тѣмъ, отворилъ окно и вскорѣ развлекся разводомъ, который происходилъ на дворцовой площади. Тогда парикмахеръ искусно зачесалъ кудри принца назадъ и сплелъ ихъ проворно въ косу, подстригая только излишки волосъ на вискахъ. Хитрый цирюльникъ не ошибся въ разсчетѣ: Фридрихъ впослѣдствіи вспомнилъ его заслугу и наградилъ его щедрымъ пенсіономъ.

Для упражненія принца въ фрунтовыхъ пріемахъ и военныхъ эволюціяхъ, съ 1717 года была учреждена кадетская рота, которая впослѣдствіи увеличилась до баталіона. Семнадцати-лѣтній кадетъ, унтеръ-офицеръ Ренцель, обучалъ принца ружью. Добродушіе Ренцеля и любовь его къ музыкѣ вскорѣ связали его съ принцемъ тѣсною дружбою. Двѣнадцати лѣтъ Фридрихъ уже мастерски зналъ

службу и отлично командывалъ. Дѣдъ его по матери, король англійскій, посѣтивъ Берлинъ и, по болѣзни, не покидая комнаты, изъ окна любовался на военныя эволюціи, которыми хотѣлъ его порадовать внукъ.

Король велѣлъ устроить въ одной изъ залъ дворца небольшой арсеналъ; наполнилъ его пушками, ружьями, тесаками и другими оружіями, и принцъ, шутя, научался ихъ употребленію и легчайшему приложенію въ военное время. По четырнадцатому году, Фридрихъ былъ пожалованъ въ капитаны; въ пятнадцать— въ маіоры, въ семнадцать — въ полковники. Наравнѣ съ другими несъ онъ службу, исполняя всѣ обязанности по фрунту.

На большихъ парадахъ и смотрахъ, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, обыкновенно присутствовала вся королевская фамилія. Такимъ образомъ наслѣдный принцъ, еще прежде личнаго своего участія въ службѣ, былъ уже пріученъ къ военному дѣлу и глазами отца своего смотрѣлъ на важность назначенія прусскаго войска. Позднѣе король началъ брать его съ собою на смотры и маневры, дѣлаемые въ провинціяхъ, и знакомилъ съ отдѣльными отрядами войскъ, занимающихъ границы или содержащихъ отдаленные гарнизоны. Во время этихъ путешествій разсматривались и повѣрялись всѣ дѣла и по другимъ отраслямъ государственнаго управленія, и принцъ, незамѣтно исполняя тайныя цѣли своего отца, коротко узнавалъ весь ходъ дѣлъ въ государствѣ, котораго управленіе должно было перейти въ его руки.

Вообще королю хотѣлось, чтобы принцъ совершенно походилъ на него и въ образѣ мыслей, и въ образѣ дѣйствій. Онъ старался даже пристрастить его къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя ему самому нравились. Такъ, напримѣръ, король былъ страстный любитель охоты и посвящалъ ей почти всѣ свои досуги: принцъ всегда сопровождалъ его на охотѣ. По вечерамъ король обыкновенно собиралъ около себя кружокъ изъ тѣхъ людей, которыхъ удостоивалъ особенной своей до-

вѣренности. Въ этомъ обществѣ, (извѣстномъ подъ именемъ *табачной коллегіи*), по голландскому обычаю, курили табакъ и пили пиво. Съ совершенной свободой, чуждой всякаго придворнаго принужденія, рѣчь шла о всѣхъ возможныхъ предметахъ.

Въ общество это приглашались извѣстнѣйшіе ученые, для поясненія газетныхъ статей, а болѣе для того, чтобъ они изъ себя представляли нѣчто, въ родѣ придворныхъ шутовъ, или служили мѣтою для тяжеловѣснаго остроумія господъ генераловъ. Сюда обыкновенно приходили принцы, по вечерамъ, прощаться съ королемъ. Иногда король заставлялъ ихъ тутъ же упражняться въ разныхъ ружейныхъ пріемахъ, подъ команду кого нибудь изъ присутствующихъ офицеровъ. Впослѣдствіи кронпринцъ былъ принятъ въ дѣйствительные члены этого общества.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Семейныя несогласія.

Изъ предъидущаго видно подъ вліяніемъ какихъ людей и при какихъ обстоятельствахъ Фридрихъ достигъ юношескаго возраста. Онъ сформировался; наружность его приняла самое пріятное выраженіе. Онъ былъ довольно высокъ и строенъ: черты лица отличались римской правильностію. Въ глазахъ просвѣчивалась душа пылкая и предпріимчивая. Разговоръ его кипѣлъ остроуміемъ и ясно изобличалъ пламенное воображеніе. Но это воображеніе увлекало его со стези, начертанной строгимъ отцемъ: духъ его требовалъ дѣятельности и хотѣлъ самъ проложить себѣ новую дорогу. Слѣдствіемъ того былъ разрывъ тѣсныхъ узъ довѣрія между юношей и старцемъ, отцемъ и сыномъ, королемъ и подданнымъ.

Въ множествѣ важныхъ и мелочныхъ обстоятельствъ скоро обнаружилось совершенное различіе въ характерахъ отца и сына. Принцу прискучили безпрерывныя воинскія упражненія, ежедневные смотры и разводы, выправка солдатъ

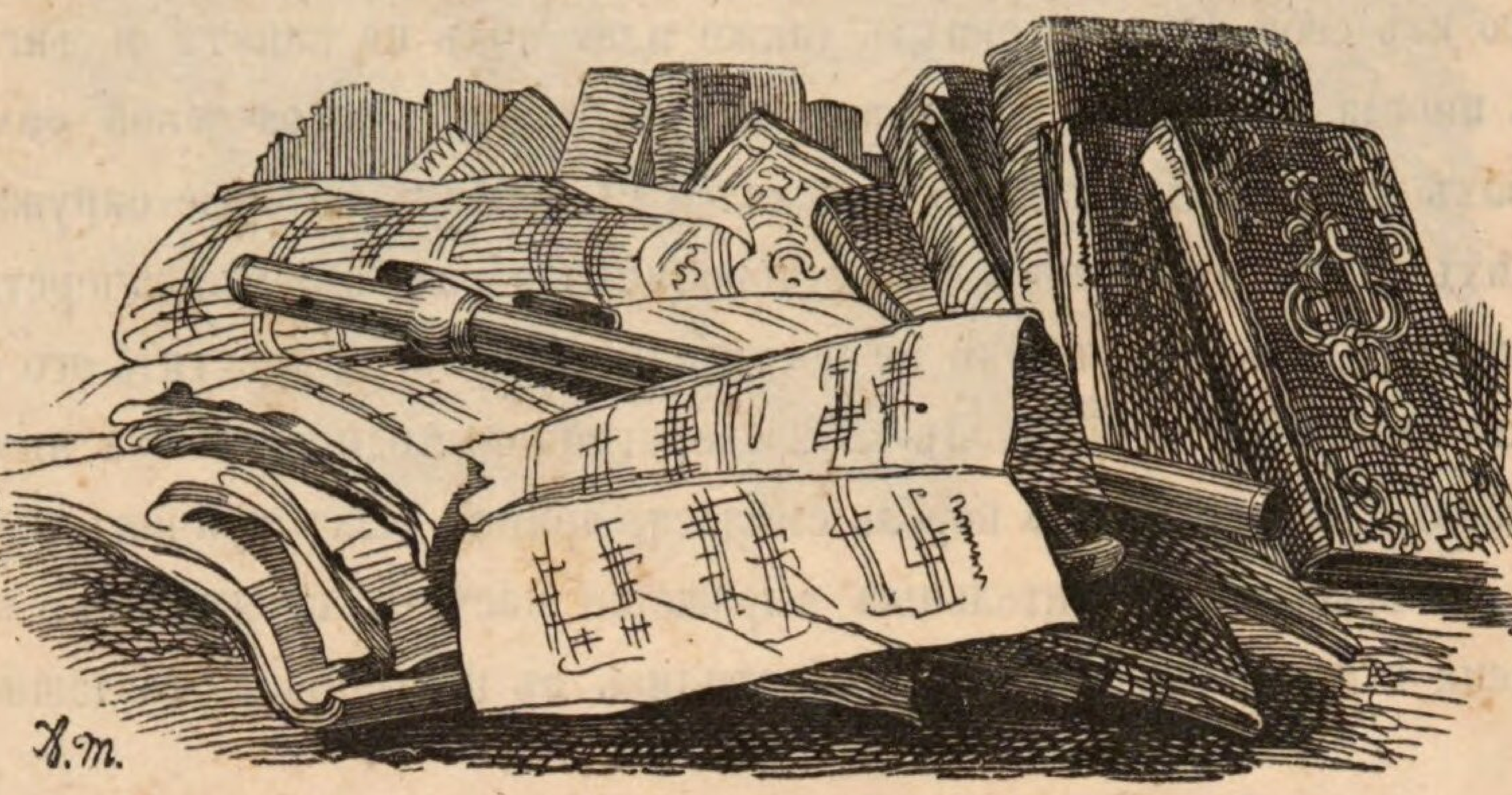
и безконечное пѣхотное ученье. Онъ не постигалъ пользы всѣхъ этихъ упражненій. Жестокое обхожденіе съ солдатами приводило его въ негодованіе. Грубая забава охотою—была ему противна, а уединеніе королевскаго охотничьяго замка Вустергаузена, гдѣ они проводили большую часть времени, нагоняло ему тоску. Онъ ненавидѣлъ табачный дымъ, а грубыя остроты табачной коллегіи выводили его изъ себя. Онъ нетерпѣлъ также плясуновъ на канатѣ и фигляровъ, которыхъ иногда призывали ко двору для развлеченія королевской фамиліи и придворныхъ дамъ. Онъ неохотно сближался съ людьми, которые окружали короля: съ ихъ суровымъ нравомъ и одностороннимъ образованіемъ, зачерствѣлымъ въ старыхъ предразсудкахъ, они не постигали и не могли простить его юношескихъ увлеченій. Онъ отыскивалъ себѣ сверстниковъ, одинакого съ нимъ возраста и образа мыслей. Когда король смѣялся, принцъ былъ мраченъ и нерѣдко съ языка его срывались язвительныя выраженія насчетъ предметовъ, которые отъ времени и привычки къ нимъ, обратились въ потребность тогдашняго общества.

Королю это не нравилось: онъ дѣлалъ сыну часто самые строгіе выговоры, не разбирая ни мѣста, ни времени.

Для развлеченія Фридрихъ любилъ играть въ шахъ–и–матъ, а король ненавидѣлъ эту игру; любимымъ инструментомъ Фридриха сдѣлалась флейта, король не могъ равнодушно слышать флейты, находя звуки ея чрезъ–чуръ нѣжными и сладенькими. Кормѣ того, Фридрихъ страстно любилъ французскую литературу, въ которой тогда возникли молодые геніи и силою своей мысли и таланта попирали всѣ старые предразсудки общества. Онъ занимался ихъ твореніями со всѣмъ пламенемъ юношескаго энтузіазма; а такого рода занятія, какъ мы уже прежде видѣли, совершенно противорѣчили образу мыслей короля. Притомъ узы мундира слишкомъ стѣсняли Фридриха: для сердца его не только грудь,—но и цѣлый міръ, въ то время, казались узкими. Онъ любилъ сбросить форму, нарядиться въ спокойный французскій кафтанъ, расплести свою косу и завить ее въ кудри. Когда король узнавалъ объ этомъ дѣтскомъ своеволіи, то приходилъ въ негодованіе.—«Нѣтъ!» говорилъ онъ,—«Фрицъ повѣса и поэтъ: въ немъ проку не будетъ! Онъ не любитъ солдатской жизни; онъ испортитъ все, надъ чѣмъ я такъ долго трудился!»

Король принималъ слишкомъ строгія мѣры и онѣ, отдаляя отъ него сыновнее сердце, привели къ результатамъ, весьма неутѣшительнымъ. Къ несчастію при дворѣ не было человѣка, который бы пользовался въ равной степени довѣріемъ короля и принца и сталъ примирительнымъ посредникомъ между ними. Всѣхъ лучше могла бы пособить горю королева; но, къ несчастію, все, что она предпринимала для возстановленія согласія въ семействѣ, еще болѣе разду-

вало пожаръ. Природная доброта ея въ этихъ случаяхъ обращалась въ материнскую слабость. Къ тому-же способствовалъ и планъ, придуманный ею еще во время младенчества дѣтей, и одобренный самимъ королемъ.

Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы еще болѣе скрѣпить дружбу между домомъ ея отца и домомъ Бранденбургскимъ, посредствомъ новыхъ родственныхъ связей. Она желала увидѣть на главѣ своей старшей дочери Вильгельмины англійскую корону, которую надѣялась ей доставить чрезъ бракосочетаніе съ сыномъ тогдашняго англійскаго наслѣднаго принца (ея брата); а Фридриха ей хотѣлось женить на его сестрѣ, своей племянницѣ. Рано начались совѣщанія по этому предмету и обѣ стороны были согласны. Оба двора вели окончательные переговоры о выполненіи этого плана, отъ котораго ожидали большихъ выгодъ. Въ надеждѣ на добрыя послѣдствія, прусскій король, въ 1725 году, вошелъ даже въ союзъ съ Англіею и Франціею, чтобъ сохранить политическое равновѣсіе, противъ союза, составленнаго Испаніею и Австріею; хотя внутренно былъ убѣжденъ, что благо Германіи зависѣло единственно отъ согласія государствъ Германскаго союза. Англійскій дворъ между тѣмъ откладывалъ рѣшительный отвѣтъ о бракосочетаніи въ долгій ящикъ; прусскій король терялъ терпѣніе; къ этому присоединились безпорядки, произведенные прусскими подданными на ганноверской границѣ; дипломатическія сношенія приняли характеръ скрытаго неудовольствія и король наконецъ рѣшительно не хотѣлъ болѣе и слышать объ этихъ брачныхъ союзахъ.

Между тѣмъ союзъ Пруссіи съ Англіею возбудилъ неудовольствіе и ревность въ Вѣнскомъ кабинетѣ. Австрія, стремившаяся къ преобладанію въ Германіи, съ досадой видѣла, что связь Пруссіи съ Англіею давала новому германскому королевству слишкомъ много самостоятельной силы, и потому было рѣше-

но, во что бы то ни стало, отклонить прусскаго короля отъ союза съ Англiею и, если можно, привлечь его на свою сторону.

Для этого былъ отправленъ въ Берлинъ австрiйскiй генералъ графъ Секендорфъ. Хитрый дипломатъ такъ ловко умѣлъ воспользоваться неудовольствiями прусскаго и англiйскаго кабинетовъ и съ такимъ искусствомъ склонилъ короля на свою сторону, что въ октябрѣ мѣсяцѣ, 1726 года, въ Вустергаузенѣ, былъ заключенъ между Пруссiей и Австрiей дружественный трактатъ, который, впрочемъ, не былъ обращенъ прямо противъ Англiи.

Главная статья этого трактата состояла въ слѣдующемъ: Фридрихъ-Вильгельмъ требовалъ, чтобъ императоръ австрiйскiй обезпечилъ ему наслѣдiе Юлиха и Берга; а самъ, въ свою очередь, обѣщалъ ему пособiе для защиты Прагматической санкцiи,которою престолъ упрочивался за женской линiей Австрiйскаго дома.

Императоръ Карлъ VI, по видимому, согласился на требованiя короля, но внутренно готовилъ планъ, какъ воспрепятствовать новому усиленiю прусской державы и вскорѣ потомъ составилъ тайный договоръ съ пфальцкимъ курфирстомъ, которымъ обѣщалъ упрочить наслѣдiе Юлиха и Берга за его домомъ. Разными дипломатическими увертками Австрiя умѣла очень искусно продлить заблужденiе прусскаго кабинета на нѣсколько лѣтъ. Хитрый Секендорфъ склонилъ даже любимца и совѣтника короля, генерала Грумбкова, въ пользу Австрiи. Грумбковъ употреблялъ всѣ усилiя, чтобы сохранить прiязненныя отношенiя Фридриха-Вельгельма къ Карлу VI, и за усердiе свое получалъ отъ послѣдняго довольно значительную пенсiю.

Такимъ образомъ прусскій дворъ раздѣлился на двѣ партіи, на австрійскую и англійскую, которыя употребляли всѣ средства, чтобъ достигнуть своихъ цѣлей.

Королева принадлежала къ послѣдней. Она никакъ не хотѣла оставить своего любимаго плана и пользовалась каждымъ случаемъ, чтобъ склонить короля въ пользу Англіи. Но постоянныя ея усилія наконецъ до того раздражили короля, что семейное спокойствіе въ его домѣ рушилось совершенно. Между вѣнценосными супругами вкралось обоюдное недовѣріе, его разжигали еще болѣе услужливые переносчики и клеветники, за которыми, въ такихъ случаяхъ, никогда дѣла не станетъ.

Болѣе всего терпѣли отъ этихъ обстоятельствъ старшія дѣти короля, потому что королева умѣла склонить ихъ на свою сторону. Довѣріе короля къ сыну замѣнилось постояннымъ гнѣвомъ; любовь Фридриха къ отцу—постояннымъ страхомъ.

Часто гнѣвъ короля доходилъ до высочайшаго раздраженія и это имѣло слѣдствіемъ, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, припадки тоски и меланхоліи.

Такой припадокъ сильной иппохондріи овладѣлъ королемъ зимою 1727 года. Религіозное направленіе его характера обратилось тутъ въ педантическую

набожность, которою онъ началъ мучить все свое семейство. Онъ выписалъ изъ Галле знаменитаго богослова, профессора Франке, который славился своими христіянскими добродѣтелями, а между тѣмъ совсѣмъ не христіянски мстилъ просвѣщенному своему противнику, философу Вольфу. Франке ораторствовалъ за столомъ короля, за которымъ только и говорили о библейскихъ предметахъ. Всѣ удовольствія и преимущественно музыка и охота, были преданы проклятію, какъ грѣховныя побужденія плоти. Король прочитывалъ своему семейству каждый день, послѣ обѣда, по длинной проповѣди, сочиненія Франке. Подъ конецъ выбиралъ онъ обыкновенно какой нибудь псаломъ; каммердинеръ его, хриплый старикъ, бывшій прежде церковнымъ кистеромъ, дѣлался запѣвалою, и всѣ присутствующіе должны были подтягивать ему хоромъ.

Такого рода занятія совсѣмъ не соотвѣтствовали дѣятельному и пылкому характеру Фридриха и старшей его сестры. Важный видъ присутствующихъ, притворная набожность молодыхъ придворныхъ дамъ и, въ особенности, жалкое лицо каммердинера, который всѣми силами старался придать своему дребезжащему голосу пріятность и звучность, возбуждали въ нихъ совсѣмъ не тѣ чувства, какія желалъ произвесть король. Это выводило старика изъ себя, и онъ не зналъ предѣловъ въ своей запальчивости.

Гиппохондрія короля возрастала съ каждымъ днемъ: набожныя его занятія давали ей пищу. Наконецъ онъ даже рѣшился отказаться отъ престола въ пользу наслѣднаго принца, а самъ съ женою и дочерьми удалиться въ Вустергаузенъ, чтобъ тамъ заняться землedѣліемъ и молитвою. Какъ новый Агрикола, онъ начерталъ уже планъ своимъ занятіямъ. Самъ онъ хотѣлъ обработывать небольшое поле,чтобы *въ потѣ лица снести хлѣбъ свой*; королевѣ назначались заботы домашнія и кухня; старшая дочь должна была заняться тканьемъ полотна, а младшая присматривать за посѣвомъ и уборкою хлѣба и за огородами.

Всѣ возможныя средства были употреблены, чтобъ отклонить короля отъ этой странной мысли, но представленія, просьбы и убѣжденія—оставались тщетными.

Наконецъ австрійской партіи, которая болѣе всѣхъ страшилась перемѣны въ правленіи, удалось склонить короля къ небольшому разсѣянію. Его уговорили посѣтить сосѣдственный Дрезденскій дворъ, въ роскошныхъ праздникахъ котораго надѣялись найти самыя вѣрныя средства противъ его болѣзни. Ему представили, какъ необходимость, склонить въ пользу Австріи короля польскаго и курфирста саксонскаго Августа II. Король убѣдился въ этомъ и, почти противъ воли, далъ слово предпринять путешествіе въ Саксонію.

Вскорѣ послѣдовало приглашеніе короля Августа II и въ половинѣ января 1728 года Фридрихъ-Вильгельмъ отправился въ Дрезденъ.

Принцъ Фридрихъ послѣдовалъ за отцемъ своимъ.

Въ Дрезденѣ для молодаго принца открылся новый міръ. Здѣсь не было и слѣда воинской строгости, уединенной жизни, домашняго ограниченія, безпрерывныхъ занятій и раболѣпства, отъ которыхъ пылкая душа его такъ страдала въ Берлинѣ. Придворная жизнь развивалась здѣсь передъ нимъ каждый день новой гирляндой удовольствій и праздниковъ; пиръ тѣснился къ пиру, и самая утонченная изобрѣтательность умѣла удалить отъ мысли всѣ мірскія заботы и скуку однообразія. Всѣ искусства приносили здѣсь обильныя дани наслажденію; каждое наслажденіе возвышалось до восторга.

Король Августъ, человѣкъ съ высокимъ образованіемъ, рыцарскою доблестію и необыкновенно сильною организаціею, окружилъ себя всѣми удовольствіями жизни и извѣдалъ каждое изъ нихъ до глубины.

Онъ прилагалъ всѣ мѣры, чтобъ нѣсколько недѣль пребыванія прусской фамиліи въ Дрезденѣ, показались гостямъ его мимолетнымъ очаровательнымъ сномъ.

Дворъ Августа былъ настоящій султанскій сераль. Ему было уже 58 лѣтъ. Въ продолженіе всей его жизни одна фаворитка смѣнялась другою. Это былъ тотъ-же Людовикъ XIV, только въ миніатюрѣ. Дѣтямъ его не было числа. Между сыновьями его отличался графъ Морицъ Саксонскій, который впослѣдствіи такъ прославился, предводительствуя французскими войсками. Съ нимъ Фридрихъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ перваго дня ихъ знакомства, и дружба эта не остыла до самой смерти графа. Между дочерьми Августа блистала умомъ и красотою Анна, графиня Орзельская; къ ней король питалъ особенную любовь и довѣріе. Она нѣсколькими годами была старше Фридриха. Прекрасный ростъ, большіе пламенные глаза, благородство и любезность, свойственныя всѣмъ полькамъ, придавали ей неизъяснимую прелесть. Стоило разъ съ нею встрѣтиться, и всякій мужчина съ душою дѣлался ея покорнымъ рабомъ и поклонникомъ.

Фридрихъ вскорѣ почувствовалъ къ ней непреодолимое влеченіе, которое съ каждымъ днемъ созрѣвало до первой, пламенной, юношеской страсти. Гра-

фiня, казалось, раздѣляла его чувства. Взоръ ея часто съ нѣгою покоился на его восторженномъ лицѣ, и эти взоры подливали масло къ пламени его сердца.

Въ блистательныхъ маскарадахъ, гдѣ въ то время господствовали преимущественно аркадскiе нравы, Фридрихъ съ жаромъ преслѣдовалъ свою пастушку и не спалъ цѣлыя ночи за стихами, когда ему удавалось сорвать поцѣлуй съ бѣленькой ручки кокетки.

Между тѣмъ король Фридрихъ-Вильгельмъ видимо исцѣлялся отъ своей гиппохондрiи. Веселые обѣды, за которыми искрились умъ и старое токайское вино, разсѣяли его хандру. Между обоими королями завязывалась, по видимому, тѣсная дружба, хотя патрiархальный нравъ прусскаго короля ярко оттѣнялся отъ сластолюбиваго характера Августа. Одно, чего Августъ никогда не могъ постигнуть, было постоянство въ любви и привязанности къ женщинѣ. Любопытство подстрекало его испытать, до какой степени это чувство развито въ его царственномъ братѣ.

Однажды, послѣ роскошнаго обѣда, послѣ многихъ и полныхъ тостовъ, оба короля, въ доминахъ, отправились въ маскарадъ. Августъ, не прерывая разговора, водилъ прусскаго короля изъ одной комнаты въ другую. Принцъ Фридрихъ съ другими придворными слѣдовали за ними. Наконецъ пришли они въ богато-убранный покой: все въ немъ дышало вкусомъ и нѣгою. Вдругъ въ одной изъ стѣнъ раздвинулся занавѣсъ и глазамъ ихъ представилась самая изумительная картина. На атласной кушеткѣ покоилась молодая дама, въ маскѣ. Одежда ея была въ небрежномъ безпорядкѣ; грудь сильно волновалась и приподымала густыя струи темнорусыхъ локоновъ. Сквозь прозрачныя ткани одежды, при яркомъ свѣтѣ люстръ, рисовались самыя роскошныя формы. Августъ, повидимому, изумленный, тотчасъ подошелъ къ ней, съ обычной своей ловкостiю и любезностiю, и попросилъ снять маску, увѣряя, что онъ вполнѣ убѣжденъ, что подъ нею скрывается самое очаровательное лицо. Дама медлила. Тогда Августъ прибавилъ, что онъ надѣется, что прекрасная дама вѣрно не откажетъ въ такой легкой благосклонности двумъ королямъ. Эти слова были тоже, что приказъ, и дама открыла лицо — милое, выразительное до послѣдней степени. Августъ былъ обвороженъ. Онъ изъявлялъ въ самыхъ отборныхъ фразахъ свое удивленiе, какъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ случая узнать, что въ его королевствѣ таится такая прелесть.

Фридрихъ-Вильгельмъ, между тѣмъ, замѣтилъ, что сынъ его былъ свидѣтелемъ этой сцены; онъ тотчасъ заслонилъ лицо принца шляпою и приказалъ ему немедленно выдти. Потомъ онъ обратился къ польскому королю и довольно холодно сказалъ ему: «Да, она недурна», и въ ту же минуту съ своей свитой уѣхалъ изъ маскарада. Дома онъ жаловался своему любимцу на странное поведенiе польскаго короля, и придворнымъ стоило большаго труда примирить его опять съ Августомъ.

Между тѣмъ прелести незнакомки произвели свое дѣйствіе на сердце молодаго Фридриха. Можетъ быть, Августъ, устроивая эту комедію, и разсчитывалъ на такой успѣхъ, ибо сближеніе Фридриха съ графиней Орзельской было ему не по душѣ. Онъ позаботился о томъ, чтобъ очаровательная незнакомка, извѣстная подъ именемъ Формеры, не разъ встрѣтилась съ принцемъ и при встрѣчѣ была не слишкомъ строгою къ его исканіямъ. Хитрость польскаго короля вполнѣ удалась: Орзельская была забыта, Формера сдѣлалась божествомъ Фридриха, впрочемъ не надолго.

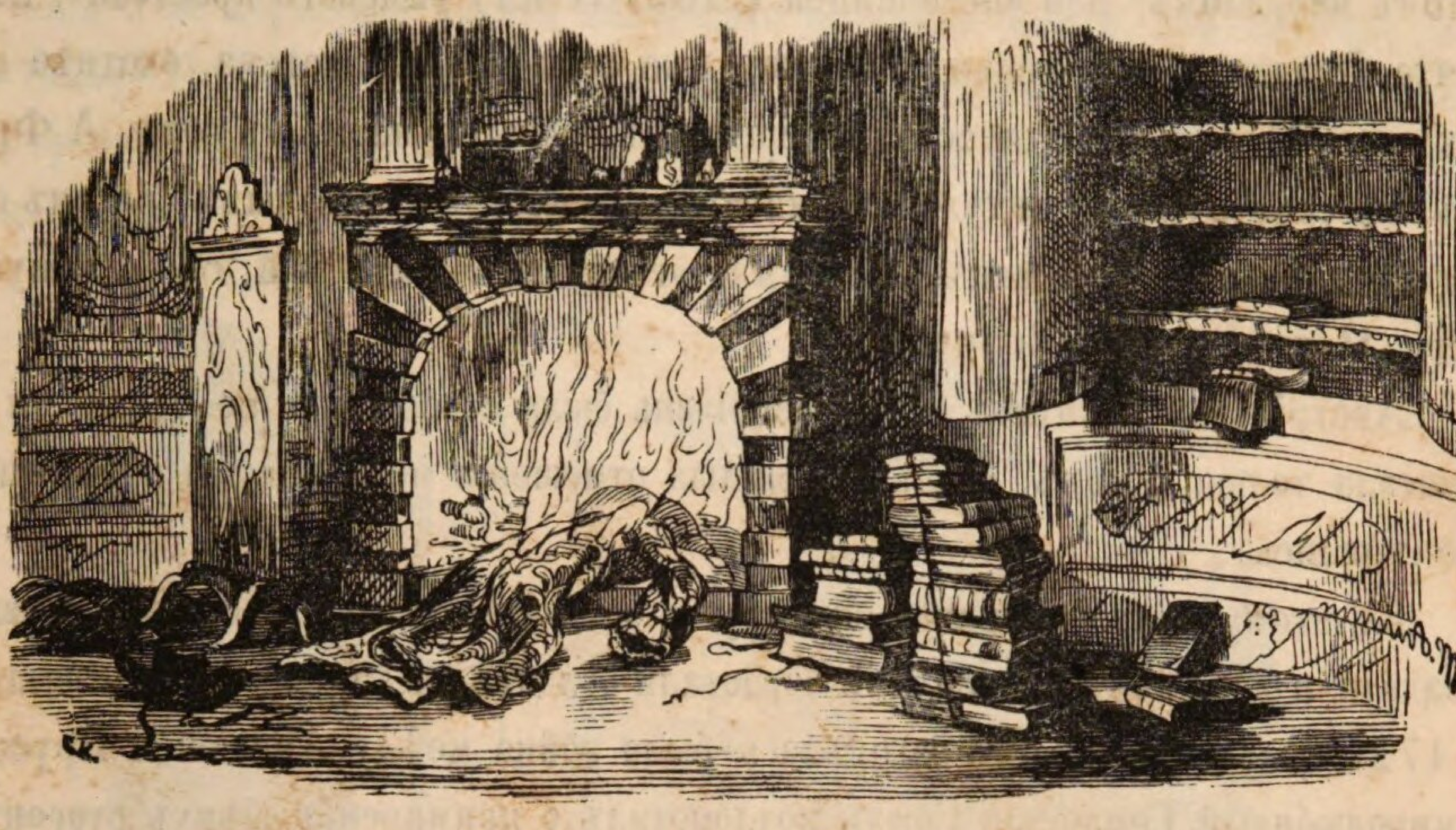
Пробывъ мѣсяцъ въ Дрезденѣ, король Фридрихъ-Вильгельмъ взялъ слово съ Августа, что и онъ посѣтитъ прусскій дворъ, и отправился обратно въ Берлинъ. Здѣсь началась прежняя однообразная жизнь для Фридриха. Принцъ впалъ въ меланхолію; онъ мало ѣлъ, худѣлъ видимо, и врачи начинали замѣчать въ немъ даже нѣкоторые признаки чахотки. Король сѣтовалъ; онъ подозрѣвалъ, что слишкомъ свободная жизнь въ Дрезденѣ была причиною болѣзни принца. Врачи совѣтовали королю, какъ можно скорѣе женить принца; но онъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ и полагалъ, что строгій надзоръ всего лучше поможетъ его сыну противъ слишкомъ пылкихъ увлеченій молодости.

Въ это время кронпринцъ занялся поэзіею, и первыя его пѣсни были посвящены прелестямъ графини Орзельской. Въ маѣ того-же года Августъ II прибылъ въ Берлинъ. Въ свитѣ его находилась и графиня. При свиданіи съ нею

нею болѣзнь Фридриха какъ рукой сняло: онъ ожилъ. Тайная любовь и нѣжныя свиданія возобновили его силы и снова зарумянили блѣдныя щеки.

Посѣщеніе Августа произвело большія перемѣны при Прусскомъ дворѣ. Король не хотѣлъ отстать отъ роскоши и торжествъ дрезденскихъ. Августъ гостилъ въ Берлинѣ нѣсколько недѣль,—и праздники, по этому случаю, изумляли даже самыхъ близкихъ приверженцевъ короля.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Размолвка.

Чѣмъ болѣе развивалось въ Фридрихѣ чувство самосознанія, тѣмъ болѣе требованія отца противорѣчили влеченію его сердца. Это подавало поводъ къ частымъ неудовольствіямъ.

Теперь Фридриху женитьба на англійской принцессѣ казалась спасительнымъ средствомъ: чрезъ нея ему улыбалась свобода. Онъ охотно присоединился къ партіи матери, чтобъ помочь ей выполнить любимый ея планъ. Онъ даже самъ писалъ въ Англію объ этомъ обстоятельствѣ. Но отношенія Англіи къ Пруссіи значительно измѣнились. Король Георгъ I умеръ, въ 1727 году; ему наслѣдовалъ сынъ его, Георгъ II, братъ прусской королевы. Между нимъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ изстари велась личная непріязнь. Она началась еще въ дѣтствѣ, когда они вмѣстѣ воспитывались. Оба давали другъ другу насмѣшливыя названія. Георгъ называлъ прусскаго короля «любезнымъ своимъ

братомъ капраломъ» или «песочницей (Sandstreuer) римскаго престола», потому что Фридрихъ-Вильгельмъ, не смотря на свои сильныя войска, охотнѣе воевалъ перомъ на дипломатическомъ пергаминѣ, чѣмъ оружіемъ въ полѣ. А Фридрихъ, въ свою очередь, титуловалъ англійскаго короля «любезнымъ братомъ своимъ комедіантомъ» или менѣе остроумно «господинъ братъ мой, синяя капуста» (Mein Herr Bruder Braunkohl).

Австрійской политикѣ такая непріязнь была совершенно по-сердцу, и она хлопотала только о томъ, чтобъ эти милыя отношенія между двумя королями не перемѣнялись.

Къ этому присоединились еще другія обстоятельства. Прусскіе вербовщики заходили слишкомъ далеко: они вербовали солдатъ въ ганноверскихъ земляхъ. Въ 1729 году изъ-за этого загорѣлась-было война между Англіей и Пруссіей, но миролюбивый Геманскій Союзъ похлопоталъ о примиреніи обѣихъ сторонъ.

Все это до того раздражило прусскаго короля, что онъ приходилъ въ конечное негодованіе, когда ему только напоминали о двойственномъ брачномъ союзѣ его дѣтей съ фамиліей Георга. Частые припадки подагры усиливали его раздражительность, и жертвою ея всегда были—бѣдный Фридрихъ и его сестра.

Молодые люди искали себѣ утѣшенія въ произведеніяхъ французской литературы. Они вмѣстѣ читали «Комическій Романъ» Скаррона и передѣлали на нѣмецкій языкъ его сатирическія выходки, съ примѣненіями и намеками на австрійскую партію прусскаго двора. Ѣдкая насмѣшка осталась не безъ послѣдствій: осмѣянные еще болѣе вооружали короля противъ сына и дочери.

Лѣтомъ, въ 1729 году, королевская фамилія жила въ Вустергаузенѣ. Здѣсь наушники успѣли довести гнѣвъ короля до того, что онъ дѣтей своихъ совершенно отдалилъ отъ двора и позволялъ имъ только являться къ столу, запрещая притомъ видѣться съ матерью. Только тайкомъ, послѣ обѣда, когда король обыкновенно уходилъ гулять, королева рѣшалась бесѣдовать съ принцемъ и принцессою. Приэтомъ всегда разставляли караульныхъ, которые должны были извѣщать о возвращеніи его величества.

Разъ караульные его прозѣвали; вдругъ въ корридорѣ, ведущемъ въ опочивальню королевы, раздались шаги Фридриха-Вильгельма. Изъ комнаты не было другаго выхода и спастись было трудно. Принцъ Фидрихъ проворно отворилъ шкафъ и скрылся въ гардеробѣ своей матери, а принцесса должна была спрятаться подъ кровать. Королева собственной рукой должна была запереть сына въ шкафѣ, гдѣ онъ могъ легко задохнуться. Король вошелъ и сѣлъ въ широкія кресла, у самой двери. Прогулка его утомила, и онъ скоро заснулъ. Можно себѣ представить пытку, которую вытерпливали: мать, которая не смѣла пошевельнуться, боясь разбудить грознаго своего властелина, и дѣти, задыхавшіеся въ

заключеніи и не дерзавшіе подать малѣйшаго признака жизни, изъ опасенія открыть тайну! По прошествіи двухъ часовъ, король ушелъ, и тутъ только отчаянная, трепещущая королева могла увѣриться, что эта игра въ гулючки не была гибельна для ея сердца.

Подобныя сцены случались довольно часто. Наслѣдный принцъ невольно дѣлался нарушителемъ отцовскихъ приказаній. Во время пребыванія своего въ Дрезденѣ, онъ познакомился съ превосходнымъ флейтистомъ Кванцомъ. Съ тѣхъ поръ онъ возымѣлъ самое пламенное желаніе брать у него уроки на любимомъ своемъ инструментѣ. Королева, желая сдѣлать пріятное сыну, старалась переманить Кванца въ прусскую службу. Но Августъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться и, снисходя на усильныя просьбы королевы, дозволилъ артисту только два раза въ годъ ѣздить въ Берлинъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, и обучать принца. Само собою разумѣется, король не зналъ ни о присутствіи Кванца въ Берлинѣ, ни объ урокахъ, которые бралъ у него наслѣдникъ.

Разъ, поздно вечеромъ, Фридрихъ спокойно сидѣлъ въ своей комнатѣ съ

Кванцомъ. Вмѣсто узкаго мундира, онъ надѣлъ спокойный парчевой халатъ; взбитая прическа была расчесана и волосы спокойно связаны въ пучекъ. Вдругъ въ комнату вбѣгаетъ другъ Фридриха, поручикъ Катте, съ крикомъ: *король!*

Еслибъ бомба упала въ комнату, она не испугала-бы такъ учителя и ученика. Опасность была близка, гроза неминуема. И пестрый халатъ принца, и красный кафтанъ учителя въ эту минуту сдѣлались громовыми отводами, которые притягиваютъ молнію: король не терпѣлъ ни того, ни другаго. Катте быстро схватилъ ящикъ съ инструментами и потащилъ за собой полумертваго учителя музыки въ боковую каморку, которая служила для топки печей, и притаился съ нимъ за дровами. Фридрихъ только успѣлъ надѣть мундиръ и спрятать халатъ. Король быстро отворилъ дверь и подозрительно остановился передъ блѣднымъ принцемъ. Что дѣло не совсѣмъ чисто, онъ узналъ тотчасъ-же по косѣ сына, которая не подходила подъ узаконенную форму. Подозрѣніе заставило его обшарить всю комнату. Вскорѣ онъ открылъ за обоями потайныя двери, за ними полки съ книгами, французскими кафтанами, нотами и халатами. Въ одинъ мигъ

все полетѣло въ каминъ. Когда жертва всесожженія была совершена, король вышелъ, давъ порядочную нотацію сыну. Кванцъ, едва не обезумѣвшій отъ страха, остался не открытымъ. Но съ тѣхъ поръ онъ не являлся болѣе къ принцу и не носилъ краснаго кафтана въ Пруссіи.

Вотъ еще случай въ томъ же родѣ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1729 года, въ одиннадцать часовъ вечера, донъ Луи де-Казагранде, посланникъ его католическаго величества и кавалеръ Калатравы, вышелъ изъ кабинета короля Фридриха-Вильгельма. Онъ присѣлъ на одно изъ креселъ аванзалы, чтобы отдохнуть послѣ продолжительной аудіенціи. Болѣе пяти часовъ сряду былъ онъ принужденъ оставаться въ кабинетѣ короля, и во все это время предметомъ ихъ разговора былъ только испанскій военный уставъ.

Кріадо его превосходительства приготовлялся уже накинуть на плеча своего сеніора богатую шубу, какъ дверь кабинета вдругъ отворилась и самъ король явился на порогѣ.

— Господинъ кавалеръ! сказалъ его величество: если король испанскій можетъ располагать нѣкоторымъ числомъ рослыхъ и статныхъ молодцовъ, то попросите его, чтобъ онъ прислалъ ихъ ко мнѣ. Я разумѣю урожденцевъ Галиціи, потому что въ этой странѣ добываете вы лучшихъ своихъ солдатъ. Мнѣ будетъ нужно для третьей роты нѣсколько человѣкъ въ семь футовъ; я рѣшительно не хочу, чтобъ въ ней былъ хоть одинъ солдатъ ниже шести футовъ съ половиной. И такъ, господинъ кавалеръ, не забудьте моего порученія. Желаю вамъ доброй ночи.

И прежде, чѣмъ посланникъ успѣлъ выпутаться изъ комплимента, которымъ хотѣлъ прикрасить отвѣтъ свой, дверь кабинета затворилась.

Вдругъ огромный гайдукъ, запыхавшись, вбѣжалъ въ залу, и съ какою-то особенною таинственностію пошептавшись съ дежурнымъ каммергеромъ, тихо отворилъ дверь кабинета.

— Что̀ тебѣ надо такъ поздно? спросилъ король гайдука, который остановился почтительно въ дверяхъ, видя, что его величество снялъ свой старый шлафрокъ и готовился уже лечь въ постелю.

— Ваше величество, честь имѣю доложить, что его королевское высочество, молодой принцъ, вышелъ изъ дворца по крыльцу № 4.

— Куда же пошелъ этотъ повѣса?

— Его высочество изволилъ перебѣжать черезъ площадь и войдти въ домъ подъ № 9, на Шлосфрейгейтѣ.

— А! а! такъ мнѣ придется самому поймать его на дѣлѣ. Прикажи позвать ко мнѣ графа Финкенштейна. Былъ ли кто съ принцемъ?

— Поручикъ фонъ-Катте, ваше величество.

— Надобно добраться и до этого молодца!

Гайдукъ повернулся налѣво-кругомъ и вышелъ изъ кабинета.

Не давъ графу Финкенштейну времени узнать отъ каммергера, зачѣмъ его потребовали такъ поздно, гайдукъ ввелъ его къ королю.

— Славный вы гувернеръ! закричалъ король. Гдѣ мой наслѣдникъ?

Гувернеръ остолбенѣлъ и вытаращилъ глаза.

— Мнѣ донесли, продолжалъ король, что нынче ночью онъ вышелъ изъ дворца и отправился въ какой-то домъ на Шлосфрейгейтѣ. Слѣдуйте за мною— и поучитесь у меня, какъ надо управляться съ молодыми людьми.

Графъ Финкенштейнъ былъ такъ смущенъ, что поклонился, не сказавъ ни слова, и пошелъ за королемъ, который, прицѣпивъ шпагу, надѣлъ шляпу, обвернулъ около руки снурокъ своей толстой трости, и поспѣшно перешелъ оба дворцовые двора. Когда его величество явился на первомъ дворѣ, часовой закричалъ: «вонъ!» и солдаты, выбѣжавъ изъ караульни, съ необыкновенною быстротою построились во фрунтъ. Все это было сдѣлано съ удивительною точностью и безъ малѣйшей суматохи. Король съ видимымъ удовольствіемъ глядѣлъ на воинственный видъ своихъ Вустергаузеровъ: это названіе онъ далъ первой ротѣ Бракемостскаго полка.

— Я бы очень желалъ, сказалъ онъ, обратясь къ графу Финкенштейну, чтобъ англійскій генералъ Сеймуръ увидѣлъ, какъ мои Вустергаузеры мечутъ артикулъ.

Обрадованный случаемъ заставить короля забыть досаду, графъ спросилъ его, почему желалъ онъ, чтобъ именно генералъ Сеймуръ насладился этой прекрасною картиной.

— Потому, что этотъ эскадронный командиръ сказалъ однажды *моимъ* при Мальплакетѣ: *Пруссія никогда не будетъ въ состояніи выставить хорошо образованную армію*. Но, кажется, я доказалъ англичанину противное.

— Но какъ осмѣлился онъ сказать эти обидныя слова въ присутствіи вашего величества!

— О! какъ бы желалъ я дать этому негру такой отвѣтъ, которымъ бы онъ подавился! Но я тогда былъ еще крон-принцемъ, мы были въ палаткѣ главнокомандующаго, и только одна холстинная занавѣска отдѣляла насъ отъ военнаго совѣта. Этому уже девятнадцать лѣтъ, кровь закипѣла у меня тогда въ сердцѣ, я далъ себѣ честное слово изобличить когда-нибудь во лжи надутаго англичанина. Видишь, я умѣю держать королевское слово.

— Ваше величество дѣлаете чудеса, которымъ вся Европа удивляется.

— О! отвѣчалъ король, принявъ эту лесть за чистую монету: я желалъ бы, чтобъ негодяй сынъ мой имѣлъ въ сердцѣ половину тѣхъ чувствъ, которыми ки-

пѣла моя душа, когда я былъ еще наслѣдникомъ. Но онъ играетъ на флейтѣ и болтаетъ по-французски, — а это самый бѣдный и самый безбожный языкъ.... Капитанъ Шёпенъ, скомандуйте караулу: *вольно*, а не то у бѣдняковъ опухнутъ руки отъ тяжелыхъ мушкетовъ.

Король приложилъ руку къ шляпѣ, проходя мимо караула, и по крыльцу № 4 прошелъ на площадь Шлосфрейгейтъ, гдѣ гайдукъ уже ожидалъ его у дверей дома подъ № 9.

Увидя какого-то прохожаго, остановившагося посмотрѣть на гайдука и мундиръ его, обшитый золотымъ позументомъ, король спросилъ сурово:

— Ты что здѣсь дѣлаешь? гдѣ ты живешь? зачѣмъ бродишь по улицѣ? кто ты такой?

Незнакомецъ, испуганный этимъ тономъ, снявъ шляпу отвѣчалъ: — Я стекольщикъ Леонардъ, изъ Братской улицы.

— Ты лѣнивецъ, бродяга, негодяй! зачѣмъ не сидишь дома за работой?

— Ваше величество, у меня нѣтъ работы; проведя цѣлый день въ лишеніяхъ и заботахъ, я вышелъ подышать воздухомъ, потому что днемъ мнѣ нельзя показаться на улицу — у меня нѣтъ другаго платья, кромѣ этого плаща.

— Славное оправданіе!... Такъ ты бы искалъ работы, а не сидѣлъ, сложа руки... Я терпѣть не могу праздности.

И сказавъ это, король началъ тростью своею бить стекла въ рамахъ перваго этажа того дома, въ который, по доносу гайдука, вошелъ наслѣдный принцъ. Перебивъ все, что только можно было разбить, король показалъ стекольщику на обломки стеколъ.

— Вотъ тебѣ работа, сказалъ онъ съ язвительнымъ смѣхомъ: трудись теперь и смотри, чтобъ я не встрѣтилъ тебя опять на улицѣ безъ дѣла, не то будетъ худо!

По знаку короля гайдукъ позвонилъ и отошелъ къ сторонѣ, чтобъ пропустить его величество. Слуга отворилъ дверь, и, увидя шляпы, обшитыя галуномъ, сталъ въ тупикъ отъ страха.

— Кто живетъ въ этомъ домѣ?

— Книгопродавецъ Шпенеръ, господинъ генералъ, отвѣчалъ слуга.

— Здѣсь нѣтъ генерала; я король прусскій, маркграфъ бранденбургскій, курфирстъ священной имперіи и оберъ-каммергеръ его цесарскаго величества. Куда надо идти, чтобъ найти наслѣднаго принца? Я знаю, что онъ здѣсь, и потому прошу не лгать...

Трепещущій слуга повелъ посѣтителей по лѣстницѣ къ комнатѣ, въ которой былъ слышенъ очень жаркій разговоръ.

— Право, *Mercure de France* прекрасный журналъ! Какія убѣдительныя истины! какое остроуміе! какая вѣрность и благородство въ сужденіяхъ!

— Да, ваше высочество; только надо замѣтить, что и средства этого журнала велики; у него множество сотрудниковъ во всѣхъ странахъ Европы.

— Какъ бы я хотѣлъ завести у насъ такой журналъ! Неужели это невозможно, Шпенеръ?

— Ахъ, принцъ! во-первыхъ, надо имѣть позволеніе, а вѣдь нынче, какъ вамъ извѣстно....

— Да, это правда: король, родитель мой, такъ.... строгъ....

— Да, я строгъ, и имѣю причину быть такимъ, воскликнулъ король, входя въ комнату и прерывая разговоръ. Прошу сказать мнѣ, что вы здѣсь изволите дѣлать?

Принцъ Фридрихъ не отвѣчалъ ни слова. Одинъ только взглядъ на комнату могъ бы уже сказать королю, что привело сына его въ этотъ домъ. Нѣсколько шкафовъ были наполнены французскими книгами; на столѣ лежали послѣднія нумера журнала «*Mercure de France*,» а на пулпитрѣ былъ раскрытъ первый томъ «Историческаго Лексикона» Моррера. При входѣ короля принцъ сидѣлъ на диванѣ, подлѣ самаго камина, держа въ рукахъ свою флейту, а молодой Катте готовился читать ему «Альманахъ Грацій.»

Книгопродавецъ Шпенеръ занимался приведеніемъ въ порядокъ тетради эстамповъ, изображавшихъ французскую гвардію и красныя роты, которыхъ мундиры принцъ только-что предъ тѣмъ сравнивалъ съ мундирами прусскихъ войскъ.

Появленіе короля поразило всѣхъ, какъ громомъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, спрашиваю я тебя въ послѣдній разъ? сказалъ онъ грозно своему сыну.

— Государь, я изучаю военное искусство; сравниваю прусскіе мундиры съ мундирами прочихъ европейскихъ державъ.

— Зачѣмъ не сказалъ ты мнѣ, что хочешь заняться этимъ? тебѣ не нужно было бы бѣгать по ночамъ:—у меня есть всѣ эти гравюры. Но это опять новая ложь! ты пришелъ сюда играть на флейтѣ... Такъ ты рѣшительно не хочешь отказаться отъ этого глупаго парижскаго свистка!

— Если я не играю на флейтѣ во дворцѣ, такъ это для того, чтобы не безпокоить ваше величество...

— Это ли книгопродавецъ Шпенеръ?

— Точно такъ, государь.

— Ты очень счастливъ, что я нашелъ у тебя сына моего не въ пьяномъ видѣ, а то я велѣлъ бы моимъ уланамъ уничтожить тебя вмѣстѣ съ твоей французской лавкой. Всѣ эти печатныя глупости не должны занимать принца. Есть

вещи гораздо полезнѣйшія для изученія,—напримѣръ, рекрутская школа и боевые порядки.... Финкенштейнъ, присматривай за нимъ строже,—я говорю тебѣ это въ послѣдній разъ.

Два низкихъ поклона, одинъ, отвѣшенный графомъ, другой книгопродавцемъ, были отвѣтомъ на слова короля,

— А! это поручикъ фонъ-Катте?

— Точно такъ, ваше величество!

— Онъ отправится на дворцовую гауптвахту на двое сутокъ... Зачѣмъ пришелъ ты сюда?

— Его королевское высочество сдѣлалъ мнѣ честь, приказавъ слѣдовать за собою.

— А! такъ и его королевское высочество отправится туда же. Онъ пока еще не имѣетъ права отдавать приказанія моимъ поручикамъ.

— Я исполню волю вашего величества и отправляюсь на гауптвахту, отвѣчалъ принцъ съ покорностью.

— Что же касается до такого журнала, какъ «Французскій Меркурій», прибавилъ король: то будь увѣренъ, Шпенеръ, пока я живъ,—ты не получишь позволенія печатать его въ моихъ владѣніяхъ.

Король вышелъ, а принцъ, приготовляясь слѣдовать за нимъ, протянулъ руку бѣдному Шпенеру и сказалъ ему на ухо:—Ты получишь это позволеніе, когда Богъ пошлетъ мнѣ несчастіе лишиться отца.

Фридрихъ поплатился за посѣщенія Шпенера недѣльнымъ арестомъ, и послѣ долго не смѣлъ казаться королю на глаза. Другіе случаи еще болѣе раздражали отца противъ сына.

Посѣщеніе Дрездена было пагубно для молодаго принца. Картины жизни, которыя онъ тамъ видѣлъ, наслажденія, которыя вкусилъ, не давали болѣе покоя его огненной натурѣ, она громко вопіяла о правахъ своихъ. Принцъ отыскалъ себѣ сердечнаго повѣреннаго: то былъ сверстникъ его, поручикъ Китъ, каммеръ-пажъ короля. Характеры ихъ симпатизировали, и Китъ, по должности своей при королѣ, часто имѣлъ случай предупреждать принца о близкихъ невзгодахъ и предотвращать грозившій ему ударъ. Это участіе связало ихъ еще болѣе. И въ сердечныхъ похожденіяхъ принца Китъ служилъ ему преданнымъ пажемъ. Въ это время свобода Фридриха нѣсколько увеличилась: гувернеровъ его отставили отъ прежней должности.

На эту мысль навелъ короля генералъ Грумбковъ, который, принадлежа къ австрійской партіи, видѣлъ въ графѣ Финкенштейнѣ опаснаго себѣ противника. Мѣсто надзирателей заступили два товарища, которые должны были всегда быть при принцѣ, но никакого особенно присмотра за нимъ не имѣли. Въ то-

варищи были избраны королемъ полковникъ Роховъ и поручикъ фонъ-Кайзерлингъ. Послѣднiй былъ молодой человѣкъ съ живымъ характеромъ, весьма хорошо образованный. Впослѣдствiи онъ сдѣлался задушевнымъ другомъ принца.

Связь принца съ Китомъ показалась наконецъ королю подозрительною и онъ, повыся его въ чинъ, перевелъ изъ Берлина въ дальнiй полкъ. Но это ни къ чему не послужило. Принцъ скоро нашелъ себѣ новаго повѣреннаго въ поручикѣ Катте, и эта связь была для принца гораздо опаснѣе первой. Катте былъ мастеръ говорить, много читалъ и притомъ имѣлъ удивительную способность вкрадчивости, не смотря на то, что его сросшiяся брови придавали лицу его какую-то суровость. Онъ составилъ себѣ особенную эпикурейскую систему философiи и, прикрывая разгулъ молодаго темперамента цвѣтами скромности и положительности, умѣлъ прослыть святошей при дворѣ. Тѣмъ неистовѣе были ночныя оргiи, когда волкъ сбрасывалъ съ себя овечью шкуру.

При всемъ томъ Катте былъ невоздерженъ на языкъ, также, какъ и на дары Вакха. Между молодежью, гдѣ онъ игралъ роль представителя, онъ любилъ похвастать своими побѣдами надъ женщинами, своими связями при дворѣ и дружбою съ наслѣдникомъ престола. Часто онъ показывалъ письма принца, въ которыхъ тотъ жаловался на настоящее свое положенiе, обнаруживалъ идеи будущаго и свои планы преобразованiй — по восшествiи на престолъ. Услужливые люди, то есть такiе, которые умѣютъ вмѣстѣ услужить, подслужиться и выслужиться, доносили все исправно королю, и старикъ приходилъ въ рѣшительное бѣшенство.

Жизнь принца сдѣлалась во сто разъ хуже, чѣмъ была прежде; все, что могло его оскорбить, унизить, огорчить—было надъ нимъ истощено съ убiйственнымъ разсчетомъ. Король заставлялъ его несть всѣ тягости капральской службы; при каждомъ удобномъ случаѣ, при всѣхъ осыпалъ его упреками, не вы-

бирая выраженій и, наконецъ, на большомъ выходѣ, трактуя его ниже всѣхъ придворныхъ, сказалъ ему: «Еслибъ покойный король, мой отецъ, со мной такъ обходился, какъ я съ тобою, я давно убѣжалъ бы изъ Пруссіи. Но для этого нужны твердость духа и сила воли: ихъ въ моемъ наслѣдникѣ нѣтъ.»

Эти слова имѣли на принца гораздо опаснѣйшее вліяніе, чѣмъ король могъ предполагать. Фридрихъ рѣшительно объявилъ сестрѣ своей, что долѣе не будетъ выносить всѣхъ униженій и дѣйствительно убѣжитъ изъ отечества. Не однократно король требовалъ отъ принца, чтобъ онъ отказался отъ престола, и права свои предоставилъ младшему брату, Августу-Вильгельму, который во всемъ подчинялся неограниченной волѣ и прихотямъ отца. Фридрихъ твердо отвѣчалъ, что скорѣе сложитъ голову на плаху, чѣмъ откажется отъ законнаго наслѣдія и хоть на волосъ уступитъ права свои на престолъ Пруссіи. Наконецъ онъ даже объявилъ отцу, что согласенъ на его предложеніе, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы король всенароднымъ манифестомъ объявилъ, что признаетъ Фридриха незаконнымъ сыномъ и потому исключаетъ отъ наслѣдія престола. Такое условіе рѣшительно противорѣчило правиламъ короля и его набожной, семейной жизни.

Тайныя занятія и удовольствія принца требовали значительныхъ издержекъ, а онъ могъ располагать только самыми незначительными суммами. Это заставляло его дѣлать долги. Король узналъ, что онъ занялъ у берлинскихъ негоціантовъ 7000 талеровъ.

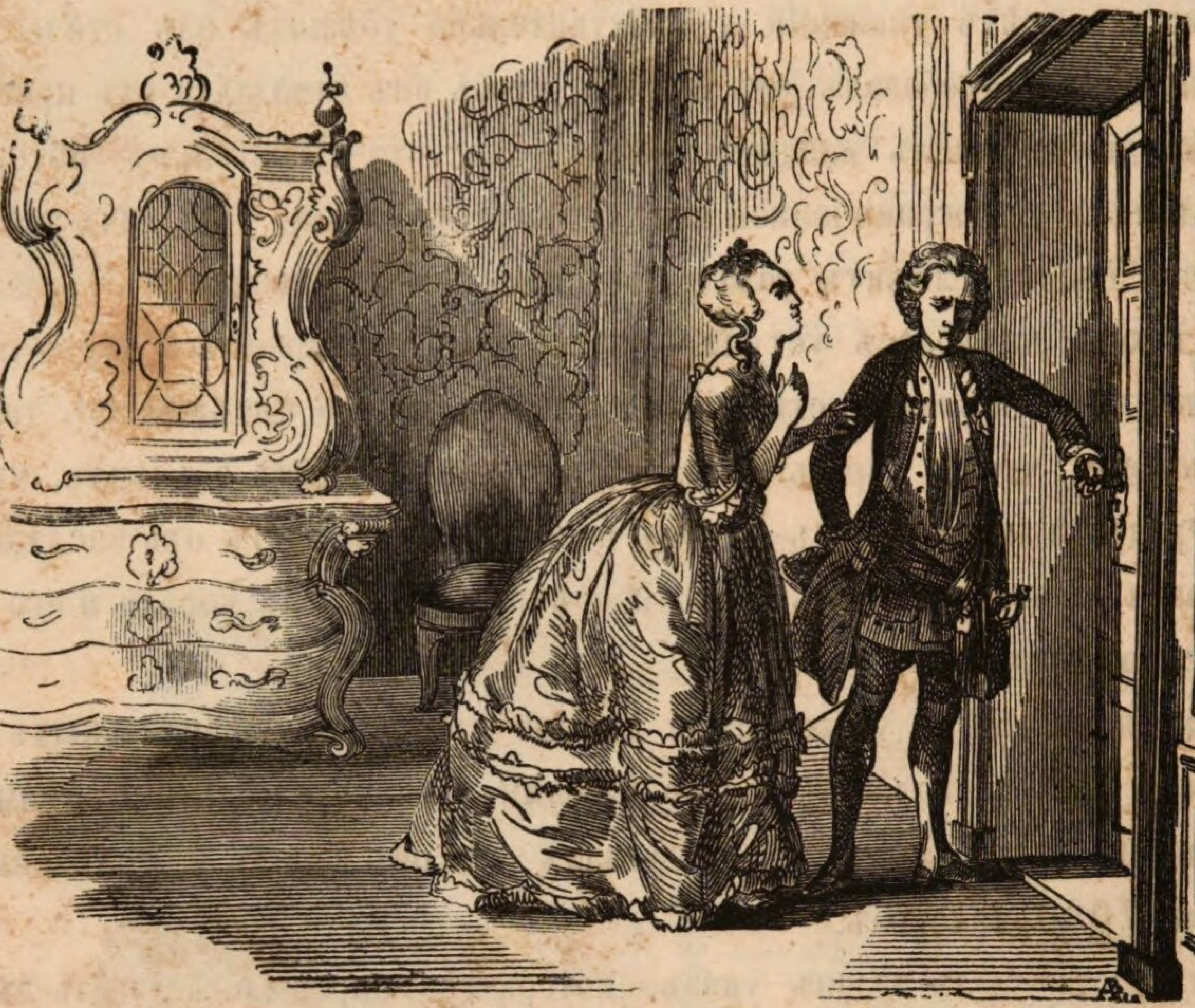
Тотчасъ же былъ изданъ указъ, которымъ запрещалось давать въ займы деньги несовершенно-лѣтнимъ, хотя бы они принадлежали къ королевскому дому. За нарушеніе этого узаконенія назначена была крѣпостная работа и даже смертная казнь.

Долги принца болѣе всего огорчали короля, который вообще былъ скупъ на издержки. Слѣдствія были ужасны. Гнѣвъ часто до того ослѣплялъ короля, что онъ забывалъ, что онъ отецъ. Ужасныя сцены происходили между нимъ и Фридрихомъ, въ которыхъ даже жизнь принца неоднократно подвергалась опасности. Въ порывахъ гнѣва король не умѣлъ владѣть собою. Все это привело несчастнаго принца къ послѣдней точкѣ отчаянія.

«Я долженъ искать спасенія въ бѣгствѣ!» такъ писалъ онъ къ старшей сестрѣ своей. «Я люблю отца моего, уважаю въ немъ короля, но ненависть его непримирима. Я рѣшаюсь на послѣднее средство. Я бѣгу въ Англію: тамъ меня примутъ съ отверстыми объятіями. Катте и Китъ готовы слѣдовать за мною, хоть на край свѣта. Я заготовилъ паспорты и векселя. Я такъ устроилъ дѣла, что намъ не опасны преслѣдованія. Королевѣ я не довѣрялъ моей тайны, чтобъ она, въ случаѣ нужды, съ чистымъ сердцемъ могла дать клятву, что ничего не

знала о моихъ замыслахъ. При первой поѣздкѣ короля во внутреннія провинціи — планъ мой будетъ приведенъ въ исполненіе. Плачь о бѣдномъ наслѣдникѣ прусскаго престола.»

Напрасно принцесса употребляла всѣ старанія, чтобъ отвлечь брата отъ этого гибельнаго намѣренія: новыя невзгоды еще болѣе укрѣпили въ немъ эту рѣшимость.

Вскорѣ представился удобный случай къ исполненію плана Фридриха.

Король польскій Августъ, въ маѣ, 1730 года, устроилъ въ Мюльбергѣ великолѣпный лагерь съ праздниками, на который сбирался и прусскій король, со всѣми принцами и всѣмъ своимъ штабомъ. Прусскій дворъ былъ принятъ въ Саксоніи почти съ баснословною роскошью. Но Фридрихъ-Вильгельмъ былъ не въ духѣ. Не смотря на всѣ ласки и почести, оказываемыя ему Августомъ, онъ понялъ, что подъ этой личиной скрывались своекорыстные виды и что дружба польскаго короля была только ловушка, въ которой Пруссія должна была оставить свои надежды на Юлихбергскія владѣнія.

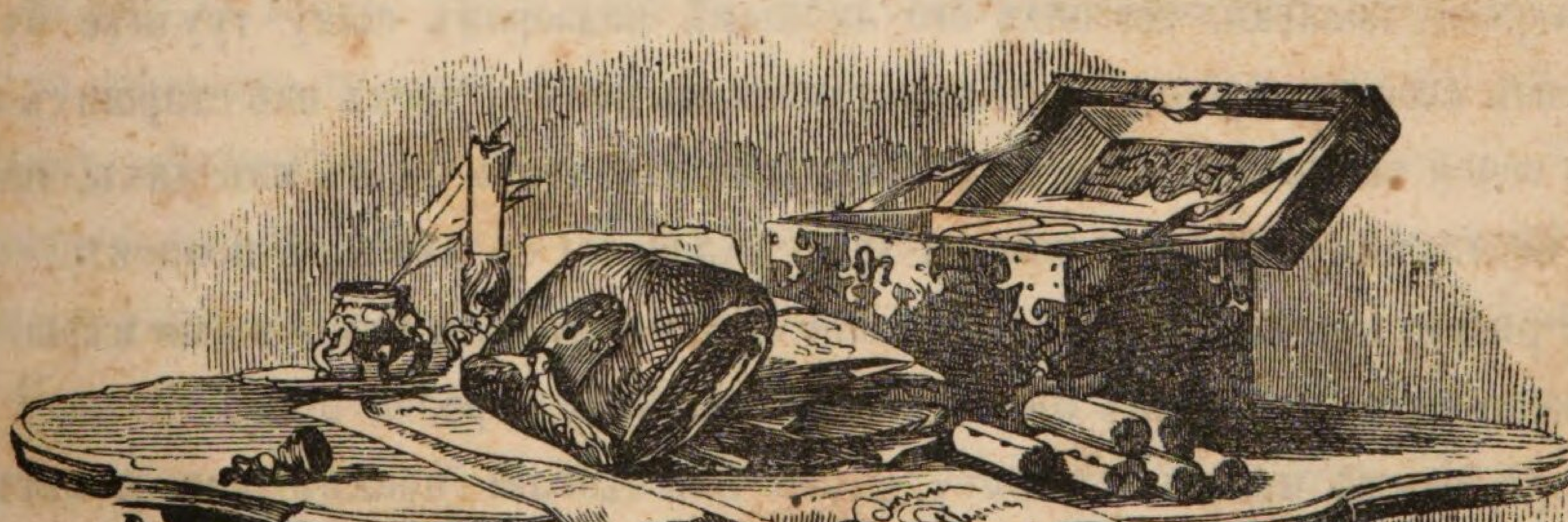
По обыкновенію дурное расположеніе духа короля обрушалось на молодомъ принцѣ.

Фридрихъ чрезъ Катте просилъ кабинетсминистра польскаго короля приказать дать ему хорошихъ почтовыхъ лошадей для двухъ офицеровъ, которыхъ ему надо было немедленно отправить. Министру это показалось подозрительнымъ, онъ доложилъ объ этомъ своему королю. Августъ сейчасъ понялъ въ

чемъ дѣло. Боясь разрыва съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, онъ уговорилъ принца, по крайней мѣрѣ, во время пребыванія прусскаго двора въ Саксоніи, не покидать своего отца.

Фридрихъ долженъ былъ отложить свое намѣреніе до лучшей минуты. Между тѣмъ нѣсколько неосторожныхъ словъ обнаружили его тайну при дворѣ; король узналъ обо всемъ и принялъ свои мѣры.

Между тѣмъ неожиданный политическій оборотъ обѣщалъ совершенную перемѣну съ судьбѣ Фридриха. Выше уже сказано, что въ началѣ этого года распоряженія къ войнѣ Англіи и Пруссіи были остановлены. Дѣло дошло до переговоровъ: Англія желала чистосердечнаго примиренія и союза; для этого былъ даже отправленъ въ Берлинъ уполномоченный посолъ отъ англійскаго кабинета. Сватовство опять пошло въ ходъ и оба брака принцевъ должны были скрѣпить союзъ двухъ державъ. Но Англія хотѣла въ тоже время обезпечить себѣ искренность и дружбу прусскаго короля и извлечь его изъ сѣтей австрійскихъ интригъ, поэтому главнымъ условіемъ мира было удаленіе отъ прусскаго двора Грумбкова. Въ подкрѣпленіе этого требованія представлены были неоспоримыя доказательства его виновныхъ сношеній съ вѣнскимъ кабинетомъ. При такой явной опасности австрійская партія пустила въ ходъ всѣ пружины своей хитрости, чтобъ только удержать короля въ прежнемъ его предубѣжденіи противъ Англіи. Это ей вполнѣ удалось. Король рѣзко обошелся съ посломъ; оскорбленный англичанинъ почелъ неприличнымъ продолжать переговоры. Лучъ надежды принца угасъ также быстро, какъ и возникъ. И такъ изъ лабиринта золъ ему не оставалось другаго выхода, кромѣ бѣгства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Попытка къ бѣгству.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, король предпринялъ поѣздку въ Южную Германію. Принцъ Фридрихъ долженъ былъ ему сопутствовать. При сильномъ своемъ подозрѣніи, король долго не зналъ, на что рѣшиться: взять ли принца съ собою или оставить его въ Берлинѣ. Наконецъ онъ рѣшился на первое, полагая, что подъ его личнымъ надзоромъ сыну труднѣе будетъ выполнить свое намѣреніе. Онъ приставилъ къ принцу трехъ изъ старшихъ офицеровъ своей свиты, съ строгимъ приказаніемъ, чтобъ одинъ изъ нихъ, поочередно, неотлучно былъ при немъ и даже ѣхалъ бы съ нимъ въ коляскѣ.

Фридрихъ между тѣмъ, съ помощію Катте, принялъ всѣ нужныя мѣры. Еще изъ саксонскаго лагеря онъ писалъ къ англійскому королю, прося его дать ему при дворѣ своемъ пріютъ и защиту. Хотя изъ Англіи послѣдовалъ отвѣтъ не совсѣмъ удовлетворительный, Фридрихъ все таки рѣшился, чрезъ Францію, бѣжать въ Англію.

Катте, при первомъ извѣстіи о бѣгствѣ Фридриха, долженъ былъ отпроситься въ отпускъ за границу, подъ предлогомъ женитьбы, летѣть въ Англію и кончить тамъ переговоры въ пользу принца. Ему для этого были поручены деньги, бумаги и всѣ драгоцѣнности Фридриха. Китъ также долженъ былъ способствовать побѣгу своимъ личнымъ участіемъ.

15-го іюля, 1730, король и вся свита выѣхали изъ Берлина, и чрезъ Лейпцигъ отправились въ Аншпахъ, гдѣ король хотѣлъ навѣстить дочь свою, недавно выданную за мужъ за молодаго маркграфа Аншпахскаго. Въ Аншпахѣ Фридрихъ получилъ письмо отъ Катте, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что еще не могъ выхлопотать себѣ отпуска и потому просилъ принца помедлить бѣгствомъ — до прибытія въ Везель, откуда ему легче будетъ пробраться въ Англію, чрезъ Голландію.

Фридрихъ отвѣчалъ, что онъ долѣе ждать не можетъ, и твердо рѣшился оставить поѣздъ королевскій въ Синцгеймѣ, мѣстечкѣ между Гейлброномъ и Гейдельбергомъ. Онъ приказывалъ Катте отправиться въ Гагу, гдѣ онъ его найдетъ подъ именемъ графа Абервиля. Притомъ онъ его увѣдомлялъ, что, въ случаѣ преслѣдованія, онъ на время укроется въ монастыряхъ, разсѣянныхъ по дорогѣ. Въ поспѣшности, съ которой Фридрихъ писалъ свое письмо, онъ забылъ адресовать его въ Берлинъ, и только написалъ на конвертѣ: «чрезъ Нюрнбергъ.» Такимъ образомъ письмо попало въ чужія руки, къ двоюродному брату Катте, который стоялъ въ Эрлангенѣ на вербовкѣ.

Изъ Аншпаха король поѣхалъ въ гости къ герцогу Виртембергскому, а оттуда въ Мангеймъ. На дорогѣ надо было проѣзжать мѣстечкомъ Синцгеймъ. Но маршрутъ перемѣнился: ночлегъ, назначенный въ Синцгеймѣ, былъ перенесенъ за нѣсколько миль оттуда, въ мѣстечко Штейнфуртъ. Королю отвели лучшую избу, свита размѣстилась въ сараяхъ. Принцу, его каммердинеру, полковнику Рохову, данъ былъ общій сарай.

Фридрихъ распорядился сообразно съ мѣстомъ и обстоятельствами. Онъ воспользовался легковѣріемъ одного изъ королевскихъ пажей, брата Кита, — и открылъ ему за тайну, что у него не далеко оттуда назначено любовное свиданіе. Для этого онъ просилъ, чтобы добрый пажъ, не говоря никому ни слова объ этомъ, разбудилъ его на другой день въ четыре часа утра и досталъ бы ему хорошихъ лошадей. Сдѣлать это было не трудно, потому что въ мѣстечкѣ производился торгъ лошадьми. Пажъ согласился съ удовольствіемъ.

Едва выглянуло солнце, какъ услужливый пажъ пробрался въ сарай принца, но въ темнотѣ вмѣсто Фридриха разбудилъ его каммердинера. Этотъ имѣлъ довольно присутствія духа притвориться, будто не находитъ тутъ ничего подозрительнаго, преспокойно завернулся опять въ одѣяло и заснулъ; а между тѣмъ высматривалъ, что изъ этого будетъ.

Онъ увидѣлъ, какъ принцъ торопливо вскочилъ и одѣлся, но не въ мундиръ, а во французское платье и въ красный сюртукъ сверху. Потомъ на цыпочкахъ прокрался къ двери, осторожно отворилъ ее, робко озираясь на товарищей, и вышелъ.

Едва онъ ушелъ, каммердинеръ тотчасъ же извѣстилъ полковника Рохова обо всемъ случившемся. Испуганный полковникъ разбудилъ еще трехъ офицеровъ изъ королевской свиты и всѣ четверо, подозрѣвая не добрый умыселъ, пустились отыскивать принца.

Вскорѣ они нашли его на конномъ рынкѣ. Принцъ стоялъ, прислонясь къ повозкѣ и со всѣхъ сторонъ высматривалъ пажа, котораго ждалъ съ лошадьми. Появленіе нежданныхъ гостей привело принца въ бѣшенство и отчаяніе; кажется онъ былъ бы въ состояніи драться съ ними на смерть, еслибъ имѣлъ при себѣ оружіе. Офицеры подошли къ нему и съ должнымъ почтеніемъ спросили, что заставило его высочество такъ рано подняться съ постели и нарядиться въ такое странное платье? Онъ отвѣчалъ имъ коротко и грубо. Роховъ, между тѣмъ ему замѣтилъ, что король изволилъ уже проснуться и чрезъ полчаса намѣренъ продолжать свой путь; почему покорнѣйше просилъ принца возвратиться и поскорѣй надѣть мундиръ, чтобы его величество не увидѣлъ его въ этомъ костюмѣ. Принцъ не соглашался. Онъ отвѣчалъ, что хочетъ прогуляться, подышать утреннимъ воздухомъ; чтобъ они не безпокоились, что онъ въ назначенный часъ къ отъѣзду явится и въ приличномъ платьи.

Между тѣмъ прискакалъ пажъ, съ двумя лошадьми. Принцъ хотѣлъ проворно вскочить на одну изъ нихъ, но офицеры его не допустили до этого. Онъ боролся съ ними, какъ отчаянный, но сопротивленіе было напрасно; сила и большинство одолѣли. Его заставили возвратиться въ сарай, лошадей отослали, пажа взяли подъ арестъ.

Королю донесли объ этомъ происшествіи; онъ допросилъ пажа, но какъ не было явныхъ доказательствъ намѣренія принца бѣжать, онъ смолчалъ и даже не далъ сыну замѣтить, что обо всемъ уже знаетъ. Только на другой день, когда поѣздъ прибылъ въ Дармштадъ, король, видя принца, сказалъ ему съ насмѣшкою: «Я удивляюсь, что встрѣчаю васъ здѣсь, я думалъ, что ваше высочество ужъ по крайней мѣрѣ въ Парижѣ.»

Принцъ отвѣчалъ, что еслибъ онъ этого рѣшительно пожелалъ, то давно былъ бы во французскихъ владѣніяхъ.

Но несчастіе принца было ближе, чѣмъ онъ полагалъ. Едва король доѣхалъ до Мейна, откуда предполагалъ продолжать путь свой внизъ по Рейну, какъ онъ получилъ отъ двоюроднаго брата Катте эстафету. Въ ней заключалось письмо принца, котораго онъ, по вѣрноподданическому чувству не смѣлъ скрыть отъ короля. Король приказалъ тотчасъ же взять Фридриха подъ стражу и содержать на одной изъ лучшихъ яхтъ. За нимъ смотрѣли, какъ за государственнымъ преступникомъ; шпага и всѣ бумаги были у него отобаны.

Къ счастію онъ успѣлъ еще при первой невзгодѣ передать своему камердинеру письма, которыя могли обличить многихъ, если не въ злоумышленіи, такъ въ пріязни къ нему, что въ этомъ случаѣ было одно и тоже. Письма, по его приказанію, были сожжены вѣрнымъ слугою.

Принцъ мало заботился о себѣ, но его сильно тревожила участь друзей, замѣшанныхъ въ его дѣло. Однако онъ твердо былъ увѣренъ, что Катте вѣрно ужъ позаботился о своей безопасности. Китъ еще до пріѣзда короля въ Везель получилъ записку отъ принца, написанную карандашемъ, съ слѣдующими словами: «Спасайся, все открыто!» Онъ не терялъ времени, тотчасъ же вскочилъ на коня и во весь опоръ счастливо достигъ до голландской границы. Въ Гагѣ преслѣдовалъ его еще прусскій офицеръ, отправленный за нимъ въ погоню, но онъ успѣлъ на рыбачьей лодкѣ счастливо добраться до Англіи. Оттуда онъ отправился въ Португалію и вступилъ въ военную службу.

Въ Везелѣ принцъ былъ заключенъ въ темницу. Къ ней приставили часовыхъ съ заряженными ружьми. На слѣдующій день комендантъ крѣпости, маіоръ Мозель, получилъ приказаніе представить своего плѣнника къ королю.

Когда принцъ вошелъ въ комнату, король строго спросилъ его: за чѣмъ онъ хотѣлъ дезертировать?

«Я не могъ долѣе сносить униженія будущаго короля Пруссіи при дворѣ его отца.»

— Но кто далъ тебѣ мысль спасаться бѣгствомъ?

«Ваше величество.»

— Я? — Ты лжешь!

«Нѣтъ. Вы часто говорили мнѣ: «еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ и мой отецъ такъ бы обходился со мною, я давно убѣжалъ бы изъ Пруссіи». — Я хотѣлъ только уподобиться въ силѣ характера и благородствѣ мыслей моему родителю и королю.»

Король вспыхнулъ. Онъ выхватилъ шпагу и кинулся на Фридриха, но маіоръ Мозель защитилъ его своею грудью и остановилъ руку короля.

— Если вашему гнѣву нужна кровь, вскричалъ онъ: такъ пусть льется моя, изъ этой груди ужъ много ее пролито за моего короля, достанетъ — и за его наслѣдника.

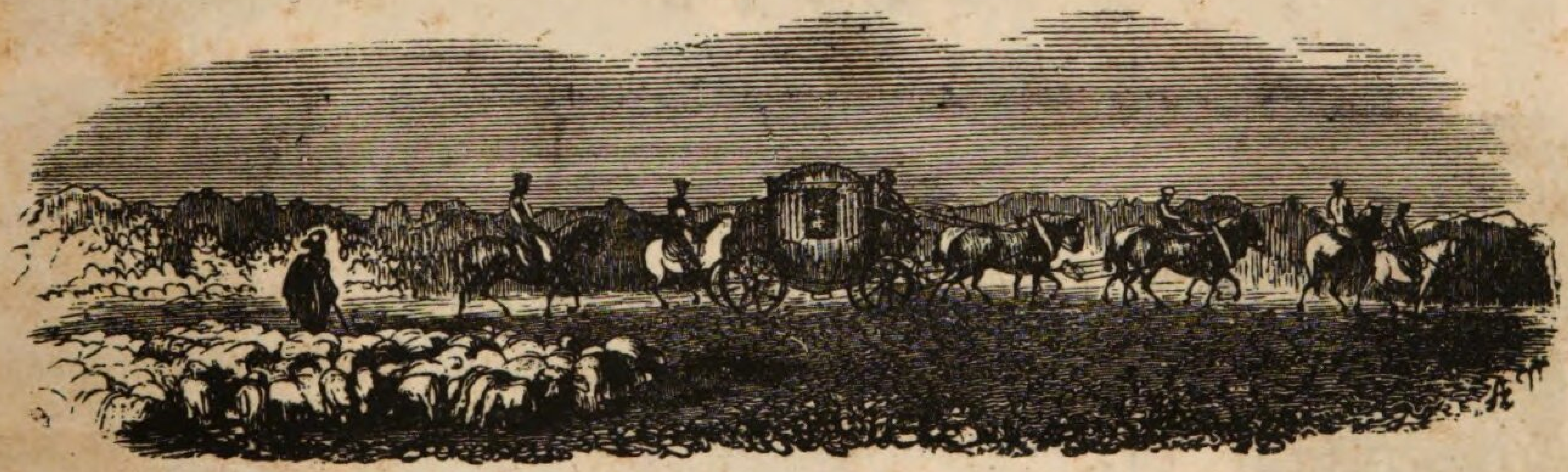
Смѣлый, геройскій поступокъ маіора образумилъ Фридриха-Вильгельма. Онъ вспомнилъ, что передъ нимъ стоялъ сынъ—и велѣлъ тотчасъ же вывесть принца, поручивъ его надзору четырехъ надежныхъ офицеровъ.

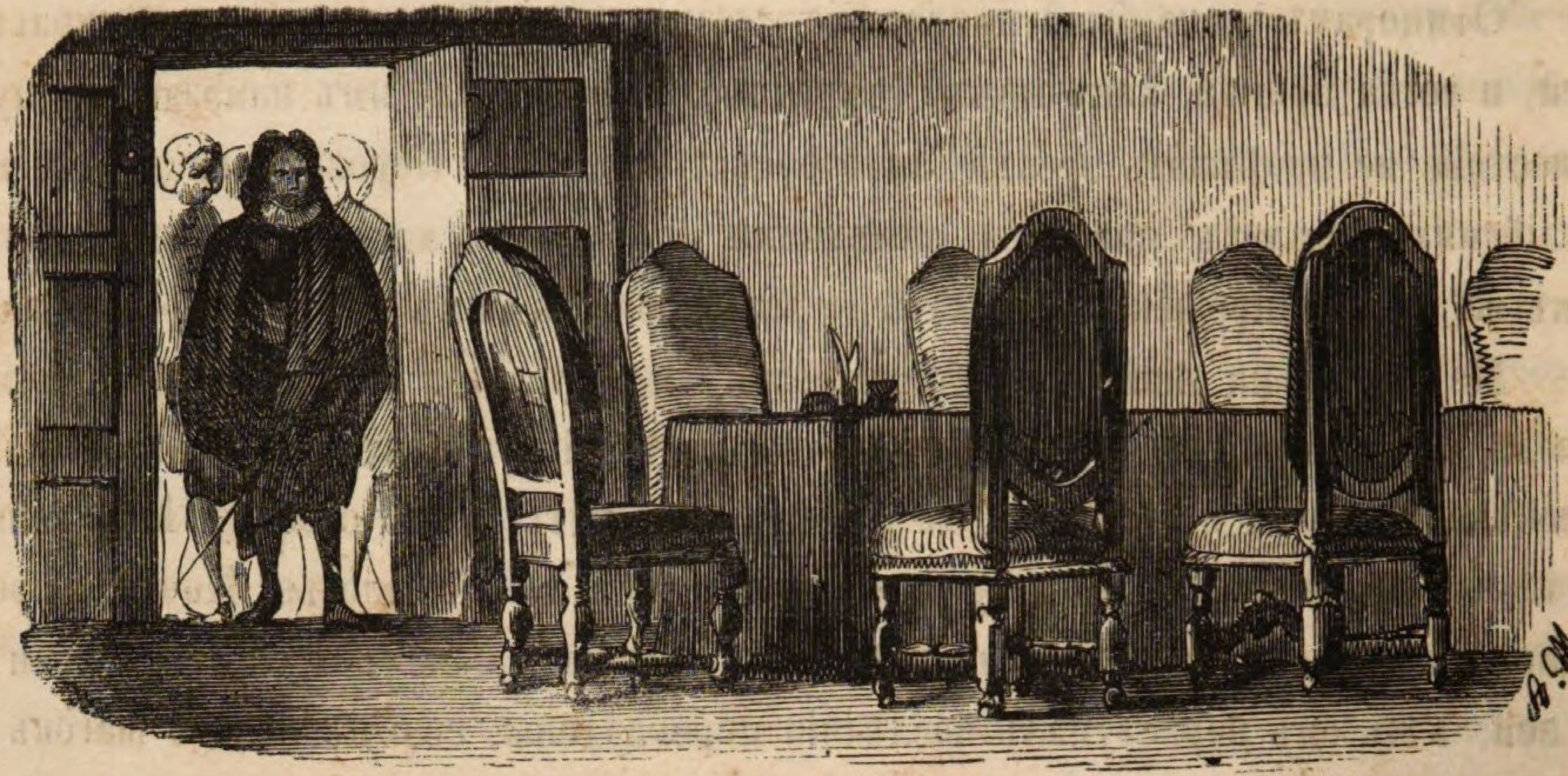
— Но берегите его пуще глазу, прибавилъ онъ, принцъ мнѣ теперь дороже зеницы ока!

На другой день король отправился въ Берлинъ.

Офицерамъ дано было приказаніе выѣхать изъ Везеля, спустя нѣсколько дней, и везти принца, какъ можно секретнѣе. Строго было имъ наказано въ путешествіи не проѣзжать чрезъ Ганноверскія владѣнія. Король боялся, что въ англійскихъ земляхъ найдутся защитники его сыну и могутъ его освободить. Такъ же было запрещено допускать до разговора съ нимъ кого-бы то ни было.

Не смотря на такія предосторожности принцъ едва не спасся въ самомъ Везелѣ. Народъ сильно сочувствовалъ его несчастію и почти не было молодаго человѣка, который не рѣшился бы жизнью заплатить за его свободу. Ему тайно доставили веревочную лѣстницу и женское, крестьянское платье. Ночью, перерядившись, принцъ выкинулъ лѣстницу изъ окошка и началъ осторожно сходить по ней. Ужъ онъ переступалъ послѣднія перекладины, еще нѣсколько шаговъ и онъ былъ бы на землѣ и внѣ опасности, какъ вдругъ хриплый голосъ закричалъ ему: Wer da? — Кто идетъ? — Это былъ часовой, который повернулъ изъ-за угла и котораго онъ прежде не замѣтилъ. Онъ не отвѣчалъ, солдатъ выстрѣлилъ и принцъ едва успѣлъ взобраться по лѣстницѣ въ свою темницу и тамъ сбросить свой маскерадный костюмъ. Будь ночь не такъ темна, онъ вѣрно палъ бы жертвою бдительнаго надзора своей стражи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Судъ.

Катте между тѣмъ очень мало думалъ о своей безопасности. Въ Берлинѣ уже шептались о тайномъ заключеніи наслѣдника престола. Молва росла и стоновилась всеобщею. Друзья Катте предостерегали его, но онъ равнодушно ждалъ, пока сѣдельникъ окончитъ, заказанное имъ, богатое французское сѣдло, въ которомъ онъ велѣлъ сдѣлать потайныя сумки для денегъ, бумагъ и другихъ вещей. Наконецъ онъ отпросился у своего полковника на нѣсколько дней изъ Берлина, подъ предлогомъ охоты. Въ ночь, наканунѣ его отъѣзда, пришелъ приказъ арестовать его. Исполнители приказа съ намѣреніемъ медлили, чтобъ дать ему время выѣхать изъ города и скрыться. Когда они полагали, что онъ уже далеко, они отправились къ нему въ домъ и — что же? — Легкомысленный Катте еще преспокойно курилъ трубку и допивалъ свой кофе, смотря, какъ ему систематически сѣдлали лошадь. Судьба его была рѣшена. Запечатанный ларчикъ съ письмами и драгоцѣнностями принца онъ просилъ передать королевѣ.

Вмѣстѣ съ приказомъ объ арестѣ Катте пришло отъ короля письмо къ гофмейстеринѣ королевы, въ которомъ онъ поручалъ ей предувѣдомить ея ве-

личество о бѣгствѣ принца и о его заключеніи. Ужасъ и удивленіе королевской фамиліи были невообразимы.

Еще болѣе безпокоилъ всѣхъ запечатанный ларчикъ, котораго скрыть было невозможно, а между тѣмъ содержаніе его могло быть опасно для королевы и, въ особенности для старшей принцесы. Наконецъ рѣшили сломать печать, открытъ ларчикъ, вынуть изъ него всѣ опасныя бумаги, сжечь ихъ, и замѣнить новыми письмами, невиннаго содержанія.

Августа 27 король возвратился въ Берлинъ. Первый вопросъ его былъ, гдѣ ларчикъ? Когда къ нему принесли его, онъ съ такимъ нетерпѣніемъ желалъ узнать его содержаніе, что сломилъ печать и отперъ ларчикъ, не осмотрѣвъ его

сперва хорошенько. Онъ полагалъ, что побѣгъ принца былъ слѣдствіемъ обширнаго заговора, въ которомъ принимали участіе его жена и старшая дочь, подъ вліяніемъ англійской партіи. Онъ подозрѣвалъ даже, что у нихъ при этомъ былъ въ виду не одинъ родственный союзъ съ Англіею, но еще что нибудь гораздо поважнѣе. Но въ ларчикѣ онъ не нашелъ ничего, что̀ бы могло подтвердить его подозрѣніе: вмѣсто того, чтобы успокоить, это еще больше его взбѣсило. — Какъ обыкновенно, бѣдное семейство должно было страдать отъ этого припадка. Одна старушка Камеке, къ которой онъ питалъ особенное довѣріе, старалась его успокоить и смягчить негодованіе; она даже нѣсколько въ томъ успѣла, только не надолго.

Между тѣмъ, по приказанію короля, Катте привели къ допросу. Онъ отвѣчалъ на предложенные вопросы съ твердостію и благородствомъ, говорилъ чистую правду и только скрылъ, что принцесса Вильгельмина знала о намѣреніи брата бѣжать въ Англію. Клятвенно подтвердилъ онъ, что принцъ хотѣлъ скрыться въ Лондонѣ отъ униженія, но безъ всякихъ умысловъ противъ особы Его Величества.

Все это однако не могло потушить искры подозрѣнія въ душѣ короля: она разгаралась болѣе и болѣе и разжигала въ немъ безпокойство.

Послѣ допроса, съ Катте сняли мундиръ. Его одѣли въ кафтанъ изъ грубой холстины и отправили на гауптвахту, подъ строгимъ карауломъ. Гоненіе короля обратилось теперь противъ всѣхъ приверженцевъ и друзей Фридриха, хотя они и не были причастными замысламъ принца.

Такъ, напримѣръ, бывшій его учитель, Дюганъ, который теперь занималъ мѣсто совѣтника, былъ отрѣшенъ отъ должности и сосланъ въ Мемель, подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Между тѣмъ принца привезли въ Миттенвальдъ. Здѣсь сдѣлали ему первый допросъ. Онъ подтвердилъ всѣ показанія Катте. Генералъ Грумбковъ, который былъ оберъ-аудиторомъ при допросѣ, старался унизить благородную гордость принца представленіемъ ему великихъ опасностей въ будущемъ. На это Фридрихъ отвѣчалъ:

«Душа моя сильнѣе всѣхъ опасностей, а мужество крѣпче моего несчастія. Мы еще поборемся!»

На слѣдующій день Фридриха ночью отвезли въ Кюстринскую крѣпость. Его помѣстили въ замкѣ, въ одной изъ комнатъ каммерпрезидента Мюнхова. Здѣсь содержался онъ со всею строгостью государственнаго преступника.

Ему дали простой синій сюртукъ; мебель состояла изъ двухъ деревянныхъ стульевъ. Самая простая и грубая пища доставлялась ему уже нарѣзанная: ножей и вилокъ ему не давали. Чернила и перья были изгнаны изъ его темницы. Даже флейту у него отняли. Дверь его темницы была постоянно заперта и отворялась только одинъ разъ въ сутки для дежурныхъ офицеровъ, которые приходили свидѣтельствовать заключенника и приносили ему пищу. За дверью стояли часовые съ заряженными ружьями; подъ окнами тоже. Каждое утро два офицера являлись молча и во время обѣда принца, тщательно осматривали комнату, нѣтъ ли въ ней какихъ слѣдовъ или приготовленій къ побѣгу.

Между тѣмъ, не смотря не такія строгости, нашлась душа, которая сострадала судьбѣ несчастнаго Фридриха. Генералъ Мюнховъ пробуравилъ въ потолкѣ

темницы дыру, сквозь которую могъ удобно говорить съ нимъ съ чердака. Принцъ жаловался ему на дурную пищу и недостатокъ духовнаго развлеченія.

Мюнховъ скоро нашелъ случай помочь бѣдѣ принца. Онъ выпросилъ позволеніе допускать къ нему восьмилѣтняго своего сына. Бесѣда съ ребенкомъ не казалась подозрительною для тюремщиковъ принца, и мальчика стали допускать въ его темницу. Въ фалдахъ его дѣтскаго кафтанчика, Мюнховъ доставлялъ Фридриху письма и яства. Кромѣ того, онъ заказалъ ему столъ съ потайными ящиками; въ нихъ принцъ нашелъ книги, бумагу и чернила. Дозорные офицеры осматривали только комнату и не прикасались къ мебели: этого не было въ ихъ предписаніи.

Въ половинѣ сентября снова явилась слѣдственная коммиссія для допроса принца. Фридрихъ по прежнему былъ твердъ и непоколебимъ. Презусомъ коммиссіи снова былъ Грумбковъ. Онъ совѣтовалъ принцу, въ довольно обидномъ тонѣ, оставить свою гордость, «иначе, говорилъ онъ, мы придумаемъ средства смирить вашу спѣсь.»

— Не знаю, что вы въ состояніи *придумать*; знаю только, что ни дерзостью, ни строгостью, вы не заставите меня ползать передъ собою.

Коммиссія показала ему бумаги, найденныя въ ларчикѣ, и предложила вопросъ: всѣ ли онѣ? Принцъ разсмотрѣлъ ихъ, и не находя между ними самыхъ важныхъ, тотчасъ догадался, что онѣ вѣрно скрыты его друзьями. Онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно тутъ всѣ его бумаги. Отъ него потребовали присяги, однако онъ умѣлъ отклониться отъ нея, подъ предлогомъ, что не довѣряетъ своей памяти и, можетъ быть, объ нѣкоторыхъ незначительныхъ письмахъ и забылъ.

Наконецъ ему объявили, что онъ можетъ надѣяться на прощеніе и милость короля, если откажется отъ наслѣдія престола. Съ чувствомъ внутренняго достоинства и гордостью отвергъ онъ это предложеніе.

Такимъ образомъ всѣ слѣдствія остались безплодными. Король хотѣлъ даже предать Катте пыткѣ, но противъ этого возстали его родственники, которые

занимали значительныя государственныя мѣста. И такъ, противъ принца и Катте оставалось одно обвиненіе: ихъ преступный побѣгъ. Этого было достаточно, чтобъ подвергнуть ихъ всей строгости закона. Король назначилъ военный судъ надъ принцемъ и надъ Катте.

25-го октября судъ собрался въ Кёпингѣ, а 1-го ноября возвратился въ Берлинъ. Ему предоставлено было судить принца и его сообщника, какъ военныхъ дезертировъ. Судъ рѣшилъ, что принцъ крови и законный наслѣдникъ престола не подлежитъ суду за такое преступленіе, наравнѣ съ простыми членами войска, и потому онъ предоставляетъ осужденіе его приговору небесному, который даетъ право правящимъ. Катте военный судъ присудилъ къ лишенію чиновъ и крѣпостному заключенію на нѣсколько лѣтъ.

Король былъ чрезвычайно недоволенъ этими приговорами. Онъ объявилъ Катте оскорбителемъ королевскаго величія, потому, что онъ участвовалъ въ тайныхъ умыслахъ наслѣдника престола и сносился съ враждебными дворами. За такія преступленія онъ заслужилъ пытку и висѣлицу; но король, милостію Божію, снисходя къ просьбамъ и заслугамъ его родственниковъ и, въ особенности, къ полезной службѣ его дѣда генералъ-фельдмаршала графа Вартенслебена, по великой добротѣ души своей, обращаетъ гнѣвъ въ милость, смягчаетъ казнь и приговариваетъ Катте — къ отсѣкновенію головы — на плахѣ.

Ничто не могло отклонить короля отъ этого приговора: ни убѣжденія, ни просьбы Вартенслебена и всѣхъ его любимцевъ.

«Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ рѣшительно. «Скажите Катте, что мнѣ его жаль,

но что дѣлать! Мое правило такое: лучше пусть гибнетъ виновный, чѣмъ правосудіе!»

Катте прочли приговоръ. Онъ выслушалъ его съ геройскою твердостью.

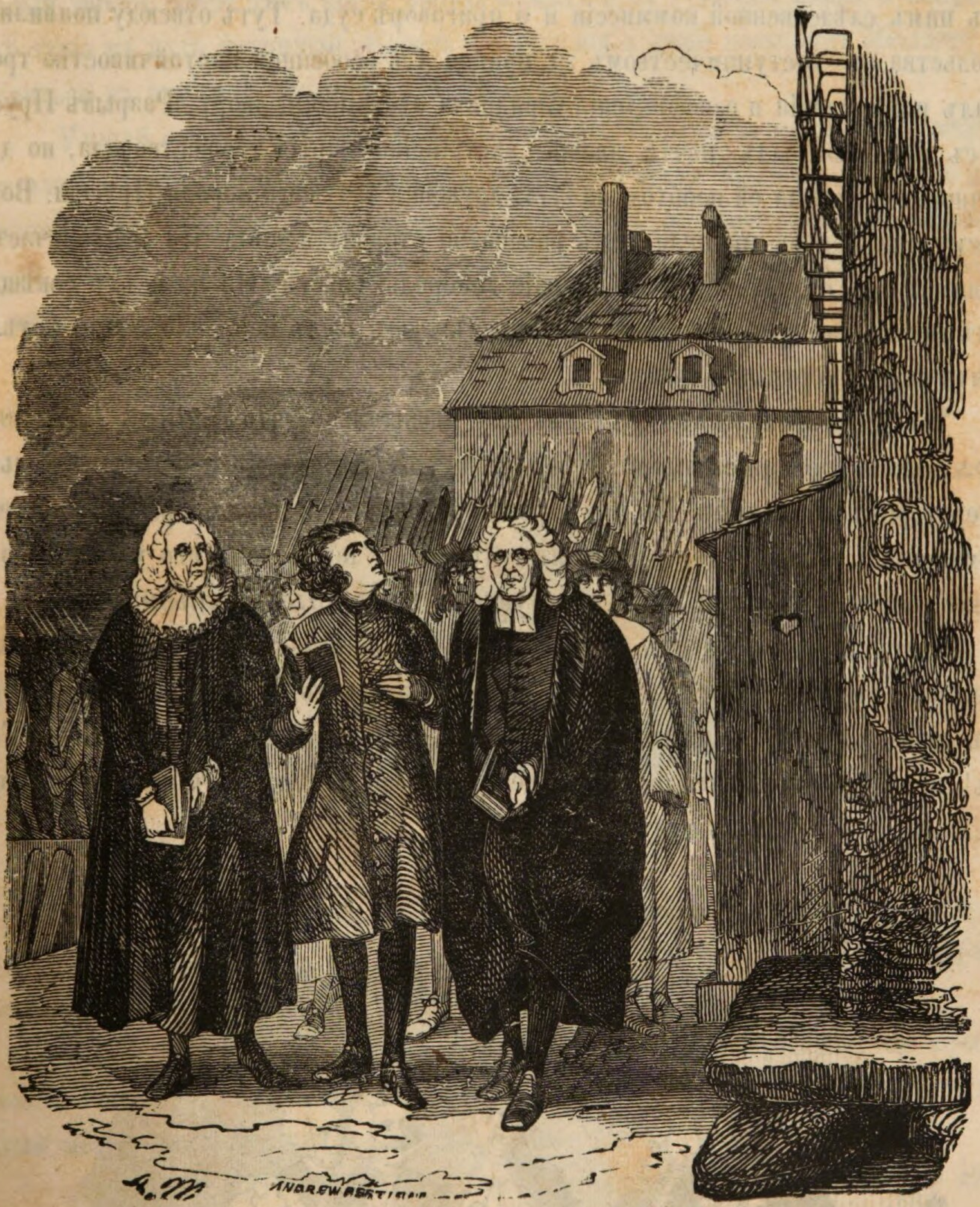
Какъ прежде былъ легкомысленъ двадцатитрехлѣтній юноша, такъ благороденъ и мужественъ былъ онъ въ послѣдніе дни, назначенные ему для приготовленія къ казни. Горесть, причиненная его легкомысліемъ семейству, глубоко запала ему въ душу. Прощальныя письма его къ роднымъ были исполнены сильнаго чувства и чистосердечнаго раскаянія.

Четвертаго ноября, Катте, по приказанію короля, отвезли въ Кюстринъ, гдѣ назначено было исполненіе смертнаго приговора. Король хотѣлъ этимъ потрясти душу своего сына. Шестаго ноября была назначена казнь. Принца принудили смотрѣть на нее изъ окна. Когда подъ его окнами повели Катте, въ сопровожденіи двухъ священниковъ, между военной эскортой, сердце принца не вытерпѣло, слезы брызнули изъ глазъ и онъ воскликнулъ:

«Другъ Катте! прости меня!» —

Катте взглянулъ на него съ восторженнымъ лицомъ: Будьте счастливы, принцъ! — народъ вашъ будетъ счастливъ. Я радъ, что умираю за друга и будущую славу Пруссіи!

Кортежъ продолжалъ шествіе. На площади Катте принялъ христіанское напутствіе духовника и бодро положилъ голову на плаху....

Но принцъ не вынесъ этой сцены, казалось, вены его сердца порвались въ эту минуту: онъ безъ чувствъ упалъ на полъ.

Мечъ, который обагрился кровью друга, еще носился надъ головою самого принца. Угрозы и гнѣвъ короля заставили его содрогнуться предъ ожидавшей его участью.

Но его заключеніе надѣлало много шуму не только въ Пруссіи, но и при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Король принужденъ былъ послать въ кабинеты Германскаго Союза и въ другія государства циркулярное объявленіе о причинахъ заключенія принца, съ обѣщаніемъ подробнаго отчета о дѣйствіяхъ наряженной

надъ нимъ слѣдственной коммиссіи и о приговорѣ суда. Тутъ отвсюду появились посольства съ заступничествомъ за принца. Съ особенной настойчивостію требовалъ помилованія и освобожденія Фридриха австрійскій дворъ. Разрывъ Пруссіи съ Англіею былъ почти явный; австрійская партія торжествовала, но для прочности ея союза ей необходима была дружба и будущаго короля Пруссіи. Вотъ почему она теперь приняла такъ ревностно сторону принца. Не менѣе участія принимали въ судьбѣ Фридриха лучшіе генералы войска. Но на всѣхъ совѣщаніяхъ король выдерживалъ свой характеръ: онъ былъ непреклоненъ и хотѣлъ судить сына смертнымъ судомъ.

Тогда военный совѣтъ объявилъ ему рѣшительно, что *принцъ Бранденбургскаго курфюрстскаго дома* можетъ быть судимъ и осужденъ только императоромъ и сеймомъ. На это король отвѣчалъ, что ни императоръ, ни весь Германскій Союзъ не могутъ лишить его права, по доброму его усмотрѣнію и закону, осудить въ своей землѣ преступленіе *прусскаго наслѣдника*.

Этотъ отвѣтъ поразилъ весь совѣтъ. Полковникъ Буденброкъ, пламенный и честный старикъ, посѣдѣлый въ битвахъ, вскочилъ съ своего мѣста, разорвалъ свой мундиръ, обнажилъ грудь, испещренную ранами, и вскричалъ: «Король! пролейте кровь отсюда; но священной крови принца вамъ не видать, пока еще языкъ мой не прильнулъ къ гортани!»

Голосъ совѣта казался королю голосомъ народа и сильно поколебалъ его волю. Остальное довершилъ благородный старецъ, пасторъ Мюллеръ, который напутствовалъ къ смерти Катте. Онъ вызвался быть собесѣдникомъ принца, ко-

торый теперь болѣе чѣмъ когда нибудь нуждался въ духовной пищѣ, и направить его душу на путь истинный. Король согласился и даже позволилъ Мюллеру поселиться въ смежной комнатѣ съ принцемъ.

Умный священникъ умѣлъ укоренить въ Фридрихѣ, преданномъ вѣрѣ въ фатализмъ, мысль, что гнѣвъ короля и смерть его друга были не простымъ предназначенiемъ рока, но непремѣннымъ слѣдствiемъ его проступка. Возбудивъ въ душѣ его раскаянiе, онъ спѣшилъ уврачевать ее надеждою на благость небесную и вѣрою въ промыслъ.

Принцъ какъ бы переродился. Молитвы, совершаемыя имъ вмѣстѣ съ почтеннымъ старцемъ, проливали новый свѣтъ на его разумъ и утоляющiй бальзамъ на раны сердца.

«Но еслибъ даже Богъ, по великой милости Своей, простилъ мое преступленiе, могу ли я надѣяться такого же помилованiя отъ человѣка, отъ отца и короля моего, такъ жестоко мною оскорбленнаго?»

Духовникъ питалъ его надеждою и, тайно трогая самыя нѣжныя струны природы, мирилъ отца съ сыномъ. Онъ доносилъ обо всемъ королю и гнѣвъ послѣдняго постепенно потухалъ подъ слезами принца.

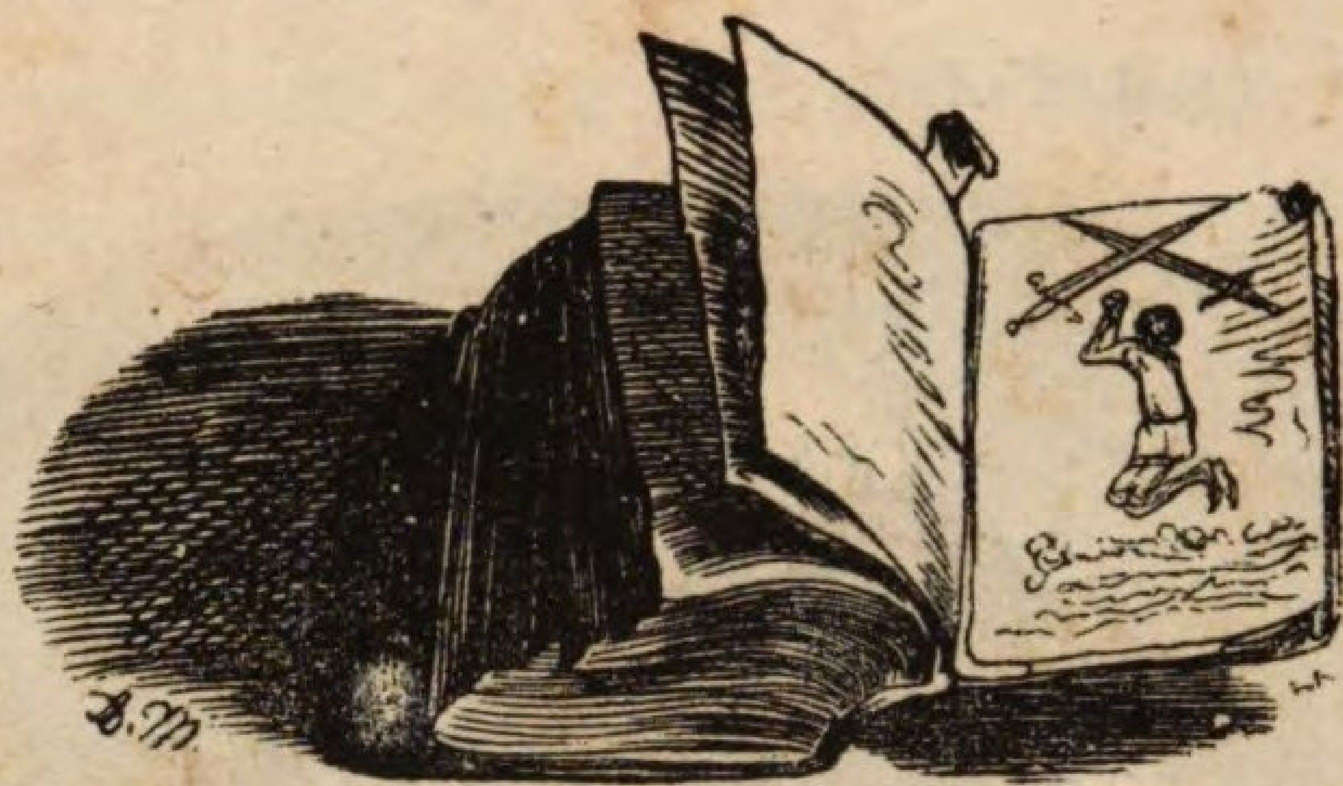
Наконецъ отъ короля пришло приказанiе освободить принца. Ему позволено было жить внѣ крѣпостныхъ стѣнъ и даже занять мѣсто совѣтника Кюстринской коллегiи. Но прежде вступленiя его въ новую должность прибыла коммиссiя изъ Берлина, передъ которой Фридрихъ обязанъ былъ дать присягу въ томъ, что впредь не отступитъ отъ воли и приказанiй своего отца и короля и будетъ исполнять возложенныя на него обязанности съ усердiемъ и покорностiю, приличными вѣрноподданному и сыну.

Принцъ принялъ присягу. Ему возвратили шпагу и орденъ. Потомъ онъ причастился Святыхъ Тайнъ и вступилъ въ новое свое званiе. Вмѣсто мундира,

онъ носилъ сѣрый кафтанъ, по краямъ вышитый золотомъ. Онъ написалъ къ отцу письмо, въ которомъ униженно умолялъ его о прощеніи и забвеніи прошедшаго. Когда же пасторъ Мюллеръ возвращался въ Берлинъ, онъ поручилъ ему испросить у короля, какъ милости, дозволенія носить военную шпагу съ темлякомъ.

Король пришелъ въ восторогъ, когда услышалъ о просьбѣ сына.

«Такъ Фрицъ мой солдатъ въ душѣ!» воскликнулъ онъ, и это восклицаніе было первымъ рѣшительнымъ шагомъ къ примиренію.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Примиреніе.

встрійская партія изъ самаго примиренія короля съ сыномъ умѣла извлечь свои пользы. Она приписывала милость короля ходатайству австрійскаго императора. Посланникъ Секендорфъ даже успѣлъ довесть короля до того, что онъ въ отвѣтѣ императору, на его письмо, прямо объявлялъ, что принцъ Фридрихъ обязанъ своимъ прощеніемъ только просьбѣ его императорскаго величества. Даже самаго Фридриха заставили написать благодарственное письмо къ императору, за его милостивое ходатайство.

Но въ общемъ извѣщеніи другимъ дворамъ, король писалъ просто, что онъ, по своей королевской милости и отеческому чувству, освободилъ и простилъ наслѣдника престола.

На народъ освобожденіе принца произвело самое пріятное впечатлѣніе. Боязнь за него, во время опалы, была до того сильна, что теперь любовь народная къ нему почти не знала границъ.

Принцу отвели особенный домъ въ Кюстринѣ, къ нему назначили небольшой штатъ, и на издержки его стали отпускать незначительную сумму, которою онъ долженъ былъ очень экономически распоряжаться. Кромѣ того ежемѣсячно

онъ обязанъ былъ отсылать къ королю отчетъ о своихъ издержкахъ и расходахъ. Вслѣдъ за тѣмъ, по опредѣленію короля, онъ былъ назначенъ членомъ военно-суднаго совѣта Неймарксказо округа, но въ опредѣленіяхъ совѣта онъ не имѣлъ права голоса. Члены совѣта приняли его съ искреннимъ изъявленіемъ своей радости и съ поздравленіями.

Къ нему были приставлены опытные люди, которые знакомили его съ финансовой системой и внутренними учрежденіями государства. Въ свободные часы отъ службы онъ бралъ практическіе уроки въ сельскомъ хозяйствѣ и удѣльномъ управленіи.

Впрочемъ, положеніе его было, по прежнему, не самое завидное: онъ не смѣлъ выѣзжать изъ города; чтеніе книгъ, и въ особенности французскихъ, а равно и занятіе музыкою были ему запрещены строжайше.

Президентъ Мюнховъ всѣми мѣрами старался доставить Фридриху развлеченіе: онъ умѣлъ соединить въ своемъ домѣ все лучшее общество Кюстрина, всѣхъ талантливыхъ людей, всѣхъ увлекательнѣйшихъ женщинъ. Въ кругу такого общества, Фридрихъ незамѣтно пріобрѣлъ прежнюю веселость и непринужденность характера.

Между дамами въ особенности отличалась умомъ и любезностію молодая вдова Мантейфель, урожденная Мюнховъ. Она умѣла заслужить дружбу и довѣренность принца въ такой степени, что разлука съ нею казалась ему ужасною. Когда, къ концу года, она вздумала было отправиться въ свои помѣстья, Фридрихъ послалъ ей приказъ, написанный въ шутливомъ тонѣ, въ котормъ онъ называлъ ее *дезертеркой* и объявлялъ, что за такое преступленіе она можетъ ожидать въ наказаніе — *полное его неудовольствіе*.

Королевскій запретъ читать книги, друзья Фридриха, какъ мы видѣли, умѣли уже смягчить въ самой его темницѣ. Здѣсь на запрещеніе обращали еще меньше вниманія; Фридрихъ безбоязненно занимался своимъ любимымъ инструментомъ, флейтою. Онъ даже пригласилъ къ себѣ въ товарищи гобоиста Фредерсдорфа, который мастерски игралъ на флейтѣ. Впослѣдствіи Фредерсдорфъ получилъ значительное мѣсто при дворѣ и остался другомъ Фридриха до самой его смерти.

Фридрихъ надѣялся, что слѣпая и безропотная покорность волѣ короля расположитъ къ нему наконецъ сердце отца. Но король все еще недовѣрчиво смотрѣлъ на сына; покорность его онъ почиталъ притворствомъ; а явные знаки преданности—скрытою ненавистью.

Прошелъ годъ, а положеніе принца не облегчалось, кругъ его дѣятельности не расширялся. Онъ глубоко проникъ науки, которыми занимался, приводилъ даже въ изумленіе своихъ наставниковъ свѣжестью своего взгляда и бы-

стротой соображенія, но ему не давали случая употребить съ пользою свои свѣдѣнія. Тоска и отчаяніе снова овладѣли его сердцемъ. Онъ началъ отыскивать исхода изъ труднаго своего положенія.

Полагая, что главная причина королевскаго недовѣрія къ нему основана на предположенномъ бракѣ его съ англійскою принцессою, онъ высказалъ генералу Грумбкову, что рѣшительно оставилъ прежнюю мысль, и теперь охотнѣе согласился бы жениться на старшей дочери императора, чего желалъ и самъ король Онъ набросалъ планъ, какъ привесть это намѣреніе въ исполненіе. По этому плану онъ рѣшался даже отказаться отъ прусскаго престола, въ пользу младшаго своего брата, потому что въ австрійскомъ домѣ не было мужскихъ наслѣдниковъ и престолъ императорскій долженъ былъ перейти къ старшей дочери императора, т. е. къ его будущей женѣ. Грумбковъ ясными доводами опровергъ планъ Фридриха и доказалъ ему всю несбыточность его предположеній.

Однако, дѣйствуя въ пользу австрійской партіи, Грумбковъ рѣшился, во что бы то ни стало, примирить отца съ сыномъ. Въ маѣ Фридрихъ получилъ первый знакъ отцовской милости: король прислалъ ему нѣсколько книгъ духовнаго содержанія и увѣщательное письмо. Послѣ многихъ убѣжденій и просьбъ, онъ наконецъ рѣшился лично свидѣться съ сыномъ. Въ августѣ 1731 года король объѣзжалъ нѣкоторыя провинціи Пруссіи и мимоѣздомъ завернулъ въ Кюстринъ. Онъ остановился въ губернаторскомъ домѣ и приказалъ позвать къ себѣ принца.

Наружность принца во время его страданій до того измѣнилась, что блѣдность и худощавость лица его —возбудили уже въ королѣ состраданіе. При видѣ

его король всталъ. Фридрихъ бросился къ ногамъ отца. Рыданія не дали ему произнести слова. Король его милостиво поднялъ.

Онъ въ кроткой, но сильной рѣчи представилъ принцу всю важность его проступка и въ трогательныхъ выраженіяхъ изобразилъ огорченіе, которое онъ нанесъ его сердцу своей недовѣрчивостію. Наконецъ, когда король опять садился въ карету и Фридрихъ провожалъ его до подножки, онъ обнялъ принца передъ всѣмъ народомъ и обѣщалъ скорое облегченіе его участи.

Народъ кричалъ vivat отъ восторга.

Это убѣдило короля еще болѣе, что примиреніе съ сыномъ необходимо даже для государственнаго спокойствія.

Облегченіе, обѣщанное принцу королемъ, состояло въ томъ, что ему было предоставлено болѣе свободы въ жизни.

Фридрихъ между тѣмъ пристрастился къ занятіямъ по сельскому хозяйству, посѣщалъ фермы, осматривалъ общественныя зданія и часто писалъ королю о новыхъ учрежденіяхъ и перестройкахъ, по его мнѣнію необходимыхъ.

Между тѣмъ, въ самой королевской фамиліи, въ Берлинѣ, произошло событіе, которое обѣщало успокоить и примирить королевскій домъ, послѣ всѣхъ невзгодъ.

Принцесса Вильгельмина, не смотря на постоянную мысль матери, выдать ее за англійскаго принца, рѣшилась наконецъ избрать себѣ мужа изъ трехъ принцевъ, которыхъ предлагалъ ей король.

Она выбрала наслѣднаго принца Бейрейтскаго, молодаго человѣка, умнаго и благороднаго по характеру. Король былъ этимъ очень доволенъ. 1-го іюня отпраздновали сговоръ, а 20-го ноября свадьбу.

Въ награду за покорность дочери, король обѣщалъ совершенное освобожденіе Фридриха изъ ссылки, тотчасъ-же по совершеніи брака.

На четвертый день свадьбы въ королевскомъ дворцѣ былъ данъ великолѣпный балъ. Всѣ были веселы. Новобрачные танцовали минуэтъ; вдругъ вошелъ въ залу принцъ Фридрихъ. Ростъ, наружность и самыя манеры въ немъ измѣнились. Костюмъ, въ которомъ его при дворѣ никогда не видали, также много измѣнялъ его.

Онъ вошелъ и сталъ въ дверяхъ въ толпѣ каммерлакеевъ. Никто, кромѣ короля, не зналъ о его присутствіи, и прошло довольно времени, пока его замѣтили и узнали.

Королева сидѣла за карточнымъ столомъ. Обергофмейстерина объявила ей о прибытіи принца. Она бросила карты, кинулась къ нему навстрѣчу и со слезами сжала его въ своихъ объятіяхъ. Принцесса Вильгельмина была внѣ себя отъ восторга, когда Грумбковъ, среди минуэта, сказалъ ей, что принцъ въ залѣ. Но и она долго искала его глазами, прежде, чѣмъ могла узнать.

Обнявъ брата, она кинулась къ ногамъ отца и выражала ему чувство своей признательности съ такимъ увлеченіемъ, что старикъ король—заплакалъ.

Нѣсколько дней спустя, высшее сословіе офицеровъ гвардіи и полковъ, стоявшихъ въ Берлинѣ, подъ предводительствомъ князя Дессаускаго, подали королю просьбу о принятіи вновь на службу наслѣднаго принца. 30-го ноября Фридрихъ былъ провозглашенъ шефомъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Зимою однакожъ онъ долженъ былъ опять сложить съ себя мундиръ, онъ получилъ порученіе отъ короля осмотрѣть стеклянные заводы и другія фабрики и опредѣлить, какіе онѣ могутъ давать доходы и какъ ихъ улучшить. Онъ составилъ планъ совершеннаго преобразованія мануфактуръ въ Пруссіи, а король, котораго каждый новый источникъ доходовъ приводилъ въ восхищеніе,—приказалъ тотчасъ же проэктъ наслѣдника привести въ исполненіе.

Въ январѣ 1732-го года Фридрихъ впалъ въ тяжкую лихорадку, и тутъ только оказалось, въ заботахъ короля о его здоровьѣ, какъ много строгій отецъ любилъ своего сына. Въ февралѣ король призвалъ его обратно въ Берлинъ и произвелъ въ полковники и командиры одного изъ гвардейскихъ полковъ. Когда Фридрихъ въ Кюстринѣ прощался съ президентомъ Мюнховымъ—тотъ его спросилъ: «Чего должны ожидать отъ вашего высочества, когда вы сдѣлаетесь величествомъ, тѣ, которые оказались вашими врагами во время вашей размолвки съ королемъ?» —

«Я накажу ихъ—стыдомъ!» отвѣчалъ Фридрихъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Женитьба.

Доброе согласіе между королемъ и его сыномъ наконецъ водворилось совершенно. Какъ наслѣдникъ престола, такъ и король избѣгали всѣхъ случаевъ нарушить это согласіе. Король, узнавъ по опыту, что природа дала характеру его сына совсѣмъ другое направленіе, и что по этому нельзя образовать изъ него свое подобіе, полагалъ, что лучше всего имъ жить въ безпрестанной разлукѣ. Онъ назначилъ ему съ полкомъ постоянную квартиру въ городѣ *Руппинъ* за девять миль отъ Берлина; эта мудрая мѣра, съ которой связывалась и бо̀льшая свобода въ жизни Фридриха, породила между отцемъ и сыномъ обоюдное довѣріе. Различіе ихъ характеровъ заставляло ихъ иногда смотрѣть на предметы съ разныхъ точекъ зрѣнія; отъ этого происходили иногда недоразумѣнія, но они всегда оставались безъ вредныхъ послѣдствій.

Чтобы обезпечить это согласіе, король началъ очень серьозно помышлять о женитьбѣ сына. Австрійская партія и тутъ осталась не безъ вліянія: она ус-

пѣла обратить взоры короля на Елисавету-Христину, принцессу Брауншвейгъ-Беверискую, племянницу австрійской императрицы. Фридриху-Вильгельму это предложеніе пришло по душѣ, потому что онъ особенно любилъ и уважалъ отца принцессы. Принцъ Фридрихъ далъ свое согласіе съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Его увѣрили, что принцесса нехороша собою и съ весьма ограниченными способностями, — это его убивало. Сердце его еще было такъ юно и свѣжо, такъ полно поэтическихъ мечтаній, что онъ не могъ вообразить себѣ брачнаго союза безъ любви. Онъ сталъ искать хитраго средства отдѣлаться отъ этого брака. Ему гораздо болѣе нравилась принцесса Анна Леопольдовна, дочь Екатерины Мекленбургской, племянница русской императрицы Анны Іоанновны, принятая ею вмѣсто дочери. Но когда онъ сдѣлалъ объ этомъ предложеніе отцу, то австрійская партія, подозрѣвая въ этомъ какой нибудь непріязненный для себя умыселъ, успѣла отклонить короля, и принцесса Брауншвейгская была назначена непремѣнною невѣстою принца.

Въ мартѣ слѣдующаго года посѣтилъ Берлинскій дворъ герцогъ Францъ-Стефанъ Лотарингскій, будущій зять императора. Его принимали съ великолѣпными празднествами, на которыя было приглашено и Брауншвейгское семейство. Король воспользовался случаемъ и тутъ же обручилъ принца съ Елисаветою-Христиною. Фридрихъ сдѣлался покоренъ, какъ овечка, слухи о его невѣстѣ оказались невѣрными: она была прелестна собою, и подъ наивностью и кротостью характера, скрывала умъ тонкій и образованный. Австрійская партія съ своей стороны всѣми мѣрами старалась образовать ее по вкусу Фридриха. Они даже отыскали для нея искуснаго танцмейстера, потому что Фридрихъ, страстный охотникъ до танцевъ, замѣтилъ, что она не совсѣмъ ловко держитъ себя въ менуэтѣ. Свадьба была отложена до слѣдующаго года. Вѣнскій кабинетъ старался ее какъ можно ускорить, боясь потерять то, что имъ съ такимъ трудомъ было пріобрѣтено. По окончаніи празднествъ, наслѣдный принцъ опять возвратился въ Руппинъ и ревностно занялся образованіемъ своего полка.

Не далеко отъ Руппина, при Фербелингѣ, находилось историческое поле: здѣсь, за полстолѣтіе предокъ Фридриха, великій курфирстъ Бранденбургскій, разбилъ на голову шведовъ и освободилъ отъ нихъ свои земли.

Принцъ посѣтилъ достопамятное поле и желалъ узнать на мѣстѣ всѣ событія этого дѣла. Одинъ старожилъ Руппина, который въ молодости участвовалъ въ этой битвѣ, былъ его вожатымъ. Когда принцъ осмотрѣлъ поле, онъ спросилъ съ усмѣшкою своего чичероне: «А не можешь ли ты мнѣ разсказать причину этой войны?» Старикъ добродушно отвѣчалъ: «Нашъ курфирстъ и король Шведскій въ молодости вмѣстѣ учились въ Утрехтѣ и до того межъ собой поссорились, что наконецъ надо было подраться.» Добродушный старикъ не зналъ, что точно та-

кія же отношенія существовали между отцемъ Фридриха и королемъ Англійскимъ и что въ пиру ихъ ссоры онъ самъ понесъ похмѣлье.

Въ 1732-мъ году Фридрихъ-Вильгельмъ обѣщалъ свою защиту жителямъ Зальцбурга, которыхъ въ отечествѣ ихъ притѣсняли и преслѣдовали за ихъ вѣроисповѣданіе. Они являлись въ гостепріимную Пруссію цѣлыми ватагами; болѣе двадцати тысячъ этихъ выходцевъ поселилось въ провинціяхъ Пруссіи и Литвы, многіе изъ нихъ потеряли при такомъ переходѣ все свое достояніе и не имѣли средствъ обзавестись на отведенныхъ имъ земляхъ; тѣмъ болѣе жители Пруссіи старались облегчить ихъ участь своими приношеніями и помощію.

Вотъ что писалъ Фридрихъ въ то время къ Грумбкову:

«Сердце мое влечетъ меня поближе познакомиться съ участью изгнанниковъ.

«Мнѣ кажется, нельзя достойно оцѣнить твердость духа этихъ людей и чувство высокаго самоотверженія, съ которымъ они переносили всѣ страданія, чтобъ только сохранить святыню вѣры. Я охотно отдалъ бы послѣднюю сорочку, чтобъ подѣлиться съ несчастливцами. Прошу васъ, доставьте мнѣ средства помочь имъ. Изъ моихъ маленькихъ доходовъ я охотно отдамъ все, что могъ сберечь отъ собственныхъ нуждъ. Клянусь вамъ, положеніе ихъ терзаетъ мнѣ душу».

Любовь и преданность изгнанниковъ къ принцу свидѣтельствуютъ, что онъ сокрушался объ нихъ не только на словахъ, но помогалъ имъ и на дѣлѣ.

Доходы принца были еще очень ограничены. Завербованіе рослыхъ рекрутовъ для его полка стоило ему большихъ денегъ и онъ опять впалъ въ значительные долги.

Сестра его, супруга принца Бейрейтскаго, также нуждалась. Она не получала доходовъ отъ берлинскаго двора, а отъ Бейрейтскаго герцога была имъ назначена весьма неудовлетворительная сумма. Обстоятельства Дюгана, учителя и друга Фридриха, были еще печальнѣе. Онъ жилъ въ ссылкѣ, почти нищимъ.

Всѣ эти обстоятельства глубоко огорчали принца. Онъ себя винилъ въ несчастіи всѣхъ, кого съ горячностію любилъ. Между тѣмъ австрійская партія не дремала. Она мастерски умѣла употребить положеніе принца въ свою пользу. Зная, что не нынче, такъ завтра Фридрихъ возьмется за кормило государства, австрійцы старались закупить его расположеніе всѣми мѣрами. И Фридриху, и принцессѣ, подъ благовидной, тонкой причиной, были предложены отъ агента австрійскаго двора вспомогательныя суммы, которыя потомъ незамѣтно обратились въ ежегодную дань. Принцесса и Дюганъ имѣли сильное вліяніе на Фридриха, слѣдовательно усмотрительная политика Австріи и ихъ не могла упустить изъ виду.

Дюгану доставили доходное мѣсто въ Волфенбюттелѣ и назначили ему еще ежегодный пенсіонъ. Все это умѣли такъ хитро и тайно устроить, что король и понятія не имѣлъ объ этомъ дѣлѣ.

Къ несчастію, австрійская политика не умѣла хорошо замаскироваться въ глазахъ принца и благородные, безкорыстные ея виды скоро обнаружились.

Главный интересъ, изъ–за котораго такъ хлопоталъ императоръ Карлъ VI, была прагматическая санкція, долженствовавшая обезпечить за дочерью наслѣдіе престола. Союзъ съ Пруссіею былъ заключенъ потому, что Пруссія хотѣла, въ случаѣ нужды, подтвердить прагматическую санкцію оружіемъ. Съ Англіею Австрія находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ, потому что Англія составляла оппозицію. Но вотъ вдругъ обстоятельства измѣнились: Англія приняла сторону Австріи. Австрія тотчасъ стала заискивать прочной дружбы англійскаго кабинета, и Пруссія была выбрана средствомъ къ этому.

Аглійскому королю весьма хотѣлось одну изъ дочерей своихъ видѣть на прусскомъ престолѣ. Едва желаніе это было обнаружено, какъ австрійская пар–

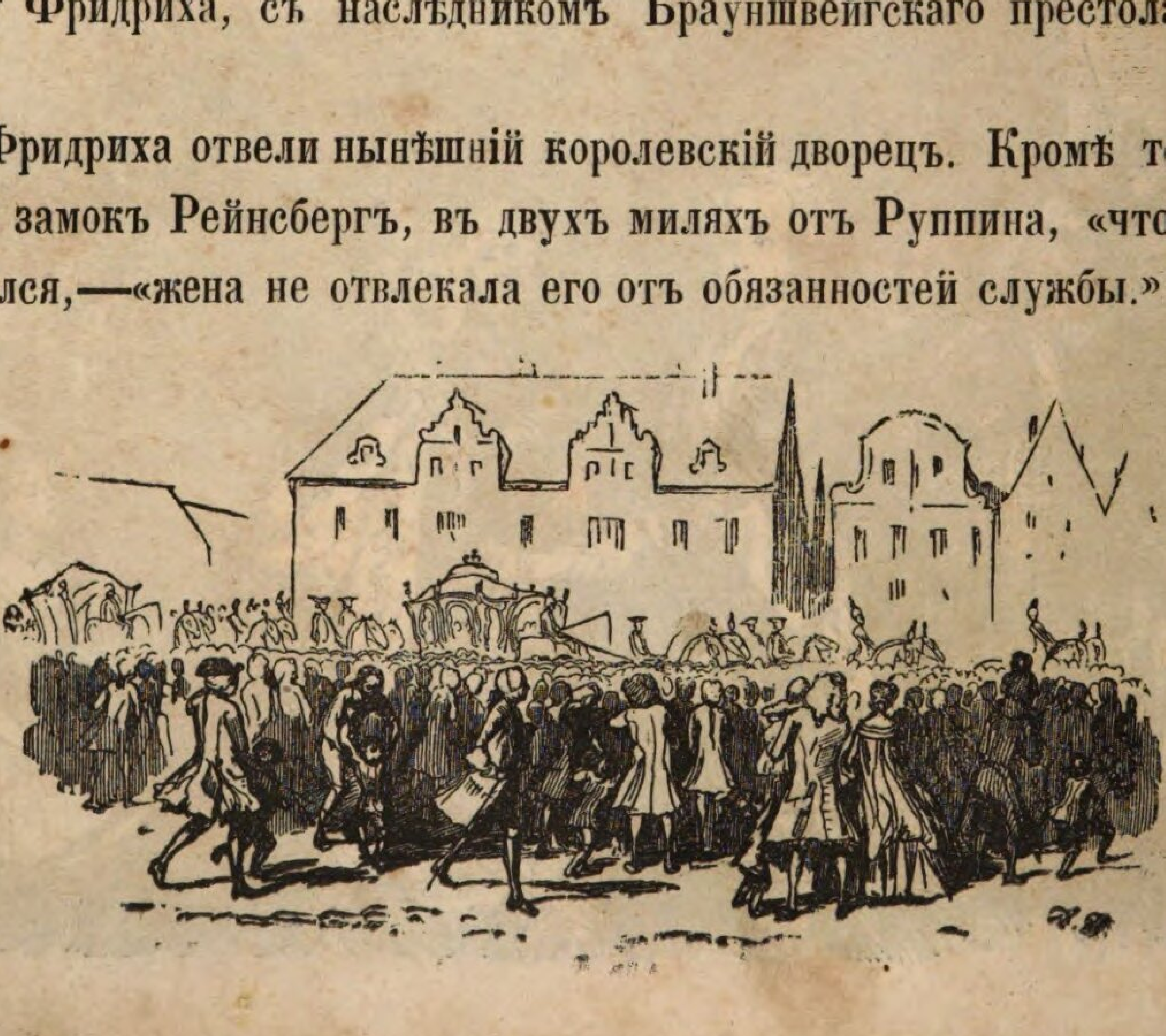
тія пустила въ ходъ всѣ пружины своихъ интригъ и начала работать съ такимъ же усердіемъ надъ завязкою новаго брака, между Фридрихомъ и англійскою принцессою, съ какимъ прежде трудилась въ пользу Брауншвейгской принцессы. Рвеніе австрійской партіи доходило до того, что даже наканунѣ бракосочетанія Фридриха, она дѣлала еще королю самыя убѣдительныя преложенія разорвать объявленный бракъ.

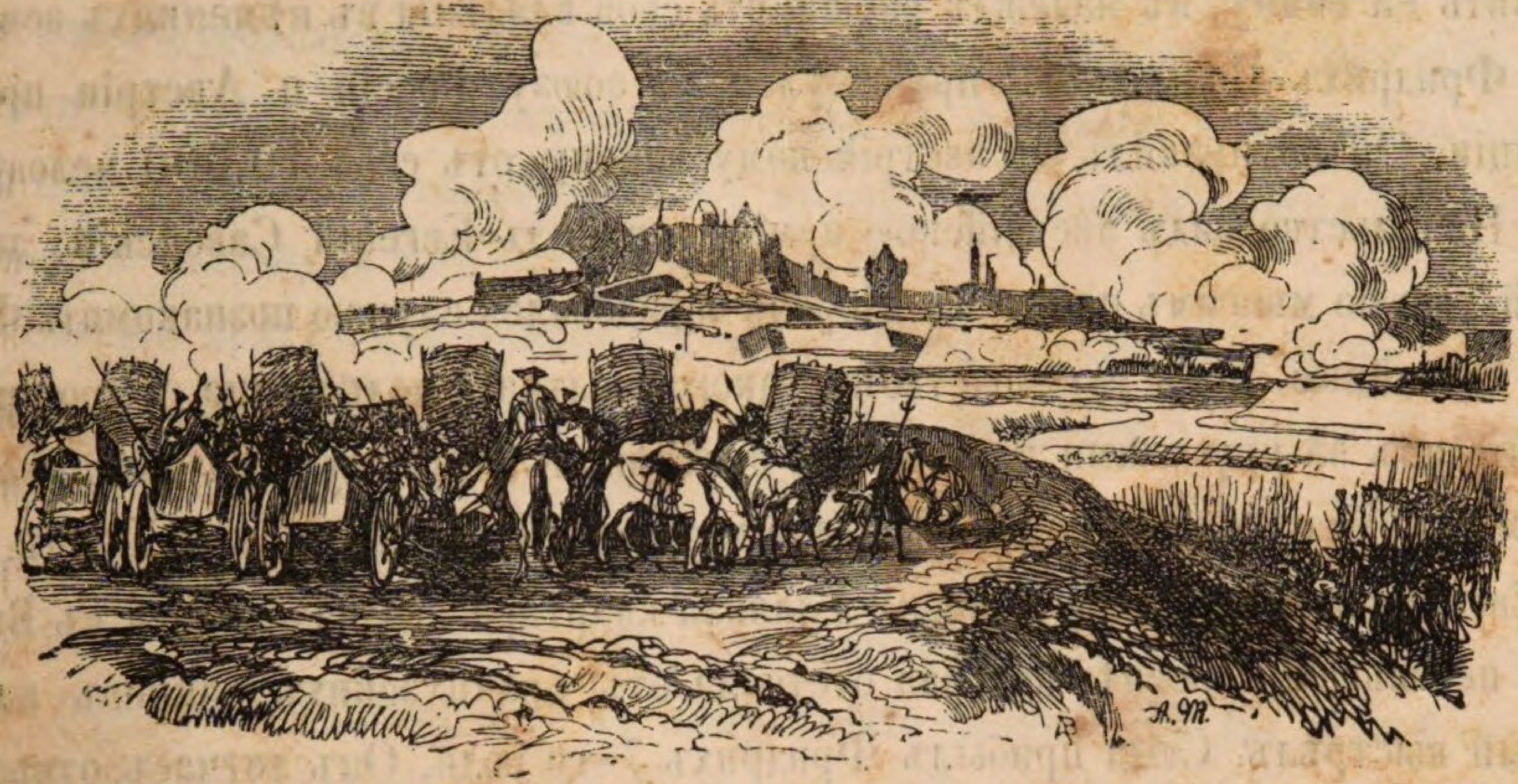
Однако на этотъ разъ всѣ фокусы хитрой дипломатики не удались: Фридрихъ-Вильгельмъ остался непоколебимъ.

И такъ, 12-го іюня 1733 года, совершился бракъ Фридриха съ принцессой Елисаветой-Христиной Браушвейгской. Вся королевская фамилія отправилась въ Сальцдалумъ, загородный дворецъ герцога Людовика Брауншвейгъ-Волфенбютельскаго, дѣда невѣсты, который принялъ на себя всѣ свадебныя распоряженія. Брачное торжество было отпраздновано великолѣпнѣйшимъ образомъ; но на всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ были печальныя физіономіи. Королева была въ отчаяніи, что всѣ ея любимые планы разрушились; невѣста въ этомъ замужествѣ слѣдовала не влеченію своего сердца, а только непремѣнной волѣ родныхъ; Фридрихъ вздыхалъ объ идеалахъ своего сердца, которые навсегда долженъ былъ изгнать изъ груди своей; король негодовалъ на австрійцевъ, австрійцы косились на короля. Знаменитый проповѣдникъ аббатъ Мосгеймъ между тѣмъ проговорилъ свою поздравительную рѣчь, упомянулъ довольно пышно о всеобщей радости, и все пошло своимъ порядкомъ.

Нѣсколько дней спустя, вся королевская фамилія возвратилась въ столицу Пруссіи. Послѣ торжественнаго въѣзда въ Берлинъ, принялись опять за пиры и празднества и кстати за одно обвѣнчали принцессу Филипину-Шарлоту, младшую сестру Фридриха, съ наслѣдникомъ Брауншвейгскаго престола, прицемъ Карломъ.

Для Фридриха отвели нынѣшній королевскій дворецъ. Кромѣ того, король купилъ ему замокъ Рейнсбергъ, въ двухъ миляхъ отъ Руппина, «чтобы»—какъ онъ выражался,—«жена не отвлекала его отъ обязанностей службы.»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Первое знакомство съ войною.

До сихъ поръ Фридрихъ видѣлъ военное дѣло только на плацпарадахъ и разводахъ: теперь ему представился случай познакомиться съ нимъ поближе, на полѣ битвы.

Поводъ къ войнѣ, въ которой Пруссія приняла участіе, подали споры о Польшѣ. Король Августъ II умеръ 1-го февраля 1733 года. Онъ, въ противность польскимъ постановленіямъ, которыя престолъ дѣлали избирательнымъ, хотѣлъ передать корону своему потомству. Хотя это стремленіе при жизни Августа не имѣло успѣха, однако по смерти его, сынъ его, Августъ III, который наслѣдовалъ отъ него саксонское курфиршество, явился претендентомъ на польскій престолъ. Россія и Австрія вмѣшались въ это дѣло и оспоривали его права. Соперникомъ ему явился Станиславъ Лещинскій, тесть французскаго короля Людовика XV. Лещинскій основывалъ свои права на томъ, что онъ, еще при жизни Августа II. когда тотъ былъ побѣжденъ Карломъ XII, получилъ отъ побѣдителя польскую корону. За него стоялъ его зять.

Самая Польша была въ печальномъ положеніи: партіи раздирали ее на части; своеволіе достигло высшей степени, и чуждыя державы управляли ея судьбою.

Австрія вступилась за Августа III; Франція обрадовалась случаю и поспѣшила объявить ей войну, въ надеждѣ расширить свои владѣнія въ нѣмецкихъ земляхъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ примкнулся къ союзу Россіи и Австріи противъ Франціи. Онъ отправилъ къ австрійскому войску отъ себя 10,000 человѣкъ.

Начальство надъ австрійскою арміею принялъ Евгеній Савойскій, знаменитый уже по многимъ побѣдамъ. Король обрадовался случаю познакомить Фридриха съ войною, подъ руководствомъ такого опытнаго полководца, и кронпринцъ послѣдовалъ за прусскими полками — охотникомъ. Французская армія, которая быстро двинулась въ Германію, осаждала крѣпость Филиппсбургъ, на Рейнѣ. Войско Евгенія поспѣшило на помощь. Главная квартира его находилась въ Визенталѣ, небольшой деревнѣ, которая отстояла отъ французскихъ шанцевъ на пушечный выстрѣлъ. Сюда прибылъ Фридрихъ 7-го іюля. Онъ тотчасъ отправился къ Евгенію, желая взглянуть на семидесятидвухлѣтняго героя. Фридрихъ просилъ у него позволенія «поглядѣть, какъ герой добываетъ себѣ лавры.»

Евгеній на тонкій комплиментъ отвѣчалъ ласкою. Онъ жалѣлъ, что прежде не имѣлъ удовольствія видѣть при себѣ наслѣдника прусскаго престола, чтобъ показать ему многое, чего онъ повторить не въ состояніи, и что могло бы принесть пользу хорошему полководцу. «А въ васъ»—прибавилъ онъ съ миной знатока—«все обличаетъ мнѣ будущаго героя.»

Евгеній пригласилъ принца къ обѣду. Пока сидѣли за столомъ, французы открыли сильный огонь. На это не обращали вниманія и разговоръ спокойно продолжался. Но Фридрихъ радовался, когда онъ провозглашалъ тостъ, и вслѣдъ за тѣмъ раздавался непріятельскій залпъ, вмѣсто музыки.

Евгеній полюбилъ Фридриха. Его юношеское увлеченіе, его остроуміе и зрѣлый разсудокъ—привлекали къ нему сѣдаго полководца. На другой день онъ посѣтилъ его въ палаткѣ вмѣстѣ съ герцогомъ Виртембергскимъ и просидѣлъ у него довольно долго. Когда оба гостя собрались идти, Евгеній случайно пошелъ впередъ, за нимъ слѣдовалъ герцогъ. Фридрихъ, который давно зналъ герцога, обнялъ и поцѣловалъ его. Евгеній обернулся и спросилъ: «А развѣ мои старыя щеки не стоятъ поцѣлуя вашего высочества?»

— О нѣтъ! отвѣчалъ Фридрихъ; но я не почиталъ себя достойнымъ прикоснуться къ челу, увѣнчанному лаврами!—И они дружески обнялись.

Евгеній въ знакъ любви своей подарилъ Фридриху четырехъ рослыхъ, мужественныхъ рекрутъ. Фридрихъ былъ приглашаемъ къ каждому военному совѣту. Онъ раздѣлялъ всѣ труды полевой службы. Каждый день, во время осады, онъ объѣзжалъ линіи и былъ первымъ при каждомъ значительномъ дѣлѣ.

Разъ, онъ выѣхалъ съ большою свитою, чтобы осмотрѣть расположеніе операціонныхъ линій подъ Филипсбургомъ. На возвратномъ пути черезъ рѣдкій прилѣсокъ непріятели навели на него свою артиллерію и осыпали его ядрами. Деревья съ трескомъ разщепливались по сторонамъ; а онъ ѣхалъ спокойно, шагомъ и даже рука, державшая поводья, не обличала въ немъ ни малѣйшей робости.

Вскорѣ прибылъ въ лагерь и король Фридрихъ-Вильгельмъ. Евгеній разхваливалъ ему принца и предсказывалъ, что онъ со временемъ будетъ великимъ полководцемъ. Съ этихъ поръ король началъ смотрѣть на сына совсѣмъ другими глазами: его воинское самолюбіе было затронуто за живое.

Какъ глубоко было впечатлѣніе, произведенное на Фридриха Евгеніемъ, ясно видно изъ стихотворенія, которое онъ написалъ въ лагерѣ. Это «*ода къ славѣ.*» Онъ почитаетъ славу основою каждаго величія, какъ на полѣ чести, такъ и на поприщѣ слова, приводитъ примѣры изъ исторіи, въ особенности прославляетъ подвиги Евгенія и заключаетъ прорицаніемъ своей будущности. Вотъ заключительная строфа этой замѣчательной оды:

O Ruhm, dem ich zum Opfer weihe
Der Freuden hold erblühten Kranz!
O Ruhm, dein bin ich! So verleihe
Du meinem Leben hellen Glanz!
Und dräuen mir des Todes Schaaren,
So kannst noch einen Strahl bewahren
Des Geistes, welcher glüht in mir!
Schliess' auf das Thor mit deinen Händen,
Auf deinen Pfad mich hinzuwenden: —
Dir leb ich und ich sterbe dir!

О слава! въ жертву я передъ тобою
Кладу цвѣтистый радостей вѣнокъ!
Я твой! Разлей надъ жизнью молодою
Твоихъ лучей блистательный потокъ.
Хоть полчища смертей грозятся мнѣ бѣдою,
Ты можешь удержать духъ мужества въ груди....
О, отвори врата могучею рукою,
Чтобъ на стезю твою я гордо могъ войти....
Съ тобою жить хочу и умереть съ тобою!

Однако этотъ походъ былъ не такого свойства, чтобъ участникамъ его доставить славу. Австрійскіе полки, дурно выправленные и обученные, составляли разительный контрастъ съ превосходнымъ порядкомъ и стройностію войскъ прусскихъ. Фридрихъ, по окончаніи похода, чувствовалъ совершенное отвращеніе отъ хвастовства и безпорядочности австрійцевъ и это имѣло значительное вліяніе на позднѣйшіе его планы въ отношеніи къ Австріи.

Евгеній уже утратилъ пылкость молодости и не рѣшался отважить славу свою въ новое дѣло. Вмѣсто того, чтобъ воспользоваться невыгоднымъ положеніемъ французовъ и съ быстротою и рѣшимостію напасть на нихъ, союзныя войска молча смотрѣли на ихъ осаду Филиппсбурга. Наконецъ крѣпость была взята непріятелемъ и всѣ надежды на великіе подвиги для австрійцевъ разрушились.

Фридриху иногда приходили самыя странныя идеи въ голову. Среди досуга и бездѣйствія лагерной жизни, ему вошло въ мысль, что *сонъ* есть ограниченье жизни потому, что онъ останавливаетъ ея дѣятельность. И вотъ онъ съ нѣсколькими товарищами, которыхъ увлекъ своимъ парадоксомъ, вздумалъ воздерживаться отъ сна. Кофе служилъ противоядіемъ противъ требованій природы. Такимъ образомъ онъ не спалъ четверо сутокъ сряду и едва не поплатился за свой опытъ тяжкою болѣзнью.

Прусскій король въ августѣ оставилъ войско, весьма недовольный дурнымъ успѣхомъ войны. Дорогою онъ тяжко заболѣлъ и поспѣшилъ въ Берлинъ. Фридриху былъ отданъ приказъ, отвесть прусскія войска на зимнія квартиры. Онъ поспѣшилъ исполнить приказаніе и въ октябрѣ прибылъ къ своему семейству.

Король не вставалъ съ постели всю зиму. Фридриху предоставилъ онъ честь заниматься государственными дѣлами и подписывать всѣ бумаги, вмѣсто его.

Король выздоровѣлъ весною; но слѣды тяжкой болѣзни не были еще совсѣмъ истреблены. Въ ознаменованіе своихъ милостей, онъ въ 1735 году произвелъ Фридриха въ генералъ-маіоры.

Австрія между тѣмъ оказалась вполнѣ неблагодарною въ отношеніи къ Пруссіи за оказанную ей помощь. Австрійскій кабинетъ, забывая примѣрное благородство и искренность Фридриха-Вильгельма, сталъ требовать, чтобъ онъ выдалъ Австріи Станислава Лещинскаго, который послѣ неудачи въ Польшѣ, искалъ себѣ убѣжища на прусской землѣ и былъ принятъ королемъ дружелюбно. Фридрихъ-Вильгельмъ отказалъ наотрѣзъ.

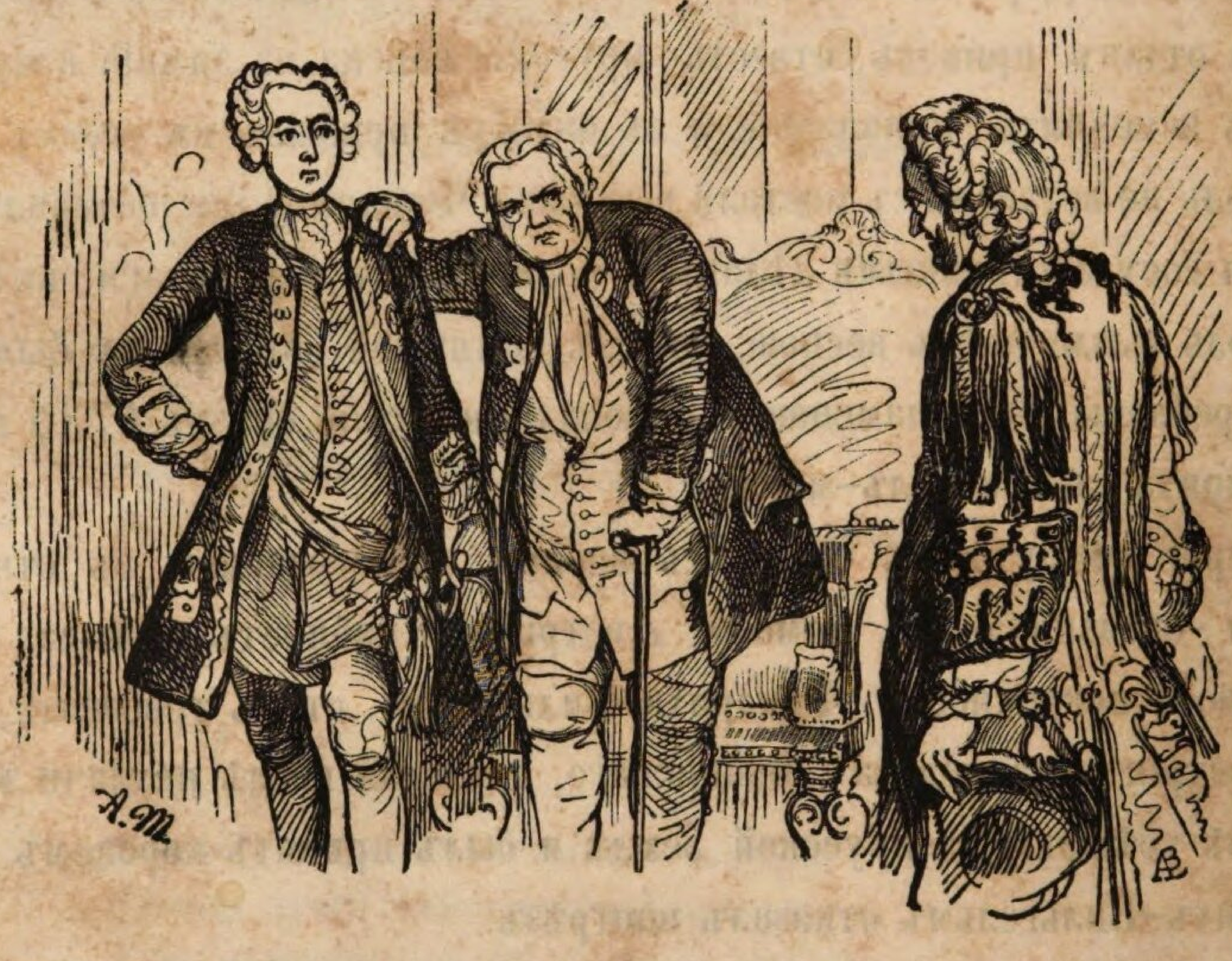
Тогда Австрія, полагая, что не имѣетъ болѣе нужды въ помощи Пруссіи, вступила въ мирные переговоры съ Франціею. Вслѣдствіе условій между обѣими державами, Австрія отдала Станиславу Лотарингію, съ тѣмъ, чтобы по смерти его она перешла къ Франціи; а герцогу Лотарингскому вмѣсто того дали Тоскану. Франція за это съ своей стороны обезпечивала прагматическую санкцію императора.

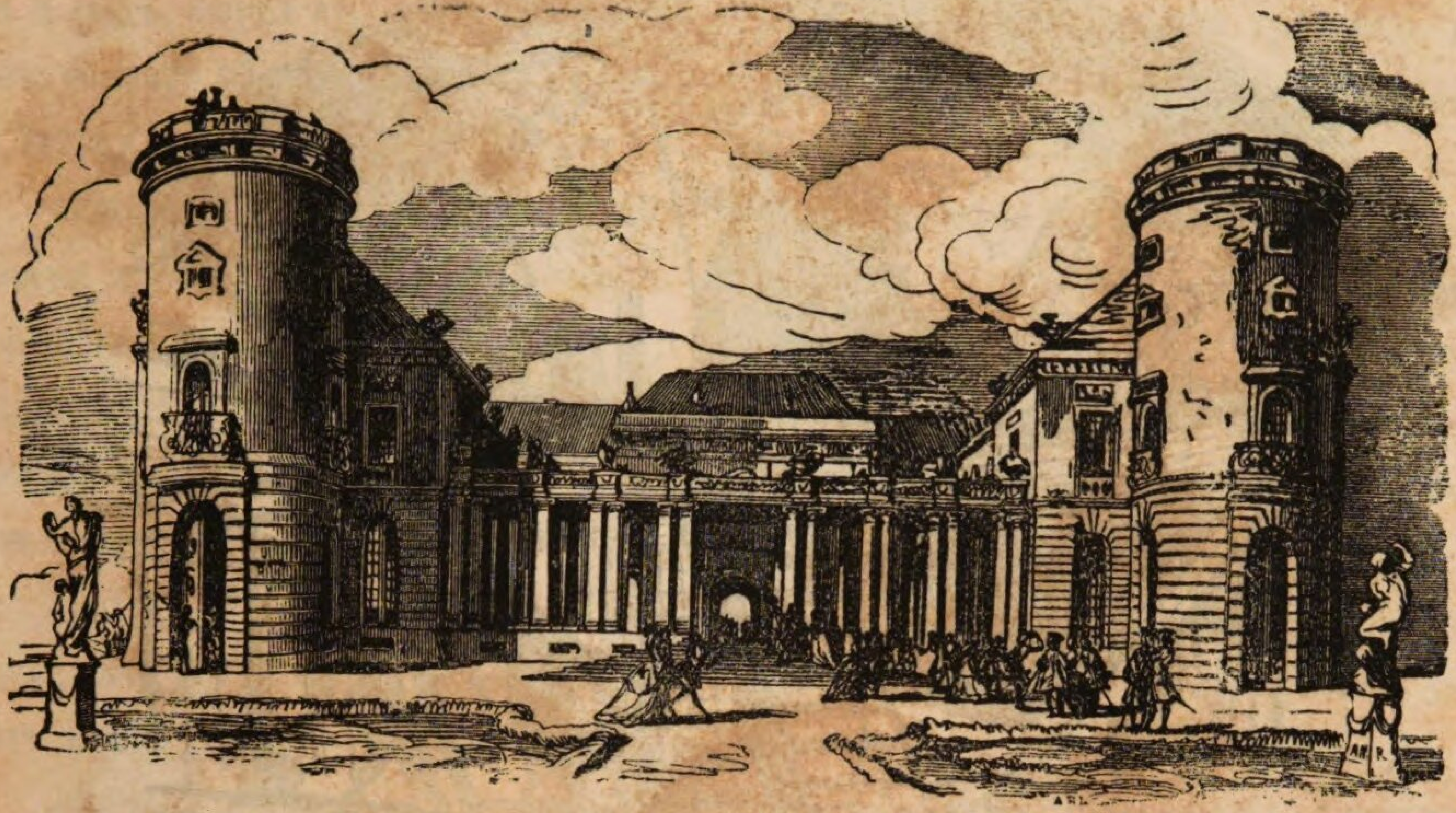
При заключеніи мира о прусскомъ королѣ и не подумали; его даже и не извѣстили о переговорахъ. Но оскорбленіе дипломатическихъ приличій было доведено австрійскимъ кабинетомъ до высшей степени: въ началѣ 1736 года, императоръ выдалъ старшую дочь свою Марію-Терезію за герцога Лотарингскаго— и объ этомъ не дали знать Фридриху-Вильгельму.

Негодованіе прусскаго короля противъ Австріи явно обнаружилось. Онъ не скрывалъ своихъ мнѣній даже при австрійскомъ посольствѣ. Однажды, послѣ разныхъ колкихъ насмѣшекъ надъ дѣйствіями австрійскаго двора, онъ быстро всталъ и, опираясь на плечо Фридриха, сказалъ съ какимъ-то одушевленіемъ: «Но, погодите: вотъ мой мститель!»

Въ началѣ 1739 года Австрія заключила съ Франціею трактатъ, по которому наслѣдіе Юлиха и Берга, изъ котораго такъ хлопоталъ прусскій король, должно было перейти къ тогдашнему прицу Сульцбахскому.

Трактатъ этотъ былъ начертанъ австрійскимъ кабинетомъ, который настаивалъ еще на томъ, чтобъ Франція оружіемъ обезпечила этотъ актъ, въ случаѣ, еслибъ Пруссія объявила противъ него протестъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Жизнь въ Рейнсбергѣ.

Во время тяжкой болѣзни отца, Фридрихъ не разъ съ сокрушеніемъ восклицалъ:

«Боже мой! Я бы охотно отдалъ одну руку, чтобы продлить жизнь короля еще хоть на двадцать лѣтъ; только-бы самъ король далъ мнѣ полную свободу въ жизни!»

Желаніе Фридриха исполнилось. Король, по выздоровленіи, далъ ему полную свободу жить—гдѣ и какъ ему вздумается. Фридрихъ выбралъ мѣстопребываніемъ прелестный замокъ свой Рейнсбергъ. Здѣсь проводилъ онъ жизнь между друзьями, занимаясь, въ дни, свободные отъ службы, всѣми любимыми своими предметами: живописью, музыкою, литературою.

Баронъ Бильфельдъ, одинъ изъ его современниковъ, который принадлежалъ къ небольшому числу избранныхъ посѣтителей Рейнсберга, оставилъ довольно вѣрное описаніе этого очаровательнаго мѣста. Вотъ оно:

«Замокъ Рейнсбергъ имѣетъ прекрасное мѣстоположеніе. Огромное озеро «обмываетъ его стѣны. Противоположный берегъ озера окаймленъ дубовымъ и «осиновымъ лѣсомъ. За нимъ въ полупанорамѣ видны окрестныя села и города.

«Прежній замокъ состоялъ изъ главнаго корпуса и флигеля съ башнею. Архите-«кторъ Кнобельсдорфъ, по приказанію и плану Фридриха, пристроилъ, въ симмет-«рію, еще флигель, также съ башнею. Обѣ башни соединены галереею, состоящею «изъ двойной колоннады, такъ что весь замокъ получилъ видъ четвероугольника. «Входъ украшенъ четырьмя статуями, держащими фонари. На дворъ ведетъ ве-«ликолѣпный порталъ, съ надписью:

Friderico tranquillitatem colenti.

«Внутренность замка роскошна и отдѣлана съ большимъ вкусомъ.»

«Вездѣ блеститъ золото, повсюду рѣзьба и скульптура. Принцъ любитъ «скромные цвѣта; по этому всѣ обои, гардины, мебели—свѣтло-лиловыя, свѣт-«ло-зеленыя, небеснаго и тѣлеснаго цвѣта. Зала, которая должна быть украше-«ніемъ всего замка, еще не отдѣлана окончательно. Ее одѣваютъ мраморомъ и «украшаютъ зеркалами и бронзою. Знаменитый Пень расписываетъ плафонъ. «Сады Рейнсберга еще не разрослись: но расположеніе ихъ грандіозно.»

«Всѣ, живущіе въ замкѣ, пользуются совершенною свободой. Они видятъ «принца и супругу его только за столомъ, за игрой, на балахъ, въ концертахъ и «другихъ увеселеніяхъ, въ которыхъ имъ дозволено принимать участіе. До обѣда «каждый занимается, чѣмъ хочетъ, въ своей комнатѣ. Потомъ, всѣ собираются «въ столовую залу, къ общему столу. Всѣ занятія принца обличаютъ человѣка «съ душою. За столомъ онъ много говоритъ, и говоритъ умно и остро. На каж-«дый предметъ находитъ онъ множество новыхъ и оригинальныхъ замѣчаній.

«Остроуміе его походитъ на вѣчный огонь Весты. Онъ любитъ противорѣ-

«чія и радъ, когда съ нимъ спорятъ. Онъ часто шутитъ и даже дразнитъ, но «безъ всякаго обиднаго намека, и самъ первый смѣется остроумному возраженію «на шутку.»

«Библіотека принца прелестна. Она помѣщается въ одной изъ башенъ и «окнами обращена въ садъ и на озеро. Въ шкафахъ со стеклами, собрано неболь-«шое количество лучшихъ французскихъ книгъ. Портретъ Вольтера во весь ростъ «составляетъ единственное украшеніе библіотеки. Онъ любимый писатель принца. «Вообще Фридрихъ очень привериженъ ко всѣмъ нынѣшнимъ прозаикамъ и по-«этамъ Франціи.»

«Послѣ обѣда, всѣ собираются въ боковой залѣ, около кофейнаго стола. «Одна изъ дамъ, по очереди, разливаетъ кофе. Тутъ шуткамъ и любезностямъ «нѣтъ конца.»

«Вечеръ посвященъ музыкѣ. Обыкновенно принцъ составляетъ концертъ «и самъ въ немъ играетъ на флейтѣ. Онъ мастерски владѣетъ этимъ инструмен-«томъ: въ игрѣ его много чувства и вкуса. Онъ самъ сочинилъ нѣсколько сонатъ. «На концерты эти приглашаются жители замка по выбору.»

«Фридрихъ отличается и въ танцахъ. Онъ ловокъ и граціозенъ. Онъ лю-«битъ всѣ удовольствія, кромѣ охоты. Вотъ, какъ онъ объ ней выражается:

—Это не удовольствіе, а убійство души, потеря времени и столь же полезное занятіе, какъ сметаніе пыли въ каминѣ.»

«Супруга Фридриха идеалъ красоты, доброты и любезности. Ея кроткій и «радушный нравъ привязываетъ къ ней всѣ сердца.»

«Недавно у принца былъ прелестный балъ, который скорѣе можно наз-«вать маскерадомъ. Принцъ явился не въ мундирѣ, а въ богатомъ шелковомъ «кафтанѣ, и такомъ же камзолѣ, вышитыхъ золотомъ. Весь его дворъ послѣдо-«валъ его примѣру. Многіе одѣлись пастушками золотаго вѣка, а дамы пастуш-«ками. Эта идиллія въ лицахъ началась въ саду, тотчасъ послѣ обѣда. Нельзя «пересказать всѣхъ наслажденій этого вечера, гдѣ роскошь затмевалась просто-«той, а простота возвышалась свободой и вкусомъ.—Замокъ здѣшній настоящій «храмъ чудесъ! Превосходный столъ, чудесное вино, прелестныя женщины, от-«личная музыка, упоительные праздники, словомъ, все обояніе искусствъ и наукъ «соединено здѣсь, чтобъ обворожить человѣка и дать новую прелесть жизни.»

Авторъ этихъ записокъ забылъ упомянуть объ одномъ изъ главнѣйшихъ удовольствій замка Рейнсберга: о придворныхъ спектакляхъ.

Спектакли эти составлялись изъ людей, окружавшихъ принца и его придворныхъ дамъ. Онъ самъ принималъ въ нихъ участіе. На сцену ставились только произведенія Расина и Вольтера. Принцъ занималъ въ «Митридатѣ» Расина главную роль, а въ Вольтеровомъ «Эдипѣ» — онъ игралъ *Филоктета*.

Тутъ показалъ онъ удивительно гибкій трагическій талантъ, много одушевленія и чувства.

Самый замокъ въ то время получилъ особенное поэтическое значеніе. Издревле велось преданіе, которое подтверждали многіе антикваріи, что настоящее названіе замка не Рейнсбергъ, а *Ремусбергъ*. По древнимъ сказаніямъ, Ремусъ или *Ремъ*, братъ Ромула, послѣ основанія Рима былъ изгнанъ своимъ братомъ, уда-

лился на островокъ Ремусъ, находящійся посреди озера, и тутъ основалъ новое царство. Древніе мраморные саркофаги, отрытые на островѣ, подали поводъ къ такому предположенію. При Фридрихѣ старинное сказаніе снова ожило: два итальянскіе монаха, вслѣдствіе найденной ими латинской лѣтописи, явились на островъ отыскивать могилу римскаго героя. Многія древности, найденныя при этихъ поискахъ, придавали ихъ предположенію видъ правдоподобія. Тогдашніе критики (такіе же хитрецы, какъ и нынѣшніе), зная, что это открытіе доставляетъ удовольствіе Фридриху, не пускались въ слишкомъ рѣзкія опроверженія этой басни — и замокъ сталъ называться *Ремусбергомъ*.

Фридрихъ до того увлекся поэтической стороной открытія, что началъ даже близкихъ къ себѣ людей называть римскими именами. Такъ, наприм. Кейзерлинга онъ прозвалъ Цезаріюномъ, Іордана — Тиндаломъ и т. д.

Поэтическое направленіе его духа еще больше обнаружилось въ томъ, что онъ вздумалъ основать рыцарскій орденъ, заключавшій въ себѣ всѣхъ близкихъ и дальнихъ друзей его.

Патрономъ ордена былъ избранъ Баярдъ, герой французской исторіи. Эмблему его составлялъ лавровый вѣнокъ, на которомъ лежалъ мечъ, съ извѣстнымъ девизомъ Баярда:

«Безъ боязни и безъ упрека.»

Гросмейстеромъ ордена былъ сдѣланъ Фуке, тотъ самый, который, впослѣдствіи, между героями Фридрихова царствованія занялъ такое почетное мѣсто. Только двѣнадцать членовъ составляли орденъ. Обѣтъ ихъ былъ: доблесть душевная, храбрость воинская и слава вождя. Рыцари носили кольца, въ видѣ согнутаго меча, съ надписью:

«Да здравствуетъ, кто не сдается!»

Члены ордена получали особенныя прозвища: Фуке назывался *цѣломудреннымъ*, Фридрихъ — *постояннымъ*, герцогъ Вильгельмъ Баварскій — *золотымъ колчаномъ*.

Тоже поэтическое направленіе, вмѣстѣ съ неизъяснимой любознательностію, побудили Фридриха вступить въ братство *вольныхъ каменьщиковъ*. Онъ былъ принятъ въ 1738 году — съ соблюденіемъ всѣхъ таинственныхъ обрядовъ общества.

Большую часть времени Фридрихъ посвящалъ занятіямъ серіознымъ и ученію. Онъ старался пользоваться свободою своей теперешней жизни. Безпрестанно былъ онъ углубленъ въ чтеніе твореній классическихъ писателей древности и въ особенности историковъ.

Прочія науки его такъ же интересовали и онъ старался входить въ переписку съ извѣстнѣйшими учеными того времени, съ естествоиспытателями, бо-

гословами, философами и докторами. Чтобы ближе познакомиться съ политикою своего вѣка и съ военнымъ искусствомъ, онъ постоянно переписывался съ Грумбковымъ и княземъ Леопольдомъ Ангальтъ-Дессаускимъ.

Особенно его занимали главныя философскія идеи: общія права человѣчества, отношенія конечнаго къ безконечному, временнаго къ вѣчности, созданнаго къ создателю, человѣка къ Богу.

Для этого онъ заводилъ знакомство и связи съ умнѣйшими проповѣдниками въ Германіи.

Въ 1736 году онъ слушалъ проповѣдь Бособра въ Берлинѣ, которая привела его въ совершенный восторгъ. Онъ тотчасъ же пожелалъ сблизиться съ Бособромъ и пригласилъ его къ себѣ. Бесѣда его съ почтеннымъ старцемъ совершенно завлекла его.

При прощаніи онъ обѣщалъ проповѣднику взять его старшаго сына къ себѣ на воспитаніе. Вскорѣ потомъ Бособръ умеръ и Фридрихъ свято сдержалъ данное слово.

Что казалось ему непонятнымъ въ богословіи, Фридрихъ старался пояснить себѣ нравственною философіею. Въ то время первое мѣсто между мыслителями занималъ Вольфъ, выгнанный Фридрихомъ-Вильгельмомъ изъ Галле. Друзья указали Фридриху на Вольфа. Онъ велѣлъ перевесть на французскій языкъ его «логику», «нравственную философію» и «метафизику».

Изъ этихъ-то источниковъ получило направленіе его духовное бытіе, которое впослѣдствіи постоянно оставалось вѣрнымъ первымъ убѣжденіямъ.

Но природа создала Фридриха для дѣятельности политической и потому онъ скоро долженъ былъ оставить для нея поприще своихъ философскихъ изслѣдованій. Однако всѣ его сочиненія, не историческаго содержанія, трактуютъ о предметахъ философскихъ.

Особенную привязанность Фридриха пріобрѣлъ человѣкъ, который тогда сталъ въ главѣ французскихъ мыслителей и необычайной энергіей и силой души своей разливалъ новый свѣтъ надъ Европою: это былъ Вольтеръ.

Великое вліяніе Вольтера на современные умы, конечно, покоилось не на глубинѣ знаній, и еще менѣе на пламени вдохновенія. Онъ купилъ себѣ первенство въ ученомъ мірѣ безпрерывной борьбою съ идеями вѣка, которыя побѣждалъ оружіемъ мысли или насмѣшки; выигрывалъ гибкостью своего ума и таланта, который съ равною силою проявлялся во всѣхъ областяхъ наукъ, искусствъ и беллетристики. Онъ умѣлъ приловчить новыя свои идеи къ понятіямъ толпы; облекалъ ихъ въ остроуміе, во всю роскошь колорита, которая требовалась духомъ времени.

Все, что онъ писалъ, носило на себѣ печать практической жизни.

Фридрихъ съ восхищеніемъ читалъ творенія Вольтера. Наконецъ, въ 1736 году, онъ письменно обратился къ сорока-трехлѣтнему автору, съ предложеніемъ своей царской дружбы. Между ними завязалась переписка, которая продолжалась сорокъ два года, до самой смерти Вольтера.

Фридрихъ слѣпо былъ преданъ Вольтеру. Объ портретѣ его, который висѣлъ у него въ библіотекѣ, надъ самымъ писменнымъ столомъ, онъ говорилъ:

«Эта картина, какъ Мемноново изображеніе, звучитъ подъ блескомъ солнца и оживляетъ духъ того, кто на нее взглянетъ.»

Фридрихъ намѣревался сдѣлать роскошное изданіе «Генріады» Вольтера и украсить ее картинками Кнобелсдорфа. Но намѣреніе его не исполнилось.

«Одна мысль «Генріады» — говорилъ онъ, «стоитъ цѣлой» Иліады «Гомера.»

Вотъ до чего доходило его пристрастіе къ Фернейскому философу.

Фридрихъ отправилъ Кнобелсдорфа посланникомъ къ Вольтеру, для поднесенія ему своего портрета. Вольтеръ въ замѣнъ прислалъ ему нѣкоторыя свои сочиненія, которыхъ не дерзалъ еще выпустить въ свѣтъ.

Фридрихъ сохранялъ рукописи, какъ величайшую драгоцѣнность и называлъ ихъ своимъ золотымъ руномъ.

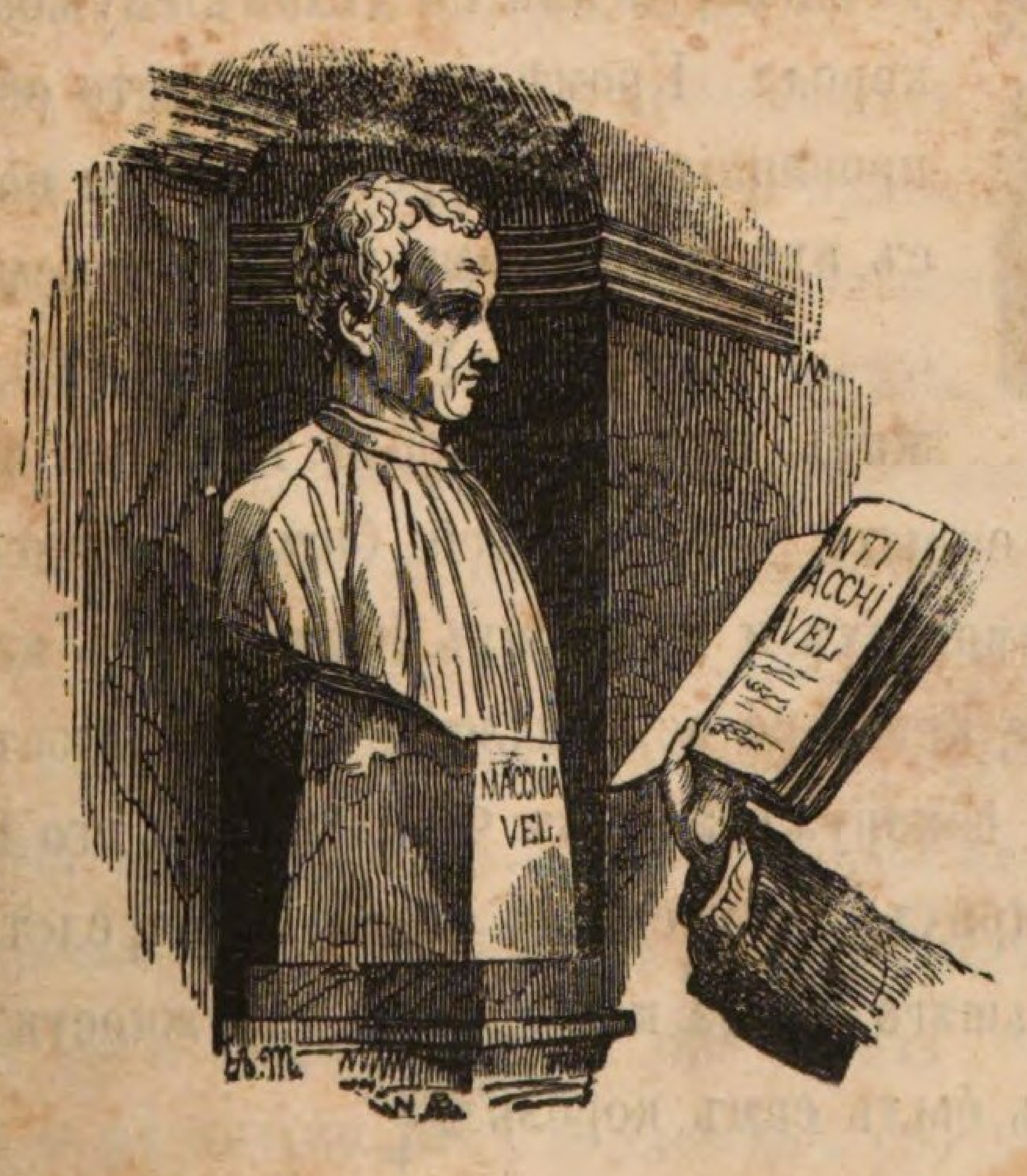
Время, прожитое Фридрихомъ въ Рейнсбергѣ, было, такъ сказать, временемъ его приготовленія къ высокому призванію.

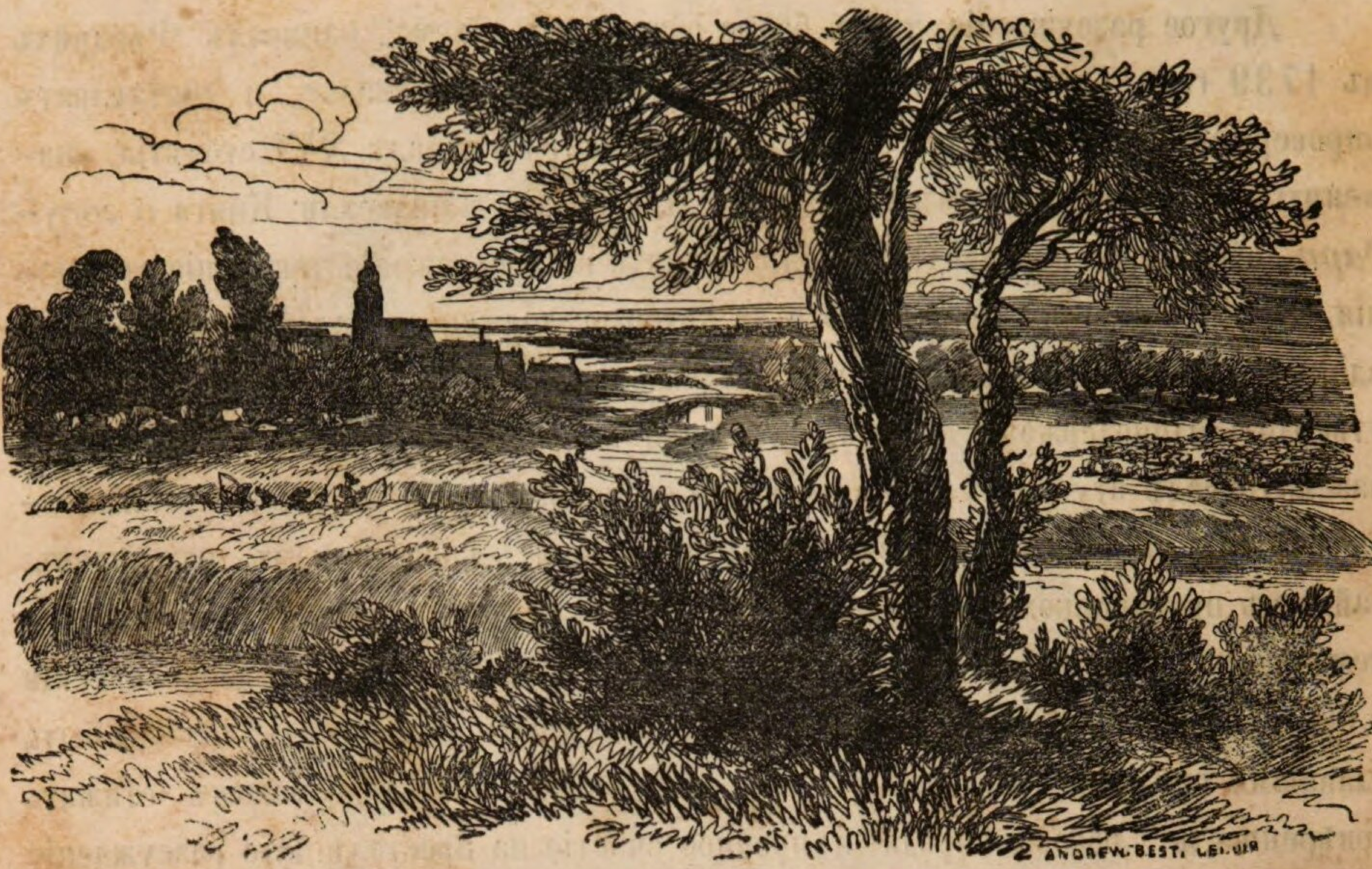
Кромѣ мелкихъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ эту эпоху, особенно замѣчательны два разсужденія: «Взглядъ на настоящее состояніе государственной системы въ Европѣ» и «Антимакіавелизмъ.»

Въ первомъ Фридрихъ разсматриваетъ критическое положеніе Европы, вслѣдствіе союза Франціи съ Австріею. Онъ показываетъ, какія важныя слѣдствія должны произойти отъ стремленія Франціи къ расширенію своихъ предѣловъ, и Австріи къ преобладанію надъ Германіею, — если другія державы не будутъ развивать новыхъ силъ для соблюденія политическаго равновѣсія. Онъ заключаетъ трактатъ свой выводомъ, что слабость государей происходитъ только отъ незнанія собственныхъ силъ и средствъ, и отъ ложной мысли, что «народы существуютъ для нихъ, а не они для народовъ.» Этому убѣжденію самъ Фридрихъ остался вѣрнымъ до послѣдней своей минуты. Фридрихъ хотѣлъ напечатать свое разсужденіе въ Англіи, но потомъ раздумалъ, и оно явилось въ свѣтъ въ полныхъ его сочиненіяхъ, изданныхъ уже послѣ его смерти.

Другое разсужденіе, трудъ болѣе обширнаго объема, написалъ Фридрихъ въ 1739 году. Оно извѣстно подъ именемъ «Антимакіавель», и составляетъ опроверженіе книги «*О государѣ*», написанной, въ началѣ XVI столѣтія, знаменитымъ Флорентинскимъ историкомъ Николаемъ Макіавелли. Книга *о государѣ*, образцовое произведеніе, если принять въ соображеніе тогдашнія отношенія, къ которымъ оно примѣнено и на которыя долженствовало имѣть большое вліяніе. Оно заключаетъ въ себѣ соображенія, какимъ образомъ достигнуть и утвердить единодержавіе въ государствѣ (во Флоренціи того времени). Фридрихъ разсматривалъ эту книгу, какъ ученіе о деспотизмѣ; онъ почиталъ Макіавелли самымъ вѣроломнымъ совѣтникомъ государей, клеветникомъ ихъ правъ, тайнымъ противникомъ ихъ обязанностей. Слѣдуя за Флорентинскимъ писателемъ шагъ за шагомъ, онъ съ одушевленіемъ доказываетъ, что не деспотическія и преступныя дѣйствія, а добродѣтель, справедливость и милосердіе должны быть главными орудіями государей и чрезъ нихъ только правитель можетъ стяжать довѣренность, любовь народа и прочное счастіе на престолѣ. Это разсужденіе имѣетъ тоже основаніе, какъ и первое, именно, что государя должно разсматривать какъ вѣрнаго попечителя и защитника правъ народовъ, ему ввѣренныхъ Провидѣніемъ. Въ его разсужденіи читатель могъ ясно видѣть безпристрастную, историческо-ученую оцѣнку творенія Макіавелли, которое сочинитель оспаривалъ, не только въ частностяхъ, но и общемъ объемѣ.

Какъ мнѣніе наслѣдника сильной державы, готовящагося вступить на престолъ, разсужденіе Фридриха возбудило всеобщее вниманіе. Разсужденіе его вышло въ свѣтъ безъ имени автора, въ Голландіи, гдѣ онъ велѣлъ напечатать свою книгу подъ надзоромъ Вольтера, но авторъ скоро было открытъ и всѣ любопытствовали узнать: будутъ ли слова Фридриха согласоваться съ его дѣяніями?

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Смерть Фридриха-Вильгельма 1-го.

Очень часто Фридрихъ долженъ былъ отлучаться изъ Рейнсберга или по дѣламъ службы, или по требованію короля. Кромѣ того, онъ часто объѣзжалъ отдаленныя провинціи государства, чтобы покороче ознакомиться съ ихъ состояніемъ и управленіемъ.

Фридрихъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы заслужить милость короля точнымъ исполненіемъ своихъ воинскихъ и государственныхъ обязанностей. Онъ заботился о томъ, чтобы его полкъ на ежегодныхъ смотрахъ и маневрахъ былъ однимъ изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ. Такое усердіе невольно остраняло всѣ неудовольствія, которыя король все еще по временамъ обнаруживалъ къ Фридриху за его наклонность къ ученымъ занятіямъ. Фридрихъ употреблялъ также всѣ средства набирать въ рекруты людей самаго большаго роста и красивой наружности и помѣщалъ ихъ въ полкъ, котораго шефомъ былъ самъ король.

Bayerische Staatsbibliothek München

Въ характерѣ короля Фридриха-Вильгельма произошла также значительная перемѣна въ послѣдніе годы его жизни. Видя успѣхи Фридриха и общее уваженіе къ его познаніямъ, король началъ смотрѣть на искусства и науки, какъ на предметы не совсѣмъ безполезные въ государствѣ и понемногу даже убѣждался, что они необходимы для нравственнаго совершенствованія какъ народа, такъ и государя.

«Важную, утѣшительную новость могу я тебѣ сообщить»,такъ писалъ Фридрихъ къ одному изъ близкихъ себѣ людей: «король, отецъ мой, ежедневно по три часа читаетъ философію Вольфа! Слава Богу! Наконецъ достигли мы торжества разума.» Въ послѣднее время своей жизни Фридрихъ-Вильгельмъ усердно желалъ исправить прежнія свои заблужденія: ему хотѣлось снова привлечь въ Пруссію изгнанныхъ имъ ученыхъ и философовъ. Но этого сдѣлать онъ не успѣлъ. Торжество мысли и просвѣщенія было предназначено царствованію его преемника.

Величайшее уваженіе къ народолюбивому чувству своего отца получилъ Фридрихъ, сопутствуя ему въ 1739 въ путешествіи по Пруссіи. Онъ былъ свидѣтелемъ благословеній, которыми осыпала короля цѣлая провинція, населенная Зальцбургскими изгнанниками. Вотъ что писалъ онъ по этому случаю изъ Литвы къ Вольтеру: «Мы прибыли въ страну, которая, по моему мнѣнію, есть nec plus ultra образованнаго міра. Эта малоизвѣстная въ Европѣ провинція—новое созданіе короля, моего отца. Она была опустошена чумою: двѣнадцать или пятьнадцать опустѣлыхъ городовъ и отъ четырехъ до пяти сотъ необитаемыхъ деревень представляли самое печальное зрѣлище. Король не щадилъ издержекъ для осуществленія своихъ благотворныхъ видовъ. Онъ отстроилъ вновь города, учредилъ превосходныя заведенія, созвалъ со всѣхъ сторонъ Европы нѣсколько тысячъ семействъ. Теперь поля обработаны, страна населена, торговля процвѣтаетъ, всюду изобиліе и счастіе: пустыня стала плодоноснѣйшею провинціей цѣлой Германіи. И все это дѣло короля, который не только приказывалъ, но самъ былъ главнымъ лицомъ при исполненіи, самъ чертилъ планы и приводилъ ихъ въ дѣйствіе, не щадилъ трудовъ, поощреній, огромныхъ суммъ и наградъ для того, чтобъ упрочить благосостояніе полумилліона мыслящихъ существъ, обязанныхъ ему своимъ довольствомъ и счастіемъ. Я вижу въ этомъ великодушномъ подвигѣ, въ этомъ превращеніи пустыни въ населенную, плодоносную и счастливую страну, что-то героическое, и надѣюсь, что вы раздѣлите мое мнѣніе.»

Путешествіе по Пруссіи доставило кронпринцу особенный и вовсе неожиданный знакъ отеческой милости. Король подарилъ ему свои богатые конные заводы, приносившіе ежегоднаго дохода отъ десяти до двѣнадцати тысячъ талеровъ. Фридрихъ тѣмъ менѣе могъ этого ожидать, что король незадолго до того снова былъ къ нему суровъ и нѣсколько разъ не совсѣмъ кротко выражалъ свои чув-

ства. Подарокъ короля былъ для него весьма важенъ, потому что обыкновеннаго его дохода далеко не хватало на его издержки и онъ былъ принужденъ дѣлать значительные займы за границею.

Съ этихъ поръ между отцомъ и сыномъ совершенно водворилось согласіе, возраставшее съ каждымъ днемъ. Фридрихъ-Вильгельмъ могъ съ полною довѣренностію передать въ руки сына судьбу своихъ подданныхъ. Давнишній его недугъ возобновился съ большею силою и скоро перешелъ въ водяную болѣзнь, съ самыми худыми признаками. Цѣлую зиму король жестоко страдалъ; Фридрихъ большую часть этой зимы провелъ возлѣ него. О нѣжномъ соболѣзнованіи сына свидѣтельствуютъ его письма.

Весною, когда положеніе короля, казалось, нѣсколько облегчилось, Фридрихъ отправился въ Рейнсбургъ. Вскорѣ прибылъ туда курьеръ съ извѣстіемъ о весьма опасномъ положеніи здоровья его величества. Фридрихъ поспѣшилъ въ Потсдамъ, гдѣ король жилъ во время своей болѣзни. Жизненная сила отца еще разъ вспыхнула. Фридрихъ нашелъ его на площади, подлѣ дворца, сидящимъ въ подвижныхъ креслахъ, на которыхъ его возили, потому что ноги давно уже отказались служить ему. Онъ смотрѣлъ на закладку сосѣдственнаго дома.

Едва увидѣлъ онъ издали сына, какъ простеръ къ нему объятія, и принцъ бросился въ нихъ съ слезами. Въ такомъ положеніи оставались они долго, не говоря ни слова. Наконецъ король прервалъ молчаніе. «Хотя я всегда былъ къ тебѣ строгъ, говорилъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно любилъ тебя со всей горячностію отцовскаго сердца; за то Богъ далъ мнѣ сладкую минуту еще разъ увидѣться съ тобою.» Потомъ онъ приказалъ перенести себя въ комнату и въ продолженіе цѣлаго часа наединѣ бесѣдовалъ съ сыномъ, отдавая ему, съ рѣдкою твердостію, отчетъ обо всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ своихъ.

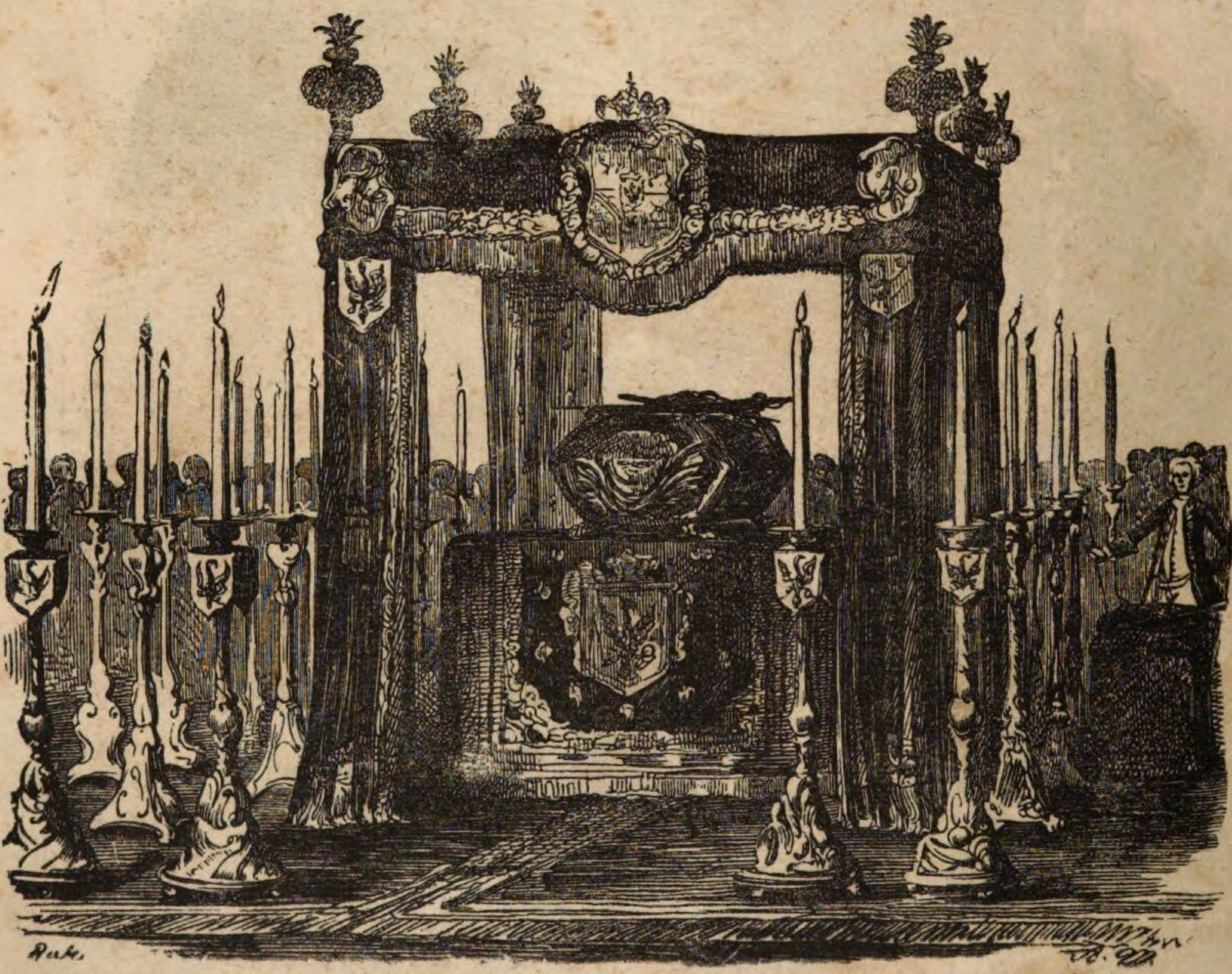
На другой день кронпринцъ и многіе высшіе сановники находились при королѣ. Онъ, обращаясь къ нимъ, сказалъ: «Не правда ли, Господь ко мнѣ очень милостивъ: Онъ даровалъ мнѣ достойнаго и благороднаго преемника?» Фридрихъ всталъ и съ жаромъ поцѣловалъ руку отца, который привлекъ его къ себѣ на грудь, долго держалъ крѣпко въ объятіяхъ и воскликнулъ: «Боже! умираю спокойно; сынъ мой не посрамитъ любви моей къ народу.»

Нѣсколько дней спустя король велѣлъ созвать рано утромъ въ пріемную всю свою свиту, министровъ, и всѣхъ штабъ-офицеровъ своего полка. Его вынесли въ залу въ подвижныхъ креслахъ. Онъ былъ покрытъ плащемъ, и до того слабъ, что едва могъ внятно говорить. Онъ приказалъ сыну стать возлѣ себя и, взявъ его за руку, далъ знакъ, чтобъ дежурный офицеръ прочелъ бумагу, заранѣе приготовленную. Она заключала въ себѣ послѣднюю его волю. Онъ торже-

ственно передавалъ королевство и полкъ свой наслѣдному принцу, убѣждая подданныхъ быть столь же вѣрными его сыну, какъ они были ему. Напряженіе силъ, однакожь, такъ истощило его, что онъ тотчасъ же послѣ того велѣлъ перенести себя въ кабинетъ и легъ въ постель. За нимъ послѣдовали кронпринцъ и королева. Съ необыкновеннымъ мужествомъ перенесъ онъ послѣднія, предсмертныя страданія, вскорѣ начавшіяся, и среди тихой молитвы испустилъ духъ, въ два часа, 31 мая 1740 года.

Предъ кончиною король далъ приказаніе похоронить его, какъ можно проще. Фридрихъ однако не исполнилъ его волю: онъ велѣлъ составить пышную погребальную процессію; принцъ боялся, чтобы народъ, которому неизвѣстна была последняя воля короля, не приписалъ отсутствіе обычной церемоніи неуваженію, основанному на прежнихъ его непріятностяхъ съ отцомъ. Фридрихъ самъ, при описаніи жизни своего отца, говоритъ съ благородною скромностію объ этихъ непріятностяхъ. Домашнія огорченія этого великаго государя мы прейдемъ молчаніемъ; надо быть снисходительнымъ къ погрѣшностямъ отцовъ, изъ уваженія къ доблестямъ ихъ дѣтей.

Василій Васильевичъ
ИЛЬИНЪ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Начало царствованія Фридриха.

Фридрихъ былъ глубоко огорченъ смертію своего отца. Онъ чувствовалъ къ покойному какое-то благоговѣйное чувство, вполнѣ сознавая, что Фридрихъ-Вильгельмъ, своими неусыпными трудами на пользу и славу Пруссіи, приготовилъ ему прочное и блистательное поприще. Онъ рѣшился принесть ему дань истиннаго уваженія, слѣдуя съ неутомимою силою по стопамъ покойнаго, управляя по данному образцу механизмомъ государства, искусно устроеннымъ, и прибавляя новое только тамъ, гдѣ его свѣтлый взглядъ видѣлъ необходимость преобразованія. Съ неутомимымъ усердіемъ, подавляя свою скорбь, предался онъ вполнѣ своему высокому призванію. Въ первые-же дни его царствованія было возвѣщено народу, что онъ желаетъ сохранить прежній порядокъ, и какія нововведенія почитаетъ необходимыми.

Такое вступленіе юнаго короля готовило однимъ непріятныя, другимъ радостныя послѣдствія. Предполагали значительныя перемѣны въ учрежденіи государственномъ, думали, что люди, окружавшіе близко Фридриха-Вильгельма, имѣвшіе на него вліяніе, теперь замѣнятся другими и будутъ занимать не столь блестящія мѣста. Но Фридрихъ не хотѣлъ нанести оскорбленія истинной заслугѣ, и забывалъ даже свои прежнія личныя отношенія—для общей пользы. Такъ разсказываютъ о старомъ полководцѣ, принцѣ Леопольдѣ Дессаускомъ, который прежде принадлежалъ къ австрійской партіи, что онъ съ печальнымъ лицомъ и со слезами на глазахъ представился Фридриху, говорилъ ему рѣчь и просилъ оставить его и сыновей при прежнихъ должностяхъ въ арміи. Фридрихъ на это отвѣчалъ, что онъ нисколько не устраняетъ его отъ занимаемыхъ имъ мѣстъ, надѣясь, что принцъ будетъ служить ему столь же вѣрно, какъ отцу его, но прибавилъ: «Что же касается до вліянія и силы, то въ мое царствованіе никто кромѣ меня и закона не будетъ имѣть силы и вліянія на народъ.»—Еще болѣе изумились, когда Фридрихъ прежняго министра финансовъ фонъ-Бодена, котораго обвиняли въ пристрастіи и лихоимствѣ и къ которому онъ прежде самъ не благоволилъ, но способности котораго умѣлъ цѣнить, не только оставилъ при прежней должности, но еще подарилъ ему великолѣпный, вновь построенный домъ.

Другіе, напротивъ, ошиблись въ своихъ блестящихъ надеждахъ, основанныхъ на прежнихъ связяхъ съ кронпринцемъ. Такъ подвергся строгому выговору короля заслуженный генералъ лейтенантъ фонъ-деръ Шуленбургъ, когда онъ безъ

позволенія оставилъ свой полкъ, чтобы лично принесть Фридриху поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ. Тоже было со многими другими искателями счастія. Поздравительныя стихотворенія, которыя отвсюду присылались къ королю, плохо вознаграждали трудъ стихотворцевъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ его любимцевъ узнали на опытѣ, что они не совсѣмъ вѣрно поняли его характеръ. Одинъ изъ нихъ поспѣшилъ отправить къ пріятелю своему въ Парижъ приглашеніе, въ которомъ увѣрялъ, что онъ теперь найдетъ эльдорадо въ Берлинѣ и что они могутъ вести самую веселую жизнь въ обществѣ короля. По несчастію, Фридрихъ вошелъ незамѣтно въ комнату и стоя позади писавшаго, прочелъ письмо. Онъ взялъ его со стола, разорвалъ и сказалъ съ важнымъ видомъ: «шуткамъ теперь конецъ!»

Напротивъ, тѣ изъ друзей Фридриха, которыхъ истинная преданность, заслуги и способности были испытаны, видѣли передъ собой почетное поприще; Фридрихъ умѣлъ каждому изъ нихъ назначить такое мѣсто, на которомъ онъ, сообразно своимъ способностямъ, могъ дѣйствовать ко благу государства. Пострадавшіе прежде за него невинно, нашли теперь полное вознагражденіе. Отецъ несчастнаго Катте былъ пожалованъ въ фельдмаршалы и графы, всѣ прочіе родственники Катте взысканы были особенною милостію короля. Вѣрный Дюганъ былъ возвращенъ изъ заточенія и Фридрихъ далъ ему возможность спокойно провести остатокъ дней. Также возвратился въ Берлинъ Китъ и пожалованъ шталмейстеромъ и капитаномъ арміи. Каммеръ-президентъ фонъ-Мюнховъ, который много пострадалъ во время пребыванія Фридриха въ Кюстринѣ, былъ теперь вмѣстѣ съ сыновьями щедро осыпанъ милостями.

Матери своей оказывалъ онъ до самой ея смерти истинно сыновнее почтеніе. Когда она, по смерти короля, привѣтствовала его словами «*ваше величество,*» онъ прервалъ ее, сказавъ: «называйте меня всегда вашимъ сыномъ; это имя для меня дороже королевскаго титла.»—Съ такимъ же высокимъ уваженіемъ встрѣтилъ онъ свою супругу. Въ Пруссіи распространился слухъ, что онъ хотѣлъ развестись съ нею и вступить въ новый бракъ, по причинѣ ея безплодія. Но Фридрихъ и не думалъ о разводѣ. Напротивъ, разсказываютъ, что по вступленіи на престолъ, онъ тотчасъ же представилъ ее двору. «*Вотъ ваша королева!*» сказалъ онъ и въ присутствіи всѣхъ обнялъ ее съ нѣжностію и поцѣловалъ. Однако вскорѣ они стали жить порознь и видѣлись только при торжественныхъ случаяхъ. Нѣжная, женская кротость, составлявшая внутреннюю жизнь этой рѣдкой женщины, не согласовалась съ остротою ума и пылкимъ характеромъ Фридриха. Но онъ поставилъ себѣ въ обязанность оказывать ей всѣ почести, какъ царствующей королевѣ, и строго наблюдалъ за этикетомъ, требуя, чтобъ придворные и послы другихъ державъ воздавали ей должную дань уваженія.

За то до самой смерти его она питала къ нему преданность и принимала самое искреннее участіе во всемъ до него касавшемся.

Когда вскорѣ по вступленіи на престолъ, государственные чины, министры и генералы представились во дворецъ для принесенія присяги, Фридрихъ объяснилъ имъ свои намѣренія, касательно новаго правленія. «Хотя мы (такъ гово—

рилъ онъ имъ) весьма благодарны вамъ за вѣрную службу вселюбезнѣйшему нашему родителю; но мы не желаемъ, чтобы впредь для обогащенія нашего угнетался бѣднѣйшій классъ нашихъ подданныхъ. Нынѣ мы обязываемъ васъ заботиться о благѣ государства съ такою же ревностію, какъ о собственномъ нашемъ, тѣмъ болѣе, что мы не полагаемъ никакого различія между собственными нашими и государственными выгодами. Требую даже, чтобы вы всегда отдавали преимущество государственнымъ выгодамъ передъ личною пользою короля.»

Эту любовь къ народу, рѣдкую въ государяхъ того времени, питалъ Фридрихъ во все время своего царствованія, и тѣмъ привязалъ къ себѣ народъ неразрывными узами. Зима, предшествовавшая смерти короля, была постоянно холодная и продолжалась болѣе полугода; слѣдствія были ужасныя: неурожай, всеобщая дороговизна, а во многихъ мѣстахъ даже голодъ. Но голосъ бѣдствія скоро достигъ до слуха Фридриха. На другой же день вступленія своего на царство, онъ велѣлъ открыть всѣ казенные, запасные магазины и продавать хлѣбъ по весьма дешевымъ цѣнамъ. Гдѣ не доставало запасовъ, туда отправлены были суммы для закупки хлеба за границею.

Равнымъ образомъ приказано было королевскимъ лѣсничимъ продавать по низкой цѣнѣ добываемыхъ въ лѣсахъ звѣрей и птицъ. Многіе налоги на жизненные припасы были на нѣкоторое время совсѣмъ уничтожены. Наконецъ, крайне нуждавшимся розданы были болѣе или менѣе значительныя суммы, оставшіяся отъ сбереженій въ государственномъ казначействѣ. Радостный крикъ признательнаго народа привѣтствовалъ юнаго короля вездѣ, гдѣ онъ только появлялся. Уже въ первые дни своего царствованія Фридрихъ ревностно обдумывалъ средства возвысить благоденствіе подданныхъ; для улучшенія и умноженія мануфактуръ были приняты самыя дѣятельныя мѣры; искуснымъ мастерамъ, желавшимъ переселиться изъ за границы въ Пруссію, были предоставлены важныя выгоды.

Не менѣе того Фридрихъ очень ясно постигъ необходимость охраненія разбросанныхъ владѣній Прусскаго государства сильнымъ войскомъ и важныя выгоды, могущія оттого послѣдовать для его управленія, при перемѣнѣ политическихъ обстоятельствъ. Какъ мало сначала, казалось, природныя его склонности согласовались съ строгостію военной службы, столь же ревностно сталъ онъ заниматься ею теперь. Всякое излишество и роскошь въ военномъ быту были имъ отмѣнены совершенно. Таковъ былъ именно случай съ знаменитою *гвардіею-великановъ*, которую содержалъ покойный король въ Потсдамѣ, собственно для своего удовольствія. Притомъ разсказываютъ, что самъ Фридрихъ-Вильгельмъ, незадолго до смерти, поставилъ на видъ своему сыну огромныя суммы, отпускаемыя на содержаніе этого войска и совѣтовалъ ему распустить его. Гвардія эта явилась въ послѣдній разъ 22 іюня, при похоронной церемоніи своего

учредителя: вскорѣ за тѣмъ она была распредѣлена по полевымъ полкамъ. Это доставило Фридриху средство умножить свою армію въ нѣсколько недѣль, болѣе, нежели десятью тысячами человѣкъ. Впрочемъ, отнимая блескъ у мундировъ, онъ заботился объ украшеніи почетныхъ полковыхъ знаковъ. На всѣхъ знаменахъ и штандартахъ появился Прусскій черный орелъ съ мечемъ и скипетромъ въ когтяхъ и съ надписью: «*за славу и отечество*» (Pro gloria et Patria.)

Существеннѣйшія перемѣны, произведенныя Фридрихомъ, касались развитія тѣхъ жизненныхъ потребностей, которыя у его отца ускользнули изъ виду. Фридрихъ-Вильгельмъ обращалъ вниманіе только на матеріальное благо своего государства; духовная его жизнь — была въ оковахъ. Фридрихъ далъ свободу мысли и тѣмъ пріобрѣлъ для государственной силы подпору, гораздо могущественнѣйшую меча и огнестрѣльнаго оружія. Открытое мнѣніе при его отцѣ не было дозволено; публичныя вѣдомости, сначала совсѣмъ запрещенныя, были до-

пущены въ послѣдствіи, но при самыхъ стѣснительныхъ ограниченіяхъ. Фридрихъ тотчасъ же по вступленіи на престолъ разрѣшилъ изданіе двухъ газетъ, которыя вскорѣ пріобрѣли значительный вѣсъ и для которыхъ онъ самъ иногда писалъ отдѣльныя статьи. Онъ положилъ основаніе Академіи наукъ и вызвалъ въ Берлинъ знаменитыхъ ученыхъ изъ разныхъ странъ. Въ особенности Фридриху хотѣлось заманить опять въ Берлинъ философа Вольфа. Для этого онъ писалъ къ пастору Рейнбеку, поручая ему это дѣло. Вотъ подлинныя слова его письма: «Человѣкъ, ищущій и любящій истину, дорогъ каждому гражданскому обществу: я полагаю, что почтенный Рейнбекъ сдѣлаетъ завоеваніе для области истины, если ему удастся склонить Вольфа на отъѣздъ въ Пруссію.» Вольфъ исполнилъ желаніе вѣнценоснаго ученика своего и пріѣхалъ въ Галле, гдѣ ученый факультетъ торжественно его принялъ. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало королевское повелѣніе, по которому изъ природныхъ подданныхъ только учившіеся два года въ одномъ изъ прусскихъ университетовъ могли вступать въ государственную службу. Общество вольныхъ каменьщиковъ (масоновъ) было дозволено всенародно и самъ Фридрихъ принялъ званіе магистра въ одной изъ значительнѣйшихъ масонскихъ ложъ.

Отъ такого благодѣтельнаго направленія королевской воли развились и образовались и другія отрасли государственнаго быта. Вѣротерпимость была однимъ изъ важнѣйшихъ законоположеній, которыми Фридрихъ началъ свое царствованіе: онъ неутомимо противодѣйствовалъ прежнимъ религіознымъ злоупотребленіямъ или одностороннему ограниченію. Другимъ закономъ постановлено открытое, согласное съ разумомъ, судопроизводство. Но чтобъ ввести его въ употребленіе необходимо было сперва составить искусно-обдуманное предначертаніе. Сначала послѣдовали нѣкоторыя постановленія, которыхъ цѣль была ознакомить только съ духомъ новаго правленія, а потомъ постепенно появлялись и самыя узаконенія. Первымъ указомъ Фридриха была уничтожена унизительная для человѣчества судебная пытка. Прочія государства послѣдовали его примѣру гораздо позднѣе.

Всѣ учрежденія такого рода, сдѣланныя въ первые мѣсяцы царствованія Фридриха, были его собственнымъ трудомъ; министры только исполняли его приказанія. Чрезвычайною дѣятельностію, строгимъ распредѣленіемъ времени дѣлалъ онъ то, что доселѣ считалось невозможнымъ, онъ самъ лично за всѣмъ наблюдалъ, все самъ испытывалъ и всему давалъ должное направленіе. И за всѣмъ тѣмъ онъ умѣлъ находить еще нѣсколько свободныхъ часовъ для искусствъ, музыки и поэзіи; но эти упражненія служили ему только отдыхомъ, въ который душа его почерпала новыя силы для своей неутомимой дѣятельности.

Въ половинѣ іюля отправился Фридрихъ въ Кенигсбергъ, для принятія присяги отъ прусскихъ чиновъ. Тамъ возложилъ на себя дѣдъ его королевско-прусскую корону. Фридрихъ-Вильгельмъ отвергнулъ этотъ внѣшній обрядъ и Фридрихъ не призналъ нужнымъ вводить его снова. Коронованіе происходило 20 іюля.

Впрочемъ Фридрихъ былъ доволенъ своимъ пребываніемъ въ Кенигсбергѣ. Проповѣдь, говоренная при коронованіи придворнымъ проповѣдникомъ Квандтомъ заслужила особенное его одобреніе; онъ всегда слушалъ Квандта съ наслажденіемъ, и впослѣдствіи, въ одномъ сочиненіи о нѣмецкой литературѣ. упоминаетъ о немъ, какъ о лучшемъ ораторѣ Германіи. Особенное удовольствіе доставила ему процессія кенигсбергскихъ студентовъ съ факелами и съ музыкою; въ благодарность онъ велѣлъ учредить для нихъ богатую гостинницу. Онъ также остался доволенъ смотромъ войска, въ Кенигсбергѣ расположеннаго. Эти дни ознаменовалъ онъ многими благодѣяніями для города и цѣлой провинціи, оправдавъ на дѣлѣ слова выбитыхъ по случаю коронованія его медалей — «счастіе народа.»

По возвращеніи Фридриха изъ Прусской провинціи послѣдовало въ Берлинѣ, 2 августа, принятіе присяги отъ Курмаркскихъ чиновъ. Когда Фридрихъ,

по окончанiи церемонiи, вышелъ на дворцовый балконъ, народъ привѣтствовалъ его громкимъ крикомъ: да здравствуетъ король! Противъ обыкновенiя и этикета оставался онъ полъ–часа на балконѣ, устремивъ твердый, внимательный взоръ на безчисленную толпу, собравшуюся предъ дворцемъ; онъ, казалось, забылся въ глубокомъ раздумьѣ. — На розданныхъ въ Берлинѣ медаляхъ была надпись: «Во имя истины и правосудiя.»

Спустя короткое время Фридрихъ снова оставилъ Берлинъ для коронованiя въ принадлежащихъ государству Вестфальскихъ провинцiяхъ. Прежде посѣтилъ онъ старшую сестру свою, маркграфиню Байрейтскую, въ ея столицѣ. Отсюда, послѣ быстраго переѣзда, появился онъ въ Стразбургѣ; ему хотѣлось хоть однажды быть на почвѣ Фраации и видѣть тамошнее войско. Чтобъ его не узнали, онъ принялъ имя графа фонъ–Фура и взялъ съ собою небольшую свиту; съ нимъ были только двѣ кареты.

По прибытiи въ Стразбургъ, Фридрихъ велѣлъ немедленно изготовить себѣ французское платье, по послѣднему вкусу, чтобы совершенно походить на француза.

Въ одномъ кофейномъ домѣ познакомился онъ съ французскими офицерами, которыхъ пригласилъ къ себѣ на ужинъ. Роскошное угощенiе, прiятность его бесѣды привели въ восхищенiе гостей, но тщетно старались они узнать настоящее имя и званiе своего хозяина. На другой день Фридрихъ былъ на парадѣ. Здѣсь узналъ его солдатъ, находившiйся прежде въ прусской службѣ; немедленно дали знать губернатору, маршалу Броглiо и Фридрихъ не могъ отстранить почестей, должныхъ его сану. Скоро вѣсть распространилась по цѣлому городу; народъ былъ въ восторгѣ, что видитъ посреди себя юнаго короля, слава котораго пронеслась по свѣту еще до вступленiя его на престолъ. Портной, сдѣлавшiй новое платье, не хотѣлъ брать денегъ, довольствуясь честiю, что работалъ на прусскаго короля. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ; повсюду раздавался громкiй кликъ: *да здравствуетъ король прусскiй*!

Изъ Стразбурга поѣхалъ Фридрихъ по Рейну въ Везель. На этотъ разъ путешествiе по Рейну было сопряжено не съ такимъ непрiятнымъ чувствомъ, какъ за десять лѣтъ, когда Фридриха везли за строгимъ карауломъ, какъ позорнаго преступника. Но во время дороги онъ заболѣлъ продолжительною лихорадкою. Она была причиною, что Фридрихъ не поѣхалъ, какъ намѣревался, въ Брабантъ, посѣтить Вольтера, въ то время тамъ жившаго. Но для самолюбиваго Вольтера достаточно было одного желанiя короля и онъ поспѣшилъ самъ явиться къ своему высокому почитателю, въ замокъ Мойландъ, близь Клева. Фридрихъ сожалѣлъ, что не могъ достойнымъ образомъ встрѣтить знаменитаго писателя, по причинѣ своей болѣзни; но личнымъ знакомствомъ съ Вольтеромъ

былъ столько-же восхищенъ, какъ прежде его произведеніями. «Вольтеръ краснорѣчивъ (писалъ Фридрихъ вскорѣ послѣ того къ Іордану), какъ Цицеронъ, пріятенъ, какъ Плиній, уменъ, какъ Агриппа; однимъ словомъ: онъ соединяетъ въ себѣ всѣ доблести и дарованія трехъ величайшихъ умовъ древности. Его духъ работаетъ безпрестанно, каждая капля чернилъ подъ его перомъ превращается въ остроумную мысль. Онъ читалъ намъ превосходную свою трагедію «Магомедъ»; мы были отъ нея въ восхищеніи; я только удивлялся и молчалъ.—Ты найдешь меня, по возвращеніи, чрезвычайно болтливымъ; но вспомни, что я видѣлъ два предмета, лежавшіе у меня всегда на сердцѣ: Вольтера и французскія войска».

На возвратномъ пути присутствовалъ Фридрихъ въ Зальцдалумѣ на бракосочетаніи своего брата, принца Августа-Вильгельма съ сестрою своей супруги, Брауншвейгскою принцессою Луизою-Амаліею.

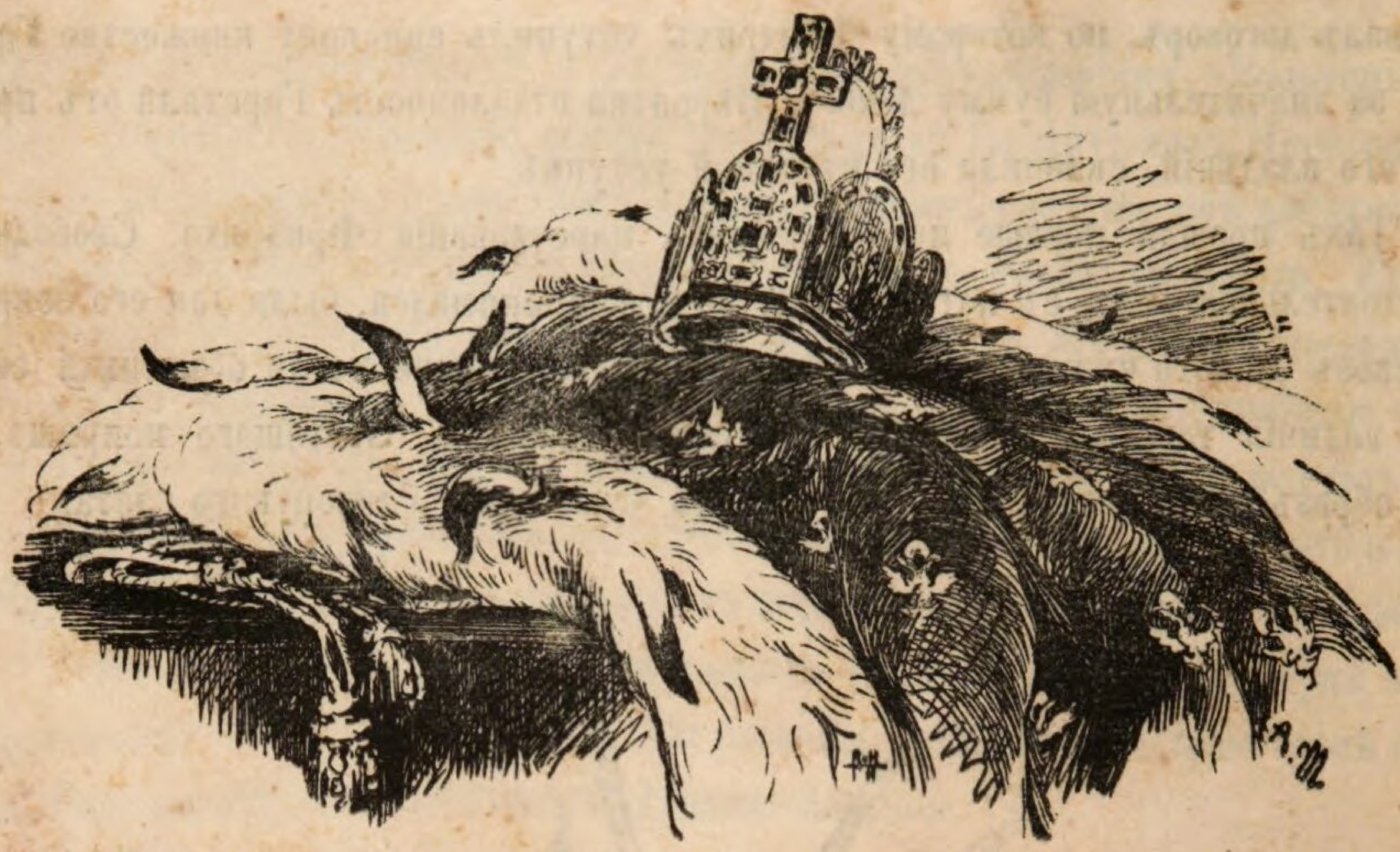
Поѣздка въ Вестфалію для коронованія подала поводъ къ политической демонстраціи, ясно обнаружившей его характеръ въ дѣлахъ политики. Не прошло еще трехъ недѣль его царствованія, какъ послѣдовалъ другой подобный случай. Курфирстъ Майнцскій, по участію въ наслѣдствѣ послѣ ландграфа Гессенъ Кассельскаго и графа Ганаускаго, родственника Бранденбургскаго дома, объявилъ неосновательныя притязанія на нѣкоторыя владѣнія въ Ганау. Фридрихъ послалъ 19 іюня къ курфирсту серьезное увѣщаніе, прося его оставить свои притязанія и не нарушать спокойствія Германіи. Вслѣдствіе того курфирстъ удалился съ своими войсками.

Важнѣе было второе событіе. Пруссія, по наслѣдству, получила во владѣніе княжество Герсталь на Маасѣ, въ округѣ епископства Литтихскаго. Герсталь въ царствованіе короля Фридриха-Вильгельма возмутился и былъ принятъ подъ защиту епископомъ Литтихскимъ, которому сильно хотѣлось овладѣть имъ совершенно. Фридрихъ-Вильгельмъ тщетно старался направить дѣло на добрый путь. Теперь Герсталь, находившійся еще подъ защитою епископа, не хотѣлъ присягнуть Фридриху. Фридрихъ послалъ изъ Везеля одного изъ высшихъ своихъ сановниковъ къ епископу и велѣлъ настоятельно требовать отъ него опредѣлительнаго объясненія его поступковъ, и объявить ему въ тоже время о послѣдствіяхъ, которымъ онъ можетъ подвергнуться. Епископъ не далъ объясненіе и 16000 человѣкъ прусскаго войска вступили въ область епископа. Испуганный епископъ обратился ко всѣмъ сосѣднимъ владѣтелямъ, и даже къ императору, съ просьбою о защитѣ. Императоръ написалъ къ Фридриху письмо, въ которомъ называлъ поступокъ его самоуправствомъ и приказывалъ ему войти съ жалобой въ имперскій сеймъ. Но Фридрихъ, зная хорошо, какъ мало выиграетъ своей жалобой, оправдывался на бумагѣ, а войска своего не выводилъ. За тѣмъ епископъ прибѣгнулъ къ переговорамъ съ Фридрихомъ, и 20 октября по-

слѣдовалъ договоръ, по которому Фридрихъ уступилъ епископу княжество Герсталь за значительную сумму денегъ. Вѣроятно отдаленность Герсталя отъ прочихъ его владѣній, склонила его къ такой уступкѣ.

Такъ прошли первые пять мѣсяцевъ царствованія Фридриха. Свободная самостоятельная сила, съ которою онъ за все принимался, была для его современниковъ до того чуждою и необыкновенною, что они не могли объяснить себѣ всего величія такого явленія. Но наступила пора его блестящаго поприща, и тогда образъ его дѣйствій сдѣлался яснымъ даже и для близорукаго глаза.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Начало первой Силезской войны.

И истинное наслажденіе обѣщала первая осень царствованія Фридриха двору и жителямъ Берлина. Вольтеръ, по приглашенію Фридриха, прибылъ въ столицу Пруссіи. Король могъ теперь бесѣдовать съ нимъ съ большею свободою, чѣмъ при первомъ бѣгломъ свиданіи. Кромѣ Вольтера собралось около Фридриха еще нѣсколько ученыхъ и остроумныхъ людей. Прибыли также въ гости обѣ его сестры, маркграфини—Байрейтская и Аншпахская. Литературные вечера, концерты, празднества предвѣщали, по видимому, длинный рядъ удовольствій.

Между тѣмъ прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, что императоръ Карлъ VI умеръ 20 октября (1740). Фридрихъ въ то время былъ въ Рейнсбергѣ, гдѣ хотѣлъ успокоиться отъ возобновившихся лихорадочныхъ припадковъ. «Наступило время наконецъ (такъ писалъ онъ Вольтеру), когда старой политической системѣ надо дать совершенно новое направленіе; оторвался камень, который скатится на многоцвѣтный истуканъ Навуходоносора и сокрушитъ его до основанія.»

Истуканъ, о которомъ писалъ Фридрихъ, приснился нѣкогда царю Навуходоносору, и сновидѣніе это было истолковано пророкомъ Даніиломъ. Истуканъ былъ изваянъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ, а ноги его были изъ смѣси желѣза съ глиною, такъ, что онъ не могъ устоять отъ малѣйшаго потрясенія. Такого же свойства были Австрійскія владѣнія. Это огромное государство не имѣло внутренней силы; несчастливо веденная въ послѣднее время война съ Турціею истощила ея послѣднія вспомогательныя средства. Принцъ Евгеній, бывшій долгое время подпорою государства, умеръ; мѣсто его некому было занять. Карлъ VI всю жизнь свою домогался получить согласіе европейскихъ государствъ на то, чтобъ передать престолъ дочери своей Маріи-Терезіи; совѣтъ Евгенія, лучше обезпечить прагматическую санкцію войскомъ въ 180,000 человѣкъ, чѣмъ шаткою надеждою на обѣщанія, остался безъ вниманія. Напротивъ того, Пруссія стремилась впередъ съ юношескою силою. Хотя часто издѣвались надъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, что онъ употреблялъ чрезмѣрныя издержки на войско, которое, между тѣмъ, почти совсѣмъ не бывало въ дѣлѣ; но войско это пользовалось миромъ, чтобъ укрѣпиться, пріобрѣтало опытность и теперь стояло выше всѣхъ европейскихъ армій. Въ тоже время области Пруссіи были въ цвѣтущемъ состояніи, доходы значительны, долги не обременяли государства, въ королевскомъ казнохранилищѣ было въ наличности около девяти милліоновъ талеровъ. Съ такими средствами сильный, мужественный духъ Фридриха могъ дѣйствовать самостоятельно и заставить признать свой авторитетъ и внутреннее значеніе.

Австрія уже нѣсколько столѣтій была болѣе, нежели въ двусмысленномъ положеніи, относительно Бранденбурго-прусскаго государства. Отношенія ея къ Фридриху-Вильгельму извѣстны: права его на Юлихъ и Бергъ были тогда же признаны императоромъ, а другіе претенденты устранены. Теперь Фридрихъ, опираясь на свою военную силу, могъ бы снова предъявить тѣ права; но онъ ясно видѣлъ опасность, которой при этомъ могъ подвергнуться; ему надлежало бы бороться со многими противниками и оставить цѣлое государство безъ войскъ, направивъ всю силу на одинъ отдаленный пунктъ. Несравненно важнѣе были другія притязанія, на которыя Фридрихъ имѣлъ права, и которыя, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, казалось, доставили бы ему болѣе вѣрное пріобрѣтеніе, а государству значительныя выгоды. Въ Силезіи, въ разныя времена, достались по наслѣдству его предкамъ многія княжества—Егерндорфъ, Лигницъ, Бригъ и Волау, но Вѣнскій кабинетъ всегда удерживалъ ихъ незаконно за собою. Обстоятельство это и прежде подавало поводъ къ спорамъ. Наконецъ при великомъ курфирстѣ, когда нуждались въ его помощи противъ Турціи, австрійскій дворъ оказалъ мнимую уступку, предоставивъ Бранденбургу, въ замѣнъ тѣхъ княжествъ, Шви-

бузскій округъ, составлявшій несравненно меньшую часть; но прежде того разными происками склонили сына курфирста къ тайному обѣщанію, по вступленіи своемъ на престолъ, снова возвратить округъ Австріи. Когда сынъ—тогдашній король Фридрихъ I —вступилъ на царство и сообщилъ министрамъ свое тайное обѣщаніе, то глазамъ его открылись происки императорскаго двора. Будучи обязанъ сдержать свое обѣщаніе, онъ выполнилъ его однако съ тѣмъ условіемъ, что предоставляетъ своимъ потомкамъ возвратить принадлежащее имъ по праву въ Силезіи. «Если Богу угодно (такъ говорилъ онъ), чтобъ обстоятельства Бранденбурга и впредь были таковы, какъ теперь, мы должны быть довольны; если же суждено иначе, то потомки мои сами увидятъ, что имъ должно предпринять.»

Фридрихъ дѣйствительно зналъ, что ему дѣлать. Живой порывъ юнаго короля къ славнымъ подвигамъ нашелъ себѣ достойную цѣль; безконечное продолженіе государственной тяжбы не могло привести къ желаемой цѣли; онъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ обстоятельствомъ и права свои — заявнить силою.

Фридриху не нужно было продолжительныхъ приготовленій, чтобъ поставить войско на военную ногу. Хотя онъ сообщилъ свой планъ только немногимъ довѣреннымъ лицамъ, но необыкновенныя движенія, снаряженіе войска, усиленіе артиллеріи, учрежденіе магазиновъ и т. п., возвѣстили всѣмъ, что предстоитъ какое-то важное предпріятіе. Всѣ ждали съ изумленіемъ и любопытствомъ; носились разные слухи; дипломаты отправляли и принимали курьеровъ, не зная опредѣлительно плана короля. Фридрихъ нарочно заставлялъ войска дѣлать движенія, по которымъ скорѣе можно было предполагать походъ на Рейнъ, къ Юлиху и Бергу, нежели въ Силезію. Превратные толки, ходившіе въ народѣ, его чрезвычайно увеселяли. «Пиши ко мнѣ объ всемъ смѣшномъ (такъ говоритъ онъ въ письмѣ изъ Руппина къ Іордану), что говорятъ, думаютъ и дѣлаютъ мои добродушные пруссаки. Берлинъ теперь похожъ на Беллону въ родахъ; надѣюсь,

что она подаритъ свѣту прекрасное дитя, а я постараюсь стяжать довѣріе народа какими-нибудь смѣлыми и удачными предпріятіями. О, тогда я былъ бы чрезвычайно счастливъ! Такія обстоятельства могутъ дать твердое основаніе моей славѣ!»

Между тѣмъ нельзя было долго скрывать, что прусскія войска собрались на силезской границѣ. Австрійскій дворъ былъ увѣдомленъ посланникомъ своимъ, находившимся въ Берлинѣ, объ опасности; министръ Маріи-Терезіи писалъ въ отвѣтъ, что онъ не можетъ и не хочетъ вѣрить такимъ извѣстіямъ. Не смотря на то, маркизъ Ботта былъ отправленъ изъ Вѣны въ Берлинъ для точнѣйшаго изслѣдованія замысловъ Пруссіи. Ботта скоро понялъ планъ короля. Желая глубже проникнуть намѣренія Фридриха, онъ въ первую аудіенцію свелъ рѣчь на Силезію, жаловался на чрезвычайно дурныя дороги, которыя теперь отъ наводненій такъ испорчены, что рѣшительно нельзя по нимъ проѣхать. Фридрихъ тотчасъ понялъ намѣреніе посла, но отвѣчалъ ему сухо: «Вы правы, но большой бѣды еще нѣтъ: главное неудобство, которому можно подвергнуться на такой дорогѣ, состоитъ въ томъ, что замараешься грязью.»

Въ декабрѣ все было готово къ начатію войны. Намѣреніе вступить въ Силезію перестало быть тайною. Фридрихъ отправилъ посланника, графа Готтера, въ Вѣну, съ изъясненіемъ австрійскому двору своихъ правъ на Силезію и мѣръ, которыми хочетъ, въ случаѣ нужды, заставить уважать ихъ. Предъ отъѣздомъ своимъ къ войскамъ, онъ далъ отпускную аудіенцію маркизу Ботта, при чемъ извѣстилъ его о своемъ намѣреніи. «Ваше величество», воскликнулъ Ботта: «вы ниспровергнете австрійскій дворъ, но вмѣстѣ и сами падете въ бездну!» Фридрихъ возразилъ, что отъ Маріи-Терезіи зависитъ принять его предложенія. Послѣ нѣкотораго молчанія, Ботта съ насмѣшливымъ тономъ продолжалъ: «Ваши войска прекрасны, ваше величество, я согласенъ въ томъ; наши не такъ красивы, но они уже окурены порохомъ. Умоляю васъ, обдумайте свои намѣренія.»

Король вспыхнулъ и быстро отвѣчалъ: — «Вы находите, что мои войска красивы; скоро вы сознаетесь, что они хороши.» Маркизъ Ботта хотѣлъ сдѣлать еще нѣкоторыя замѣчанія, но Фридрихъ прервалъ его рѣчь, говоря:

—«Теперь уже поздно: шагъ за Рубиконъ сдѣланъ!»

Передъ отъѣздомъ своимъ къ войску, онъ созвалъ главныхъ своихъ офицеровъ, и прощаясь съ ними, сказалъ:

«Господа! Я предпринимаю войну, и не имѣю другихъ союзниковъ, кромѣ вашего мужества и вашей доброй воли. Дѣло мое правое и я ищу заступничества у счастія. Помните постоянно—славу, которую пріобрѣли ваши предки на поляхъ Варшавскихъ, Фербеллина и въ знаменитомъ Прусскомъ походѣ великаго курфюрста. Ваша участь въ собственныхъ рукахъ вашихъ: отличія и награ-

ды ждутъ только вашихъ блистательныхъ подвиговъ. Не считаю нужнымъ подстрекать васъ къ славѣ: она всегда была у васъ передъ глазами, какъ цѣль, достойная вашихъ стремленій. Вы вступите въ битву съ войсками, которыя подъ начальствомъ принца Евгенія снискали безсмертіе. Правда, принца уже нѣтъ; но побѣда наша надъ такими противниками будетъ не менѣе знаменита. Прощайте! отправляйтесь немедленно къ войску; а я скоро явлюся между вами въ сборномъ мѣстѣ, гдѣ ожидаетъ насъ честь отчизны и слава!»

Декабря 13-го былъ большой маскарадъ во дворцѣ. Громкіе звуки музыки сливались съ веселымъ говоромъ блестящихъ и разнообразныхъ масокъ. Танцы не прекращались. Никогда еще при дворѣ не бывало такого великолѣпнаго и веселаго праздника. Самъ король былъ въ особенно пріятномъ расположеніи духа, шутилъ, танцовалъ, былъ любезенъ до крайности. Время незамѣтно приблизилось

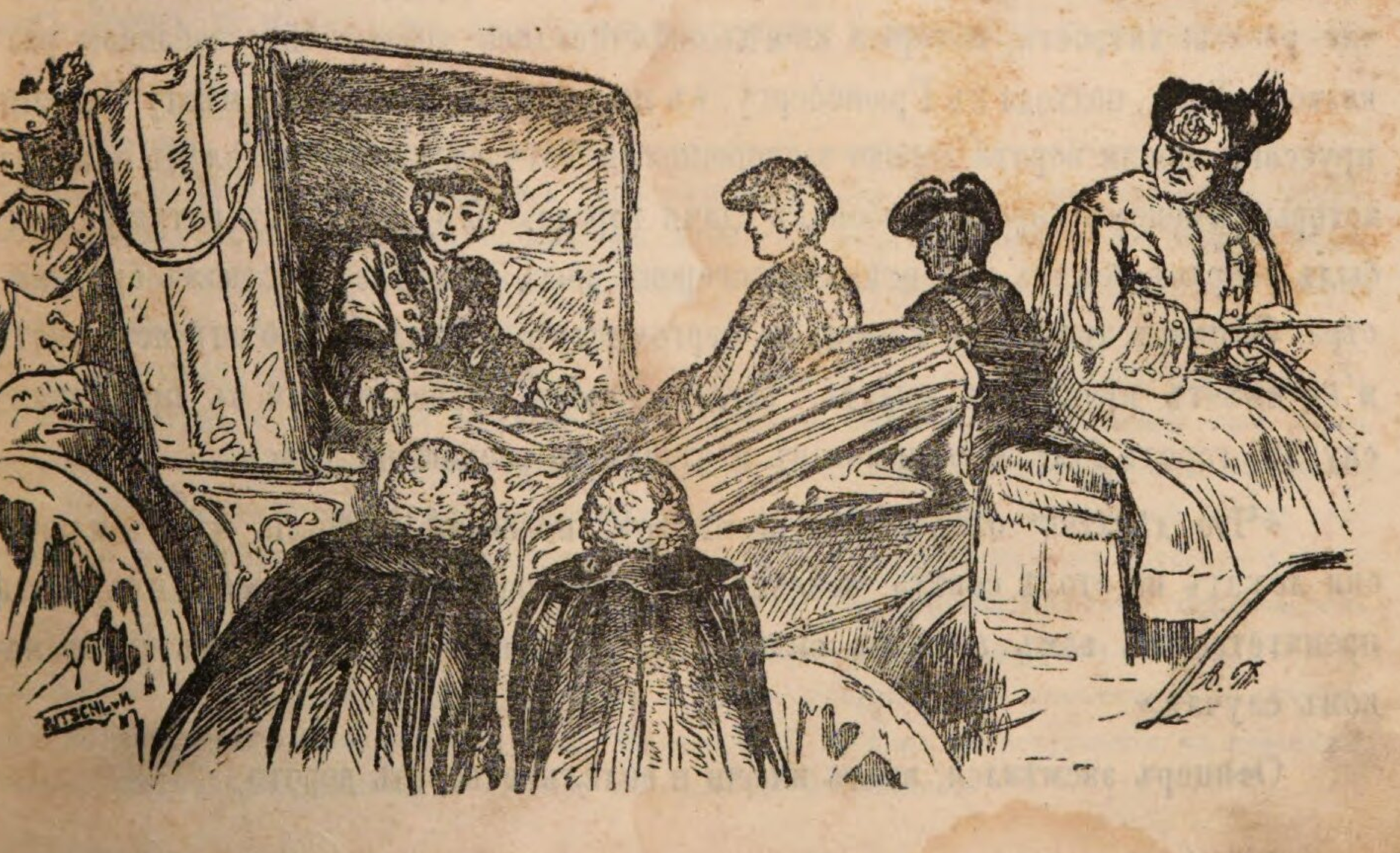
къ полночи. Вдругъ въ залахъ хватились короля: но его нигдѣ не было. Можно себѣ представить всеобщее удивленіе, когда гофмаршалъ, выходя изъ внутреннихъ покоевъ, объявилъ: что Его Величество изволилъ оставить столицу и уѣхалъ въ дѣйствующую армію къ силезской границѣ.

14-го числа Фридрихъ прибылъ въ пограничный городъ Кроссенъ. Къ несчастію, въ самый тотъ день съ колокольни соборной церкви сорвался колоколъ и упалъ на землю. Это имѣло самое невыгодное вліяніе на армію, солдаты считали этотъ пустой случай за дурное предзнаменованіе. Но Фридрихъ умѣлъ придать ему совсѣмъ другое значеніе: «Будьте покойны, друзья мои!» говорилъ онъ войску; «паденіе колокола имѣетъ для насъ благопріятный смыслъ, оно значитъ, что *высокое* и *громкое* падетъ и смолкнетъ.»—Подъ *высокимъ* онъ разумѣлъ Австрію, которая, въ сравненіи съ Пруссіею, конечно могла назваться высокою державою. Солдаты поняли его намекъ и новая бодрость одушевила ихъ сердца.

Декабря 16-го Фридрихъ вступилъ на силезскую землю. На границѣ встрѣтили его два священника, посланные депутатами отъ протестантовъ города Глогау. Они умоляли короля, въ случаѣ осады города, не дѣлать приступа съ той стороны, гдѣ находилась протестантская церковь.

Церковь эта была построена внѣ городскихъ укрѣпленій; комендантъ города Глогау, графъ Валлисъ, опасаясь, чтобы Фридрихъ во время осады не выбралъ этой церкви своимъ опорнымъ пунктомъ, предполагалъ сжечь ее до основанія.

Фридрихъ велѣлъ кучеру остановиться, чтобы выслушать просьбу пасторовъ.

«Вы первые силезцы,—сказалъ онъ имъ,—которые просите меня о милости; желаніе ваше будетъ исполнено.»

Тотчасъ же былъ посланъ адъютантъ къ графу Валлису съ обѣщаніемъ, что Фридрихъ не поведетъ осады съ той стороны, и протестантская церковь осталась нетронутою.

Пруское войско шло впередъ и не находило передъ собою непріятельской арміи. Слабый силезскій гарнизонъ едва былъ достаточенъ для прикрытія главныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Австрія не могла такъ скоро выслать помощи, объ которой ее неутомимо и усердно умолялъ бреславской обер-амтъ, видя приближающуюся опасность. И такъ однѣ только дурныя дороги и дождливая погода мѣшали быстрымъ движеніямъ Фридриха. Къ жителямъ Силезіи были разосланы манифесты, которыми всѣмъ и каждому предоставлялись прежнія права и владѣнія и даже обѣщаны были разныя льготы. Фридрихъ объяснялъ въ нихъ, что вступаетъ въ Силезію съ оружіемъ въ рукахъ только на случай вмѣшательства въ его права постороннихъ лицъ, а совсѣмъ не для разоренія жителей. И въ самомъ дѣлѣ, въ войскѣ наблюдалась самая строгая дисциплина и за все, взятое у жителей, платилось щедрою рукою. Все это расположило силезцевъ къ Фридриху; особенно полюбили его протестанты, которые видѣли въ немъ избавителя отъ притѣсненій католицизма. Австрійское правительство разсылало свои протестаціи противъ манифестовъ Фридриха, но они не имѣли успѣха.

Между тѣмъ города Силезіи, чрезъ которые должно было приходить пруское войско, находились въ затруднительномъ положеніи, не зная, которой стороны держаться: сохранить ли вѣрность австрійскому правительству или присягнуть королю прусскому. Начальствующіе городами придумывали по этому случаю разныя хитрости, которыя иногда оканчивались чрезвычайно забавною развязкою. Такъ, подходя къ Грюнебергу, къ первому значительному мѣсту Силезіи, пруссаки нашли ворота города затворенными. Тотчасъ былъ отправленъ офицеръ, который именемъ короля требовалъ сдачи города. Его повели въ ратушу. Тамъ былъ собранъ совѣтъ изъ всѣхъ ратсгеровъ подъ предсѣдательствомъ бургомистра. Офицеръ требовалъ ключи, но бургомистръ отвѣчалъ, что онъ не можетъ и не имѣетъ права ихъ выдать. Тогда офицеръ объявилъ, что въ противномъ случаѣ, городъ будетъ штурмованъ и отданъ на расхищеніе войску.

«Что дѣлать!» отвѣчалъ бургомистръ, пожимая плечами. «Вотъ ключи, они лежатъ на столѣ совѣта; конечно, если вы захотите, то можете ихъ взять, препятствовать вамъ я не въ силахъ; но самъ не могу отдать ихъ ни въ какомъ случаѣ.»

Офицеръ засмѣялся, взялъ ключи и велѣлъ отворить ворота.

Полки вошли въ городъ. Главнокомандующій, генералъ Шверинъ (*), послѣ сказалъ бургомистру, чтобъ онъ, по военному обычаю, взялъ ключи назадъ. Но бургомистръ не хотѣлъ исполнить приказанія.

«Я не отдавалъ ключей, отвѣчалъ онъ, и не могу ихъ взять обратно. Но если генералу угодно положить ихъ на мѣсто, съ котораго они взяты, то я конечно не въ силахъ противиться.»

Генералъ Шверинъ донесъ объ этомъ случаѣ королю, и Фридрихъ смѣялся отъ души находчивости бургомистра. Онъ приказалъ отнесть ключи съ барабаннымъ боемъ и почетнымъ карауломъ въ ратушу и положить на прежнее мѣсто.

(*) *Шверинъ* происходилъ изъ древней дворянской фамиліи. Онъ родился въ 1684 году, въ шведской Помераніи. Лишившись рано родителей, онъ былъ воспитанъ дядею, который служилъ въ голландскомъ войскѣ. Въ 1700 году дядя опредѣлилъ его въ свой полкъ прапорщикомъ. Въ 1706 году онъ совершилъ, подъ начальствомъ Мальборуга и принца Евгенія, походъ, былъ произведенъ въ капитаны и перешелъ въ мекленбургскую службу, гдѣ и дослужился до чина полковника. Въ 1712 году герцогъ Мекленбургскій посылалъ его въ Бендеры, съ тайными порученіями къ Карлу XII. По возвращеніи онъ былъ произведенъ въ бригадные генералы и вскорѣ отличился побѣдой своей при Валдмюлѣ надъ императорскими войсками, высланными для рѣшенія распри, возникшей между герцогомъ и мекленбургскимъ дворянствомъ. Въ 1720 году онъ вступилъ въ прусскую службу съ чиномъ генералъ-маіора, не разъ былъ посылаемъ для дипломатическихъ переговоровъ въ Саксонію и Польшу. Въ 1730 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ Пейца, въ 1731 произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1739 въ генералы отъ инфантеріи и пожалованъ въ кавалеры ордена чернаго орла. Фридрихъ II, вскорѣ по вступленіи на престолъ, сдѣлалъ его фельдмаршаломъ и возвелъ въ графское достоинство.

Одинъ только городъ Глогау встрѣтилъ прусскія войска непріязненно. Комендантъ наскоро исправилъ крѣпостныя укрѣпленія, привелъ въ порядокъ орудія и запасся продовольствіемъ для гарнизона и жителей, приготовляясь выдержать осаду. Но зимнее время и дождливая погода дѣлали долговременную осаду невозможною, и потому Фридрихъ, расположивъ одинъ корпусъ, подъ начальствомъ принца Леопольда Дессаускаго, подъ стѣнами и въ окрестностяхъ города, съ остальнымъ войскомъ пошелъ на Бреславль.

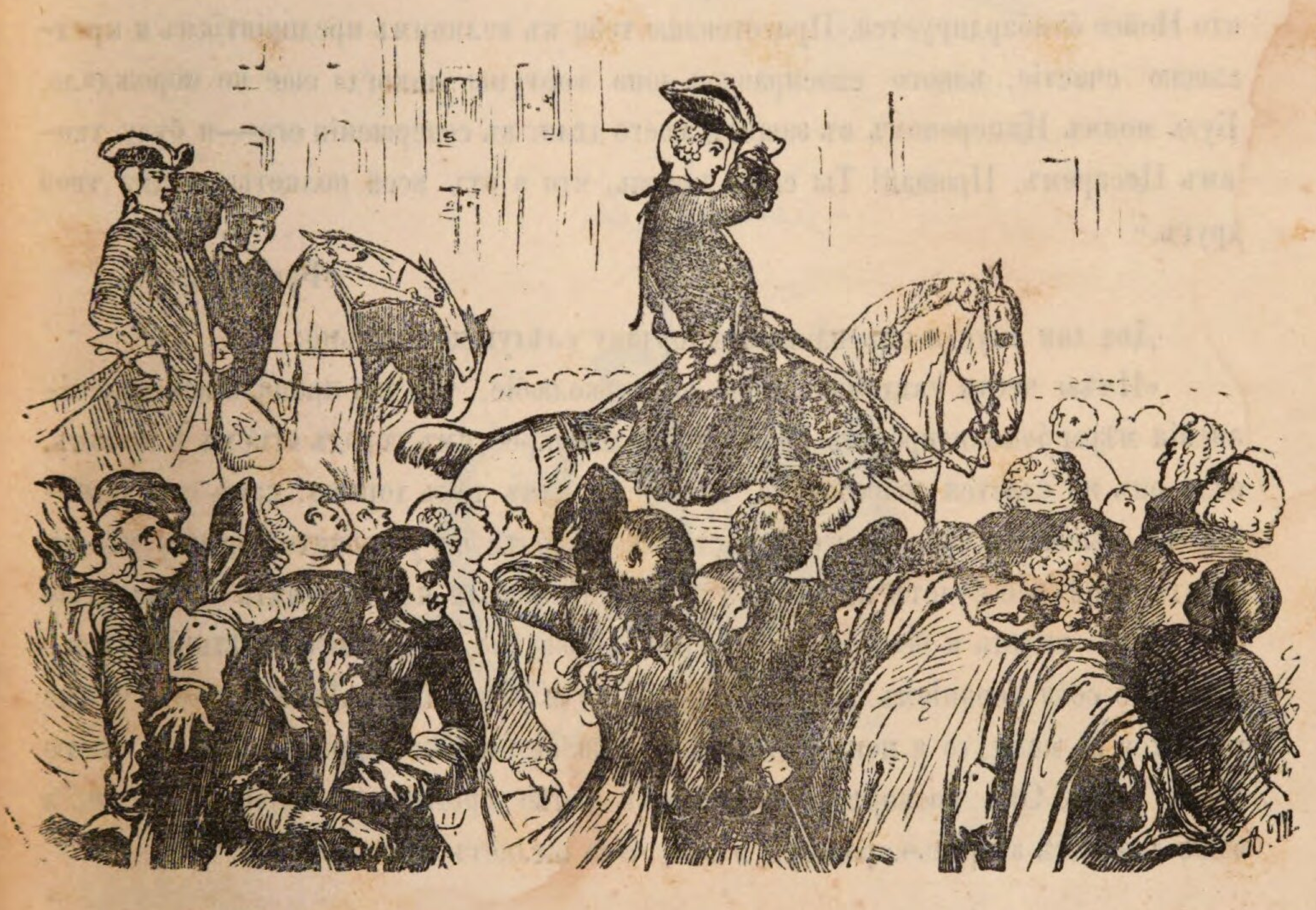
Городъ Бреславль въ то время пользовался различными льготами, имѣлъ свои права, которыя ставили его почти наравнѣ съ вольными городами. Одно изъ главнѣйшихъ состояло въ томъ, что австрійское правительство не могло ставить въ городѣ свои гарнизоны, потому что Бреславль имѣлъ свою собственную милицію, составленную изъ гражданъ. А потому, когда австрійскій корпусъ былъ отряженъ для защиты города и предполагалось сжечь предмѣстія, жители возмутились, не хотѣли впускать имперскихъ войскъ и сами рѣшились отстаивать свою свободу. Но пока длились споры и переговоры, прусскіе полки, предводительствуемые полковниками Брокомъ и Посадовскимъ, явились подъ стѣнами и овладѣли всѣми предмѣстіями города. Это быстрое и неожиданное движеніе привело въ ужасъ бреславцевъ. Не надѣясь на свои укрѣпленія, они боялись штурма и разграбленія и потому тотчасъ же приступили къ переговорамъ и отворили Фридриху ворота. Онъ оставилъ городъ на прежнихъ правахъ, объявилъ его нейтральнымъ и велѣлъ уволить австрійскихъ офицеровъ, присланныхъ для военныхъ распоряженій. Много помогла ему въ этомъ случаѣ протестантская часть жителей Бреславля, которая подъ начальствомъ какого-то восторженнаго сапожника почти насильно принудила городовой совѣтъ къ сдачѣ города.

Третьяго января Фридрихъ торжественно вошелъ въ городъ. Народъ встрѣтилъ его съ криками радости. Жители видѣли въ немъ не врага, а спасителя своихъ правъ, вѣры и достоянія. Въѣздъ былъ великолѣпный. Впереди ѣхали королевскіе экипажи, за ними вели лошадей и муловъ, покрытыхъ синими бархатными попонами, вышитыми золотомъ и отороченными соболями. За тѣмъ слѣдовали отрядъ лейбъ-гвардіи и парадная королевская карета, выбитая внутри желтымъ бархатомъ; въ ней, какъ символъ королевской власти, лежала голубая бархатная мантія съ золотыми орлами, подбитая горностаемъ. За каретой ѣхали принцы, маркграфы, графы и генералы прусскаго войска и наконецъ самъ король, верхомъ, въ сопровожденіи небольшой свиты. Король кланялся народу привѣтливо, снимая шляпу.

Въ тотъ же день былъ данъ обѣдъ, на который были приглашены члены ратуши и депутаты отъ дворянства. Послѣ обѣда Фридрихъ верхомъ обозрѣвалъ городъ. Подъѣхавъ къ великолѣпному дворцу, построенному іезуитами, онъ ос-

тановился, задумчиво поглядѣлъ на него, и наконецъ сказалъ: «Вѣроятно императоръ имѣлъ большой недостатокъ въ деньгахъ, когда духовенство принуждено было воздвигать такія зданія на свой счетъ.»

На слѣдующій день былъ балъ при дворѣ. Фридрихъ самъ открылъ его съ одной изъ знатнѣйшихъ бреславскихъ дамъ. Но, по обыкновенію своему, скоро исчезъ между танцующими и поспѣшилъ за войскомъ, которое, между тѣмъ, уже далеко подвинулось впередъ.

Городъ Олау сдался королю безъ сопротивленія; между тѣмъ, какъ генералъ Геце быстро перешелъ Одеръ и занялъ Намслау. Въ тоже самое время фельдмаршалъ Шверинъ и генералъ Клейстъ съ авангардомъ обложили Оппель и Троппау: оба города сдались на капитуляцію. Но Бригъ и Нейсе держались крѣпко и, не смотря на всѣ увѣщанія и угрозы, не хотѣли отворить воротъ своихъ счатливому завоевателю. Бригъ, какъ и Глогау, былъ оставленъ въ блокадѣ, но около Нейсе, главной крѣпости Силезіи, Фридрихъ сосредоточилъ всѣ свои силы, въ твердомъ намѣреніи взять ее штурмомъ.

Фридрихъ былъ въ восторгѣ отъ своихъ успѣховъ. Онъ покорилъ богатую землю, почти не обнажая меча и съ самой незначительной потерей. Онъ многаго ожидалъ впереди отъ этой первой удачи.

Восторгъ его особенно изливался въ дружескихъ письмахъ къ Іордану, котораго кроткій, миролюбивый нравъ составлялъ совершенную противоположность съ пылкимъ, воинственнымъ духомъ Фридриха. Вотъ два письма Фридриха, писанныя къ Іордану подъ стѣнами Нейсе; они очень хорошо поясняютъ отношенія и характеры обоихъ друзей.

«Мой милый господинъ Іорданъ, мой нѣжный господинъ Іорданъ, мой кроткій господинъ Іорданъ! Мой добрый, мой милый, мой кроткій, мой нѣжный господинъ Іорданъ! Увѣдомляю вашу веселость, что Силезія почти покорена и что Нейсе бомбардируется. Приготовляю тебя къ великимъ предпріятіямъ и предвѣщаю счастіе, какого своенравное лоно фортуны никогда еще не порождало. Будь моимъ Цицерономъ въ защитѣ моего дѣла: въ совершеніи его—я буду твоимъ Цесаремъ. Прощай! Ты самъ знаешь, что я отъ всей полноты сердца твой другъ.»

Фридрихъ.

Два дни спустя онъ написалъ Іордану слѣдующее письмо:

«Имѣю честь увѣдомить ваше человѣколюбіе, что мы приняли всѣ христіанскія мѣры бомбардировать Нейсе и что мы окрестимъ городъ огнемъ и мечомъ, если онъ не сдастся добровольно. Впрочемъ намъ такъ хорошо, какъ еще никогда не бывало и скоро вы объ насъ ничего болѣе не услышите, потому что въ десять дней все будетъ кончено, а чрезъ двѣ недѣли я буду имѣть удовольствіе опять васъ видѣть и бесѣдовать съ вами. Прощайте, господинъ совѣтникъ! Развлекайте себя Гораціемъ, изучайте Павзанія и утѣшайтесь Анакреономъ; чтоже касается до меня, то я пока имѣю одно утѣшеніе: пушки, ядра и фашины. Молю Бога, чтобъ Онъ поскорѣе послалъ мнѣ болѣе пріятное и мирное занятіе, а вамъ даровалъ здоровье, радость и все, чего желаетъ ваше сердце.»

Фридрихъ.

Однако предсказанія Фридриха не сбылись. Крѣпость Нейсе не сдалась Гарнизонъ ея, подъ начальствомъ опытнаго и храбраго коменданта, полковника Рота, выдерживалъ мужественно непріятельскій огонь и самую усиленную осаду. Въ теченіе трехъ дней пруссаками брошено было въ городъ 1200 бомбъ и 3000 каленыхъ ядръ: все напрасно. Умная распорядительность Рота дѣлала штурмъ рѣшительно невозможнымъ. При довольно значительномъ морозѣ, по почамъ подливали воду во рвы, предмѣстія были сожжены до тла, а стѣны и валы каждое утро обдавали водою, такъ, что они всегда были подернуты льдомъ.

Испытавъ всѣ усилія, Фридрихъ оставилъ городъ въ блокадномъ положеніи, и не желая обезсиливать войско, и безъ того истомленное быстрыми пе-

реходами и холодами, размѣстилъ его по зимнимъ квартирамъ, а самъ, чрезъ Лигницъ, отправился въ Берлинъ, куда и прибылъ 26 января

Между тѣмъ Австрія слишкомъ поздно догадалась выслать войско на помощь Силезіи. Фельдмаршалъ Броунъ соединилъ нѣсколько сборныхъ отрядовъ близъ Троппау; но они были вытѣснены генералами Клейстомъ и Шверином въ Моравію. Оба полководца заняли позиціи за Оппою и перерѣзали австрійцамъ путь къ Силезіи. Такимъ образомъ, къ концу января, почти вся Силезія, отъ Кроссена до Яблунки, находилась въ рукахъ Фридриха.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Походъ 1741 года.

Точно молнія пронеслась вѣсть о покореніи Силезіи чрезъ всю Европу. Одни дивились смѣлости юнаго короля; другіе порицали ее, называя безумствомъ и дерзостію. Никто не могъ предполагать, чтобы Пруссія, это маленькое, еще молодое королевство, могла вступить въ борьбу съ могущественной Австріей, которой силы и средства заставляли трепетать всѣ остальныя державы. Можно было предвидѣть, что недавній миръ Европы на долго будетъ нарушенъ. Прагматическая санкція не могла обезпечить спокойствія Австріи; по примѣру Фридриха, должны были возстать и другіе претенденты на наслѣдіе Карла VI и всеобщая война казалась неизбѣжною. Дѣйствительно вслѣдъ за покореніемъ Силезіи, возсталъ и курфирстъ Баварскій Карлъ-Альбрехтъ, (который впрочемъ не призналъ прагматической санкціи), и объявилъ свои права на часть австрійскихъ владѣній, даже на императорскую корону. Но курфирстъ не могъ подкрѣпить своихъ притязаній силою. Гораздо большая опасность угражала Маріи-Терезіи со стороны Франціи, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна была воз-

пользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы снять маску дружбы и откровенно возобновить старинную борьбу свою съ Австріею.

Между тѣмъ, во время самыхъ дѣйствій Фридриха въ Силезіи, уполномоченный посолъ его, графъ Готтеръ, хлопоталъ въ Вѣнѣ, стараясь уладить дѣло миролюбиво и соблюсти всѣ выгоды своего монарха. Онъ предлагалъ его именемъ прусскія войска и финансы на защиту Маріи-Терезіи, голосъ и подпору Фридриха при избраніи ея супруга, герцога Франца Лотаринскаго, въ императоры. Но всѣ представленія его оставались тщетными: вѣнскій кабинетъ, несмотря даже на усилія Англіи склонить его къ уступкѣ, не соглашался отдать Фридриху богатую Силезію. Министры отзывались о Фридрихѣ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ; они говорили, что онъ, какъ оберъ-каммергеръ Имперіи обязанъ подавать умывальникъ императору и стало быть не имѣетъ права предпредписывать законовъ дочери императора. Притомъ сама Марія-Терезія объявила, что не намѣрена вести съ Фридрихомъ переговоровъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выведетъ своихъ войскъ изъ Силезіи; и въ такомъ только случаѣ, обѣщала ему забвеніе всего прошедшаго и не хотѣла съ него требовать вознагражденія за всѣ понесенные убытки.

И такъ переговоры не привели ни къ какому результату; графъ Готтеръ возвратился въ Берлинъ безъ всякаго успѣха.

Фридрихъ не унывалъ: онъ рѣшился всѣми мѣрами разрушать политическія козни Австріи и поддерживать свои завоеванія силою оружія.

Между тѣмъ и Марія-Терезія не оставалась въ бездѣйствіи. Связанная родственными узами съ Георгомъ II, она надѣялась на помощь Англіи и Ганновера. Ко всѣмъ значительнымъ дворамъ Европы были отправлены посольства, съ тѣмъ, чтобы объяснить дѣло, показать несправедливость притязаній прусскаго короля и просить помощи противъ *дерзкаго завоевателя*.

Въ Россію въ тоже время былъ посланъ маркизъ ди Ботта съ намѣреніемъ склонить принцессу Анну Леопольдовну, управлявшую Россіею именемъ сына своего, императора Іоанна Антоновича, на союзъ съ Австріею. Задача была трудная, потому что Россія незадолго предъ тѣмъ (16-го декабря 1740) заключила союзъ съ Фридрихомъ II, на обоюдномъ обѣщаніи обѣихъ державъ: помогать другъ другу во всякой войнѣ, кромѣ персидской или турецкой. Союзъ этотъ казался довольно прочнымъ, тѣмъ болѣе, что былъ поддерживаемъ Минихомъ, въ то время весьма сильнымъ въ кабинетѣ министровъ. Но маркизъ ди Ботта, какъ опытный царедворецъ, съ перваго взгляда умѣлъ проникнуть въ положеніе дѣлъ при русскомъ дворѣ, и не боясь Миниха, началъ искать расположенія противной ему партіи. Самыми близкими людьми къ правительницѣ были—графъ Линаръ, посланникъ саксонскій, и графиня Менгденъ, служившая при ней старшей

фрейлиной. Они почти неразлучно проводили время съ Анной Леопольдовной и, стараясь ее развлекать и забавлять въ часы досуга, часто управляли ея волею въ дѣлахъ государственныхъ. Ловкій, умный, красивый собою, маркизъ ди Ботта скоро сдѣлался четвертымъ, неизбѣжнымъ лицомъ въ царственныхъ и дружескихъ бесѣдахъ правительницы. Мудрено ли, что при помощи графа Линара, которому отъ саксонскаго курфюрста такъ-же было предписано всѣми мѣрами стараться разстроить союзъ Россіи съ Пруссіею, ди Ботта скоро достигъ своей цѣли.

Началось съ того, что принцессу Анну вооружили противъ главныхъ лицъ кабинета министровъ, противъ вельможъ, наиболѣе преданныхъ пользамъ государственнымъ, противъ Остермана и Миниха. Остерманъ, боясь немилости и желая пріобрѣсть полное довѣріе правительницы, присталъ къ сторонѣ Линара и Ботта. Одинъ Минихъ, какъ скала, отражалъ всѣ удары и, убѣжденный въ неправотѣ и даже вредныхъ послѣдствіяхъ предлагаемаго союза съ Австріею, стоялъ грудью за Фридриха. Онъ представлялъ кабинету, «что нарушеніемъ договора съ Пруссіею безъ всякой причины, теряется довѣріе къ Россіи другихъ державъ; что самъ Фридрихъ можетъ сдѣлаться врагомъ Россіи, тѣмъ опаснѣйшимъ, что владѣнія его въ близкомъ сосѣдствѣ съ нами, и что русскій кабинетъ покажетъ явное легкомысліе, не оправдавъ своихъ увѣреній въ дружбѣ, безъ всякаго повода со стороны Пруссіи, свято сохранившей свои обязательства,»—но какъ ни сильны были доводы и патріотическое увлеченіе фельдмаршала, противная сторона восторжествовала; правительница изъявила ему даже свое неудовольствіе за излишнее усердіе къ пользамъ прусскаго короля; старикъ, глубоко оскорбленный, подалъ въ отставку — австрійская партія заликовала, узнавъ, что главный ея противникъ уволенъ отъ службы и удаленъ отъ двора.

Но предсказанія Миниха вскорѣ оправдались на дѣлѣ: нарушеніе договора съ Фридрихомъ стоило Россіи войны съ Швеціею.

Мы уже разъ сказали, что Франція, хотя и въ дружбѣ съ Австріей, весьма желала, по примѣру Фридриха и Карла-Альбрехта баварскаго, попользоваться частицей наслѣдства австрійскаго императора. Успѣхи Фридриха радовали ее тѣмъ болѣе, что обезсиливали Австрію, а союзъ его съ Россіею былъ порукою, что успѣхи эти будутъ продолжительны и прочны, потому что этотъ союзъ обезпечивалъ собственное его государство и, стало быть, давалъ ему полную свободу дѣйствовалъ противъ Маріи-Терезіи. Перемѣна обстоятельствъ, произведенная при русскомъ дворѣ маркизомъ Боттою, сильно обезпокоила Францію. Версальскій кабинетъ рѣшился втайнѣ употребить всѣ свои дипломатическія хитрости, чтобъ не дать Россіи возможности содѣйствовать Ма-

ріи–Терезіи, для этого надо было запутать Россію во внѣшнюю войну и взволновать внутри. Обѣ цѣли были достигнуты Франціею съ удивительнымъ искусствомъ и быстротою. Въ іюлѣ 1741 года шведскій сенатъ, подстрекаемый французскимъ краснорѣчіемъ и подкупленный французскимъ золотомъ, объявилъ Россіи войну, подъ предлогомъ: доставить русскій престолъ законной его наслѣдницѣ, дочери Петра Великаго. Хотя война эта была незначительна сама по себѣ, но она заняла на время русскія силы и отвлекла ихъ отъ западныхъ границъ, а въ тоже время забросила искру волненія внутри государства. Императоръ былъ еще ребенокъ; правительница съ нѣкотораго времени почти совсѣмъ не занималась дѣлами, предоставя кормило правленія своимъ временщикамъ, по большей части иностранцамъ: это возбуждало безпокойство и неудовольствіе въ народѣ; раны, нанесенныя ему Бирономъ, были еще слишкомъ свѣжи и оправдывали его опасенія. Отставка Миниха, любимаго и уважаемаго войскомъ, такъ-же возбудила ропотъ. Съ другой стороны хитрый агентъ кардинала Флёри, графъ Шетарди, чрезъ лейбмедика Лестока, возбуждалъ Елисавету Петровну къ объявленію своихъ правъ на русскій престолъ. Настоятельное убѣжденіе правительницы, чтобъ Елисавета вышла замужъ за однаго изъ мелкихъ германскихъ владѣтелей, было перетолковано царевнѣ въ дурную сторону: ее убѣдили, что это насильственная мѣра, имѣющая цѣлію—удалить ее навсегда изъ Россіи. Елисавета, которая равнодушно смотрѣла на свои царственныя права, вступилась за личную свою свободу и въ ночь 25-го ноября 1741 года, при помощи камеръ-юнкера Воронцова и Преображенскаго полка, возсѣла на престолѣ великаго своего родителя.

Дѣла Россіи приняли другой видъ. Франція торжествовала и Фридриху стало быть со стороны Россіи нечего было опасаться.

Но въ то самое время, какъ маркизъ Ботта дѣйствовалъ на Россію въ пользу Австріи, Марія-Терезія старалась вооружить противъ Фридриха папу, и чрезъ него дѣйствовать на прочія католическія державы. Къ успѣху этого намѣренія подалъ поводъ самъ Фридрихъ. Узнавъ объ утѣсненномъ состояніи протестантовъ въ Силезіи и о недостаткѣ священнослужителей, онъ отправилъ туда до тридцати протестантскихъ пасторовъ, все людей избранныхъ. Съ одной стороны онъ тѣмъ пособлялъ нуждамъ края, съ другой—имѣлъ въ виду политическую цѣль. Чрезъ этихъ людей, которые могли имѣть нравственное вліяніе на народъ и всѣ были ему преданы душой и тѣломъ, онъ хотѣлъ расположить умы въ свою пользу. Тотчасъ было о томъ донесено папѣ, въ преувеличенномъ видѣ, съ опасеніями, что Фридрихъ намѣренъ ввести Лютерово ученіе во всѣхъ покоренныхъ имъ земляхъ. Папа, въ ужасѣ, разослалъ воззванія ко всѣмъ католическимъ дворамъ объ уничтоженіи *«еретическаго маркграфа Бранденбургскаго.»*

Фридрихъ принялъ дѣятельныя мѣры противъ этого воззванія: онъ обнародовалъ манифестъ, которымъ объявлялъ полную вѣротерпимость во всемъ своемъ государствѣ и въ особенности въ Силезіи, гдѣ обѣщалъ каждаго защищать въ правахъ его церкви. Этотъ манифестъ успокоилъ обнаружившееся было волненіе и воззваніе папы осталось—гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Съ первыми лучами весны начались военныя дѣйствія въ Силезіи. Марія-Терезія поручила главное начальство надъ войсками фельдмаршалу графу Нейпергу, воину, посѣдѣвшему въ школѣ принца Евгенія. Сборное мѣсто австрійской арміи находилось при Ольмюцѣ. Оттуда Нейпергъ намѣренъ былъ итти въ Верхнюю Силезію, для прикрытія Нейсе; а часть своихъ войскъ отправилъ для огражденія графства Глацкаго.

Фридрихъ такъ же отправился въ Силезію До начатія войны, онъ хотѣлъ еще осмотрѣть свое войско, стоявшее на зимнихъ квартирахъ, и собрать подробное свѣдѣніе о положеніи страны и мѣстностяхъ. Въ эту рекогносцировку пустился онъ съ незначительною свитою. Около горной цѣпи, отдѣляющей Силезію отъ графства Глацкаго, онъ было дорого поплатился за свою отвагу. Нѣсколько разъ уже австрійскіе гусары прорывались за прусскіе кордоны и дѣлали нечаянныя нападенія на аванпосты Теперь, узнавъ отъ лазутчиковъ, что самъ король объѣзжаетъ передовые отряды, они рѣшились захватить Фридриха въ плѣнъ во что бы ни стало, и тѣмъ задушить войну въ самомъ ея зародышѣ По счастію, вмѣсто королевской свиты, они напали на эскадронъ прусскихъ драгунъ. Завязался бой отчаянный. Фридрихъ, услышавъ перестрѣлку, наскоро собралъ горсть солдатъ и поспѣшилъ на помощь драгунамъ, но опоздалъ и самъ принужденъ былъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, спасаться бѣгствомъ. Судьба видимо его хранила: изъ всей свиты уцѣлѣлъ только одинъ его адъютантъ, Глазенапъ. Оба кинулись на проселочную дорогу, но слѣдъ ихъ, несмотря на всю быстроту коней, не могъ скрыться отъ взора непріятелей. Въ величайшемъ безпорядкѣ достигли они до воротъ великолѣпнаго монастыря Каменца, на берегахъ рѣки Нейсе. Фридрихъ объявилъ желаніе видѣть настоятеля и былъ впущенъ. Настоятель, почтенный старикъ, аббатъ Стуше,съ одной изъ монастырскихъ башенъ видѣлъ происходившую невдалекѣ отъ обители рѣзню и тотчасъ догадался, по разстроенному виду и по слѣдамъ крови на мундирѣ Фридриха, что гость его долженъ быть бѣглецъ. Онъ принялъ его ласково и повелъ въ свою келью. Вскорѣ одинъ изъ послушниковъ таинственно вызвалъ аббата изъ комнаты и сообщилъ, что отрядъ австрійцевъ устремляется на монастырь. Стуше на минуту задумался и тотчасъ потомъ отдалъ свои приказанія послушнику. Вдругъ, совсѣмъ не въ обычное время, монастырскіе колокола ударили къ вечерней молитвѣ. Изумленные монахи спѣшили въ храмъ. Церковь блистала всѣми огнями,

какъ въ праздничный день, органъ загремѣлъ, на хорахъ раздались торжественные гимны. Никто не понималъ, что означаетъ такое неожиданное молебствіе. Но общее изумленіе еще болѣе увеличилось, когда передъ престоломъ, возлѣ стараго аббата, появился новый священнослужитель, монахъ, никому незнакомый, который помогалъ настоятелю въ отправленіи божественной службы. Вдругъ двери храма съ шумомъ растворились и восемдесятъ человѣкъ гусаръ вошли въ церковь съ обнаженными саблями. Но видъ торжественной службы поразилъ ихъ и остановилъ у порога: какъ ревностные католики, они преклонили колѣна, положили оружіе и, принявъ благословеніе аббата, тихо вышли изъ храма. Между тѣмъ весь монастырь былъ обшаренъ ихъ товарищами. Глазенапъ попался въ плѣнъ, но Фридриха нигдѣ не могли отыскать и рѣшились преслѣдовать по всѣмъ тропинкамъ и дорогамъ, ведущимъ отъ монастыря. По окончаніи молебствія, аббатъ возгласилъ эктинію о здравіи и счастіи монарха. «Братія,» сказалъ онъ потомъ, обращаясь къ монахамъ, «мы недаромъ молили Господа! Судьбы его непреложны и милосердіе велико! Воздадимъ ему благодареніе на колѣнахъ: Онъ помогъ намъ спасти короля!» Всѣ глаза обратились на незнакомца; по лицу его катились слезы: онъ преклонилъ колѣно предъ почтеннымъ старцемъ и принялъ его благословеніе. Это былъ Фридрихъ.

Впослѣдствіи Фридрихъ часто посѣщалъ монастырь Каменцъ, одарилъ его богатыми вкладами, и по смерти аббата Стуше установилъ тамъ ежегодную панихиду въ день его кончины, а новому настоятелю предписалъ, съ каждымъ изъ умирающихъ въ монастырѣ монаховъ посылать отъ него поклонъ къ Стуше(*).

Смотръ войскъ убѣдилъ Фридриха, что его солдаты полны отваги и нетерпѣнія сразиться съ непріятелемъ. Король началъ составлять планъ будущихъ дѣйствій, вмѣстѣ съ графомъ Шверином, который такъ хорошо изучилъ военное искусство въ Нидерландахъ, подъ руководствомъ Мальборуга и принца Евгенія.

По совѣту Леопольда Дессаускаго, Фридрихъ рѣшился на штурмъ крѣпости Глогау. Въ ночь, на девятое марта, приступъ начался съ пяти различныхъ

(*) Нѣмецкій историкъ Реденбекъ, издавшій «*Дневникъ Фридриха Великаго*,» отвергаетъ это событіе; онъ говоритъ, что оно не можетъ быть справедливо, потому что въ немъ слишкомъ много романическаго. Но другіе писатели принимаютъ его за фактъ, и не безъ основанія: въ перепискѣ Фридриха съ аббатомъ Стуше, не разъ упоминается о благодарности короля за чудесное его спасеніе. Кромѣ того, самъ Фридрихъ сознается въ «Исторіи своего времени» (гл. 3), что онъ поступилъ безразсудно, отваживаясь на такую опасность съ незначительной свитой; что еслибъ его успѣли взять въ плѣнъ, война бы кончилась, австрійцы остались бы побѣдителями безъ бою, а превосходная прусская пѣхота пропала бы безъ всякой пользы.

точекъ въ одно и тоже время. Ко второму часу пруссаки овладѣли крѣпостью и городомъ, но ни одинъ домъ не былъ разграбленъ, ни одинъ гражданинъ не претерпѣлъ обиды: строгая дисциплина господствовала въ арміи Фридриха, который за то раздавалъ солдатамъ значительныя суммы денегъ и награды.

Наконецъ Фридрихъ узналъ, что Нейпергъ ведетъ свою армію къ Нейсе. Надлежало помѣшать этому движенію, потому что крѣпость Нейсе составляла одинъ изъ главныхъ опорныхъ пунктовъ прусскаго войска. Предположено было, чтобы Фридрихъ и Шверинъ, который прикрывалъ Верхнюю Силезію, двинулись въ одно время и соединились въ Нейстадѣ при Iегерндорфѣ. Осада Брига была снята, потому что Фридрихъ хотѣлъ сосредоточить всѣ свои силы. До пруссаковъ доходили самыя невѣрныя свѣдѣнія о расположеніи и направленіи австрійской арміи, такъ, что они принуждены были безпрестанно мѣнять свой маршрутъ. Восьмаго апрѣля, при переходѣ чрезъ рѣку Нейсе, близъ Михелау, Фридрихъ наткнулся на передовой отрядъ австрійскихъ гусаръ Завязался бой, пруссаки остались побѣдителями и захватили сорокъ плѣнныхъ. Отъ нихъ то узнали достовѣрно, что австрійская армія на походѣ къ Олау, гдѣ находился главный магазинъ и вся запасная артиллерія Фридриха. Медлить было невозможно, надлежало вступить въ бой рѣшительный, отчаянный. Къ несчастію пруссаковъ, на слѣдующій день пошелъ такой сильный снѣгъ съ вьюгою, что невозможно было различить предмета на разстояніи трехъ шаговъ. Чрезъ лазутчиковъ успѣли однако узнать, что непріятель придвинулся къ Бригу.

На слѣдующій день, 10-го апрѣля, солнце поднялось во всемъ своемъ величіи изъ за Силезскихъ горъ. День былъ теплый и ясный. Въ пять часовъ утра прусскія войска остановились у деревни Погрель и наконецъ выстроились противъ дороги, ведущей въ Олау. По собраннымъ свѣдѣніямъ, австрійцы ночевали въ деревняхъ Мольвицѣ, Гюнернѣ и Грюнингинѣ. На разстояніи 2000 шаговъ отъ Мольвица, Фридрихъ развернулъ фланги и выдвинулъ артиллерію, выжидая появленія непріятеля. Австрійцы даже не подозрѣвали такого опаснаго сосѣдства и преспокойно готовились къ дальнѣйшему походу. Еслибъ Фридрихъ подѣйствовалъ порѣшительнѣе въ эту минуту, онъ окружилъ бы всю австрійскую армію и захватилъ бы ее въ расплохъ Но онъ былъ еще слишкомъ неопытенъ въ военномъ дѣлѣ и придерживался старому предразсудку: драться не иначе, какъ лицомъ къ лицу и въ открытомъ полѣ (*). Только къ двумъ часамъ по полудни австрійцы выстроились въ боевой порядокъ и дѣйствіе началось. Пруссаки открыли сильный огонь изъ тридцати орудій. Лѣвое крыло превосходной австрійской кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Рёмера, не выдержало картеч-

(*) **Фридрихъ II**: «*Исторія моего времени*».

наго града и съ остервененіемъ ринулось на правое крыло прусскаго войска. Кавалерія Фридриха, невыгодно поставленная, отъ сильнаго натиска подалась назадъ и затоптала свои пѣхотные полки, расположенные за нею; австрійцы ворвались въ смѣшанные ряды. Открылся настоящій адъ: вопли отчаянія и крики неистовства оглашали воздухъ; штыки, сабли и карабины дѣйствовали въ одно время; все перемѣшалось и перепуталось до того, что стрѣляли по своимъ и чужимъ, безъ разбора. Наконецъ пруссаки были совсѣмъ опрокинуты и бросились бѣжать въ разсыппую.

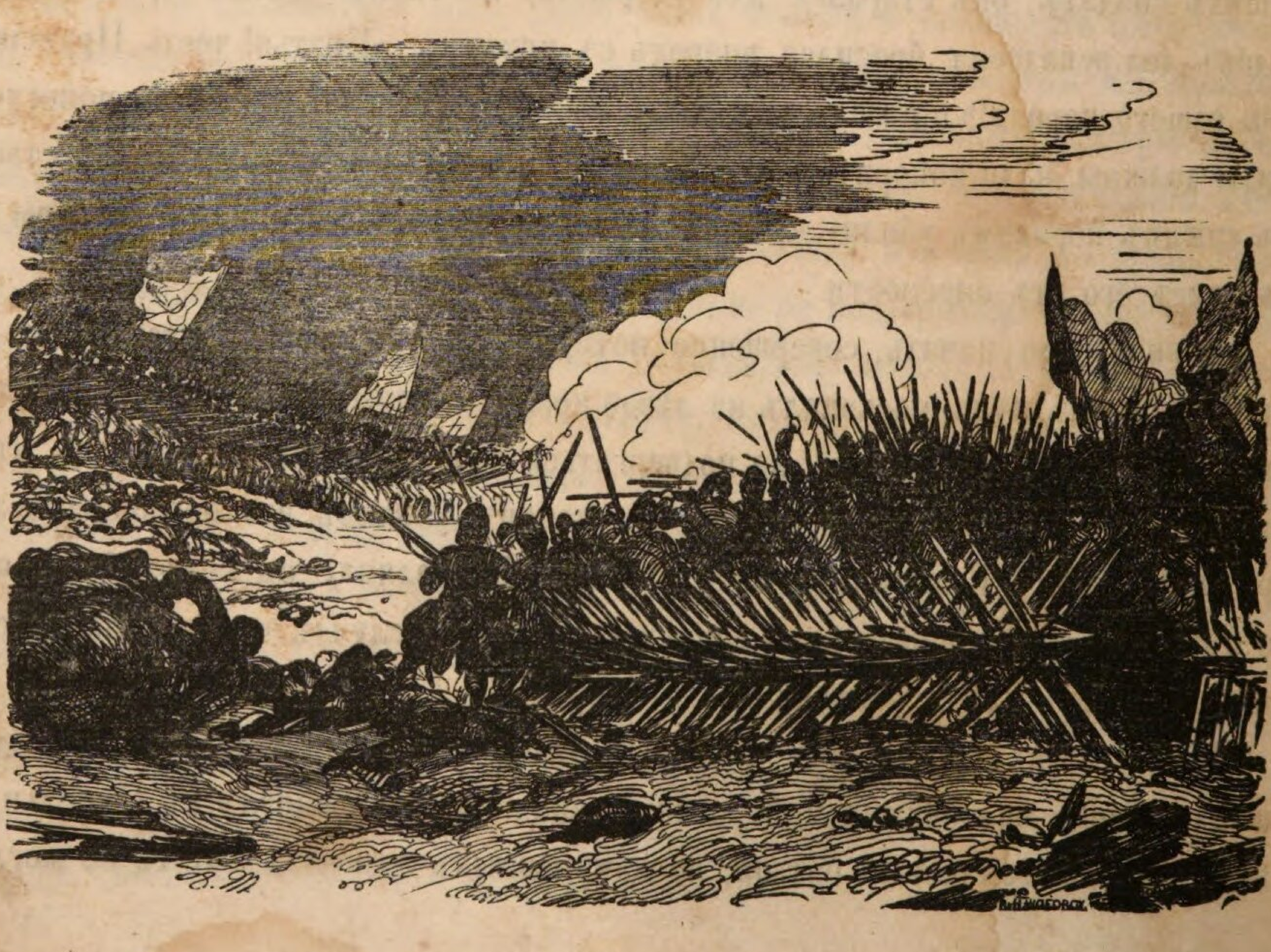
Фридрихъ самъ командовалъ правымъ крыломъ и былъ въ отчаяніи. Видя бѣгущихъ солдатъ, онъ старался ихъ удержать, кое-какъ успѣлъ привесть въ порядокъ два эскадрона, бросился впередъ съ крикомъ: «Братья! честь Пруссіи! жизнь вашего короля!» и повелъ ихъ опять въ битву. Но и это усиліе не помогло: солдаты должны были покориться перевѣсу силъ и снова обратились въ бѣгство. Подъ самимъ королемъ убили лошадь, раненный драгунъ уступилъ ему свою и тѣмъ спасъ его отъ опасности.

Не зная, что начать, совершенно потерявшись, Фридрихъ, сквозь дымъ и дождь ружейныхъ пуль, поскакалъ на лѣвое крыло, которымъ командовалъ Шверинъ. Старикъ умолялъ короля не подвергаться явной опасности, увѣрялъ, что первая неудача не рѣшаетъ еще дѣла, и наконецъ убѣдилъ его перебраться за Одеръ, гдѣ герцогъ Голштинскій стоялъ близъ Штрелина, съ семью батальонами пѣхоты и семью эскодронами конницы, чтобы, въ случаѣ отступленія пруссаковъ, прикрыть ихъ переправу чрезъ Одеръ.

Послѣ долгихъ убѣжденій, Фридрихъ рѣшился послѣдовать совѣту фельдмаршала и, подъ маленькимъ прикрытіемъ жандармовъ, поскакалъ въ Оппельну Но жандармы, истомленные битвой, на измученныхъ лошадяхъ своихъ не могли

поспѣть за королемъ и его свитой, скакавшими во весь опоръ: они отстали въ городѣ Лѣвенѣ. Въ полночь Фридрихъ прискакалъ къ воротамъ Оппельна: ворота были заперты. Король послалъ двухъ офицеровъ съ приказаніемъ отпереть На зовъ часовыхъ: *кто идетъ?* офицеры отвѣчали: *пруссаки.* Ружейный залпъ сквозь рѣшетку воротъ былъ отвѣтомъ. Фридрихъ съ ужасомъ узналъ, что австрійцы наканунѣ еще вытѣснили прусскій гарнизонъ изъ Оппельна и заняли городъ. Въ тотъ же мигъ онъ оборотилъ коня и поскакалъ назадъ, свита послѣдовала за нимъ. Темнота ночи скрыла ихъ отъ преслѣдователей. Къ утру, въ совершенномъ изнеможеніи силъ, возратился онъ въ Левенъ; но тутъ ожидало его извѣстіе, которое обрадовало его сердце и заставило забыть усталость.

По удаленіи короля съ поля битвы, австрійская конница устремилась на центръ, прикрытый артиллеріей, и на лѣвое крыло, гдѣ неподвижной стѣной стояла пѣхота, осыпая непріятеля безпрерывнымъ огнемъ. Австрійцы побили прусскихъ канонеровъ и отняли у пруссаковъ много орудій, которыя потомъ обратили на нихъ же. Пять часовъ длился жаркій бой. Генералъ Рѣмеръ палъ мертвый; Шверинъ былъ тяжело раненъ и отнесенъ за фронтъ. Принцъ Леопольдъ Десcаускій принялъ главное начальство надъ прусскими войсками. Вечеръ сгущался, битва оставалась еще нерѣшенною. Наконецъ прусская пѣхота, потративъ всѣ патроны, дружно ударила въ штыки, австрійская кавалерія въ безпорядкѣ бросилась назадъ и смѣшала свою пѣхоту. Нейпергъ старался водворить порядокъ въ строяхъ; но пруссаки воспользовались замѣшательствомъ непріятеля: ране-

ный Шверинъ велѣлъ посадить себя на коня и при барабанномъ боѣ и звукѣ трубъ, всей арміи скомандовалъ: маршъ, маршъ! Дружный натискъ опрокинулъ совсѣмъ непріятеля. Въ это время на поле ринулись съ крикомъ еще десять эскадроновъ прусской конницы, которые были отправлены изъ Олау, но не поспѣли къ битвѣ; ихъ нечаянное появленіе рѣшило дѣло. Нейпергъ принужденъ былъ ретироваться. Пруссаки ударили отбой и трубнымъ звукомъ возвѣстили побѣду. Поле битвы осталось за побѣдителями.

Фридрихъ узналъ о побѣдѣ въ самую минуту своего прибытія въ Лёвенъ. Съ радостію на лицѣ и во взорѣ, поскакалъ онъ тотчасъ же въ Мольвицъ. Онъ объѣхалъ поле сраженія, покрытое мертвыми и ранеными, и съ горестью остановился передъ своимъ любимцемъ, капитаномъ гвардіи Фицгеральдомъ, у котораго ядромъ оторвало обѣ ноги. «Какъ, вскричалъ онъ, всплеснувъ руками,— и тебя постигло такое ужасное бѣдствіе!»—Благодарю, за участіе, Ваше Величество! Но бѣдствія большаго нѣтъ: будьте здоровы и счастливы, а для меня все кончено! — Съ этимъ словомъ онъ умеръ. Фридрихъ пожалъ руку мертвеца и удалился.

Со стороны Пруссіи считали 2500 убитыми, 3000 ранеными. Первый гвардейскій батальонъ лишился половины лучшихъ своихъ офицеровъ: изъ остальныхъ восьмисотъ только 180 могли продолжать службу, прочіе были изувѣчены.

Дорого стоила Фридриху эта первая побѣда, но за то она принесла ему значительную нравственную выгоду. Глаза цѣлой Европы обратились на него, какъ на человѣка, которому назначено ввести новый порядокъ вещей въ политическомъ мірѣ. Австрія, этотъ Немейскій левъ между европейскими государствами, увидѣла въ немъ своего Алкида. Мнѣніе, что войска принца Евгенія непобѣдимы, было опровергнуто самымъ блистательнымъ образомъ, а напротивъ того прусская пѣхота, объ которой думали, что она только годна для красивыхъ разводовъ и парадовъ, показала на дѣлѣ, что это лучшее, обученнѣйшее и храбрѣйшее войско на западѣ. На Фридриха перестали смотрѣть, какъ на безумца, кидающагося, очертя голову, въ неравный бой: въ немъ увидѣли государя, дѣйствующаго самостоятельно, съ твердымъ сознаніемъ своихъ силъ и средствъ.

Побѣда при Мольвицѣ дала Фридриху возможность снова предпринять осаду Брига. Городъ сдался на капитуляцію. Тогда всѣ войска были соединены въ лагерѣ при Штрелинѣ, чтобы такимъ образомъ прикрыть всю Нижнюю Силезію.

Здѣсь Фридрихъ провелъ два мѣсяца; жилъ между своими солдатами въ палаткѣ, изучалъ ихъ характеръ, пополнялъ войско новобранцами и ежедневно

упражнялъ кавалерію, чтобы придать ей болѣе ловкости и проворства Въ тоже время онъ занимался поэзіей и музыкою.

Вскорѣ Штреленскій лагерь сдѣлался всеобщимъ политическимъ конгрессомъ; отвсюду спѣшили туда послы: Франція, Англія, Испанія, Швеція и Данія, Россія, Австрія,Баварія и Саксонія вступили въ переговоры и совѣщанія съ прусскимъ королемъ.

До сихъ поръ Франція молча радовалась несогласію Пруссіи съ Австріей и тайно поддерживала распрю своими происками и золотомъ. Успѣхи Фридриха заставили ее дѣйствовать опредѣлительнѣе.Желая отъ души разрыва съ Австріею, къ которому Франція не могла приступить явно, потому что признала прагматическую санкцію Карла VI, Флери, тогдашній глава французскаго правительства, при слабомъ и больномъ Людовикѣ XV, рѣшился дѣйствовать сторонними средствами.

Мы уже сказали, что Карлъ Альбрехтъ Баварскій, женатый на Маріи-Амаліи, дочери австрійскаго императора Іосифа I, и стало быть ближайшій наслѣдницѣ австрійскихъ владѣній, объявилъ свои претензіи на императорскую корону, но не имѣлъ средствъ поддержать своихъ требованій оружіемъ. Флери рѣшился помочь ему достигнуть цѣли и потому заключилъ съ нимъ союзъ въ Нимфенбургѣ. Цѣль хитраго Флери была также поживиться частицей австрійскихъ владѣній. Вслѣдствіе того онъ отправилъ къ Фридриху маршала Бельиля съ предложеніемъ присоединиться къ этому союзу, обѣщая за то вытребовать ему право на Нижнюю Силезію. Фридрихъ, зная, что на поддержку Австріи соединяются ганноверскія и датскія войска, принялъ предложеніе Флери съ удовольствіемъ и пятаго іюля присоединился къ Нимфенбургскому союзу. Онъ просилъ только сохранить его втайнѣ до тѣхъ поръ, пока Франція снарядитъ и выставитъ свое войско.

Вскорѣ Нимфенбургскій союзъ увеличился еще присоединеніемъ къ нему польскаго короля и курфирста саксонскаго, Августа III, и королевы испанской Елисаветы. Подстрекаемый примѣромъ Карла Албрехта Баварскаго, Августъ III, такъ же объявилъ претензію на австрійское наслѣдіе, основывая ее на правахъ жены своей Маріи Жозефы, старшей дочери Іосифа I. А Елисавету испанскую, вѣчно хлопотавшую о томъ, *чтобъ доставить сыну своему кусокъ хлѣба*,—какъ она сама выражалась, Франціи не трудно было склонить на свою сторону.

Между тѣмъ,тамъ и сямъ соединялись еще австрійскіе полки и малая война не прекращалась. Между множествомъ стычекъ австрійцевъ съ пруссаками особенно замѣчательно сраженіе при Ротшлоссѣ, въ которомъ впервые отличил-

ся, впослѣдствіи знаменитый сподвижникъ Фридриха, Цитенъ (*). Онъ напалъ на 1400 австрійскихъ гусаръ, которые соединились близь Ротшлосса подъ начальствомъ однаго изъ величайшихъ партизановъ того времени, генералъ-маіора Баронея, и разбилъ ихъ на голову. За эту битву король произвелъ Цитена въ полковники, а вскорѣ потомъ сдѣлалъ шефомъ всѣхъ прусскихъ гусаръ.

Нейпергъ, давая полную свободу партизанамъ тревожить прусскіе разъѣзды, замышлялъ планъ, какъ бы нанесть болѣе чувствительный ударъ Фридриху. Послѣ битвы при Молвицѣ, онъ ретировался за Нейсе и расположился лагеремъ. Чрезъ ловкихъ шпіоновъ, которые нарочно попадались въ руки пруссаковъ, онъ старался распространить мысль, что войска его совершенно разстроены, что онъ ждетъ новаго набора для приведенія ихъ въ порядокъ и ранѣе, какъ чрезъ три мѣсяца, не въ состояніи продолжать военныхъ дѣйствій. Когда, по мнѣнію его, Фридрихъ долженъ былъ убѣдиться въ справедливости такихъ извѣстій, онъ вдругъ поднялся съ мѣста, чтобы обойти прусскую армію и захватить Бреславль.

Но прусскаго короля не легло было обмануть, слушая шпіоновъ, онъ самъ наблюдалъ за Нейпергомъ и легко могъ проникнуть его намѣренія. Тотчасъ же онъ отправилъ три баталіона пѣхоты и пять эскадроновъ конницы къ Бреславлю. Ему хотѣлось овладѣть городомъ безъ кровопролитія, какою нибудь хитростію. Случай помогъ ему.

Въ Бреславлѣ образовалось общество старыхъ дамъ, ревностныхъ католичекъ. душою преданныхъ австрійскому правительству. При посредствѣ монаховъ, онѣ успѣли склонить на свою сторону нѣсколькихъ членовъ ратуши и рѣшились всѣми мѣрами споспѣшествовать австрійскому фельдмаршалу овладѣть Бреславлемъ и дѣйствовать оттуда противъ Фридриха.

Король узналъ объ этомъ во время, чрезъ преданную ему даму, которая очень искусно умѣла попасть въ общество и, вкравшись въ довѣренность, вывѣдать всѣ подробности ихъ тайны. Подъ предлогомъ совѣщаній, Фридрихъ пригласилъ къ себѣ въ лагерь главныхъ членовъ магистрата и спросилъ ихъ: «Во всей ли точности Бреславльское начальство исполняетъ права нейтралитета?»

(*) Іоганъ Цитенъ родился въ 1699 году, близъ Рупина. Пятнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ военную службу, но почитая себя обойденнымъ, чрезъ два года вышелъ въ отставку. Въ 1726 году онъ опять опредѣлился въ драгунскій полкъ. За ссору съ однимъ изъ начальниковъ, онъ цѣлый годъ сидѣлъ въ крѣпости и потомъ былъ исключенъ изъ службы. Благодаря сильной протекціи нѣкоторыхъ генераловъ, его приняли въ 1730 году опять на службу во вновь сформированный лейбъ-гусарскій полкъ, гдѣ онъ и дослужился до чина ротмистра. Въ 1735 году онъ участвовалъ въ походѣ противъ Франціи и за то повышенъ въ маіоры. Въ этомъ чинѣ онъ дѣйствовалъ и въ Силезскую войну, подъ начальствомъ Винтерфельда.

Ратсгеры отвѣчали, что они ни въ чемъ не отступали отъ своихъ обязанностей. Тогда король показалъ имъ письма, изъ которыхъ ясно было видно, что они подвозили съѣстные и полевые припасы австрійскому войску, отправили 140,000 гульденовъ къ Маріи-Терезіи и находились въ письменныхъ сношеніяхъ съ Нейпергомъ. Улики были на лицо: ратсгеры во всемъ сознались.

«На первый случай, сказалъ имъ Фридрихъ, я хочу быть милостивъ, но за вашъ проступокъ, требую услуги. Если вы нарушили права нейтралитета для австрійцевъ, то можете нарушить ихъ и для меня, чтобъ поправить дѣло. Мнѣ надо перебраться за Одеръ и для того провесть нѣсколько отрядовъ чрезъ Бреславль. Надѣюсь, что не встрѣчу противорѣчій въ бреславльскомъ магистратѣ.» (*)

Члены магистрата были на все согласны, радуясь, что такъ дешево отдѣлались

И такъ, отправленные Фридрихомъ къ Бреславлю полки вступили въ городъ; городовой маіоръ впереди войскъ, провожалъ ихъ чрезъ улицы. Но вдругъ полки повортили къ главной площади. Маіоръ, полагая, что они сбились съ пути, хотѣлъ имъ показать ближайшую дорогу къ Одерскимъ воротамъ, но принцъ Леопольдъ Дессаускій очень вѣжливо попросилъ его вложить шпагу въ ножны и отправиться на покой въ свои казармы, объяснивъ ему, что цѣль вступленія войскъ—не пройти чрезъ городъ, но занять его.

На другой день, 10-го августа, было объявлено, что городъ лишенъ нейтральныхъ правъ и что жители должны являться въ ратушу для принесенія присяги королю. Всѣ австрійскіе чиновники были уволены отъ службы; послѣ присяги, совершено торжественное молебствіе, а вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Фридриху возвѣстили о занятіи Бреславля чрезъ выстрѣлы изъ пушекъ, которые были раставлены на всемъ протяженіи отъ города до Штреленскаго лагеря.

Нейпергъ узналъ довольно поздно, что пруссаки его предупредили. Онъ занялъ выгодную позицію въ горахъ и продолжалъ малую войну, не допуская непріятеля до рѣшительнаго дѣла.

Пока эти событія совершались въ Силезіи, двѣ французскія арміи вступили въ Германію. Одна, подъ начальствомъ маршала Мелебоа, приблизилась къ границамъ Ганновера, а другая, подъ командою маршала де Белиль, пошла на помощь къ Баваріи и въ половинѣ августа соединилась съ баварскими полками.

Миролюбивый король Георгъ II, видя опасность ганноверской области, поспѣшилъ объявить себя нейтральнымъ; а курфирстъ баварскій немедленно вступилъ въ австрійскія владѣнія. Неудача Нейперга и взятіе Фридрихомъ Бреславля,

(*) Рейхе: *«Фридрихъ Великій и его время.»*

побудили Марію-Терезію къ уступкѣ. Въ лагерь къ Фридриху былъ отправленъ для переговоровъ лордъ Робинсонъ, англійскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ. Почтенный джентльменъ, весьма высокопарно и съ необычайной важностью, старался запугать и озадачить Фридриха могуществомъ и средствами Австріи и наконецъ предложилъ ему, какъ особенную милость Маріи-Терезіи, Лимбургъ, Гелдернъ и 2,000,000 талеровъ контрибуціи, если онъ откажется отъ Силезіи и выведетъ свои войска. Фридрихъ отвѣчалъ Робинсону такими же напыщенными фразами, въ томъ же патетическомъ тонѣ, и кончилъ рѣчь свою слѣдующими убѣдительными словами:

«Развѣ Марія-Терезія почитаетъ меня нищимъ?—Чтобъ я отступился отъ Силезіи за деньги, тогда какъ пріобрѣлъ ее жизнью и кровью моихъ воиновъ?—Еслибъ я былъ способенъ на такое низкое, презрѣнное дѣло, мои предки вышли бы изъ гробницъ и грозно потребовали отчета: Нѣтъ! сказали бы они, въ тебѣ нѣтъ капли нашей крови! Ты долженъ драться за права, которыя мы тебѣ доставили, а ты продаешь ихъ за деньги! Ты пятнаешь честь, которую мы завѣщали тебѣ, какъ самое драгоцѣнное наше наслѣдіе Ты недостоинъ царскаго сана, недостоинъ престола, ты презрѣнный торгашъ, которому барыши дороже славы!—Нѣтъ, господинъ посолъ, скорѣе я готовъ похоронить себя и все мое войско подъ развалинами Силезіи, чѣмъ перенести такое униженіе (*).»

Съ этими словами, не выжидая возраженій лорда Робинсона, онъ взялъ шляпу и вышелъ изъ палатки, оставя велерѣчиваго британца въ совершенномъ недоумѣніи. Посланникъ возвратился въ Вѣну съ своимъ донесеніемъ.

(*) Раумера: «*Фридрихъ II.*»

Чрезъ нѣсколько недѣль онъ опять явился въ лагерѣ Фридриха и привезъ съ собою карту Силезіи; на ней были обозначены чернилами четыре княжества въ Нижней Силезіи, которыя вѣнскій кабинетъ рѣшился уступить Фридриху.

На это король отвѣчалъ коротко и ясно:

«Это годилось бы прежде, теперь не годится!»

Между тѣмъ положеніе Маріи-Терезіи становилось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. На англійскаго короля нельзя было болѣе надѣяться. Польскій король требовалъ себѣ Моравію и въ случаѣ отказа, грозилъ взять ее силою. Курфирстъ баварскій, 3-го сентября, взялъ Линцъ и принялъ тамъ присягу жителей; какъ будущій эрцгерцогъ австрійскій, потребовалъ контрибуцію съ цѣлой области и такъ быстро двинулся къ Вѣнѣ, что Марія-Терезія принуждена была со всѣмъ дворомъ удалиться въ Пресбургъ, взявъ съ собою государственный архивъ и всѣ драгоцѣнности.

Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, стѣсненная со всѣхъ сторонъ, она наконецъ рѣшилась послушаться англійскаго министра, лорда Гиндфорта, который совѣтовалъ ей прибѣгнуть къ старинной политической уловкѣ, перессорить всѣхъ ея непріятелей между собою. Для этаго надо было кончить дѣло съ главнымъ и опаснѣйшимъ врагомъ, королемъ прусскимъ, и согласиться на всѣ его требованія. Лордъ Гиндфортъ отправился къ Фридриху. Переговоры начались 8-го октября въ Клейнъ-Шеллендорфѣ; туда же былъ приглашенъ Фридрихомъ и фельдмаршалъ Нейпергъ. Рѣшили: чтобы до заключенія формальнаго мира, сдѣлать перемиріе, которое съ обѣихъ сторонъ держать втайнѣ; австрійцы должны были сдать крѣпость Нейсе и такимъ образомъ оставить за прусскимъ королемъ всю Нижнюю Силезію; на зимнія квартиры Фридриху дозволялось проникнуть съ войскомъ даже въ Верхнюю Силезію, съ тѣмъ однако, чтобъ онъ не бралъ съ жителей никакой контрибуціи. А чтобы лучше скрыть этотъ договоръ отъ прочихъ союзниковъ, было положено продолжать малую войну.

Тотчасъ, по окончаніи переговоровъ, Фридрихъ осадилъ и взялъ Нейсе; австрійцы ретировались изъ Силезіи; прусскія войска заняли графство Глацкое и такимъ образомъ придвинулись къ баварскому войску, которое находилось въ Богеміи, гдѣ курфирстъ баварскій принялъ титулъ богемскаго короля и потомъ отправился въ Мангеймъ, ждать, пока его выберутъ въ австрійскіе императоры.

Австрійскій дворъ, котораго цѣль была, какъ мы видѣли, перессорить союзниковъ, поторопился подъ рукою распустить слухъ о Клейнъ-Шеллендорфскомъ трактатѣ.

Такое вѣроломство возмутило Фридриха и онъ почелъ себя въ правѣ такъ же нарушить свои условія. Вслѣдствіе того онъ отправился въ Бреславль и 7-го

ноября назначилъ день торжественнаго восшествія на престолъ и присяги.

Къ этому дню въ Бреславль собралось 4000 депутатовъ отъ всѣхъ городовъ и вѣдомствъ Силезіи. При колокольномъ звонѣ и радостныхъ крикахъ народа, Фридрихъ въ золоченой каретѣ, запряженной восьмью парадными лошадьми, подъѣхалъ къ ратушѣ, передъ которой стояла въ строю вся его гвардія и гдѣ всѣ государственные чины были собраны и ожидали его прибытія. Онъ вошелъ въ тронную залу. Тамъ наскоро былъ для него приготовленъ тронъ изъ стараго императорскаго кресла. У вышитаго на немъ двуглаваго орла была снята одна голова, а на грудь его былъ помѣщенъ вензель Фридриха: такимъ образомъ гербъ австрійскій сдѣлался прусскимъ.

Въ теченіе полутораста лѣтъ, со временъ императора Матѳея, Силезія не видала подобнаго торжества: можно себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе оно должно было произвесть въ народѣ.

Фридрихъ взошелъ на ступени трона въ своемъ обыкновенномъ воинскомъ мундирѣ, безъ всѣхъ королевскихъ регалій. Фельдмаршалъ Шверинъ забылъ принесть государственный мечъ, который долженъ былъ держать по правую руку короля.

Фридрихъ вынулъ изъ ноженъ свою шпагу, ту самую, которою была завоевана Силезія, и подалъ ее фельдмаршалу.

Министръ Подевильсъ произнесъ краткую, но сильную рѣчь, приличную случаю; въ ней онъ отъ имени короля обѣщалъ силезцамъ сохраненіе всѣхъ ихъ правъ, защиту и помощь. Потомъ онъ громко прочелъ присягу; всѣ присутствующіе повторили ее за нимъ и, наконецъ, каждый, по одиночкѣ, подходилъ къ трону, клалъ руку на Евангеліе и цѣловалъ государственный мечъ, въ знакъ

преданности и повиновенія. Громкое: «да здравствуетъ король Фридрихъ, нашъ герцогъ и повелитель!»—заключило церемонію. Король снялъ шляпу въ знакъ благодарности и удалился. За тѣмъ былъ данъ народу праздникъ, а вечеромъ на всѣхъ окнахъ и на улицахъ заблистали щиты и транспаранты, съ различными радостными надписями и эмблемами.

За этимъ днемъ слѣдовалъ рядъ праздниковъ, на которыхъ Фридрихъ умѣлъ привязать къ себѣ всѣ сословія своей любезностію и добротою.

Но болѣе всего восхитилъ и расположилъ къ нему силезцевъ его великодушный поступокъ. По обыкновенію, города представили ему, какъ новому герцогу, хлѣбъ-соль, состоящую изъ бочки золота. Такъ велось съ давнихъ временъ. Фридрихъ отказался отъ этого подарка.

«Эта страна, говорилъ онъ, слишкомъ пострадала отъ войны, чтобы я могъ принять отъ нея такую жертву. Напротивъ, я самъ помогу народу въ его нуждахъ, чтобы онъ не имѣлъ причины роптать на перемѣну правительства.»

Манифестомъ онъ простилъ крестьянамъ податные долги, приказалъ имъ выдать хлѣбъ на посѣвъ и раздать бѣднѣйшимъ семействамъ необходимыя суммы на поправку и обзаведеніе. Дворянамъ онъ далъ новыя званія и чины. Католическому духовенству была дарована полная свобода строить латинскія церкви и оправлять богослуженіе по римскому обряду (*).

Облагодѣтельствовавъ такимъ образомъ завоеванную страну, Фридрихъ 12 ноября возвратился въ Берлинъ.

(*) Беккера: «*Всеобщая Исторія*.»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Походъ 1742 года.

Очень счастливо дѣйствовала баварская армія осенью 1741 года. Мы видѣли, что Карлъ Албрехтъ дошелъ почти до Вѣны. Дѣйствуя скоро и рѣшительно, онъ безъ всякой потери могъ бы достигнуть своей цѣли и возсѣсть на престолѣ Австріи въ самой ея столицѣ. Потомъ, имѣя имперію и всѣ ея средства въ рукахъ, онъ могъ бы поддержать свое право и, удовлетворивъ союзниковъ уступкою нѣсколькихъ областей, прочно утвердиться на императорскомъ престолѣ.

Но совѣтъ, данный Маріи-Терезіи хитрымъ англичаниномъ, возъимѣлъ уже свое дѣйствіе. Слухи объ Клейнъ-Шеллендорфскомъ трактатѣ возбудили въ союзникахъ зависть, подозрѣніе и недовѣрчивость,

Увлекаясь этими чувствами, и курфирстъ баварскій вдругъ перемѣнилъ планъ свой, и вмѣсто того, чтобъ овладѣть столицею имперіи, оставилъ Австрію и направилъ войска свои на Богемію, опасаясь, чтобы Августъ III не предупредилъ его и не пріобрѣлъ этой страны въ свою пользу.

Быстро подступилъ онъ къ Прагѣ; послѣ двѣнадцати-дневной осады взялъ городъ; провозгласилъ себя королемъ богемскимъ и принялъ присягу новыхъ своихъ подданныхъ. Оттуда онъ отправился въ Мангеймъ, чтобы достигнуть главной своей цѣли, короны императора.

Января 24-го 1742 года, желанія его исполнились: онъ былъ избранъ въ римскіе императоры подъ именемъ Карла VII. Но пріобрѣтя такимъ образомъ тѣнь власти, онъ навсегда утратилъ дѣйствительную власть; онъ носилъ титулъ императора, а престолъ императорскій былъ въ чужихъ рукахъ.

Въ своемъ стѣсненномъ положеніи, Марія-Терезія обратилась къ венграмъ и назначила въ Пресбургѣ государственный сеймъ. Она явилась на престолѣ въ національномъ костюмѣ венгерскихъ королей, держа на рукахъ своего младенца-сына (впослѣдствіи императора Іосифа II). Въ краткихъ, но полныхъ искренняго чувства, словахъ она изложила печальное свое положеніе. Ея молодость, красота и несчастія возбудили въ венгерцахъ неимовѣрный энтузіазмъ. Магнаты выхватили сабли изъ ноженъ, и поднявъ руку въ знакъ клятвы, съ одушевленіемъ воскликнули: «Жизнь и кровь за нашу королеву! Да здравствуетъ Марія-Терезія!»

За клятвой вскорѣ послѣдовало и дѣло. Половина Венгріи стала подъ ружье. 15 000 дворянъ соединили подъ свои знамена многочисленныя толпы кроатовъ, пандуровъ, валаховъ и тирольцевъ Французско-баварское войско, которое не послѣдовало за Карломъ-Албрехтомъ въ Богемію, было выгнано изъ Австріи; венгры преслѣдовали его даже въ самой Баваріи, и въ самый день провозглашенія Карла императоромъ, они завоевали его собственную столицу, Мюнхенъ.

Венгры опустошали Баварію съ ненасытимой жаждой мести.

Эти обстоятельства заставили Фридриха тѣснѣе примкнуться къ его союзникамъ и подумать о ихъ выгодахъ, тѣмъ болѣе, что Австрія уже всюду разгласила о Клейнъ-Шеллендорфскомъ договорѣ,а между тѣмъ и не думала о заключеніи дѣйствительнаго мира съ Пруссіею. Надлежало оправдать себя въ глазахъ союзныхъ державъ, и Фридрихъ рѣшился снова приняться за оружіе.

Чтобъ отвлечь австрійскія войска отъ Баваріи, Фридрихъ намѣренъ былъ вторгнуться въ Моравію, но какъ Моравія, по предварительнымъ условіямъ, была уже обѣщана саксонскому курфирсту и королю польскому Августу III, то

онъ желалъ, какъ можно болѣе пощадить свое войско и потому хотѣлъ вытребовать главную армію для этого завоеванія у Саксоніи.

Отпраздновавъ въ Берлинѣ, 6-го января, свадьбу брата своего принца Августа-Вильгельма, онъ немедленно отправился въ Дрезденъ.

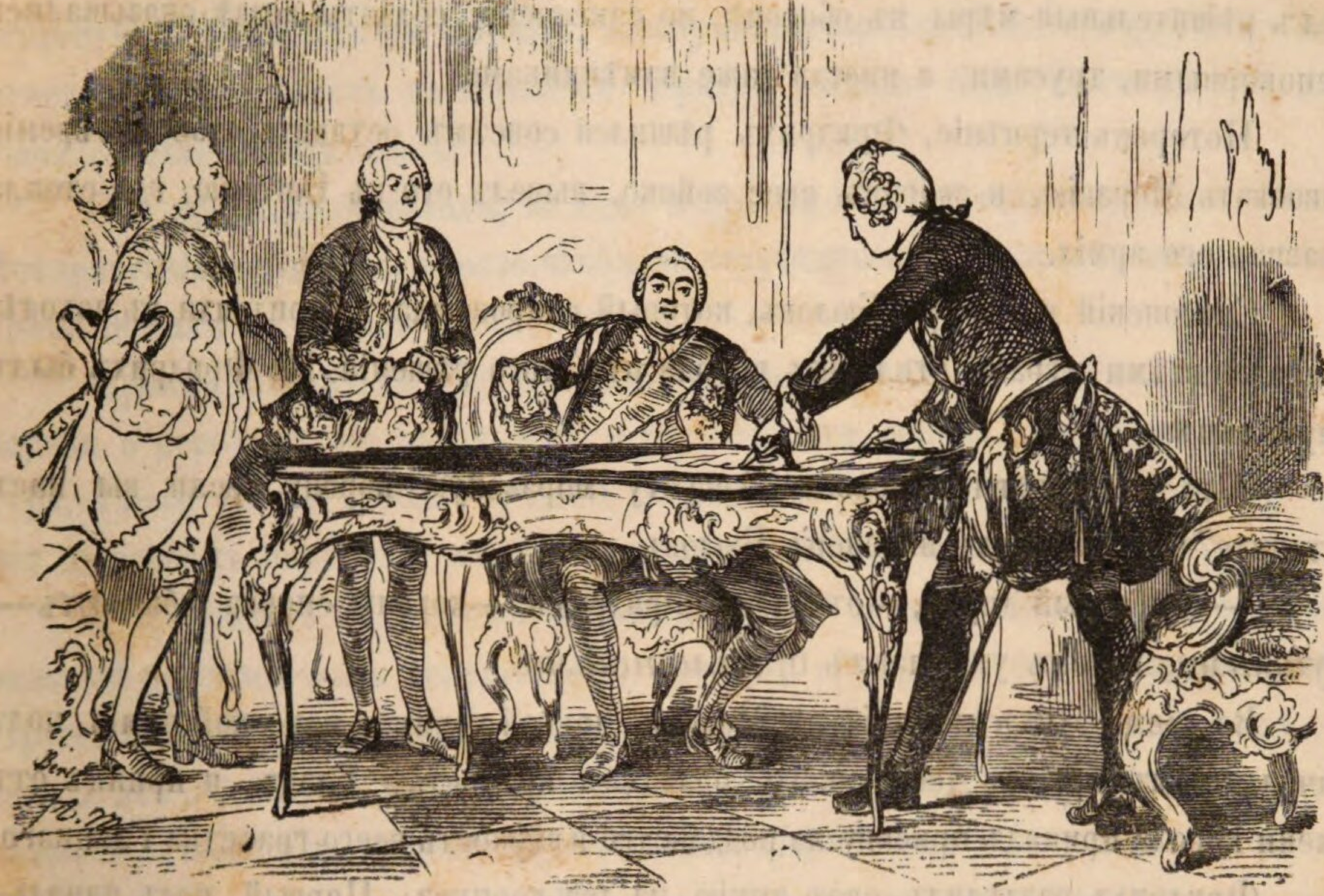
Но Фридрихъ скоро увидѣлъ, что достигнуть цѣли не такъ легко, какъ онъ думалъ. Сластолюбивый и безпечный Августъ III утопалъ въ нѣгѣ и удовольствіяхъ; всѣми дѣлами государственными управлялъ его именемъ хитрый и своекорыстный министръ, графъ Брюль, который былъ на тайномъ жалованьи у Австріи и неохотно одобрялъ все то, что могло служить къ ея ущербу. Кромѣ того, Брюль, какъ и всѣ мелочныя души предъ величіемъ генія, чувствовалъ себя неловкимъ и униженнымъ въ присутствіи Фридриха и потому питалъ къ нему тайное недоброжелательство.

Но Фридрихъ съ первыхъ словъ понялъ своего антагониста и рѣшился противъ него дѣйствовать его же оружіемъ: дипломатическими хитростями.

Составлена была конференція въ королевскихъ покояхъ. Кромѣ Фридриха и Брюля, въ ней участвовали и нѣкоторые саксонскіе генералы. На каждое предположеніе Фридриха Брюль находилъ возраженія и ловкія увертки, которыя Фридрихъ однако тутъ же опровергалъ самыми ясными доводами. Несогласія продолжались до тѣхъ поръ, пока король Августъ III, не вошелъ въ конференцзалу случайно, какъ иногда богатый баринъ, сквозь дверь, заглядываетъ на потолокъ, который ему расписываетъ искусный живописецъ.

Брюль воспользовался обмѣномъ обычныхъ вѣжливостей между королями, и, зная характеръ своего государя, поспѣшно сложилъ карту Моравіи, которая была развернута на столѣ. Фридрихъ пригласилъ Августа присѣсть къ столу, спокойно развернулъ опять карту и старался растолковать Августу, на что были нужны его войска и какъ важны для него должны быть предполагаемыя операціи. Августъ слушалъ и на всѣ вопросы Фридриха отвѣчалъ только: «Да»... . «Это такъ».... «Конечно»... но на лицѣ его наконецъ стали изображаться нетерпѣніе и скука. Брюль, который мучился, какъ въ пыткѣ, въ продолженіе всей этой сцены, воспользовался счастливыми признаками монаршей скуки: въ первую удобную минуту молчанія онъ вынулъ часы изъ кармана и ловко замѣтилъ, что сейчасъ начнется опера.

Для Августа такое извѣстіе было слишкомъ важно, чтобъ онъ могъ еще пожертвовать нѣсколькими минутами совѣщанію о дѣлахъ Моравіи. Онъ поспѣшно всталъ, и хотѣлъ итти въ театръ; но Фридрихъ въ свою очередь воспользовался его нетерпѣніемъ и не выпустилъ бѣднаго короля до тѣхъ поръ, пока онъ не одобрилъ его плана и не объявилъ своего согласія.

И такъ, въ главѣ саксонской арміи, Фридрихъ пошелъ чрезъ Богемію въ Моравію. Въ Ольмюцѣ онъ соединился съ корпусомъ прусскаго войска, которое, по его распоряженію, выступило въ Моравію изъ Силезіи. Первыя дѣла были увѣнчаны успѣхомъ. Пруссаки проникли въ Австрію. Гусары Цитена, составляя авангардъ, достигли почти до самой Вѣны; столицѣ имперіи угрожала вторичная опасность.

Но вскорѣ Фридрихъ убѣдился, что всѣ успѣхи не приведутъ его къ желанной цѣли. Саксонцы портили самыя лучшія его комбинаціи, мѣшали и даже вредили его дѣйствіямъ на каждомъ шагу. Саксонскіе генералы неохотно соглашались на его предложенія, исполняли ихъ вяло и нерадиво, а самое войско думало больше о грабежахъ, чѣмъ о мужественной борьбѣ съ непріятелемъ.

Фридриху понадобилось осадить крѣпость Брюнъ. Онъ потребовалъ у Августа необходимую для осады артиллерію. Августъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ денегъ на орудія, а въ тоже самое время заплатилъ 400,000 талеровъ за весьма рѣдкій зеленый бриллiантъ, который купилъ для знаменитой своей *зеленой кладовой*.

Это выводило Фридриха изъ себя; онъ далъ слово никогда не дѣйствовать съ помощью союзниковъ, или соединяться только съ такими войсками, которыя будутъ находиться въ полномъ его распоряженіи.

Между тѣмъ и австрійская армія вступила въ Моравію. Фридрихъ принялъ рѣшительныя мѣры къ оборонѣ, но саксонскіе солдаты вездѣ оказывались непокорными, трусами, а иногда даже измѣнниками.

Потерявъ терпѣніе, Фридрихъ рѣшился совсѣмъ оставить свое намѣреніе завоевать Моравію, и собравъ свое войско, вывелъ его въ Богемію, гдѣ стояла главная его армія.

Саксонскій министръ Бюловъ, который сопровождалъ Фридриха въ походѣ, старался всѣми мѣрами отклонить короля отъ этого рѣшенія. Но Фридрихъ былъ неумолимъ.

«Кто же доставитъ королю Августу моравскую корону, если вы насъ оставите?» воскликнулъ наконецъ Бюловъ.

— Любезный другъ,—отвѣчалъ Фридрихъ;—короны сперва добываютъ— *пушками*, потомъ украшаютъ *бриллiантами*.

Во время этихъ дѣйствій въ Моравіи, другой корпусъ прусской арміи, подъ начальствомъ принца Дессаускаго, овладѣлъ крѣпостью Глацъ, и принцъ отъ имени короля принялъ присягу на подданство и вѣрность всего графства Глацкаго.

Фридрихъ раздѣлилъ свою армію на два корпуса. Первый, подъ начальствомъ принца Ангальтскаго и фельдмаршала Шверина, онъ расположилъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Ольмюцѣ, а другой помѣстилъ въ Богеміи, между Эльбою и Сассавою.

Здѣсь прусскія войска провели четыре мѣсяца въ совершенномъ бездѣйствіи. Фридрихъ душевно желалъ мира,и переговоры съ Австріею начилась снова; англичане приняли на себя посредничество. Но теперь имъ еще труднѣе было согласить обѣ стороны. Фридрихъ неотступно требовалъ всю Силезію и графство Глацкое; Австрія, съ своей стороны, ободренная нѣсколько своими первыми успѣхами и надѣясь на Венгрію и Францію, съ которой вела тайные переговоры, неохотно соглашалась на такую значительную уступку.

Фридрихъ рѣшился еще разъ попытаться оружіемъ принудить вѣнскій кабинетъ къ уступкѣ. Случай помѣриться силами скоро представился.

Братъ мужа Маріи-Терезіи, принцъ Карлъ Лотарингскій, отличный и смѣлый воинъ, вмѣстѣ съ опытнымъ фельдмаршаломъ Кенигсэкомъ, повели значительную армію, чрезъ Дейчбротъ и Цвитау, въ Богемію. Намѣреніе ихъ было: мимоходомъ разбить пруссаковъ, которыхъ число они почитали вдвое меньше, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ; захватить ихъ магазины въ Нимбургѣ, и потомъ отнять Прагу у французовъ и баварцевъ.

Чтобъ предупредить ударъ, Фридрихъ съ авангардомъ 15-го мая двинулся впередъ, а принцу Леопольду Дессаускому приказалъ слѣдовать за собою малыми переходами. Въ тоже время онъ просилъ маршала Брогліо, который съ

французскими отрядами стоялъ на Молдавѣ, присоединиться къ его арміи. Брогліо отвѣчалъ, что не имѣетъ на то предписанія, но что тотчасъ же отправитъ эстафету съ запросомъ въ Парижъ, и получивъ разрѣшеніе своего правительства, немедленно послѣдуетъ за королемъ Фридриху нельзя было ждать отвѣта, онъ рѣшился дѣйствовать одинъ.

Онъ продолжалъ походъ, но едва вступилъ въ Куттенбергъ, какъ принцъ Лотарингскій повернулъ вправо,чтобъ не встрѣтиться съ Фридрихомъ,и потомъ прямо пошелъ на принца Дессаускаго

Принцъ Леопольдъ наскоро составилъ планъ дѣйствія, послалъ извѣстить короля о перемѣнѣ обстоятельствъ и расположилъ войска. Къ восьми часамъ утра, 17-го числа, король прибылъ съ своимъ авангардомъ и нашелъ обѣ арміи въ боевомъ порядкѣ и въ готовности вступить въ битву.

У пруссаковъ было слишкомъ восемьдесятъ орудій; это давало имъ значительный перевѣсъ надъ непріятелемъ, котораго артиллерія была довольно слаба. Прусская армія расположилась на высотахъ, за мѣстечкомъ Шотузицъ: она состояла изъ 30,000 человѣкъ; австрійцевъ было 40,000. Фридрихъ самъ распоряжался битвою; а австрійскіе военачальники дѣйствовали отдѣльными корпусами, каждый по своему усмотрѣнію. Битва длилась съ восьми часовъ утра до двѣнадцати.

Австрійская конница начала аттаку. Она была встрѣчена пушечнымъ громомъ. Первымъ безпорядкомъ, произведеннымъ тремя залпами, воспользовалась

прусская кавалерія, которая нагрянула на аттакующихъ съ фланга и опрокинула ихъ. Но отъ быстроты этаго движенія поднялась такая сильная пыль, что пруссаки не въ состояніи были разсмотрѣть врага и такимъ образомъ лишились всѣхъ выгодъ своего нападенія. Послѣ того Кенигсэкъ повелъ пѣхоту своего праваго крыла противъ прусской инфантеріи, которая была довольно невыгодно поставлена близъ Шотузица Несмотря на все содѣйствіе прикрывавшей ее конницы, она должна была отступить. Австрійцы овладѣли мѣстечкомъ Шотузицъ и зажгли его со всѣхъ концовъ.

Но, вмѣсто пользы, они причинили себѣ значительный вредъ: пламя и сильный дымъ совершенно раздѣлили обѣ арміи; австрійцы должны были остановить свое преслѣдованіе, между тѣмъ пруссаки имѣли время притти опять въ порядокъ. Во время этаго замѣшательства, Фридрихъ съ неимовѣрной быстротой напалъ на лѣвое крыло непріятеля, потѣснилъ австрійскую конницу на ея правое крыло, такъ, что она помѣшала собственной пѣхотѣ занять свои позиціи и произвела величайшую суматоху.

Между тѣмъ, чтобы занять остальную часть непріятельскаго войска, которая находилась близъ Шотузица, и отнять у нея возможность подоспѣть на помощь аттакованнаго войска, Фридрихъ фальшивымъ движеніемъ своей пѣхоты, обнаружилъ передъ непріятелемъ свой вагенбургъ и паркъ. Австрійцы съ жадностію кинулись на обозы и пороховые ящики, и такимъ образомъ были отрѣзаны отъ главной арміи. Этимъ ловкимъ маневромъ Фридрихъ выигралъ битву въ три часа времени. Австрійцы обратились въ бѣгство въ величайшемъ безпорядкѣ, не смотря на то, что изъ всей прусской пѣхоты только четыре полка были въ дѣлѣ. У бѣгущихъ отнято восемь пушекъ; множество солдатъ и офицеровъ захвачено въ плѣнъ. Между послѣдними находился австрійскій генералъ Полландъ, который былъ тяжко раненъ и не могъ слѣдовать за ретирующейся арміей. Фридрихъ посѣтилъ его въ палаткѣ, нарочно для него разбитой, утѣшалъ умирающаго надеждой на выздоровленіе, приставилъ къ нему лучшихъ полковыхъ врачей, и взамѣнъ за свое участіе узналъ отъ него, что Франція ведетъ съ Австріей тайные переговоры съ намѣреніемъ вступить въ союзъ.

Это извѣстіе нѣсколько обезпокоило и раздражило Фридриха. Изъ всѣхъ нимфенбургскихъ союзниковъ одна Франція могла служить ему нѣкоторою подпорою, но и съ ея стороны онъ испытывалъ вѣроломство. Такія обстоятельства заставили его подумать о мѣрахъ къ прекращенію войны съ Австріею, тѣмъ болѣе, что изъ восьми милліоновъ талеровъ сохранной казны; завѣщанной ему отцомъ, теперь оставалось въ наличности не болѣе 150,000: шесть милліоновъ съ половиною были потрачены на завоеваніе Силезіи. Стало быть продолженіе войны могло

сдѣлаться отяготительнымъ для его подданныхъ, а это никакъ не согласовалось съ его правилами и образомъ мыслей.

Въ Шотузицкую битву Пруссія потеряла четыре тысячи человѣкъ; уронъ Австріи простирался до шести тысячъ. Фридрихъ очень хорошо зналъ, что этой побѣдой обязанъ не столько своей распорядительности и военнымъ талантамъ своихъ генераловъ, какъ одному изъ тѣхъ непостижимыхъ случаевъ, которые само Провидѣніе посылаетъ для рѣшенія судебъ міра; не менѣе того онъ гордился ею, потому что этотъ новый блистательный успѣхъ приближалъ его къ желанной цѣли. Среди поля битвы обнялъ онъ принца Леопольда и произвелъ его въ генералъ-фельдмаршалы. Всѣмъ генераламъ и офицерамъ былъ розданъ орденъ *достоинства* (pour le mérite), солдаты получили денежныя награды.

Съ самаго поля битвы Фридрихъ отправилъ посольства ко всѣмъ своимъ союзникамъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Къ королю французскому онъ написалъ слѣдующія строки:

«Ваше Величество! Принцъ Лотарингскій на меня напалъ и—я разбилъ его!»

Курфирстъ Баварскій или императоръ Карлъ VII пришелъ въ такой восторгъ при этомъ извѣстіи, что возвелъ Фридрихова посланника, барона Шметтау, со всѣмъ его потомствомъ, въ графское достоинство имперіи. Король Августъ III, получивъ такъ же извѣщеніе о побѣдѣ Фридриха, спросилъ посла: «А каково дѣйствовали мои саксонцы?»—Добрый король и не зналъ, что его войска совсѣмъ не участвовали въ этой войнѣ

Мысли и чувства самаго Фридриха въ эту эпоху надо изучать въ перепискѣ его съ Іорданомъ. Вотъ, что писалъ онъ своему другу послѣ Шотузицкой битвы:

«И такъ, другъ твой въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ вторично одержалъ побѣду! Кто бы могъ сказать за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, что школьникъ, который учился у тебя философіи, у Цицерона—риторикѣ, у Байле — здравому сужденію, будетъ нѣкогда играть въ свѣтѣ военную роль? Кто бы повѣрилъ, что Провидѣніе выберетъ поэта на то, чтобы опрокинуть систему европейскихъ государствъ, и совершенно измѣнить всѣ политическія комбинаціи королей? — Когда-то мы опять увидимся подъ мирными буками Рейнсберга или подъ роскошными липами Шарлоттенбурга? Когда мы опять пофилософствуемъ на досугѣ о глупости человѣческой и о ничтожествѣ нашего положенія? Я жду этой счастливой минуты съ большимъ нетерпѣніемъ: испытавъ все на свѣтѣ, человѣкъ обыкновенно возвращается къ лучшему.»

Новая побѣда Фридриха заставила и вѣнскій кабинетъ подумать о мѣрахъ къ прекращенію отяготительной войны. Гордость Маріи-Терезіи смягчилась; она

увидѣла ясно, что борьба съ юнымъ, пламеннымъ завоевателемъ завлечетъ ее слишкомъ далеко; надлежало рѣшиться на уступку.

Въ лагерь при Заславлѣ, гдѣ находилась главная квартира Фридриха, былъ отправленъ англійскій посолъ лордъ Гипдфортъ, какъ посредникъ и миротворецъ. Фридрихъ уполномочилъ своего министра, графа Подевильса, окончить дѣло по его усмотрѣнію. Переговоры начались въ Бреславлѣ, 11 іюня 1742 года. Условія мира были слѣдующія:

«Марія-Терезія уступала Пруссіи Верхнюю и Нижнюю Силезію и графство Глацъ; за исключеніемъ городовъ Троппау, Егерндорфа и горной цѣпи по ту сторону рѣки Оппы. — Пруссія за то принимала на себя австрійскій долгъ въ 1.700.000 рейхсталеровъ, занятыхъ у Англіи подъ залогъ Силезіи.»

Тотчасъ послѣ вымѣна обоюдныхъ ратификацій, прусскія войска вышли изъ Богеміи; часть ихъ, чрезъ Саксонію, перешла въ Бранденбургскія владѣнія, другая заняла границы Силезіи, чтобы защищать вновь пріобрѣтенныя провинціи. Фридрихъ объявилъ своей арміи о заключеніи мира, далъ офицерамъ великолѣпный обѣдъ и первый провозгласилъ тостъ за здравіе и счастіе Маріи-Терезіи.

До отъѣзда своего въ Берлинъ, онъ сперва объѣхалъ всѣ крѣпости въ Силезіи; приказалъ ихъ исправить, а нѣкоторые города вновь укрѣпить.

Изъ Бреславля онъ написалъ къ Іордану слѣдующее письмо:

«Въ восемь дней я кончилъ больше дѣлъ, чѣмъ коммиссіонеры дома «Австрія» надѣлали ихъ въ восемь лѣтъ. И почти все мнѣ удалось довольно счастливо. Я исполнилъ все, чего требовала честь моего народа; теперь приступаю къ тому, чего требуетъ его счастіе. Кровь моихъ воиновъ для меня драгоцѣнна: закрываю всѣ каналы, изъ которыхъ она могла бы еще пролиться. Теперь могу снова отдать тѣло — наслажденіямъ, а душу — философіи. Пока въ моемъ мозгу одни счеты да цыфры, но по возвращеніи я выброшу весь этотъ вздоръ изъ головы, чтобы наполнить ее чѣмъ нибудь лучшимъ. Я написалъ стихи и — потерялъ ихъ; началъ читать книгу — ее сожгли; игралъ на фортепьяно — его разбили; объѣздилъ лошадь и она охромѣла. Остается только, чтобъ ты заплатилъ мнѣ измѣною за дружбу — и я повѣшусь.»

Въ Берлинъ Фридрихъ прибылъ 12-го іюля, а 28-го миръ Пруссіи съ Австріею былъ окончательно заключенъ и подписанъ. Англія приняла на себя отвѣтственность за точное исполненіе договора. Въ Берлинѣ миръ былъ отпразднованъ торжественнымъ образомъ и жители столицы всячески старались высказать свой восторгъ и любовь къ побѣдоносному своему монарху.

Вслѣдъ за тѣмъ, всѣ союзные дворы были извѣщены о заключеніи мира. Можно себѣ представить, какое волненіе произвело это событіе въ европейскихъ кабинетахъ. Больше всѣхъ былъ пораженъ Флери. Старый политикъ не могъ перенесть мысли, что Фридрихъ, ученикъ въ государственной наукѣ, котораго онъ хотѣлъ употребить только орудіемъ для своихъ цѣлей, перехитрилъ его. Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ и нѣсколько разъ принимался перечитывать рескриптъ прусскаго короля.

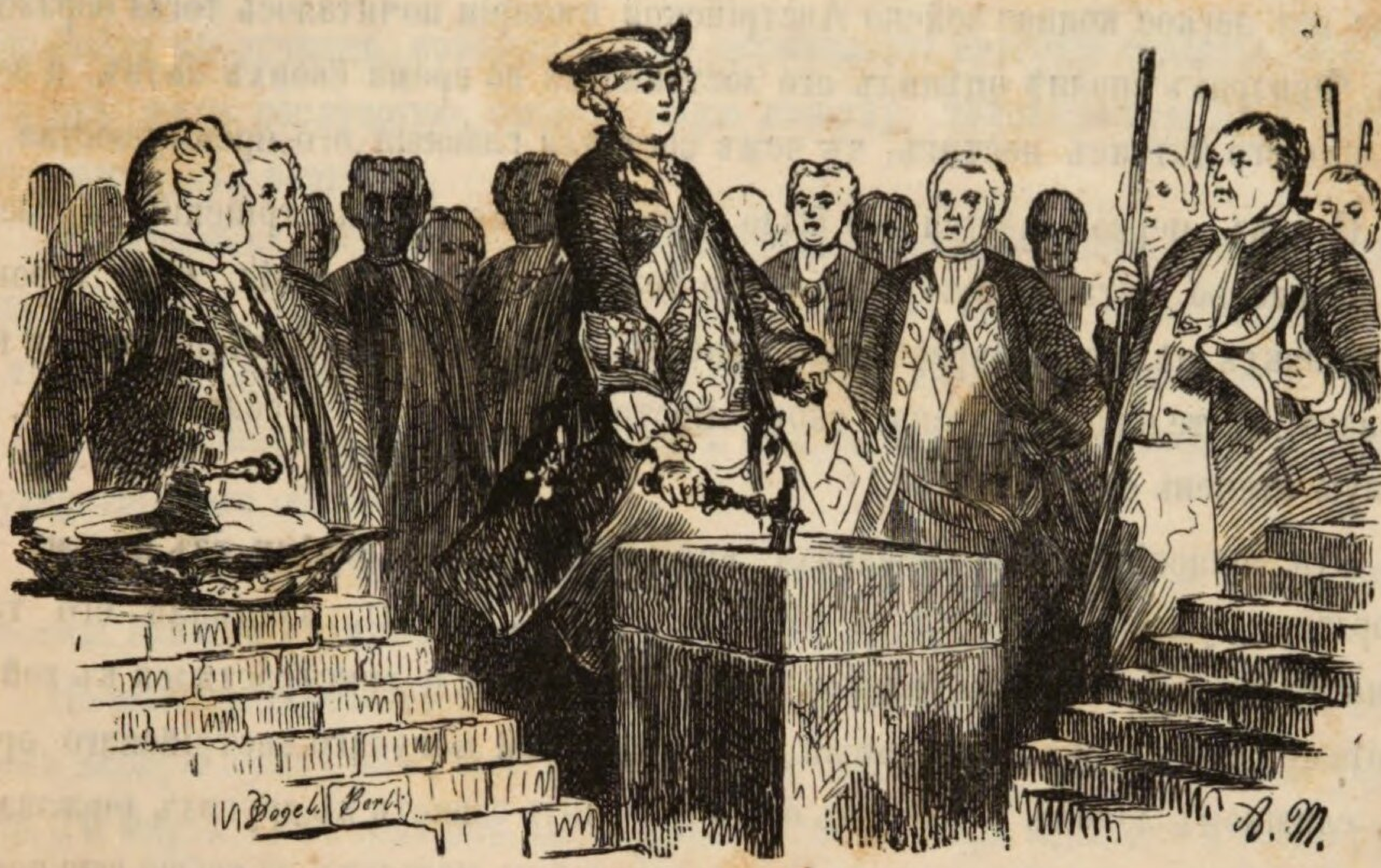
«Я слишкомъ хорошо знаю прямой и благородный образъ мыслей Вашего Величества, и не могу допустить малѣйшее подозрѣніе, что вы хотите насъ оставить!» Такъ писалъ Флери къ Фридриху, и дѣйствительно онъ хорошо постигъ характеръ прусскаго короля. Фридрихъ самъ сознавался Іордану, что шагъ этотъ стоилъ ему сильной борьбы съ самимъ собою. «Но что дѣлать, прибавилъ онъ,— гдѣ между необходимостью *обмануть* или *быть обманутымъ* нѣтъ средины, тамъ для монарха только одинъ выборъ.»

Фридрихъ изложилъ кардиналу Флери необходимость такой мѣры и всѣ причины, которыя побудили его къ рѣшительному шагу. Кардиналъ на это возразилъ, что пишетъ отвѣтъ свой *слезами* и заключилъ письмо такъ:

«Ваше Величество дѣлаетесь теперь судьею цѣлой Европы: это самая блистательнѣйшая роль, какую вы могли принять на себя.»

Но Марія-Терезія за то была въ совершенномъ отчаяніи; она говорила, «что у нея изъ вѣнца вырвали драгоцѣннѣйшій камень,» и если вѣрить лорду Робинсону, то добрая королева плакала каждый разъ, когда встрѣчала силезца; но къ несчастію, почтенный джентльменъ любилъ иногда прикрасить рѣчь свою невинной риторической фигурой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Два года мира.

рмія Пруссіи была сильно разстроена войною. Прежде всего Фридрихъ позаботился о приведеніи ея въ порядокъ, о пополненіи и усовершенствованіи своихъ полковъ. Военныя дѣйствія открыли ему многіе недостатки въ войскѣ, которые надлежало исправить, но въ тоже время они показали и хорошія стороны, которыя ему хотѣлось развить еще болѣе.

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ сказалъ:

> Man muss, damit der Staat nicht seinen Ruhm verliere,
> Im Schoss' des Friedens sich der rauhen Kriegskunst weih'n.
> *«Чтобъ государство не теряло своей славы, и на лонѣ мира должно заниматься суровою военной наукой.»*

Эту мысль старался онъ оправдать на дѣлѣ. Неловкость и дурное устройство прусской конницы было имъ вполнѣ испытано въ Силезскую войну. Съ этой стороны Австрія имѣла надъ нимъ большой перевѣсъ: венгерскіе гусары и

вообще все легкое конное войско Австрійской имперіи почиталось тогда образцовымъ. Фридрихъ вполнѣ оцѣнилъ его достоинства во время своихъ битвъ, и зоркій глазъ его тотчасъ постигъ, въ чемъ состояли главныя его преимущества.

И такъ, первой заботой его было преобразовать на австрійскій образецъ свою кавалерію, оставленную отцомъ его безъ всякаго вниманія. Онъ утроилъ ея комплектъ, дѣлалъ безпрерывные маневры и, съ помощію Винтерфельда и неусыпнаго, дѣятельнаго Цитена, скоро поставилъ конницу, особливо гусаръ, на высокую степень совершенства.

Эти воинскія заботы Фридриха, который, какъ мы видѣли изъ письма его къ Іордану, душою стремился въ область мысли и мечты, занимали его такъ сильно не потому, что онъ увлекся своими успѣхами и пристрастился къ войнѣ, но потому, что кусокъ, вырванный имъ изъ когтей могучаго австрійскаго орла, былъ слишкомъ лакомъ и долженъ былъ возбудить зависть въ другихъ державахъ. Онъ предвидѣлъ, что послѣдствія Силезской войны поведутъ за собою еще новыя брани и торопился быть готовымъ на всякій случай, чтобъ лицомъ встрѣтить каждаго новаго непріятеля.

Онъ дѣлалъ частые смотры войскамъ своимъ, упражнялъ ихъ, придумывалъ разныя перемѣны въ обмундировкѣ и въ самыхъ пріемахъ, пріучалъ ихъ къ быстрымъ и неожиданнымъ движеніямъ. При тепломъ, сознательномъ чув-

ствѣ любви къ отчизнѣ, которымъ были одушевлены прусскіе солдаты, онъ сдѣлалъ изъ нихъ послушную, органическую машину, дѣйствующую по убѣжденію и страшную для враговъ.

Послѣ войска, вторую заботу для Фридриха составляла вновь завоеванная область, Силезія. Дорого стоило ему ея пріобрѣтеніе, но онъ не жалѣлъ тратъ и на то, чтобы привесть ее въ цвѣтущее состояніе. Онъ вполнѣ постигъ, что въ ней, при хорошемъ устройствѣ, можетъ открыться неисчерпаемый источникъ государственнаго обогащенія.

Для большаго обеспеченія Силезіи, крѣпости ея умножились, многіе города обнесены новыми стѣнами, старыя укрѣпленія исправлены.

На возвышенномъ мѣстѣ, по ту сторону рѣки Нейсе, откуда Фридрихъ самъ навелъ первую пушку на крѣпость, во время ея осады, онъ основалъ новыя укрѣпленія. 30 марта 1743 года онъ лично присутствовалъ при закладкѣ и своей рукою положилъ основные камни, соблюдая при этомъ масонскіе обряды, такъ, что эта закладка была какъ бы собраніемъ ложи вольныхъ каменьщиковъ Пруссіи и Силезіи, въ орденѣ которыхъ Фридрихъ занималъ степень гросмейстера. Всѣ постройки силезскихъ укрѣпленій производились подъ руководствомъ генералъ-маіора фонъ Вальраве (*).

Городъ Глацъ обращенъ въ одну изъ значительнѣйшихъ крѣпостей Силезіи. Во время фортификаціонныхъ работъ около Глаца, найдены двѣ старинныя ста-

(*) Инженеръ Вальраве родомъ нидерландецъ Во время войны за испанское наслѣдство, онъ находился въ голландской службѣ. При осадѣ Дуэ, въ 1710 году, онъ участвовалъ въ штурмѣ крѣпости, подъ начальствомъ принца Леопольда Дессаускаго. Принцъ былъ свидѣтелемъ его неустрашимости, и въ 1714 году рекомендовалъ его королю Прусскому. Фридрихъ Вильгельмъ принялъ его на службу съ чиномъ капитана Вскорѣ онъ былъ произведенъ въ полковники и удостоенъ потомственнаго дворянства. Въ первую Силезскую войну онъ руководилъ осадою Брига, и по взятіи крѣпости пожалованъ чиномъ генералъ-маіора. Фридрихъ поручилъ ему, по окончаніи войны, осмотръ, постройку и переправку всѣхъ крѣпостей Силезіи и Магдебурга Вальраве былъ человѣкъ пылкаго характера, съ самыми необузданными страстями. Вино, женщины и карты составляли для него главныя наслажденія и цѣль жизни. Имъ приносилъ онъ въ жертву все, не исключая даже своей совѣсти и чести. Но жажды его къ деньгамъ ничто не могло утолить и всѣ средства къ стяжанію казались ему позволительными. Такъ продалъ онъ за значительныя деньги планы всѣхъ прусскихъ укрѣпленій иностраннымъ дворамъ Фридрихъ узналъ объ этомъ подъ рукою, но не имѣя явныхъ уликъ, началъ внимательно слѣдить за его дѣйствіями. Вскорѣ открылось, что Вальраве при постройкахъ велъ непозволительныя сдѣлки съ подрядчиками, обсчитывалъ казну и такимъ образомъ воровалъ у государства большія суммы. За это онъ былъ взятъ подъ стражу, осужденъ, и заключенъ въ одинъ изъ магдебургскихъ казематовъ, который самъ построилъ.

Въ 1773 году онъ умеръ въ заключеніи и завѣщалъ все свое огромное состояніе королю Фридрихъ отдалъ приказъ раздать его бѣднымъ офицерамъ. На вопросъ магдебугскаго губернатора, гдѣ король прикажетъ похоронить Вальраве, Фридрихъ отвѣчалъ: «Хорони его, гдѣ хочешь, только не въ крѣпости: я не вѣрю этому плуту даже послѣ смерти.»

туи, изображавшіе святаго Непомука, покровителя Богеміи, и св. Флоріана, защитника отъ огня. Когда король прибылъ въ Глацъ для осмотра новыхъ укрѣплeній, ему донесли о находкѣ и спросили, что онъ прикажетъ сдѣлать съ этими статуями.

«Св. Флоріанъ, отвѣчалъ Фридрихъ, пригоденъ отъ огня: это дѣло частное и до меня не касается; но покровителя Богеміи мы должны чтить и уважать. Пусть на дворцѣ выстроютъ башню и на ней поставятъ св. Непомука.»

Приказаніе короля было исполнено въ точности. Когда Фридрихъ вторично пріѣхалъ въ Глацъ, онъ увидѣлъ, что статуя поставлена лицомъ къ Силезіи. «Нѣтъ, сказалъ онъ съ улыбкою, это не такъ: св. Непомукъ долженъ глядѣть на ту страну, которой покровительствуетъ, а наши дѣла до него не касаются.» Такимъ образомъ статуя была обращена къ Богеміи.

Особенное вниманіе обратилъ Фридрихъ на укрѣпленіе города Козеля, близъ австрійской границы. Онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ пунктовъ пограничной линіи.

Позаботясь о безопасности Силезіи, Фридрихъ обратилъ все свое вниманіе на внутреннее ея устройство.

Городъ Бреславль получилъ подтвержденіе всѣхъ своихъ привиллегій; онъ былъ украшенъ многими новыми зданіями и переименованъ въ третью столицу прусскаго королевства. Для оживленія силезской торговли, онъ учредилъ въ Бреславлѣ двѣ ярмарки, и чтобъ придать имъ болѣе значенія, самъ, со всѣмъ дворомъ своимъ, посѣтилъ ихъ два раза. Онъ уговаривалъ торговцевъ заводить фабрики и мануфактуры, и даже давалъ имъ для этой цѣли заимообразно значительныя суммы денегъ. Промышленный и ремесленный классъ народа былъ имъ особенно поощряемъ, потому что въ немъ Фридрихъ видѣлъ основаніе будущаго довольства страны и своего обогащенія.

Всѣ изгнанные австрійскимъ правительствомъ за религіозныя убѣжденія, получили позволеніе возвратиться въ Силезію, а для дряхлыхъ солдатъ и пострадавшихъ въ войнѣ были заведены инвалидные домы.

Вникая въ поземельное управленіе и въ судопроизводство, Фридрихъ остался очень недоволенъ силезскими чиновниками. Онъ нашелъ, что большая часть изъ нихъ, занимая значительныя мѣста съ большимъ вліяніемъ, были люди незнающіе дѣла, властолюбивые и недоброжелательные, которые интригами, связями и деньгами добились до своего званія. Они употребляли власть свою во зло, со всѣмъ легкомысліемъ и безсовѣстностію наемниковъ и людей продажныхъ. Бѣдный народъ, отданный имъ на жертву, слезами и послѣднимъ кускомъ хлѣба долженъ былъ платить за ихъ роскошь, и плодами своего кроваваго пота удов-

летворять ихъ жажду къ стяжанію. Въ судопроизводствѣ господствовалъ такой же безпорядокъ и та же профанація правосудія. Судьи и судебныя мѣста дѣлали, что хотѣли. Къ древнимъ римскимъ законамъ были, въ разныя времена, прибавлены новые, совершенно противорѣчащіе имъ, эдикты, и это представляло блюстителямъ закона обширное поле ворочать уставами по своему произволу и толковать узаконенія и такъ и сякъ, смотря потому, что выгоднѣе и доходнѣе. Вся юстиція двигалась на колесахъ, которыя и правый и виноватый должны были смазывать, для того, чтобъ они тронулись съ мѣста. Притомъ жалованье чиновниковъ было такъ ничтожно, а костюмъ ихъ такъ смѣшонъ и въ такомъ неуваженіи у народа, что только самые негодные и необразованные люди поступали на службу, въ надеждѣ будущихъ благъ отъ своего мѣста. Полиція, учреждаемая въ городахъ для соблюденія безопасности, спокойствія и достоянія жителей, становилась для народа новымъ отягощеніемъ: для содержанія ея съ жителей взимались значительные поборы и сверхъ того торговый классъ, и всякій, кто только хотѣлъ заниматься своимъ дѣломъ безпрепятственно, долженъ былъ оплачиваться деньгами, чтобъ въ своихъ хранителяхъ не найти грабителей. Дань, платимая полицейскимъ чиновникамъ, почти вошла въ порядокъ вещей и при исправномъ платежѣ, каждое противозаконіе и отступленіе отъ порядка сходило съ рукъ нарушителю.

Притомъ на этихъ людей не существовало никакихъ ревизій и повѣрокъ: никто не справлялся объ источникахъ ихъ обогащенія: тайные агенты австрійскаго правительства наблюдали только за мнѣніями людей объ правительствѣ, а не за поступками его представителей. (*)

Такое положеніе дѣлъ, въ розысканіяхъ котораго Фридриху много помогъ министръ Коччеги, сильно взволновало и опечалило правдолюбиваго короля. Онъ началъ серіозно подумывать о средствахъ къ преобразованію всего устройства силезскаго управленія и поручилъ Коччеги начертать планъ новыхъ постановленій. Не смотря на ревность, съ которою Коччеги принялся за работу, труды его, на время, остались безплодными, потому что встрѣтили сильнаго противника въ тогдашнемъ министрѣ юстиціи Арнимѣ, заклятомъ врагѣ всѣхъ нововведеній.

Фридрихъ пока удовольствовался тѣмъ, что смѣнилъ главныхъ чиновниковъ Силезіи и замѣстилъ ихъ избранными людьми изъ силезцевъ-же, которыхъ честность и вѣрный взглядъ имѣлъ случай самъ испытать. Если этой мѣрой зло не прекратилось совершенно, то оно, хотя нѣсколько, уменьшалось. Для страждущаго народа и это было уже великимъ благодѣяніемъ. Фридрихъ притомъ издалъ указъ, чтобы всѣ уголовныя дѣла представлялись на его разсмотрѣніе.

(*) **Зейферта:** *«Исторія жизни и царствованія Фридриха II.»*

«Я не хочу,—писалъ онъ въ указѣ,—чтобы съ моихъ подданныхъ въ провинціяхъ сдирали кожу по произволу.» (*)

Другой указъ еще замѣчательнѣе:

«До меня доходятъ часто слухи,»—пишетъ онъ генералъ-директоріи, —«что многіе изъ подданныхъ моихъ приносятъ самыя горькія жалобы на безконечныя прижимки отъ чиновниковъ, что они ими разорены въ конецъ и часто приведены въ такое положеніе, что не только должны отказаться отъ своей собственности, но даже бѣжать изъ отчизны. Притомъ эти люди тѣмъ несчастнѣе, что на всѣ свои законныя жалобы, не находятъ суда и помощи въ высшихъ инстанціяхъ, потому что Кригскамера и Палата удѣловъ (Domainen-Kammer) поставили себѣ за правило не *исправлять*, а *защищать* своихъ подчиненныхъ. Я нисколько не расположенъ терпѣть такое безчинство, и хотя не хочу на первый случай лишать чиновниковъ законныхъ выгодъ закупленныхъ ими мѣстъ, но въ тоже время не дозволю имъ различными изворотами, и подъ самыми безсовѣстными предлогами, высасывать кровь моихъ подданныхъ, не допущу, чтобъ они доводили ихъ до нищеты, присвояли себѣ ихъ достояніе и наконецъ разгоняли изъ родины. По этому повелѣваю Генералъ-директоріату: впредь не смотрѣть вскользъ на жалобы подданныхъ, подаваемыя на чиновниковъ; ни снисходить къ законопреступнымъ поступкамъ своихъ подчиненныхъ, и строго внушить Военной-камерѣ и Палатѣ удѣловъ, чтобъ они никогда не оставляли безъ вниманія крестьянъ и другихъ подданныхъ, а виновныхъ чиновниковъ, не смотря на нихъ званіе, значеніе и мѣсто, тотчасъ бы отрѣшали отъ службы.»—Данъ 7 августа, 1742 года

Побывавъ въ Ахенѣ на водахъ, Фридрихъ возвратился въ Силезію, объѣхалъ ее по всѣмъ направленіямъ, во все вникалъ самъ, все изслѣдовалъ и на каждомъ шагу оставлялъ за собою довольство и благословенія. Въ теченіе года, Силезія, безъ всякихъ налоговъ и стѣснительныхъ мѣръ, при новомъ порядкѣ, принесла ему значительные доходы, и казна его возрасла до того, что въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ, онъ могъ вести войну на экономическія суммы, не прибѣгая къ займамъ и нисколько не обременяя государства.

Пруссія такъ же вкусила плоды его заботливости. Разныя новыя постановленія, на счетъ промышленнаго и мануфактурнаго быта, расширили кругъ ея торговой дѣятельности и открыли новыя отрасли обогащенія. Особенное вниманіе короля было обращено на улучшеніе дорогъ и водныхъ сообщеній. Рѣки Эльбу

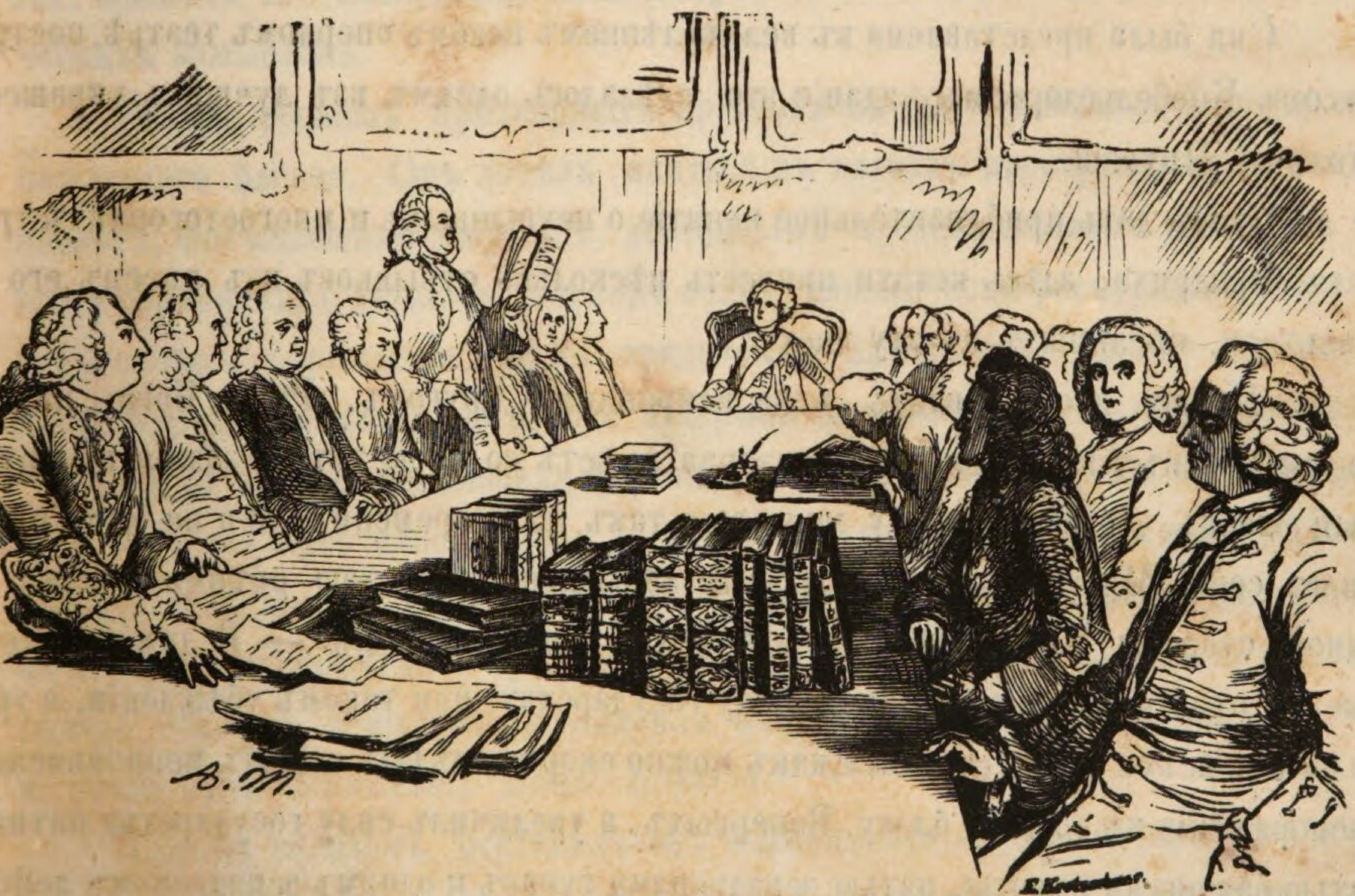
(*) «Ich bitte mir aus, alle Kriminal-Urtheile mir einzusenden, denn ich will, dass die Leute in den Provinzen nicht nach Gefallen gehudelt werden.»

и Одеръ онъ приказалъ соединить каналомъ, къ постройкѣ котораго тотчасъ же было приступлено.

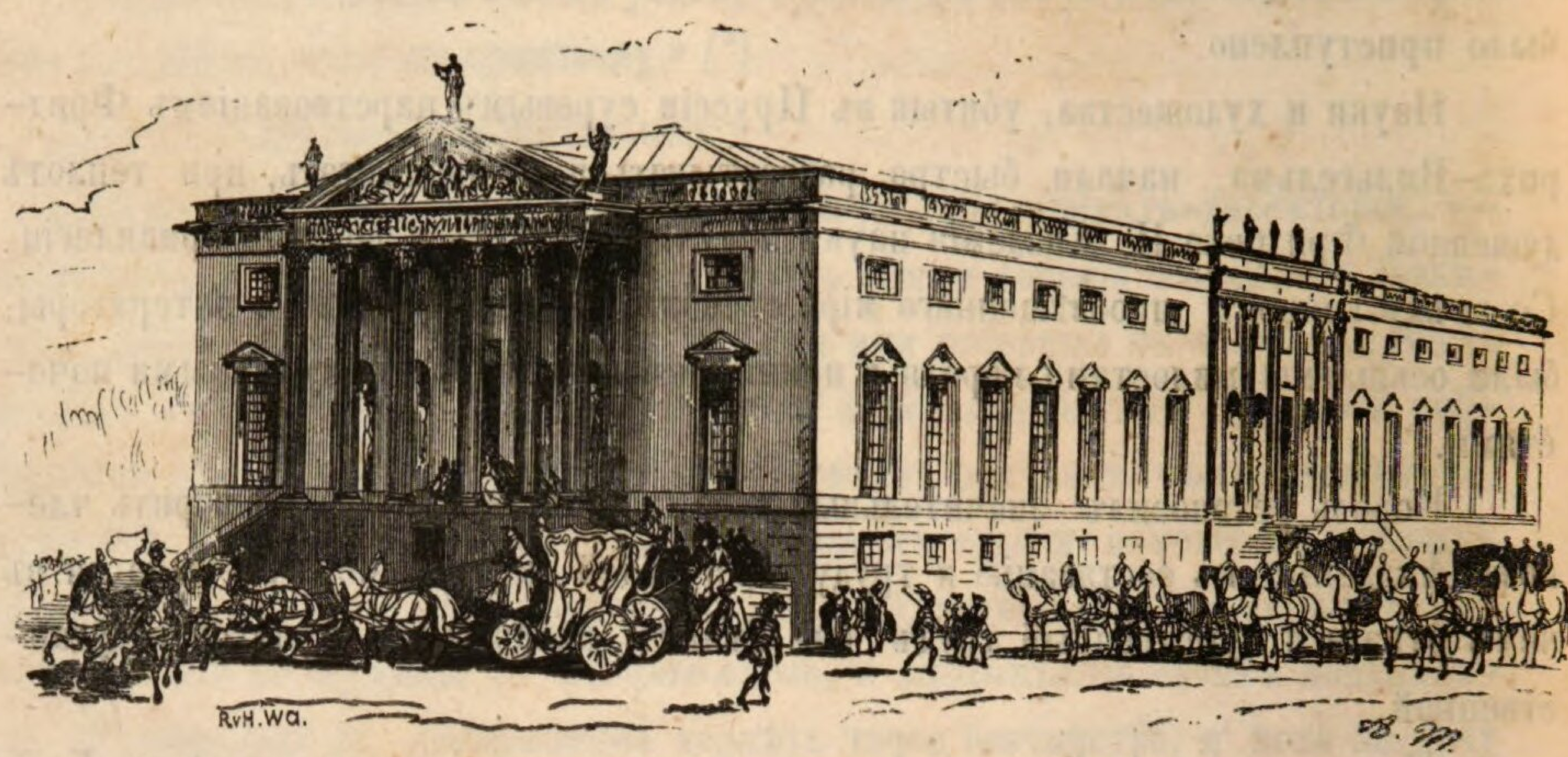
Науки и художества, убитыя въ Пруссіи суровымъ царствованіемъ Фридриха-Вильгельма, начали быстро развертываться и процвѣтать, при теплотѣ душевной Фридриха II. Академія наукъ получила статутъ и большія привилегіи. Со всѣхъ концовъ просвѣщеннаго міра стекались въ нее ученые и литераторы, были осыпаемы милостями короля и принимаемы ко двору съ особенными почестями.

Король установилъ значительныя денежныя преміи, чтобы поощрить членовъ Академіи къ состязанію и труду. Для людей науки у него не было ни въ чемъ отказа и умственный трудъ онъ цѣнилъ наравнѣ съ заслугой государственной.

Первое засѣданіе Академіи было открыто въ королевскомъ дворцѣ, въ Берлинѣ, подъ предсѣдательствомъ самаго Фридриха.

Самъ Фридрихъ, среди неусыпныхъ правительственныхъ заботъ, находилъ еще время для занятій ученыхъ и литературныхъ. Кромѣ множества стихотвореній, онъ въ эти мирные годы успѣлъ написать первую часть «*Исторіи своего времени*,» заключающую въ себѣ первую Силезскую войну. Это замѣчательное сочиненіе, по сжатости и опредѣлительности слога, по своей строгой истинѣ, по ясности и оригинальности изложенія, достойно стать на ряду съ твореніями классическихъ историковъ древности, которыхъ Фридрихъ такъ прилежно изучалъ и такъ хорошо понялъ. Кромѣ того, къ свадьбѣ своего друга Кайзерлинга, онъ сочинилъ комедію, въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: «*Школа свѣта.*

Она была представлена въ великолѣпномъ новомъ оперномъ театрѣ, построенномъ Кнобельсдорфомъ; зданіе это сдѣлалось однимъ изъ лучшихъ украшеній столицы Пруссіи.

Чтобъ дать приблизительное понятіе о неусыпныхъ и многостороннихъ трудахъ Фридриха, здѣсь кстати привесть нѣсколько отрывковъ изъ писемъ его къ Вольтеру, писанныхъ въ эту эпоху.

«Прошу васъ считать меня искреннимъ другомъ. Ради Бога, пишите ко мнѣ, какъ къ *человѣку*, презирая вмѣстѣ со мною титла, званія и наружный блескъ. До сихъ поръ у меня еще такъ мало времени, что я не могу придти въ себя. Много дѣлаю и еще болѣе замышляю. Работаю обѣими руками: съ одной стороны для войска, съ другой для народа и наукъ. — Я думаю, что со смерти отца моего, я весь принадлежу государству; при такомъ убѣжденіи, я трудился изъ всѣхъ силъ и старался, какъ можно скорѣе, сдѣлать всѣ отъ меня зависящія распоряженія къ общему благу. Вопервыхъ, я увеличилъ силу государства пятнадцатью баліонами пѣхоты, пятью эскадронами гусаръ и однимъ эскадрономъ лейбъ-гвардіи, и положилъ основаніе нашей новой Академіи. Вольфа, Мауперція, Вокансона и Альгаротти я уже пріобрѣлъ; отъ Гравесанда и Эйлера жду отвѣта. Я учредилъ новый Департаментъ мануфактуръ и торговли, и теперь зазываю на службу живописцевъ и ваятелей. Но всего труднѣе для меня основать во всѣхъ провинціяхъ новые хлѣбные магазины, которые могли бы снабдить все государство хлѣбомъ на полтора года.»

По откровенности, съ которой писаны эти письма, можно заключить о расположеніи Фридриха къ фернейскому философу. Хитрый Вольтеръ не упустилъ случая воспользоваться этимъ расположеніемъ и, чтобы сберечь своему высокому

почитателю драгоцѣнное время, потраченное на письма, явился лично въ Берлинъ. Пріѣздъ его былъ истиннымъ торжествомъ при дворѣ прусскомъ.

Чтобъ придать себѣ еще болѣе вѣса, Вольтеръ вздумалъ разыграть роль политическаго агента со стороны Версальскаго кабинета, но какъ у него не было вѣрящихъ граматъ отъ французскаго правительства, то Фридрихъ обратилъ его выдумку въ шутку. Каждый разъ, когда Вольтеръ заикался о политикѣ и государственныхъ дѣлахъ, Фридрихъ просилъ его прочесть сцену изъ трагедіи, къ сюжету которой относились его политическія воззрѣнія.

Не смотря на эти маленькія колкости, которыя прямо указывали Вольтеру его мѣсто, онъ былъ ласкаемъ и превозносимъ похвалами, какъ самимъ королемъ, такъ и всѣмъ дворомъ. Но Фридрихъ любилъ въ Вольтерѣ одинъ его гибкій умъ: какъ человѣка, онъ разгадалъ его давно, и убѣдился, что характеръ поэта не совсѣмъ чистъ отъ нравственныхъ пятенъ. Потому онъ ставилъ съ большой роскошью трагедіи его на сценѣ, аплодировалъ имъ отъ души, хвалилъ поэта, осыпалъ его подарками, но не допускалъ его въ святилище своихъ политическихъ замысловъ.

Вообще роскошь придворныхъ праздниковъ была доведена Фридрихомъ до небывалаго блеска. Онъ хотѣлъ явиться въ глазахъ иностранныхъ принцевъ и пословъ, посѣщавшихъ дворъ его, достойнымъ представителемъ одной изъ главныхъ германскихъ державъ. Хотя онъ очень экономически распоряжался при каждомъ новомъ учрежденіи, но на придворный блескъ и на уплату знаменитымъ артистамъ не щадилъ ничего. Эти издержки входили въ его политическіе планы.

За то лучшіе танцовщики Франціи, первые пѣвцы Италіи и виртуозы цѣлаго міра являлись попеременно то на берлинской сценѣ, то въ залахъ Шарлоттенбургскаго дворца. Но если кто изъ этихъ артистовъ зазнавался или относился къ нему съ нескромными требованіями, Фридрихъ тотчасъ давалъ ему отставку, говоря: «Бывши принцемъ, я платилъ изъ своего кармана, но теперь я король и, стало быть, *казначей моего народа*.»

Такимъ образомъ отставилъ онъ знаменитаго балетмейстера Потье за то, что онъ невѣжливо и высокомѣрно обошелся съ однимъ изъ директоровъ оперы. Потье былъ въ связи съ дѣвицей Роландъ, превосходной танцовщицей, отличавшейся кромѣ того красотою. Опала Потье заставила и ее подать въ отставку. Король готовъ былъ удвоить ея жалованье, чтобъ только удержать ее въ Берлинѣ; но ни за что не соглашался для нея оставить Потье. Онъ написалъ по этому случаю статью, которую приказалъ напечатать во всѣхъ берлинскихъ газетахъ.

«Не входя въ подробное изслѣдованіе,» говоритъ онъ въ этой статьѣ,—«какого рода отношенія Г-жи Роландъ съ г. Потье, надо къ сожалѣнію сказать, что всѣ старанія разлучить ихъ, при отставкѣ Потье, остались тщетными. Наслаж-

деніе видѣть на нашей сценѣ одну изъ первоклассныхъ танцовщицъ Европы можно было купить не иначе, какъ принявъ въ то время на свое попеченіе и первѣйшаго глупца и невѣжду, какой когда либо состоялъ въ штатѣ Терпсихоры. Что дѣлать! нѣтъ золота—безъ подмѣси, нѣтъ розы—безъ шиповъ.»

Много издерживалъ Фридрихъ на публичныя зданія, которымъ придавалъ красивый видъ,созидая ихъ въ строгомъ и классическомъ стилѣ, по всѣмъ правиламъ греческой соразмѣрности. Къ Шарлоттенбургскому дворцу сдѣлана великолѣпная пристройка, въ которую онъ помѣстилъ музей древностей, купленный имъ по смерти кардинала Полиньяка. Вообще для всѣхъ построекъ въ столицѣ учреждена имъ особенная коммиссія строеній, составленная изъ талантливыхъ и опытныхъ зодчихъ. Въ ней знаменитый Кнобельсдорфъ занималъ почетное мѣсто.

Фридрихъ всѣми силами стремился къ тремъ предметамъ: развить духъ трудолюбія въ своемъ народѣ, поощрить разработку первоначальныхъ или сырыхъ произведеній Пруссіи,и не допустить звонкой монетѣ выходить изъ предѣловъ государства.

Зная, что многіе люди часто ѣздятъ за границу для удовольствія, расточаютъ въ чужихъ краяхъ значительныя суммы денегъ, и перенимаютъ у чужестранцевъ однѣ смѣшныя стороны, онъ запретилъ своимъ подданымъ выѣздъ изъ Пруссіи совершенно и предоставилъ это право, съ личнаго своего разрѣшенія, только торговымъ людямъ и больнымъ. (*)

Эта благоразумная мѣра удержала многихъ молодыхъ людей на родинѣ и заставила ихъ употребять съ пользою лучшее время жизни—или на службѣ государственной или на поприщѣ наукъ.

«Я ничего не жалѣю, чтобъ привлечь отвсюду первокласныхъ ученыхъ и лучшихъ учителей въ Пруссію,—говорилъ Фридрихъ,—зачѣмъ же моимъ подданнымъ искать образованія внѣ отечества? — Государству нужны люди, а не обезьяны.»

Въ 1743 году, по смерти послѣдняго графа Остфрисландскаго, Фридрихъ присоединилъ его провинцію къ Пруссіи, потому что Бранденбургскій домъ еще въ 1644 году получилъ на эти земли императорскую инвеституру. Маленькая страна, заботами Фридриха, въ два года совершенно измѣнила видъ свой: промышленность и торговля, получившія отъ присоединенія ея къ Пруссіи, болѣе обширный кругъ дѣятельности, развились въ ней съ необыкновенной быстротою.

Занимаясь неутомимо внутреннимъ устройствомъ своего государства, Фридрихъ не упускалъ изъ виду и политической арены. Съ той минуты, какъ

(*) «*Прошедшее, настоящее и будущее Пруссіи*», соч. Эрнести.

онъ оставилъ военное поприще, дѣла европейскія приняли совсѣмъ другой оборотъ. Австрія, дотолѣ утѣсненная, начала торжествовать въ свою очередь, и успѣхи ея оружія были такъ важны, что невольно возбуждали безпокойство прусскаго короля, тѣмъ болѣе, что въ прежнихъ союзникахъ своихъ онъ теперь увидѣлъ тайныхъ враговъ и завистниковъ. Безопасность вновь присоединенныхъ имъ земель и необходимость поддержать значеніе, которое онъ пріобрѣлъ между европейскими державами, заставили его снова вмѣшаться въ паутинную сѣть тогдашней политики.

Избавясь отъ Фридриха, послѣ Бреславскаго мира, Австрія обратила все свое вниманіе на другаго опаснаго врага своего, герцога Баварскаго или императора Карла VII, который между тѣмъ успѣлъ очистить Баварію отъ венгровъ и снова завладѣлъ своей столицею.

Австрійскія войска сперва обратились противъ французовъ, занимавшихъ Богемію, и вытѣснили ихъ оттуда въ Прагу, гдѣ маршалы Брогліо и Бельиль едва могли спасти свою армію отъ голодной смерти, выведя ее въ темную ночь, тайкомъ, изъ города, и оставя въ немъ только человѣкъ 800 старыхъ инвалидовъ, которые наконецъ сдались на капитуляцію и получили дозволеніе удалиться въ Эгеръ. Французскія войска были преслѣдуемы до самаго Рейна.

Очистивъ Богемію, австрійцы всѣми силами ударили на Баварію. Принцъ Карлъ Лотарингскій разбилъ 9-го мая часть баварской арміи при Симпахѣ, а 8-го іюня овладѣлъ снова Мюнхеномъ. Какъ бы въ отмщеніе за то, что герцогъ Баварскій объявилъ себя королемъ въ Прагѣ, Марія-Терезія приняла присягу Мюнхена и всей Баваріи.

Георгъ II, доселѣ руководимый совѣтами министра Вальполя, оставался спокойнымъ зрителемъ всѣхъ событій; но при новомъ своемъ министрѣ Картеретѣ, и онъ принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ. Англія вела войну съ испанцами, Франція имъ помогала; за то Георгъ рѣшился помочь Австріи противъ французовъ. Для этаго онъ вошелъ въ союзъ съ Нидерландскими штатами, въ пользу прагматической санкціи, и осенью, 1742 года, выставилъ противъ французовъ армію въ 50,000 человѣкъ. Несмотря на протестаціи Фридриха и императора Карла VII, Георгъ повелъ свое войско, въ февралѣ 1743, чрезъ Юлихъ и Кельнъ къ Майну, разбилъ шестидесятитысячный корпусъ французовъ при Деттингенѣ и преслѣдовалъ его за самый Рейнъ.

Фридрихъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ этихъ событій. Отъ него не скрылось, что между Австріей, Англіей, Голландіей и Сардиніей заключенъ въ Вормсѣ союзъ для взаимнаго обезпеченія владѣній. Онъ узналъ также, что и Саксонія заключила трактатъ съ Австріею, съ тою же цѣлью. Фридрихъ понялъ ясно, что намѣреніе союзниковъ отнять у него Силезію. По-

дозрѣнія его еще болѣе увеличились, когда онъ узналъ содержаніе трактата съ Саксоніей, въ которомъ даже не было упомянуто о статьяхъ Бреславскаго мира, и когда досталъ копіи съ переписки Георга II и Маріи-Терезіи. Марія-Терезія жаловалась, что, по случаю Вормскаго союза, ее опять принуждаютъ къ уступкѣ сардинскому королю Пьяченцы и части Миланской области, такъ, какъ прежде заставили уступить Фридриху Силезію. На это англійскій король отвѣчалъ очень значительно:

«Ваше Величество, что хорошо брать, то хорошо и возвращать.»

Въ то же время Франція и императоръ Карлъ VII сдѣлали австрійскому кабинету весьма выгодныя мирныя предложенія; Марія-Терезія съ гордостью ихъ отвергла и думала только объ устраненіи Карла-Альбрехта и объ избраніи въ императоры своего супруга.

Тогда императоръ, который въ стѣсненномъ положеніи жилъ въ Франкфуртѣ, обратился съ просьбой о помощи къ Фридриху. Фридрихъ радъ былъ случаю начать дѣло для собственнаго своего обезпеченія.

Мысль его была составить изъ маленькихъ германскихъ владѣній союзъ, который бы могъ парализировать перевѣсъ австрійскихъ силъ. По этому, весною 1744 года, онъ объѣхалъ Германію, подъ предлогомъ посѣщенія сестеръ своихъ въ Аншпахѣ и Бейрейтѣ. Но трудно было согласить мелкихъ князей на такое предпріятіе: одни боялись, другіе не понимали мысли Фридриха, третьи, наконецъ, требовали денегъ. Съ большими усиліями удалось Фридриху наконецъ составить, 22-го Мая, такъ называемую, *Франкфуртскую унію*, которой цѣль была даровать Германіи свободу, императору престолъ, а Европѣ—миръ.» Къ этому союзу онъ старался склонить главнаго врага Австріи—Францію, которой войска находились еще въ границахъ Германіи и которая одна была въ состояніи поддержать унію своими капиталами. Но Версальскій кабинетъ не соглашался на его предложенія. Вслѣдствіе того большая часть союзниковъ, боясь издержекъ, отступились отъ франкфуртской уніи.

Во Франціи съ недавняго времени произошли большія перемѣны: кардиналъ Флёри умеръ; при дворѣ не было человѣка, который могъ бы достойнымъ образомъ занять его мѣсто; началось царство женщинъ, т. е. правленіе любимицъ Людовика XV, герцогини Шатору, Маркизы Помпадуръ, графини Дюбарри. Интригамъ, несообразностямъ и противорѣчіямъ не было конца Дворъ наполнился любезниками и шаркунами. Умъ употреблялся на острыя слова и мадригалы; а ходомъ политики управляла прихоть.

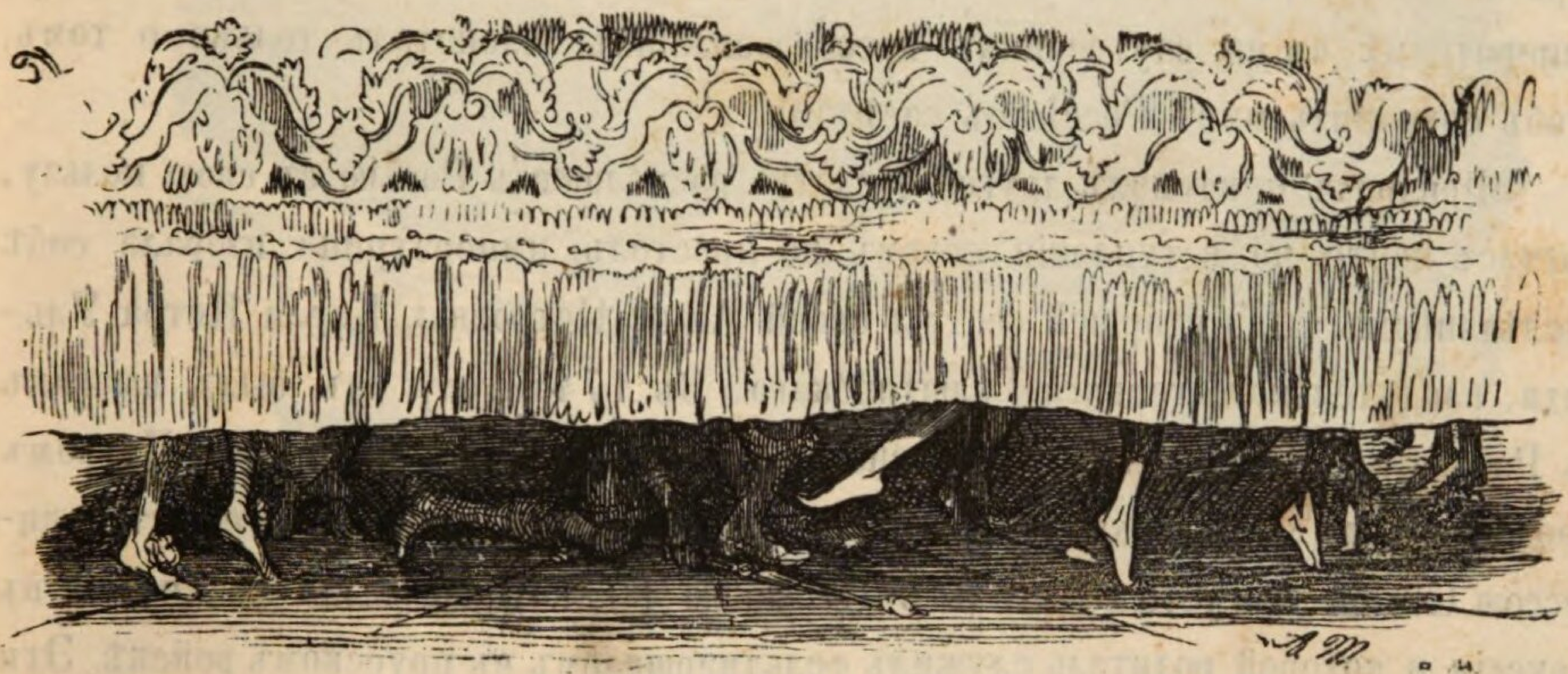
Съ такимъ дворомъ трудно было ладить дѣла.

Однажды Фридрихъ очень остроумно далъ это почувствовать французскому посланнику, находившемуся въ Берлинѣ. Въ театрѣ давали новый балетъ По

неосторожности машиниста, занавѣсъ приподняли нѣсколько прежде времени: зрители увидѣли множество ногъ, которыя прыгали и дѣлали пируэты.

Король обратился къ Англійскому посланнику и сказалъ ему довольно громко, такъ, что французскій посолъ могъ слышать его слова:

«Посмотрите, вотъ настоящая картина французскаго министерства: одни ноги—безъ головъ.»

Послѣ безплодной переписки съ французскимъ кабинетомъ, Фридрихъ рѣшился отправить въ Парижъ для личныхъ переговоровъ графа Ротенбурга, который зналъ хорошо положеніе тамошняго двора и былъ въ короткихъ связяхъ съ значительнѣйшими людьми, потому что самъ прежде находился во французской службѣ. Но, чтобъ лучше убѣдиться въ способностяхъ своего посла, Фридрихъ предварительно призвалъ графа въ свой кабинетъ и подвергъ его довольно оригинальному испытанію. Фридрихъ принялъ на себя роль французскаго министерства и придумывалъ на предложенія своего посланника всѣ возможныя препятствія и возраженія, не щадя даже самаго себя. Ротенбургъ такъ искусно спорилъ съ королемъ, такъ ловко отражалъ каждый ударъ, что Фридрихъ наконецъ воскликнулъ:

«Если ты и тамъ будешь такъ умно говорить и придумывать такіе убѣдительные доводы, то я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ.»

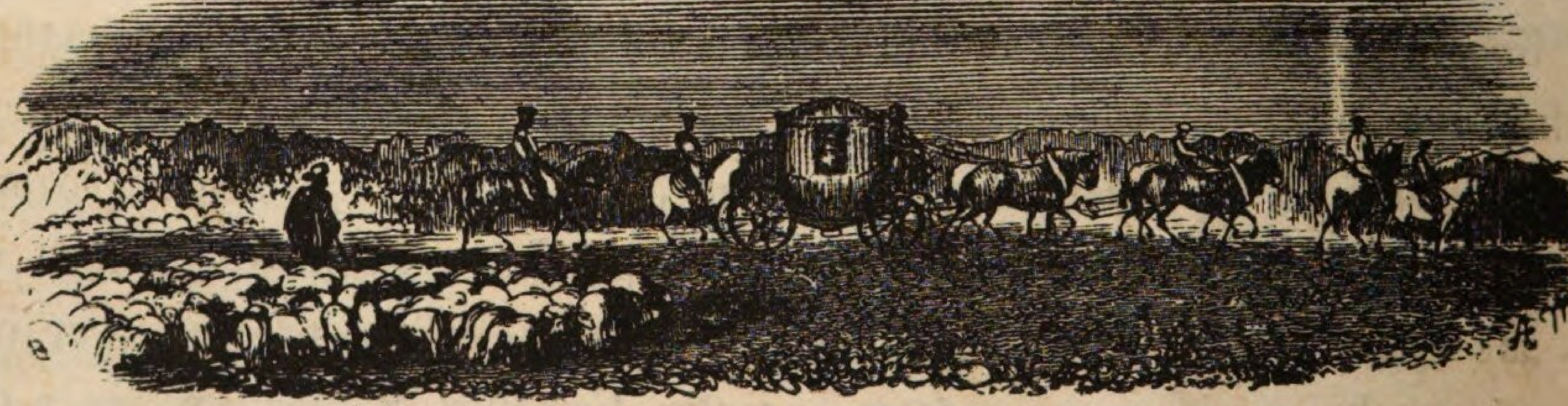
Король не ошибся: Ротенбургъ дѣйствительно очень счастливо исполнилъ свое посольство. 5-го іюня 1744 года, Франція, на основаніи Франкфуртской уніи, составила съ Пруссіею оборонительный союзъ противъ Австріи, который долженъ былъ обезпечить права императора Карла VII. Франція обязалась выслать двѣ арміи: одну на Нижній, другую на Верхній-Рейнъ, противъ Англіи и Голландіи, а Фридрихъ долженъ былъ овладѣть Богеміей и защищать ее и Силезію отъ австрійскаго оружія.

Прусскому королю оставалось только обезпечить себя со стороны сѣверныхъ державъ. Съ Россіей онъ не могъ войти въ союзъ противъ Австріи и Англіи, потому что при нашемъ дворѣ тогда слишкомъ крѣпко держали сторону англичанъ, которые платили намъ за то огромныя суммы денегъ. Съ Маріей-Терезіей Елисавета Петровна находилась въ дружескихъ отношеніяхъ. Притомъ первый министръ, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, помогая императрицѣ въ ея внутреннихъ преобразованіяхъ, хлопоталъ только о томъ, чтобъ сохранить миръ Россіи съ сосѣдями.

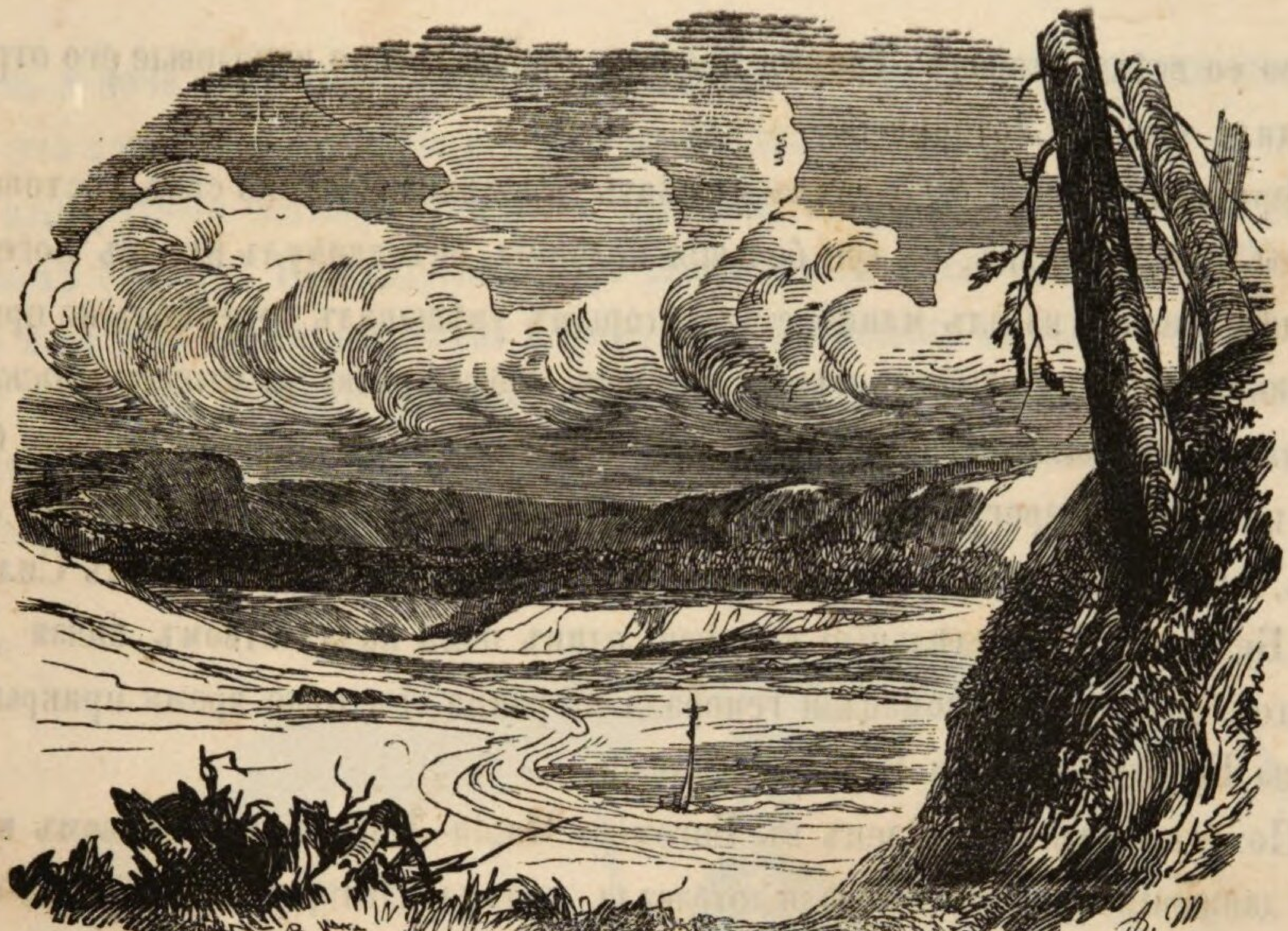
Фридрихъ придумалъ другое средство расположить Россію въ свою пользу. Тотчасъ почти по вступленіи своемъ на престолъ, императрица избрала себѣ наслѣдникомъ сына старшей сестры своей Анны Петровны, Карла Петра Ульриха, владѣтельнаго герцога Голштинскаго. Въ 1742 году онъ былъ вызванъ въ Россію и, по принятіи православнаго вѣроисповѣданія, наименованъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Фридрихъ успѣлъ согласить императрицу на бракъ его съ принцессою Софіей-Августою Ангальтъ-Цербскою (*), которая была воспитана въ Пруссіи и которой родитель служилъ фельдмаршаломъ въ прусскомъ войскѣ. Эти отношенія доставили ему нѣкоторое вліяніе на русскій кабинетъ.

Со Швеціею онъ вступилъ въ тѣснѣйшія отношенія. Онъ успѣлъ просватать сестру свою Ульрику за наслѣдника шведскаго престола. Обрученіе совершено въ Берлинѣ, 17-го іюля 1744 года. Со стороны Швеціи былъ отправленъ въ Берлинъ графъ Тессинъ съ отборнѣйшимъ шведскимъ дворянствомъ; мѣсто жениха заступалъ прусскій принцъ Августъ-Вильгельмъ. Блистательнѣйшія празднества слѣдовали за этимъ торжествомъ до самаго дня отъѣзда принцессы. Прощаніе короля съ любимою сестрою было трогательно: онъ проводилъ ее до кареты и при послѣднемъ поцѣлуѣ не могъ удержаться отъ слезъ.

Вслѣдствіе этого брака и шведскій король присоединился къ Франкфуртской уніи, какъ ландграфъ Гессенъ-Кассельскій. Тайная цѣль этаго союза была завоевать Богемію въ пользу императора и Пруссіи. Теперь Фридрихъ былъ довольно силенъ и могъ предупредить замыслы своихъ враговъ.

(*) Въ послѣдствіи — Екатерина Великая.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ВТОРАЯ СИЛЕЗСКАЯ ВОЙНА.

Походъ 1744 года.

итрый французскій военный министръ д'Аржансонъ придумалъ довольно удачное средство, чтобы одушевить нѣсколько французскія войска, которыя, по недостатку средствъ и не полновластію своихъ вождей, претерпѣвали доселѣ жестокія пораженія въ Германіи. Онъ уговорилъ самого Людовика XV отправиться къ арміи, вступившей въ Нидерланды. Личное присутствіе короля сильно подѣйствовало на солдатъ, и въ короткое время рядъ побѣдъ доставилъ въ руки французовъ Менэнъ, Ипернъ, Кноке и Фюрнъ и далъ имъ средство проникнуть въ Эльзасъ.

Но вторая французская армія на Верхнемъ Рейнѣ, противъ которой дѣйствовалъ австрійскій генералъ Траунъ, была не такъ счастлива. Австрійцы тѣ-

снили ее со всѣхъ сторонъ: Траунъ проникъ въ Эльзасъ, а передовые его отряды переходили уже въ Лотарингію.

Фридриху нельзя было долѣе мѣшкать. Раздѣливъ войско свое, состоявшее изъ 100.000 человѣкъ, на три большія колонны, онъ двинулъ ихъ въ Богемію; но предварительно издалъ манифестъ, которымъ увѣщавалъ богемцевъ не принимать никакихъ враждебныхъ мѣръ, называя свою армію *«императорскими вспомогательными войсками.»* Одну колонну онъ самъ повелъ чрезъ Саксонію, по лѣвому берегу Эльбы;другую велъ наслѣдный принцъ Дессаускій Леопольдъ, чрезъ Лаузицъ; а третью двинулъ фельдмаршалъ Шверинъ изъ Силезіи, чрезъ Браунау. Два отдѣльные корпуса, одинъ подъ начальствомъ князя Дессаускаго, другой подъ командой генерала Марвица, въ тоже время прикрывали границы Бранденбургіи и Верхней Силезіи.

Походъ былъ устремленъ въ Богемію. Марія-Терезія, при первомъ извѣстіи о движеніи прусскаго короля, отозвала принца Лотарингскаго съ Рейна, чтобы остановить прусскую армію Фридрихъ это предвидѣлъ. Планъ его былъ, чтобы французы послѣдовали по стопамъ австрійцевъ и, тревожа ихъ отступленіе, помѣшали бы имъ дойти до Богеміи; вторая французская армія должна была вторгнуться въ Вестфалію, чтобъ прикрыть пруссаковъ со стороны Ганновера. Все было разсчитано вѣрно; при дѣятельномъ содѣйствіи союзниковъ, успѣхъ былъ несомнѣнный.

Императоръ Карлъ VII послалъ къ Саксонскому королю, въ Дрезденъ, реквизиторіальную грамату, прося для своихъ вспомогательныхъ войскъ свободнаго пропуска чрезъ Саксонію. Августъ III въ это время былъ въ Варшавѣ; министры было воспротивились. Фридрихъ, не обращая на нихъ вниманія, повелъ свою армію прямо къ Пирнѣ, гдѣ къ нему примкнулись и магдебургскіе полки, пришедшіе чрезъ Лейпцигъ. Во время всего похода, совершеннаго съ неимовѣрной быстротою, наблюдалась въ войскѣ строгая дисциплина; за продовольствіе и всѣ потребности арміи платилось жителямъ чистыми деньгами и притомъ щедрою рукою. Саксонцы, видя въ прусскихъ войскахъ свои выгоды, не думали мѣшать ихъ походу.

Цитенъ съ лейбъ-гусарами составлялъ авангардъ передъ колонною Фридриха и очищалъ королю дорогу. Одинъ кавалерійскій полкъ князя Эстергази встрѣтилъ его на богемской границѣ, но былъ опрокинутъ и почти весь уничтоженъ. Во всей остальной Богеміи пруссаки не нашли сопротивленія и непріятельскихъ войскъ.

И такъ, 2-го сентября, вся прусская армія соединилась подъ стѣнами Праги. Австрійскій генералъ Батіани, стоявшій въ Баваріи, поспѣшилъ прикрыть столицу Богеміи двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ. Шесть тысячъ человѣкъ рабо-

тали день и ночь надъ укрѣпленіями Фридрихъ не могъ предпринять осады, потому что тяжелая артиллерія его еще не поспѣла на мѣсто.

Только 10-го сентября вечеромъ пруссаки открыли подступы съ трехъ различныхъ сторонъ. На слѣдующее утро Шверинъ овладѣлъ крѣпостцою Жишки (Ziska) и за нею двумя редутами. Король самъ наблюдалъ на пригоркѣ за дѣйствіями Шверина. Непріятель, видя множество блестящихъ мундировъ, навелъ въ ту сторону орудіе и рядомъ съ королемъ былъ убитъ картечью двоюродный братъ его, маркграфъ Бранденбургскій Фридрихъ.

Смерть этого принца сильно огорчила Фридриха. За то онъ усилилъ дѣйствія свои противъ Праги и на слѣдующій же день пруссаки открыли такой страшный огонь по крѣпости, что во многихъ мѣстахъ повредили укрѣпленія, зажгли водяную мельницу, разгромили множество домовъ и прорвали плотины на Молдавѣ. Вода до того спала во многихъ мѣстахъ, что можно было перейти рѣку въ бродъ и, такимъ образомъ, взять городъ штурмомъ, потому что съ этой стороны онъ не былъ вовсе защищенъ.

Коменданты Праги, Огильви и графъ Гаршъ, видя невозможность противиться, сдались со всѣмъ гарнизономъ и были отведены, какъ военно-плѣнные въ Силезію. 16-го сентября городъ былъ занятъ, и вслѣдъ за тѣмъ, прусское войско немедленно двинулось далѣе.

Города Таборъ, Будвейсъ и Фрауэнбергъ сдались одинъ за другимъ, и Фридрихъ быстро придвинулся къ границамъ Австріи. Это направленіе король приприпринялъ по плану, предварительно составленному съ Людовикомъ XV. Но дѣй-

ствія французовъ совсѣмъ не согласовались съ его предположеніями. Они не только не преслѣдовали принца Лотарингскаго въ Эльзасѣ, но дали ему даже возможность,въ виду соединенныхъ французско-баварской и гесенской армій,переправиться чрезъ Рейнъ и безпрепятственно достигнуть Богеміи. Сами же французы, думая только о личныхъ своихъ выгодахъ, сдѣлали нападеніе на южныя австрійскія владѣнія.

Положеніе Фридриха сдѣлалось весьма невыгоднымъ Принцъ Карлъ Лотарингскій соединился съ генераломъ Батіани, составилъ, такимъ образомъ, войско въ 90.000 человѣкъ, занялъ почти неприступный лагерь въ Прахинскомъ округѣ и намѣревался въ тылу прусскихъ войскъ переправиться чрезъ Мульду, отрѣзать ихъ совершенно отъ Праги и лишить всѣхъ средствъ къ продовольствію.

Появленіе сильнаго вспомогательнаго войска, породило въ фанатической Богеміи народную войну, которую австрійское правительство еще болѣе разжигало своими прокламаціями. Дворянство, духовенство и народъ одинаково ненавидѣли пруссаковъ, и смотрѣли на нихъ, какъ на еретиковъ. Побуждаемые религіознымъ фанатисмомъ, подстрекаемые представителями церкви, богемцы почитали каждое средство къ истребленію враговъ, позволительнымъ. Прусскія войска были лишены всѣхъ средствъ къ пропитанію: крестьяне жгли и зарывали въ землю хлѣбъ, бросали свои жилища и скрывались въ лѣса. Того изъ нихъ, кто рѣшился бы подать малѣйшую помощь прусскимъ солдатамъ, ожидала вѣрная и мучительная смерть отъ своихъ. Малыя прусскія партіи, которыя пускались на фуражировку, попадались въ засады и были истребляемы безъ милосердія. Ропотъ поднялся въ изнуренномъ войскѣ; многіе солдаты разбѣжались, другіе громко изъявили свое неудовольствіе.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было и думать защищать Прагу, и еще менѣе итти въ самую Австрію. Кромѣ того, непріятель такъ мастерски окружилъ Фридриха, что перерѣзалъ ему рѣшительно всѣ пути къ сношенію съ другими союзниками. Цѣлый мѣсяцъ король не получалъ никакихъ извѣстій и не зналъ, что происходило внѣ его лагеря. Къ рѣшительной битвѣ онъ никакъ не могъ принудить непріятеля, не смотря на то, что австрійская армія была вдвое сильнѣе прусской.

Всѣ его усилія оканчивались только маневрами между рѣками Сассавою и Эльбою, при чемъ генералъ Траунъ, командовавшій австрійцами, всегда умѣлъ выбирать такую выгодную позицію, что Фридриху невозможно было его аттаковать.

Послѣ долгихъ совѣщаній съ своими генералами, Фридрихъ рѣшился наконецъ ретироваться. 9-го ноября прусскія войска, преслѣдуемые австрійской

легкой конницей, съ большой потерею, переправились чрезъ Эльбу, при Коллинѣ и Куттенбергѣ.

Фридрихъ принялъ мѣры удержаться на правомъ берегу Эльбы, намѣреваясь при Коллинѣ вступить въ рѣшительный бой съ непріятелемъ. А чтобы сохранить сообщеніе Праги съ Силезіею, онъ занялъ Коллинъ и Пардубицъ (оба на той сторонѣ рѣки) сильными гарнизонами.

Принцъ Лотарингскій, принудивъ изнуренные голодомъ прусскіе гарнизоны, къ сдачѣ городовъ Табора, Будвейса и Фрауэнберга, послѣдовалъ по стопамъ Фридриха. Дойдя до Эльбы, онъ почиталъ походъ оконченнымъ, и не желая дать Фридриху сраженія, занялъ близъ Брелоха укрѣпленный лагерь. Но вѣнскій кабинетъ прислалъ ему предписаніе непремѣнно продолжать войну, перебраться чрезъ Эльбу, перерѣзать сообщеніе пруссаковъ съ Прагою и, такимъ образомъ, очистить отъ нихъ Богемію совершенно. Исполненіе этаго предписанія Принцъ Лотарингскій поручилъ Трауну.

Траунъ слѣдовалъ совершенно тактикѣ Фабія Кунктатора. Не доспуская прусскаго короля до рѣшительнаго дѣла, онъ производилъ фальшивые маневры и распускалъ слухи, что главная цѣль австрійцевъ овладѣть Коллиномъ и Прагою. Этой хитростью онъ отвлекъ вниманіе Фридриха отъ Эльбы и заставилъ его обратить главныя силы на два пункта, гдѣ надо было ждать аттаки австрійцевъ. Весь берегъ Эльбы былъ уставленъ прусскими ведетами и такъ хорошо защищенъ, что даже нельзя было подозрѣвать покушенія къ переправѣ со стороны австрійцевъ. Не смотря на то, вся прозорливость Фридриха не помогла.

За день до начатія военныхъ операцій, Траунъ въ сумерки, въ величайшей осторожностію, переправилъ вплавь чрезъ Эльбу человѣкъ тридцать уланъ и гусаръ. Они счастливо достигли берега, не были замѣчены прусской патрулью, и скрылись въ прибрежномъ лѣсочкѣ. Оттуда они нападали на всѣхъ офицеровъ, которые были отправляемы королемъ съ приказаніями къ Цитену, оберегавшему берегъ.

Въ ночь, на 19-е ноября, когда все вниманіе Фридриха было обращено на Коллинъ, гдѣ онъ съ разсвѣтомъ ожидалъ непріятельскаго нападенія, австрійская и саксонская арміи тихо приблизились къ Эльбѣ, противъ мѣстечка Тейницъ. Ночь была довольно темная; осторожность австрійцевъ доходила до того, что почти не было слышно стука оружія; конница спѣшилась и вела лошадей въ поводьяхъ; піонеры дѣйствовали молча, какъ нѣмые. Между тѣмъ, вдали, по направленію къ Коллину, мелькали бивуачные огни, слышались пѣсни солдатъ.

Прусскіе ведеты тогда только увидѣли непріятеля, когда подведены были послѣдніе понтоны къ ихъ берегу. Они ударили тревогу, но поздно. Цитенъ и капитанъ Ведель бросились къ мѣсту опасности, первый съ тремя эскадронами

гусаръ, второй съ однимъ баталіономъ пѣхоты. Тотчасъ же былъ отправленъ офицеръ съ извѣстіемъ къ королю и съ просьбою о помощи. Когда они прибыли къ Эльбѣ, мостъ былъ уже наведенъ и всѣ возвышенія берега заняты непріятельской артиллеріей и пѣхотою. Картечный градъ встрѣтилъ пруссаковъ, цѣлые ряды ихъ легли на мѣстѣ; но ничто не могло устрашить отважныхъ вождей. Два раза они оттѣсняли австрійцевъ, но все напрасно; подкрѣпляемые новыми переходящими полками, австрійцы опять овладѣвали своей позиціей. Батальонъ Веделя, ослабѣвшій отъ значительной потери, былъ наконецъ отстраненъ; новыя силы австрійцевъ ринулись на берегъ; но Цитенъ ударилъ на нихъ съ такой быстротой и неистовствомъ, что опрокинулъ ихъ совершенно, частъ затопталъ въ рѣку, часть потѣснилъ на мостъ. Это заставило австрійцевъ усилить огонь изъ орудій и выдвинуть новые полки. Между тѣмъ Траунъ отдалъ приказъ наводить понтоны въ разныхъ мѣстахъ и приказаніе его исполнялось съ неимовѣрной быстротою, подъ выстрѣлами пруссаковъ. Къ королю были отправлены новые гонцы: надежда на помощь подкрѣпляла дерущихся. Но помощь не являлась. Пять часовъ отстаивали Цитенъ и Ведель свой постъ, и наконецъ, потративъ весь порохъ, потерявъ двѣ трети людей и видя невозможность долѣе удерживать непріятеля, они рѣшились ударить отбой. Ретирада ихъ была совершена такъ быстро и съ такимъ искусствомъ, что австрійцы не успѣли даже захватить раненныхъ.

Фридрихъ узналъ обо всемъ случившемся, когда въ лагерь прискакали Цитенъ и Ведель. Онъ слышалъ перестрѣлку, но полагалъ, что это первый приступъ австрійцевъ къ Коллину. Отправленные къ нему за помощью офицеры, не

достигли до лагеря: они были захвачены уланами, которые скрывались въ лѣсу. Такимъ образомъ австрійское войско спокойно перебралось за Эльбу. Самъ принцъ Лотарингскій былъ изумленъ безпримѣрной храбростью Веделя и Цитена, которые съ горстью пруссаковъ такъ долго преграждали ему путь.

«Да, — сказалъ онъ, обращаясь къ своему штабу,—какъ счастлива была бы Марія-Терезія, еслибъ имѣла въ войскахъ своихъ такихъ героевъ, какъ эти два офицера!»

Фридрихъ, узнавъ всѣ подробности дѣла, обнялъ Веделя и назвалъ его «*прусскимъ Леонидомъ.*»

Переходъ Карла Лотарингскаго чрезъ Эльбу рѣшилъ судьбу компаніи. Всѣ планы Фридриха были окончательно разстроены. Онъ рѣшился оставить непріятелю Прагу и вывесть войска свои въ Силезію, гдѣ могъ размѣстить ихъ на надежныя зимнія квартиры. Это намѣреніе было немедленно приведено въ исполненіе. Въ трехъ колоннахъ прусская армія двинулась въ обратный походъ.

Адъютантъ Фридриха, отправленный въ Прагу съ приказаніемъ, чтобы стоящіе тамъ полки слѣдовали за главной арміей, счастливо прокрался сквозь непріятельскія войска и достигъ своего назначенія. Генералъ Эйнзидель, командовавшій гарнизономъ Праги, оставилъ городъ 26-го ноября; но онъ не исполнилъ приказанія короля, который предписалъ ему, до выхода изъ Праги, разрушить главныя укрѣпленія города, забить крѣпостныя орудія, сжечь лафеты и все оружіе изъ арсенала потопить въ рѣкѣ. Во время ретирады онъ сверхъ того, по неосмотрительности, подвергалъ свой корпусъ неоднократно явной гибели и понесъ значительный уронъ. Фридрихъ за то отставилъ его отъ службы; самъ принцъ Леопольдъ Дессаускій, который сперва покровительствовалъ генералу, обвинилъ его кругомъ. Фельдмаршалъ Шверинъ, который во всемъ соперничалъ съ принцемъ Дессаускимъ, принялъ на себя защиту Эйнзиделя, старался оправдать его поступки обстоятельствами и довелъ короля до того, что онъ на него прогнѣвался. Самолюбіе Шверина было сильно оскорблено: онъ подалъ въ отставку и былъ уволенъ.

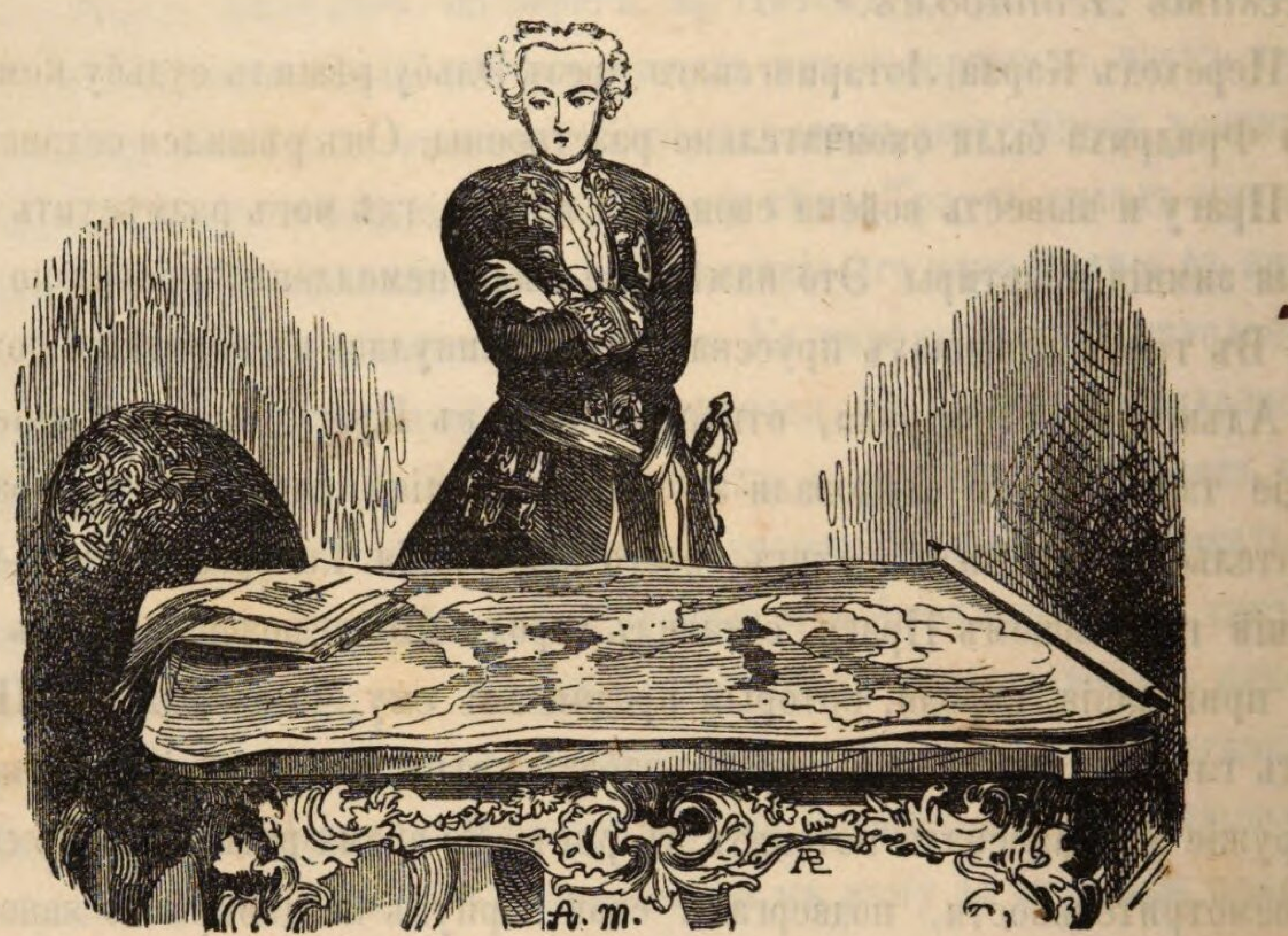
4-го Декабря прусское войско вступило въ Силезію; 6-го Фридрихъ распрощался съ своими солдатами, которыхъ печальную участь братски дѣлилъ во всю несчастную компанію, и возвратился въ Берлинъ.

Во второй части «Исторіи своего времени» Фридрихъ описалъ эту войну и подвергъ свои ошибки строгой критикѣ. Вотъ что онъ говоритъ между прочимъ:

«Всѣ выгоды этой компаніи были на сторонѣ Австріи. Генералъ Траунъ игралъ въ ней роль Серторія, а прусской король — Помпея. Дѣйствія Трауна должны служить образцомъ для каждаго полководца, который любитъ военное искусство. Хорошій военачальникъ обязанъ подражать ему, если только имѣетъ

необходимыя на то способности. Король самъ сознался, что этотъ походъ былъ для него военной школою, а Траунъ—учителемъ. Великая прусская армія, которая хотѣла поглотить Богемію и овладѣть Австріею, испытала участь такъ называемой «непобѣдимой армады» Филиппа II.

«Но счастіе имѣетъ для предводителей часто гораздо печальнѣйшія послѣдствія, чѣмъ неудачи: первое дѣлаетъ ихъ самонадѣянными, послѣднія—учатъ ихъ ихъ осторожности и скромности.»

Едва Фридрихъ оставилъ свое войско, какъ многочисленные отряды австрійцевъ и венгровъ, несмотря на зимнее время, вторглись съ Силезію и въ графство Глацкое. Прусскіе корпуса заперлись въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Въ тоже время австрійское правительство издало въ Силезіи манифестъ, въ которомъ Марія-Терезія объявляла, что «Бреславскій трактатъ былъ у нея исторгнутъ насильственно, что она разрѣшаетъ силезцевъ отъ присяги на вѣрность прусскому королю и проситъ вспомнить счастіе, которымъ Силезія наслаждалась подъ австрійскимъ владычествомъ.»

Фридрихъ быстро принялъ мѣры противодѣйствовать австрійцамъ. Онъ поручилъ начальство надъ силезскими войсками Леопольду Дессаускому; а противъ манифеста Маріи-Терезіи издалъ прокламацію, въ которой успокоивалъ жителей Силезіи и показывалъ имъ «*счастье, которымъ наслаждалась эта страна подъ австрійскимъ правительствомъ*» въ настоящемъ свѣтѣ.

Несмотря на трудные переходы и ненастную погоду, пруссаки аттаковали австрійцевъ въ разныхъ пунктахъ, причинили имъ большой вредъ, и наконецъ

вытѣснили ихъ совсѣмъ изъ Силезіи. 21-го февраля 1845 года въ Берлинѣ пѣли уже благодарственный молебенъ за освобожденіе Силезіи отъ непріятелей. Войска вступили на зимнія квартиры, но въ продолженіе всей зимовки были тревожимы набѣгами пандуровъ и венгерцевъ.

Въ Берлинѣ короля ожидало счастливое семейное событіе. Бракъ Фридриха былъ безплодный. Отправляясь во второй силезскій походъ, онъ провозгласилъ брата своего Августа-Вильгельма *наслѣднымъ принцемъ*. Теперь у принца родился первый сынъ (*); это очень обрадовало Фридриха, потому что рожденіемъ младенца обезпечивалось престолонаслѣдіе царствующаго дома. Чтобъ показать, какъ высоко онъ цѣнитъ такое счастіе, король на другой же день собственноручно надѣлъ на младенца орденъ чернаго орла.

Между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ собирались на Фридриха новыя тучи. Въ началѣ 1745 года, Австрія заключила въ Варшавѣ вторичный союзъ съ Англіей, Голландіей и Саксоніей. Августъ III обязался выставить значительное войско, за огромную сумму денегъ, которую должна была выплатить Англія. За то Саксоніи обѣщана инвеститура на нѣкоторыя провинціи Пруссіи, а Австріи возвращеніе Силезіи и графства Глацкаго.

Къ большему несчастію Фридриха, 20-го января умеръ императоръ Карлъ VII. Сынъ его Максимиліанъ, за возвращеніе ему отчины, согласился заключить миръ съ Австріей и отказался совершенно отъ всѣхъ притязаній на наслѣдіе Карла VI и на императорскую корону. Марія-Терезія торжествовала: ничто не мѣшало теперь избранію супруга ея въ императоры, потому-что всѣ претенденты сами отказались отъ своихъ правъ. Для совершеннаго спокойствія, ей оставалось только возвратить Силезію: она рѣшилась достигнуть этой цѣли во что-бы то ни стало.

Такимъ образомъ Франкфуртская унія разстроилась сама собою. Фридриху оставалась одна надежда на Францію, но всѣ его убѣжденія не могли склонить Людовика XV къ продолженію войны въ Германіи. Со смерти Карла VII, онъ почиталъ дѣло свое конченнымъ и обратилъ всѣ силы противъ Фландріи, гдѣ войска его вскорѣ одержали знаменитую побѣду при Фонтенуа.

Фридрихъ увидѣлъ, что при такихъ обстоятельствахъ, онъ можетъ полагаться только на самаго себя. Надлежало увеличить силы Пруссіи; на этотъ предметъ онъ не пощадилъ ни государственной казны, ни даже собственнаго достоянія. Изъ казначейства было вынуто шесть миліоновъ талеровъ, со всего государства сдѣланъ поземельный поборъ въ полтора миліона; и притомъ всѣ серебряныя утвари, украшавшія дворецъ, канделабры, столы, люстры, камины и даже серебряные духовые инструменты, заведенные Фридрихомъ-Вильгельмомъ I,

(*) Впослѣдствіи король Фридрихъ Вильгельмъ II.

были обращены въ деньги. Каждую ночь двѣнадцать гайдуковъ переносили вещи на лодки и отправляли ихъ на монетный дворъ. Все дѣлалось тихо и скрытно, чтобъ не возбудить въ народѣ безпокойства и опасеній такимъ явнымъ признакомъ государственной нужды. Эти распоряженія дали королю возможность увеличить войско и обезпечить его на долгое время всѣмъ необходимымъ.

Окончивъ военныя приготовленія, Фридрихъ 15-го марта отправился опять къ арміи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Походъ 1745 года.

Испытавъ несчастіе, Фридрихъ сталъ дѣйствовать гораздо осторожнѣе. Онъ не хотѣлъ самъ отыскивать битвы, какъ въ предыдущую кампанію, а рѣшился выждать нападенія австрійцевъ на Силезію. По приготовленіямъ непріятеля можно было заключить, что онъ намѣренъ вторгнуться въ Силезію со стороны Богеміи.

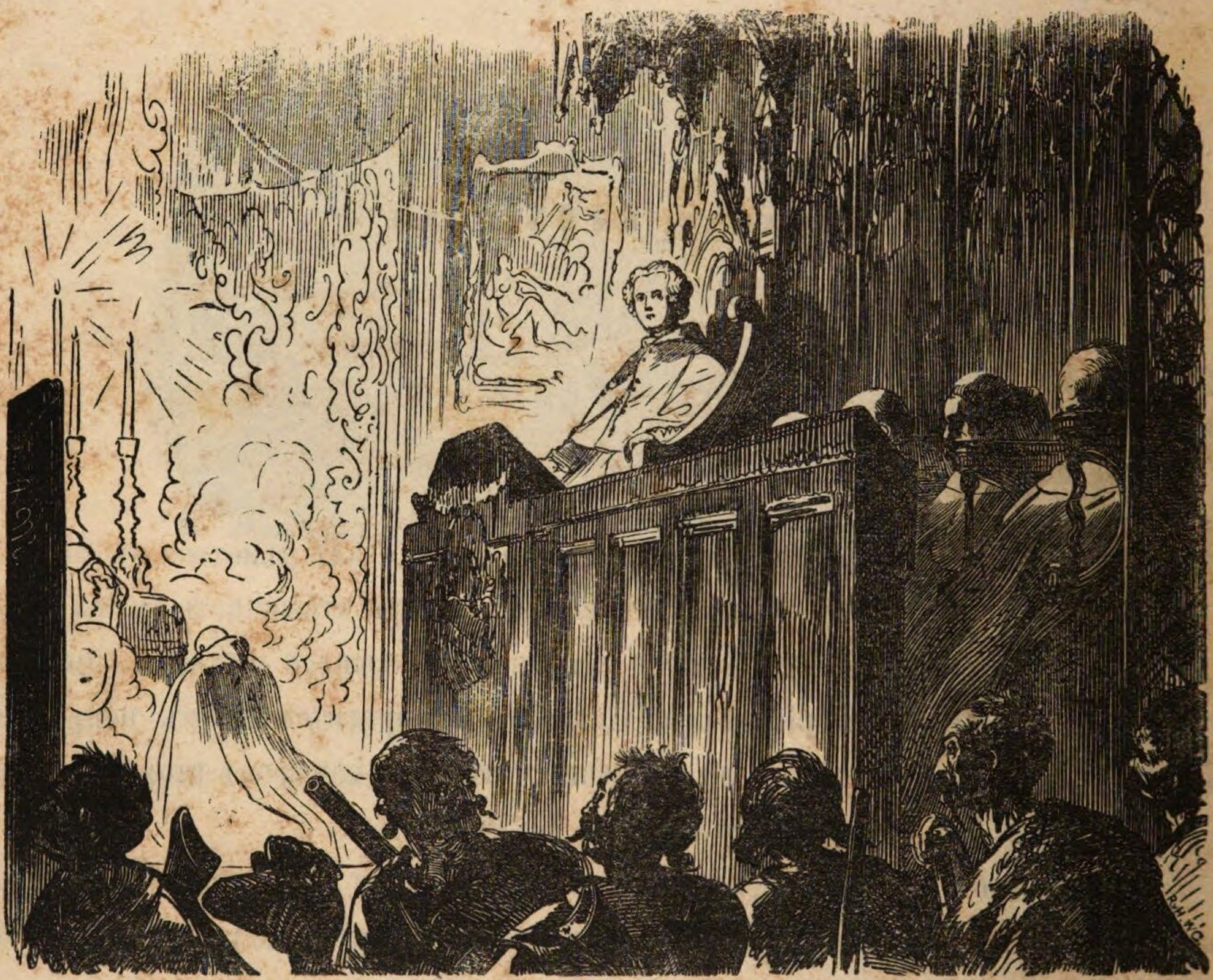
Фридрихъ съ удовольствіемъ узналъ, что опасный его соперникъ Траунъ отозванъ къ италійской арміи, и что мѣсто его въ непріятельскомъ войскѣ заступили другіе вожди, которые всѣ не имѣли сотой доли его дарованій.

Чтобъ сбить съ толку прусскаго короля и скрыть отъ него настоящую точку нападенія, австрійцы отправили нѣсколько легкихъ отрядовъ, которые разсыпались по всей Верхней Силезіи. Завязалась малая война. Безпрерывныя стычки съ венграми и пандурами служили только упражненіемъ для прусской кавалеріи, но никакъ не могли отвлечь вниманія Фридриха отъ дѣйствій главной непріятельской арміи

Винтерфельдъ былъ героемъ этихъ мелкихъ сраженій: почти каждый день онъ одерживалъ побѣду надъ отдѣльными австрійскими отрядами, бралъ въ плѣнъ солдатъ, отнималъ обозы и пороховые запасы.

За эти дѣйствія онъ получилъ генералъ-маіорскій чинъ.

Фридрихъ сосредоточилъ главныя свои силы близъ Франкенштейна, а двоюродный братъ его, маркграфъ Бранденбургскій Карлъ, съ девяти-тысячнымъ отрядомъ, занялъ крѣпости Егерндорфъ и Троппау. По соображеніямъ Фридриха, австрійская армія должна была явиться изъ-за горъ у Швейдница, Глаца или Егерндорфа; стало быть, въ этой позиціи онъ могъ ее встрѣтить лицомъ къ лицу. Главную квартиру свою онъ помѣстилъ въ монастырѣ Каменцѣ, гдѣ былъ нѣкогда такъ счастливо спасенъ аббатомъ Стуше и гдѣ надпись на бронзовой доскѣ и картина до нынѣ повѣствуютъ объ этомъ удивительномъ событіи.

Но позиція Фридриха имѣла свои невыгоды: отъ Егерндорфа до Нейсе оставался значительный промежутокъ, не занятый войсками. Австрійцы воспользовались этой оплошностію, прошли туда съ двадцатитысячнымъ корпусомъ, отрѣзали тѣмъ ландграфа отъ главной арміи, и старались оттѣснить короля въ Верхнюю Силезію, чтобы, такимъ образомъ, очистить своей арміи широкую и спокойную дорогу.

Фридрихъ проникъ ихъ замыселъ, отдалъ имъ на жертву Силезію до самаго Козеля и думалъ только о томъ, какъ бы соединить корпусъ маркграфа съ главной арміей, чтобы потомъ всѣми силами нагрянуть на врага и съ перваго раза нанесть ему рѣшительный ударъ. Но къ осуществленію этого плана не было никакой видимой возможности. Всякое сообщеніе съ маркграфомъ было преграждено, австрійцы заняли всѣ дороги и стерегли ихъ неусыпно. Не только курьеръ, даже переодѣтый шпіонъ не проскользнулъ бы сквозь непроницаемую сѣть, которою они окружили Фридриха.

Между-тѣмъ медлить было невозможно. Фридрихъ рѣшился на жестокую, но почти необходимую мѣру. Онъ поручилъ Цитену пробиться съ гусарами сквозь непріятельскія линіи и, во что бы ни стало, доставить къ маркграфу приказаніе, чтобъ онъ немедленно двинулся къ Франкенштейну.

Съ сердечной горестью принялъ Цитенъ приказъ короля, но поклялся исполнить его непремѣнно. Слезы навернулись у него на глазахъ, когда онъ тронулся съ мѣста: онъ зналъ, что ведетъ храбрый полкъ свой на вѣрную смерть, и внутренно далъ себѣ слово быть первой жертвой роковой экспедиціи, не желая видѣть его погибели. Каждому солдату по одиночкѣ было передано предписаніе короля, чтобы хоть одинъ изъ нихъ, если уцѣлѣетъ, могъ доставить его по назначенію. Минута, въ которую этотъ превосходный полкъ отдѣлился отъ своихъ товарищей, чтобъ никогда болѣе не возвращаться къ нимъ, была торжественна и умилительна. Несмотря на то, каждый солдатъ бодро шелъ въ открытую могилу, въ твердомъ убѣжденіи, что умираетъ на пользу отчизны и во славу своего короля: такъ велико было патріотическое увлеченіе, которымъ Фридрихъ умѣлъ одушевить свое войско.

Ловко придуманная хитрость и странный случай помогли Цитену счастливо исполнить порученіе короля и спасти свой полкъ. Близъ Отмахау онъ переправился чрезъ Нейсу, и ночью, по разнымъ тропинкамъ и проселочнымъ дорогамъ, пробрался до Нейштата, гдѣ, совершенно отдѣльно отъ прусской арміи, стоялъ небольшой отрядъ въ гарнизонѣ. Не доходя до крѣпости, онъ узналъ, что въ эту самую ночь значительный австрійскій отрядъ пытался взять городъ, но безуспѣшно. Цитенъ остановилъ свой полкъ и велѣлъ солдатамъ надѣть новую обмундировку, которая имъ только что была выдана передъ походомъ. Она состояла изъ синихъ ментиковъ и медвѣжьихъ шапокъ, вмѣсто прежнихъ красныхъ доломановъ и плисовыхъ киверовъ. Форму эту австрійцы еще никогда не видали на прусскихъ войскахъ и сверхъ того она очень подходила къ одному изъ ихъ собственныхъ гусарскихъ полковъ. Когда съ разсвѣтомъ австрійскій отрядъ двумя колоннами двинулся назадъ къ своему лагерю, Цитенъ съ полкомъ своимъ примкнулся къ арріергарду. Нѣсколько венгровъ, которые служили у него въ полку,

пошли впередъ, балагурили и занимали австрійскихъ солдатъ росказнями, чтобъ отвлечь ихъ вниманіе. Такимъ образомъ Цитенъ продолжалъ свой маршъ подъ непріятельскимъ прикрытіемъ съ шести часовъ утра до четырехъ по полудни. Въ продолженіе этого времени ихъ обогнали два драгунскіе полка, но никто и не подозрѣвалъ поддѣльныхъ австрійцевъ. Наконецъ, достигнувъ до Леобшюца; австрійскій отрядъ поворотилъ вправо къ своему лагерю, который находился ввиду не болѣе, какъ въ четверть милѣ, а Цитенъ гикнулъ своимъ удальцамъ и какъ стрѣла пустился влѣво. Тутъ только австрійцы увидѣли обманъ. Пока они пришли въ себя и рѣшили, что начать, Цитенъ ускакалъ уже далеко; за нимъ пустились въ погоню, но онъ отбился. Ночью прорвался онъ чрезъ нѣсколько кордоловъ, и ко всеобщему изумленію, на слѣдующее утро явился къ маркграфу съ предписаніемъ короля.

Гораздо больше труда представлялъ походъ маркграфа Карла. На каждомъ шагу встрѣчалъ онъ непріятельскіе отряды, которые преграждали ему дорогу. Съ каждымъ изъ нихъ дрался онъ по одиночкѣ, и наконецъ побѣдителемъ привелъ свой корпусъ въ королевскій лагерь.

Австрійскія и саксонскія войска соединились у Траутенау и оттуда двинулись къ силезской границѣ. Фридрихъ отступилъ къ Швейдницу и занялъ очень выгодную позицію. Чтобъ ободрить непріятеля, онъ распустилъ слухъ, что хочетъ двинуться къ Бреславлю, приказалъ починивать дороги, ведущія къ этому городу, и даже снялъ свои аванпосты, разставленные въ горахъ. Видя такія распоряженія, непріятель поддался въ обманъ и началъ дѣйствовать смѣлѣе: австрійско-саксонская армія наконецъ выступила изъ за горъ. На широкой равнинѣ, при Гогенфридбергѣ, она расположилась на дневку. Здѣсь, главные вожди составили военный совѣтъ, какъ удобнѣе и легче овладѣть Силезіей. На слѣдующее утро былъ назначенъ дальнѣйшій походъ. Прусскія войска были совершенно скрыты пригорками и кустарниками.

Въ ночь, на 4-е іюля, Фридрихъ приказалъ всей своей арміи съ возможной тишиною и осторожностью собраться къ Штригау и расположилъ ее такъ, что могъ аттаковать непріятеля со всѣхъ сторонъ. Къ разсвѣту полки его стояли уже въ боевомъ порядкѣ.

Едва поднялось солнце, какъ саксонская армія стала спускаться съ горъ, чтобы занять Штригау. Пруссаки поздоровались съ нею картечью. Неожиданная встрѣча смутила саксонцевъ. Въ тотъ же мигъ правое крыло прусской арміи подъ начальствомъ генерала Де-Мулена, бросилось въ аттаку съ такимъ неистовствомъ, что саксонцы не устояли, смѣшались и въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство, прежде, чѣмъ австрійцы могли узнать въ чемъ дѣло.

Принцъ Лотарингскій, главнокомандующій соединенными войсками, слышалъ перестрѣлку, но полагалъ, что это дѣйствіе перваго приступа на Штригау. Онъ узналъ истину только тогда, какъ нѣсколько саксонскихъ полковъ съ отчаяніемъ бросились къ нему на встрѣчу и объявили, что почти вся армія легла на Штригаусскихъ поляхъ. Тогда фельдмаршалъ быстро изготовился къ бою и немедленно повелъ австрійцевъ въ долину.

Но и они были встрѣчены пруссаками съ тѣмъ же геройствомъ и неустрашимостью. Прусскія колонны двигались впередъ съ необузданной быстротою и опрокидывали все, что попадалось имъ на пути. Одинъ полкъ отличался передъ другимъ храбростью: вся битва была для нихъ какъ будто состязаніемъ о первенствѣ. Въ нѣсколько часовъ битва была рѣшена и около полудня пруссаки праздновали уже побѣду

Особенно отличался Байрейтскій драгунскій полкъ: онъ, подъ начальствомъ генерала Геслера, разбилъ и обратилъ въ бѣгство двадцать непріятельскихъ баталіоновъ, захватилъ въ плѣнъ 2500 человѣкъ, и отнялъ 66 знаменъ и пять орудій. За это король наградилъ храбрый полкъ особенными знаками отличія— и собственноручно навязалъ крестъ *достоинства* на его знамя. Генералъ Геслеръ получилъ графское достоинство.

Необыкновенное одушевленіе прусской арміи происходило оттого, что самъ Фридрихъ подавалъ ей примѣръ величайшаго самоотверженія и личной неустрашимости. Австрійцы устроили батарею изъ сорока орудій, которая громила и разсѣкала прусскіе полки по всѣмъ направленіямъ. Фридрихъ взялъ три баталіона отборныхъ людей и самъ повелъ ихъ противъ огнедышащаго жерла. Люди валились около него, какъ снопы, но онъ, впереди всѣхъ, на конѣ, ободрялъ солдатъ и съ тремя стами пятидесятью солдатами достигъ до баттареи. Тутъ велѣлъ онъ имъ ударить въ штыки и первый вскочилъ на валъ.

Битва эта, которая называется Гогенфридбергскою или Штригаускою, дорого стоила австрійцамъ. Они лишились 4000 человѣкъ убитыми и 7000 плѣнными, и кромѣ того множества орудій и знаменъ. Пруссаки потеряли только 2000 человѣкъ.

Передъ самымъ началомъ дѣла къ Фридриху прибылъ шевалье Де-ла-Туръ, посломъ отъ Людовика XV, съ извѣстіемъ о побѣдѣ при Фонтенуа. Онъ просилъ короля о дозволеніи пробыть въ его главной квартирѣ и посмотрѣть на военныя дѣйствія.

—Вы вѣрно хотите узнать за кѣмъ останется Силезія? спросилъ его Фридрихъ

— Нѣтъ, отвѣчалъ Де-ла-Туръ, я хочу только быть свидѣтелемъ, какъ Ваше Величество караете своихъ враговъ и защищаете права подданныхъ.

По окончаніи дѣла, Фридрихъ изготовилъ ему отвѣтъ Людовику XV. Онъ былъ коротокъ:

«Я расплатился при Фридбергѣ по векселю, который Вы на меня выставили при Фонтенуа.»

Это сардоническое замѣчаніе не могло понравиться французскому королю. Впрочемъ онъ самъ подалъ къ тому поводъ. До начала компаніи Фридрихъ употребилъ всѣ мѣры, чтобы заставить Людовика подѣйствовать рѣшительно противъ Австріи. Людовикъ отвѣчалъ, что онъ и такъ не шутитъ съ австрійцами и въ доказательство приводилъ свои побѣды.

Фридрихъ замѣтилъ Де-ла-Туру, что во Фландріи французы имѣли дѣло только съ шестью тысячами австрійцевъ, и что побѣды Людовика, хотя и очень знамениты, но въ отношеніи къ его союзникамъ приносятъ почти такую же пользу, какъ битва на берегахъ Тигра и Эвфрата или взятіе Пекина.

Фридрихъ преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля до самаго горнаго хребта. Тутъ онъ приказалъ ударить отбой, чтобъ дать отдыхъ своимъ солдатамъ, из-

мученнымъ быстрымъ переходомъ прошедшей ночи и жаркою битвою въ продолженіе дня .На другой день король отправилъ вслѣдъ австрійцамъ генераловъ Де Мулена, Цитена и Винтерфельда. Они настигли непріятельскій арріергардъ, разбили и разогнали его, отняли еще нѣсколько пушекъ, знаменъ, лошадей и полевыхъ ящиковъ. Австрійцы бросились въ Богемію, прусская армія послѣдовала за ними.

Когда король прибылъ въ Ландсгутъ, его окружила съ неистовымъ крикомъ толпа крестьянъ, вооруженныхъ вилами, серпами, топорами и косами. Они просили позволенія перерѣзать всѣхъ католиковъ, за притѣсненія, которыя они претерпѣли отъ католическаго духовенства. «Что вы, что вы, дѣти!»—воскликнулъ Фридрихъ;—«развѣ вы не христіане? Развѣ не помните святаго писанія? Самъ Спаситель повелѣваетъ вамъ устами моими: *Любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгоняющія вы.*»

Крестьяне, пораженные словами короля, успокоились: «Ты правъ, отецъ нашъ!»—восклицали они,—«Не намъ судить виновныхъ, а Творцу небесному и его избранникамъ!» Молча разошлись они по домамъ и Фридрихъ благодарилъ Бога, что могъ спасти католиковъ отъ возмездія за ихъ Варѳоломеевскую ночь.

Въ Фридбергской битвѣ отличились и два брата короля, принцъ Августъ-Вильгельмъ и принцъ Генрихъ, которому минуло только восьмнадцать лѣтъ. Первый съ своей бригадою аттаковалъ непріятеля подъ самымъ сильнымъ огнемъ, а второй служилъ при королѣ адъютантомъ. Французскій генералъ, маркизъ Валори, который былъ свидѣтелемъ геройской неустрашимости

принца Августа, говорилъ объ ней послѣ битвы съ удивленіемъ. «Повѣрьте, отвѣчалъ ему принцъ, нигдѣ нельзя быть безопаснѣе, какъ между такими товарищами, но надо умѣть доказать, что предводитель ихъ достоинъ.»

И дѣйствительно, прусскіе солдаты оказали въ этомъ замѣчательномъ дѣлѣ неимовѣрные подвиги. Всѣ планы Фридриха были ими исполнены съ изумительной точностью: изобрѣтенныя имъ *фланговыя аттаки*, погубившія врага, совершались съ баснословной быстротой и ловкостью. Самъ Фридрихъ, удивленный своимъ войскомъ, говоритъ въ «Исторіи своего времени»:

«Земной шаръ не такъ крѣпко покоится на плечахъ Атласа, какъ Пруссія на такой арміи.»

Король послѣдовалъ за непріятельской арміей въ Богемію, чтобъ лишить богемскія пограничныя земли всѣхъ съѣстныхъ припасовъ и чрезъ то заставить австрійцевъ выбрать себѣ зимнія квартиры подальше отъ Силезіи.

Карлъ Лотарингскій занялъ укрѣпленный лагерь близъ Кёнигин-греца Фридрихъ разбилъ свой лагерь рядомъ съ нимъ при Хлумецѣ. Три мѣсяца обѣ враждующія арміи жили бокъ о бокъ спокойно. Иногда только австрійскій партизанъ баронъ Тренкъ нападалъ на прусскіе провіантные подвозы, и это причиняло по временамъ легкія стычки, не имѣвшія впрочемъ никакихъ важныхъ последствій. Пруссаки тѣшились этой малой войною, какъ забавою для развлеченія. Лихой австрійскій партизанъ Франчини выѣзжалъ ежедневно въ разъѣзды, какъ странствующій рыцарь, отыскивая геройскихъ похожденій. Прусскіе партизаны съ своей стороны такъ же искали встрѣчи съ нимъ: ихъ схватки походили болѣе на рыцарскій турниръ, чѣмъ на серіозное дѣло. При одной изъ такихъ схватокъ австрійскіе офицеры сказали прусскимъ съ особенной вѣжливостію: «Господа, съ вами чрезвычайно пріятно драться: всегда чему нибудь научишься!»—Пруссаки отвѣчали имъ стольже обязательно: «Это оттого, господа, что вы были нашими наставниками, и если мы выучились хорошо защищаться, такъ это потому, что насъ всегда мастерски аттаковали.» И вслѣдъ за тѣмъ началась рѣзня, отъ которой нѣсколько десятковъ человѣкъ легли на мѣстѣ съ обѣихъ сторонъ.

Между тѣмъ, тотчасъ по удаленіи прусскихъ войскъ, венгры и кроаты проникли въ Верхнюю Силезію, разсѣялись по ней въ разсыпную, начали грабить и захватили крѣпость Козель. Король послалъ туда двѣнадцатитысячный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Нассау, съ приказаніемъ очистить страну отъ венгровъ и непремѣнно занять Козель. Нассау разогналъ кроатовъ и такъ быстро и неожиданно обложилъ крѣпость, что гарнизонъ ея очнулся только при взрывѣ бомбъ и гранатъ, которыя посыпались на городъ и укрѣпленія. Видя, что защищаться невозможно, гарнизонъ сталъ просить о свободномъ выпускѣ изъ

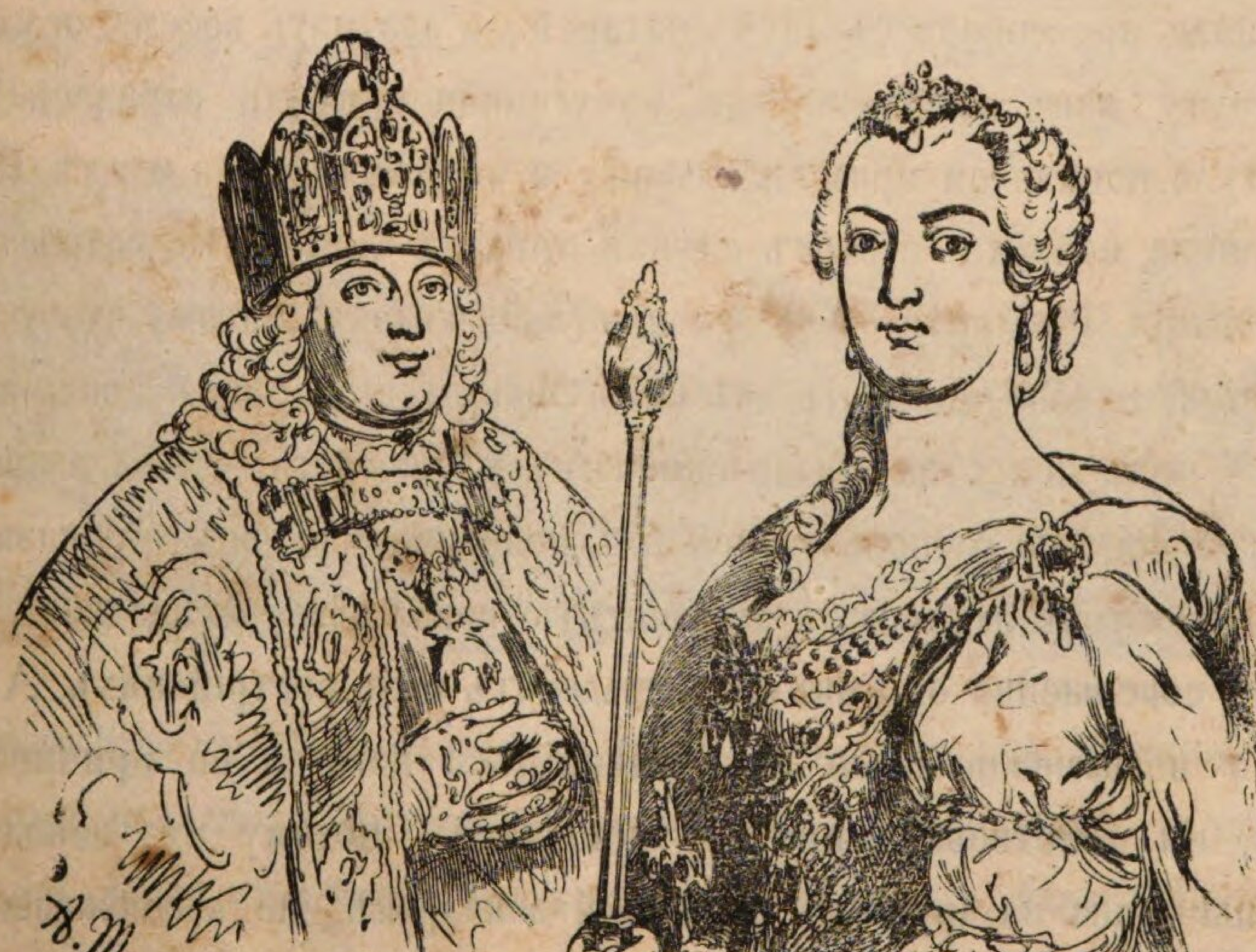
крѣпости. «Господа, сказалъ Нассау парламентерамъ, хотя вы защищались очень храбро, но я уже отвелъ вамъ квартиры въ Бреславлѣ; и такъ, рѣшитесь скорѣе, и оставьте здѣсь оружіе, чтобъ оно васъ не безпокоило въ дорогѣ». Три тысячи кроатовъ сдались и были отведены, какъ военноплѣнные, въ Бреславль, а Нассау преслѣдовалъ венгровъ до самой Моравіи.

Другой сильный отрядъ, подъ начальствомъ князя Дессаускаго и генерала Геслера, былъ отправленъ Фридрихомъ къ Галле, чтобъ удержать саксонцевъ, которые угрожали вторгнуться въ Бранденбургію.

Принявъ всѣ мѣры къ защитѣ, король началъ думать о средствахъ къ примиренію. Чрезъ посредство Англіи, надѣялся онъ склонить Австрію и Саксонію къ миру и даже соглашался признать супруга Маріи-Терезіи императоромъ.

Онъ вошелъ въ переписку съ Георгомъ II и успѣлъ составить съ нимъ въ Ганноверѣ трактатъ, по которому Англія бралась склонить Марію-Терезію на подтвержденіе Бреславскаго мира и заставить остальныя державы признать Силезію собственностію прусскаго короля.

Но Георгъ II слишкомъ понадѣялся на себя при заключеніи этаго трактата: Марія-Терезія и слышать не хотѣла о мирѣ. «Скорѣе откажусь отъ короны, чѣмъ отъ Силезіи;» говорила она англійскому министру, въ отвѣтъ на предложеніе Георга. А при избраніи ея супруга въ императоры голосъ Фридриха сталъ безполезенъ, потому что большинство курфирстовъ было и такъ на его сторонѣ. И дѣйствительно, несмотря на протестаціи прусскаго и курфальцкаго пословъ, 13 сентября, гросгерцогъ Францъ Лотарингскій былъ во Франкфуртѣ провозглашенъ императоромъ.

Эта удача возбудила еще болѣе гордость Маріи-Терезіи. Она объявила рѣшительно, что до тѣхъ поръ не упокоится, пока не принудитъ къ покорности *возмутившагося поддданнаго*. Такъ называла она Фридриха.

Саксонія противилась миру также упорно. Августу III хотѣлось утвердить польскій престолъ за своимъ потомствомъ. Для этого ему нужна была подпора Австріи. Притомъ, по договору съ Маріей-Терезіей, ему были обѣщаны княжества Саганское и Глогауское, которыя могли служить связью между Саксоніей и Польшею.

И такъ Фридриху оставалось одно средство: вынудить миръ силою оружія.

При немъ находилось только 18,000 человѣкъ; этого было недостаточно, чтобы держаться въ Богеміи. Онъ принялъ мѣры къ отступленію въ Силезію и для того перемѣстилъ свой лагерь въ Штауденцъ.

Карлъ Лотарингскій между тѣмъ получилъ новыя подкрѣпленія изъ Австріи; войско его состояло изъ 40.000 человѣкъ Почти ежедневно являлись курьеры отъ Маріи-Терезіи съ предписаніями дѣйствовать какъ можно рѣшительнѣе противъ пруссаковъ. Узнавъ, что Фридрихъ намѣренъ ретироваться, принцъ рѣшился аттаковать его арріергардъ, и потомъ, окруживъ главную прусскую армію въ горныхъ ущеліяхъ, нанесть ей окончательный ударъ. Враждебныя арміи находились другъ отъ друга на разстояніи двѣнадцатичасоваго перехода.

Рано утромъ, 30-го сентября, когда Фридрихъ снимался съ лагеря и часть его войска двинулась уже въ походъ, ему вдругъ доносятъ, что австрійцы подходятъ къ нимъ со всѣхъ сторонъ въ боевомъ порядкѣ.

Король не задумался ни минуты; онъ наскоро построилъ всю свою армію въ одну линію и самъ объѣзжалъ фронтъ подъ градомъ картечь, которыми австрійцы осыпали пруссаковъ съ двухъ батарей въ двадцать восемъ орудій. Въ самую ту минуту, какъ лошадь короля, испуганная чѣмъ-то, взвилась подъ нимъ на дыбы, пуля попала ей прямо въ голову и положила ее на мѣстѣ. Сама судьба видимо хранила монарха, и этотъ случай придалъ еще болѣе бодрости его солдатамъ. Позиція Фридриха была довольно невыгодная, потому что у него недоставало людей, чтобы прикрыть всѣ важнѣйшие пункты; но и австрійцамъ было не лучше: у нихъ напротивъ было слишкомъ мало мѣста, чтобы развернуть всѣ свои силы. Фридрихъ воспользовался ихъ положеніемъ: онъ приказалъ фельдмаршалу Буденброку аттаковать австрійскую кавалерію. Двѣнадцать прусскихъ эскадроновъ совершенно опрокинули пятьдесятъ пять австрійскихъ. Австрійцамъ рѣшительно невозможно было ни отодвинуться назадъ, по причинѣ гористой мѣстности, ни дѣйствовать противъ непріятеля, потому что эскадроны были расположены одинъ за другимъ, и первый эскадронъ, не выдержавшій аттаки, опрокинулся на второй, второй на третій и такъ далѣе, пока вся кавалерія была

приведена въ такой безпорядокъ, что солдаты принуждены были сдаваться пруссакамъ почти безъ бою.

Въ тоже время пѣхота праваго крыла, подъ начальствомъ генерала Бонена и полковника Гейста, пошла на обѣ непріятельскія батареи, и, послѣ жаркой встрѣчи и отчаяннаго сопротивленія, наконецъ овладѣла ими.

Центръ австрійской арміи, расположенный на крутой возвышенности, которая была защищена прилѣскомъ, оставался еще нетронутымъ. Фридрихъ послалъ противъ него свои гвардейскіе полки, подъ начальствомъ принца Фердинанда Брауншвейгскаго. Судьбѣ угодно было, чтобы въ этой битвѣ два родные брата встрѣтились, какъ враги. Австрійскимъ центромъ командовалъ старшій братъ прусскаго генерала, принцъ Людвигъ Брауншвейгскій. Здѣсь пруссаки оказали чудеса храбрости: чтобъ достигнуть до непріятеля, они должны были продираться сквозь кустарники и взять крутую возвышенность почти приступомъ, при сильномъ отпорѣ и неумолкающемъ бѣгломъ огнѣ непріятелей. Но и здѣсь они остались побѣдителями.

Австрійцы старались еще кое-гдѣ держаться на возвышенностяхъ, но полки ихъ были слишкомъ разстроены, а пруссаки, ободренные успѣхомъ и побуждаемые примѣромъ вождей, не давали имъ отдыха и дѣлали нападенія со всѣхъ точекъ. Наконецъ австрійцы, потерявъ всякую надежду удержать за собою поле битвы, въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство, оставя пруссакамъ богатую добычу.

Пруссаки преслѣдовали бѣгущихъ до деревни Соръ, отъ которой битва эта и получила свое названіе. Австрійцы потеряли до десяти тысячь человѣкъ, изъ которыхъ часть легла на мѣстѣ, часть попалась въ плѣнъ. Одинъ Борнштедскій кирасирскій полкъ отнялъ у нихъ десять знаменъ, 15 пушекъ и захватилъ 1700

плѣнныхъ. Потеря съ прусской стороны простиралась до 3000 человѣкъ. Между павшими въ битвѣ были принцъ Альбрехтъ Брауншвейгскій и генералъ Бланкензе.

Особеннымъ мужествомъ и распорядительностію въ этомъ дѣлѣ отличился знаменитый въ послѣдствіи полковникъ Форкадъ. Во время сраженія, ворвавшись въ непріятельскіе ряды онъ дрался впереди своихъ солдатъ, какъ отчаянный, но былъ раненъ пулею въ ногу, упалъ на мѣстѣ и былъ отнесенъ за фронтъ. По окончаніи дѣла, король, разсуждая о дѣйствіяхъ своихъ офицеровъ, сказалъ, что большею частью побѣды обязанъ неустрашимости Форкада. Когда, послѣ второй Силезской войны, Фридрихъ возвратился въ Берлинъ, Форкадъ явился во дворецъ, чтобы поблагодарить короля за этотъ лестный отзывъ. Но, отъ боли въ раненной ногѣ, онъ не могъ стоять и принужденъ былъ прислониться къ окну. Фридрихъ бросился за стуломъ и принудилъ Форкада сѣсть, не смотря на всѣ его отговорки. «Будь покоенъ, любезный полковникъ,—сказалъ ему Фридрихъ, такой храбрый и отличный офицеръ, какъ ты, стоитъ того, чтобъ самъ король подалъ ему стулъ.»

Къ особенностямъ Сорской битвы принадлежитъ то, что у прусскаго войска были отняты всѣ обозы и даже самъ король лишился своего походнаго багажа, такъ, что кромѣ мундира, который былъ на немъ, у него ничего не осталось. Лѣвое крыло и центръ прусской арміи не имѣли времени укрыть свой багажъ. Отряды австрійскихъ партизановъ, Надасти и Тренка, бросились его грабить, вмѣсто того, чтобъ драться. Отыскавъ въ обозѣ короля и офицеровъ значительное количество вина, они перепились, начали неистовствовать надъ оставшимися тамъ женщинами и надъ ранеными, и дали пруссакамъ полную свободу поражать въ это время ихъ товарищей. Отчасти это послужило въ пользу прусскаго войска, но за то и австрійцы отличились: они до того очистили обозы, что ввечеру, когда король пожелалъ ужинать, не нашлось даже черствой корки хлѣба. Генералы принуждены были разослать адъютантовъ въ разныя стороны, чтобы отыскать чего нибудь на ужинъ короля. Одному изъ нихъ удалось найти солдата, у котораго былъ цѣлый хлѣбъ; солдатъ не хотѣлъ его отдать ни за какія деньги; но слыша, что хлѣбъ назначается для короля, не повѣрилъ адъютанту и самъ пошелъ въ королевскую ставку. Тамъ узналъ онъ истину. «А, если такъ,—сказалъ солдатъ, разломивъ хлѣбъ пополамъ,—то дѣло сладится: король дрался, какъ и мы, съ нимъ можно подѣлиться по братски.» Когда ему король предложилъ денегъ, онъ не взялъ ихъ и отвѣчалъ: «За короля я отдавалъ даромъ жизнь, а ужъ за хлѣбъ и подавно не возьму съ него денегъ. Деньги солдатъ беретъ только съ врага, а не съ товарища.»

Даже чернилъ и пера не могли достать королю. Фридрихъ принужденъ

былъ отправить депешу къ министру своему въ Бреславль на лоскуткѣ бумаги, на которомъ написалъ карандашемъ: «Я разбилъ австрійцевъ; отнялъ пушки; забралъ плѣнныхъ; вели пѣть молебенъ.» Къ Дюгану онъ также написалъ коротенькое письмо; вотъ его содержаніе:

«Я кругомъ ограбленъ! Сдѣлайте одолженіе, купите мнѣ «Боало,» въ маленькомъ изданіи, съ примѣчаніями, Бюссюэтово «Введеніе во всеобщую исторію» и Цицерона. Я думаю, вы найдете всѣ эти книги въ библіотекѣ моего милаго Іордана.»

И такъ, прусскій король въ короткое время одержалъ двѣ новыя побѣды— но это его нисколько не подвинуло впередъ. Онъ ждалъ мирныхъ предложеній со стороны Австріи, но Австрія молчала. А между тѣмъ, по недостатку провіанта и по причинѣ раздробленія прусскаго войска, побѣдитель принужденъ былъ добровольно ретироваться отъ побѣжденныхъ. Пять дней стоялъ онъ на полѣ битвы, а потомъ отодвинулся къ Траутенау, гдѣ и пробылъ до 16-го октября. Когда и здѣсь были потрачены послѣдній клокъ сѣна и послѣдній запасный сухарь, Фридрихъ повелъ всю армію въ Силезію. Этотъ походъ совершился не безъ стибокъ съ непріятеломъ, который караулилъ пруссаковъ въ горныхъ ущеліяхъ. Въ Силезіи армія стала на кантониръ-квартиры, между Швейдницомъ и Штригау; генералъ Де Муленъ протянулъ кордоны по границѣ; принцъ Леопольдъ Дессаусскій принялъ главную команду, а Фридрихъ отправился въ Берлинъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Послѣдняя вспышка второй Силезской войны.

Іорданъ одинъ не встрѣтилъ съ обычною радостію побѣдоноснаго короля, при торжественномъ въѣздѣ его въ столицу Пруссіи. Все ликовало вокругъ Фридриха, но его сердце стѣснялось тоскою. Во время второй Силезской войны онъ лишился двухъ ближайшихъ друзей, которыхъ называлъ *своимъ семействомъ*: Іордана и Кейзерлинга. Еще до отъѣзда въ Берлинъ писалъ онъ къ Г–жѣ Кама:

«Ради Бога, позаботьтесь объ дочери покойнаго Кейзерлинга; она, такъ же, какъ и отецъ ея, принадлежитъ къ семейству моего сердца. Я самъ осиротѣлъ, вмѣстѣ съ нею, потерявъ ея отца и моего Іордана, и скорбь моей души печальнѣе каждаго траура, который ихъ родные могутъ наложить на себя. Когда я развернулъ присланныя мнѣ книги Іордана, сердце мое облилось кровью. Съ трепетомъ думаю о возвращеніи въ Берлинъ, вспомнивъ, что этаго человѣка,

который меня такъ любилъ, нѣтъ уже въ живыхъ. Трудно отвыкнуть отъ наслажденія, которое доставляла мнѣ дружба Іордана и Кейзерлинга.»

При такомъ направленіи духа, Фридрихъ думалъ только о мѣрахъ къ прекращенію войны, которая становилась для него тягостною. Онъ полагалъ, что новыя его побѣды заставятъ наконецъ Австрію и Саксонію приступить къ рѣшительнымъ переговорамъ.

Но не такъ думали его враги. Они желали гибели соперника и къ этой цѣли устремили всѣ свои мысли и дѣйствія. 8-го ноября, въ самое то время, какъ гарнизонную церковь въ Берлинѣ украшали завоеванными трофеями, король, чрезъ шведскаго посланника при Саксонскомъ дворѣ, получилъ свѣдѣніе о новыхъ враждебныхъ замыслахъ своихъ непріятелей.

Саксонскій министръ Брюль, личный врагъ Фридриха, составилъ хитрый планъ, какъ погубить его еще въ теченіе той-же зимы. Планъ состоялъ въ томъ, чтобъ чрезъ Саксонію проникнуть въ Бранденбургію, отнять у Пруссіи Силезію, въ первые зимные мѣсяцы, захватить Берлинъ и снова переименовать прусскаго короля въ маркграфы Бранденбургскіе. Австрія съ восторгомъ приняла мысль Брюля. Было предположено: главной австрійской арміи, подъ начальствомъ принца Лотарингскаго, немедленно, чрезъ Лаузицъ, двинуться на Берлинъ; другому корпусу, въ 10,000 человѣкъ, отдѣленному отъ рейнской арміи, подъ командой генерала Грюна, соединиться подъ Лейпцигомъ съ саксонскими войсками, напасть на пруссаковъ при Галле и потомъ также итти на Берлинъ. Въ самой столицѣ Пруссіи союзники хотѣли принудить Фридриха возвратить Австріи Силезію, а Саксоніи уступить герцогство Магдебургское, съ городами Котбуссомъ и Пейцомъ.

Вся дѣятельность и душевныя силы Фридриха пробудились при этомъ извѣстіи. Дѣло шло о вопросѣ: «*быть или не быть?*» Медлить было некогда. Въ тотъ же день созвалъ онъ военный совѣтъ и рѣшилъ, какъ дѣйствовать въ этой неожиданной опасности.

Принцъ Дессаускій получилъ приказаніе тотчасъ-же отправиться къ войску, стоящему у Галле и приготовить его къ походу. Оттуда ему назначено было двинуться въ Саксонію, а самъ Фридрихъ съ силезской арміей хотѣлъ проникнуть въ Саксонію чрезъ Лаузицъ. Такимъ образомъ, пруссаки съ двухъ противоположныхъ сторонъ должны были подойти къ Дрездену. Для прикрытія Берлина оставленъ былъ незначительный гарнизонъ, но сами жители составили порядочный корпусъ милиціи, который ежедневно обучался военному дѣлу. Около столицы выводили земляныя укрѣпленія, чтобы оградить ее отъ перваго нападенія непріятеля; съ тою же цѣлью было поручено генералу Гаку съ 5000 солдатъ идти на встрѣчу врагу, при первомъ его появленіи, и вступить съ нимъ въ битву. Пятьсотъ подводъ

были приготовлены на случай несчастія, для отправленія въ Штеттинъ государственныхъ архивовъ и казны.

Распорядясь всѣмъ въ Берлинѣ, Фридрихъ 15-го ноября прибылъ къ арміи, въ Лигницъ. Здѣсь узналъ онъ изъ депеши Винтерфельда, который оберегалъ границы Лаузица, что 6000 саксонцевъ прошли въ Верхній-Лаузицъ чрезъ Циттау, и что главная армія Карла Лотарингскаго слѣдуетъ за ними по стопамъ.

Фридрихъ рѣшился употребить туже хитрость, которая ему однажды помогала, т. е. обмануть непріятеля. Онъ соединилъ около себя всѣ войска, какими могъ располагать; генералу Нассау приказалъ изъ Верхней-Силезіи передвинуться къ Ландсгуту, чтобъ прикрыть границу, и заградилъ всѣ пути, по которымъ до австрійцевъ могли доходить извѣстія о движеніяхъ его арміи. Между тѣмъ къ непріятелю посылались перебѣжчики, которые увѣряли, что король болѣе всего боится за свою столицу и думаетъ только о ея прикрытіи, для чего спѣшитъ чрезъ Кроссенъ перебраться въ Берлинъ, чтобы предупредить Карла Лотарингскаго. Для большаго утвержденія непріятеля въ этомъ мнѣніи, онъ приказалъ исправлять дороги къ Кроссену и выстроить по этому направленію нѣсколько магазиновъ. По берегамъ Бобера, Квейса и Нейсы были протянуты кордоны, которые никого не пропускали въ Саксонію.

Карлъ Лотарингскій вторично поддался въ ловушку. Онъ полагалъ, что пройдетъ чрезъ Лаузицъ безостановочно и развѣ встрѣтитъ тамъ трехтысячный обсерваціонный корпусъ Винтерфельда.

При сильномъ туманѣ, 23-го ноября, Фридрихъ тихо поднялся съ мѣста. При Наумбургѣ онъ переправился чрезъ рѣку и быстро двинулся къ Герлицу, куда австрійцы шли со всѣми своими силами. Здѣсь онъ раздѣлилъ армію на четыре колонны: по срединѣ шли двѣ колонны пѣхоты, по бокамъ по колоннѣ конницы. Король самъ предводительствовалъ центромъ, а Цитенъ съ гусарами, какъ и всегда, составлялъ его авангардъ. По ошибкѣ колоновожатыхъ, маршъ былъ очень затруднителенъ, потому что они повели войско чрезъ болотистыя мѣста. Цитенъ однако успѣлъ выбраться на проселокъ и прибылъ къ Геннерсдорфу прежде короля.

Здѣсь узналъ онъ, что въ обширной деревнѣ Геннерсдорфъ стояли на дневкѣ три полка австрійской конницы и одинъ полкъ пѣхоты. Это обстоятельство сильно его обезпокоило. Войско короля отстало на нѣсколько миль, а онъ съ однимъ полкомъ находился лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, который былъ вчетверо сильнѣе. Думать было нѣкогда, Цитенъ рѣшился дѣйствовать на пропалую. Отправя гонца къ королю съ просьбою о скорой помощи, онъ раздѣлилъ полкъ на три отряда; съ однимъ самъ пошелъ въ деревню, а два послалъ занять выходы изъ деревни съ обоихъ концовъ. Намѣреніе его было захватить австрійцевъ въ

расплохъ. Но нѣсколько преждевременныхъ выстрѣловъ разбудили австрійцевъ и они встрѣтили смѣльчака въ боевомъ порядкѣ, ядрами и картечью. Несмотря на то, Цитенъ ринулся на нихъ съ такой быстротою, что ворвался въ средину строевъ, отнялъ пушки и дрался съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ, что почти весь пѣхотный Саксенготскій полкъ положилъ на мѣстѣ. А кавалерія, видя со всѣхъ сторонъ прусскихъ гусаръ, думала только о томъ, какъ бы вырваться на волю. Между тѣмъ и король подоспѣлъ къ нему на помощь. Деревня была окружена со всѣхъ сторонъ.

Принцъ Лотарингскій, который самъ находился при своемъ авангардѣ, едва успѣлъ спастись съ пятидесятью гусарами, оставя пруссакамъ всѣ свои орудія, знамена и обозы. Остальные австрійцы были изрублены на мѣстѣ или захвачены въ плѣнъ. Между плѣнными находился генералъ Дальвицъ и слишкомъ тридцать штабъ-и оберъ-офицеровъ. Въ ознаменованіе этой побѣды, король подарилъ цитенскимъ гусарамъ, отнятыя ими у непріятеля, серебряныя литавры.

Геннерсдорфская битва была ничтожна, но внезапное появленіе прусской арміи и быстрота ея нападенія нагнали такой паническое страхъ на австрійцевъ, что Карлъ Лотарингскій отказался идти на Берлинъ и со всѣмъ войскомъ передвигался съ мѣста на мѣсто, не зная, гдѣ ему выгоднѣе и безопаснѣе стать. Фридрихъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Въ Герлицѣ онъ отнялъ у австрійцевъ значительный магазинъ, при Цитау разбилъ непріятельскій арріергардъ и завладѣлъ обозомъ. Въ недѣлю въ Лаузицѣ не было ни одного австрійца, все сдалось въ руки Фридриха; въ тоже время счастливо отбили покушенія австрійцевъ на Силезію. Карлъ Лотарингскій перешелъ въ Богемію.

Теперь Фридрихъ устремилъ всѣ силы на Силезію. Извѣстіе о томъ, что австрійцы выгнаны изъ Лаузица и Силезіи, поразило саксонцевъ. Генералъ Грюнъ

который велъ уже значительный корпусъ противъ Берлина, былъ поспѣшно отозванъ къ арміи, съ самой границы Бранденбургіи.

Фридрихъ снова сдѣлалъ мирныя предложенія королю Августу и убѣждалъ его согласиться на статьи ганноверской конвенціи. Августъ, подстрекаемый Брюлемъ, отвѣчалъ, что онъ готовъ на миръ, но требовалъ, чтобъ Фридрихъ сперва вывелъ армію изъ Саксоніи и заплатилъ контрибуцію за вредъ, причиненный Саксоніи его войсками. На это Фридрихъ, разумѣется, не согласился. Австрія умѣла вмѣшать въ дѣло Россію. Елисавета Петровна требовала отъ Фридриха, чтобы онъ прекратилъ свои враждебныя дѣйствія противъ Саксоніи, съ которой, по Польшѣ, она находилась въ союзѣ. Фридрихъ разсчелъ, что ранѣе четырехъ мѣсяцевъ русскія войска не подоспѣютъ на помощь Августу и потому отвѣчалъ: «Что онъ отъ души радъ сохранить мирныя отношенія со всѣми сосѣдами; но если кто нибудь изъ нихъ замыслитъ пагубные планы противъ Пруссіи, то никакая сила въ Европѣ не воспрепятствуетъ ему защищаться и карать своихъ враговъ.»

Вслѣдъ за тѣмъ, Фридрихъ принялся за военныя дѣйствія съ новой силой и дѣятельностію. Онъ отправилъ Леопольда Дессаускаго къ Лейпцигу, а генералу Левальду приказалъ стать на Эльбѣ, для угрозы Дрездену и для подпоры принца Дессаускаго. 29-го ноября Лейпцигъ сдался принцу на капитуляцію. Отсюда, по приказанію короля, онъ быстро пошелъ къ Мейсену, для соединенія съ корпусомъ Левальда. Непріятель, спѣша на защиту своей столицы, въ торопяхъ забылъ разрушить мостъ на Эльбѣ, и потому Леопольду Дессаускому легко было соединиться съ Левальдомъ. 13-го декабря оба корпуса двинулись къ Дрездену, а 15-го король прибылъ въ Мейсенъ и обложилъ оба берега Эльбы

Эти быстрыя дѣйствія сильно встревожили саксонцевъ. Августъ бѣжалъ въ Прагу, и такъ былъ испуганъ, что даже забылъ захватить съ собою своихъ дѣтей. Графъ Рутовскій приготовился отстаивать столицу. Принцъ Лотарингскій прибылъ къ нему на подмогу; онъ остановился недалеко отъ Дрездена, но, по распоряженію саксонскаго военнаго министерства, австрійскія войска были расположены на такомъ обширномъ пространствѣ, что въ случаѣ нужды, Карлъ не могъ ихъ сосредоточить и въ двое сутокъ.

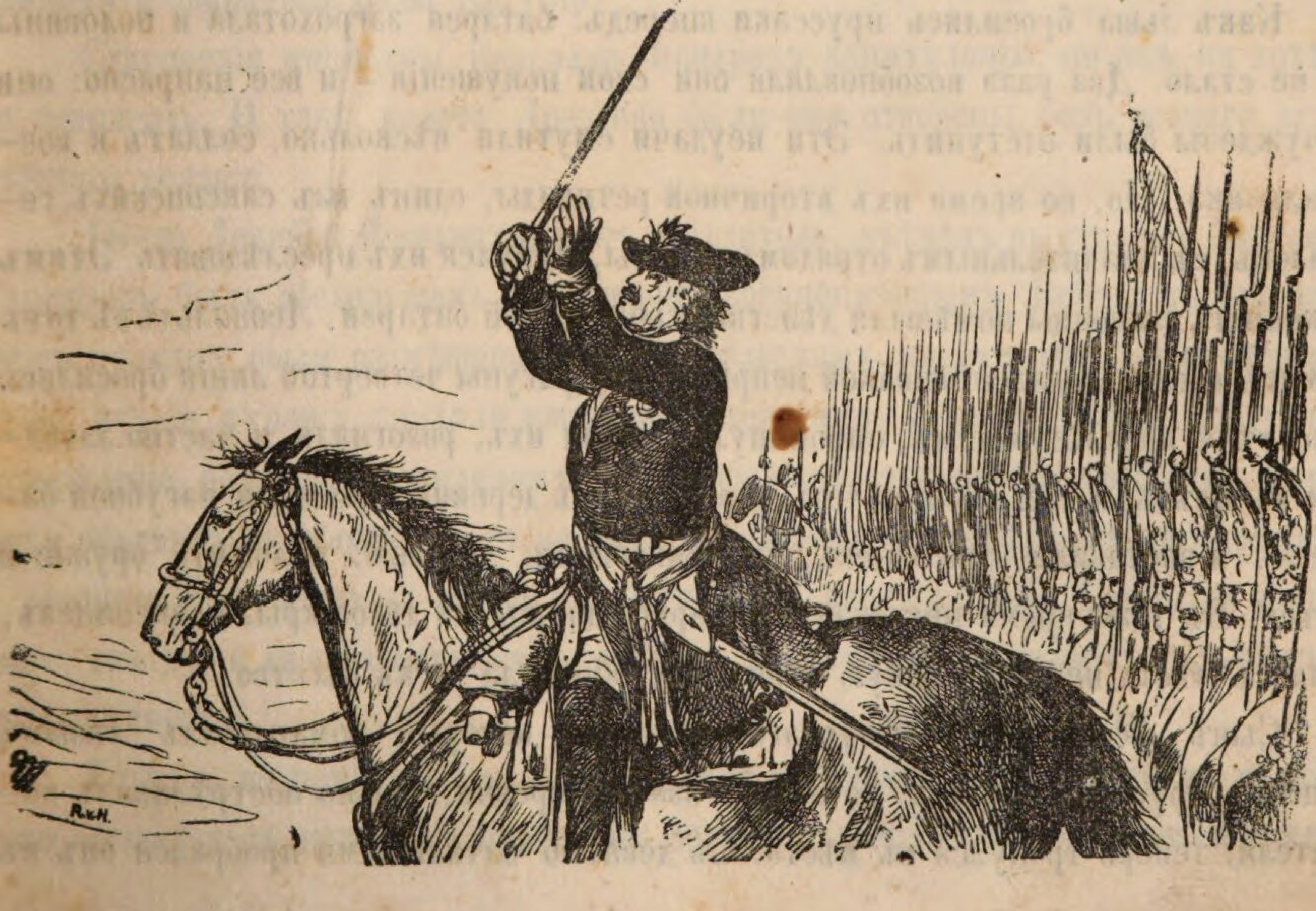
Теперь только саксонскій кабинетъ сдѣлался поуступчивѣе. Фридрихъ получилъ въ Мейсенѣ посольство отъ Августа III съ мирными предложеніями, на которыя заранѣе согласилась и Австрія. Но было поздно: когда Фридрихъ прочелъ условія, горизонтъ пылалъ уже заревомъ и громъ канонады оглашалъ воздухъ: Леопольдъ Дессаускій аттаковалъ Саксонцевъ. Приди посольство нѣсколькими часами раньше—нѣсколько тысячъ человѣкъ остались бы въ живыхъ.

Саксонская армія была расположена превосходно Она занимала пространство на 13 верстъ, отъ Эльбы до деревни Кессельсдорфъ. Только со стороны Кессельсдорфа, куда примыкало лѣвое крыло, можно было аттаковать ее; но здѣсь была поставлена на возвышеніи страшная батарея въ 24 орудія, которая защищала деревню со всѣхъ сторонъ Остальная часть войска стояла на крутомъ косогорѣ, котораго отлогости и обрывы, покрытые льдомъ и снѣгомъ, были рѣшительно недоступны. Правое крыло оканчивалось у Пеннериха, на высокомъ берегѣ Эльбы, и было прикрыто шести-тысячнымъ отрядомъ генерала Грюна, стоявшемъ на скалѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной пропастями.

Въ два часа по полудни, 15-го Декабря, Леопольдъ Дессаускій сталъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Въ самый этотъ день минуло пятидесятилѣтіе его военной службы. Старикъ хотѣлъ отпраздновать свой юбилей новой блистательной побѣдой или славной смертью окончить свое воинское поприще. Хладнокровно сдѣлалъ онъ всѣ необходимыя распоряженія. Онъ зналъ своихъ солдатъ; многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ нимъ посѣдѣли на полѣ брани; любовь и довѣренность ихъ къ старому полководцу были неограничены. Онъ крѣпко надѣялся на ихъ мужество, но помощь свыше почиталъ необходимою. Передъ самымъ началомъ дѣла, онъ выѣхалъ передъ фронтъ, поднялъ руки къ небу и, послѣ краткой молитвы, скомандовалъ: «маршъ, маршъ!»

Леопольдъ раздѣлилъ значительный корпусъ инфантеріи на три линіи и подкрѣпилъ ихъ однимъ драгунскимъ полкомъ.

Аттака началась съ единственнаго доступнаго мѣста, съ деревни Кессельсдорфъ

Какъ львы бросились пруссаки впередъ: батарея загрохотала и половины ихъ не стало. Два раза возобновляли они свои покушенія — и все напрасно: они принуждены были отступить. Эти неудачи смутили нѣсколько солдатъ и военачальника. Но, во время ихъ вторичной ретирады, одинъ изъ саксонскихъ генераловъ, съ значительнымъ отрядомъ пѣхоты, кинулся ихъ преслѣдовать. Этимъ движеніемъ саксонцы помѣшали дѣйствію собственной батареи. Леопольдъ въ тотъ же мигъ воспользовался ошибкой непріятеля. Драгуны четвертой линіи бросились на встрѣчу преслѣдующимъ, опрокинули, смяли ихъ, разогнали и частію захватили въ плѣнъ; а три линіи пѣхоты ворвались въ деревню, овладѣли пагубной батареею, и заставили саксонцевъ, отстаивавшихъ деревню, положить оружіе и сдаться. Въ тоже время прусская кавалерія ударила на лѣвое крыло саксонцевъ, сбила съ мѣста непріятельскую конницу и обратила ее въ бѣгство.

Сынъ Леопольда Дессаускаго, Морицъ, который командовалъ лѣвымъ флангомъ прусской арміи и, до самаго взятія деревни, только обстрѣливалъ непріятеля, теперь тронулся съ мѣста. Съ девятью баталіонами пробрался онъ въ

полузамерзшей лощинѣ, почти выше колѣнъ въ водѣ, до Пеннериха и повелъ солдатъ на приступъ крутой скалы. Солдаты на плечахъ взнесли его на высоты.

Неожиданное появленіе пруссаковъ съ этой стороны заставило бѣжать саксонцевъ Прусская кавалерія лѣваго крыла, которая до тѣхъ поръ была отдѣлена отъ непріятеля пропастями, теперь пустилась его преслѣдовать. Такимъ образомъ саксонцы были разбиты на всѣхъ пунктахъ, пруссаки овладѣли ихъ позиціей и въ теченіе двухъ часовъ все дѣло было рѣшено—въ пользу Фридриха. Графъ Рутовскій бѣжалъ къ Дрездену; здѣсь Карлъ Лотарингскій предложилъ ему напасть на пруссаковъ вторично соединенными силами, но Рутовскій не согласился, говоря, что для спасенія арміи остаетстя только одно средство, удалиться къ богемской границѣ. Въ тотъ же день оба полководца предприняли ретираду, оставя въ столицѣ только 4,000 человѣкъ земской милиціи

Саксонская армія въ Кессельсдорфскомъ сраженіи считала 26,000 человѣкъ подъ ружьемъ, пруссаки имѣли 27,000 Съ обѣихъ сторонъ легло до 13,000; сверхъ того пруссаки взяли 4,000 плѣнныхъ и отбили у непріятеля 28 пушекъ Замѣчательно, что въ этой кровопролитной битвѣ участвовали съ обѣихъ сторонъ только отдѣльные корпуса, а главныя арміи оставались въ бездѣйствіи.

На слѣдующій день Фридрихъ съ войскомъ своимъ примкнулся къ корпусу Леопольда Дессаускаго. Онъ осмотрѣлъ поле битвы и дивился чуднымъ дѣйствіямъ своихъ солдатъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ подступилъ къ Дрездену. Столица не могла защищаться, во-первыхъ потому, что гарнизонъ ея былъ слишкомъ незначителенъ, а во-вторыхъ потому, что графъ Брюль въ мирное время приказалъ уничтожить многія укрѣпленія и на ихъ мѣстѣ развелъ паркъ, чтобы тѣмъ увеличить дворцовые сады Августа.

Саксонскіе министры прислали Фридриху капитуляцію, но онъ не хотѣлъ ее подписать. И такъ, ворота Дрездена были ему отворены безъ всякаго дальнѣйшаго условія.

18-го Декабря Фридрихъ, какъ побѣдитель, въѣхалъ въ столицу Саксоніи. Гарнизонъ былъ обезоруженъ и объявленъ военноплѣннымъ Войска въ величайшемъ порядкѣ были размѣщены по обывательскимъ квартирамъ. За продовольствіе ихъ и фуражъ платили наличными деньгами, а за малѣйшую обиду или оскорбленіе, нанесенныя жителямъ, было назначено строжайшее наказаніе. Фридрихъ объявилъ всенародно, что не хочетъ пользоваться своимъ преимуществомъ и разорять саксонцевъ за интриги и безумныя дѣйствія графа Брюля, а напротивъ, отъ души предлагаетъ свою дружбу Августу III и желаетъ только мира въ Германіи.

Тотчасъ по прибытіи въ Дрезденъ, онъ отправился во дворецъ,весьма ласково обошелся съ молодыми принцами; обнялъ ихъ дружески, успокоилъ и при-

залъ оказывать имъ всѣ королевскія почести. Такъ же милостиво обошелся онъ съ министрами Августа и съ дипломатическимъ корпусомъ. Вечеромъ король посѣтилъ театръ, а на другой день присутствовалъ на молебствіи, которое было совершено въ церкви Животворнаго креста.

Фридрихъ начерталъ мирный трактатъ и предложилъ его на разсмотрѣніе саксонскихъ министровъ. Всѣ пункты были приняты Августомъ безъ прекословія. Лишась войска, столицы, доходовъ, оставя дѣтей и министровъ въ рукахъ непріятеля, онъ не могъ болѣе торговаться, и даже самъ Брюль не умѣлъ ему подать лучшаго совѣта, какъ согласиться на всѣ условія побѣдителя.

Марія-Терезія также увидѣла, что борьба съ Фридрихомъ не приведетъ ее къ цѣли; она согласилась на уступку: графъ Гаррахъ, оберъ-канцлеръ Богеміи, былъ ею отправленъ въ Дрезденъ съ полномочіемъ заключить миръ по своему усмотрѣнію.

И такъ, чрезъ десять дней послѣ Кессельсдорфскаго сраженія, мирный договоръ былъ подписанъ въ Дрезденѣ. Австрія вторично уступала Фридриху Силезію въ потомственное владѣніе, а прусскій король за то призналъ Франца I, супруга Маріи-Терезіи, императоромъ. Августъ III обязывался: никогда болѣе не пропускать чрезъ свои владѣнія враговъ Пруссіи, заплатить 1,000,000 талеровъ контрибуціи и поддерживать въ Саксоніи протестантскую вѣру.

Въ день заключенія мира было совершено молебствіе и со всѣхъ валовъ города стрѣляли изъ пушекъ. Во все время своего пребыванія въ Дрезденѣ Фридрихъ давалъ спектакли, балы и концерты для развлеченія несчастнаго народа. Бѣдные ежедневно толпами стекались къ дворцу и получали щедрую милостыню. И въ Дрезденѣ Фридрихъ умѣлъ приковать къ себѣ самыхъ заклятыхъ враговъ своихъ внимательнымъ обращеніемъ и тою предупредительною ласкою и обходительностію, которая характеризовала его въ обществѣ. Съ сожалѣніемъ, почти со слезами, провожалъ его народъ, когда 27 Декабря онъ отправился въ Берлинъ. Прусскіе солдаты разстались съ саксонцами задушевными друзьями.

Сильно было безпокойство берлинскихъ жителей при началѣ послѣдней кампаніи; ежедневно ждали они незванныхъ гостей и трепетали за столицу Пруссіи, которая, кромѣ своей молодой и неопытной милиціи, не могла надѣяться ни на какую постороннюю помощь. За то и радость берлинцевъ была велика, при извѣстіи о мирѣ и о возвращеніи короля. Фридрихъ сдѣлался идоломъ Пруссіи. Послѣднія побѣды возвысили его сильно въ глазахъ народа: весь успѣхъ кампаніи приписывали его уму, его личной храбрости, его военнымъ дарованіямъ. Пруссаки знали, что Австрія и Саксонія въ этой послѣдней войнѣ имѣли на своей сторонѣ всѣ преимущества: и перевѣсъ силъ, и выгоды положенія, и выигрышъ времени, — и не смотря на все это, Фридрихъ возвращался въ свою

столицу увѣнчаннымъ побѣдителемъ, миротворцемъ Германіи. Торжество, которое жители Берлина приготовили для его въѣзда, походило на истинную овацію Съ самаго утра во всѣхъ церквахъ загудѣли колокола, пальба изъ пушекъ не прекращалась ни на минуту. Народная милиція протянулась въ два строя отъ самыхъ городскихъ воротъ до дворца. На всѣхъ перекресткахъ улицъ гремѣла музыка. На окнахъ и балконахъ домовъ развѣвались ковры и знамена съ эмблемами и надписями. Главные чины города и духовенство вышли за городскія ворота, на встрѣчу короля. Едва издали показалась королевская коляска, раздались трубы и литавры и сотни знаменъ ландвера и всѣхъ городскихъ сословій и цѣховъ предъ нимъ преклонились. Море народа кипѣло около коляски, въ которой Фридрихъ шагомъ ѣхалъ съ своими братьями. Молодыя дѣвушки, въ бѣлыхъ платьяхъ, шли впереди и посыпали дорогу цвѣтами, изъ оконъ и съ балконовъ летѣли въ коляску лавровые вѣнки и народъ, бросая вверхъ шапки и шляпы, впервые закричалъ: «Да здравствуетъ нашъ король! Да здравствуетъ Фридрихъ *Великій*!»

—«Никогда не видывалъ я зрѣлища умилительнѣе!» пишетъ Билефельдъ — «Роскошь дворовъ, торжества, которыя иногда рождаются по манію государей, часто бываютъ обманчивы; это родъ апоѳеозы, которую монархи сами себѣ составляютъ и гдѣ народъ является только исполнителемъ ихъ желанія, а не дѣйствователемъ по собственному побужденію. Но здѣсь не было ничего подготовленнаго: все сдѣлалось мгновенно, экспромтомъ, само собою, подъ вліяніемъ одной народной любви къ Фридриху и всеобщаго умиленія. Король былъ глубоко тронутъ привязанностію своихъ подданныхъ; на лицѣ его выражалось чувство собственнаго достоинства и счастіе быть монархомъ такого доблестнаго народа Привѣтливо кланялся онъ на обѣ стороны и только по временамъ убѣждалъ народъ, чтобъ онъ не тѣснился, остерегался лошадей и не причинилъ себѣ какъ нибудь вреда въ давкѣ. Съ тѣми, которые близко подходили къ коляскѣ, онъ вступалъ въ разговоръ и тѣмъ еще болѣе возбуждалъ всеобщій энтузіазмъ.»

Ввечеру того-же дня, когда иллюминованныя улицы кипѣли народомъ и оглашались веселымъ говоромъ и музыкой, а на окнахъ вездѣ красовалась надпись:

Vivat Fridericus Magnus!

король опять приказалъ подать экипажъ, чтобы снова прокатиться по городу. Но на этотъ разъ Фридрихъ, закутавшись въ плащь, крѣпко прижался въ уголокъ коляски и надвинулъ шляпу почти на самые глаза. Коляска неслась быстро по разнымъ маленькимъ, полуосвѣщеннымъ улицамъ и закоулкамъ, и наконецъ, въ довольно отдаленной части города, остановилась передъ крыльцомъ небогатаго домика, въ мезонинѣ котораго мелькалъ слабый огонекъ. Фридрихъ поспѣшно выскочилъ изъ коляски и сталъ взбираться по узкой и крутой лѣстницѣ. Здѣсь, на верху, въ небольшой, но чистой комнаткѣ, стояла кровать, съ

полузадернутыми бѣлыми занавѣсами. На кровати лежалъ старикъ, котораго потухающій взглядъ показывалъ, что жизнь въ немъ мерцаетъ послѣдними лучами, какъ слабый свѣтъ лампады, озарявшей скромную его келью. Фридрихъ съ жаромъ схватилъ руку умирающаго:

—Какъ!—вскричалъ онъ,—вы ли это, мой добрый, вѣрный другъ! Боже мой! въ какомъ положеніи я васъ нахожу! Въ минуту, когда я возвращаюсь домой, чтобъ успокоить утомленную душу въ вашей бесѣдѣ, чтобъ отогрѣть сердце въ вашихъ объятіяхъ, когда народъ прославляетъ мое имя и празднуетъ миръ Германіи — единственный другъ, который одинъ могъ вполнѣ оцѣнить мои теперешнія чувства,—на одрѣ болѣзни и страданія! О, это ужасно! Если бъ Бо-

гу угодно было дать мнѣ средства возстановить ваше здоровье, возвратить вамъ силы, я доказалъ бы, что моя благодарность и дружба къ вамъ способна на всякую жертву. Но жизнь человѣка въ рукѣ Божіей: станемъ надѣяться на Его святое милосердіе!

— Я еще разъ вижу ваше величество,—отвѣчалъ старикъ слабымъ голосомъ,—я слышалъ о вашей славѣ и торжествѣ народа, этаго для меня довольно: теперь я умру спокойно!

— Нѣтъ, возразилъ Фридрихъ, вы не умрете! Вамъ надо еще жить для счастія моихъ подданныхъ и для моего собственнаго. Вспомните: вы одни остались у меня изъ малаго семейства моего сердца!

Больной сдѣлалъ усиліе, чтобы схватить руку короля и поцѣловать ее; но Фридрихъ не допустилъ его до этаго. Старикъ не могъ болѣе говорить, но взоръ его выражалъ глубокое чувство скорби и благодарности; онъ зналъ, что разстается съ вѣнценоснымъ другомъ своимъ на вѣки. Фридрихъ не вынесъ этаго взора; слезы навернулись у него на глазахъ, онъ крѣпко сжалъ руку старика обѣими руками, молча наклонилъ голову, въ знакъ прощанія, и поспѣшно вышелъ.

Больной старикъ былъ его наставникъ Дюганъ. На другой день утромъ Фридриху донесли, что Дюганъ въ эту ночь умеръ. Скорбь короля о утратѣ друга обратилась въ нѣжную привязанность къ дѣтямъ покойнаго; съ этихъ поръ онъ сталъ думать о судьбѣ сиротъ съ истинною отеческою заботливостію.

Война Австріи съ Франціею продолжалась еще долгое время и кончилась въ 1748 году, Ахенскимъ миромъ. Въ мирномъ договорѣ Австрія, по требованію Франціи, вторично признала Силезію собственностію Фридриха. Но дружескія отношенія прусскаго короля и Людовика XV давно уже разрушились. Сарказмы Фридриха глубоко уязвили самолюбіе французскаго короля, который и такъ смотрѣлъ на него, какъ на врага католической церкви. На усильную просьбу Фридриха о помощи въ послѣднюю рѣшительную для Пруссіи войну, Людовикъ прислалъ ему самый обязательный и вѣжливый отказъ; онъ приводилъ такія причины, на которыя прусскому королю нечего было отвѣчать, но въ которыхъ явно обнаруживалась неохота Франціи вступаться въ его дѣла. За то Фридрихъ также вѣжливо, но съ тонкой, язвительной ироніей, извѣстилъ Людовика о заключеніи Дрезденскаго мира. Не смотря на эти личныя неудовольствія обоихъ королей, трактатъ Пруссіи съ Франціей долженъ былъ оставаться во всей силѣ до 1756 года. Но будущее обѣщало грозу неминуемую: Фридрихъ, при всей добротѣ и чистосердечіи, былъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не прощалъ обиды, а тѣмъ болѣе предательства. Въ этомъ отношеніи, англійскій посланникъ, который пріѣзжалъ въ Берлинъ для переговоровъ, по случаю Ахенскаго мира, въ донесеніи своему двору, очень вѣрно опредѣлилъ характеръ прусскаго короля, говоря:

«Сердце Фридриха, — брилліантъ, но онъ оправленъ въ желѣзо!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ И ПРАВЛЕНІЕ ФРИДРИХА, ДО СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

1. Монархъ.

ирное время возвратило Фридриха опять къ заботамъ и трудамъ государственнымъ. Одиннадцать лѣтъ спокойнаго правленія дали ему средства сдѣлать переворотъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго быта. Церковь, законодательство, политическая экономія, поземельное управленіе, науки, искусства, все пришло въ движеніе и стало быстро развиваться въ новыхъ формахъ, по новымъ идеямъ и положеніямъ. Его неутомимая дѣятельность — сдѣлалась рычагомъ, который вдругъ подвигалъ всѣ пружины многосложной государственной механики. Когда столица отдыхала еще отъ дневныхъ трудовъ, свѣчи въ уединенномъ кабинетѣ короля показывали, что онъ уже трудится для народа, и какъ заботливый отецъ жертвуетъ своимъ покоемъ думамъ о будущемъ счас-

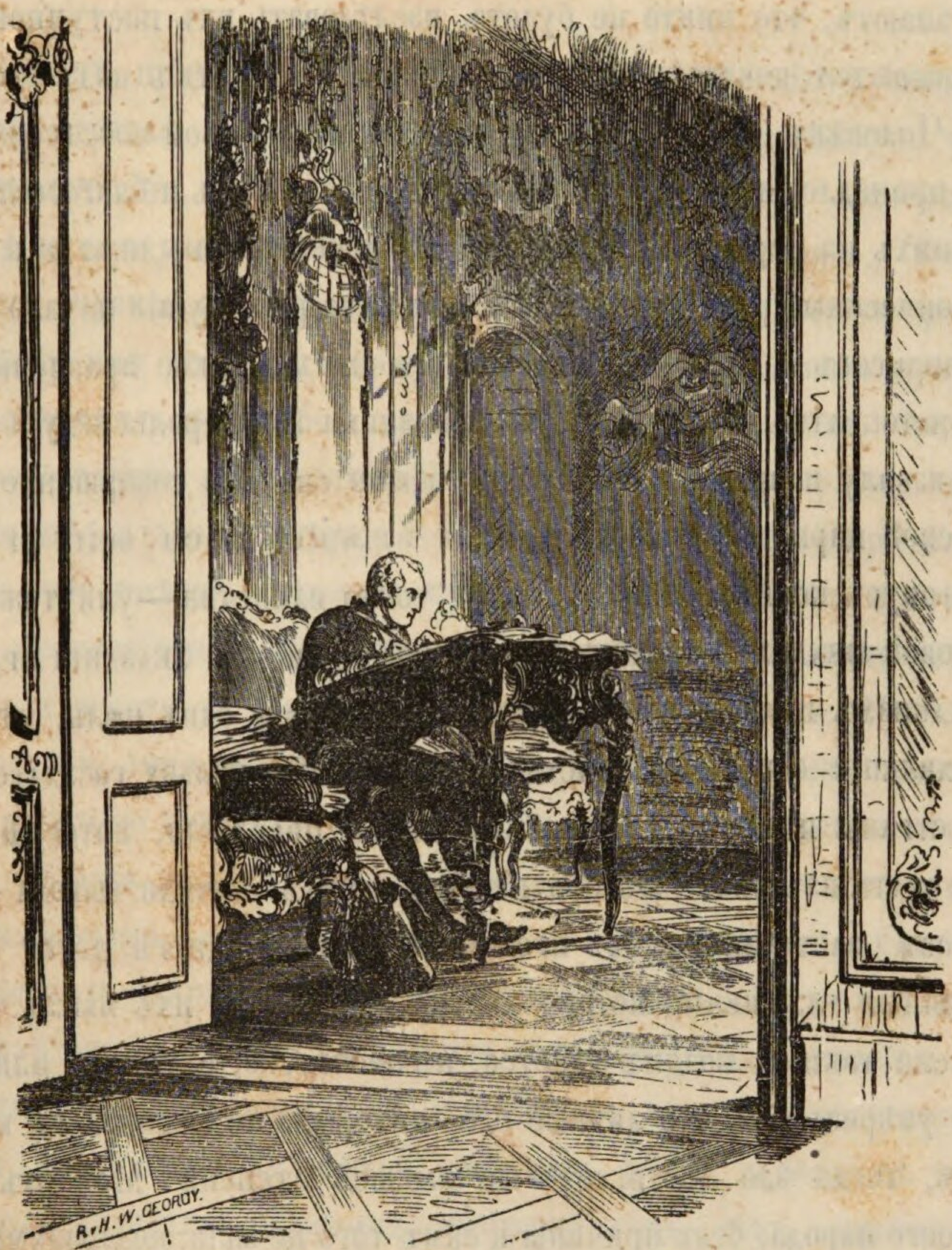
тіи своихъ дѣтей (*). Каждый день Фридрихъ вставалъ въ пять часовъ утра и до девяти, до перваго доклада, работалъ, не вставая съ мѣста, надъ новыми проэктами различныхъ улучшеній.

Не было нововведенія въ Пруссіи, которое не получило бы начала въ его свѣтломъ умѣ, въ его добромъ сердцѣ. Источникъ всего хорошаго былъ одинъ— Фридрихъ; мудрено ли послѣ этаго, что онъ съ первыхъ лѣтъ своего царствованія пріобрѣлъ народность, какою до него пользовались весьма немногіе государи. Онъ умѣлъ выбирать людей, цѣнилъ ихъ способности, награждалъ ихъ заслуги щедро, но онъ облачалъ своихъ сановниковъ только одной исполнительною властью. Всѣ они были орудіями его намѣреній и мыслей и ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ бы употребить во зло довѣрія короля, чтобъ показать народу свою силу и могущество. Въ глазахъ Фридриха всѣ подданные были равны: тѣ изъ нихъ, которыхъ онъ возвышалъ до себя, получали отличія потому только, что помогали ему заботиться о счастіи остальныхъ гражданъ, но не для того, чтобъ имѣть средства къ ихъ утѣсненію.

Они были его друзьями, — но не временщиками. Фридрихъ дѣйствовалъ открыто: онъ не ограждалъ себя отъ народа непроницаемою фалангою царедворцевъ: каждый изъ подданныхъ, безъ различія, имѣлъ къ нему свободный доступъ, каждый шелъ къ нему за совѣтомъ и помощью, и говорилъ прямо о своихъ скорбяхъ и нуждахъ. Простолюдинъ и вельможа судились и осуждались одинаково, и немилость королевская для послѣднихъ была гораздо опаснѣе, чѣмъ для первыхъ. Вотъ почему никакое зло не могло скрыться отъ его взора и ни одинъ изъ близкихъ ему людей не былъ врагомъ народа.

(*) Дежурному каммердинеру было строго предписано будить короля въ пятомъ часу ночи. Однажды Фридрихъ легъ спать позже обыкновеннаго. Въ четыре часа слуга пришелъ его будить. Королю хотѣлось еще уснуть, но слуга неотступно требовалъ, чтобъ онъ вставалъ. Фридрихъ началъ съ нимъ торговаться, прося хоть полчаса, хоть четверть часа покоя. «Ни минуты,» отвѣчалъ каммердинеръ,«если ваше величество не встанете сейчасъ же, я открою ставни, двери, и стащу съ васъ одѣяло; тогда посмотримъ, какъ вы будете почивать.» — Фридрихъ вскочилъ въ бѣшенствѣ: «Какъ ты смѣешь, мошенникъ, говорить со мной такимъ образомъ?»—«Ваше величество, я говорю съ соннымъ *человѣкомъ*, а проснется *король*, такъ онъ съ меня взыщетъ за неисправность!»—«Ты правъ,» отвѣчалъ король, смягчившись,—«приказанія короля должны быть строго исполняемы, даже въ отношеніи къ нему самому. Вотъ тебѣ за усердіе.» — И онъ подалъ ему свертокъ съ пятидесятью червонцами.

Съ другимъ каммерлакеемъ былъ такой же случай. Утомленный монархъ просилъ у него хоть десять минутъ сроку. Каммерлакей согласился и вышелъ въ переднюю. Чрезъ часъ послышался звонокъ: король проснулся. «Который часъ?» спросилъ онъ у слуги. — «Сейчасъ пробило шесть.»—«Какъ!» вскричалъ король въ гнѣвѣ, «и ты не разбудилъ меня, разбойникъ! Чѣмъ вознаградишь ты меня за этотъ потерянный часъ? Скажи, чтобъ тебя сію минуту разсчитали и потомъ не смѣй мнѣ попадаться на глаза—или берегись!»

Но пусть лучше самъ Фридрихъ пояснитъ намъ свои понятія о правительственныхъ началахъ.

Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ сочиненіи «*О различныхъ родахъ правленія и обязанностяхъ монарховъ.*» (*)

«Когда монархъ отдаетъ кормило правленія въ наемныя руки, т. е., сво-«имъ министрамъ, то одинъ тянетъ его вправо, другой влѣво. Никто не тру-«дится по общему плану: каждый министръ разрушаетъ то, что сдѣлано его «предшественникомъ, какъ бы оно хорошо ни было, чтобъ только быть творцомъ «новаго и осуществить свои идеи, хотя бы онѣ противорѣчили общему благу. Та-«кимъ образомъ безпрерывный рядъ перемѣнъ не даетъ времени укорениться и «созрѣть истинно полезнымъ учрежденіямъ. Оттого происходятъ путаница, без-«порядокъ и ошибки правленія. У виновныхъ всегда есть въ запасѣ оправданіе: «они прикрываютъ свои безразсудства новизною своихъ учрежденій; а какъ такіе

(*) «Friedrich der II. über Regierungs rten und Regentenpflichten.» Изданіе Эрнести. Мейссенъ, 1835.

«министры знаютъ, что никто не будетъ изслѣдовать ихъ поступковъ, то они и «сами остерегаются показать примѣръ строгаго слѣдствія надъ своими подчи-«ненными. Человѣкъ естественно привязывается къ своей собственности: госу-«дарство не принадлежитъ этимъ министрамъ; стало быть и благосостояніе его не «лежитъ у нихъ на сердцѣ. Все дѣлается на авось и какъ нибудь и притомъ съ «истинно стоическимъ равнодушіемъ. Въ этомъ-то равнодушіи начало упадка пра-«восудія, финансовъ и воинскаго дѣла. Изъ монархіи такое правленіе превраща-«ется въ аристократію, гдѣ министры, сановники и генералы ведутъ всѣ дѣла по «своему произволу и прихоти. Наконецъ общая система совершенно исчезаетъ, «у всякаго свой царь въ головѣ (jeder arbeitet nach seinem inn und «Kopf), а фокусъ концентраціи, главная точка единства—уничтожается. Какъ «колеса часовой механики движутся для одной цѣли, для указанія времени, такъ «и весь механизмъ правительства долженъ бы имѣть одну цѣль, чтобъ всѣ от-«расли управленія одинаково дѣйствовали на общую пользу государства: потому «что благо страны и народа главный предметъ правленія, который никогда не «должно упускать изъ виду. Въ противномъ случаѣ, личная выгода сановниковъ «и министровъ заставляетъ ихъ противодѣйствовать другъ другу и отвергать «самыя полезныя улучшенія, потому только, что это не ихъ мысль.»

«Но если такимъ людямъ удается, къ несчастію, обмануть или обморочить «государя и увѣрить его, что личные его интересы не связаны съ выгодами его «подданныхъ, тогда зло достигаетъ до высшей степени Монархъ становится «врагомъ своего народа, безъ причины и самъ того не зная; недоразумѣніе дѣлаетъ «его строгимъ, безчеловѣчнымъ; ибо, если убѣжденія его ложны, то и по-«слѣдствія ихъ не могутъ быть правдивы Государь связанъ съ государствомъ «неразрывными узами: стало быть, по неизбѣжному закону возвратнаго дѣйствія, «онъ долженъ чувствовать каждое зло, поражающее его подданныхъ; а государ-«ство, по тому же закону, необходимо страдаетъ отъ каждаго несчастія своего «монарха. Напримѣръ: когда государь теряетъ области, то онъ не въ состояніи «помогать своимъ подданнымъ такъ, какъ прежде; если онъ дѣлаетъ долги, бѣд-«ный народъ долженъ ихъ уплачивать; и напротивъ, если народонаселеніе го-«сударства не многочисленно, если оно бѣднѣетъ, государь лишается всѣхъ вспо-«могательныхъ источниковъ. Это такія неоспоримыя истины, что на нихъ не мо-«жетъ быть возраженій, а потому я повторяю: Государь представитель государ-«ства; онъ и подвластные ему народы составляютъ одно тѣло, которое не можетъ «быть счастливо, если обѣ части не связаны общими побужденіями, общими ин-«тересами. Монархъ для государства тоже, что голова для тѣла: онъ одинъ за «всѣ остальныя части обязанъ видѣть и дѣйствовать, чтобъ доставить каждой «всѣ потребныя для нея выгоды. Вотъ мои понятія объ обязанностяхъ государя:

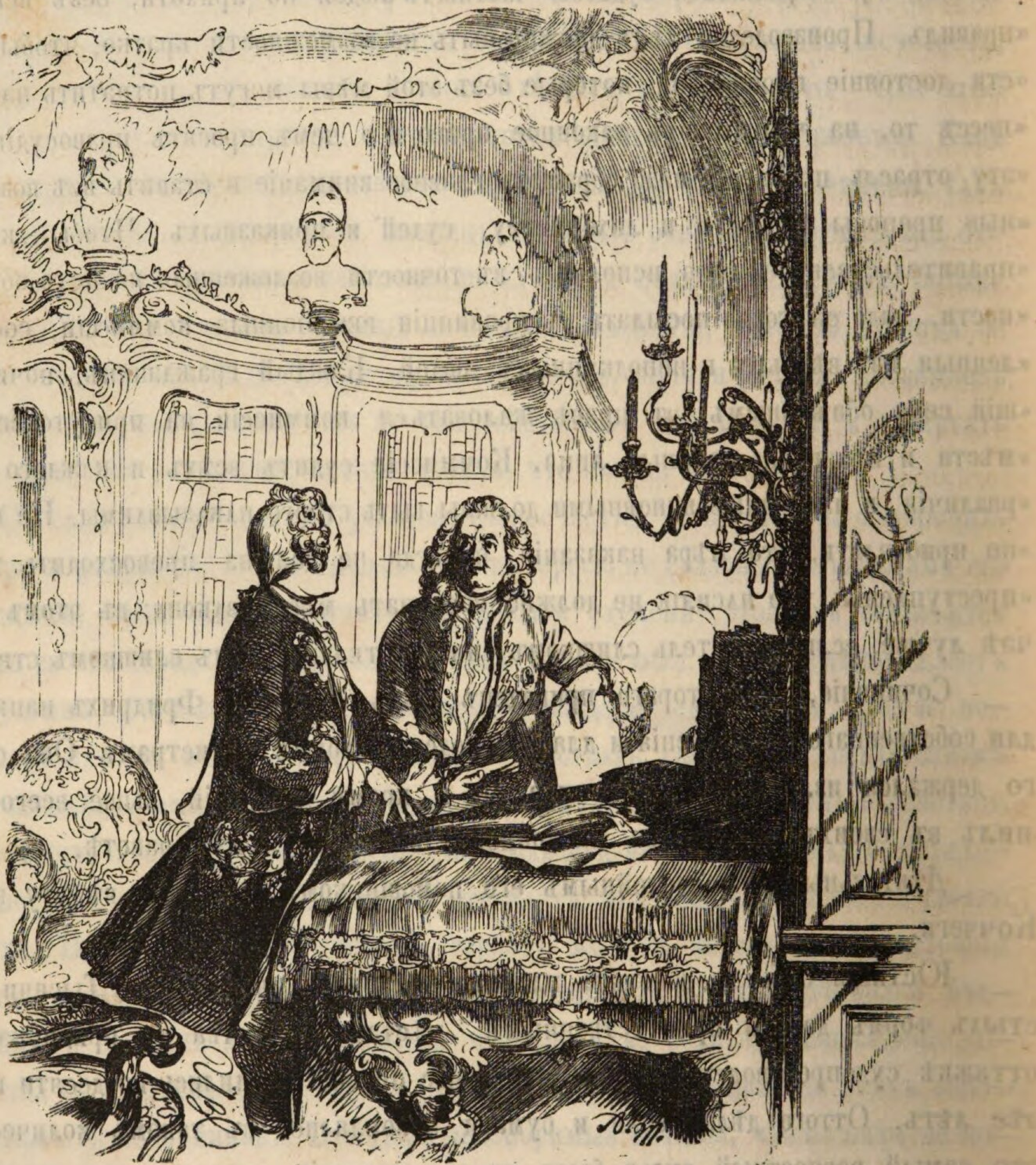
«Онъ долженъ пріобрѣсть вѣрныя и точныя свѣденія о силѣ и недо-«статкахъ своей страны, какъ въ отношеніи ея личнаго имущества, такъ и въ «отношеніи народочислія, размноженія доходовъ, торговли, законоположеній, «направленія духа и характера націи, которою хочетъ управлять. Законы дол-«жны быть ясно, кратко и точно изложены, чтобы ябеда и крючковорство (chi-«cane) не могли ими ворочать по произволу, перетолковывать духъ ихъ по «своему и распоряжаться судьбою частныхъ людей по прихоти, безъ всякихъ «правилъ. Производство дѣлъ должно быть по возможности кратко, чтобы спа-«сти достояніе просителей, которые безъ этой мѣры могутъ потратить на про-«цессъ то, на что имѣютъ законное право и о чемъ просятъ правосудія. На «эту отрасль правленія надо обращать главное вниманіе и ставить всѣ возмож-«ныя препоны алчности и лихоимству судей и приказныхъ. Чтобы каждое «правительственное лицо исполняло въ точности возложенныя на него обязан-«ности, надо ежегодно посылать въ провинціи ревизіонныя коммиссіи, состав-«ленныя изъ вѣрныхъ и неподкупныхъ людей. Каждый гражданинъ, почитаю-«щій себя обиженнымъ, въ правѣ жаловаться коммиссіи на присутственныя «мѣста и правительственныя лица. Коммиссія судитъ всѣхъ и каждаго безъ «различія и найденные виновными должны быть строго наказываемы. Не нуж-«но прибавлять, что мѣра наказанія никогда не должна превосходить мѣры «преступленія; что насиліе не должно заступать мѣста закона; въ этомъ слу-чаѣ лучше, если правитель слишкомъ снисходителенъ, чѣмъ слишкомъ строгъ.»

Сочиненіе, изъ котораго приведенъ здѣсь отрывокъ, Фридрихъ написалъ для собственнаго соображенія и для руководства своимъ министрамъ Онъ строго держался изложенныхъ имъ правилъ и, кромѣ дарованій, выше всего цѣнилъ въ своихъ министрахъ наклонность къ добру и къ правотѣ.

Дѣятельнымъ и достойнымъ его помощникомъ является въ эту эпоху Коччеги.

Юстиція была въ довольно плохомъ состояніи въ Пруссіи. Тысячи пустыхъ формъ давали присутственнымъ мѣстамъ средства къ придиркамъ и оттяжкѣ судопроизводства, такъ, что иные процессы длились по десяти и болѣе лѣтъ. Оттого дѣла росли и бумаги накоплялись въ такомъ количествѣ, что самый ревностный судья былъ не въ состояніи даже прочесть тяжебное дѣло въ годъ, не только запомнить всѣ его подробности. Какого же правосудія можно было ожидать послѣ этого? Просителю оставалось терпѣть, тратить достояніе, безпокоиться всю жизнь, обнищать и наконецъ предоставить голую правоту свою наслѣдникамъ, которыхъ наличное имущество онъ уже употребилъ на процессъ во время жизни и, стало быть, по смерти, лишилъ ихъ средствъ продолжать гибельную тяжбу. Этотъ безпорядокъ судопроизводства въ

особенности достигъ до высокой степени въ Помераніи. Съ этой провинціи началось исправленіе. Коччеги въ восемь мѣсяцевъ заставилъ такъ рѣшить 2400 дѣлъ, которыя длились по нѣскольку десятковъ лѣтъ, и очистилъ присутственныя мѣста до того, что во всей Помераніи не осталось тяжбы старѣе года. Этотъ первый опытъ вполнѣ удовлетворилъ Фридриха; онъ сдѣлалъ Коччеги великимъ-канцлеромъ и поручилъ ему исправленіе законовъ и порядка судопроизводства во всемъ королевствѣ.

Въ этомъ новомъ званіи, Коччеги, не смотря на свои преклонныя лѣта, принялся за реформу съ такою дѣятельностію, что къ концу года, во всей Пруссіи лихоимцы и законопромышленники были отставлены, мѣста ихъ заняли люди честные и благомыслящіе; въ производствѣ дѣлъ наступилъ новый порядокъ, по которому ни одинъ процессъ не могъ длиться долѣе года, въ противномъ случаѣ, сами слѣдователи и судьи подвергались суду и законному

взысканію. Разумѣется, что уголовныя дѣла составляли исключеніе изъ этаго правила. Жалованье всѣмъ чиновникамъ было утроено, а пошлина на бумагу и судопроизводство была во столько же уменьшена. Коччеги убѣдилъ короля на эту необходимую мѣру самымъ естественнымъ доводомъ:—«Чтобъ чиновники не брали взятокъ, говорилъ онъ, должно сперва обезпечить ихъ собственную жизнь. Не всѣ изъ нихъ порочны, но каждый хочетъ ѣсть и пить, а голодъ и нужда такое зло, изъ котораго чаще всего проистекаютъ преступленія. Пошлину должно уменьшить непремѣнно: правосудіе, оказываемое подданнымъ, не можетъ служить источникомъ государственныхъ доходовъ; оно второе Провидѣніе народа, которое заботится о всѣхъ безвозмездно. Иначе бѣдный человѣкъ по неволѣ долженъ терпѣть обиды и притѣсненія, потому что не имѣетъ средствъ заплатить за правоту свою.» — Фридрихъ хорошо понималъ благую цѣль своего министра и охотно утверждалъ всѣ его проэкты. Приведя въ порядокъ судопроизводство, Коччеги обратилъ вниманіе на самые законы. Въ 1749 году онъ окончилъ, по плану Фридриха, новый сводъ законовъ, основанный на положительныхъ и точныхъ началахъ, который назвалъ: «Corpus juris Fridericianum.» Въ ознаменованіе этого важнаго и благодѣтельнаго для страны труда, король приказалъ выбить медаль. На ней были представлены: богиня правосудія съ невѣрными вѣсами въ рукѣ, и Фридрихъ, который мечемъ уравновѣшиваетъ чаши. Въ «Исторіи своего времени» Фридрихъ говоритъ о Коччеги:

«Добродѣтели и честность его были достойны золотаго вѣка римской республики; по учености и просвѣщенному уму, онъ, какъ второй Трибоніанъ, былъ призванъ для законодательства и для блага народовъ.»

Пріобрѣтя новыя провинціи силою оружія, Фридрихъ началъ дѣлать завоеванія другаго рода въ собственной землѣ. Онъ сталъ думать объ увеличеніи территоріи воздѣлкою неплодоносныхъ почвъ. Одерскія болота были осушены посредствомъ плотинъ и другихъ гидравлическихъ работъ; пустынныя и глинистыя мѣста Пруссіи—обработаны и заселены. Всюду возникали новыя деревни и колоніи изъ протестантовъ, тѣснимыхъ въ католическихъ земляхъ и прибѣгавшихъ подъ защиту прусскаго короля, какъ главы протестантской церкви. Приморскія земли Остфрисландіи, въ теченіе многихъ вѣковъ потопляемыя волнами, были защищены отъ бурнаго моря плотинами и обратились въ цвѣтущія заселенія. Когда превосходная плотина на Одерѣ была готова, Фридрихъ взошелъ на нее и весело обозрѣвалъ полосатыя нивы и поля, засѣянныя хлѣбомъ, которыя возникли по его слову. «Вотъ княжество, сказалъ онъ, которое я пріобрѣлъ, не потратя капли крови, и на сохраненіе котораго мнѣ не нужно солдатъ.»

Въ Свинемюндѣ, при впаденіи Одера въ Балтійское море, онъ приказалъ устроить гавань; такимъ образомъ Штеттинъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Пруссіи. Многія судоходныя рѣки были соединены каналами, торговля оттого оживилась и отечественные продукты значительно подешевѣли. Въ тоже время, чтобы дать болѣе простору транзитной торговлѣ, Эмденъ, на Эмсѣ, былъ объявленъ свободнымъ портомъ. Фридрихъ основалъ въ немъ двѣ торговыя компаніи, азіатскую и бенгальскую, которыя находились подъ покровительствомъ прусскаго флага. Отъ всѣхъ этихъ учрежденій фабрики и мануфактуры пришли въ цвѣтущее состояніе, народонаселеніе умножилось и государственные доходы увеличились на одну треть.

При кабинетныхъ занятіяхъ Фридрихъ не оставлялъ и войска въ праздности. Безпрерывные смотры и маневры не давали солдатамъ выдти изъ рутины и служили имъ отличною школою. Фридрихъ на этихъ маневрахъ старался укоренить и лучше приспособить многія нововведенія, которыя сдѣлалъ, во время Силезскихъ войнъ, въ строевыхъ порядкахъ и въ тактикѣ. Къ нимъ особенно принадлежали фланговыя аттаки, дѣйствія кавалеріи холоднымъ оружіемъ, при подкрѣпленіи пѣхоты; движенія колоннами. Онъ принялъ въ службу многихъ венгровъ и поляковъ, которымъ поручилъ обученіе конницы, и за каждое образцовое, трудное дѣйствіе своихъ гусаръ назначалъ значительныя преміи. Ежегодно войска собирались около Потсдама въ лагерь и цѣлый мѣсяцъ употреблялся на маневры

Особенно знамениты маневры, бывшіе въ 1753 году, близъ Шпандау, на которые съѣхались многія коронованныя главы и были созваны всѣ генералы и штабъ-офицеры цѣлой Пруссіи. Здѣсь Фридрихъ близкимъ своимъ друзьямъ показывалъ на опытѣ дѣйствіе разныхъ новыхъ своихъ стратегическихъ

и тактическихъ соображеній. Но чтобъ эти дѣйствія остались тайною между нимъ и его друзьями, всѣмъ постороннимъ лицамъ доступъ на маневры былъ строго воспрещенъ. Это еще болѣе увеличило число любопытныхъ и возбудило даже безпокойство при нѣкоторыхъ дворахъ, которые полагали, что подъ видомъ маневровъ, Фридрихъ приготовляется къ какимъ нибудь враждебнымъ дѣйствіямъ. Чтобъ успокоить умы и удовлетворить любопытныхъ, Фридрихъ издалъ описаніе своихъ маневровъ и умышленно наполнилъ его всѣми возможными несообразностями и нелѣпостями.

Немногіе поняли остроумную шутку короля; а большая часть тактиковъ стали ломать голову надъ этой галиматьею, какъ надъ результатомъ глубокомысленныхъ соображеній и военной опытности.

Несмотря на безпрерывныя свои занятія военнымъ дѣломъ, Фридрихъ внутренно не любилъ войну. Сужденія его объ этомъ предметѣ такъ замѣчательны, что нельзя не привесть изъ нихъ нѣсколькихъ отрывковъ.

«Мужество воина, говоритъ онъ, кромѣ честолюбія, имѣетъ и другія «нравственныя начала. Иногда источникъ его въ самомъ темпераментѣ чело«вѣка,—въ простомъ солдатѣ это превосходное качество; иногда оно слѣдствіе «обдуманности—и въ этомъ видѣ прилично офицеру; иногда оно происходитъ «отъ любви къ отечеству, которая должна одушевлять каждаго гражданина; а «иногда началомъ ему служитъ мечта о славѣ,—такое мужество удивляетъ насъ «въ Александрѣ Македонскомъ, въ Цесарѣ, въ Карлѣ XII и въ великомъ Конде.»

«Голова генерала имѣетъ болѣе вліянія на судьбу похода, чѣмъ руки его «солдатъ. Мудрость должна прокладывать дорогу мужеству, а отвагу сбере-

«гать до рѣшительной минуты. Чтобъ заслужить похвалу знатоковъ, надо имѣть «больше искусства, чѣмъ счастія.»

«Міръ былъ бы очень счастливъ, еслибъ правосудіе, согласіе и доволь-«ство народовъ зависѣли отъ однихъ переговоровъ. Тогда употребляли бы до-«воды, вмѣсто оружія; стали бы спорить, а не убивать людей. Но печаль-«ная необходимость побуждаетъ государей приниматься за жестокія мѣры. Бы-«ваютъ случаи, гдѣ свободу народовъ, которой угрожаютъ честолюбивые за-«мыслы, нельзя защитить иначе, какъ оружіемъ; гдѣ надо брать силою, чего «неправота не хочетъ уступить добровольно; гдѣ государи, наконецъ, благо «своего народа должны отдавать на произволъ битвъ. Въ такихъ случаяхъ лож-«ная поговорка: «добрая война доставляетъ прочный міръ» — получаетъ видъ «неоспоримой истины.»

«Причина войны—дѣлаетъ ее правдивою или несправедливою. Но во вся-«комъ случаѣ она должна быть конечнымъ средствомъ въ крайней необходи-«мости, за которое надо браться съ величайшею осторожностію и притомъ толь-«ко въ отчаянныхъ случаяхъ. Надо напередъ строго изслѣдовать: что побуж-«даетъ къ поднятію оружія на ближняго—простое-ли заблужденіе честолюбія, «или основательная, неизбѣжная необходимость? Войны бываютъ различныхъ «родовъ: война оборонительная—справедливѣйшая изъ всѣхъ. Бываютъ войны «за государственные интересы, гдѣ государь долженъ защищать права своего «народа, которыя хотятъ у него отнять. Тогда процессъ двухъ народовъ пи-«шется сталью и кровью и битвы рѣшаютъ законность ихъ правъ. Бываютъ «войны изъ предосторожности и государи дѣйствуютъ весьма благоразумно, если «ихъ предпринимаютъ. Конечно, въ этихъ случаяхъ, они зачинщики, но не «менѣе того, война ихъ справедлива. Когда чрезмѣрная сила государства угро-«жаетъ выступить изъ границъ и потопить землю, благоразуміе обязано про-«тивупоставить ей сильные оплоты и остановить бурное стремленіе потока, «пока еще есть возможность Мы видимъ, какъ накопляются тучи; видимъ, «какъ зарождается гроза, какъ молніи ее предвѣщаютъ. Если государь, кото-«рому буря угрожаетъ, не можетъ отвратить ее собственными силами, то ум-«но дѣлаетъ, соединяясь съ тѣми, которые раздѣляютъ съ нимъ опасность. «Еслибъ цари Египта, Сиріи и Македоніи дѣйствовали соединенными силами «противъ римскаго могущества, Римъ никогда не разрушилъ бы этихъ мо-«нархій. Умно составленный союзъ и дружно веденная война разрушили бы «властолюбивые планы, которыхъ исполненіе поработило весь тогдашній поли-«тическій міръ.—Законъ мудрости велитъ предпочитать меньшее зло большо-«му, браться за вѣрное и оставлять неизвѣстное. Благоразумно поступаетъ «государь, когда предпринимаетъ наступательную войну, пока выборъ меж-

«ду оливой и лавровымъ вѣнкомъ еще въ его власти. Всѣ войны, которыхъ «прямая цѣль отразить несправедливыхъ завоевателей, сохранить святость правъ «народныхъ, обезпечить общую свободу и спастись отъ притязаній и насилія «властолюбцевъ; всѣ эти войны, говорю я, вполнѣ согласны съ чувствомъ спра- «ведливости. Государи, которые ихъ ведутъ, неповинны въ пролитой крови: «они дѣйствуютъ по необходимости, и въ этихъ случаяхъ война меньшее зло, «чѣмъ миръ.»

«Но каждая война сама по себѣ такъ плодовита несчастіями, успѣхъ ея «такъ невѣренъ, а послѣдствія до того пагубны для страны, что государи долж- «ны зрѣло и долго обдумывать свое намѣреніе, прежде, чѣмъ берутся за мечъ. «Я увѣренъ, еслибъ монархи могли видѣть хоть приблизительную картину бѣд- «ствій, причиняемыхъ странѣ и народу самой ничтожной войною, они бы внут- «ренно содрогнулись. Но воображеніе ихъ не въ силахъ нарисовать имъ во «всей наготѣ страданій, которыхъ они никогда не знали, и противъ которыхъ «обезпечены своимъ саномъ. Могутъ ли они, напр., почувствовать тягость на- «логовъ, которые угнетаютъ народъ? Горе семействъ, когда у нихъ отнимаютъ «молодыхъ людей въ рекруты? Страданія отъ заразительныхъ болѣзней, опу- «стошающихъ войска? Всѣ ужасы битвы или осады? Отчаяніе раненыхъ, ко- «торыхъ непріязненный мечъ или пуля лишаютъ не жизни, но членовъ, слу- «жившихъ имъ единственными орудіями къ пропитанію? Горесть сиротъ, по- «терявшихъ родителей, и вдовъ, оставшихся безъ подпоры? Могутъ ли они, на- «конецъ, взвѣсить всю важность потери столь многихъ для отечества полезныхъ «людей, которыхъ коса войны преждевременно снимаетъ съ лица земли? — «Война, по моему мнѣнію, потому только неизбѣжна, что нѣтъ присутствен- «наго мѣста для разбора несогласій государей.»

Какъ всѣ воинственные монархи, Фридрихъ полагалъ, что государь есть первый воинъ государства и потому самъ долженъ предводительствовать вой- сками. «Этого требуютъ его польза, его долгъ и его слава!» говоритъ онъ. «Какъ въ мирное время онъ глава правосудія, такъ въ военное онъ долженъ быть защитникомъ и хранителемъ своего народа; а это столь важная обязан- ность, что онъ никому не можетъ ее довѣрить, кромѣ себя. Когда онъ самъ при войскѣ, распоряженія и исполненіе ихъ идутъ рука объ руку съ вели- чайшей быстротою. Между военачальниками не можетъ быть несогласій, а они имѣютъ часто самое пагубное вліяніе на войска; кромѣ того, личный его при- смотръ водворяетъ порядокъ при устройствѣ магазиновъ, въ системахъ про- довольствія и муниціонной, безъ которыхъ и самъ Цесарь, въ главѣ 100,000 солдатъ, ничего бы не сдѣлалъ. Присутствіе государя оживляетъ духъ вой- ска и внушаетъ солдатамъ довѣріе и смѣлость.»

Фридрихъ изучилъ войну, какъ немногіе полководцы, и въ сочиненіяхъ его можно найти полный курсъ военнаго искусства. Провіантская система составляла главную его заботу и онъ говорилъ: «Когда хочешь построить армію, начинай прежде всего съ желудка; въ войнѣ цѣлыя націи переходятъ съ мѣста на мѣсто; съ каждымъ днемъ рождаются у нихъ новыя потребности, которыя ежедневно должно удовлетворять, и гораздо труднѣе защитить армію отъ голода, чѣмъ отъ непріятеля. По этому въ выборѣ провіантскихъ и коммерсіатскихъ чиновниковъ надо быть очень осмотрительнымъ: если они воры и мошенники—государство много теряетъ»

Дѣлая безпрерывныя перемѣны въ составѣ, построеніи и дѣйствіяхъ войскъ, Фридрихъ не упускалъ изъ виду и самаго военнаго управленія. Строго запретилъ онъ начальствующимъ деспотическія мѣры съ подчиненными. «Солдаты мои люди и граждане, говорилъ онъ, и я хочу, чтобъ съ ними обходились по человѣчески. Бываютъ случаи, гдѣ *строгость* необходима, но *жестокость* во всякомъ случаѣ непозволительна. Я желаю, чтобъ въ день битвы солдаты меня болѣе любили, чѣмъ боялись.» Для наказаній за преступленіе дисциплины онъ издалъ новый регламентъ и военный уставъ «Чтобъ повелѣвать, надо сперва заставить уважать себя!»—говорилъ онъ и доказывалъ это правило на дѣлѣ. Однажды въ гвардейскихъ полкахъ нѣсколько горячихъ головъ составили заговоръ и рѣшились вытребовать себѣ силою нѣкоторыя льготы и права. Для этого они отправились прямо въ Сансуси, гдѣ король тогда находился. Фридрихъ издали еще ихъ увидѣлъ и, по громкому разговору и рѣзкимъ жестамъ, тотчасъ догадался, въ чемъ ихъ намѣреніе — Быстро вздѣлъ онъ шпагу, надвинулъ шляпу на глаза и пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Нѣсколько солдатъ отдѣлились отъ толпы и одинъ изъ нихъ, дерзко выступая впередъ, хотѣлъ начать рѣчь Но прежде, чѣмъ онъ произнесъ слово, король закричалъ: «Стой! ровняйся!»—Вся рота построилась въ порядокъ. Фридрихъ продолжалъ команду: «Смирно! На лѣво кругомъ! Маршъ!» и солдаты, пораженные строгимъ взглядомъ короля, молча исполняли его приказанія и спокойно вышли изъ Сансуси, радуясь, что такъ дешево отдѣлались.

Отличая воинскія заслуги своего войска, Фридрихъ не давалъ однако военному званію никакихъ особенныхъ преимуществъ предъ остальными гражданами. Строго наказывалъ онъ каждый проступокъ военнаго противъ частныхъ людей и лицъ духовнаго званія. Разъ встрѣтилъ онъ молодаго офицера въ весьма разстроенномъ видѣ «Что тобой?» спросилъ его король; «глядя на твое лицо, иной подумаетъ, что съ тобою случилось большое несчастіе?»—«Вы не ошиблись, ваше величество! отвѣчалъ молодой человѣкъ. Комендантъ Берлина, генералъ Раминъ, потребовалъ меня сегодня вечеромъ къ себѣ—и

вѣроятно я въ первый разъ попаду на нѣсколько дней подъ арестъ.»—«А что ты сдѣлалъ?» спросилъ король.—«Ничего, ваше величество: я только далъ пощечину моей глупой хозяйкѣ.»—«Гмъ!» сказалъ король и задумался. Офицеръ, ободренный снисходительностію короля, попросилъ его приказать генералу Рамину оставить это дѣло и тѣмъ избавить его отъ отчаянія. «Любезный другъ, сказалъ король, ты вѣрно плохо знаешь генерала Рамина: съ нимъ шутить нельзя. Повѣрь, еслибъ ему кто нибудь на меня принесъ жалобу, онъ и меня бы упряталъ подъ арестъ.»

Во время Силезскихъ войнъ, монахи католическихъ монастырей не разъ вели сношенія съ непріятелемъ и передавали ему распоряженія Фридриха. Многіе генералы просили короля о позволеніи наказать вѣроломныхъ. «Боже васъ сохрани! отвѣчалъ Фридрихъ: отберите у нихъ вино, но не трогайте ихъ пальцемъ: я съ монахами войны не веду.»

Согласно съ духомъ времени, Фридрихъ давалъ офицерскіе чины преимущественно дворянамъ. Несмотря на то, и люди простаго происхожденія, отличавшіеся храбростію и рвеніемъ къ службѣ, были награждаемы званіемъ офицера, между тѣмъ, какъ нерадивые и неспособные дворяне по нѣскольку лѣтъ служили безъ всякаго повышенія. Разъ одинъ изъ значительныхъ придворныхъ, графъ П. осмѣлился письменно просить короля о производствѣ своего сына въ офицеры. На это Фридрихъ отвѣчалъ такъ: «Графское достоинство не даетъ никакихъ правъ на службѣ. Если сынъ вашъ ищетъ повышеній, то пусть изучаетъ свое дѣло. Молодые графы, которые ничему не учатся и ничего не дѣлаютъ, во всѣхъ странахъ міра почитаются невѣждами. Если же графъ хочетъ быть чѣмъ нибудь на свѣтѣ и принесть пользу отечеству, то не долженъ надѣяться на свой родъ и титла, потому что это пустяки (dieses sind nur Narrens-Possen), а имѣть личныя достоинства, которыя одни доставляютъ чины и почести.»

Фридрихъ не любилъ, когда его офицеры занимались посторонними дѣлами, въ особенности охотой, картами, стихами. «Такіе люди, говорилъ онъ, никогда не будутъ хорошими военачальниками.» (*) Король терпѣть не могъ

(*) Разъ онъ увидѣлъ въ кондуитныхъ спискахъ имя поручика Видеборна, возлѣ котораго въ графѣ была отмѣтка: *плохой солдатъ, плохой пита*. Во время смотра король пожелалъ его видѣть. Его представили. «Посмотримъ, какъ ты сочиняешь, сказалъ король: скажи мнѣ стихъ!» Видеборнъ, не думая ни минуты, отвѣчалъ:

Господь во гнѣвѣ рекъ:
Пусть Видеборнъ весь вѣкъ—
Какъ онъ себѣ ни тужитъ—
Поручикомъ прослужитъ.

когда богатые офицеры бросали деньги на пустое мотовство, щеголяли, украшали себя разными побрякушками, носили кольца, завивали волосы. «Это прилично женщинамъ и кукламъ, которыми онѣ играютъ, а не солдату, посвятившему себя на защиту отечества и на всѣ тягости походовъ», — говорилъ онъ. «Франты храбры только на паркетѣ, а отъ пушки прячутся, потому что она часто портитъ прическу.»—Нерѣдко, при представленіяхъ, онъ вычеркивалъ такихъ офицеровъ изъ списковъ. За то онъ охотно помогалъ бѣднымъ офицерамъ и часто самъ справлялся о ихъ нуждахъ. На смотру однако полка, предъ семилѣтнею войною, замѣтилъ онъ довольно возмужалаго юнкера. Онъ спросилъ командира полка о возрастѣ и службѣ молодаго человѣка, и узналъ что ему двадцать седьмой годъ и что онъ уже девять лѣтъ на службѣ. «Отчего же онъ до сихъ поръ не представленъ въ офицеры?» спросилъ король. «Вѣрно шалунъ и лѣнтяй?»—«О нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ командиръ, напротивъ, онъ примѣрнаго поведенія, отлично знаетъ свое дѣло и весьма хорошо учился.» — «Такъ отчего же онъ не представленъ?» — «Ваше величество, онъ слишкомъ бѣденъ и не въ состояніи содержать себя прилично офицерскому званію »—«Какой вздоръ! вскричалъ Фридрихъ съ гнѣвомъ. Бѣденъ! Объ этомъ слѣдовало мнѣ доложить, а не обходить чиномъ достойнаго человѣка. Я самъ позабочусь объ его содержаніи; чтобъ онъ завтра же былъ представленъ въ офицеры.» Съ этихъ поръ молодой человѣкъ поступилъ подъ королевскую опеку: изъ него вышелъ отличный генералъ.

Сколько Фридрихъ былъ строгъ въ взысканіяхъ по службѣ, столькоже онъ былъ справедливъ въ наградахъ и наказаніяхъ. Никакая клевета не могла въ глазахъ его повредить человѣку достойному, за то и никакое заступничество не спасало виновнаго. Одинъ поручикъ былъ посланъ за границу съ значительной суммой денегъ, чтобъ купить тамъ хорошихъ лошадей для ремонта. Онъ началъ кутить и проигралъ казенныя деньги.

Его отдали подъ судъ и приговорили къ трехлѣтнему тюремному заключенію. Два генерала, изъ первыхъ любимцевъ короля, стали просить Фридриха о пощадѣ виновнаго, представляя, что онъ ихъ близкій родственникъ и что слѣдовательно позоръ его падаетъ на всю фамилію.

Фридрихъ улыбнулся. «Я докажу тебѣ, что ты ошибаешься: Богъ не говорилъ этаго, — ты капитанъ! Ну, скажи поскорѣе еще стихи.» Видеборнъ отвѣчалъ безъ запинки:

Знать Божій гнѣвъ смягченъ:
Я капитаномъ нарѣченъ.
Еще-бъ обмундировка....
Такъ было-бъ очень ловко.

«Хорошо, сказалъ король, обмундировку ты получишь; только смотри, больше стиховъ не писать, а не то Господь опять прогнѣвается и ты не пойдешь дальше.»

«Такъ онъ вашъ близкій родственникъ?» спросилъ король.—Точно такъ, ваше величество, отвѣчалъ одинъ изъ генераловъ. Онъ мой родной племянникъ, и со смерти отца до самаго вступленія въ полкъ, воспитывался у меня въ домѣ.—«Право? такъ онъ тебѣ такъ близокъ! И притомъ еще воспитанъ такимъ честнымъ и благороднымъ человѣкомъ. Да! Это даетъ дѣлу другой видъ: приговоръ надо измѣнить. Я прикажу содержать его въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока я увѣрюсь, что онъ совершенно исправился.» Просители остолбенѣли отъ изумленія; такого оборота они совсѣмъ не ожидали. «Повѣрьте мнѣ» — продолжалъ король въ серьозномъ тонѣ,— «если человѣкъ изъ такой фамиліи и при такомъ воспитаніи, способенъ на преступленіе, хлопотать объ немъ не стоитъ: онъ совершенно испорченъ и на исправленіе его надежды нѣтъ.»

Съ плѣнными Фридрихъ обходился болѣе, чѣмъ великодушно. Онъ умѣлъ почтить въ нихъ несчастіе и старался сколько можно своими милостями вознаградить имъ утрату отечества. Онъ такъ былъ увѣренъ въ ихъ преданности къ себѣ, что смѣло пополнялъ ими свои войска, и не было примѣра, чтобъ иностранецъ измѣнилъ прусскому знамени. Плѣнные видѣли въ немъ великаго вождя, справедливаго монарха и привязывались къ нему душой и тѣломъ. Раненые составляли всегда и вездѣ первую его заботу. Во второй Силезской войнѣ, чтобъ спасти 300 человѣкъ раненыхъ, находившихся въ Будвейсѣ, Фридрихъ пожертвовалъ цѣлымъ отрядомъ въ 3000 человѣкъ. Этотъ поступокъ, заслужившій порицанія всѣхъ тактиковъ, есть прекрасное свидѣтельство великодушнаго и человѣколюбиваго сердца короля. Многіе упрекали Фридриха, что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для быстраго движенія войска, жертвовалъ своими ранеными; но историкъ Прейсъ самыми разительными доводами и примѣрами доказалъ, что эта вопіющая клевета. Лучшимъ доказательствомъ его заботливости о несчастныхъ жертвахъ войны служитъ, построенный имъ, обширный инвалидный домъ въ Берлинѣ, который онъ украсилъ превосходной надписью: «Laeso et invicto militi (*).» Здѣсь было все придумано для спокойствія бѣдныхъ инвалидовъ, а двѣ церкви, протестантская и католическая, устроенныя при этомъ благодѣтельномъ заведеніи, давали страждущимъ миръ душевный Но не объ однихъ воинахъ думалъ король, и о семействахъ ихъ заботился онъ со всею теплотою сердца. Вдова одного заслуженнаго офицера написала разъ къ королю, что она страдаетъ неизлечимою болѣзнію, а дочери ея принуждены доставать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, но что онѣ слабаго сложенія и потому она страшится за ихъ

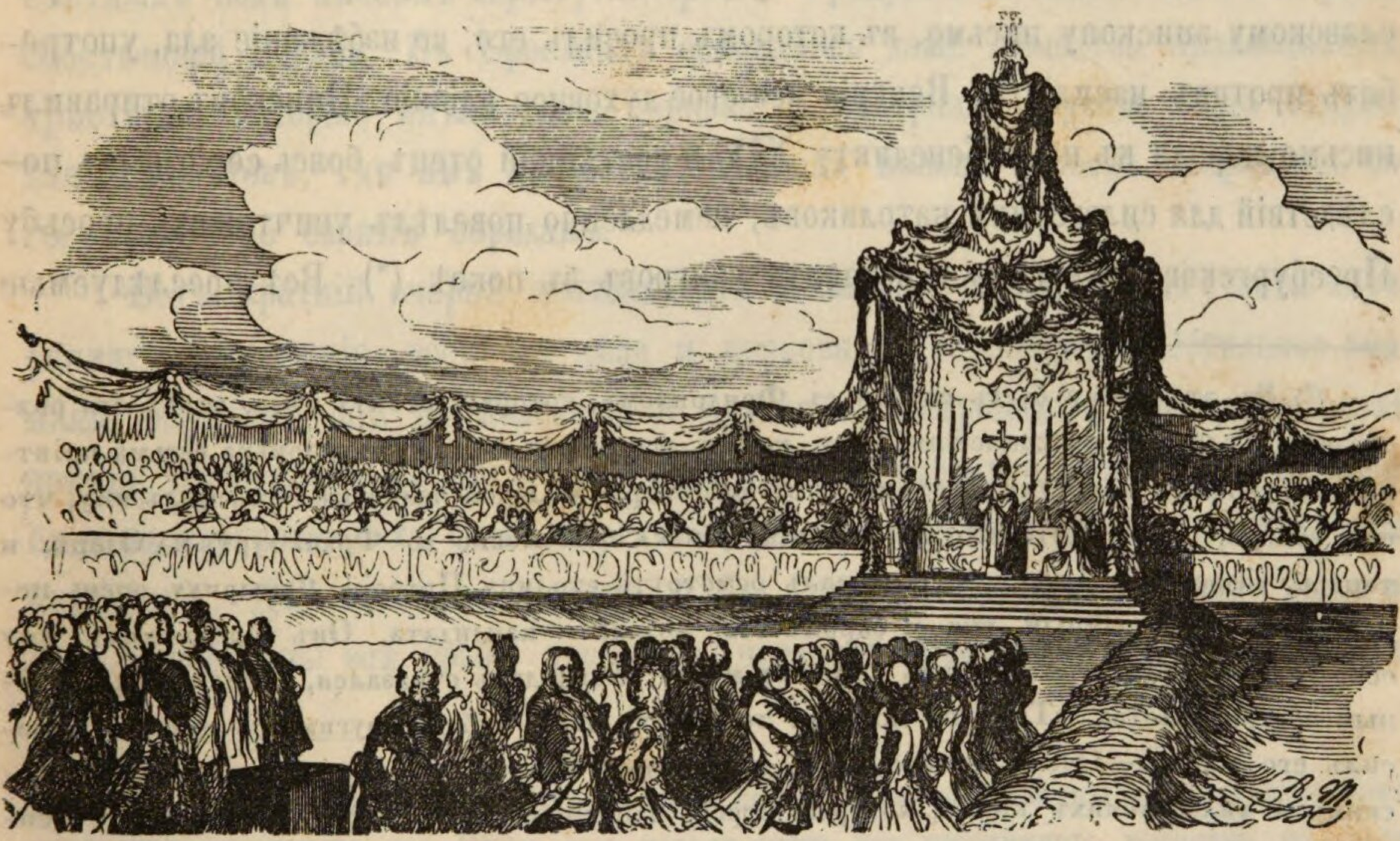
(*) *«Раненому, но непобѣжденному воину.»*

здоровье и жизнь. «А безъ нихъ, прибавила она, я должна умереть съ голоду! Прошу ваше величество о скорой помощи!»—Король немедленно написалъ ей въ отвѣтъ: «Сердечно сожалѣю о вашей бѣдности и о печальномъ положеніи вашего семейства. Для чего вы давно уже не отнеслись ко мнѣ? Теперь нѣтъ ни одной вакантной пенсіи, но я обязанъ вамъ помочь, потому что мужъ вашъ былъ честный человѣкъ и потеря его для меня очень прискорбна. Съ завтрашняго дня я прикажу уничтожить у моего вседневнаго стола одно блюдо; это составитъ въ годъ 365 талеровъ, которые прошу васъ принять предварительно, пока очистится первая вакансія на пенсіонъ.»

Фридрихъ имѣлъ необыкновенную память. Онъ никогда не забывалъ тѣхъ, кто отличился храбростію или сдѣлалъ проступокъ, хотя бы они были простые солдаты Первые, рано или поздно, получали непремѣнно награду; послѣдніе никогда не могли надѣяться на помилованіе и забвеніе прошедшаго. Разъ, одному старому сержанту опредѣлили пенсію и назначили мѣсто. Когда опредѣленіе его представили на утвержденіе короля, тотъ вспомнилъ, что этотъ сержантъ за 15 лѣтъ до того, въ войнѣ 1744 года, уличенъ былъ въ низкомъ поступкѣ противъ своихъ солдатъ и въ жестокости съ плѣнными. Вмѣсто подписи на представленіи, Фридрихъ нарисовалъ на немъ висѣлицу и отослалъ назадъ.

Въ отношеніи къ церковному управленію Фридрихъ всегда держался правила, которое самъ изложилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Слѣпое пристрастіе къ какому нибудь вѣроисповѣданію (фанатизмъ) есть тиранъ, опустошающій земли; вѣротерпимость, напротивъ, нѣжная мать, которая объ нихъ печется и даетъ имъ миръ и счастіе.» Никогда не касался онъ въ своихъ повелѣніяхъ сущности религій, а отмѣнялъ только нѣкоторыя наружныя формы, которыя, по его политическому и религіозному воззрѣнію, не согласовались съ цѣлями его правленія. Такъ измѣнилъ онъ, напримѣръ, поминаніе о королѣ, на эктеніяхъ. Вмѣсто прежней формы: «И помяни, Господи, его величество нашего благочестиваго короля (тутъ слѣдовало имя)», Фридрихъ приказалъ говорить: «И въ особенности помяни, о Господи, униженнаго раба твоего, нашего короля.» Пріобрѣтеніе Силезіи, страны, по преимуществу католической, дало Фридриху возможность показать свою религіозную терпимость во всей ея силѣ. Въ глазахъ его не было различія между католиками и протестантами, всѣ его подданные пользовались равными правами и духовенство обѣихъ церквей одинаково пользовалось его милостями за усердіе и ревность къ исправленію народной нравственности. Католическая вѣра не только не была утѣсняема въ Пруссіи, но получала даже всѣ средства къ отправленію сво-

его богослуженія во всемъ свойственномъ ей блескѣ. Король одаривалъ щедро церкви и монастыри, и въ 1747 году построилъ въ Берлинѣ великолѣпный храмъ для католиковъ. Закладка происходила въ его присутствіи, со всею пышностію и приличными случаю церемоніями.

Но Фридрихъ строго преслѣдовалъ прозелитизмъ. Обращеніе протестантовъ въ латинскую вѣру онъ почиталъ непозволительнымъ злоупотребленіемъ католическаго духовенства и не щадилъ виновныхъ. «Богъ отецъ всѣхъ смертныхъ безъ различія»—говорилъ онъ;—«всѣ религіи, исповѣдующія Его величіе и милосердіе, равны предъ Всевышнимъ Судіею, и не намъ принадлежитъ судить христіанскія убѣжденія, и давать тому или другому преимущество» Будучи сильнѣйшимъ изъ протестантскихъ государей, Фридрихъ почиталъ себя главою реформатской церкви и постоянно наблюдалъ за ея выгодами и единствомъ. Наслѣдный принцъ Гессенъ-Кассельскій перешелъ къ католической церкви: Фридрихъ актомъ обязался сохранить народу евангелическое вѣроисповѣданіе. Когда католическій принцъ Фридрихъ Виртембергскій женился на принцессѣ Бранденбургскаго дома, Фридрихъ также формально поручился виртембергцамъ, что грядущіе ихъ государи будутъ лютеранскаго закона. Послѣ первой войны съ Австріею, протестантскіе венгры обратились къ Фридриху съ жалобой на религіозныя притѣсненія. Онъ тотчасъ отправилъ къ вѣнскому двору посольство съ требованіемъ, чтобы венграмъ была предоставлена полная свобода вѣроисповѣданія и богослуженія. Въ вѣрящей грамотѣ онъ называлъ себя прямо *протекторомъ* реформатской церкви и грозилъ употребить такія же непріязненныя мѣры съ католиками, въ Силезіи, если его просьба не будетъ ува-

жена австрійскимъ правительствомъ. Вѣнскій кабинетъ отвѣчалъ, что въ Венгріи никакихъ утѣсненій протестантамъ не дѣлалось, и что онъ позаботится, чтобъ и впредь не было причинъ къ жалобамъ. Не смотря на то, послѣ второй Силезской войны, утѣсненія увеличились и Пресбургскій эпископъ требовалъ даже отъ императрицы совершеннаго уничтоженія *еретиковъ*. Тогда Фридрихъ написалъ Бреславскому эпископу письмо, въ которомъ просилъ его, во избѣжаніе зла, употребить противъ насилія въ Венгріи все свое духовное вліяніе. Эпископъ отправилъ письмо короля къ папѣ Бенедикту XIV и святѣйшій отецъ, боясь серіозныхъ послѣдствій для силезскихъ католиковъ, немедленно повелѣлъ уничтожить просьбу Пресбургскаго эпископа и оставить венгровъ въ покоѣ (*). Всѣ преслѣдуемые

(*) Въ это время былъ случай съ Фридрихомъ, который стоитъ того, чтобъ его разсказать. Гуляя въ потсдамскомъ саду, король встрѣтилъ молодаго человѣка весьма пріятной наружности и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Молодой человѣкъ объяснилъ ему, что онъ венгръ, протестантскаго исповѣданія, учился богословію во Франкфуртѣ на Одерѣ, и теперь, возвращаясь на родину, желалъ осмотрѣть столицу Пруссіи. Фридриху очень понравились образованный умъ и скромность молодаго кандидата. Онъ предложилъ ему остаться въ Пруссіи и обѣщалъ хорошее мѣсто. Кандидатъ отказался, ссылаясь на семейныя обстоятельства. «Такъ не могу ли тебѣ быть чѣмъ нибудь другимъ полезенъ?» спросилъ его король.—Очень можете, ваше величество! Я купилъ себѣ нѣсколько богословскихъ и философскихъ книгъ, которыя строго запрещены въ Австріи, а какъ тамъ цензура поручена іезуитамъ, то ихъ у меня непремѣнно отберутъ. Я бы желалъ....—«Довольно, сказалъ король, я тебя понимаю. Возьми всѣ свои книги, накупи себѣ еще, если хочешь, и отправляйся съ Богомъ. Если ихъ у тебя отнимутъ, скажи, что книги эти мой подарокъ. На это конечно не посмотрять, но все равно. Ступай тогда къ моему посланнику и разскажи ему нашъ теперешній разговоръ. Потомъ найми себѣ квартиру въ лучшей гостинницѣ Вѣны, но слышишь ли, въ *лучшей*, и проживай тамъ не менѣе трехъ червонцевъ въ день; если можешь, такъ и болѣе, но только *не меньше*. Тамъ ты пробудешь до тѣхъ поръ, пока они принесутъ тебѣ книги на домъ, а что они принесутъ ихъ, за это я ручаюсь. Но только, Боже тебя сохрани, если ты будешь тратить меньше трехъ червонцевъ!» Король велѣлъ ему подождать и скоро вынесъ ему клочекъ бумаги, на которомъ было написано: «*Для прожитія на нашъ счетъ въ Вѣнѣ. Фридрихъ.*» Эту бумагу ты отдашь моему посланнику» — Затѣмъ Фридрихъ пожелалъ ему счастливаго пути, увѣрилъ его, что онъ получитъ въ Венгріи приходъ, поклонился и ушелъ. Какъ король предвидѣлъ, такъ и случилось: книги были отобраны у бѣднаго кандидата. Онъ исполнилъ въ точности приказъ короля и зажилъ въ Вѣнѣ, припѣваючи. Въ тоже время отъ Фридриха послѣдовалъ приказъ запечатать библіотеку іезуитской коллегіи въ Бреславлѣ и приставить къ ней часовыхъ. Іезуиты, пораженные немилостію короля, рѣшились отправить къ нему депутацію. Фридрихъ заставилъ ихъ прождать въ Потсдамѣ нѣсколько недѣль, а на аудіенціѣ объявилъ, что они могутъ узнать причину его приказанія отъ прусскаго посланника при вѣнскомъ дворѣ, прося притомъ поклониться отъ него ихъ тамошнимъ сотоварищамъ, господамъ цензорамъ.

Депутація возвратилась ни съ чѣмъ въ Бреславль и оттуда принуждена была снова отправиться за разрѣшеніемъ загадки въ Вѣну. Посланникъ объявилъ, что онъ, къ сожалѣнію, не можетъ имъ ничего сказать о волѣ монарха, но что онъ знаетъ молодаго человѣка, у котораго отнятъ ящикъ съ книгами, купленными въ Пруссіи. Іезуиты тот-

за религіозныя убѣжденія, получили позволеніе поселяться въ прусскихъ владѣніяхъ. Съ 1740 года Гусситы начали переходить изъ Богеміи, и при пособіяхъ короля, основываться въ окрестностяхъ Виртемберга и Штрелена. Около Нейзальца и другихъ городовъ возникли колоніи *моравскихъ братій*, извѣстныхъ подъ именемъ *гернгуттеровъ*. Фридрихъ дозволилъ имъ построеніе собственной церкви. Въ Бреславлѣ основалось даже общество православныхъ христіанъ, которые имѣли свою церковь; а сѣверная Пруссія была открыта для менонитовъ, гдѣ имъ предоставлена была полная свобода отправлять богослуженіе по своимъ обрядамъ.

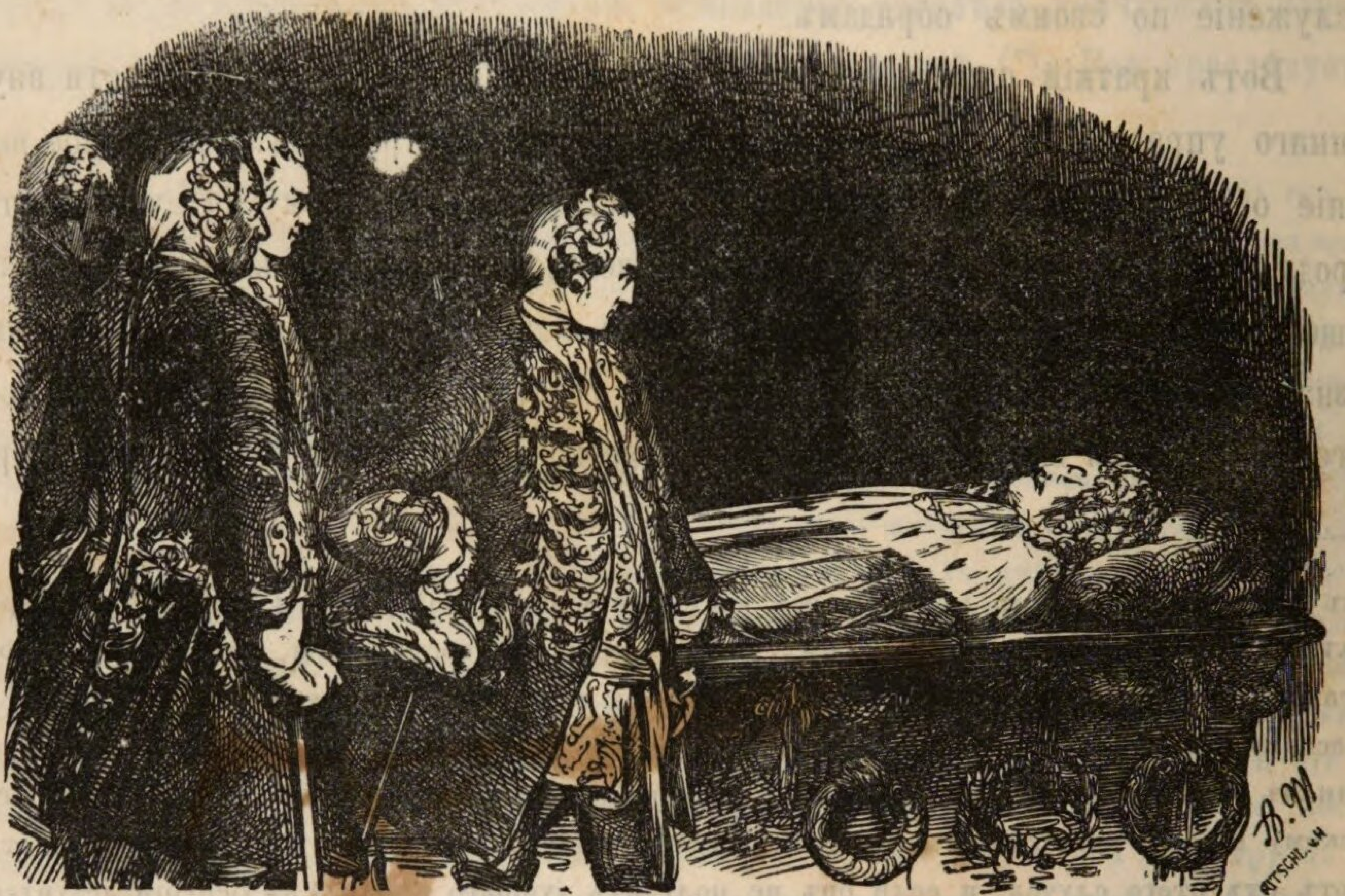
Вотъ краткій очеркъ дѣятельности и мнѣній Фридриха по части внутренняго управленія, военнаго дѣла и церковнаго устройства. Остальное вниманіе обращалъ онъ на полезныя и красивыя постройки и на удовольствія народа. Въ Берлинѣ воздвигъ онъ величественный соборъ. Старый служилъ кладбищемъ коронованныхъ главъ царствующаго дома. Новый получилъ тоже самое назначеніе. Для этого, въ январѣ 1750 года, по освѣщеніи храма, были въ него перенесены всѣ гробы усопшихъ предковъ Фридриха. Король самъ при-

часъ догадались въ чемъ дѣло. Черезъ часъ книги были возвращены кандидату, а передъ отъѣздомъ депутатовъ изъ Вѣны, имъ подали счетъ изъ гостинницы, который, по предписанію короля, они должны были заплатить за молодаго кандидата. Эта потѣха обошлась имъ въ нѣсколько тысячъ червонныхъ. По возвращеніи ихъ въ Потсдамъ, король принялъ ихъ очень ласково, приказалъ распечатать библіотеку и далъ письмо къ іезуитскому пріору, въ которомъ объявлялъ: «Если молодой кандидатъ или семья его пострадаютъ отъ этого случая, и если онъ не получитъ лучшаго прихода въ Венгріи, іезуитская коллегія въ Бреславлѣ будетъ немедленно уничтожена!»

сутствовалъ при этой торжественной церемоніи. Когда перенесли великаго курфирста Бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма, король приказалъ открыть гробъ.

Покойникъ лежалъ во всѣхъ регаліяхъ своего званія; черты лица почти совсѣмъ не измѣнились. Фридрихъ подошелъ къ гробу, взялъ руку усопшаго, долго глядѣлъ ему въ лицо, и наконецъ, обращаясь къ окружающимъ, восторженнымъ голосомъ воскликнулъ: «Господа! Этотъ много сдѣлалъ!»

Близъ Потсдама былъ построенъ новый дворецъ, названный Фридрихомъ «*Сансуси*». Почти для всѣхъ новыхъ зданій въ столицахъ Фридрихъ самъ начертывалъ планы, для которыхъ черпалъ идеи въ твореніяхъ Палладія, Пиранези и другихъ знаменитыхъ зодчихъ. Театръ берлинскій почитался однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Король ничего не жалѣлъ на роскошь сцены Отпущенная имъ Г-жа Роландъ была замѣнена превосходной танцовщицей сеньорой Барберини. Знаменитѣйшіе пѣвцы того времени Фаринелли и Пинти поступили на берлинскую сцену съ большими окладами жалованья. По описаніямъ современниковъ, Барберини была воплощенная грація; красота ея сводила всѣхъ съ ума. Но при всемъ этомъ она обладала образованнымъ, тонкимъ умомъ. Часто Фридрихъ, во время антрактовъ, заходилъ къ ней въ уборную, пить чай; иногда приглашалъ ее къ ужину, послѣ спектакля. Это почиталось особеннымъ знакомъ королевской милости, потому что Фридрихъ въ это время допускалъ въ свое общество исключительно однихъ мужчинъ. До сихъ поръ въ берлинскихъ и потсдамскихъ дворцахъ можно видѣть нѣ-

сколько портретовъ Барберини, писанныхъ знаменитымъ Пепомъ. Почти вездѣ она изображена танцующею, въ видѣ вакханки, съ тигровой кожею на плечахъ и съ тамбуриномъ въ рукѣ. Черты ея встрѣчаются даже на историческихъ картинахъ, писанныхъ по заказу Фридриха. Въ 1749 году сеньора Барберини тайкомъ вышла замужъ за сына великаго канцлера; но бракъ этотъ былъ расторгнутъ и только по смерти Фридриха признали ее въ графскомъ достоинствѣ. Король самъ часто присутствовалъ на пробахъ новыхъ пьесъ, и написалъ нѣсколько либретъ и отдѣльныхъ музыкальныхъ пьесъ для оперъ Кромѣ спектаклей, часто давались придворные праздники. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ рыцарскій турниръ, данный въ 1750 году, по всѣмъ обрядамъ и преданіямъ среднихъ вѣковъ. Турниръ происходилъ въ нарочно устроенномъ циркѣ, ночью, при великолѣпной иллюминаціи. Царицею турнира была младшая сестра короля, принцесса Амалія.

Слава Фридриха не только гремѣла по всей Европѣ, но даже пронеслась до азіатскихъ, полудикихъ народовъ. Въ томъ же году прибылъ въ Берлинъ татарскій ага посломъ отъ Крымскаго хана и брата его Буджакскаго султана для поднесенія Фридриху даровъ и съ просьбою о его дружбѣ.

Посольство церемоніальнымъ порядкомъ потянулось чрезъ городъ ко дворцу, неся на подушкахъ богатыя сѣдла, сбруи и оружіе, и ведя за собою пару превосходныхъ арабскихъ лошадей и нѣсколько верблюдовъ. Такая, небывалая въ Пруссіи, почесть еще болѣе возвысила Фридриха въ глазахъ народа.

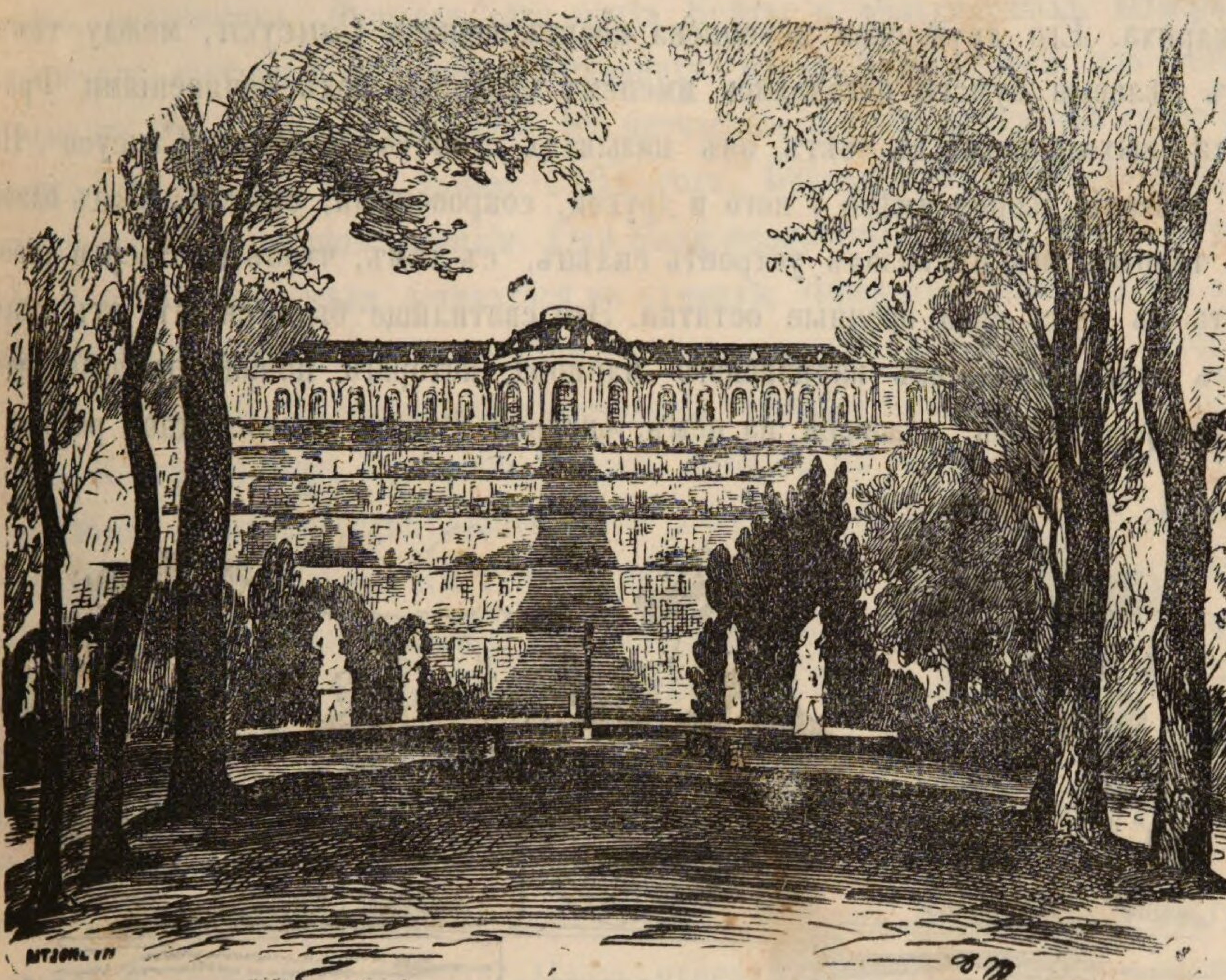

Почти трудно повѣрить, какъ Фридриху доставало времени на всѣ его разнообразныя и многосложныя занятія и труды. Но для этого онъ имѣлъ свой собственный настольный календарь, гдѣ нетолько каждому времени года, каждому мѣсяцу и дню, но даже каждому часу во дни были присвоены особенныя занятія. Все утро употреблялось исключительно на службу государственную; послѣобѣденные часы посвящены были наукамъ и литературѣ; ве-

черъ — искусствамъ. Въ промежуткахъ онъ игралъ обыкновенно на флейтѣ Часть года проходила въ разъѣздахъ по государству. Во время этихъ путешествій, по предварительному извѣщенію, собирались въ города, гдѣ онъ останавливался, главные чины провинціи, съ отчетами, и просители, которые имѣли до него нужду. Тутъ рѣшалъ онъ всѣ недоразумѣнія, отдавалъ приказанія по внутреннему управленію, принималъ жалобы и на большую часть изъ нихъ въ тоже время клалъ резолюціи. Онъ любилъ такъ-же, чтобъ купечество являлось къ нему для объясненія хода торговли и положенія промышленности въ каждой провинціи. Однажды, въ проѣздъ его чрезъ Силезію, депутаты отъ купечества объявили ему, между прочимъ, что находятъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ торговыхъ установленіяхъ, но боятся утрудить этимъ министра. Фридрихъ отвѣчалъ имъ: «Адресуйтесь во всемъ прямо ко мнѣ: я вашъ первый министръ и труда не боюсь.»

Кромѣ того, амтманъ т. е. староста каждой деревни, обязанъ былъ встрѣчать короля при въѣздѣ въ селеніе и верхомъ сопровождать его коляску. Дорогой Фридрихъ обыкновенно справлялся у него о состояніи хлѣбопашества и крестьянъ, о почвѣ земли, о главныхъ произведеніяхъ и мѣрахъ къ ихъ сбыту; и гдѣ нужно было—помогалъ совѣтомъ и деньгами.

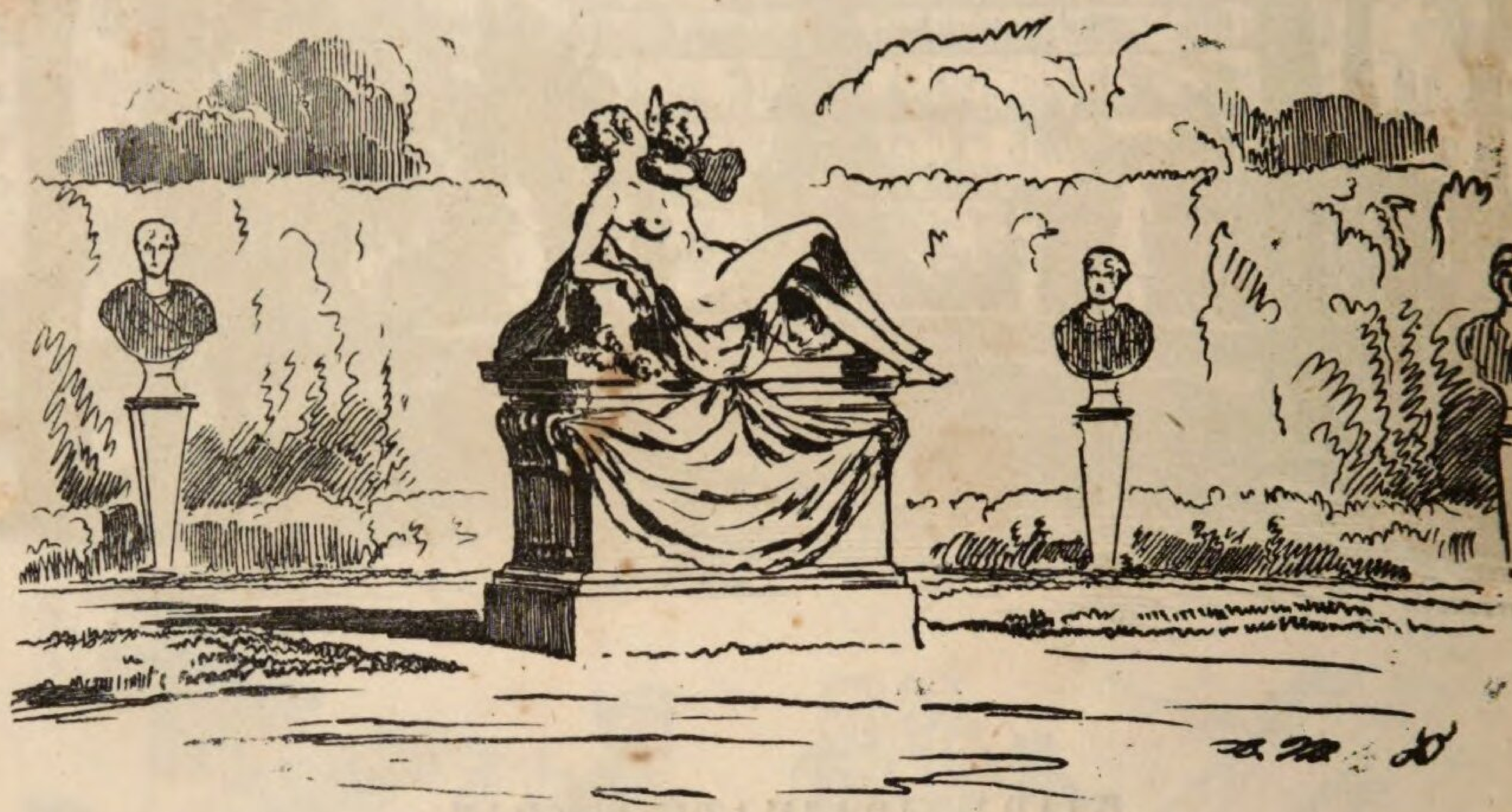

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Человѣкъ и философъ.

Во время пребыванія своего въ Потсдамѣ, Фридрихъ часто любовался прекрасными окрестностями города и наконецъ рѣшился построить себѣ дворецъ на мѣстѣ, называемомъ «королевскимъ виноградникомъ» Онъ самъ составилъ планъ строенія; въ 1745 году былъ заложенъ фундаментъ, а чрезъ два года Фридрихъ уже въ немъ поселился. Высокая гора, на которой поставленъ дворецъ, была срыта въ шесть уступовъ, образовавшихъ широкія, прекрасныя террасы. Новый дворецъ по-

лучилъ названіе «*Сансуси*». Съ этимъ именемъ сливается вся частная жизнь Фридриха. Его дружеская переписка носитъ подпись *Сансуси*, между тѣмъ, какъ дѣловыя бумаги означались именемъ столицы; подъ сочиненіями Фридриха, выходившими въ свѣтъ, онъ называлъ себя «философомъ Сансуси». Но это названіе дворца имѣло у него и другой, сокровенный, смыслъ. Подъ одной изъ террасъ онъ приказалъ устроить склѣпъ, съ тѣмъ, чтобъ по смерти успокоить въ немъ свои бренные остатки. Это святилище было скрыто отъ всѣхъ глазъ саркофагомъ изъ каррарскаго мрамора, котораго печальное назначеніе замаскировывалось, лежащей на немъ, фигурой Флоры, превосходной работы.

Одинъ разъ только Фридрихъ проговорился о настоящей цѣли склѣпа и саркофага. Гуляя по террасѣ съ однимъ изъ друзей своихъ, онъ сказалъ ему, указывая на склѣпъ: «Quand je serai là, je serai *sans souci!*» (*«Когда я буду тамъ—я буду безъ заботъ.»*) Кабинетъ его въ дворцѣ былъ такъ устроенъ, что богиня цвѣтовъ, хранительница его гробницы, всегда находилась у него передъ глазами. Въ минуты горячности стоило ему только взглянуть на нее—и гнѣвъ его тотчасъ смягчался. Этимъ вѣчнымъ *memento mori* Фридрихъ, какъ будто, хотѣлъ удерживать страсти свои въ границахъ

Въ Сансуси онъ соединялъ около себя кружокъ самыхъ искреннихъ друзей. Въ это время ближайшимъ къ нему человѣкомъ былъ маркизъ д'Аржансъ, родомъ провансалецъ, изгнанный изъ отечества за вольнодумство. Маркизъ, при отличной образованности, имѣлъ необыкновенный даръ слова и одинъ изъ тѣхъ тонкихъ и оборотливыхъ умовъ, которые характеризуютъ людей, созданныхъ для политической дѣятельности. Фридрихъ полюбилъ его за откровенный, благородный образъ мыслей, и вскорѣ отношенія его къ маркизу приняли видъ нѣжной дружбы. Другой французъ, Дарге, который служилъ при Фридрихѣ въ должности литературнаго секретаря, такъ же пользовался особен-

ной его довѣренностію. Кромѣ этихъ лицъ, всегдашними собесѣдниками короля были графъ Ротенбургъ, покрытый ранами въ дѣлѣ при Заславлѣ; Винтерфельдъ, полковникъ Форкадъ, два брата Кейты и фельдмаршалъ Шверинъ. Ротенбургъ заступилъ въ сердцѣ Фридриха мѣсто Кейзерлинга: для него у короля не было ничего завѣтнаго. Къ несчастію, и этаго друга онъ скоро лишился. Ротенбургъ умеръ зимою 1751 года. Братья Кейты происходили изъ знаменитой шотландской фамиліи. Они были ревностные приверженцы Стуартовъ и потому не смѣли оставаться въ отчизнѣ. Фридрихъ зналъ рѣдкія способности и познанія Кейтовъ; старался ихъ приманить въ Пруссію и привязать къ себѣ. Желаніе его наконецъ исполнилось. Прежде прибылъ младшій братъ Іаковъ Кейтъ; потомъ и старшій, Георгъ, который въ Шотландіи былъ лордъ-маршаломъ, а въ прусской арміи прямо получилъ фельдмаршальское достоинство. Старикъ Шверинъ, какъ намъ извѣстно, былъ уволенъ отъ службы во время второй Силезской войны. По окончаніи компаніи Фридрихъ старался съ нимъ примириться Онъ пригласилъ его къ себѣ. Шверинъ явился. Оба полководца остались одни въ кабинетѣ. Неизвѣстно, что между ними происходило при этомъ свиданіи, но дежурные офицеры и пажи слышали, что разговоръ короля и Шверина становился все громче и громче и наконецъ обратился въ такой жаркій споръ, что имъ стало страшно Но мало по малу гроза утихала и скоро все замолкло. Чрезъ нѣсколько минутъ Шверинъ вышелъ, откланиваясь королю, а Фридрихъ, провожая его, съ веселымъ видомъ сказалъ въ дверяхъ: «Ваше превосходительство, не забудьте, что мы вмѣстѣ обѣдаемъ.» Съ тѣхъ поръ прежнія отношенія ихъ возобновились и король обходился съ Шверииомъ еще милостивѣе.

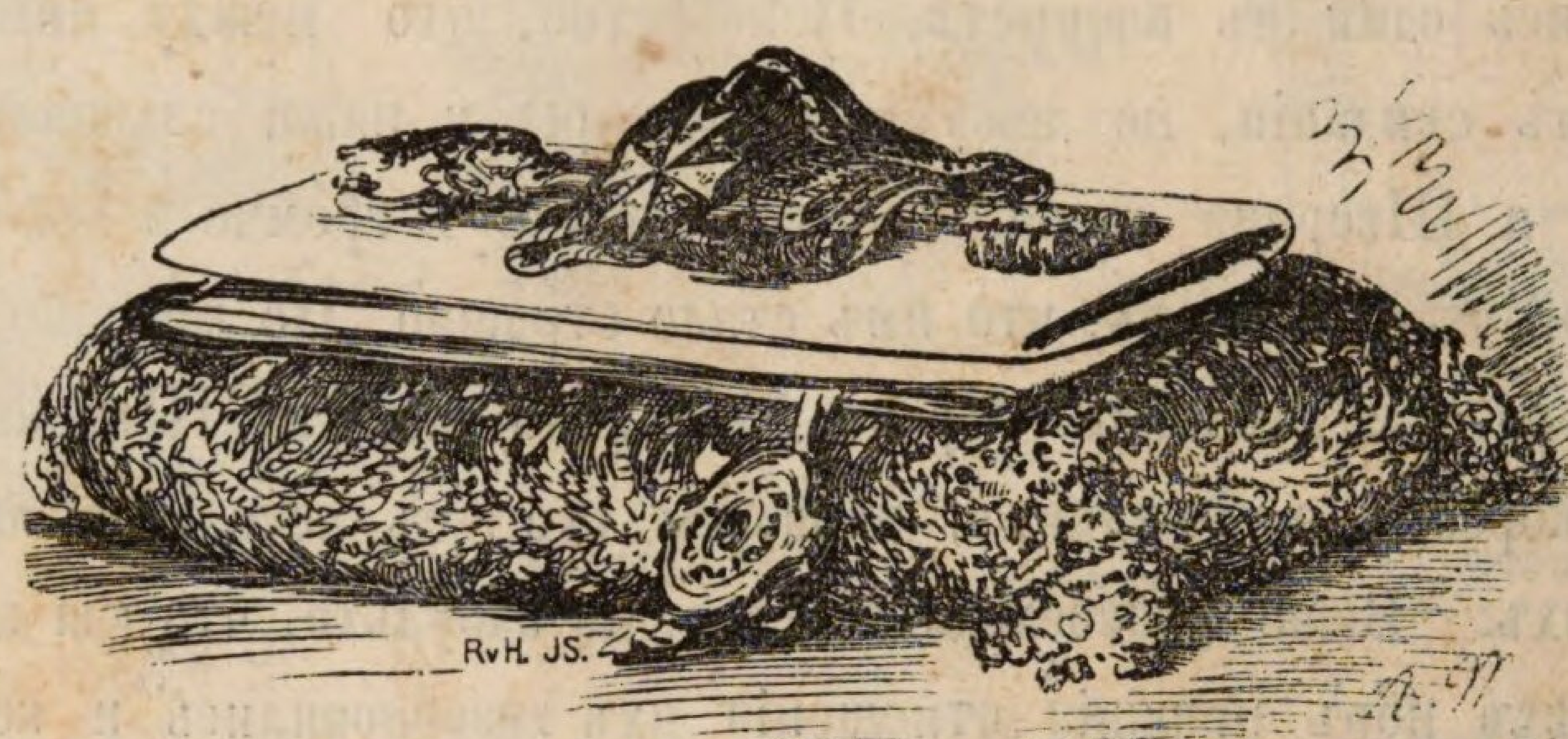
Несмотря на короткое свое обхожденіе съ друзьями въ домашнемъ быту, Фридрихъ былъ строгъ и взыскателенъ въ дѣлахъ служебныхъ. Дружба короля не давала никакихъ правъ государственному чиновнику, и на оборотъ, проступки чиновника и выговоры за то короля, нисколько не вредили ихъ дружескимъ отношеніямъ. Словомъ, въ Сансуси Фридрихъ хотѣлъ быть *человѣкомъ*, въ Берлинѣ—онъ становился *королемъ*.

«Чтобъ быть хорошимъ монархомъ, надо умѣть быть *человѣкомъ*,—говорилъ Фридрихъ;—а для этаго надо узнать на опытѣ жизнь и сердечныя потребности простыхъ людей.» Когда Ролленъ прислалъ ему свою «Всемірную исторію,» Фридрихъ написалъ ему въ отвѣтъ: «Для блага человѣчества, я бы желалъ, чтобъ ваши государи были *люди*, и чтобъ вы смотрѣли на правящихъ, какъ на гражданъ. Правители народовъ не пользуются исключительной привиллегіей *быть совершенными*—въ мірѣ, гдѣ нѣтъ ничего *совершеннаго*.»

Изъ Сансуси Фридрихъ снова писалъ къ своему литературному любимцу, Вольтеру, приглашая его переселиться въ Пруссію. «Вы для меня тоже, — говоритъ онъ въ письмѣ,—что для персидскаго шаха и великаго могола бѣлый слонъ, за котораго они ведутъ войны и который долженъ войти въ составъ титула побѣдителя. Когда вы пріѣдете сюда, то займете въ моемъ слѣдующее мѣсто: «Фридрихъ II, Божіею милостію король Пруссіи, курфирстъ Бранденбургіи, обладатель Вольтера и проч.»—Противъ такой лести Вольтеръ не устоялъ и отвѣчалъ королю:

Mon coeur et ma maigre figure
Sont prêts à se mettre en chemin;
Déjà le coeur est à Berlin,
Et pour jamais, je vous lejure.

Въ 1750 году онъ дѣйствительно прибылъ въ Сансуси, чтобы навсегда тамъ остаться. Фридрихъ далъ ему камергерскій ключъ, повѣсилъ pour le mérite на шею и назначилъ 5000 талеровъ жалованья.

Принцы, фельдмаршалы, министры, все, что только было близко къ королю, ухаживало за Вольтеромъ, какъ за верховнымъ божествомъ Пруссіи. Его присутствіе содержало всѣ умы въ напряженіи: никому не хотѣлось уступить знаменитому писателю въ ловкости выраженій, въ остроуміи, въ тонкости и граціи оборотовъ. Трагедіи его исключительно заняли придворную сцену, всѣ знали ихъ наизусть и даже въ простомъ разговорѣ приводили изъ нихъ цитаты, кстати и не кстати.

Вся обязанность Вольтера состояла въ томъ, чтобъ жить и наслаждаться жизнію среди роскоши, изобилія, почестей, въ вѣчной атмосферѣ блеска, въ вѣчномъ фиміамѣ лести и похвалъ. Весь день былъ отданъ на его произволъ, только вечеръ проводилъ онъ съ королемъ. Послѣ спектакля или концерта, Фридрихъ обыкновенно собиралъ тѣсный кружокъ друзей своихъ за веселымъ ужиномъ. Тутъ начиналась умственная война, въ которой ядра сарказмовъ и блестки остроумія сыпались со всѣхъ сторонъ и цѣлыя бомбы учености разрывались

на тысячи ловкихъ примѣненій и самыхъ острыхъ выводовъ. Разумѣется, что Фридрихъ и Вольтеръ всегда были въ главѣ воюющихъ партій и не уступали другъ другу ни одной пяди въ области своего нравственнаго преимущества.

Это были настоящіе аѳинскіе вечера, гдѣ мысль господствовала и гдѣ каждое принужденіе и всѣ церемоніи были изгнаны.

На этихъ вечерахъ Вольтеръ часто находилъ идеи и сюжеты для своихъ замысловатыхъ повѣстей; здѣсь пожиналъ онъ многія мысли для своего «Философическаго словаря.» И все, что выходило изъ подъ пера его, въ этихъ бесѣдахъ получало первую оцѣнку и очищалось, какъ золото въ горнилѣ.

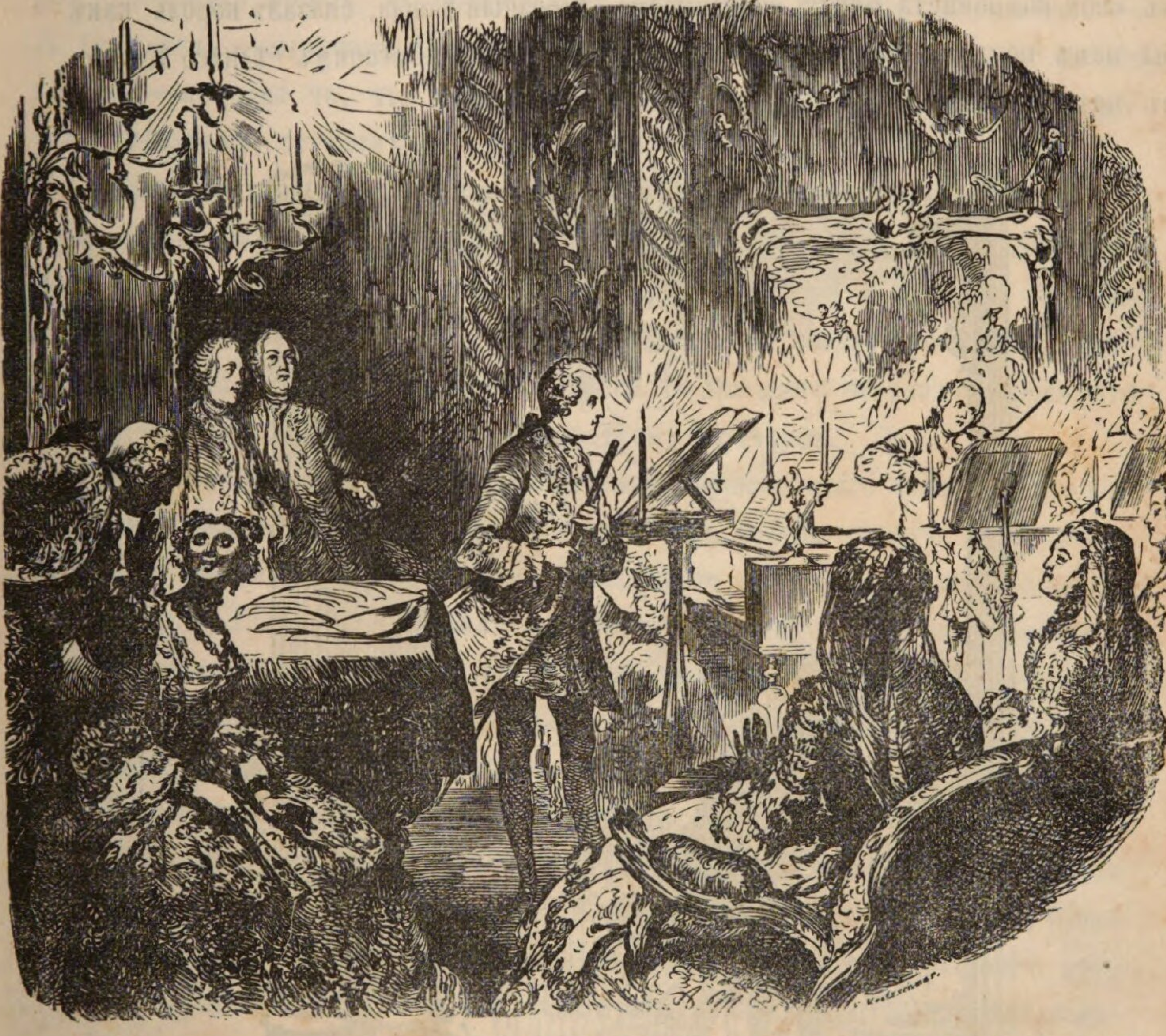
Фридрихъ ласкалъ Вольтера, но въ душевномъ расположенiи короля онъ стоялъ ниже всѣхъ его друзей и любимцевъ. Фридриху нуженъ былъ собесѣдникъ, который подкрѣплялъ бы его въ занятiяхъ науками и въ свѣтломъ умѣ котораго онъ могъ бы находить повѣрку своему мышленiю. Вольтеръ въ то время на ученомъ горизонтѣ почитался звѣздою первой величины — и онъ выписалъ Вольтера. Зная, что честолюбie и жадность составляютъ главныя стихiи его характера, Фридрихъ осыпалъ его деньгами и почестями. Плодовитая дѣятельность французскаго писателя заставляла и Фридриха съ новымъ рвенiемъ приниматься за литературные труды. Въ 1746 году король окончилъ вторую часть «Исторiи своего времени», заключающую въ себѣ вторую Силезскую войну. На слѣдующiй годъ онъ началъ свои «Историческiя записки Бранденбургскаго дома» (исторiю своихъ предшественниковъ). Отрывки изъ этого сочиненiя были имъ читаны въ засѣданiяхъ Академiи наукъ, а въ 1751 году издано въ свѣтъ полное творенiе. Кромѣ того, онъ написалъ для Академiи бiографiи нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ своихъ современниковъ и сподвижниковъ Почти въ тоже время вышла изъ печати книга, подъ названiемъ: «Сочиненiя сансусiйскаго философа.» Въ ней были собраны стихотворенiя Фридриха: оды, посланiя, «военная наука» въ стихахъ, и шуточная эпопея: «Палладiумъ.» Но всѣ эти сочиненiя раздавались только ближайшимъ друзьямъ короля. Для напечатанiя ихъ Фридрихъ завелъ свою собственную типографiю во дворцѣ, которая потому называлась *типографiею дворцовой башни* (au Donjon du Château).

Часъ до ужина былъ обыкновенно посвященъ музыкѣ. Почти каждый вечеръ составлялись придворные концерты, въ которыхъ Фридрихъ самъ участвовалъ.

Выборъ пьесъ и артистовъ зависѣлъ всегда онъ него. Оркестръ бывалъ не великъ, но составленъ изъ отличныхъ виртуозовъ.

Въ назначенный часъ Фридрихъ являлся изъ внутреннихъ покоевъ, съ нотами и флейтою, и самъ раздавалъ оркестру его партiи. По большой части разыгрывались его собственныя музыкальныя пьесы или сочиненiя учителя его Кванца, который, со времени вступленiя Фридриха на престолъ, служилъ директоромъ его придворной капеллы. Фридрихъ владѣлъ своимъ инструментомъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Особливо въ *адажiо* игра его была мягка, нѣжна, увлекательна. Въ сочиненiяхъ его музыканты удивлялись глубокому знанiю контрапункта и плодовитости фантазiи, которая превозмогала даже всѣ музыкальныя трудности. Онъ первый ввелъ въ инструментальную музыку речитативъ. Такое нововведенie почиталось тогда неслыханною дерзостiю, но скоро мысль его была принята знаменитѣйшими композиторами и раз-

работана съ большою пользою для искусства. Въ одномъ изъ такихъ речитативовъ Фридрихъ чрезвычайно удачно выразилъ мольбу о пощадѣ. Пьеса привела въ восторгъ слушателей. «Гдѣ вы берете эти звуки?» сказалъ ему восхищенный Фашъ (*) —«Въ моемъ воображеніи», отвѣчалъ Фридрихъ. «При сочиненіи этой пьесы, я представлялъ себѣ минуту, когда Волумнія, мать Коріолана, умоляетъ его удалить вольсковъ отъ Рима и спасти отечество. — Оттого она и вышла удачна.»

Признаннымъ, высокимъ талантамъ Фридрихъ всегда уступалъ право первенства и власти. Отношенія его къ Кванцу и капельмейстеру Грауну не только странны, но даже забавны. Кванцъ былъ для него не учителемъ, а истиннымъ тираномъ. За то судьба отмщала Кванцу: онъ самъ терпѣлъ жесточайшія мученія отъ жены своей, старой Мегеры, которая не менѣе его страдала отъ своей любимой собаченки. Знаменитый Бахъ, находясь однажды въ обществѣ артистовъ, предложилъ загадку: «Какой звѣрь страшнѣе всѣхъ

(*) Основатель берлинской пѣвческой Академіи.

въ Пруссіи?» Никто не могъ разрѣшить ея. Тогда Бахъ сказалъ: «Самый страшный звѣрь въ Пруссіи собачка г-жи Кванцъ. Она такъ страшна, что даже г-жа Кванцъ ея боится, а Г-жи Кванцъ боится г. Кванцъ, котораго, въ свою очередь, боится величайшій монархъ Европы, Фридрихъ Великій.»

Разъ, въ концертѣ, Фридрихъ игралъ новое свое сочиненіе. Въ одномъ мѣстѣ была ошибка противъ генералъ-басса. Кванцъ не утерпѣлъ и началъ покашливать. Король тотчасъ понялъ этотъ знакъ и послѣ концерта позвалъ къ себѣ композиста Бенду. «Подумаемъ, любезный Бенда, сказалъ король, какъ бы намъ поправить мой промахъ, а то мы, пожалуй, вгонимъ бѣднаго Кванца въ чахотку.»

При постановкѣ на сцену одной изъ новыхъ оперъ Грауна, Фридрихъ пожелалъ лично присутствовать на пробѣ. Въ тотъ день онъ былъ не въ духѣ. Прослушавъ половину оперы, онъ приказалъ подать себѣ партитуру и началъ ее крестить карандашомъ. Граунъ молча смотрѣть на все и ждалъ, чѣмъ дѣло кончится. «Все, что я вычеркнулъ, сказалъ Фридрихъ, надо выкинуть

или замѣнить чѣмъ нибудь другимъ. Эти мѣста недостойны твоего таланта и мнѣ не нравятся.» — Очень жалѣю, что не умѣлъ угодить вашему величеству, отвѣчалъ Граунъ; однако, не смотря на то, не выкину и не переправлю ни одной ноты, во первыхъ потому, что пѣвцамъ некогда переучивать партіи, а во вторыхъ, потому-что я имѣю на то свою, важнѣйшую причину, которую сообщу вашему величеству въ другое время, когда вы будете болѣе ко мнѣ расположены.—«Я къ тебѣ всегда расположенъ, любезный Граунъ,» отвѣчалъ король, «и потому хочу знать твою причину сейчасъ-же.»— А если такъ,—отвѣчалъ Граунъ, взявъ свою партитуру и указывая на нее королю,—причина та, что надъ этимъ я самъ король.—«Ты правъ, возразилъ Фридрихъ, оставимъ все по старому.»

Такъ протекала жизнь Фридриха въ Сансуси, между учеными и поэтами, въ занятіяхъ литературою, науками и музыкой. Но въ мірѣ нѣтъ прочныхъ радостей. И въ этой семьѣ людей просвѣщенныхъ и умныхъ, трудившихся, подъ всеобъемлющимъ геніемъ Фридриха, на пользу просвѣщенія, возникли раздоры, загорѣлись тайныя интриги. Болѣе всего огорчало короля, что первый его любимецъ, Вольтеръ, былъ всему причиною.

Непостоянство характера, ненасытимая корысть этаго человѣка, его непомѣрная зависть и желаніе вездѣ и во всемъ играть первую роль заставляли его противодѣйствовать даже тѣмъ, кому онъ прежде самъ покровительствовалъ. Такъ рекомендовалъ онъ Фридриху молодаго литератора Арно; король принялъ его въ секретари и скоро молодой человѣкъ своими поэтическими произведеніями заинтересовалъ въ свою пользу и короля и весь дворъ. Успѣхи Арно показались опасными Вольтеру и онъ употребилъ всѣ низости интриги, чтобы удалить его отъ двора. По его же рекомендаціи, былъ приглашенъ Фридрихомъ ученый естествоиспытатель Мауперцій, который впослѣдствіи занялъ мѣсто президента Академіи. Ученая слава и вліяніе Мауперція на короля скоро обезпокоили честолюбіе Вольтера; онъ старался вредить Мауперцію безъимянными статьями и между обоими антагонистами родилась смертельная вражда. Кромѣ того, у Вольтера завязался грязный процессъ съ евреемъ, который жаловался, что великій поэтъ обманулъ его, продавъ поддѣльные камни за настоящіе. Но всего болѣе Вольтеръ повредилъ себѣ тайными сношеніями съ иностранными послами и вмѣшательствомъ въ дѣла политическія. Фридрихъ наконецъ принужденъ былъ замѣтить ему все неприличіе его поведенія. Но Вольтеръ не унялся и возстановилъ короля противъ себя совершенно. Мауперцій, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, описалъ новое открытіе въ естественной наукѣ; другой натуралистъ доказывалъ ему, что открытіе это сдѣлано Лейбницомъ и давно уже извѣстно. Начался уче-

ный споръ, въ которомъ берлинская Академія горячо отстаивала своего президента. Вольтеръ, чтобъ нанесть сопернику жестокій ударъ, напечаталъ въ иностранной газетѣ анонимное «письмо изъ Берлина», въ которомъ осмѣивалъ ученость Мауперція. Фридрихъ, оскорбленный униженіемъ своего академика, самъ написалъ возраженіе на письмо Вольтера, гдѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ доказывалъ невѣжество, безстыдство и зависть автора. Тогда Вольтеръ сочинилъ жгучую сатиру на Мауперція, подъ названіемъ «Исторія доктора Акакія.» Фридрихъ прочелъ ее въ рукописи, очень забавлялся остроуміемъ автора, но взялъ съ него слово, что сатира не будетъ напечатана. Несмотря на то, сатира явилась въ печати, въ Дрезденѣ. Фридрихъ былъ внѣ себя отъ негодованія и тотчасъ же приказалъ объявить Вольтеру, что онъ уволенъ отъ службы. Но бѣшенство и отчаяніе Вольтера достигло до высочайшей степени, когда на другой день, предъ самыми его окнами, его *Докторъ Акакія* былъ всенародно сожженъ рукою палача.

Къ такому позору онъ не былъ приготовленъ. Онъ запечаталъ свой патентъ, орденъ и камергерскій ключъ въ пакетъ и отправилъ ихъ къ королю при письмѣ, въ которомъ старался оправдаться и сложить вину на другихъ. На это Фридрихъ ему отвѣчалъ: «Ваше безстыдство меня удивляетъ. Тогда, какъ поступокъ вашъ ясенъ, какъ день, вмѣсто сознанія вины, вы еще стараетесь оправдаться. Не воображайте, однако, что вы можете убѣдить меня въ томъ, что черное—бѣло: иногда люди не видятъ, потому, что не хотятъ всего видѣть. Не доводите меня до крайности; иначе я велю все напечатать, и тогда міръ узнаетъ, что если сочиненія ваши стоятъ памятниковъ, за то вы сами, по поступкамъ своимъ, достойны цѣпей. Я бы желалъ, чтобъ только мои сочиненія подвергались стрѣламъ вашего остроумія (*). Я охотно жертвую ими тѣмъ, которые думаютъ увеличить свою извѣстность униженіемъ славы другихъ. Во мнѣ нѣтъ ни глупости, ни самолюбія другихъ авторовъ (**).

(*) Фридриху донесли, что Вольтеръ, бесѣдуя однажды съ другими литераторами, и получа отъ него пакетъ съ стихотвореніями, сказалъ: «Извините, господа, что я васъ оставляю. Король сейчасъ прислалъ мнѣ свое грязное бѣлье—надо его поскорѣе вымыть.»

(**) Фридрихъ не слишкомъ высоко цѣнилъ свои литературныя произведенія. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ нихъ въ письмѣ къ Вольтеру: «Занятія поэзіею служатъ мнѣ отдыхомъ. Я знаю, что мои поэтическія дарованія весьма ограничены; но писать въ стихахъ для меня удовольствіе, котораго я не хотѣлъ бы лишиться, тѣмъ болѣе, что оно рѣшительно для всѣхъ безвредно: публика никогда не видитъ моихъ произведеній и стало быть не имѣетъ случая надъ ними скучать. Стихи мои не назначаются для свѣта. Они стерпимы для друзей — и этаго довольно. Я плаваю въ поэтическомъ океанѣ на пробкахъ и пузыряхъ и пишу гораздо хуже, чѣмъ мыслю; идеи мои почти всегда сильнѣе, чѣмъ выраженія. Вы, любезный Вольтеръ, пишете для славы; я пишу—для препровожденія времени. И мы оба достигаемъ цѣли, хотя различными путями. Пока солнце на небѣ, пока

Интриги писателей мнѣ всегда казались позоромъ литературы. Не менѣе того, я уважаю всѣхъ честныхъ людей, которые занимаются ею добросовѣстно. Одни зачинщики интригъ и литературные сплетники въ моихъ глазахъ—достойны презрѣнія. Молю Бога, чтобъ онъ вразумилъ васъ и помиловалъ. *Фридрихъ* »

Казалось бы, что послѣ такого письма для Вольтера все кончено при прусскомъ дворѣ, но хитрый французъ, зная нѣжныя струны сердца Фридриха, прикинулся совершенно несчастнымъ и отчаяннымъ, просилъ лишить его жизни, если у него отнята милость монарха, и умѣлъ до того разжалобить короля, что въ тотъ же вечеръ произошло примиреніе. Вольтеръ получилъ обратно всѣ знаки королевской милости. Но прежняя короткость между писателемъ и монархомъ не могла возобновиться. До Вольтера дошли слухи, что король хотѣлъ только дождаться благовиднаго случая, чтобъ уволить его совершенно и поэтому сказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ: «Когда апельсинъ начинаетъ загнивать, надо изъ него выжать сокъ, а скорлупу бросить.» Вольтеръ понялъ, что для него будетъ выгоднѣе предупредить свою отставку и сталъ проситься въ отпускъ на Пломбіерскія воды, во Францію. Король не удерживалъ его. Въ мартѣ 1753 года оба разстались друзьями и обмѣнялись слѣдующими мадригалами:

Вольтеръ написалъ:

Non, malgré vos vertus; non, malgré vos appas,
Mon âme n'est point satisfaite;
Non, vous n'êtes qu'une coquette
Qui subjugez les cœurs, et ne vous donnez pas.

Фридрихъ отвѣчалъ:

Mon âme sent le prix de vos divins appas,
Mais ne présumez pas qu'elle soit satisfaite;
Traitre, vous me quittez pour suivre une coquette;
Moi, je ne vous quitterais pas.

Фридрихъ просилъ только возвратить ему его стихотворенія и оставить въ Потсдамѣ каммергерскій ключъ и патентъ на пенсіонъ. Вольтеръ не исполнилъ желанія короля, выѣхалъ изъ города тайкомъ и едва прибылъ въ Лейпцигъ, какъ уже началъ печатать статейки, оскорбительныя для короля и его Академіи. За то, при самомъ въѣздѣ во Франкфуртъ онъ былъ схваченъ, по приказанію Фридриха, и до тѣхъ поръ содержимъ подъ стражею, пока

сохранится хоть тѣнь знанія, хоть искра вкуса, пока не переведутся головы, любящія мысль, и уши, чувствующія гармонію, до тѣхъ поръ ваше имя и творенія ваши будутъ жить въ вѣкахъ. А объ моихъ скажутъ: «Видно этотъ король былъ не совсѣмъ слабоумный! Будь онъ простымъ гражданиномъ, то могъ бы, покрайней мѣрѣ, служить корректоромъ въ какой нибудь типографіи и не умеръ бы съ голоду». Затѣмъ книгу мою бросятъ, потомъ употребятъ ее на папильотки и дѣлу конецъ.»

чемоданъ его съ требуемыми вещами прибылъ въ Берлинъ. И послѣ всего этаго, Фридрихъ былъ еще столько милостивъ, что переписывался съ Вольтеромъ и осыпалъ его подарками до самой смерти.

Другой французскій ученый, д'Аламберъ, напуганный примѣромъ Вольтера, не соглашался переселиться въ Пруссію, несмотря на самыя лестныя и заманчивыя предложенія Фридриха. Въ 1755 году король имѣлъ съ нимъ личное свиданіе въ Везелѣ, но и тутъ не удалось ему убѣдить упрямаго француза. Но между королемъ и д'Аламберомъ завязалась ученая переписка, которой содержаніе чрезвычайно любопытно. Въ ней, между прочимъ, находимъ мы случай, который прекрасно обличаетъ взглядъ Фридриха на свободу мысли и свободу печатанія. Редакторъ газеты «*Нижнерейнскій курьеръ*» въ 1771 году напечаталъ краткое извѣстіе о смерти французскаго адвоката Лоазо де Молеона. Родные адвоката нашли въ этомъ некрологѣ нѣкоторыя ошибки, и до того обидѣлись, что рѣшились, чрезъ д'Аламбера, просить Фридриха о наказаніи редактора за это оскорбленіе. Фридрихъ однимъ махомъ пера хотѣлъ образумить и д'Аламбера и честолюбивое семейство адвоката. Вотъ что онъ ему написалъ:

«Надѣюсь, что семейство де Молеонъ дозволитъ мнѣ не тревожитъ редактора Нижнерейнской газеты, потому что безъ свободы писать, разумъ остается во тьмѣ. Мнѣ кажется, что фамилія де Молеонъ обучалась въ школѣ Ле Франса де Перпиньяна (*); она полагаетъ, что глаза цѣлой Европы обращены на нее и что міръ исключительно занятъ однимъ этимъ семействомъ. Но я, живущій въ Германіи и довольно коротко знающій всѣ дѣла Европы, смѣю увѣрить фамилію де Молеонъ, что здѣсь даже никто не подозрѣваетъ о ея существованіи. Клятвенно увѣряю васъ, что въ цѣлой Германіи никто не противится дворянству этаго семейства; что для Регенсбурскаго сейма рѣшительно все равно, отъ чего умеръ адвокатъ де Мелеонъ: отъ нароста ли на сердцѣ или отъ порыва кровеносной жилы; и что наконецъ, всѣ адвокаты Парижа, всѣ его чиновники, президенты и даже самъ канцлеръ имѣютъ право жить и умереть, какъ имъ заблагоразсудится: въ Германіи обѣщаютъ даже не обращать на это вниманія.»—Но д'Аламберъ неудовольствовался такимъ отвѣтомъ и снова обезпокоилъ короля просьбою семейства де Молеонъ. Тогда Фридрихъ написалъ ему:

«Признаюсь, мнѣ очень смѣшно, что семейство незначительнаго адвоката поднимаетъ такую пыль изъ пустой генеалогической ошибки. Напро-

(*) *Ле Франсъ де Перпиньянъ* былъ самый надутый и глупый авторъ того времени, который разъ напечаталъ въ газетахъ: «Да вѣдаетъ весь міръ: король сегодня изволилъ заниматься моими сочиненіями.»

тивъ, вашъ адвокатъ или его семейство должны бы гордиться, что хоть этимъ сходствуютъ съ многими великими людьми, которыхъ генеалогія такъ же невѣрна. Но если ужъ надо непремѣнно успокоить неутѣшное семейство, то я надѣюсь, что у насъ въ Германіи найдутся ученые, которые произведутъ покойнаго адвоката, по прямой линіи, пожалуй, хоть отъ королей Леона и Кастиліи, а издатель Нижнерейнской газеты охотно помѣститъ ихъ открытіе въ своихъ столбцахъ. Вотъ все, что я могу сдѣлать для успокоенія этихъ двухъ важныхъ особъ. Горжусь такимъ посредничествомъ и непремѣнно напишу въ моихъ запискахъ: «Послѣ содѣйствія моего къ возстановленію мира между Польшею и Оттоманскою портою, я имѣлъ счастіе споспѣшествовать такъ же примиренію Молеона съ нижнерейнскимъ газетчикомъ.» Надѣюсь, что вы теперь будете мною довольны Сколько могу, хлопочу о примиреніи обѣихъ партій; я предлагаю и средства и пути, и вѣроятно достигну цѣли, если мнѣ только не будетъ труднѣе поладить съ семействомъ Молеонъ, чѣмъ съ султаномъ и его великимъ визиремъ. Уполномочиваю васъ, ко благу Европы, подписать этотъ важный миръ и тѣмъ возвратить спокойствіе и духовную свободу рейнскому издателю, безъ чего онъ не можетъ трудиться для публики.»

Фридрихъ вообще дозволялъ всѣмъ и каждому высказывать свободно свои мнѣнія, хотя бы они даже касались его собственной особы.

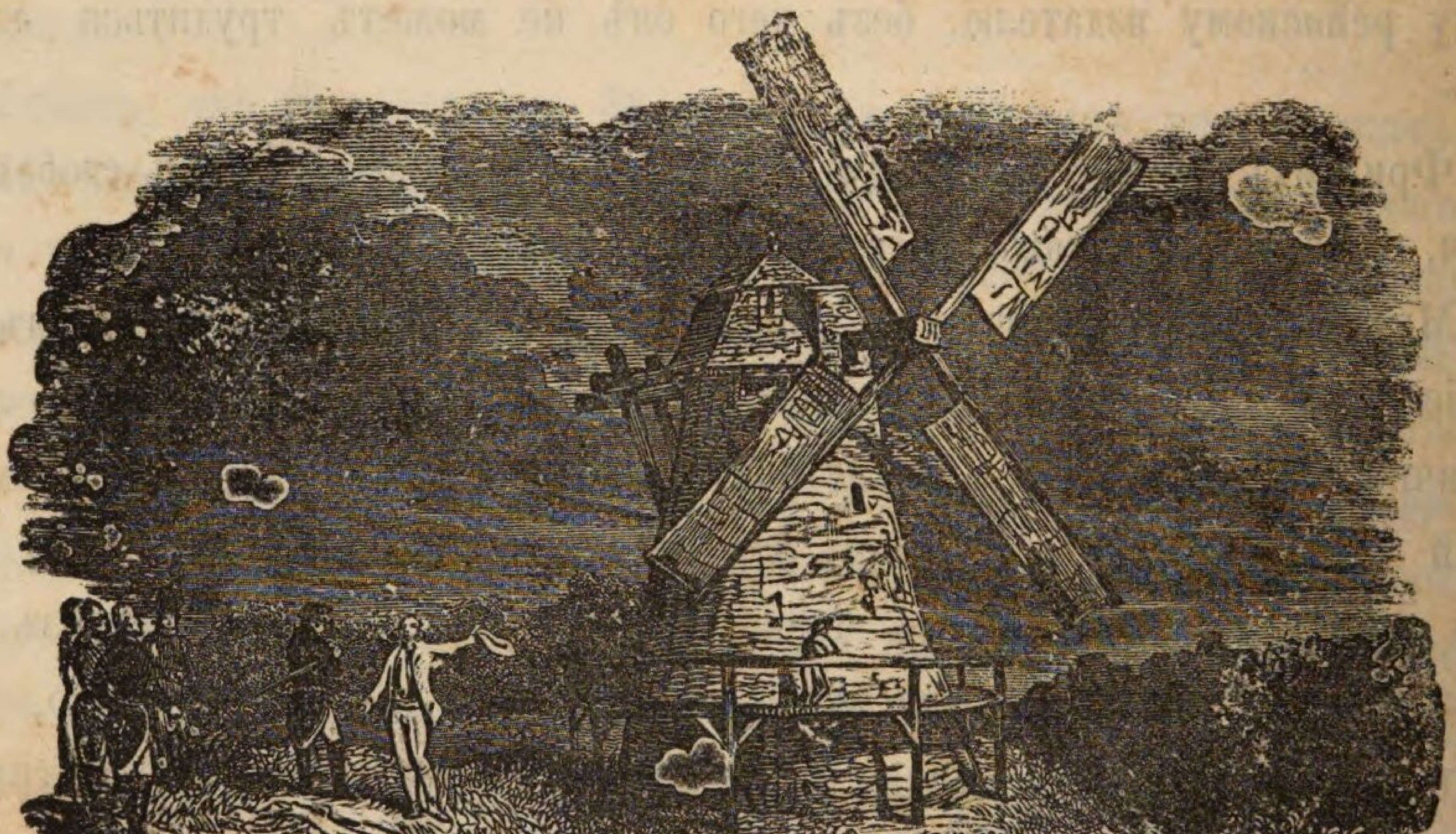
Множество анекдотовъ въ такомъ родѣ доказываютъ съ какимъ великодушіемъ и чувствомъ собственнаго достоинства онъ обходился съ людьми, его лично оскорблявшими. Магистратъ маленькаго городка донесъ ему, что жившій тамъ писатель, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, взнесъ хулу на Бога, на короля и на одного изъ членовъ магистрата. Король отвѣчалъ: «Если онъ взнесъ хулу на Бога, это знакъ, что онъ Его не знаетъ; за то, что онъ хулилъ меня—я прощаю; но за хулу на одного изъ членовъ магистрата повелѣваю посадить его немедленно подъ арестъ—на четверть часа.»

Въ другой разъ, когда королю сказали, что одинъ ученый отзывается объ немъ оскорбительно и дерзко, онъ спросилъ: «А можетъ ли онъ выставить противъ меня 200,000 войска?» — Нѣтъ, ваше величество. — «Нѣтъ? Такъ пусть его говоритъ, что угодно; языкомъ онъ мнѣ не повредитъ, а когда наговорится, то и самъ перестанетъ.»

Издатель, предпринявъ дорогое, но плохое изданіе, надѣялся на поддержку Фридриха, но король ничего не далъ и онъ понесъ значительные убытки. Въ отмщеніе онъ началъ вездѣ бранить короля.— «А сколько онъ потерялъ?» спросилъ Фридрихъ, узнавъ объ этомъ.—Около 10,000 талеровъ, ваше величество.—«О, за такую сумму онъ можетъ бранить меня гораздо больше.»

Однажды утромъ, выглянувъ въ окошко, Фридрихъ увидѣлъ у дворца множество народу. Всѣ протягивали шеи, какъ будто силились что-то разсмотрѣть. Король послалъ своего адъютанта узнать, что тамъ такое? Адъютантъ возвратился съ смущеннымъ видомъ. «Ну, что?» спросилъ Фридрихъ. — Не смѣю доложить вашему величеству ... «Что за вздоръ! Говори!» — Къ колоннѣ дворца прибита пасквиль...—«Какая пасквиль?»—На ваше величество.—«Такъ вели прибить ее пониже, чтобы всякій могъ прочесть, не свертывая себѣ шеи.»

При построеніи Сансуси, король желалъ расширить садъ, но плану его мѣшала вѣтряная мельница, которая стояла на самомъ видномъ мѣстѣ. Онъ хотѣлъ купить ее, но мельникъ не соглашался продать, не смотря на то, что король обѣщалъ ему выстроить новую мельницу и даже положить пенсіонъ. «А знаешь ли ты, что я могу взять твою мельницу насильно!» сказалъ ему король.—Попробуйте! отвѣчалъ мельникъ; развѣ въ Берлинѣ нѣтъ уголовнаго суда?—«И то правда, сказалъ Фридрихъ, видно мы дѣла не поладимъ.»—Онъ отпустилъ мельника съ подаркомъ и перемѣнилъ планъ своего сада.

Снисходя къ каждой человѣческой слабости, уважая каждое правдивое слово, прощая даже дерзость и оскорбленіе, Фридрихъ возмущался отъ неблагодарности. «Неблагодарность, говоритъ онъ, самый черный, презрѣнный, унизительный порокъ. Человѣкъ, несознающій благодѣяній, государственный преступникъ противъ общества: онъ отравляетъ святѣйшее чувство добра, истребляетъ дружбу и губитъ благороднѣйшія побужденія человѣческаго сердца. Платя зломъ за оказанныя услуги, онъ колеблетъ самое основаніе гражданскаго общества, котораго связи только тѣмъ и крѣпки, что всѣ люди слабы и нуждаются во взаимной помощи.» Оттого Фридрихъ такъ нѣжно любилъ мать свою

и уважалъ въ другихъ сыновнее чувство. Однажды, поздно вечеромъ, онъ позвонилъ въ колокольчикъ, но никто не являлся. Онъ вышелъ въ дежурную комнату и увидѣлъ, что пажъ заснулъ въ креслѣ. Онъ хотѣлъ его разбудить, но вдругъ бумага, торчавшая изъ кармана пажа, возбудила его вниманіе. Фридрихъ вытащилъ ее и увидѣлъ, что это письмо отъ матери пажа. Она благодарила сына за присылку денегъ, которыя онъ сберегъ ей изъ своего жалованья, и молилась, чтобы Господь усладилъ жизнь его также, какъ онъ услаждаетъ ея старость. Фридрихъ былъ глубоко тронутъ письмомъ. Онъ возвратился въ кабинетъ, досталъ свертокъ червонцевъ и тихонько опустилъ его вмѣстѣ съ письмомъ въ карманъ пажа. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ такъ громко позвонилъ, что пажъ проснулся и вбѣжалъ въ кабинетъ. «Ты крѣпко почивалъ!» сказалъ ему король милостивымъ тономъ. Пажъ началъ извиняться, нечаянно опустилъ руку въ карманъ — и вынулъ свертокъ съ деньгами. Блѣдный, какъ полотно, кинулся онъ къ ногамъ короля и не могъ произнести ни одного слова. «Что съ тобою?» спросилъ Фридрихъ.— Ваше величество! залепеталъ юноша, меня хотятъ погубить! Я не знаю, какъ попали эти деньги ко мнѣ въ карманъ.... — «Успокойся!» сказалъ ему король. «Господь и спящимъ посылаетъ свои милости! Какъ всеобщій отецъ, Онъ съ удовольствіемъ смотритъ на любовь дѣтей къ родителямъ и не покидаетъ благодарныхъ. Отошли эти деньги къ своей матери, кланяйся ей отъ меня, и увѣрь ее, что я позабочусь и объ ней, и объ тебѣ.»

Во время поѣздки короля въ Померанію, крестьяне одной деревни высыпали на дорогу, чтобы взглянуть на Фридриха. Вдругъ лакей короля, сидѣвшій на козлахъ, громко закричалъ и простеръ руки къ одной избушкѣ. «Что тамъ такое?» спросилъ король. — Вонъ мой отецъ и матушка, ваше величество! отвѣчалъ лакей.—«Вели остановиться, сказалъ Фридрихъ, тебѣ вѣрно хочется обнять стариковъ; ступай съ Богомъ; одинъ день я какъ нибудь обойдусь и безъ тебя, а послѣ завтра ты меня догонишь. Прогоны заплачу на мѣстѣ.»

Разъ, за столомъ у Фридриха обѣдало нѣсколько заслуженныхъ офицеровъ и въ томъ числѣ ротмистръ, который выслужился изъ простыхъ солдатъ и неоднократно доказалъ свою храбрость въ присутствіи монарха. Разговоръ зашелъ о старинномъ дворянствѣ. Одинъ генералъ разсказывалъ съ гордостію, что его отецъ былъ тайный совѣтникъ и каммергеръ Имперіи. «А кто твои предки?» спросилъ король ротмистра.—Мой отецъ простой и бѣдный крестьянинъ, отвѣчалъ офицеръ, но я не промѣняю его ни на кого въ свѣтѣ — «Умно и благородно! воскликнулъ Фридрихъ; ты вѣренъ Божіей заповѣди, и Божія заповѣдь вѣрна въ отношеніи къ тебѣ. Поздравляю тебя полковникомъ, а отца твоего съ пенсіею. Кланяйся ему отъ меня!»

Страннымъ покажется, что Фридрихъ, который такъ поощрялъ и награждалъ французскихъ ученыхъ и литераторовъ, оставался равнодушнымъ къ писателямъ отечественнымъ и не хотѣлъ даже читать ихъ сочиненій. Онъ полагалъ, что нѣмецкій языкъ неспособенъ къ выраженію сильныхъ мыслей, не можетъ имѣть граціи въ оборотахъ и такой гармоніи въ стихахъ, какъ французскій, и что германскіе ученые, наконецъ, не могутъ принесть міру никакой пользы своими трудами. Впрочемъ, взглядъ его на этотъ предметъ былъ отчасти довольно вѣренъ въ тогдашнее время. «Въ Италіи, въ Англіи и во Франціи, говоритъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, лучшіе авторы и послѣдователи ихъ писали на своемъ отечественномъ языкѣ. Публика охотно читала ихъ сочиненія и такимъ образомъ знанія ихъ становились достояніемъ цѣлаго народа. У насъ все дѣлалось наоборотъ. Наши первоклассные ученые были люди, которые изъ памяти своей дѣлали запасный амбаръ фактовъ, но за недостаткомъ собственнаго сужденія, какъ педанты, обращали все свое вниманіе на мелочи и требовали за то одобренія цѣлой Европы. Частію для того, чтобъ похвастать своей латынью, частію, чтобъ возбудить удивленіе своихъ собратій, такихъ-же педантовъ, они писали только на латинскомъ языкѣ, такъ, что ихъ сочиненія для Германіи какъ будто не существуютъ. Отъ этаго произошли два вредныя послѣдствія: во первыхъ, нѣмецкій языкъ сохранилъ всю свою ржавчину, потому что никто его не очищалъ; во вторыхъ, большая масса народа, за незнаніемъ латинскаго языка, не могла просвѣтиться и погрязла въ тинѣ невѣжества. Вотъ неоспоримыя истины. Хоть бы наши ученые иногда вспоминали, что науки составляютъ пищу души. Память принимаетъ ихъ такъ же, какъ желудокъ съѣдобье; но безъ силы сужденія, они остаются не переваренными. Если знанія *сокровища*, то ихъ не должно закапывать, а напротивъ пускать въ оборотъ, для общей пользы, а до этаго можно достигнуть только посредствомъ общаго, для всей націи понятнаго, языка. Золотой вѣкъ нашей литературы еще не наступилъ, но онъ приближается. Я его предвѣщаю, но не вкушу; какъ Моисей, я вижу обѣтованную землю, но самъ не вступлю на нее.»

Несмотря на эту антипатію къ германскимъ педантамъ, онъ однако ласкалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, убѣждалъ писать по нѣмецки и самъ указывалъ на разныя отрасли наукъ и литературы, которыя совѣтывалъ разработать. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ онъ любилъ одного баснописца Геллерта. Когда Геллертъ прочелъ королю первую свою басню, Фридрихъ воскликнулъ въ восторгѣ: «Слава Богу, вотъ это стихи! Гладко, звучно, понятно: я чувствую, что это по нѣмецки!»

Фридрихъ выходилъ изъ себя отъ негодованія, читая статьи нѣкоторыхъ

пессимистовъ, которые сомнѣвались: служатъ ли науки ко благу человѣчества, и самое просвѣщеніе не есть ли зло, ведущее къ вольнодумству и погибели государствъ?—«Какъ!»—пишетъ онъ, —«просвѣщеніе гибельно для государствъ, когда подъ его вліяніемъ созрѣла и возвысилась могущественная Римская держава, когда науки создали величайшихъ людей древности и среднихъ вѣковъ! Науки всегда дѣлали людей *человѣчнѣе*: онѣ внушали имъ чувство справедливости, кротость и отвращеніе къ насилію. Счастіе народовъ почти столько же зависитъ отъ наукъ, какъ отъ законовъ. Стыжусь вопроса, который рѣшаются предлагать такъ называемые ученые; стыжусь вѣка, въ который онъ предложенъ! Только обманщики и себялюбцы способны противиться успѣхамъ мысли, наукъ и художествъ, потому, что они для нихъ только опасны. Одна черствая душа рѣшилась бы лишить родъ человѣческій того утѣшенія и душевнаго спокойствія, которыя онъ, среди земныхъ скорбей, почерпаетъ въ наукахъ и искусствахъ »

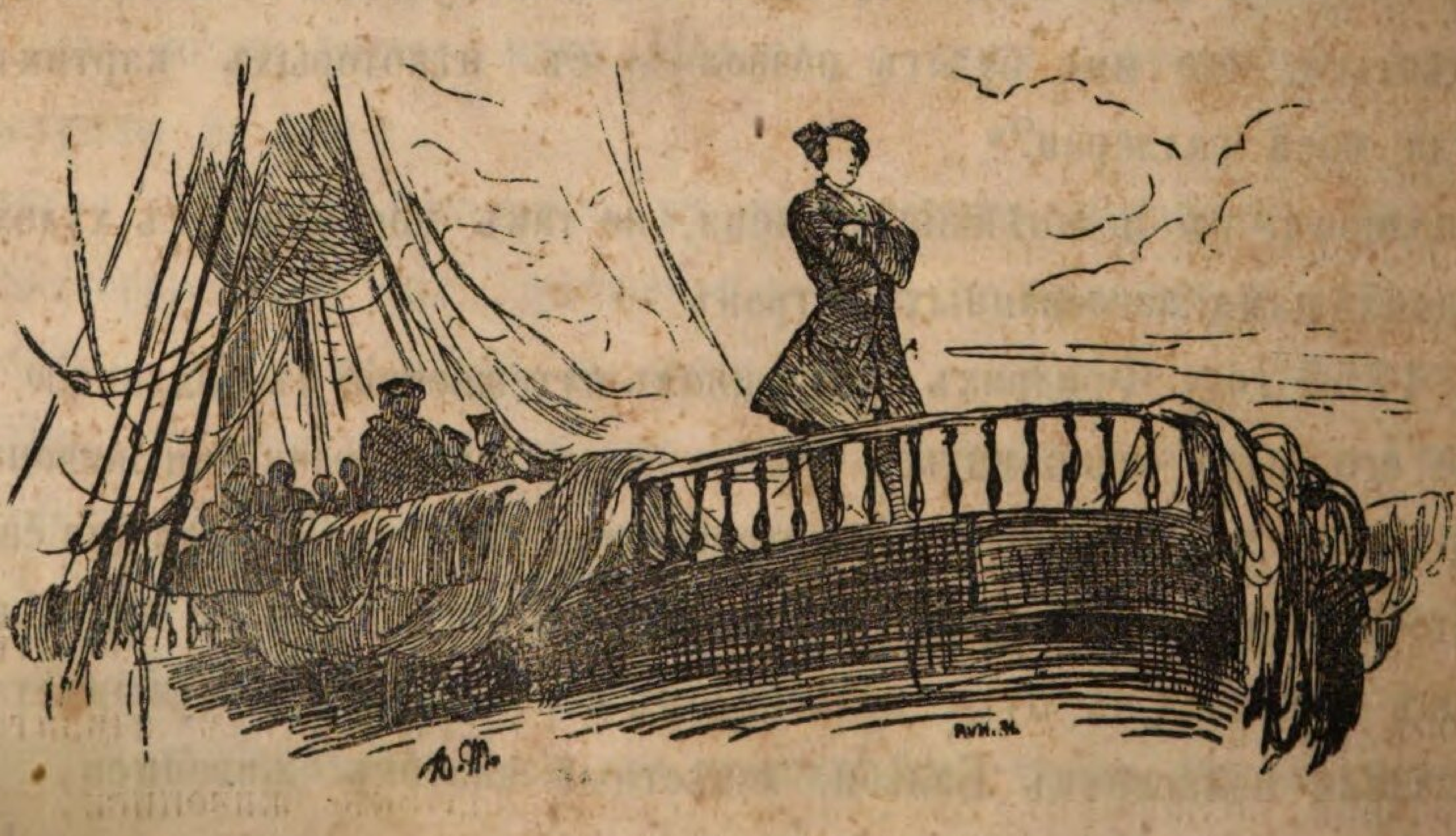
Фридрихъ страстно любилъ живопись. Основавъ въ 1755 году публичную библіотеку въ Берлинѣ, онъ началъ заботиться объ заведеніи въ Сансуси картинной галлереи. Въ короткое время накупилъ онъ до 180 превосходныхъ оригинальныхъ картинъ лучшихъ итальянскихъ и нидерландскихъ мастеровъ. Всѣмъ отечественнымъ живописцамъ задалъ онъ темы для картинъ; удачнѣйшія изъ нихъ были приняты въ галлерею и щедро заплачены. Примѣромъ того, какъ Фридрихъ уважалъ право художественной собственности, можетъ служить слѣдующій анекдотъ. Когда онъ занялъ Дрезденъ, то въ тотъ же день посѣтилъ, тогда уже знаменитую, дрезденскую галлерею. Долго останавливался онъ предъ лучшими картинами и любовался ими. Инспекторъ галлереи со страхомъ и трепетомъ слѣдовалъ за нимъ и ждалъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, что эти мастерскія произведенія сдѣлаются добычею побѣдителя. Но Фридрихъ, осмотрѣвъ всю галлерею, наконецъ обратился къ нему съ вопросомъ: «А скажите, пожалуйста, г. инспекторъ, могу ли я надѣяться, что мнѣ будетъ позволено съ нѣкоторыхъ картинъ снять копіи—для моей галлереи?»

Наполеонъ, въ позднѣйшія времена, не такъ поступалъ съ художественными хранилищами завоеванныхъ странъ.

Въ 1755 году Фридрихъ предпринялъ путешествіе въ Голландію. Главное намѣреніе его было ознакомиться съ лучшими произведеніями живописи фламандской школы и, если можно, нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣсть для своей галлереи. Чтобъ вѣрнѣе достигнуть цѣли и при покупкѣ картинъ не платить въ тридорога, онъ пустился въ путь подъ видомъ странствующаго музыканта. Свиту его составляли полковникъ Бальби, извѣстный знатокъ живописи, и пажъ.

Всѣ трое были одѣты очень просто и ѣздили въ наемномъ экипажѣ. Это инкогнито подало поводъ ко многимъ комическимъ сценамъ. Трактиръ, въ которомъ король остановился въ Амстердамѣ, славился особеннаго рода пастетами. Королю ихъ очень расхвалили и онъ тотчасъ-же по пріѣздѣ вздумалъ ихъ отвѣдать. Когда Бальби заказалъ пастетъ, хозяйка осмотрѣла его съ ногъ до головы, и объявя, что это очень дорогое кушанье, спросила могутъ ли эти господа заплатить за него.—О, будьте покойны, отвѣчалъ Бальби, вонъ тотъ господинъ, въ коричневомъ кафтанѣ, отличный виртуозъ на флейтѣ и въ одинъ часъ можетъ пріобрѣсть втрое больше, чѣмъ стоитъ цѣлая дюжина вашихъ пастетовъ.—«Право! а вотъ мы посмотримъ!» вскричала хозяйка и бросилась въ комнату короля. Она до тѣхъ поръ его мучила, пока онъ взялъ флейту и сыгралъ ей двѣ піесы.—«Да, да, сказала трактирщица, въ самомъ дѣлѣ вы свищите не дурно и можете заработать талеръ, другой. Такъ и быть! я вамъ изготовлю пастетъ.»

Изъ Амстердама Фридрихъ на простой баркѣ отправился въ Утрехтъ, чтобъ полюбоваться живописными берегами. Здѣсь познакомился онъ съ швейцарцомъ Ле-Катомъ, который въ качествѣ гувернера путешествовалъ съ молодымъ голландцемъ. Фридрихъ очень полюбилъ его за обширныя познанія и мастерское умѣнье говорить, обѣдалъ и ужиналъ съ нимъ за общественнымъ столомъ и при разставаньи выпросилъ его адресъ, говоря, что со временемъ можетъ быть ему полезенъ. Чрезъ три мѣсяца Ле-Катъ не мало изумился, получа отъ прусскаго короля письмо съ приглашеніемъ вступить въ службу при его особѣ. Но удивленіе его еще болѣе увеличилось, когда чрезъ три года, исполняя желаніе его величества, онъ явился въ Бреславь и въ королѣ Фридрихѣ Великомъ узналъ своего стараго пріятеля-флейтиста. Ле-Катъ получилъ мѣсто чтеца при королѣ и оставался при немъ болѣе двадцати лѣтъ.

Василий Васильевичъ
ИЛЬИНЪ

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СЕМИЛѢТНЯЯ ВОЙНА.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЯ.

Состояніе Европы до семилѣтней войны.

диннадцатилѣтнее спокойствіе Европы походило болѣе на тяжкій, душный лѣтній день, предвѣщающій бурю, чѣмъ на дѣйствительное успокоеніе. Ахенскій миръ, вынужденный у Австріи непреодолимой силой обстоятельствъ и значительно уменьшившій могущество и вліяніе этой державы, не могъ удовлетворить ни Маріи-Терезіи, ни видовъ Саксоніи. Возрастающая сила и значеніе Пруссіи естественно должны были безпокоить Россію, которая до тѣхъ поръ почиталась первенствующею властью на сѣверѣ Европы. Августа III тровожило положеніе Польши, отрѣзанной отъ его курфиршества полосою прусскихъ владѣній. Даже Англія не равнодушно смотрѣла на силу Фридриха, боясь за свои Гановерскія земли. Въ какихъ отношеніяхъ Пруссія находилась къ Франціи, мы уже видѣли въ предшествовавшей части.

И такъ политическая гроза была неизбѣжна. Почти во всѣ кабинеты Европы закралось тайное недоброжелательство къ Фридриху Великому: нуженъ былъ только удобный случай, чтобъ пламя войны вспыхнуло съ новою силою. Одиннадцать лѣтъ протекли въ приготовленіяхъ къ этой великой драмѣ, долженство-

вавшей обагрить западную Европу кровію и надолго нарушить ея спокойствіе. Всѣ государства были истощены и утомлены продолжительной борьбою, теперь они отдыхали, собирались съ силами, совѣщались и ладили между собою, чтобы вѣрно-расчитанными дѣйствіями не дать перевѣса *счастливому завоевателю*, какъ они называли Фридриха. Прусскій король измѣнилъ существовавшій порядокъ вещей въ европейской политикѣ и смѣло возвысилъ свой голосъ, возлѣ Австріи, которая одна располагала судьбою всей Германіи Этаго не могла ему простить Австрія; этаго не могли вынесть другія державы, которыя были увѣрены, что Фридрихъ не остановится на своихъ завоеваніяхъ, но захочетъ новыхъ пріобрѣтеній, и тогда для ихъ собственныхъ владѣній настанетъ неизбѣжная опасность. Какъ прозорливые сосѣди, они придумывали средства къ обузданію его властолюбія.

Марія-Терезія все еще печалилась объ утратѣ Силезіи, тѣмъ болѣе, что эта страна подъ мудрымъ прусскимъ владычествомъ процвѣла, украсилась и приносила втрое больше доходовъ. Возвратить ее Австріи—въ обновленномъ и улучшенномъ видѣ—сдѣлалось любимою мечтою королевы-императрицы Для осуществленія ея, она не щадила трудовъ, денегъ, даже своего самолюбія. Теперь она твердо сидѣла на престолѣ имперіи, всѣ споры объ немъ были рѣшены Ахенскимъ миромъ; надлежало только возвратить ему прежній блескъ и славу. Достигнуть этой цѣли нельзя было иначе, какъ дѣятельной и неусыпной распорядительностію внутри государства и вліяніемъ на дворы иностранные. Здѣсь Марія-Терезія является истинно великой государыней, достойной соперницей Фридриха. Стоицизмъ ея характера приводитъ въ изумленіе. Кто-то изъ философовъ сказалъ, что *честолюбіе—вторая жизнь женщины*. Въ этомъ отношеніи Марія-Терезія была вполнѣ *женщиной* и никто лучше ея не оправдалъ изрѣченія философа. Подстрекаемая честолюбіемъ, она забыла почти всѣ условія своего пола: въ теченіе одинадцати лѣтъ мы видимъ ее поперемѣнно, то въ рабочемъ креслѣ кабинета, въ трудахъ за внутренней реформой имперіи, то на конѣ, командующею войсками на маневрахъ.

Всѣ отрасли австрійскаго правительства, находились въ заглохшемъ состояніи; она умѣла водворить такой порядокъ въ государствѣ, что, не взирая на значительныя уступки и потери Австріи, доходы ея многимъ превышали бюджетъ покойнаго ея отца, императора Карла VI. Вѣрнымъ помощникомъ во всѣхъ трудахъ служилъ императрицѣ умный и прозорливый министръ графъ Кауницъ. Въ то время, какъ Марія-Терезія была занята заботами внутренняго управленія, онъ хитро и ловко велъ переговоры и завязывалъ политическіе узлы съ другими державами. Самъ же императоръ, мужъ Маріи-Терезіи, не

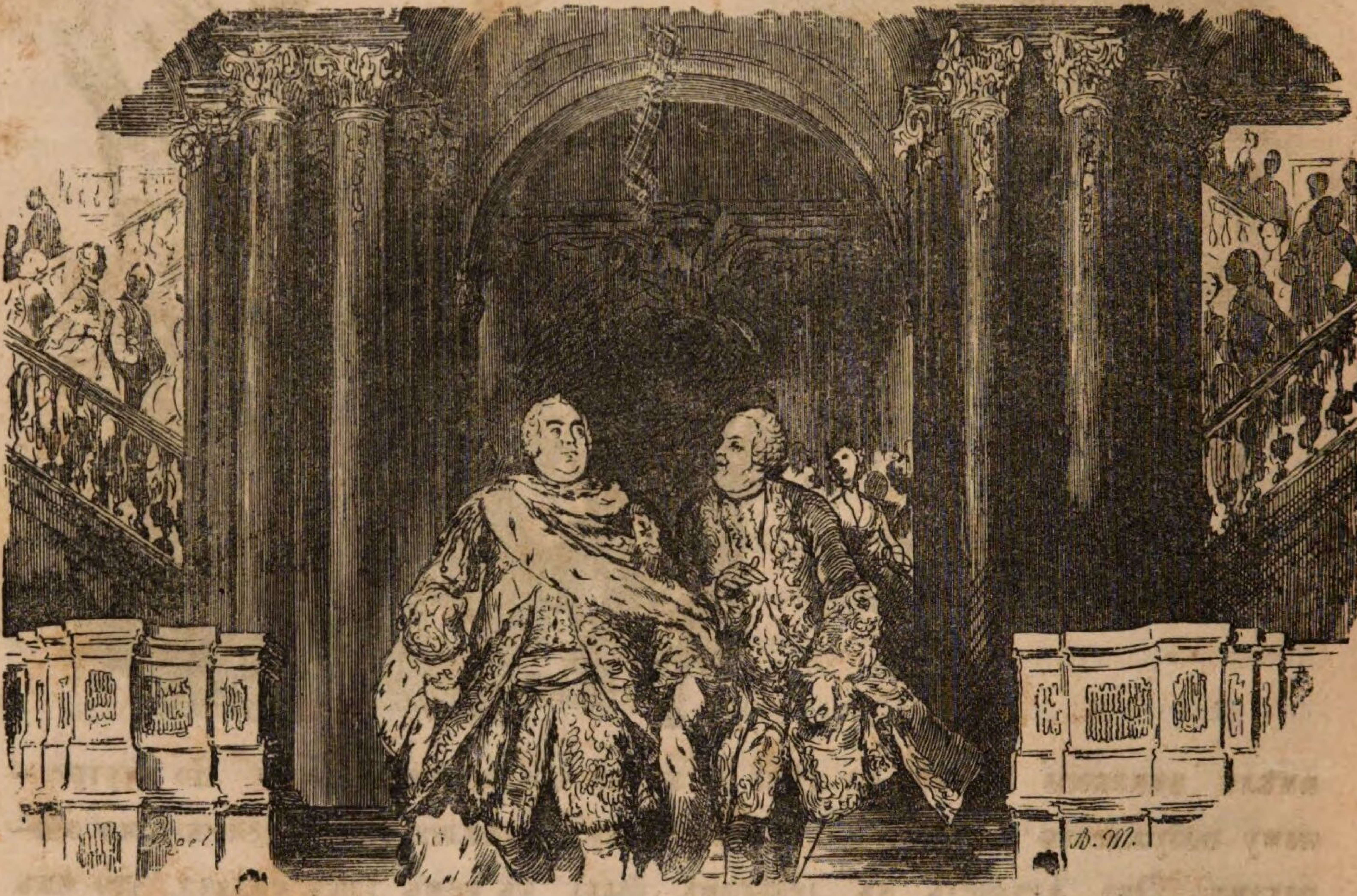

имѣлъ никакого вліянія на дѣла и ни во что не вмѣшивался. По внутре-нему побужденію корысти и скупости, онъ занимался только денежными оборотами. Эта алчность къ деньгамъ была въ немъ такъ сильна, что онъ иногда жертвовалъ ей даже самыми важными интересами государства и своей супруги. Такъ, напримѣръ, въ началѣ новой войны между Австріей и Пруссіей, онъ за деньги взялся поставлять по подряду на всю прусскую армію провіантъ и другія продовольствія. Усиливая войско, умножая доходы, Марія-Терезія старалась и внѣ имперіи пріобрѣсть вѣрныхъ друзей и надежную подпору. Переписка ея съ Елисаветой Петровной скрѣпила ихъ дружбу и обѣ монархини задумали планъ, какъ общими силами мстить непримиримому врагу своему, Фридриху. Министры ихъ, графъ Кауницъ и Бестужевъ-Рюминъ, вполнѣ раздѣляли ненависть своихъ дворовъ къ прусскому королю. Главнымъ поводомъ къ недоброжелательству русскаго двора служили насмѣшки и остроты Фридриха, которыя услужливые дипломатическіе сплетники торопились передавать императрицѣ и ея первому министру со всѣми прикрасами плодовитаго придворнаго воображенія. Женщины не выносятъ насмѣшки; у нихъ

Намъ злое дѣло съ рукъ сойдетъ,
Но мстятъ за злыя эпиграммы. . . .

и потому вражда Елисаветы къ Фридриху сдѣлалась непримиримою.

Въ 1753 году между Австріей и Россіей былъ заключенъ тайный трактатъ, по которому обѣ державы обязывались защищать другъ друга, а при первомъ движеніи Фридриха противъ сосѣдей, напасть на него соединенными силами и возвратить Силезію Австріи (*). Къ этому оборонительному и наступательному союзу была приглашена и Саксонія.

Августъ III, или лучше сказать наушникъ его, графъ Брюль, и послѣ Дрезденскаго мира сохранилъ всю прежнюю ненависть къ Фридриху, но положеніе Саксонскаго курфиршества между владѣніями прусскими, заставляло его дѣйствовать осторожно и не подавать повода къ новой непріязни. Неожиданное предложеніе пристать къ союзу Австріи съ Россіею было для него истиннымъ торжествомъ. Все прежнее недоброжелательство ожило съ новою силою и надежда на мщеніе заставила его съ восторгомъ согласиться на желаніе двухъ императрицъ. Тогда къ трактату была присоединена новая статья, въ которой всѣ три державы предоставляли себѣ право, въ случаѣ войны, раздѣлить между собою Пруссію.

Но Брюль очень хорошо понималъ, что Саксоніи, какъ ближайшей странѣ къ Пруссіи, невыгодно будетъ подать первый поводъ къ войнѣ, а потому онъ рѣ-

(*) «Записки прусскаго кабинетсминистра гр. Герцберга,» изданныя Эрнести. 1835.

шился дѣйствовать на Фридриха чрезъ своихъ союзницъ. Каждое слово, сказанное королемъ въ дружеской бесѣдѣ на счетъ Россіи или Австріи, было тотчасъ схвачено его шпіонами и съ быстротою молніи переносилось къ императрицамъ Иногда, за недостаткомъ матеріаловъ къ новымъ сплетнямъ, Брюль самъ сочинялъ эпиграммы и съ истинно придворною оборотливостію выдавалъ ихъ за Фридриховы. Больше всего онъ старался раздражать самолюбіе Бестужева-Рюмина, зная, что этотъ ненасытный честолюбецъ ничего не пощадитъ для собственныхъ своихъ видовъ.

Дѣйствительно, система Брюля удалась ему вполнѣ. Бестужевъ (*) былъ

(*) Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ учился, по приказанію Петра Великаго, въ Копенгагенѣ и въ Берлинѣ; зналъ прекрасно латинскій, французскій и нѣмецкій языки и потому былъ употребляемъ при посольствахъ, гдѣ имѣлъ случай изучить трудную науку политики, подъ руководствомъ отличнаго дипломата того времени, кн. Бориса Ивановича Куракина. Въ царствованіе Анны Іоанновны Бестужевъ возвысился до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, служа преданнымъ рабомъ Бирону во всѣхъ его козняхъ и жестокостяхъ, а во время регентства Бирона способствовалъ его сверженію и самъ пострадалъ вмѣстѣ съ нимъ. По вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, Бестужевъ умѣлъ ловко поддѣлаться къ ея любимцу Лестоку, который вскорѣ опять ввелъ его ко двору и возвысилъ даже до званія вице-канцлера. Лестокъ почиталъ Алексѣя Петровича первымъ своимъ другомъ и постоянно вымаливалъ для него у императрицы новыя милости и награды, такъ, что Елисавета ему разъ сказала: «*Смотри, графъ! Ты не думаешь о послѣдствіяхъ; я лучше тебя знаю Бестужева: ты связываешь для себя пукъ розогъ.*» И дѣйствительно, предсказаніе императрицы сбылось: Бестужевъ оклеветалъ Лестока, произвелъ надъ нимъ вмѣстѣ съ Апраксинымъ пристрастное слѣдствіе и приговорилъ его къ лишенію чиновъ, имѣнія и къ ссылкѣ. Бестужевъ умѣлъ вкрасться въ неограниченную довѣренность къ Елисаветѣ, руководилъ всѣми ея дѣйствіями, господствовалъ надъ всѣми министрами и былъ ею возведенъ въ достоинство государственнаго канцлера. Шестнадцать лѣтъ управлялъ онъ кормиломъ имперіи и, изъ личной ненависти къ Фридриху, вовлекъ Россію въ разорительную и безполезную семилѣтнюю войну. Бестужевъ былъ такъ силенъ при дворѣ, что осмѣливался даже враждовать и тягаться съ наслѣдникомъ престола, Петромъ Ѳеодоровичемъ, старался отстранить его отъ царства, увѣряя Елисавету, *что Петръ помрачитъ впослѣдствіи славу ея правленія*. Во время тяжкой болѣзни императрицы, въ 1757 году, онъ самовольно отозвалъ изъ Пруссіи фельдмаршала Апраксина со всей арміей и за этотъ поступокъ былъ лишенъ чиновъ, орденовъ и сосланъ въ заточеніе, въ одну изъ его деревень, гдѣ его велѣно содержать подъ карауломъ, — *дабы*, какъ сказано въ указѣ, *другіе были охранены отъ уловленія мерзкими ухищреніями состарившагося въ нихъ злодѣя.* (С. П. Бургскія Вѣдомости 1757 года, за февраль.) Но Екатерина Великая возвратила его изъ ссылки и съ званіемъ генералъ-фельдмаршала даровала ему всѣ прежніе титла и ордена. Онъ умеръ въ 1766 году. Вотъ что говоритъ объ немъ Бантышъ-Каменскій: «Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ съ обширнымъ, разборчивымъ умомъ, пріобрѣлъ долговременною опытностію навыкъ въ дѣлахъ государственныхъ, былъ чрезвычайно дѣятеленъ, отваженъ, но вмѣстѣ гордъ, честолюбивъ, хитръ, пронырливъ, скупъ, мстителенъ, неблагодаренъ, жизни невоздержной. Его болѣе боялись, чѣмъ любили. Императрица Елисавета ничего не рѣшала безъ его мнѣнія. Онъ повелѣвалъ не только сановниками ея, но и приближенными. Онъ первый завелъ переписку, подъ названіемъ *секретной корреспонденціи*, посредствомъ которой наши министры,

возстановленъ противъ Фридриха до того, что въ совѣтѣ министровъ, въ 1755 году, убѣдилъ Елисавету прибавить къ Вѣнскому трактату новую статью, въ силу которой союзныя державы обязывались напасть на Пруссію, даже и въ такомъ случаѣ, если война будетъ начата кѣмъ нибудь изъ союзниковъ

Ко всему этому присоединилось новое обстоятельство Давно уже Англія и Франція соперничали въ Индіи и Америкѣ. Каждое изъ этихъ государствъ старалось распространить свои колоніи на счетъ другаго. Оттого между обѣими націями зародилась тайная вражда: огонь таился подъ пепломъ, но самыя обстоятельства раздували его до тѣхъ поръ, пока война сдѣлалась неизбѣжною. Французское правительство для обезпеченія своихъ колоній рѣшилось послать въ Сѣверную Америку нѣсколько военныхъ кораблей. Англійскій адмиралъ, командовавшій Сѣверо-американской эскадрой, почитая распоряженіе Франціи враждебнымъ дѣйствіемъ, напалъ на два военныя судна на высотѣ Ньюфундленда и овладѣлъ ими (1755). Французы съ своей стороны схватили нѣсколько англійскихъ купеческихъ кораблей. Затѣмъ вся англійская флотилія пустилась въ океанъ на охоту за французскими судами. Оба флага привѣтствовали другъ друга не иначе, какъ добрымъ залпомъ со всего борта и вслѣдъ за тѣмъ абордажемъ. И такъ обѣ державы были вовлечены въ войну невольно. Въ 1756 году Англія рѣшилась объявить Фран-

находившіеся въ чужихъ краяхъ, сообщали ему, кромѣ обыкновенныхъ извѣстій, свои догадки, мнѣнія, *пересказы* и народную молву. Онъ извлекалъ изъ этихъ свѣдѣній, что хотѣлъ, для донесенія Елисаветѣ, и, такимъ образомъ, направлялъ мысли ея въ пользу или противъ иностранныхъ державъ.» — *См. Біографіи россійск. генералисимусовъ. Часть II. Стр. 13.*

ціи войну въ Европѣ. Но зная, что Фридрихъ находится въ союзѣ съ Франціею и потому можетъ вторгнуться въ Ганноверскія владѣнія, Георгъ II рѣшился обратиться къ Россіи. Русское правительство взялось за 150,000 фунтовъ стерлинговъ выдвинуть къ прусской границѣ пятидесятитысячное войско, чтобъ, въ случаѣ нападенія Фридриха на Ганноверъ, ударить ему въ тылъ.

Обо всѣхъ дѣйствіяхъ европейскихъ дворовъ Фридрихъ имѣлъ полныя и подробныя свѣдѣнія. Объ намѣреніяхъ Россіи онъ могъ знать отъ наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича, который былъ однимъ изъ первыхъ его почитателей. За хорошую плату король нашелъ шпіоновъ при кабинетахъ вѣнскомъ и дрезденскомъ. Гдѣ только есть люди и страсти, тамъ за предателями никогда дѣло не станетъ: тайный переписчикъ Августа III, Менцель, доставлялъ Фридриху копіи со всѣхъ бумагъ входящихъ и исходящихъ, со всѣхъ писемъ и депешъ, даже съ каждой мелкой записочки Брюля. Изъ этихъ копій король узналъ о своемъ опасномъ положеніи. Не надѣясь на Францію, съ которой не ладилъ, онъ рѣшился лучше попытаться склонить на свою сторону Англію. Для этаго онъ отнесся прямо къ Георгу II и обѣщалъ охранять его германскія владѣнія и даже защищать ихъ отъ нападеній другихъ державъ, если Англія прерветъ свои переговоры съ Россіей касательно вспомогательнаго войска. Георгъ охотно согласился на это предложеніе: и земли

его были безопасны, и гинеи оставались дома. И такъ, между Англіею и Пруссіей былъ составленъ союзъ, въ Вестминстерѣ, въ 1756 году.

Посредствомъ вліянія Англіи на петербургскій кабинетъ, Фридрихъ надѣялся склонить и Россію на свою сторону, но въ этомъ онъ ошибся. Ненависть императрицы и Бестужева превозмогли и золото, и краснорѣчіе англичанъ.

Извѣстіе о Вестминстерскомъ союзѣ произвело сильное волненіе въ кабинетахъ. Франція была видимо недовольна и называла поступокъ Фридриха *измѣною*; а Марія-Терезія стала пріискивать средства, чтобъ сблизиться съ Людовикомъ XV.

Она унизилась до того, что неоднократно писала къ любовницѣ Людовика, маркизѣ Помпадуръ, льстила ея самолюбію, называла ее въ письмахъ «сестрою,» «милою кузиною,» и т. п. Вслѣдствіе того, когда Марія-Терезія коснулась настоящей цѣли своего сближенія, г-жа Помпадуръ изъявила полную готовность исполнить желаніе императрицы, тѣмъ болѣе, что сама почитала себя обиженною Фридрихомъ.

Вольтеръ, прибывъ въ Потсдамъ, привезъ Фридриху отъ маркизы Помпадуръ самый нѣжный и обязательный поклонъ.—«Отъ кого?» спросилъ Фридрихъ.—Отъ мадамъ Помпадуръ.—«Я ее не знаю», отвѣчалъ король холодно.— Всѣ иностранные министры и посланники являлись къ ней на поклонъ, — одинъ прусскій посолъ никогда не хотѣлъ исполнить принятаго обычая. Кромѣ того Фридрихъ смертельно уязвилъ гордую временщицу своимъ остроумнымъ подраздѣленіемъ правленія Людовика XV на царствованіе трехъ *юбокъ* (des trois cotillons). Графиню де Мальи онъ называлъ Cotillon I, герцогиню Шатору—Cotillon II, маркизу Помпадуръ—Cotillon III. И такъ между Франціей и Австріей составился, 1-го мая, 1756 года, въ Версали, союзъ противъ Англіи и Пруссіи: оскорбленное самолюбіе и мстительность двухъ женщинъ превозмогли вѣковую вражду двухъ народовъ.

Между тѣмъ въ Швеціи произошелъ сильный государственный переворотъ. Царствующій король Адольфъ и супруга его, Ульрика, сестра Фридриха, утратили свое вліяніе на дѣла и не имѣли почти никакого голоса: всею правительственною властью овладѣлъ шведскій государственный совѣтъ, который продавалъ и мнѣнія, и войска свои за деньги. Этимъ воспользовалась Франція, не жалѣла льстивыхъ обѣщаній и луидоровъ, и вотъ Швеція пристала къ общему союзу Франціи, Австріи, Россіи, Польши и Саксоніи.

Противъ всѣхъ этихъ враговъ Фридрихъ могъ выставить только четырехъ союзниковъ, короля англійскаго, ландграфа Гессенъ-Кассельскаго и герцоговъ Брауншвейгскаго и Готскаго, которые обѣщали подкрѣпить его силы

своими незначительными войсками. Но прежде начала враждебныхъ дѣйствій въ Германіи, Англія вступила въ борьбу съ Франціей на морѣ: корабли обѣихъ державъ встрѣтились уже на Атлантическомъ океанѣ. Все вниманіе Георга было обращено на эту войну, а между тѣмъ около границъ Пруссіи. во всѣхъ сосѣднихъ государствахъ начались военныя приготовленія. Въ Лифляндіи собралось значительное русское войско; въ Богеміи сосредоточивались войска австрійскіе, вездѣ устроивали магазины, улучшали дороги. По всему было видно, что враги желали начать свои дѣйствія еще въ теченіе того-же года.

Фридрихъ отправилъ въ Вѣну посольство съ требованіемъ объясненія на счетъ этихъ военныхъ приготовленій. Ему отвѣчали неопредѣлительно, въ загадочныхъ выраженіяхъ. Фридрихъ повторилъ свой запросъ, но на этотъ разъ посолъ его былъ принятъ сухо, надменно и не получилъ никакого отвѣта Фридрихъ принялъ это за явный знакъ недоброжелательства и поторопился приготовить свои войска для предупрежденія непріязненныхъ дѣйствій своихъ противниковъ.

Чрезъ кабинетныхъ шпіоновъ узналъ онъ, что враги условились начать свои дѣйствія не ранѣе слѣдующаго года, потому что снаряженія ихъ къ войнѣ не были кончены. Брюль выговорилъ себѣ право пристать къ союзникамъ не прежде, какъ по открытіи войны, или, какъ онъ самъ выражался—«когда рыцарь уже зашатается въ сѣдлѣ.» Курфирстъ Саксонскій хотѣлъ подъ видомъ нейтралитета пропустить Фридриха съ войскомъ въ Богемію чрезъ свои владѣніе, чтобъ потомъ вѣрнѣе ударить ему въ тылъ.

Этотъ умыселъ заставилъ Фридриха обратить особенное вниманіе на Саксонію и онъ рѣшился овладѣть ею непремѣнно и силою принудить Августа III вступить съ нимъ въ союзъ и дѣйствовать въ пользу Пруссіи. Король дѣлалъ всѣ необходимыя къ тому распоряженія такъ скрытно, что не только непріятель, но даже ближайшіе къ нему полководцы не могли отгадать настоящихъ его намѣреній. Только передъ самымъ открытіемъ похода онъ созвалъ военный совѣтъ, изложилъ ему причины, побуждающія его къ поднятію оружія, представилъ копіи со всѣхъ актовъ, заключенныхъ его врагами, и открылъ наконецъ планъ своихъ дѣйствій. Планъ былъ всѣми одобренъ единодушно и вслѣдъ за тѣмъ войска двинулись въ походъ. Между тѣмъ ко всѣмъ дворамъ были отправлены списки съ полученныхъ имъ отъ Минцеля бумагъ, чтобы открыть предъ всѣми державами умыслы сосѣдей и показать законность своего предпріятія.

Когда Вольтеръ узналъ о новой войнѣ, предпринимаемой Фридрихомъ, онъ написалъ ему посланіе въ стихахъ, въ которомъ упрекалъ его за то, что онъ промѣнялъ жезлъ мудреца на мечъ завоевателя Фридрихъ отвѣчалъ ему такъ

же въ стихахъ, говорилъ, что всегда предпочиталъ счастіе мира суровому закону войны, но что онъ, поднимая мечъ, исполняетъ только велѣнія судьбы. Далѣе онъ желаетъ Вольтеру всѣхъ наслажденій, какія могутъ доставить мудрецу уединеніе и науки, и заключаетъ свое посланіе слѣдующими прекрасными строками: *А я ...*

Я долженъ предъ бѣдою,
Въ борьбѣ съ коварною судьбою,
Жить, мыслить, умереть—какъ царь! (*)

(*) Pour moi, menacé du naufrage,
Je dois, en affrontant l'orage,
Penser, vivre et mourir—en roi.

См. «Переписку Вольтера съ Фридрихомъ II.» Полныя сочиненія Вольтера. Часть X. 1836.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало семилѣтней войны.

ПОХОДЪ 1756 ГОДА.

Шагъ, сдѣланный Фридрихомъ былъ отваженъ, но необходимъ. Только рѣшительность и быстрота могли ему дать нѣкоторый перевѣсъ надъ многочисленными непріятелями, которые совсѣхъ сторонъ облегали его государство. Ударивъ на враговъ прежде, чѣмъ они успѣли вооружиться, Фридрихъ надѣялся отклонить войну отъ границъ Пруссіи. Для прикрытія королевства отъ Россіи, онъ оставилъ двадцатидвухтысячный гарнизонъ, подъ командою фельдмаршала Левальда. Фельдмаршалъ Шверинъ, съ 26,000 войска, занялъ укрѣпленный лагерь близь Кёнигинъ-Греца и тѣмъ заслонилъ Силезію. А самъ Фридрихъ въ главѣ пятидесятишести-тысячнаго войска пошелъ въ Саксонію. Вся армія его была раздѣлена на три главные корпуса. Первый, подъ начальствомъ принца Фердинанда Брауншвейгскаго, отправился изъ Магдебурга, чрезъ Лейпцигъ, Хемницъ и Фрейбергъ, въ Котту; второй корпусъ самъ король повелъ въ Codeчъ, приказавъ въ тоже время принцу Морицу Дессаускому овладѣть Виттенбергомъ; потомъ оба отряда соединились при Трогау и перепра-

вились чрезъ Эльбу. Третій корпусъ, подъ командою князя Беверискаго, чрезъ Лаузицъ, Бауценъ и Штольпе, проникъ въ Богемію.

Неожиданное появленіе прусскихъ войскъ въ Саксоніи до того поразило Брюля, что онъ не зналъ, что начать. Встрѣтить Фридриха съ оружіемъ въ рукахъ онъ не рѣшался, потому что саксонскія войска были разбросаны по всему курфирству, а притомъ и самыя воинскія снаряженія не были еще кончены. Вся армія, которую Августъ могъ наскоро соединить, состояла изъ 17,000 человѣкъ и была, стало быть, почти вдвое слабѣе прусской. Оставалось одно средство: объявить Саксонію нейтральною, или со всей арміей перейти въ Богемію, чтобъ тамъ соединиться съ австрійцами. Но французскій посланникъ, графъ Брогліо, совѣтывалъ собрать войско въ укрѣпленный лагерь, тамъ покончить необходимыя приготовленія къ войнѣ и спокойно дожидаться подкрѣпленія со стороны Австріи. Совѣтъ его былъ принятъ. Возвышенная равнина между Пирною и Кёнигсштейномъ, простирающаяся на четыре мили, была выбрана для лагеря. Графъ Рутовскій быстро вывелъ туда войска, не позаботясь напередъ о ихъ продовольствіи; за нимъ послѣдовали король Августъ и графъ Брюль. Естественное положеніе равнины дѣлало ее почти неприступною, только въ немногихъ мѣстахъ можно было въ ущеліяхъ проложить къ ней военную дорогу, но тутъ саксонцы оградили себя сильными батареями и палисадами. Оттуда они смѣло могли смѣяться надъ тщетными усиліями непріятеля; но въ то самое время, какъ они почитали себя неприкосновенными, тайный, невидимый врагъ прокрадывался уже въ лагерь:—это былъ голодъ. Въ нѣсколько недѣль весь провіантъ истощился, а новыхъ подвозовъ не являлось, потому что Фридрихъ перерѣзалъ всѣ сообщенія.

Хотя Фридриху очень непріятно было, что саксонская армія ускользнула у него изъ рукъ, не потративъ выстрѣла, и преградила ему своимъ лагеремъ быстрый путь въ Богемію, однако онъ принялъ дѣятельныя мѣры, чтобы принудить Августа дѣйствовать согласно съ своими видами.

Найдя Саксонію обнаженною отъ всякой защиты, онъ быстро размѣстилъ въ ней свои войска. Виттенбергъ, Торгау, Лейпцигъ и другіе города были имъ заняты почти безъ сопротивленія. Девятаго сентября онъ торжественно въѣхалъ въ Дрезденъ и расположилъ около столицы Саксоніи разныя войска свои такъ, что между ею и саксонскимъ лагеремъ не могло существовать никакихъ сношеній.

Въ Дрезденѣ Фридрихъ издалъ манифестъ, въ которомъ объяснялъ, что обстоятельства войны заставляютъ его взять Саксонію на время подъ свое управленіе, какъ залогъ безопасности германскихъ державъ. Вслѣдъ за тѣмъ изъ богатыхъ арсеналовъ въ Дрезденѣ, Вейсенфельсѣ и Торгау были выбраны

всѣ пушки, ружья, амуниціонные и полевые запасы и отправлены въ Магдебургъ. Саксонское министерство было упразднено, залу совѣта заперли, всѣ канцеляріи опечатали. Въ Дрезденѣ учредилось временное прусское правленіе. Всѣ казенныя суммы во всемъ курфирствѣ были отобраны. Но Фридрихъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы никто изъ саксонскихъ подданныхъ не былъ обиженъ, обремененъ налогами или лишенъ собственности. Эта мѣра заставила саксонцевъ довольно равнодушно смотрѣть на постигшее ихъ несчастіе. Для народа собственно никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Даже сановники, уволенные отъ должностей, были обласканы Фридрихомъ и ежедневно приглашались къ его столу. Супругѣ Августа и дѣтямъ его, объ которыхъ безпечный польскій король, по обыкновенію своему, не подумалъ въ минуту опасности, и которые остались въ Дрезденѣ, Фридрихъ оказывалъ всѣ почести и знаки уваженія.

Между тѣмъ внезапное занятіе Саксоніи произвело страшный шумъ въ Европѣ. Враги Фридриха жаловались и кричали о нарушеніи всѣхъ народныхъ правъ. Императоръ отправилъ къ Фридриху указъ, которымъ повелѣвалъ ему, какъ возмутителю, «оставить свое неслыханное, дерзкое и достойное строгаго наказанія намѣреніе; заплатить польскому королю за всѣ причиненные ему убытки и спокойно возвратиться въ Пруссію, если онъ не хочетъ испытать всей строгости имперскаго суда.» Въ тоже время было разослано ко всѣмъ генераламъ и полковникамъ приказаніе: «Немедленно оставить безбожнаго и дерзкаго бунтовщика или страшиться гнѣва императора, который будетъ для нихъ немилосердымъ судіею.»

Поведеніе прусскаго короля было признано виновнымъ всѣми державами единогласно и Фридрихъ увидѣлъ необходимость оправдаться въ глазахъ европейскихъ дворовъ. Онъ рѣшился обнародовать всѣ козни Австріи и Саксоніи, побудившія его къ рѣшительнымъ мѣрамъ для спасенія собственнаго королевства.

Для этаго онъ имѣлъ нужду въ подлинныхъ бумагахъ, но государственнаго архива уже въ Дрезденѣ не было. Фридрихъ не могъ допустить мысли, чтобы Августъ III захватилъ съ собою архивъ, когда въ торопяхъ и страхѣ забылъ даже свое семейство. Всѣ углы и закоулки въ Дрезденѣ были обшарены, но бумагъ не отыскивалось. Наконецъ Фридриху шепнули, что архивъ перенесенъ въ опочивальню королевы и что у нея хранятся и ключи. Фридрихъ послалъ къ ней одного изъ своихъ генераловъ съ просьбою выдать ключи. Она не соглашалась, посланный настаивалъ и наконецъ, не смотря на ея сопротивленіе, просьбы и обѣщанія, объявилъ, что имѣетъ приказаніе дѣйствовать рѣшительно, но умолялъ, чтобъ ея величество, изъ милости, не заставляла его прибѣгнуть къ оскорбительному насилію

Ключи были ему отданы и архивъ немедленно отправленъ въ Берлинъ. Тамъ отличный дипломатъ того времени, министръ Герцбергъ, составилъ свой знаменитый Mémoire raisonné (*), въ которомъ были приведены всѣ оригинальные акты о союзѣ державъ противъ Фридриха и планъ дѣлежа Пруссіи. Брошюра была напечатана въ Берлинѣ и разослана ко всѣмъ кабинетамъ съ копіями съ подлинныхъ бумагъ. Противъ этихъ доказательствъ даже австрійскій дворъ не нашелъ оправданій.

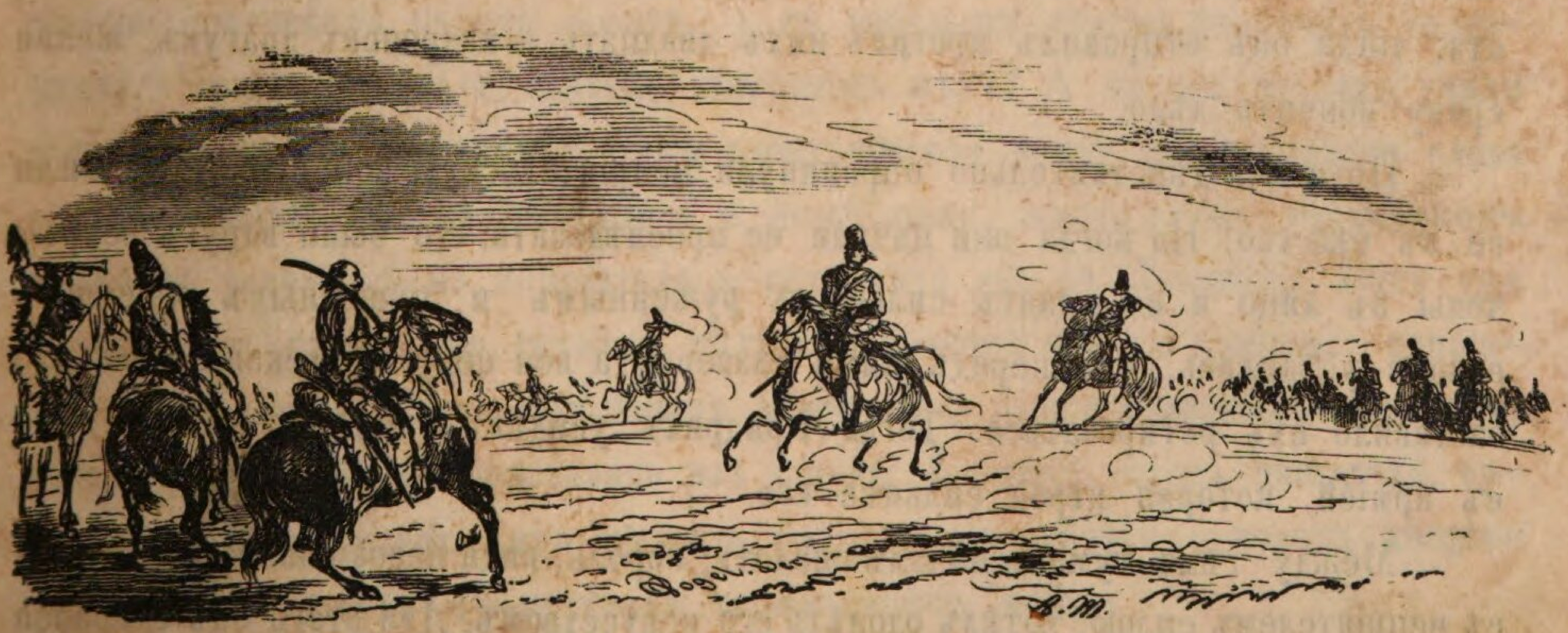
При отыскиваніи архива было обращено особенное вниманіе на домъ Брюля. Во время обыска пруссаки открыли комнату, наполненную париками. Фридрихъ приказалъ ихъ перечесть и узнавъ, что ихъ триста, воскликнулъ: «Богъ мой! сколько париковъ нужно человѣку, у котораго нѣтъ головы!» Домъ Брюля, по

(*) Mémoire raisonné sur la conduite des Cours de Vienne et de Saxe, et sur les desseins dangereux contre S. M. le Roi de Prusse, avec les pièces originales et justificatives, qui en fournissent les preuves. Berlin. 1756.

приказанію короля, былъ обращенъ въ казарму. «Если этотъ человѣкъ не боялся разорить цѣлый народъ безполезной войною, сказалъ Фридрихъ, то пусть онъ одинъ и пострадаетъ отъ ея слѣдствій.»

Между тѣмъ, съ самаго вторженія въ Саксонію, Фридрихъ завелъ дружескую переписку съ Августомъ III. Онъ приглашалъ его принять рѣшительный нейтралитетъ или пристать къ его сторонѣ и общими силами дѣйствовать противъ австрійцевъ Августъ не соглашался. Онъ зналъ, что силою оружія пруссаки не могутъ ему повредить, потому что каждое предпріятіе на его лагерь было бы безразсудною и безполезною отвагою съ ихъ стороны; самъ же онъ не рѣшался выйти изъ своей засады до прибытія австрійскихъ войскъ. Фридриху это было весьма непріятно, но онъ старался принудить Августа къ рѣшительнымъ мѣрамъ другими средствами. Какъ паукъ, увидавшій насѣкомое въ своей власти, онъ опутывалъ свою жертву, окружая ее со всѣхъ сторонъ войсками и уничтожая всякое сообщеніе съ саксонскимъ лагеремъ, онъ надѣялся побѣдить непріятеля голодомъ. Одни транспорты провизій для королевской кухни пропускались сквозь прусскіе кордоны, такъ, что безпечный Августъ, не терпя ни въ чемъ недостатка, и не подозрѣвалъ печальнаго положенія своего войска. Оттого онъ такъ упорно противился предложеніямъ Фридриха, а Фридрихъ не могъ двинуться въ Богемію противъ австрійцевъ, боясь оставить въ тылу опаснаго непріятеля, противъ котораго не имѣлъ возможности отдѣлить достаточнаго войска.

Австрійцы между тѣмъ изготовились и двинулись двуми отдѣльными арміями къ границамъ Саксоніи и Силезіи. Противъ одной изъ нихъ выступилъ Шверинъ изъ Силезіи; но австрійцы заняли такую выгодную позицію, что генеральное сраженіе между обѣими арміями сдѣлалось невозможнымъ. Иногда только происходили незначительныя стычки между разъѣздами и аванпостами, но тѣмъ всѣ дѣйствія и ограничивались.

Между тѣмъ король Августъ неотступно просилъ вѣнскій кабинетъ выручить его изъ затруднительнаго положенія, которое съ каждымъ днемъ становилось хуже. Вслѣдствіе того фельдмаршалу Брауну было предписано немедленно собрать вторую армію въ Будинѣ и переправиться чрезъ Эгеръ.

Для наблюденій за дѣйствіями этой арміи, Фридрихъ отдѣлилъ довольно значительный корпусъ и отправилъ его, подъ начальствомъ генерала Кейта, къ границѣ Богеміи. Пруссаки заняли тѣснины въ горахъ, которыя служили путями между Богеміей и Силезіей, и образовали обсерваціонную линію, отъ вниманія которой не ускользало ни одно движеніе непріятеля.

Главная цѣль Фридриха была помѣшать соединенію австрійцевъ съ саксонцами. Для этаго онъ рѣшился остановить австрійцевъ на пути и дать имъ сраженіе. Онъ самъ отправился къ своему обсерваціонному корпусу и вывелъ его изъ горъ на равнины Эльбы. Близъ мѣстечка Лозовицъ, на берегу Эльбы, у самой подошвы горнаго хребта, обѣ арміи встрѣтились. Съ обѣихъ сторонъ встрѣча была совершенной неожиданностію. Темнота ночи мѣшала приступить къ какимъ нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но Фридрихъ, не мѣшкая, воспользовался всѣми выгодами своего положенія: онъ загородилъ дорогу, ведущую отъ Лозовица, и занялъ всѣ возвышенности по обѣ ея стороны.

Едва разсвѣло, онъ построилъ свою армію въ боевой порядокъ, но сильный туманъ препятствовалъ различать предметы даже на близкомъ разстояніи. Лѣвому крылу прусскаго войска надлежало занять гористую мѣстность влѣвѣ отъ дороги. Но едва оно двинулось, какъ было встрѣчено бѣглымъ огнемъ изъ виноградниковъ, покрывающихъ скатъ горъ. Около двухъ тысячъ пандуровъ скрывалось въ кустарникахъ: плетни виноградниковъ служили имъ палисадами. Это заставило Фридриха думать, что предъ нимъ не все непріятельское войско, а только его авангардъ, который обыкновенно сопровождался разсыпными отрядами пандуровъ и венгровъ. Вдали виднѣлась часть конницы; король велѣлъ навести на нее орудія; но всадники не трогались съ мѣста; тогда онъ отправилъ противъ нихъ двадцать эскадроновъ драгунъ, желая сразу кончить дѣло.

Пруссаки дѣйствительно опрокинули непріятельскую конницу и обратили ее въ бѣгство. Но когда они начали ее преслѣдовать, то были вдругъ встрѣчены въ лицо и во флангъ сильнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ и вскорѣ убѣдились, что передъ ними развернута вся непріятельская армія: это заставило ихъ ретироваться. Тогда Фридрихъ увидѣлъ ясно, что имѣетъ дѣло съ арміей, которая втрое сильнѣе его.

Между тѣмъ туманъ началъ опадать; король, видя невозможность тягаться съ непріятелемъ силою, хотѣлъ одолѣть его искусствомъ. Для этаго онъ старался

выбрать самую выгодную позицію. Все вниманіе австрійцевъ было обращено на лѣвое прусское крыло; имъ хотѣлось сбить его съ возвышенности, на которой оно находилось и недопустить овладѣть скатомъ горы. Но пруссаки бодро шли впередъ въ виноградникахъ, овладѣвали однимъ плетнемъ за другимъ, и погнали легкія войска и пѣхоту непріятельскія передъ собою въ долину. Часть австрійцевъ бросилась въ Эльбу, другая побѣжала въ Лозовицъ.

Въ долинѣ встрѣтилъ преслѣдующихъ новый строй австрійцевъ. Прусская пѣхота упала духомъ: въ теченіе шести часовъ она дралась безъ отдыха и потратила всѣ патроны, а теперь надлежало вступить въ бой съ свѣжимъ войскомъ, не имѣя ни силъ, ни пороха Пруссаки остановились, не зная, что дѣлать. Герцогъ Бевернскій, который предводительствовалъ этимъ войскомъ, быстро прискакалъ передъ фронтъ, и съ веселымъ видомъ закричалъ солдатамъ: «Чтожъ вы стали, братцы? патроновъ нѣтъ? А на что же васъ учили принимать врага въ штыки?» Какъ электрическая искра подѣйствовали слова его на солдатъ: штыки сомкнулись и незыблемая, живая стѣна, съ громкимъ крикомъ, двинулась на непріятеля и потѣснила его къ Лозовицу Вотъ уже пруссаки въ городѣ по грудамъ тѣлъ пробираются они по улицамъ; непріятель защищается упорно ружейнымъ огнемъ, его бьютъ холоднымъ оружіемъ; вотъ огненные языки показались изъ домовъ Лозовица, городъ запылалъ, австрійцы ищутъ выхода, ихъ тѣснятъ, батареи ихъ отбиты; наконецъ непріятель смятъ, бѣжитъ и—пруссаки торжествуютъ побѣду.

Лозовицкая битва дорого стоила Фридриху; онъ потерялъ вдвое противъ австрійцевъ убитыми и плѣнными. Правое крыло прусской арміи, которымъ командовалъ самъ король, посылало только подкрѣпленія лѣвому, но само участія въ битвѣ не принимало. Тѣмъ замѣчательнѣе была побѣда пруссаковъ.

Австрійцы опять переправились чрезъ Эльбу и разрушили за собою мосты. Фридрихъ не смѣлъ ихъ преслѣдовать съ своимъ малочисленнымъ войскомъ. Онъ овладѣлъ полемъ битвы и расположилъ своихъ солдатъ лагеремъ въ безопасной позиціи. Лозовицкая побѣда не принесла ему никакихъ существенныхъ выгодъ надъ непріятелемъ, но она помѣшала соединенію войскъ саксонскихъ съ австрійскими, на первый случай этаго была достаточно. Радуясь успѣху, довольный своими солдатами, объ которыхъ сказалъ, «что они никогда еще не оказывали такой храбрости, съ тѣхъ поръ, какъ онъ *имѣетъ честь* ими командовать,» Фридрихъ отправился въ Саксонію.

Разсказываютъ, что Фридрихъ послѣ Лозовицкаго сраженія былъ до того утомленъ, что тутъ-же на полѣ битвы сѣлъ въ повозку и заснулъ. Въ это время австрійцы отступали. Одинъ изъ ретирадныхъ выстрѣловъ попалъ прямо въ королевскую повозку: ядро оторвало весь передокъ и непремѣнно отнесло бы обѣ ноги короля; по счастію за минуту предъ тѣмъ, какъ будто по внушенію судьбы, онъ поднялъ ноги на высокій облучекъ и тѣмъ спасъ свою жизнь.

Извѣстіе о побѣдѣ пруссаковъ отняло у саксонцевъ послѣднюю надежду на освобожденіе изъ обширной ихъ темницы. Имъ оставалось одно средство: обмануть бдительность прусскихъ войскъ и ночью, съ оружіемъ въ рукахъ пробиться на волю. Составили планъ, какъ дѣйствовать, и тайкомъ дали знать фельдмаршалу Брауну, который стоялъ въ Богеміи. Браунъ съ шестью тысячами человѣкъ немедленно подошелъ къ Эльбѣ, въ тылу пруссаковъ, чтобы ложнымъ нападеніемъ способствовать освобожденію саксонцевъ. Ночь на 11-е октября была назначена для свершенія дѣла. Браунъ въ назначенный часъ занялъ свой постъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія и ждалъ только условныхъ выстрѣловъ съ высотъ Кёнигштейна, которые должны были служить ему сигналомъ къ аттакѣ. Ночь была страшная: тучи обложили все небо, буря волновала рѣку; дождь лилъ, какъ изъ ведра. Саксонцы строили мостъ чрезъ Эльбу при блескѣ молній, и каждый порывъ вѣтра разрушалъ ихъ работу. Наконецъ мостъ поспѣлъ, сигналъ поданъ, но громъ небесный заглушалъ громы пушекъ и Браунъ не трогался съ мѣста. Такимъ образомъ каждую попытку къ освобожденію надлежало отложить до другаго времени. Условились обождать два дни.

Фридрихъ употребилъ этотъ случай въ свою пользу. Онъ усилилъ свои посты на Эльбѣ, укрѣпилъ ихъ ретрашаментами и засѣками, а противъ Брауна выдвинулъ отдѣльный корпусъ. —Положеніе австрійскаго полководца становилось

затруднительнымъ. Прождавъ безплодно два дни и опасаясь за самаго себя, Браунъ въ ночь на 14-е число отступилъ и повелъ свой отрядъ назадъ въ Богемію.

Правый берегъ Эльбы у Пирны и Кенигштейна гористъ, покрытъ лѣсомъ и кустарникомъ: однѣ лощины и рытвины между горами могутъ служить военною дорогою. Зная это, Фридрихъ овладѣлъ всѣми окрестными высотами.

Ночью, на 15-е октября, часть саксонской арміи переправилась черезъ Эльбу при проливномъ дождѣ. Вѣтеръ разрушилъ за нею мосты. Саксонцы съ твердостію шли впередъ въ надеждѣ вскорѣ встрѣтить своихъ союзниковъ. Но нигдѣ не было и слѣда австрійцевъ; вмѣсто ихъ они находили пруссаковъ во всѣхъ дефилеяхъ, ведущихъ въ Богемію. Близъ горы Лиліенштейнъ, они принуждены были наконецъ занять позицію и выжидать, чѣмъ рѣшится дѣло.

Между тѣмъ пруссаки, которые караулили выхода саксонцевъ изъ подъ Пирны, тотчасъ же заняли ихъ лагерь, напали съ тылу на ихъ арріергардъ, захватили его въ плѣнъ и отняли большую часть обозовъ и орудій, такъ, что войско, перешедшее за рѣку, осталось совершенно отрѣзаннымъ. Трое сутокъ пробыли саксонцы въ новомъ своемъ заключеніи, не смѣя двинуться съ мѣста, напрасно поджидая помощи, безъ пищи, подъ открытымъ небомъ, на сырой землѣ, подъ неумолкающимъ дождемъ и въ безпрерывномъ страхѣ. Весь патріотизмъ, все мужество ихъ истощились вмѣстѣ съ потерею физическихъ силъ.

Напрасно Августъ и Брюль требовали отъ несчастнаго войска, чтобъ оно, собравъ остатокъ силъ, пробилось сквозь дефилеи: генералы не отваживались на такое смѣлое дѣло, солдаты не могли имъ повиноваться, потому что были совершенно истощены и умирали страшной смертію отъ изнуренія и голода. Графъ Рутовскій попытался наконецъ добыть свободу честной капитуляціей: онъ отправилъ офицера къ генералу Винтерфельду съ своими предложеніями. Винтерфельдъ не принималъ никакихъ предложеній, говоря, что не имѣетъ на то повелѣній короля. Онъ провелъ посланнаго съ умысломъ по всей цѣпи прусскихъ войскъ, чтобъ лишить саксонцевъ и тѣни надежды и показать имъ, что каждая попытка пробиться оружіемъ будетъ явнымъ безумствомъ съ ихъ стороны.

И такъ, вся саксонская армія должна была сдаться военноплѣнною; жребій ея зависѣлъ отъ великодушія побѣдителя. Всѣ полки, безъ исключенія, положили оружіе. Фридрихъ проѣзжалъ по рядамъ, ободрялъ и утѣшалъ ихъ; къ генераламъ обращался съ ласкою и пригласилъ ихъ къ своему столу.

Солдатамъ тотчасъ были розданы двойныя порціи хлѣба и вина. Съ офицеровъ взято честное слово, что они въ продолженіе всей этой войны не поднимутъ оружія на Пруссію, и за тѣмъ они распущены по домамъ. Но простые солдаты должны были присягнуть прусскому знамени, получили прусскую обмундировку и были частію размѣщены по различнымъ полкамъ, частію остались въ прежнемъ составѣ, но причислены къ прусской арміи.

Это была важная ошибка со стороны Фридриха. Саксонскіе солдаты всегда были плохи и принесли ему мало пользы, за то при первыхъ военныхъ дѣйстві-

яхъ цѣлые полки саксонцевъ, одушевляемые чувствомъ оскорбленнаго патріотизма, переходили въ ряды непріятельскіе. Съ другой стороны, неслыханный дотолѣ примѣръ порабощенія цѣлой непріятельской арміи навлекъ на него еще болѣе негодованіе европейскихъ державъ.

Король Августъ выговорилъ себѣ только двѣ привиллегіи: что крѣпость Кенигштейнъ останется нейтральною до окончанія войны и что онъ можетъ съ графомъ Брюлемъ безпрепятственно отправиться въ Варшаву.

Фридрихъ не только согласился на оба пункта, но даже приказалъ очистить всю дорогу, по которой поѣдетъ польскій король, отъ прусскихъ войскъ, чтобы встрѣча съ ними не растравляла тяжкихъ ранъ его сердца. Варшавскіе балы и маскерады скоро разсѣяли печаль добраго короля.

Супруга его однако осталась въ Дрезденѣ и продолжала вести тайную переписку съ австрійскими генералами, возбуждая ихъ своими жалобами противъ Фридриха.

Такъ кончился этотъ первый походъ. Фридрихъ вывелъ войска свои на зимнія квартиры въ Саксонію и Силезію и для безопасности протянулъ кордоны по всей богемской границѣ. Самъ онъ отправился въ Дрезденъ; набиралъ въ Саксоніи рекрутъ для пополненія своихъ войскъ и старался увеличить финансовыя средства на счетъ побѣжденныхъ. У всѣхъ придворныхъ чиновъ Августа были отняты двѣ трети отъ получаемаго ими жалованья, богатые запасы фарфора Мейсенской фабрики были проданы, и кромѣ того вся Саксонія была обложена данью, состоявшею изъ извѣстнаго количества провіанта и фуража.

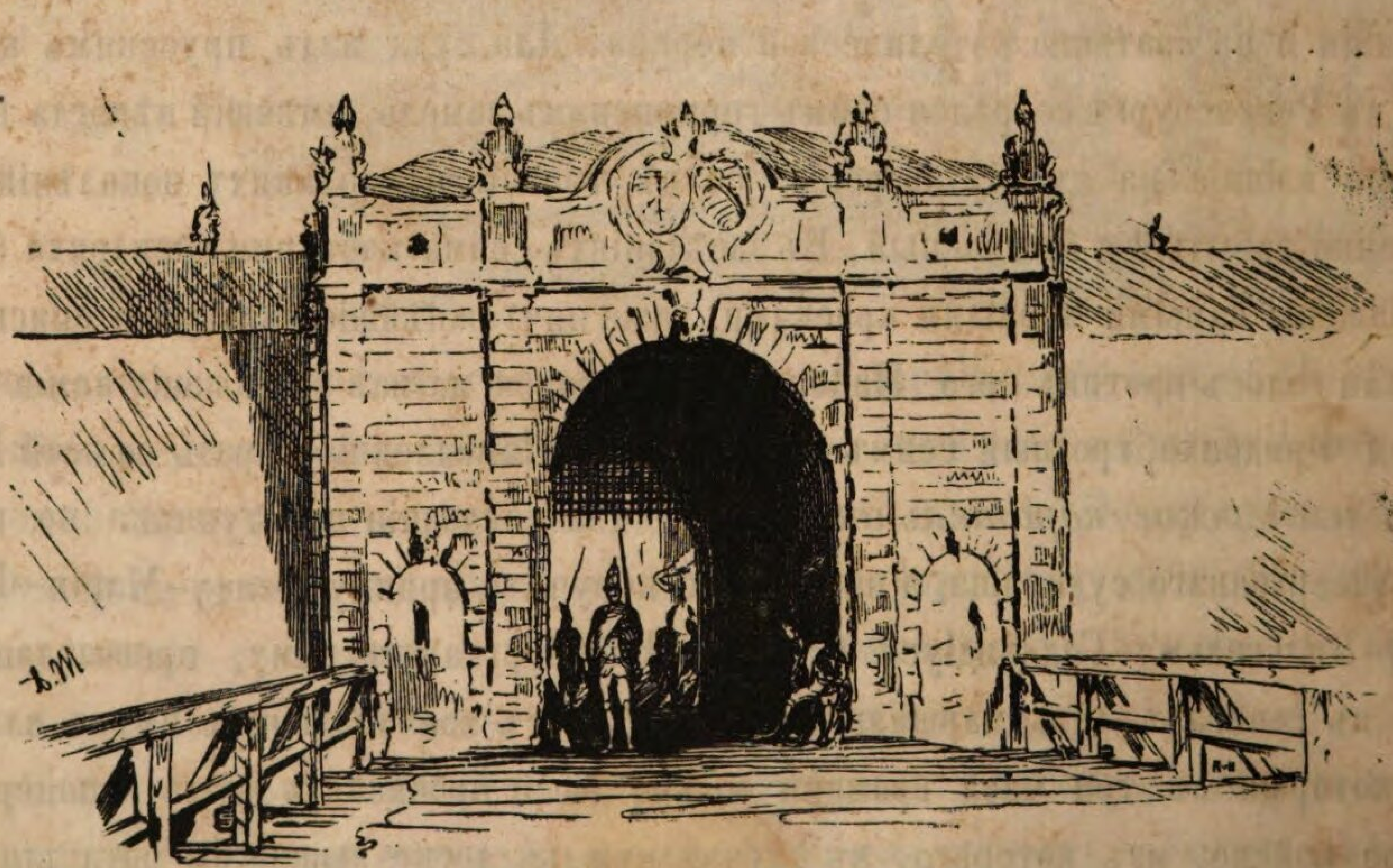
Императоръ, не могшій смирить «возмутителя», какъ онъ называлъ Фридриха, силою собственнаго оружія, поднялъ противъ него весь имперскій или германскій сеймъ, представляя вторженіе его въ Саксонію покушеніемъ на свободу всей Германіи и на святыню католической церкви. Для суда надъ прусскимъ королемъ въ Регенсбургѣ собрался сеймъ германскимъ земель, имѣвшій нѣкогда такое сильное вліяніе на судьбу Европы, но въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній совершенно забытый и безгласный. Въ засѣданіяхъ сейма поступки Фридриха были изображены самыми черными красками; даже ничтожнѣйшіе князьки и епископы подняли голосъ противъ него. Наконецъ, не смотря на всѣ возраженія немногихъ друзей Фридриха, грозный сеймъ опредѣлилъ: «Немедленно собрать со всей Германіи *имперское карательное войско* для наказанія преступника по приговору верховнаго судилища, а начальство поручить принцу Іосифу-Маріи-Фридриху-Вильгельму-Голландіусу Саксенъ-Гильбурггаузенскому, провозглашенному въ генералъ-фельдмаршалы имперіи.» Этотъ военачальникъ имѣлъ владѣнія, которыя въ три часа времени можно было проскакать вдоль и поперегъ, и свое войско, изъ котораго, въ случаѣ нужды, легко вышла бы рота для по-

полненія любаго прусскаго полка. Вообще полководецъ карательной арміи очень напоминалъ собою другаго вождя германскаго поголовнаго ополченія, Вальтера Голяка (Walter von Habenichts, Gaultier Sans-avoir), который такъ отличился въ Крестовыхъ походахъ.

Такъ вотъ герой, котораго сеймъ противупоставлялъ первому военному генію и сильнѣйшему государю XVIII столѣтія!

Фридрихъ смѣялся надъ рѣшеніемъ грознаго сейма и ожидалъ самыхъ забавныхъ послѣдствій отъ германскаго ополченія: какъ мы увидимъ, ожиданія его не обманули.

Но гораздо большая опасность угрожала ему со стороны Франціи. Польская королева была мать супруги французскаго дофина: къ дочери прибѣгла она съ жалобами на притѣсненія Фридриха и просила защиты Такимъ образомъ просьбы и вліяніе дофины присоединились къ интригамъ г—жи Помпадуръ и французское министерство наконецъ убѣдило Людовика, что дѣйствуя противъ Ганноверскихъ владѣній Георга и противъ союзника его Фридриха, можно будетъ заставить Англію перенесть, невыгодную для Франціи, морскую войну на материкъ. Вслѣдствіе этаго Версальскій кабинетъ объявилъ, что почитаетъ вторженіе Фридриха въ Саксонію нарушеніемъ Вестфальскаго мира, за прочность котораго Франція поручилась. Немедленно приступили къ вооруженію сильнаго войска, которому съ весной назначался походъ чрезъ Рейнъ, противъ Ганновера и Пруссіи. Въ тоже время, по предварительному соглашенію, Швеція должна была ударить съ сѣвера и съ оружіемъ въ рукахъ требовать возвращенія части Помераніи, уступленной ею отцу Фридриха.

Фридрихъ готовился къ встрѣчѣ враговъ, обдумывалъ планы своихъ дѣйствій, а между тѣмъ сталъ строго наблюдать за перепискою польской королевы, которая имѣла для него такія вредныя слѣдствія. Караулы у всѣхъ городскихъ воротъ Дрездена были удвоены и получили предписаніе ничего не пропускать, безъ строжайшаго осмотра.

Досуги свои Фридрихъ, по обыкновенію, посвящалъ литературѣ и музыкѣ; ѣздилъ въ концерты и оперы; устроивалъ у себя балы и маскерады и старался, по возможности, облегчить и позолотить цѣпи, которыя наложилъ на бѣдныхъ саксонцевъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ПЯТАЯ.

Начало похода 1757 года.

БИТВЫ ПРИ ПРАГѢ И КОЛЛИНѢ.

ридрихъ въ теченіе зимы значительно усилилъ свои войска. Къ веснѣ у него стояли подъ ружьемъ 200,000 человѣкъ, хорошо обученныхъ, обмундированныхъ, обезпеченныхъ на годъ всѣми жизненными и военными потребностями. Соединенныя арміи всѣхъ его непріятелей могли состоять не болѣе, какъ изъ 500,000 человѣкъ.

Не смотря на то, что силы враговъ превосходили его собственныя въ полтора раза, Фридрихъ не упадалъ духомъ и даже надѣялся на вѣрный успѣхъ. Онъ рѣшился предупреждать ихъ въ каждомъ движеніи, не давать имъ дѣйствовать совокупными силами, но сразиться съ каждымъ отдѣльно.

Франція, Россія, Швеція и имперская карательная армія пока были еще заняты военными приготовленіями. Одна Австрія стояла во всеоруженіи противъ Фридриха. Недавая подоспѣть другимъ державамъ, онъ рѣшился атаковать и уничтожить главнаго и сильнѣйшаго своего врага, чтобы обезпечить себя хотя съ одной стороны и потомъ свободнѣе дѣйствовать противъ остальныхъ непріятелей.

Но австрійцы сами переняли у Фридриха его тактику. Фельдмаршалъ Браунъ составилъ планъ напасть на пруссаковъ въ самой Саксоніи съ такой же быстротой, съ какой Фридрихъ доселѣ нападалъ на австрійцевъ. Для этаго онъ устроилъ на саксонской границѣ магазины и расположилъ свои войска корпусами въ самой выгодной позиціи, такъ, что могъ легко проникнуть въ Саксонію и въ тоже время прикрыть ими Богемію.

Фридрихъ показывалъ видъ будто не замѣчаетъ намѣреній непріятеля, укрѣпилъ наскоро Дрезденъ и распустилъ слухи, что будетъ выжидать нападенія со стороны австрійцевъ. Между тѣмъ войска его четырьмя колоннами потихоньку двигались уже къ границамъ Богеміи.

Австрійскій дворъ доселѣ держался оборонительной системы и желалъ напасть на Фридриха тогда только, какъ онъ будетъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ союзными войсками; а потому Марія-Терезія была весьма недовольна распоряженіями Брауна. Она немедленно передала главное начальство надъ войсками принцу Карлу Лотарингскому, который, прибывъ къ арміи, тотчасъ перемѣнилъ планъ и всѣ распоряженія Брауна. Но операціонная система принца Карла была слишкомъ недальновидна и открыла пруссакамъ многія выгоды, которыми Фридрихъ поспѣшилъ воспользоваться.

Какъ четыре горные потока ринулись прусскія войска въ Богемію, по направленію къ Прагѣ, опрокидывая все, что имъ встрѣчалось на пути. Первая прусская колонна, въ 16,000 человѣкъ, подъ начальствомъ герцога Бевернскаго, вскорѣ встрѣтила непріятельскій корпусъ графа Кенигсэка, окопавшійся близъ Рейхенберга. Австрійцы были тутъ же атакованы и обращены въ бѣгство. Въ тоже время фельдмаршалъ Шверинъ съ своей колонной при Кёнигсгофѣ перешелъ Эльбу и хотѣлъ обойти Кенигсэка, но тотъ успѣлъ еще во время ретироваться къ Прагѣ, оставя богатый магазинъ въ Юнгъ-Бунцлау въ добычу Шверину. Самъ Фридрихъ переправился чрезъ Молдаву, ввиду непріятеля, который, заботясь только о своемъ сосредоточеніи, не смѣлъ атаковать его. Принцъ Морицъ Дессаускій провелъ свою колонну безпрепятственно горными проходами, остановился за рѣкою и началъ наводить мостъ.

6-го мая, рано утромъ всѣ прусскія войска соединились около Праги. Всѣ корпуса вмѣстѣ состояли слишкомъ изъ ста тысячъ человѣкъ. Фридрихъ рѣ-

шился немедленно начать дѣло, не взирая на возраженія генераловъ своихъ, которые совѣтывали узнать напередъ покороче мѣстность и дать время принцу Морицу навести понтоны въ тылу непріятеля. Фридрихъ не хотѣлъ ничего слушать: «Сегодня я рѣшилъ разбить врага,» говорилъ онъ,—«и мы должны драться непремѣнно.» Винтерфельдъ былъ посланъ съ отрядомъ гусаръ на рекогносцировку мѣстности, а между тѣмъ Фридрихъ распредѣлялъ полки по мѣстамъ и приводилъ ихъ въ боевой порядокъ.

Австрійцы, которые совсѣмъ не ожидали незванныхъ гостей, быстро приняли мѣры къ ихъ встрѣчѣ и заняли превосходную позицію. Лѣвое крыло ихъ упиралось въ гору Жишки и было защищаемо укрѣпленіями Праги; центръ находился на крутой возвышенности, у подошвы которой разстилалось болото: правое крыло занимало косогоръ, заграждаемый деревней Шербоголь.

Винтерфельдъ донесъ королю, что только съ этой стороны можно обойти непріятеля и напасть на него во флангъ, потому что тутъ, между озерами и плотинами, есть засѣянныя овсомъ поляны, по которымъ войско легко можетъ пробраться. Въ туже минуту былъ отданъ приказъ начать дѣло.

Шверинъ повелъ лѣвое прусское крыло въ обходъ, по показанной Винтерфельдомъ дорогѣ. Но тутъ встрѣтились неожиданныя затрудненія: поляны, засѣянныя овсомъ, были ничто иное, какъ спущенные, тинистые пруды, заросшіе травою. Солдаты принуждены были по узкимъ плотинамъ и тропинкамъ пробираться по одиночкѣ, а тамъ, гдѣ ихъ вели по три въ рядъ, крайніе вязли въ болотѣ по колѣна. Въ иныхъ мѣстахъ цѣлые полки едва не погрязли сосовершенно въ тонкой тинѣ и съ трудомъ могли выбраться. Большую часть пушекъ принуждены были бросить. Несмотря на такой трудный маршъ, прусскіе солдаты шли впередъ съ удивительной твердостію, ободряли другъ друга и старались наблюсти возможный порядокъ, который при такихъ обстоятельствахъ необходимо долженъ былъ разстроиться.

Въ часъ по полудни пруссаки преодолѣли всѣ препятствія, выстроились въ боевой порядокъ и бросились въ атаку. Но австрійцы, которые слѣдили за ихъ движеніемъ, встрѣтили ихъ страшнымъ огнемъ изъ пушекъ. Цѣлые ряды мертвыхъ тѣлъ покрыли поле; пруссаки съ безпримѣрною неустрашимостью шли впередъ по трупамъ убитыхъ товарищей; но батареи австрійскія дѣйствовали такъ смертоносно, что должны были положить предѣлъ каждой человѣческой храбрости: бодрые полки Шверина дрогнули и обратились въ бѣгство. Тогда семидесятитрехлѣтній вождь хотѣлъ испытать послѣднее средство и своею личною храбростію напомнить солдатамъ о ихъ долгѣ. Быстро подскакалъ онъ къ бѣгущему штандартъ-юнкеру, выхватилъ у него знамя и громовымъ голосомъ крикнулъ: «Пруссія и Фридрихъ! За мной, дѣти!»

Вмигъ все обратилось на знакомый голосъ: ряды сомкнулись, ружья на перевѣсъ... и солдаты съ крикомъ бросились за сѣдовласымъ вождемъ. Но едва они прошли нѣсколько шаговъ, какъ четыре картечи пробили грудь фельдмаршала и онъ, покрытый знаменемъ, палъ впереди своего храбраго полка.

Смерть любимаго полководца разожгла въ пруссакахъ чувство мести. Какъ львы бросились они на австрійскія колонны и сбили ихъ съ позиціи. Браунъ, командовавшій правымъ крыломъ австрійцевъ, былъ смертельно раненъ и отнесенъ за фронтъ. Это еще болѣе увеличило смятеніе, бой сдѣлался рукопашнымъ. Пруссаки, одушевляемые генераломъ Фуке, который принялъ команду надъ лѣвымъ крыломъ по смерти Шверина, гнали и тѣснили австрійцевъ со всѣхъ сторонъ. Несущаяся на нихъ конница была опрокинута храбрымъ Цитеномъ, который съ двумя полками гусаръ осмѣлился даже атаковать тяжелую кавалерію австрійцевъ.

Въ тоже время происходила атака лѣваго крыла австрійцевъ прусскою конницею. Эта атака была произведена съ такимъ неистовствомъ, что австрійская конница не могла устоять. Пруссаки врубились въ ряды ея и, послѣ кровопролитной сѣчи, принудили бѣжать. Безпорядокъ увеличился еще болѣе, когда

самъ принцъ Лотарингскій, отъ сильной судороги въ груди, упалъ съ коня и былъ отнесенъ въ Прагу.

Теперь пруссакамъ со всѣхъ сторонъ открылся доступъ. Сраженіе сдѣлалось всеобщимъ: дрались на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только мѣстность допускала битву. Несмотря на отчаянное сопротивленіе и отличную храбрость австрійцевъ, всѣ усилія ихъ пропадали, потому-что они, за недостаткомъ главнокомандующаго, не были направлены къ одной цѣли, по общепринятному плану. Фридрихъ, замѣтя, что въ срединѣ австрійской арміи открылся промежутокъ, ринулся въ него съ своимъ центромъ и раздѣлилъ такимъ образомъ всю непріятельскую армію на двѣ половины. Пѣхота лѣваго австрійскаго крыла пока не была еще въ дѣлѣ. Принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій съ шестью баталіонами ударилъ на нее въ тылъ и во флангъ, а принцъ Генрихъ Прусскій въ тоже время пошелъ въ атаку съ фронта и овладѣлъ тремя батареями.

Такимъ образомъ, непріятель, со всѣхъ сторонъ тѣснимый, въ величайшемъ безпорядкѣ началъ отступать. Пруссаки гнали его съ горы на гору, топили въ болотахъ, рубили въ тѣснинахъ, до тѣхъ поръ, пока сумракъ ночи не прекратилъ рѣзни. Всѣ австрійскія войска обратились въ бѣгство, часть ихъ бросилась въ Прагу, другая побѣжала полями.

Такъ кончился этотъ кровавый день, достопамятный въ исторіи новѣйшихъ битвъ. Городъ Прага не могъ вмѣстить всѣхъ войскъ и часть австрійской арміи ретировалась къ югу, надѣясь соединиться со сборнымъ корпусомъ фельдмаршала Дауна, который былъ расположенъ невдалекѣ отъ Куттенберга. Эта часть австрійской арміи обязана своимъ спасеніемъ единственно тому обстоятельству, что принцъ Морицъ Дессаускій не успѣлъ окончить своего моста чрезъ Молдаву, которая, отъ предшествовавшихъ дождей, сильно разлилась. Иначе онъ съ своими свѣжими войсками, не бывшими въ дѣлѣ, ударивъ въ тылъ бѣгущимъ австрійцамъ, непремѣнно положилъ бы ихъ на мѣстѣ и тѣмъ, можетъ быть, окончилъ бы совершенно кампанію.

Пруссаки показали въ Прагской битвѣ удивительные примѣры неустрашимости и геройства. Принцъ Генрихъ Прусскій соскочилъ съ лошади и самъ повелъ свой баталіонъ на батарею. У Фуке картеча раздробила кисть правой руки и вырвала шпагу. Онъ велѣлъ себѣ привязать тесакъ простаго солдата къ раздробленной рукѣ и опять повелъ своихъ людей въ огонь.

Поле битвы представляло ужасное зрѣлище: двадцать три тысячи мертвыхъ тѣлъ покрывали его. Одна Пруссія потеряла 11,000 убитыми и 4500 ранеными. Особенно пострадала пѣхота. Побѣда стоила Фридриху нѣсколь-

кихъ отличныхъ генераловъ: кромѣ Шверина (*), пали принцы Голштинскій и Ангальтскій, и генералъ Гольцъ. Фуке и Винтерфельдъ были тяжко ранены.

На слѣдующій день и австрійцы оплакали кончину Брауна. Фридрихъ успѣлъ еще послать изъявить ему свое соболѣзнованіе и возвѣстить о смерти Шверина.

Сорокъ тысячъ австрійцевъ заперлись въ Прагѣ; городъ едва могъ вмѣстить такое значительное войско. Фридрихъ послѣ самой битвы потребовалъ сдачи города, но эрцгерцогъ Карлъ Лотарингскій не соглашался. Фридрихъ сначала хотѣлъ въ туже ночь штурмовать Прагу, но побоялся ослабить свое войско, и безъ того сильно пострадавшее въ жестокой битвѣ. Онъ только обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ и послалъ къ силезской границѣ за осадными орудіями, надѣясь скоро принудить принца Карла къ сдачѣ, посредствомъ огня и голода.

Хотя Прагская побѣда не вполнѣ удовлетворила желанія прусскаго короля, но она возбудила удивленіе цѣлой Европы, остановила на нѣкоторое время союзныя войска, которыя въ нерѣшимости не знали, что имъ дѣлать, продолжать ли свои марши или возвратиться назадъ; а вѣнскій дворъ трепеталъ за независимость всей имперіи: отъ сдачи Праги, вмѣщавшей главную силу австрійской арміи, зависѣла участь Австріи, тѣмъ болѣе, что смѣлый парти-

(*) Тѣло его съ трудомъ могли отыскать между убитыми. Его отнесли въ Маргаритинскій монастырь и положили передъ престоломъ. Съ глубокой, видимой скорбію стоялъ передъ нимъ Фридрихъ и долго смотрѣлъ въ лицо мертвеца. Потомъ онъ самъ отдалъ всѣ приказанія касательно необходимыхъ распоряженій къ его похоронамъ. Фельдмаршала отвезли съ приличнымъ погребальнымъ конвоемъ и всѣми воинскими почестями—въ помѣстье его близъ Вуссекена, въ Помераніи. Тамъ онъ былъ поставленъ въ свой фамильный склепъ. Шверинъ, ученикъ Мальборуга и принца Евгенія, былъ въ свою очередь учителемъ въ военномъ дѣлѣ великаго Фридриха. Самые враги уважали и цѣнили замѣчательныя воинскія дарованія и мужество Шверина. Вотъ что Фридрихъ пишетъ объ немъ въ своихъ сочиненіяхъ: «Несмотря на глубокую старость, Шверинъ сохранилъ весь свой юношескій огонь. Съ глубокимъ огорченіемъ увидѣлъ онъ, что пруссаки должны были отступить въ Прагскомъ дѣлѣ, и съ необычайнымъ мужествомъ кинулся впередъ и повелъ ихъ на врага. Смерть его помрачила лавры побѣды, купленной столь драгоцѣнною кровію.» Въ память знаменитаго полководца и его геройской смерти, Фридрихъ воздвигнулъ въ Берлинѣ, на Вильгельмовской площади, мраморный монументъ.

Когда, впослѣдствіи, въ 1776 году, императоръ Іосифъ II, производилъ маневры при Стерболѣ, онъ приказалъ войскамъ построиться около мѣста, на которомъ палъ Шверинъ, и почтить его память троекратнымъ ружейнымъ и пушечнымъ залпомъ, причемъ каждый разъ обнажалъ голову.—Въ 1824 году прусскіе офицеры на самомъ этомъ мѣстѣ поставили фельдмаршалу Шверину памятникъ, въ видѣ пирамиды, изъ краснаго мрамора.

занскій корпусъ пруссаковъ изъ Богеміи проникъ въ Баварію и распространилъ ужасъ прусскаго имени до самаго Регенсбурга. Марія-Терезія готовилась уже новыми пожертвованіями искупить миръ и свободу у непобѣдимаго прусскаго короля.

Между тѣмъ судьба устроивала все иначе. Корпусъ Дауна, не участвовавшій въ прагскомъ дѣлѣ, увеличился присоединеніемъ части войска Карла Лотарингскаго и нѣсколькими вновь подоспѣвшими полками. Онъ считалъ подъ ружьемъ 60,000 человѣкъ. Съ такою силою онъ легко могъ выручить Карла изъ Праги —Этаго боялся Фридрихъ, на это надѣялись осажденные.

Въ первые дни осады пруссаки успѣли отнять у австрійцевъ гору Жишки, и владѣя, такимъ образомъ, высотою, опустошительно дѣйствовали на городъ. Всѣ вылазки осажденныхъ были отбиты. Въ день святаго Непомука, патрона Богеміи, принцъ Карлъ собралъ все войско и всѣхъ жителей на торжественное молебствіе о спасеніи города и побѣдѣ надъ противниками.

Въ тотъ же день лазутчикъ принесъ письмо отъ императрицы-королевы. Она писала къ главнокомандующему: «Честь всей націи, честь императорскаго оружія зависитъ теперь отъ мужественнаго сопротивленія Праги. Благо всей римской имперіи въ рукахъ нашего воинства и вѣрноподданныхъ жителей сего города! Фельдмаршалъ Даунъ придетъ къ вамъ на помощь: армія его увеличивается съ каждымъ днемъ. Французское войско также подвигается быстрыми шагами. Съ Божіей помощью дѣло утѣсненныхъ приметъ скоро другой видъ!» Все это успокоило нѣсколько осажденныхъ и зажгло въ нихъ лучъ надежды и мужества. Но въ тоже время прибыли осадныя орудія Фридриха и пять грозныхъ батарей

воздвиглись около несчастнаго города. Громъ пушекъ раздался надъ головами австрійцевъ и сердца ихъ снова дрогнули.

Въ ночь на 30-е мая, бомбы и каленыя ядра разсыпались съ трескомъ надъ Прагою и цѣлые кварталы запылали. Къ третьему іюня, пламя, подкрѣпляемое сильнымъ вѣтромъ, истребило нѣсколько предмѣстій и улицъ.

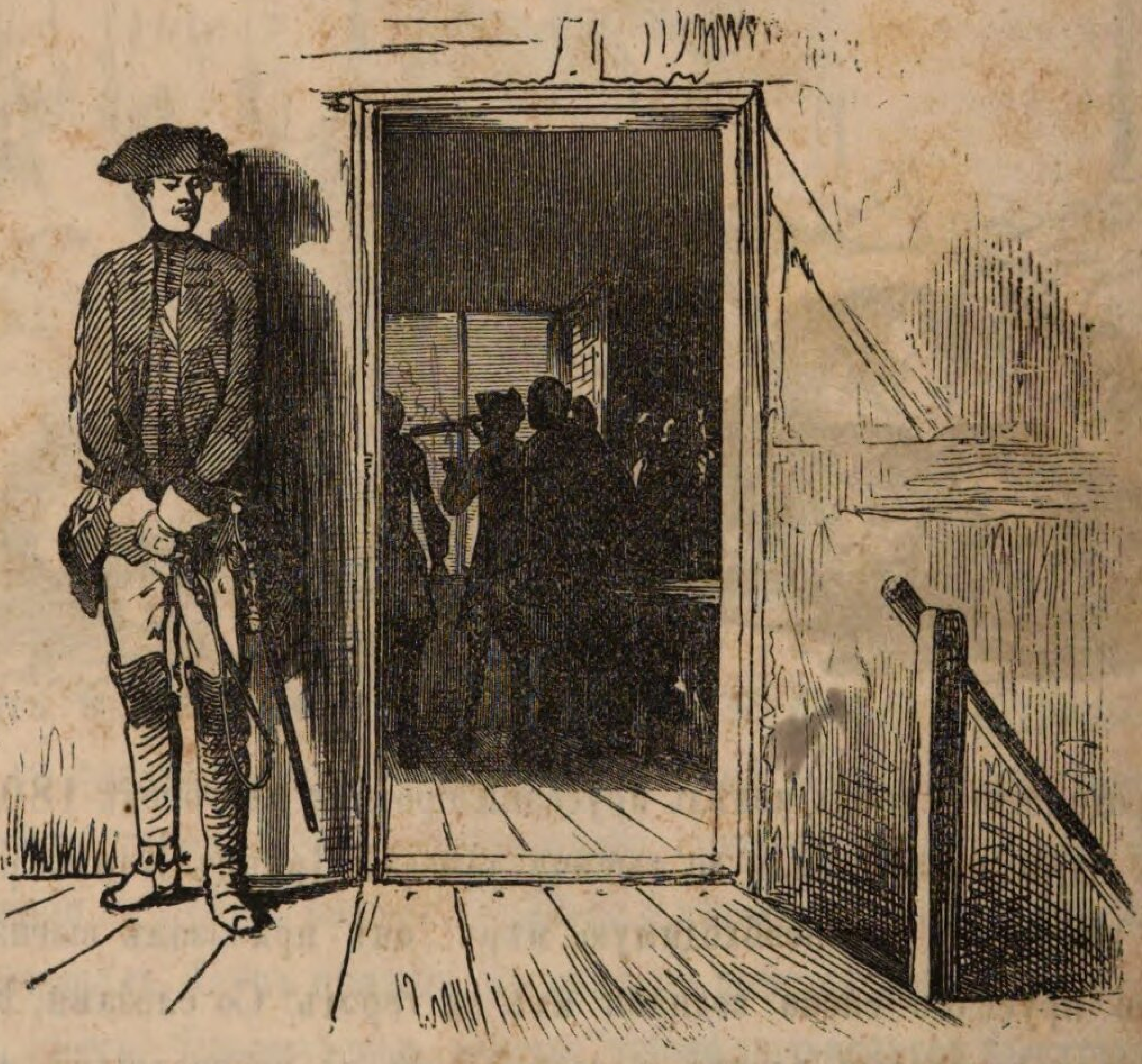
Жители не успѣвали тушить пожаровъ. Люди гибли сотнями подъ развалинами домовъ, задыхались отъ сильнаго дыма. Голодъ и болѣзни увеличивали страшное опустошеніе. Городъ не былъ приготовленъ къ продолжительной осадѣ: запасные магазины его опустѣли въ первую недѣлю, войско питалось кавалерійскими лошадьми, которыхъ убивали ежедневно по нѣсколько сотенъ. Храмы обратились въ лазареты для раненыхъ и больныхъ, гдѣ они умирали страдальческою смертью, безъ всякаго пособія Воздухъ заражался отъ вредныхъ испареній и множества гніющихъ труповъ, которыхъ не успѣвали хоронить. Жертвы смерти умножались съ каждымъ днемъ.

Въ продолженіе трехъ недѣль пруссаки бросили въ городъ 180,000 бомбъ и каленыхъ ядръ, и разрушили до тысячи домовъ. Принцъ Карлъ рѣшился наконецъ на жестокую, но необходимую мѣру: онъ приказалъ выгнать 12,000 жителей, но пруссаки снова вогнали ихъ въ городъ. Со слезами, на колѣнахъ умоляли Карла городовыя власти о состраданіи къ несчастнымъ жертвамъ, о сдачѣ Праги. Карлъ смягчился и послалъ къ Фридриху парламентеровъ, прося свободнаго выпуска войскъ изъ города. Фридрихъ требовалъ сдачи и города и войска, и болѣе ничего не хотѣлъ слушать. На это Карлъ не согласился.

Между-тѣмъ осада Праги была для Фридриха столь же непріятна, какъ и для австрійцевъ. Онъ терялъ время, а оно было ему необходимо для дальнѣйшихъ операцій противъ остальныхъ союзниковъ Австріи. Къ тому же онъ ежедневно получалъ неблагопріятныя извѣстія: въ Вестфалію шли 100,000 французовъ, въ Пруссію столько же русскихъ. Притомъ и Даунъ не дремалъ: онъ составилъ планъ—фальшивыми маневрами обмануть обсерваціонный корпусъ герцога Беверенскаго, выставленный противъ него Фридрихомъ, тихонько окружить его при Куттенбергѣ и, положивъ на мѣстѣ, двинуться къ Прагѣ и, такимъ образомъ, поставить прусскаго короля между двухъ огней. По счастію, Цитенъ проникъ его намѣренія, поставилъ ему оплотъ и далъ время герцогу Беверенскому отступить къ Коллину, а оттуда къ Каурциму, въ такомъ порядкѣ, что принцъ на походѣ могъ еще овладѣть нѣсколькими непріятельскими магазинами, почти въ глазахъ Дауна.

Эти обстоятельства заставили Фридриха сдать главную команду надъ осаднымъ войскомъ фельдмаршалу Кейту и принять рѣшительныя мѣры противъ Дауна, безъ уничтоженія котораго нельзя было надѣяться на скорую сдачу Праги. Отдѣливъ отъ осаждающей арміи небольшую часть войска, Фридрихъ поспѣшилъ съ нею къ Каурциму и 15-го іюня соединился съ герцогомъ Беверенскимъ.

Король былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Одержавъ столько удачныхъ побѣдъ, дѣйствуя всегда рѣшительно и быстро, онъ не привыкъ къ долгому сопротивленію. Нетерпѣніе и досада на долговременную осаду Праги

до того его разстроили, что онъ осыпалъ упреками даже самыхъ близкихъ къ нему и достойныхъ генераловъ. Это раздраженное состояніе души, которое невыгодно дѣйствовало и на самое войско, отчасти повредило исполненію его плановъ.

Іюня 18-го должна была разыграться рѣшительная битва при Коллинѣ, отъ результата которой зависѣла вся участь кампаніи.

Даунъ за ночь расположилъ свою армію, вдвое сильнѣйшую прусской, и принялъ такую превосходную позицію, между Коллиномъ и Планіаномъ, что самъ Фридрихъ былъ пораженъ, когда изъ небольшаго трактира, на коллинской дорогѣ, вполнѣ обозрѣлъ ее.

Одна линія стояла на скатѣ горъ, другая на вершинахъ. Фронтъ арміи былъ закрытъ деревнями, обрывистыми пригорками и рытвинами, до него почти небыло никакой возможности добраться. На правомъ крылѣ, огражденномъ съ фланга глубокимъ обрывомъ, была расположена кавалерія, на лѣвомъ пѣхота, защищенная деревней Свойшюцъ, а за нею стояли резервные полки и часть кавалеріи, которую мѣстность не позволяла употребить съ пользою на этомъ пунктѣ. По всей первой линіи была распредѣлена тяжелая артиллерія съ удивительнымъ расчетомъ.

По обозрѣніи непріятельской позиціи, Фридрихъ составилъ планъ битвы, который всѣми тактиками почитается превосходнымъ. Онъ былъ очень простъ. Противъ праваго крыла австрійцевъ король хотѣлъ сосредоточить главныя свои силы, сбить корпусъ генерала Надасти, его прикрывающій, потомъ густою массою ударить въ его флангъ и тылъ и такимъ образомъ лишить непріятеля всѣхъ выгодъ его позиціи.

Въ часъ по полудни, король подалъ знакъ къ начатію дѣла. Генералы Цитенъ и Гюльзенъ повели авангардъ, состоявшій изъ гусаръ и гренадеровъ, въ атаку. Цитенъ ударилъ на корпусъ Надасти; послѣ отчаянной сѣчи сбилъ его съ мѣста и началъ преслѣдовать. Гюльзенъ между тѣмъ овладѣлъ деревней и погостомъ, занятыми легкой конницей, и двумя батареями въ 12 орудій. Все шло, какъ нельзя лучше для пруссаковъ, какъ вдругъ, Богъ вѣсть по какому ложному донесенію, королю вздумалось измѣнить собственный свой планъ и остановить баталіоны, посланные на подкрѣпленіе авангарду. Онъ скомандовалъ всей пѣхотѣ лѣваго крыла перемѣнить дирекцію и прямо итти на фронтъ первой непріятельской линіи. Принцъ Морицъ быстро подскакалъ къ Фридриху и умолялъ его отмѣнить это приказаніе, представляя всю опасность новаго движенія и страшныя послѣдствія, которыя оно можетъ повлечь за собою. Король не хотѣлъ ничего слушать; принцъ настаивалъ, Фридрихъ приказалъ ему замолчать, но когда Морицъ продолжалъ свои убѣжденія и просьбы—король бросился на него

съ обнаженною шпагой и грозно закричалъ: «Будешь ли ты повиноваться или нѣтъ?» Тогда принцъ съ горестію возвратился къ своему посту.

Несмотря на всѣ затрудненія, на страшный огонь непріятельскихъ батарей, пруссаки съ бодростію исполнили приказаніе короля; по грудамъ труповъ, какъ по горамъ, добрались они до австрійской линіи, овладѣли батареею, потѣснили непріятеля и соединились съ авангардомъ.

Правое крыло австрійцевъ было сбито съ позиціи смято и бросилось въ безпорядкѣ на центръ. Все предвѣщало пруссакамъ побѣду. Даунъ написалъ наскоро карандашомъ приказаніе, чтобы войска ретировались въ Сухдоль и разослалъ съ нимъ своихъ адъютантовъ по разнымъ отрядамъ.

Но вдругъ счастіе, властелинъ каждаго успѣха, противъ котораго не устоитъ ни храбрость, ни самая остроумная тактика, обратилось на сторону австрійцевъ. Генералъ Манштейнъ, въ порывѣ воинскаго жара, безъ позволенія кинулся на деревню, лежавшую по дорогѣ и занятую пандурами. Преслѣдуя ихъ до самой непріятельской линіи, онъ подвергъ своихъ солдатъ опустошительному дѣйствію батарей и вдругъ остановился. Отъ этаго въ прусской пѣхотѣ произошелъ интервалъ и вся армія получила фальшивую дирекцію. Австрійская конница, соединясь съ подоспѣвшею къ Дауну изъ Польши саксонскою кавалерію, воспользовалась этимъ безпорядкомъ и ринулась въ интервалъ. Съ безпримѣрнымъ хладнокровіемъ и быстротою прусская пѣхота, пропустивши непріятельскіе эскадроны въ свои промежутки, смыкалась въ каре, и открыла по врагамъ неумолкающій ружейный огонь. Страшно свирѣпствовала смерть между этими живыми стѣнами, люди и лошади образовали цѣлыя горы. Австрійскіе всадники всѣ должны были погибнуть въ смертоносной оградѣ, въ которую сами себя заключили. Но у пруссаковъ не достало патроновъ, а новые

кавалерійскіе полки ринулись на нихъ съ фланга и въ тылъ. Все смѣшалось; всадники топтали ихъ лошадьми и рубили съ остервененіемъ. При каждомъ сабельнымъ ударѣ саксонцы кричали; «вотъ вамъ за Штригау!» Двѣнадцать лѣтъ не ослабили въ нихъ память о страшномъ Штригаускомъ пораженіи и теперь они хотѣли насладиться полнымъ мщеніемъ надъ пруссаками.

Наконецъ прусская пѣхота бросилась бѣжать. Фридрихъ хотѣлъ поддержать ее кавалеріей, но и та была обращена въ бѣгство страшнымъ батарейнымъ огнемъ. Напрасно король старался удержать ее; всѣ усилія его остались тщетными. Послѣ долгихъ увѣщаній и просьбъ, едва удалось ему собрать сорокъ человѣкъ, которыхъ онъ самъ повелъ на батарею, въ надеждѣ что за ними послѣдуютъ и другіе. Но едва картечи непріятельскія коснулись этой послѣдней горсти вѣрныхъ, и она разсыпалась во всѣ стороны. Фридрихъ не замѣчалъ этого и все ѣхалъ впередъ, пока подскакавшій адъютантъ не спросилъ его: «Развѣ ваше величество одни хотите взять батарею?» Король оглянулся: кругомъ его было пустое поле. Онъ горько усмѣхнулся, вынулъ зрительную трубку, нѣсколько минутъ осматривалъ батарею, и наконецъ шагомъ поѣхалъ на правое свое крыло.

Между-тѣмъ недостатокъ въ подкрѣпленіи остановилъ первые блистательные успѣхи прусскаго авангарда. Вмѣсто пѣхоты Цитенъ долженъ былъ употребить кирасировъ, которые цѣлыми рядами ложились на мѣстѣ отъ града картечь. Одна изъ нихъ сорвала шапку съ Цитена, онъ получилъ контузію въ голову и безъ чувствъ упалъ съ лошади. Его подняли и отнесли въ коляску принца Морица, гдѣ онъ очнулся по окончаніи битвы. Между-тѣмъ Даунъ, какъ вихрь, переносился отъ одного отряда къ другому, самъ распоряжался

всѣмъ и вездѣ, ободрялъ своихъ солдатъ словомъ и дѣломъ. Гдѣ только онъ замѣчалъ интервалы въ прусской арміи, туда тотчасъ посылалъ саксонскихъ карабинеровъ, они производили страшное опустошеніе и безпорядокъ въ непріятельскихъ рядахъ. Наконецъ все перемѣшалось, правильное сраженіе обратилось въ рукопашный бой. Пруссаки дрались до послѣдняго издыханія, какъ истинные герои, каждый легъ на мѣстѣ, которое занималъ въ рядахъ по чину. Поле было наводнено кровію, усѣяно мертвыми тѣлами.

Фридрихъ увѣрился, что битвы выиграть невозможно. Онъ призвалъ герцога Бевернскаго и принца Морица Дессаускаго и предписалъ имъ отступить съ войскомъ чрезъ Планіанъ въ Нимбургъ, а тамъ переправиться чрезъ Эльбу. Правое крыло пруссаковъ, совсѣмъ не бывшее въ дѣлѣ, должно было прикрывать ретираду. Самъ Фридрихъ, въ сопровожденіи своей лейбгвардіи, отправился впередъ.

Непріятель овладѣлъ полемъ битвы и такъ былъ пораженъ, совершенно для него новымъ, зрѣлищемъ отступленія пруссаковъ, что долго оставался спокойнымъ зрителемъ ихъ ретирады, которая совершалась въ величайшемъ порядкѣ.

Наконецъ, увѣрившись, что это не фальшивый маневръ, австрійцы бросились на прусскій арріергардъ. Кровопролитный бой завязался снова, и только наступившая темнота раздѣлила воюющія войска.

Ночью развалины прусской арміи безъ преслѣдованія прибыли въ Нимбургъ, оставя въ рукахъ непріятеля только сорокъ пять орудій, подъ которыми были убиты лошади.

Фридрихъ, съ своимъ маленькимъ прикрытіемъ, принужденъ былъ скакать во весь опоръ, потому что дорога была усѣяна пандурами и австрійскими партизанскими отрядами. Долго онъ не могъ притти въ себя отъ перваго удара судьбы, который поразилъ его на счастливомъ доселѣ воинскомъ поприщѣ. Когда генералы привели войско въ Нимбургъ, они нашли короля въ уединенномъ закоулкѣ города. Онъ сидѣлъ на бревнѣ, поникнувъ головою, и въ глубокомъ раздумьи чертилъ палкою фигуры на пескѣ

Никто не смѣлъ прервать его размышленій: генералы молча стояли вокругъ него и ждали. Наконецъ онъ вскочилъ съ мѣста и съ принужденною веселостью отдалъ нужныя приказанія. Но когда онъ взглянулъ на малый остатокъ своей любимой гвардіи, изъ которой уцѣлѣло не болѣе полутораста человѣкъ, у него навернулись слезы.

«Дѣти! сказалъ онъ гвардейцамъ, нынче былъ для васъ черный день!»— Что дѣлать, отвѣчали солдаты, насъ плохо вели.—«Дайте срокъ, друзья,— продолжалъ Фридрихъ, я опять все поправлю!»

Потеря съ прусской стороны въ Коллинскомъ дѣлѣ простиралась до 14,000 человѣкъ, съ австрійской — только до 8,000. Даунъ, какъ великодушный побѣдитель, отправилъ даже къ Фридриху раненыхъ, которыхъ ретирующаяся армія не успѣла захватить съ собою изъ Планіана.

Непремѣннымъ слѣдствіемъ Коллинскаго пораженія было снятіе осады Праги. Во время сраженія при Коллинѣ, Карлъ Лотарингскій предпринималъ самыя отчаянныя вылазки, но всѣ покушенія его были уничтожаемы умной и дѣятельною распорядительностію брата Фридриха, принца Фердинанда. Теперь къ общему огорченію всей прусской арміи, Прагу надлежало оставить Осада была снята правильно и открыто. Прежде всего позаботились объ раненыхъ офицерахъ: ихъ, подъ прикрытіемъ, отправили въ Саксонію (*) Потомъ, рано

(*) Между ранеными находился и генералъ Манштейнъ, виновникъ потери Коллинской битвы, которому ружейная пуля раздробила лѣвую руку Король приказалъ его отправить въ Дрезденъ съ тридцатью другими офицерами. Ихъ сопровождалъ отрядъ изъ 200 саксонцевъ. Близъ Лейтмерица узнали они, что на нихъ устремляется партизанскій отрядъ Лаудона Манштейнъ, занявъ одно изъ возвышеній, приказалъ устроить вагенбургъ и рѣшился вступить въ бой съ непріятелемъ. Но при первомъ появленіи австрійцевъ,

утромъ оставили траншеи и укрѣпленные посты, и армія тронулась въ походъ, въ величайшемъ порядкѣ, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ. Только на послѣдніе отряды принцъ Карлъ рѣшился сдѣлать нападеніе. Пруссаки при этомъ претерпѣли самый ничтожный уронъ. Даунъ между-тѣмъ торжествовалъ свою побѣду молебствіемъ и празднествомъ въ лагерѣ, и не подумалъ даже помѣшать соединенію обѣихъ прусскихъ армій.

Вслѣдъ за тѣмъ Даунъ отправился въ Прагу, гдѣ присоединился къ войскамъ принца Лотарингскаго.

Несмотря на свои значительныя потери, несмотря на нравственное разстройство арміи и на собственную душевную тревогу, Фридрихъ непремѣнно хотѣлъ удержаться въ Богеміи. Онъ еще надѣялся поправить свои ошибки. Вотъ что онъ писалъ, вскорѣ послѣ Коллинскаго дѣла, къ брату фельдмаршала Кейта: «Счастіе, любезный лордъ, внушаетъ намъ часто пагубную для насъ самоувѣренность. Пруссаки храбры, но двадцати трехъ баталіоновъ было мало, чтобъ разбить 60,000 непріятелей. Въ другой разъ поступимъ благоразумнѣе. Въ этотъ день фортуна обратилась ко мнѣ спиною; этаго надо было ожидать: она женщина, а я человѣкъ невлюбчивый. Она болѣе расположена къ дамамъ, которыя со мной воюютъ. Какъ удивился бы великій маркграфъ Фридрихъ-Вильгельмъ, еслибъ увидѣлъ своего правнука въ войнѣ съ Россіею, Австріею, со всей Германіей и стотысячнымъ войскомъ французовъ? Не знаю, будетъ ли мнѣ стыдно проиграть дѣло, но увѣренъ, что и противникамъ не много будетъ чести побѣдить меня!»

Цѣль короля состояла въ томъ, чтобъ отобрать у сѣверной части Богеміи всѣ съѣстные припасы и чрезъ то затруднить непріятелю всякое покушеніе на Саксонію. Онъ раздѣлилъ свое войско на двѣ части. Одна расположилась по обѣ стороны Эльбы близъ Лейтмерица, гдѣ большой, массивный мостъ, тамъ находящійся, служилъ ей надежнымъ сообщеніемъ. Другая часть, подъ начальствомъ принца Вильгельма-Прусскаго, прошла чрезъ Юнгъ-Бунцлау на Нейшлосъ и заняла укрѣпленный лагерь при Бемишъ-Лейпе.

Въ этомъ положеніи пруссаки оставались три недѣли, выжидая движеній непріятеля. Но австрійскіе военачальники все еще недовѣряли своимъ силамъ и не рѣшались ни на какое смѣлое предпріятіе. Во время этаго трехнедѣльнаго тревожнаго ожиданія, Фридрихъ былъ еще болѣе разстроенъ извѣстіемъ о кон-

саксонцы разбѣжались; безпомощные офицеры остались одни. Манштейнъ, послѣ своего проступка, не надѣялся на слишкомъ блистательную будущность. Онъ рѣшился лучше умереть, чѣмъ отдаться въ плѣнъ непріятелю. Выскочивъ изъ коляски, онъ, какъ левъ, дрался съ атакующими и дотого озлобилъ ихъ своимъ сопротивленіемъ, что былъ на мѣстѣ изрубленъ въ куски.

чинѣ вдовствующей королевы, своей матери. Горесть о потерѣ этой добродѣтельной, благородной женщины, которую онъ любилъ со всѣмъ жаромъ сыновняго чувства, лишила его на нѣсколько дней всѣхъ способностей души. Онъ не допускалъ къ себѣ никого, не хотѣлъ слышать ни о чемъ, и весь былъ погруженъ въ свою тяжкую скорбь.

Наконецъ принцъ Лотарингскій рѣшился дѣйствовать. Онъ направилъ маршъ на Габель, чтобъ обойти принца Вильгельма. У Габеля стоялъ прусскій аванпостъ, прикрывавшій подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Цитау, гдѣ находились главные магазины корпуса принца Вильгельма. Аванпостъ состоялъ изъ четырехъ баталіоновъ и пятисотъ гусаръ. Не-смотря на то, онъ три дня жарко оспоривалъ у 20,000 австрійцевъ свою позицію, но наконецъ, совершенно истощенный, не получая подкрѣпленія, принужденъ былъ сдаться. Австрійцы заняли Габель. Принцъ Вильгельмъ не могъ долѣе оставаться въ своей позиціи; боясь за свои магазины, онъ наскоро повелъ армію проселочной дорогой къ Цитау; но австрійцы его предупредили. Небольшой отрядъ пруссаковъ защищалъ Цитау; австрійцы открыли по немъ страшный огонь и начали бросать въ городъ бомбы и каленыя ядра, такъ, что вскорѣ весь Цитау превратился въ груду пепла и развалинъ. Магазины погибли, кромѣ того полтораста піонеровъ и съ ними полковникъ попали въ руки непріятелей. Убытокъ Пруссіи простирался до десяти милліоновъ талеровъ. Чтобъ спасти войско свое отъ вѣрнаго пораженія, принцъ Вильгельмъ принужденъ быть избѣгать сраженія и ретироваться къ Бауцену, гдѣ могъ получать продовольствіе для арміи изъ Дрездена.

Это несчастіе заставило Фридриха поспѣшить на помощь къ своему брату. Іюля 29-го перешелъ онъ чрезъ Эльбу при Пирнѣ и соединился съ корпусомъ принца. Грозно, безпощадно встрѣтилъ онъ своего брата и его генераловъ; вся вина потери была сложена на ихъ недальновидность, недостатокъ дарованій и оплошность. Жестокіе, незаслуженные упреки глубоко оскорбили королевскаго брата; въ тотъ же день онъ оставилъ армію и возвратился въ Берлинъ. Но и тамъ преслѣдовало его негодованіе Фридриха. Вотъ письмо, которое онъ получилъ отъ короля, на третій день своего пріѣзда въ Берлинъ: «Не обвиняю вашего сердца, но въ полномъ правѣ жаловаться на вашу неспособность и недостатокъ разсудка при выборѣ полезныхъ и необходимыхъ мѣръ. Кому остается жить нѣсколько дней, тому лицемѣрить не для чего. (*) Желаю вамъ больше счастія, чѣмъ я имѣлъ; желаю также, чтобъ всѣ бѣдствія и непріятности, которыя вы испытали, научили васъ смотрѣть на важныя дѣла съ надлежащимъ

(*) Фридрихъ былъ такъ разстроенъ, что даже покушался на свою жизнь.

благоразуміемъ, разборомъ и рѣшимостію. Большая часть несчастій, которыя предвижу, падутъ на вашу совѣсть. Вамъ и дѣтямъ вашимъ они болѣе повредятъ, чѣмъ мнѣ. Впрочемъ будьте увѣрены, что я любилъ васъ отъ всего сердца и съ этими чувствами сойду въ могилу.»

Принцъ не вынесъ такой опалы; онъ опасно заболѣлъ чахоткою и на слѣдующее лѣто умеръ, въ Ораніенбургѣ, близъ Берлина.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ШЕСТАЯ.

Продолженіе похода 1757.

БИТВА ПРИ РОСБАХѢ.

Начало несчастія повлекло за собою и другія неудачи. Опасность приближалась со всѣхъ сторонъ; каждый день, каждый часъ становился для Фридриха драгоцѣннымъ. Австрійцы расположились въ Верхней Лузаціи (Лаузицѣ); эрцгерцогъ Карлъ занялъ съ своей арміей превосходную позицію. Фридрихъ непремѣнно хотѣлъ дать ему рѣшительное сраженіе, по атаковать австрійцевъ, безъ явной потери, не было никакой возможности. Фридрихъ началъ маневрировать около австрійскаго стана, чтобъ обмануть непріятеля и заставить его перемѣнить положеніе; но Карлъ не трогался съ мѣста.

Разъ вечеромъ Фридрихъ, противъ обыкновенія, пригласилъ къ ужину всѣхъ своихъ генераловъ Столъ былъ накрытъ подъ отрытымъ небомъ, на широкой площадкѣ. Отданъ былъ приказъ не отгонять любопытныхъ. За ужиномъ разговаривали о предполагаемыхъ предпріятіяхъ противъ непріятеля; генералы громко подавали свои совѣты; тутъже былъ составленъ планъ атаки и въ туже ночь начались всѣ приготовленія. Фридрихъ расчитывалъ, что между любопытными могли быть лазутчики, и не ошибся. Еще до разсвѣта принцъ

Лотарингскій былъ обо всѣмъ увѣдомленъ. Но онъ слишкомъ хорошо зналъ своего противника—и спокойно оставался на своемъ мѣстѣ. И эта послѣдняя хитрость неудалась.

Долѣе медлить Фридрихъ не смѣлъ: французы, вмѣстѣ съ имперскимъ войскомъ, приближались быстрыми шагами. Онъ оставилъ большую часть своей арміи подъ начальствомъ герцога Бевернскаго, которому въ помощники далъ Винтерфельда, для прикрытія Лузаціи и Силезіи отъ австрійцевъ, а самъ съ двѣнадцатью тысячами отправился въ Дрезденъ, чтобы собравъ тамошнее войско, двинуться къ берегамъ Салы, на встрѣчу новому непріятелю.

Австрійцы спокойно оставались въ своей позиціи до тѣхъ поръ, пока Марія-Терезія прислала своего канцлера Кауница въ лагерь къ принцу Лотарингскому съ строжайшимъ предписаніемъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Карлъ на другой же день напалъ на отдѣльный прусскій корпусъ. Всѣ выгоды и перевѣсъ силъ были на сторонѣ австрійцевъ: пруссаки дрались отчаянно, но должны были отступить съ значительнымъ урономъ. Въ этой битвѣ погибъ отличный генералъ Винтерфельдъ: онъ былъ раненъ въ грудь на вылетъ и на слѣдующій день умеръ.

Когда Фридрихъ узналъ о смерти своего любимца, онъ воскликнулъ со слезами: «Боже мой, какое несчастіе! Противъ всѣхъ моихъ враговъ я еще надѣюсь найти спасительныя средства, но гдѣ найду я другаго Винтерфельда?»— Сами непріятели уважали этого отличнаго генерала. Когда тѣло Винтерфельда повезли въ Силезію, въ помѣстье покойнаго, австрійскіе форпосты отдали ему

честь ружейнымъ залпомъ и отдѣлили отрядъ, который долженъ былъ проводить его до мѣста погребенія.

Герцогъ Бевернскій, боясь, чтобъ Карлъ Лотарингскій не отрѣзалъ его отъ Силезіи, немедленно повелъ войско къ границѣ. Онъ переправился спокойно черезъ рѣки, отдѣляющія Лузацію отъ Силезіи, и остановился за Кацбахомъ. Карлъ, слегка безпокоя его арріергардъ, преслѣдовалъ его до Бобера, потомъ также вошелъ въ Силезію и чрезъ Лигницъ направилъ маршъ свой къ Бреславлю.

Между-тѣмъ 100,000 французовъ вступили уже на германскую землю. Одну часть арміи велъ генералъ д'Этре, ученикъ знаменитаго маршала де Сакса; онъ шелъ противъ Ганновера. Другая часть находилась подъ начальствомъ князя Субиза, любимца г-жи Помпадуръ; онъ долженъ былъ соединиться съ имперскимъ поголовнымъ ополченіемъ и овладѣть Силезіей. Противъ перваго войска въ Вестфаліи составилась армія изъ ганноверцевъ, гессенцовъ, брауншвейгцовъ и пруссаковъ, подъ начальствомъ герцога Кумберлендскаго, сына англійскаго короля. Этотъ полководецъ, вмѣсто того, чтобы остановить врага, все отступалъ, до тѣхъ поръ, пока, 26-го іюля, при Гастенбекѣ, близъ Гамельна, обѣ арміи встрѣтились и принуждены были вступить въ бой. Французамъ не дорого стоило выиграть сраженіе: при первой неудачѣ герцогъ Кумберлендскій велѣлъ ударить отбой и уступилъ непріятелю поле битвы. Д'Этре преслѣдовалъ отступающее войско и наконецъ до того стѣснилъ англійскаго вождя, что онъ, 8-го сентября, подписалъ при Костеръ-Севенѣ позорную конвенцію, подъ ручательствомъ Датскаго короля. Главныя статьи конвенціи заключались въ распущеніи всей союзной арміи. Солдаты вслѣдъ за тѣмъ разошлись по домамъ, а полководецъ ихъ сѣлъ на карабль и отправился во свояси. Пруссаки должны были сдать Везель въ руки французовъ, которые его тотчасъ заняли и укрѣпили. Брауншвейгъ также былъ ими занятъ. Они вторглись въ прусскія провинціи, лежащія на Эльбѣ и производили тамъ жесточайшія опустошенія и грабежи. Вся Ганноверская область и Гессенъ находились въ ихъ рукахъ. Французскій военный коммисаръ Фулонъ, занявъ Кассель, дѣйствовалъ какъ турецкій паша: жестокостямъ и притѣсненіямъ всякаго рода не было конца. Одинъ Гетингенскій университетъ уцѣлѣлъ отъ хищничества побѣдителей и то по особенному заступничеству маршала д'Этре, который въ самомъ началѣ своихъ счастливыхъ дѣйствій, по повелѣнію короля, долженъ былъ сдать главное начальство надъ войскомъ герцогу Ришлье, прозванному *французскимъ Алкивіадомъ*, и покровительствуемому г-жею Помпадуръ. Ришлье пожалъ плоды всѣхъ мудрыхъ дѣйствій маршала д'Этре: онъ подписалъ Клостеръ-Севенскую конвенцію, онъ занялъ оставленные францу-

замъ города и онъ же теперь ознаменовывалъ себя грабительствомъ и пожарами беззащитныхъ прусскихъ селеній и городовъ. Промотавшійся парижскій придворный левъ, украсивъ себя чужими лаврами, хотѣлъ поправить свое состояніе военною добычею. Онъ даже не скрывалъ своего стремленія къ удовлетворенію личной корысти; война эта, повидимому, для того и была ему предоставлена, чтобъ онъ могъ воспользоваться ея выгодами. Въ первый же годъ своего начальствованія надъ арміею, онъ, на заграбленныя суммы, построилъ себѣ въ Парижѣ великолѣпный дворецъ, который сама Помпадуръ прозвала *ганноверскимъ павильономъ*.

Изъ Брауншвейга Ришлье послалъ отборный корпусъ войскъ на подкрѣпленіе Субиза, который, соединясь съ принцемъ Гильбургсгаузенскимъ, генералиссимусомъ *имперской карательной арміи*, шелъ въ Саксонію. Грозная имперская армія, представительница германской конфедераціи, явилась предъ Субизомъ въ такомъ видѣ, что французскій полководецъ не могъ скрыть веселой усмѣшки. За исключеніемъ солдатъ, поставленныхъ Баваріею, Палатинатомъ, Виртембергомъ и еще нѣсколькими нѣмецкими владѣніями, все остальное войско походило на армію Аміэнскаго пустынника. Это была ватага оборванныхъ, полуодѣтыхъ нищихъ и калѣкъ, съ сумками и мѣшками, кое-какъ и кое-чѣмъ вооруженныхъ. Всѣ они стали въ ряды изъ одной надежды на стяжаніе, но безъ всякаго нравственнаго побужденія. Большая часть изъ нихъ никогда не брались за оружіе и не имѣли понятія о военномъ дѣлѣ. Но вся эта сволочь была раздѣлена на отряды и корпуса. Нѣкоторые округи Швабіи и Франконіи выставили только по одному солдату; тѣ, которые обязаны были дать офицера безъ солдатъ, брали его прямо отъ сохи. Свинари были обращены въ флейтщиковъ, а старыя упряжныя лошади поступали подъ драгунъ. Пре-

латы Имперіи, желая также принять участіе въ общемъ дѣлѣ народной свободы и религіи, посылали своихъ служекъ и монастырскихъ сторожей, переоясавъ ихъ парусинники какимъ нибудь заржавымъ палашомъ, или обломкомъ старой сабли (*). Женщины и старики провожали эту знаменитую армію.

Вообще имперская исполнительная армія была болѣе способна мѣшать дѣйствіямъ правильнаго, хорошо обученнаго французскаго войска, чѣмъ помогать ему. Соединенная армія дошла до Готы и Веймара; а Ришелье послалъ свой корпусъ въ Гальберштедскій округъ. Онъ, опустошивъ страну, явился предъ вратами Магдебурга.

Въ тоже самое время русское стотысячное войско, подъ предводительствомъ генералъ-фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина, перешло границу Пруссіи. Иррегулярныя войска его, состоявшія изъ казаковъ и калмыковъ, разсыпались по пограничнымъ провинціямъ, истребляя все огнемъ и мечомъ. Апраксинъ, отдѣливъ корпусъ, подъ командою генерала Фермора, приказалъ ему занять Мемель, а самъ остановился на правомъ берегу р. Руссы.

Въ одно время съ русскими и шведы высадили свое войско въ Стральзундъ и начали опустошать Померанію.

Пруссія сдѣлалась театромъ войны. Во всѣ концы ея проникли непріятели. Фридрихъ принужденъ былъ раздробить свою армію на части, чтобы противупоставить оплотъ каждому наступающему врагу. Но онъ не могъ равнодушно переносить разоренія и гибели самыхъ цвѣтущихъ своихъ провинцій и не надѣялся на свои силы въ неравной борьбѣ. Враги были почти въ восемь разъ сильнѣе его; онъ былъ окруженъ ими со всѣхъ сторонъ: видимо надлежало изнемочь, быть свидѣтелемъ и виновникомъ погибели прекраснаго Прусскаго королевства. Часто овладѣвала имъ тяжкая меланхолія; въ эти минуты онъ рѣшался не пережить своего несчастія. Генералы прусскіе, видя мрачное настроеніе духа его, боялись, чтобъ онъ въ порывѣ отчаянія не покусился на свою жизнь. Всѣмъ было извѣстно, что онъ всегда носилъ при себѣ сильнодѣйствующій ядъ. Но въ минуты скорби Фридрихъ изливалъ всю свою душу въ стихахъ, выражавшихъ глубокое удрученіе. Въ нихъ почти вездѣ проглядывала пагубная мысль о самоубійствѣ. Но самая способность передавать горе бумагѣ служила ему сильнымъ противуядіемъ; и если онъ сохранилъ еще нѣкоторую твердость духа въ эту печальную эпоху жизни, то обязанъ тѣмъ поэтическому направленію души своей.

Иногда надежда въ немъ воскресала: съ пророческимъ одушевленіемъ пред-

(*) Архенгольцъ: *Исторія Семилѣтней войны.*

сказывалъ онъ Пруссіи торжество надъ врагами и безсмертную славу. Тогда и самъ онъ оживалъ духомъ и бодро принимался опять за дѣло.

Но обратимся къ ходу военныхъ дѣйствій, и послѣдуемъ за ними въ хронологическомъ порядкѣ.

Мы видѣли, что для прикрытія Пруссіи отъ русскихъ, Фридрихъ оставилъ до 22,000 войска, подъ начальствомъ опытнаго полководца, восьмидесятилѣтняго Левальда. Пока совершались кровавыя событія въ Богеміи, русскіе, въ маѣ 1757 года, четырьмя колоннами, проникли въ Пруссію. Авангардъ нашъ, составленный изъ легкихъ, иррегулярныхъ войскъ, изъ казаковъ, башкиръ и крымцевъ—ясно показывалъ, что война эта будетъ тягостна и опустошительна для Пруссіи.

Дикія, нестройныя орды этаго войска всюду оставляли за собою ужасъ и отчаяніе: пепелища, развалины и трупы жителей, безъ разбора пола и возраста, означали ихъ путь. Пруссаки смотрѣли на наше войско, какъ на вторженіе новыхъ варваровъ, называя нашихъ казаковъ гуннами XVIII столѣтія. Между-тѣмъ въ регулярномъ нашемъ войскѣ господствовала дисциплина, которая могла служить примѣромъ для самыхъ образованныхъ народовъ. Послѣ пятидневной осады, Ферморъ взялъ Мемель, устроилъ въ немъ сообщеніе моремъ съ Ригою. Апраксинъ шелъ впередъ почти безпрепятственно. Всѣ пройденныя имъ пограничныя провинціи были объявлены завоеванными Россіею и приведены къ присягѣ. Эта рѣшительная мѣра заставила встрепенуться Левальда и преградить русскимъ путь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Въ іюлѣ Апраксинъ перешелъ р. Прегель и продолжалъ маршъ до Аксины. Здѣсь встрѣтили его пруссаки. Оба войска расположились къ битвѣ, которая должна была произойти близъ деревни Гросъ-Егерндорфъ. Русскіе приняли прекрасную позицію. Тылъ ихъ былъ прикрытъ густымъ лѣсомъ, фланги отлично защищены. Левальдъ хотѣлъ занять гористую мѣстность и поставить на ней тяжелую артиллерію, чтобы прикрыть ею флангъ свой: но русскіе и въ этомъ его предупредили. 30-го августа началось дѣло. Прусская кавалерія была превосходна, наша весьма посредственна. Левальдъ началъ атаку съ обѣихъ крылъ, успѣлъ сбить русскую конницу съ позиціи и загнать за пѣхоту, но тутъ пѣхота встрѣтила пруссаковъ съ примкнутыми штыками и они должны были отступить. Тогда двинулась прусская инфантерія. Лѣвое крыло дѣйствовало довольно успѣшно, но правое, которому назначено было нанесть рѣшительный ударъ русскимъ, испытало несчастіе. Румянцовъ, командовавшій второй нашей линіей, пошелъ въ обходъ, ударилъ на пруссаковъ во флангъ и въ тылъ, смялъ и погналъ ихъ назадъ. Въ это время разстилался по полю густой дымъ отъ горящихъ деревень, которыя Апраксинъ нарочно велѣлъ зажечь, чтобъ скрыть отъ пруссаковъ свои движенія. За дымомъ вторая прусская линія, выступившая на подмогу первой, не могла различать непріятеля и открыла огонь по своимъ же бѣгущимъ товарищамъ. Командовавшій нашимъ лѣвымъ крыломъ, генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ, воспользовался безпорядкомъ въ непріятельскихъ рядахъ. Съ величайшей неустрашимостью повелъ онъ свои уцѣлѣвшіе батальоны противъ прусскихъ батарей. Три непріятельскія пули пронзили грудь храбраго вождя. Онъ упалъ и былъ отнесенъ въ лѣсъ. Пришедъ въ себя, Лопухинъ спросилъ: «Ну что, гонятъ ли непріятеля?» Ему отвѣчали, что пруссаки разбиты. «Слава Богу!»—воскликнулъ онъ,—«теперь умру спокойно; я исполнилъ долгъ, возложенный на меня государыней!»

Битва длилась десять часовъ. Левальдъ, на всѣхъ пунктахъ пораженный,

велѣлъ ударить отбой и очистилъ поле сраженія. Онъ отступилъ въ величайшемъ порядкѣ, безъ преслѣдованія со стороны русскихъ.

Пруссаки потеряли въ этой битвѣ слишкомъ 6000 человѣкъ убитыми, и до двадцати-шести орудій. Потеря съ русской стороны простиралась до трехъ тысячъ; но зато русская армія была въ четверо многочисленнѣе прусской. Кромѣ Лопухина, мы лишились генералъ-поручика Зыбина, и командира малороссійскихъ казаковъ Капниста.

Но побѣда при Гросъ-Егерндорфѣ не принесла никакихъ плодовъ Россіи, и не причинила особеннаго вреда Пруссіи. Послѣ битвы Апраксинъ съ величайшей поспѣшностію ретировался за Прегель, и не только оставилъ свои завоеванія, но и самую Пруссію. Наши войска отступали за границу такъ быстро и въ такомъ безпорядкѣ, какъ будто русскіе были всюду разбиты и преслѣдуемы. Пятнадцать тысячъ раненыхъ и больныхъ были брошены на пути; до восьмидесяти орудій и значительное количество снарядовъ и обозовъ оставлены непріятелю. Никто не могъ понять причины такого страннаго поступка Апраксина, тѣмъ болѣе, что Гросъ-Егерндорфская битва открыла передъ нимъ дорогу къ самой столицѣ Пруссіи, вполнѣ обнаженной и беззащитной. Одни полагали, что русскій фельдмаршалъ боялся зазимовать въ странѣ совершенно опустошенной, его же войсками; другіе утверждали, что онъ былъ подкупленъ Фридрихомъ. Но Мемель оставался въ рукахъ русскихъ, онъ былъ прикрытъ 10,000 корпусомъ: чрезъ этотъ городъ русское войско могло получать все нужное продовольствіе морскимъ путемъ. Стало быть, первое предположеніе было неосновательно. Второе подтверждалось анекдотомъ, довольно забавнымъ, но не совсѣмъ правдоподобнымъ (*). Настоящая же причина отступленія русскаго войска заключалась въ тайныхъ интригахъ при нашемъ дворѣ. Мы уже видѣли, что всесильный временщикъ Бестужевъ-Рюминъ не ладилъ съ наслѣдникомъ престола Петромъ Ѳедоровичемъ. Внезапная, тяжкая болѣзнь императрицы заставила его опасаться за ея жизнь. Боясь невыгодной для себя перемѣны въ правительствѣ, онъ придумалъ составить духовное завѣщаніе, по которому императрица отказывала престолъ сыну наслѣдника, Павлу Петровичу, и, до

(*) Разсказываютъ, что Апраксинъ отправилъ изъ Пруссіи нѣсколько боченковъ съ червонцами, поручивъ маркитанту-жиду доставить ихъ къ своей женѣ. Чтобы отвратить всякое подозрѣніе, на боченкахъ была надпись: *прованское масло*. Между тѣмъ онъ увѣдомилъ свою супругу письмомъ о настоящемъ содержаніи боченковъ. Транспортъ прибылъ благополучно въ Петербургъ. Аграфена Леонтьевна приняла посылку своего мужа и приказала поставить боченки въ маленькомъ кабинетѣ, смѣжномъ съ ея спальнею. Ночью, оставшись одна, она рѣшилась откупорить одинъ изъ боченковъ: крышка свалилась — и въ комнату потекло прованское масло. Маркитантъ, подозрѣвая незаконность посылки, воспользовался золотомъ, и замѣнилъ его масломъ.

совершеннолѣтія его, назначала правителями государства Бестужева и супругу наслѣдника, Екатерину. Для поддержанія такого завѣщанія, Бестужевъ желалъ на всякій случай имѣть подъ рукою войско. По этому онъ предписалъ Апраксину немедленно оставить войну съ Пруссіею и со всей арміей перейти въ Россію. Но архіепископъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ успѣлъ примирить наслѣдника съ императрицей и тѣмъ разрушилъ честолюбивые замыслы временщика. Ктому же сама императрица выздоровѣла. Тогда все открылось: Бестужевъ былъ преданъ суду и сосланъ, за самовольный поступокъ; а Апраксинъ, призванный въ Петербургъ для допроса, содержался три года во дворцѣ, на Средней рогаткѣ (*), гдѣ и умеръ подъ судомъ, въ 1760 году.

Фридрихъ, такъ дешево отдѣлавшись отъ русскихъ, могъ теперь употребить корпусъ Левальда противъ Шведовъ Онъ отдалъ ему приказъ немедленно двинуться въ Померанію на подкрѣпленіе народной милиціи, которую составили сами померане. Это было первое народное ополченіе въ Европѣ. Тогда знали только постоянныя войска; вооруженіе цѣлой провинціи на счетъ народа было явленіемъ совершенно новымъ. Примѣръ Помераніи (**) принесъ большую пользу Фридриху; съ этихъ поръ, въ продолженіе всей семилѣтней войны, народныя милиціи стали играть значительную роль при защитѣ провинцій и крѣпостей.

Шведы, въ числѣ 22,000, подъ предводительствомъ генерала Унгернъ-Штернберга, перешли р. Пэну, овладѣли Стральзундомъ, проникли даже въ Бранденбургскую Мархію. Всѣ эти провинціи имѣли только 8,000 человѣкъ регулярнаго войска, которое, подъ начальствомъ генерала Мантейфеля, занимало Штетинъ и не могло покинуть этаго важнаго пункта. А потому шведы безъ всякаго затрудненія овладѣли городами Деминомъ, Анкламомъ. Узедомомъ и Воллиномъ. Но враги, нѣкогда столь страшные для Германіи, предписывавшіе на Вестфальскомъ конгрессѣ законы для всей Европы, явились теперь въ самомъ жалкомъ и ничтожномъ видѣ. Вся храбрость ихъ состояла въ нападеніяхъ на беззащитныя селенія, въ грабежахъ и неистовствахъ. Въ этомъ войскѣ, собранномъ наскоро, высланномъ сенатомъ безъ необходимыхъ приготовленій, нельзя было узнать и тѣни воиновъ Густава-Адольфа и Карла XII. У нихъ не было ни легкихъ войскъ, ни понтоновъ, ни надежной артиллеріи, ни даже магазиновъ. Кромѣ того господствовалъ величайшій безпорядокъ въ самомъ командованіи: предводитель не смѣлъ ничего предпринять безъ пред-

(*) Гдѣ нынѣ находится почтовая станція.

(**) Фридрихъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи предписываетъ своимъ преемникамъ— «обращать особенное вниманіе на Померанію, потому что народонаселеніе этой провинціи составляетъ главную и самую надежную опору прусскаго королевства.»

варительнаго разрѣшенія сената, а сенатъ давалъ ему предписанія самыя несообразныя съ дѣломъ и притомъ противорѣчащія одно другому. При первомъ появленіи Левальда, шведы отказались отъ всѣхъ своихъ завоеваній. Горсти пруссаковъ было достаточно, чтобъ вытѣснить ихъ отвсюду: шведы бѣжали изъ городовъ, почти безъ сопротивленія.

Къ концу октября весь театръ войны съ шведами ограничивался небольшимъ клочкомъ сѣверной Пруссіи. Большая часть шведскаго войска, нуждаясь въ продовольствіи, переправилась на островъ Рюгенъ. Пруссаки смѣялись надъ этими врагами: «Шведы пронырливы, какъ лисицы» — говорили они,—«а трусливы, какъ зайцы!»

Мы оставили Фридриха въ походѣ противъ арміи Субиза. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ стычекъ, онъ достигъ 14-го сентября до Эрфурта. При первомъ появленіи прусскаго авангарда, соединенныя арміи французовъ и имперцовъ, отступили. Фридрихъ преслѣдовалъ ихъ, овладѣлъ Готою и оттѣснилъ непріятеля до Эйзенаха. Здѣсь французы заняли позицію; Фридрихъ сталъ подъ Эрфуртомъ, выжидая новыхъ предпріятій съ ихъ стороны. Но онъ опять принужденъ былъ ослабить свое небольшое войско, отдѣливъ отъ него два корпуса. Одинъ, въ 4,000 человѣкъ, онъ отправилъ, съ герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ, въ Гальберштадтъ, противъ Французовъ, посланныхъ герцогомъ Ришльё; другой корпусъ, въ 8,000, поручилъ онъ принцу Морицу, съ предписаніемъ отправиться въ Саксонію и, между Мульдою и Эльбою, наблюдать за движеніями австрійцевъ. Чтобъ скрыть отъ непріятеля свое малосиліе, Фридрихъ безпрестанно переводилъ свои полки изъ одного мѣста на другое, и при каждомъ перемѣщеніи полки вступали подъ новыми именами. Шпіоны въ точности передавали Субизу всѣ эти названія полковъ: почитая войско прусское чрезвычайно значительнымъ, французскій полководецъ долго не рѣшался атаковать его. Узнавъ наконецъ, что Фридрихъ оставилъ для прикрытія Готы только четыре кавалерійскіе полка, онъ вознамѣрился отнять у него этотъ городъ. Генералъ Сейдлицъ, командовавшій гарни-

зономъ Готы, немедленно оставилъ городъ; но отступивъ на полмили, началъ готовится къ бою. Французы заняли Готу. Къ вечеру офицеры шумно засѣли за столъ: начался веселый пиръ и разливное море. Вдругъ раздались выстрѣлы почти у городскихъ воротъ. Покровительствуемый густымъ туманомъ, Сейдлицъ подкрался въ тихомолку къ Готѣ и расположилъ свои войска подъ стѣнами. Не трогаясь съ мѣста, не оставляя бутылки, Субизъ приказалъ нѣсколькимъ офицерамъ, взявъ отрядъ, отбить безсильнаго непріятеля. Но французы были изумлены до крайности, увидя передъ собою длинную линію войска, состоящую изъ кавалеріи и инфантеріи. Сейдлицъ, чтобъ обмануть ихъ, приказалъ драгунамъ спѣшиться, и разставилъ ихъ между гусарскими полками, въ видѣ пѣхоты. Не давая французамъ опомниться, онъ ударилъ на нихъ съ крикомъ и гамомъ. Пораженные паническимъ страхомъ, французы бросились въ городъ; прусскіе гусары ворвались за ними: раздались выстрѣлы подъ самыми окнами герцогскаго дворца, сѣча загремѣла по всѣмъ улицамъ. Субизъ и его генералы выскочили изъ за стола и едва могли отыскать своихъ лошадей. Во весь опоръ понеслись они въ противоположныя ворота города: весь гарнизонъ ринулся въ безпорядкѣ за ними. Пруссаки захватили запоздалыхъ въ плѣнъ и овладѣли всѣмъ багажемъ. Съ жадностію начали гусары разбирать непріятельскій обозъ и громко хохотали, находя въ офицерскихъ фургонахъ парчевые халаты, парики, духи, пудру, благовонныя мыла, попугаевъ и обезьянъ.

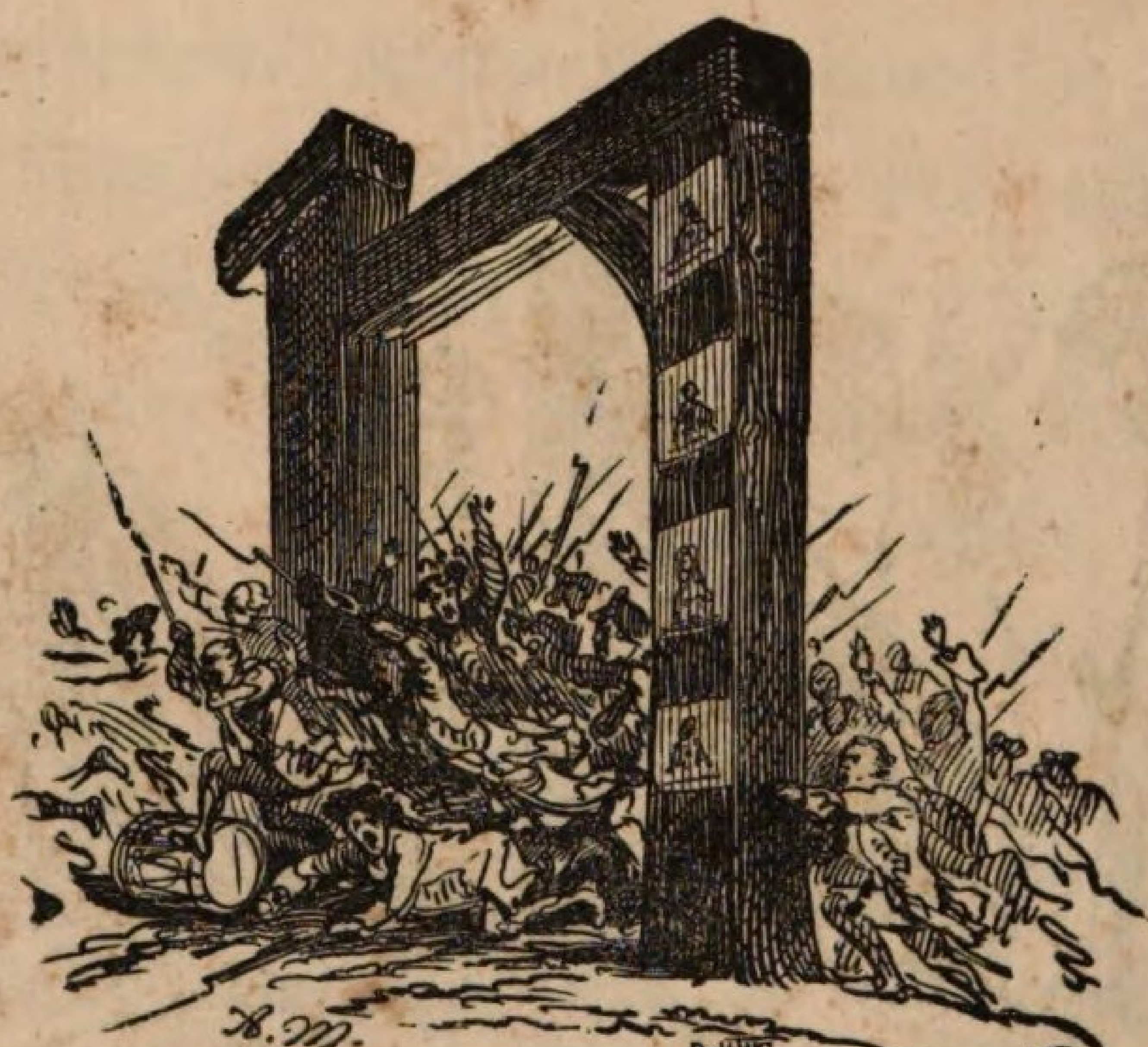

Сейдлицъ съ своими офицерами сѣлъ за обѣдъ, недоконченный французами. Каммердинеровъ, фризеровъ, поваровъ, актеровъ и множество молодыхъ женщинъ, служившихъ *по легкой кавалеріи* при французскомъ войскѣ и захваченныхъ вмѣстѣ съ обозомъ, онъ приказалъ отправить къ непріятелю— безвозмездно. Французовъ преслѣдовали до Эйзенаха. Съ этихъ поръ имя Сей-

длица загремѣло: предпріятіе его было дерзко, даже безразсудно, но оно удалось — и слава объ немъ разнеслась повсюду. 22-го сентября онъ возвратился въ лагерь короля, потому что не могъ удерживать Готы, безъ опасенія быть окруженнымъ непріятелемъ. Смѣлый подвигъ его не принесъ никакой существенной пользы, но онъ ободрилъ духъ пруссаковъ и въ тоже время показалъ характеръ французскаго войска и его предводителей.

По выходѣ его изъ Готы, французы опять заняли городъ. Фридрихъ принужденъ былъ оставить Тюрингію и отодвинуться къ Бутштету, чтобъ занять безопасную позицію. Здѣсь простоялъ онъ спокойно до 10-го октября. Но вдругъ поразило его извѣстіе, что герцогъ Ришльё ведетъ 30,000 человѣкъ къ Магдебургу и что австрійцы покушаются на самую столицу Пруссіи. Даунъ, пользуясь раздробленіемъ прусскаго войска, послалъ партизанскій корпусъ генерала Гаддика къ Берлину.

Прежде всего король обратился къ герцогу Ришлье, успѣлъ убаюкать его самолюбіе льстивыми письмами и, наконецъ, зная его жадность, послалъ ему 100,000 талеровъ, съ тѣмъ, чтобы онъ не тревожилъ Магдебургскаго герцогства. Сдѣлка эта осталась тайною для французскаго правительства, а Ришлье вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе и оставилъ прусскія провинціи въ покоѣ. Противъ Гаддика король велѣлъ дѣйствовать принцу Морицу, который и принялъ надлежащія мѣры, чтобъ остановить австрійцевъ на походѣ.

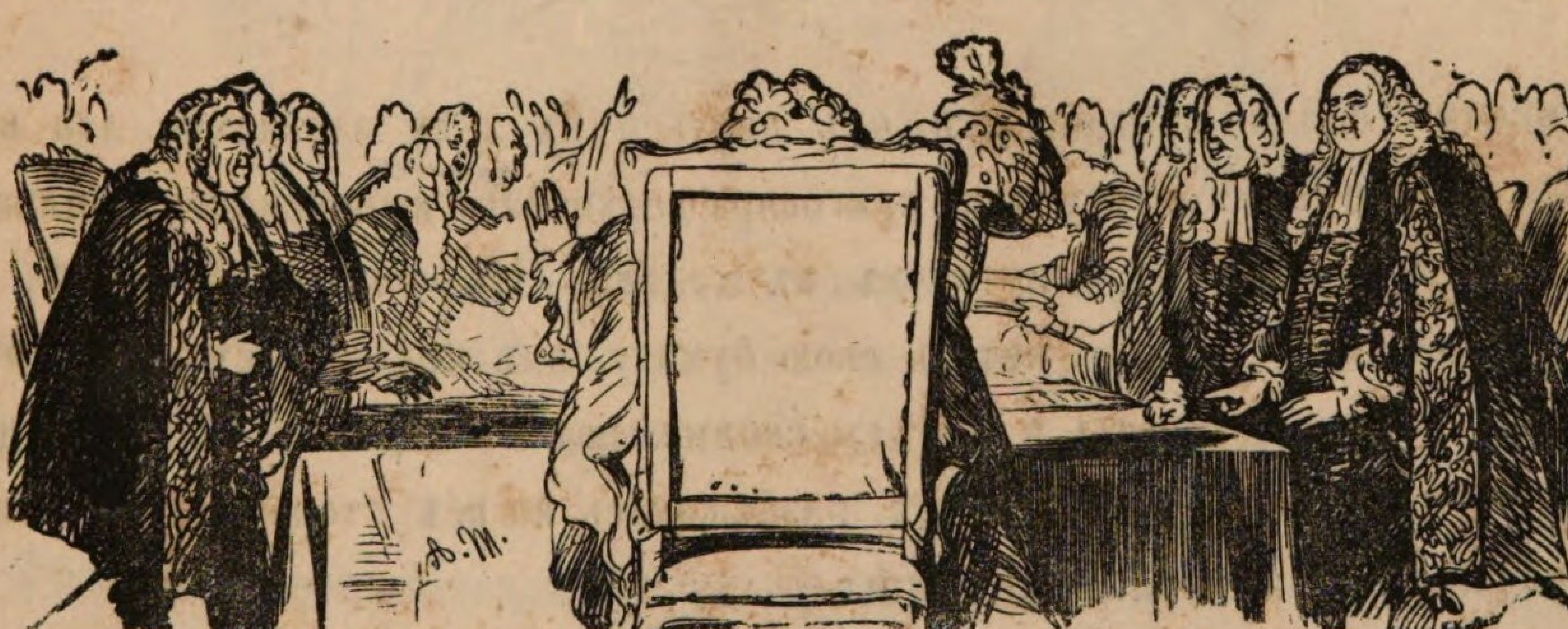

Но Гаддикъ ускользнулъ и 16-го октября съ 4000 австрійскихъ кроатовъ явился у Котбусскихъ и Силезскихъ воротъ. Берлинъ, отвсюду открытый, имѣлъ на защиту свою только двѣ тысячи городовой стражи, триста человѣкъ солдатъ и сотни двѣ новобранцевъ. При первомъ извѣстіи о появленіи Гаддика королевская фамилія выѣхала въ крѣпость Шпандау. Комендантъ Берлина, Роховъ, до того перепугался, что бросилъ столицу и также ускакалъ въ Шпандау. Отрядъ Лангенскаго полка одинъ выступилъ противъ непрія-

теля. Гаддикъ сбилъ палисады, которыми были прикрыты ворота, ворвался въ предмѣстіе, окружилъ храбрый прусскій отрядъ и изрубилъ его на мѣстѣ. Грабежъ и безчинства, производимыя кроатами въ предмѣстіи, привели въ трепетъ всю столицу.

Между тѣмъ Гаддикъ, зная о приближеніи Морица Дессаускаго и постигая всю опасность замедленія, торопился поскорѣе кончить свое дѣло. Онъ послалъ своего адъютанта въ магистратъ, требуя 300,000 талеровъ контрибуціи. Члены магистрата, чтобъ успокоить жителей, рѣшились выплатить 200,000 талеровъ. Послѣ долгихъ споровъ съ обѣихъ сторонъ, помирились на 215,000 (*). Едва деньги были отсчитаны, Гаддикъ съ величайшей поспѣшностію отступилъ въ Коттбусъ. Два часа спустя прискакалъ Сейдлицъ съ 3000 гусаръ на спасеніе столицы, а на другой день послѣдовалъ за нимъ весь корпусъ Морица: но было поздно, увертливый партизанъ успѣлъ уже скрыться.

Фридрихъ съ досадою узналъ о позорномъ средствѣ, которымъ куплена свобода его столицы. Но дѣлать было нечего; враги его походили на стоглавую гидру: едва отсѣкалъ онъ ей одну голову, другая наростала; а между тѣмъ силы его истощались. Каждая мелкая стычка уносила горсть храбрыхъ, каждая значительная битва стоила нѣсколькихъ тысячъ воиновъ. Поневолѣ надлежало прибѣгать къ золоту, гдѣ нельзя было взять мечомъ. Но изъ всѣхъ враговъ его, самый забавный былъ имперскій сеймъ, собранный въ Регенсбургѣ.

Эти мудрые парики издали слѣдили за ходомъ военныхъ дѣйствій; видя истощеніе прусскихъ силъ, слыша о вторженіи союзныхъ войскъ во всѣ края прусскаго королевства и даже о походѣ Гаддика на Берлинъ, они рѣшили, что

(*) Берлинъ славился тогда своими дамскими перчатками. Гаддикъ, кромѣ денегъ, вытребовалъ еще 20 дюжинъ перчатокъ, которыя хотѣлъ привесть въ подарокъ Маріи-Терезіи. Перчатки были ему выданы въ завязанныхъ пачкахъ. Когда въ послѣдствіи императрица вздумала развязать ихъ, то нашла, что всѣ перчатки были на одну лѣвую руку. Насмѣшка глубоко ее оскорбила и услужливый Гаддикъ не разъ пострадалъ за свою услужливость—на чужой счетъ.

Фридрихъ погибъ окончательно и поторопились произнесть надъ нимъ свой приговоръ. Имперскій сеймъ объявилъ его «лишеннымъ всѣхъ владѣній и курфирштскаго сана.» 14-го октября отъ сейма былъ отправленъ государственный нотаріусъ Априль съ депутатами для объявленія имперскаго декрета прусскому посланнику, графу Плото.

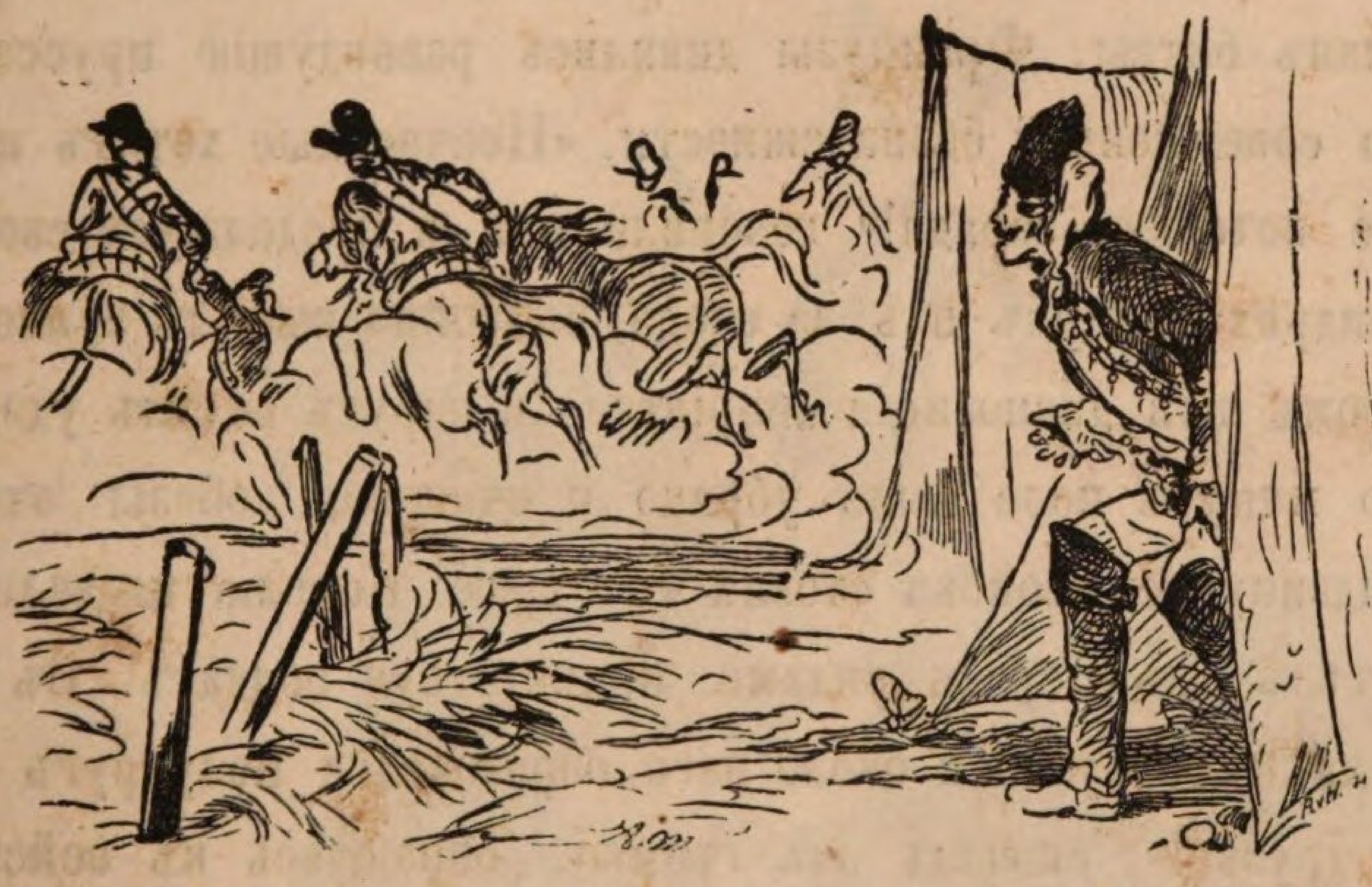

Именемъ сейма приглашался онъ явиться въ залу засѣданія, для выслушанія, вмѣсто своего государя, приговора верховнаго имперскаго судилища. Графъ Плото встрѣтилъ депутатовъ въ халатѣ. Но когда нотаріусъ, съ приличной важностію, началъ читать свою бумагу, онъ недалъ ему докончить, вытолкалъ его изъ комнаты и велѣлъ своимъ людямъ сбросить съ лѣстницы Прочая депутація, въ страхѣ и ужасѣ, разбѣжалась во всѣ стороны, потративъ величественные свои парики и шляпы.

Тѣмъ и кончился грозный приговоръ верховнаго судилища Германіи!

Но теперь Фридриху надлежало употребить всю бодрость духа и всѣ свои силы, потому что для него наступала самая критическая минута. Корпусъ герцога Беверискаго былъ сильно стѣсняемъ; въ тоже время пришло извѣстіе, что Субизъ съ имперской арміей проникъ въ Саксонію и почти дошелъ до Лейпцига. Фридрихъ рѣшился сперва вытѣснить этаго опаснаго врага въ Тюрингію, боясь, что онъ расположится зимними квартирами въ Саксоніи. Наскоро соединилъ онъ свои разбросанные корпуса, которые составили до 20,000 человѣкъ, и двинулъ ихъ къ Лейпцигу. Непріятельская армія отступила къ

Салѣ и, чтобъ воспрепятсвовать пруссакамъ перейти чрезъ эту рѣку, заняла города Галле, Мерзебургъ и Вейсенфельсъ. Фридрихъ быстро слѣдовалъ за непріятелемъ. Предводительствуя лично своимъ авангардомъ, онъ дошелъ до Вейсенфельса. Французы очистили городъ и переправились чрезъ Салу. Они зажгли за собою мостъ, чтобъ остановить пруссаковъ. Фридрихъ послалъ отдѣльный корпусъ къ Мерзебургу, но и тамъ всѣ мосты были разрушены. Французы отретировались къ Мюхельну и стали лагеремъ. Пруссаки стали наводить понтоны въ разныхъ мѣстахъ; непріятель не мѣшалъ имъ. Фридрихъ переправилъ армію чрезъ рѣку и сталъ лагеремъ напротивъ Мюхельна. Осмотрѣвъ позицію непріятеля, король нашелъ, что его можно легко и выгодно атаковать; на слѣдующій день онъ рѣшился начать дѣйствія. Но прусскіе гусары, отправясь вечеромъ на фуражировку, воспользовались безпечностію непріятеля, проникли въ его станъ, захватили множество лошадей и нѣсколько сотъ солдатъ увели изъ палатокъ.

Эта заставило Субиза за ночь перемѣнить позицію. Фридрихъ двинулся на слѣдующее утро противъ непріятеля, но замѣтя перемѣну, отложилъ свое намѣреніе и отступилъ къ деревушкѣ Росбахъ, лежащей въ одной милѣ отъ Люцена.

Французы торжествовали отступленіе Фридриха, какъ побѣду. Громы литавръ и веселыя пѣсни раздавалисъ въ ихъ станѣ. «Вотъ вамъ и непобѣдимый герой!» говорили офицеры: «При одномъ взглядѣ на насъ онъ уже бѣжитъ. Право, мы оказываемъ слишкомъ много чести *Бранденбургскому маркизу*, воюя съ нимъ! *Побѣждать* его смѣшно, надо просто забрать его со всей шайкой въ плѣнъ и отправить на потѣху въ Парижъ!» Такая хвастливость происходила у французовъ отъ увѣренности, что Фридрихъ теперь въ ихъ рукахъ и не можетъ вырваться. Боясь, чтобъ онъ не ускользнулъ отъ нихъ, Субизъ рѣшился немедленно напасть на пруссаковъ и полонить всю ихъ армію, вмѣстѣ съ предводителемъ.

Рано утромъ, 5-го ноября, французскій генералъ, графъ Сен-Жермень, съ 6000 человѣкъ расположился противъ Росбахскаго лагеря, при Грёстѣ, чтобы отрѣзать пруссаковъ, находившихся въ Мерзебургѣ. Остальное французское войско пошло вправо, на Бутштетъ, въ намѣреніи обогнуть лѣвое крыло прусской арміи, чтобъ ударить на нее въ тылъ, въ случаѣ ея отступленія на Вейсенфельсъ. Одинъ только корпусъ остался неподвиженъ противъ пруссаковъ. Всѣ эти движенія совершались явно, съ пѣснями, при громкой, веселой музыкѣ, и съ барабаннымъ боемъ.

Фридрихъ спокойно смотрѣлъ все утро на движенія непріятелей. Въ двѣнадцать часовъ прусскіе солдаты стали обѣдать. Король такъ же сѣлъ за столъ съ своими генералами. Разговоръ шелъ о постороннихъ предметахъ, ни слова о предстоящей опасности. Сердца пруссаковъ бились отъ страшнаго ожиданія, но никто не смѣлъ заикнуться о положеніи войска. Всѣ взоры были устремлены съ надеждою и упованіемъ на короля, въ головѣ котораго созрѣвалъ уже планъ битвы. Французы дивились равнодушію пруссаковъ и приписывали его совершенной безнадежности. «Несчастные хотятъ намъ отдаться въ плѣнъ, не потерявъ заряда!» говорили они и продолжали свой маршъ. Въ два часа Фридрихъ всталъ изъ за стола, спокойно вынулъ зрительную трубу, окинулъ взоромъ всѣ диспозиціи непріятеля и вдругъ велѣлъ ударить тревогу. Въ нѣсколько минутъ поле было убрано и очищено, обозы отошли назадъ, артиллерія выдвинулась, войска стояли въ строю. Королю подвели коня. Какъ молнія пролетѣлъ онъ передъ рядами, привѣтствуя солдатъ. Въ срединѣ онъ остановился, махнулъ рукой и около него образовался полукругъ генераловъ и офицеровъ. «Друзья!» сказалъ онъ громко, обращаясь къ войску. «Настала минута, въ которую все для насъ драгоцѣнное зависитъ отъ нашего оружія и нашей храбрости. Время дорого: я могу сказать вамъ только нѣсколько словъ, да много говорить и не для чего. Вы знаете: всѣ нужды, голодъ, холодъ, безсонныя ночи, кровавыя сѣчи—я дѣлилъ съ вами до нынѣ по братски; а теперь я готовъ для васъ и за васъ пожертвовать даже жизнію. Требую отъ васъ такого же залога любви и вѣрности, какой самъ даю вамъ. Прибавлю одно: не для поощренія, а въ воздаяніе оказанныхъ вами подвиговъ, отнынѣ до тѣхъ поръ, пока мы вступимъ на зимнія квартиры, жалованье ваше удвояется. Вотъ все! Не робѣть, дѣти! Съ Богомъ!» Громкіе клики прервали благоговѣйную тишину, съ которой солдаты слушали своего вождя. Ряды зашевелились, и какъ подъ электрическимъ ударомъ, колонны встрепенулись и двинулись впередъ.

Французы были изумлены быстрой перемѣной въ прусскомъ лагерѣ. «Да это настоящее оперное превращеніе!» восклицали они. «Наконецъ-то очнулись!

они хотятъ бѣжать, но нѣтъ, мы ихъ не пустимъ!» И крылья ихъ задвигались съ удвоенной быстротою.

Сейдлицъ велъ прусскій авангардъ, состоящій изъ легкой конницы. Рядъ холмовъ скрылъ его отъ взоровъ непріятеля. Быстро прошелъ онъ влѣво и сталъ въ сторонѣ, выжидая, пока съ нимъ поравняется обходящій лѣвое крыло непріятель. Между-тѣмъ на высоты холмовъ въѣхала прусская артиллерія. Вдругъ громы ея раздались надъ безпечными головами французовъ: строи ихъ зарѣдѣли. Французскія пушки плохо дѣйствовали изъ долины, ядра ихъ перелетали черезъ головы пруссаковъ. Но вотъ Сейдлицъ улучилъ удобную минуту для нападенія: передъ нимъ открытъ флангъ непріятеля. Эскадроны его стоятъ, какъ вкопанные, не шевелясь, не давая шевельнуться лошадямъ, удерживая дыханіе. Бодро выѣзжаетъ Сейдлицъ передъ фронтъ: «За мной, друзья!» кричитъ онъ наконецъ, не дожидаясь пѣхоты, и бросаетъ свою трубку на воздухъ, въ знакъ атаки.

Какъ стадо ласточекъ взвилась легкая прусская конница и вслѣдъ за своимъ молодымъ вождемъ ударила во флангъ безпечно-идущаго непріятеля.

Здѣсь совершается событіе, небывалое въ лѣтописяхъ войнъ. Легкая конница, гусары, мнутъ и опрокидываютъ тяжелую кавалерію французовъ, побиваютъ и гонятъ знаменитыхъ французскихъ жандармовъ. Субизъ посылаетъ имъ на подмогу свой резервъ, но пораженные, гонимые жандармы врываются въ безпамятствѣ въ ряды своей подмоги. Въ общей суматохѣ нельзя построиться, нельзя стать въ боевой порядокъ, и резервные полки бѣгутъ вмѣстѣ съ разбитыми. Пруссаки гонятся за ними съ неистовствомъ: легкія ласточки стали хищными коршунами. Горное ущеліе останавливаетъ ихъ геройскій порывъ: и сотни бѣгущихъ сдаются имъ въ плѣнъ.

Между-тѣмъ разбитая кавалерія обнажила свою пѣхоту. Сейдлицъ у ней въ тылу. Въ тоже время къ ней подходитъ прусская пѣхота съ праваго фланга. Страшный залпъ изъ пушекъ привѣтствуетъ ее. За нимъ открывается правильный ружейный огонь, и потомъ атака въ штыки. Пруссаки движутся спокойно, дѣйствуютъ хладнокровно, какъ на ученьи. Субизъ поспѣшно строитъ свою инфантерію въ Фоларовы колонны, одушевляетъ солдатъ: ничто не помогаетъ; колонны его разсѣяны, картечный и ружейный огонь производятъ въ рядахъ страшное опустошеніе; наконецъ прусская кавалерія мнетъ его пѣхоту сзади — и все войско ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Солдаты бросаютъ оружіе, чтобы скорѣе ускользнуть отъ преслѣдованія; напрасно: ихъ берутъ въ плѣнъ цѣлыми баталіонами. Графъ Сен-Жермень съ нѣсколькими швейцарскими полками прикрываетъ безпорядочную ретираду, онъ одинъ остается на полѣ до

конца битвы. Наступившая ночь спасла французовъ отъ совершенной погибели. На слѣдующій день ихъ преслѣдовали до Инструта.

При первомъ нападеніи пруссаковъ, воины знаменитой карательной арміи принца Гильбургсгаузенскаго побросали оружіе и запрятались по окрестнымъ болотамъ и лѣсамъ. Одни французы защищались въ продолженіе двухъ часовъ. Потеря ихъ простиралась до 10,000 человѣкъ; 7,000 попали въ плѣнъ и между ними девять генераловъ и 326 офицеровъ. Кромѣ того пруссаки отбили 63 пушки, 25 знаменъ и штандартовъ. Фридрихъ лишился только 165 человѣкъ убитыми и 376 раненными. Корпусъ принца Фердинанда Брауншвейгскаго даже совсѣмъ не участвовалъ въ сраженіи. Сейдлицъ былъ раненъ пулею въ руку. Въ награду за отличіе, Фридрихъ тутъ же пожаловалъ его изъ младшихъ генералъ-маіоровъ въ генералъ-лейтенанты и надѣлъ на него орденъ чернаго орла.

Французы приписали свое страшное пораженіе трусости имперцевъ, которые, своимъ воплемъ и бѣгствомъ, нагнали паническій страхъ и на французскихъ солдатъ.

И такъ поле битвы, близъ котораго палъ великій Густавъ-Адольфъ, защищая свободу Германіи, снова огласилось побѣдными криками германцевъ! Французы, которые всюду ознаменовывали себя грабительствомъ и насиліемъ, возбудили ненависть всѣхъ нѣмцевъ, и союзниковъ, и враговъ. При входѣ въ Саксонію, они не пощадили даже землю союзнаго государя, опустошали деревни и города, покрывали позоромъ и оскорбленіями саксонскихъ сановниковъ, ругались надъ святынею храмовъ. За то, извѣстіе о ихъ пораженіи при Росбахѣ привело въ восторгъ всѣхъ германцевъ, безъ исключенія. Тюрингенскіе крестьяне, разоренные ими, теперь воспользовались минутою мщенія. Они собирались толпами, вооружались, чѣмъ могли, и, захватывая бѣгущихъ французовъ, подвергали ихъ страшнымъ истязаніямъ.

Самые австрійцы, которые дѣйствовали за одно съ французами, ненавидѣли ихъ за непомѣрную гордость и хвастовство. Во время Росбахской битвы, прусскій гусаръ напалъ на француза и хотѣлъ его полонить. Но въ самую рѣшительную минуту увидѣлъ позади себя австрійскаго кирасира, который занесъ надъ его головою саблю. «Братъ, *нѣмецъ*,» закричалъ пруссакъ, «будь другъ, оставь мнѣ этого француза!» — *Бери!* отвѣчалъ австріецъ и во весь опоръ поскакалъ прочь.

Но Фридрихъ очень ласково обошолся съ плѣнными французами. Онъ самъ осматривалъ раненыхъ и утѣшалъ ихъ. Встрѣтя между ними очень молодаго офицера съ перевязанной рукой, онъ спросилъ: «И вы ранены?» Французъ ловко поклонился:—Вашимъ храбрымъ гусарамъ обязанъ я этой раной и счастіемъ видѣть вблизи великаго монарха и полководца, которому удивлялся издали.—«Очень жалѣю о первомъ,» отвѣчалъ король, «но надѣюсь, что вы скоро поправитесь; а чтобъ доставить вамъ случай видѣть меня чаще, прошу приходить ко мнѣ обѣдать.» Между ранеными былъ также генералъ Кюстинъ, который оказалъ чудеса храбрости въ глазахъ Фридриха. Король послалъ къ нему своихъ врачей, потомъ самъ посѣтилъ его—и старался успокоить. «Ваше величество!» сказалъ больной старикъ, едва приподнимаясь съ подушки: «Вы гораздо выше Александра Великаго, тотъ только щадилъ своихъ плѣнниковъ, а вы проливаете бальзамъ на ихъ раны!» Встрѣтя израненнаго гренадера, который при немъ дрался противъ трехъ прусскихъ кавалеристовъ и не прежде сдался, пока упалъ подъ ихъ ударами; король подошолъ къ нему съ ласкою. «Ты герой! Но какъ ты могъ такъ долго сопротивляться? Развѣ ты почитаешь себя непобѣдимымъ?»—Былъ бы непобѣдимъ, подъ вашимъ начальствомъ!—отвѣчалъ солдатъ, поднося руку ко лбу. Фридрихъ велѣлъ сохранить жизнь его, во чтобы то ни стало. Когда французскіе офицеры принесли королю свои незапечатанныя письма, прося ихъ отослать во Францію, Фридрихъ отдалъ ихъ назадъ: «Запечатайте ваши письма, господа,» сказалъ онъ. «Я никогда не привыкну смотрѣть на французовъ, какъ на враговъ и почитать ихъ способными на низость.»—Государь, отвѣчали тронутые французы, вы дѣйствительно великій полководецъ: вы побѣждаете не только воина, но и человѣка!—Генералъ Мальи по семейнымъ обстоятельствамъ имѣлъ надобность возвратиться въ Парижъ: Фридрихъ отпустилъ его на честное слово. На слѣдующій годъ онъ писалъ къ королю, прося отсрочки своему отпуску. Фридрихъ отвѣчалъ: «Охотно даю вамъ отсрочку; радъ, что могу оказать услугу человѣку достойному. Я всегда былъ того мнѣнія, что политическія обстоятельства, вовлекающія во вражду королей, должны какъ можно менѣе причинять несчастія частнымъ людямъ.»

Вся Германія праздновала побѣду при Росбахѣ. Всюду гремѣли похвальныя пѣсни прусскому оружію и насмѣшки надъ противною партіею. Въ Англіи извѣстіе объ этомъ новомъ подвигѣ прусскаго короля было принято съ восторгомъ. Англичане обожали Фридриха и громко роптали на заключенную принцемъ Кумберлендскимъ конвенцію, которая налагала клеймо позора на англійскую націю. Самъ Георгъ II былъ глубоко оскорбленъ поступкомъ своего сына. Онъ встрѣтилъ его словами: «Вотъ сынъ мой, который погубилъ меня и опозорилъ свое имя!» Георгъ старался подъ разными предлогами замедлить ратификацію Клостеръ-Севенской конвенціи и склонить парламентъ къ принятію снова оружія противъ французовъ. Обстоятельства помогали его намѣреніямъ. Французы сами не исполнили договора: въ силу конвенціи, Ганноверъ долженъ былъ оставаться нейтральнымъ; а они его опустошили, наровнѣ съ другими германскими областями, и сверхъ того французское правительство учредило казенные откупа, чтобы посредствомъ ихъ грабить бѣдную провинцію методически. Въ лондонскомъ парламентѣ въ это время произошла значительная перемѣна: знаменитый Питтъ принялъ министерство. Онъ ненавидѣлъ французовъ и старался склонить всѣ голоса въ пользу Пруссіи. Росбахская побѣда много способствовала успѣху его усилій. Парламентъ объявилъ, что не признаетъ болѣе Клостеръ-Севенской конвенціи и предписалъ собрать распущенныя союзныя войска. Въ предводители этаго войска Фридрихъ отрекомендовалъ Георгу лучшаго своего военачальника, герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Военныя приготовленія начались снова. Англійскія газеты и журналы были полны сужденіями о предстоящихъ подвигахъ англичанъ; французовъ осмѣивали; Фридрихъ Великій выставлялся—полубогомъ. Добродушные британцы съ жадностію рвались за эти листочки и превозносили прусскаго короля превыше небесъ. На всѣхъ перекресткахъ Лондона продавали его портреты.

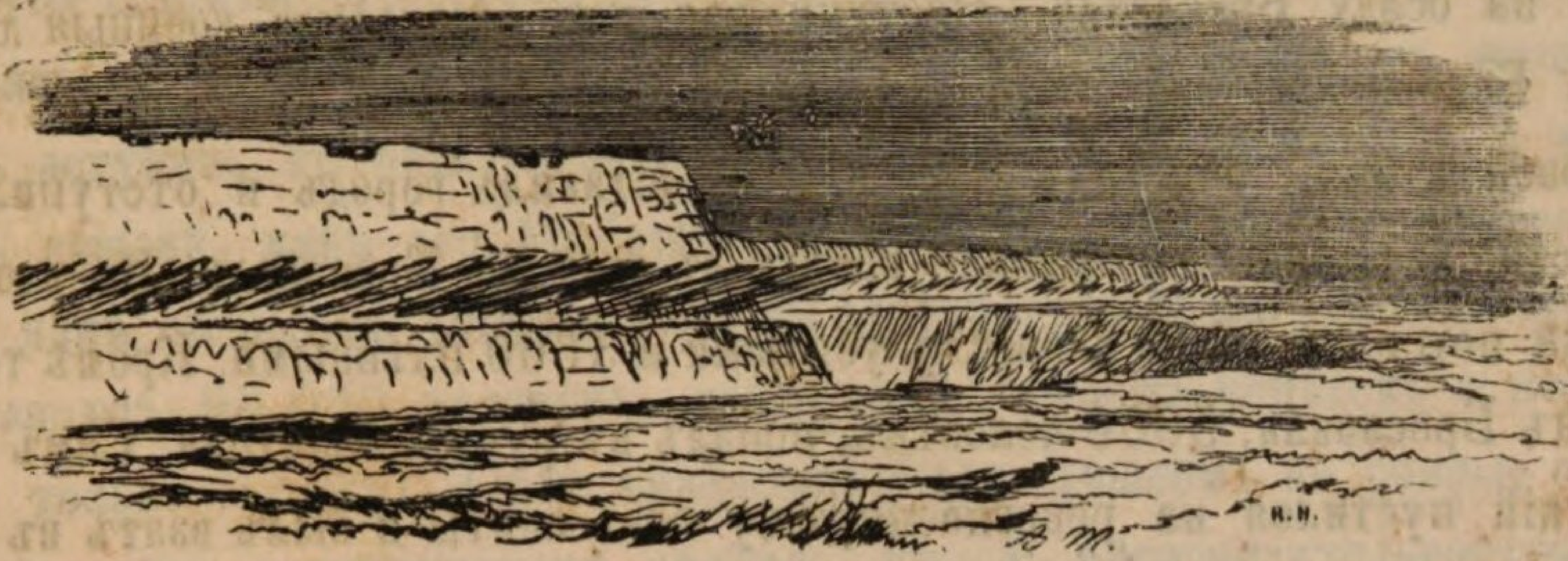

За то на противниковъ Фридриха вѣсть о Росбахской побѣдѣ производила совсѣмъ другое дѣйствіе. Королева польская была непримиримѣйшимъ его непріятелемъ: увлекаемая ложными понятіями о вѣрѣ, она не переставала возбуждать противъ него другія державы. Но безпрерывныя душевныя волненія и тревоги, и наконецъ бѣдственное положеніе, въ которое она своими интригами

повергла Саксонію, видимо истощали ея физическія силы. Она ослабѣвала съ каждымъ днемъ. Извѣстіе о разбитіи французской арміи при Росбахѣ нанесло ей рѣшительный ударъ. Съ слезами и горестію отпустила она вечеромъ своихъ приближенныхъ, а на другой день ее нашли мертвою въ постелѣ.

Сами французы были снисходительнѣе къ своему побѣдителю. Въ Парижѣ смотрѣли на Росбахскую битву, какъ на военную шутку: смѣялись надъ Субизомъ, сочиняли эпиграмы на его храбрость, дивились прекрасной дисциплинѣ прусскихъ войскъ и превозносили похвалами военный геній Фридриха. Двѣ недѣли слава объ немъ гремѣла во всѣхъ салонахъ Парижа, на третью общее вниманіе занялъ прыщикъ, вскочившій на подбородкѣ г-жи Помпадуръ, а чрезъ нѣсколько дней, новый балетъ изгладилъ всѣ впечатлѣнія и прыщика, и знаменитой побѣды прусскаго короля.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМАЯ.

Окончаніе кампаніи 1757 года.

ЛЕЙТЕНСКАЯ БИТВА.

Избавясь отъ одного непріятеля, который въ паническомъ страхѣ бѣжалъ до самаго Рейна, Фридрихъ могъ обратить всѣ свои силы на другаго, стократъ опаснѣйшаго, на эрцгерцога Лотарингскаго. Вторая французская армія была для него теперь неопасна: противъ нея неожиданно возставало гессенское и ганноверское войско. Фридрихъ поспѣшилъ на помощь къ принцу Бевернскому.

Мы видѣли, что этотъ полководецъ отступилъ въ Силезію. Карлъ Лотарингскій послѣдовалъ за нимъ по пятамъ. У Бреславля принцъ Бевернскій занялъ укрѣпленный лагерь, прикрывая столицу Силезіи. Между-тѣмъ австрійскій генералъ Надасти, послѣ пятнадцати-дневной осады, овладѣлъ крѣпостью Швейдницомъ, которую Фридрихъ называлъ *ключемъ Силезіи*. Здѣсь австрійцы взяли въ плѣнъ 6000 человѣкъ гарнизона; овладѣли магазинами и артиллеріею и сверхъ того 200,000 гульденовъ военной казны. Взятіе Швейдница открыло австрійцамъ свободное сообщеніе съ Богеміею. Оставя небольшой гарнизонъ въ Швейдницѣ, Надасти присоединился къ главной арміи принца Карла. 22-го ноября австрійцы атаковали укрѣпленный лагерь пруссаковъ.

Принцъ Бевернскій держался сколько могъ, но превосходство непріятельскихъ силъ одолѣло: пятью сильными колоннами австрійцы двинулись съ разныхъ сторонъ на осаду Бреславля. Наступившая ночь остановила военныя дѣйствія. Принцъ Бевернскій, видя, что онъ почти окруженъ и опасаясь съ разсвѣтомъ новой атаки, очистилъ поле битвы, оставилъ городъ и отступилъ. Два дни спустя, австрійцы празновали побѣду въ стѣнахъ Бреславля. Въ этой битвѣ пруссаки потеряли 6200 человѣкъ убитыми и 3600 плѣнными. Кромѣ того весь гарнизонъ Бреславля, 5000 человѣкъ, попалъ въ руки непріятеля. Самъ принцъ Бевернскій пустился на рекогносцировку безъ свиты и былъ взятъ въ плѣнъ. Многіе полагаютъ, что онъ добровольно отдался въ руки австрійцемъ, боясь упрековъ Фридриха. Цитенъ принялъ главную команду надъ войскомъ и повелъ остатки его къ Глогау.

Въ Лузаціи Фридрихъ получилъ извѣстіе о невзгодахъ въ Силезіи. Не останавливаясь ни минуты, онъ усиленными маршами шелъ къ Бреславлю, рѣшившись, не допустить австрійцевъ на зимовку въ центрѣ Силезіи. Ни холодъ, ни бури, ни дурныя дороги, ничто его не останавливало.

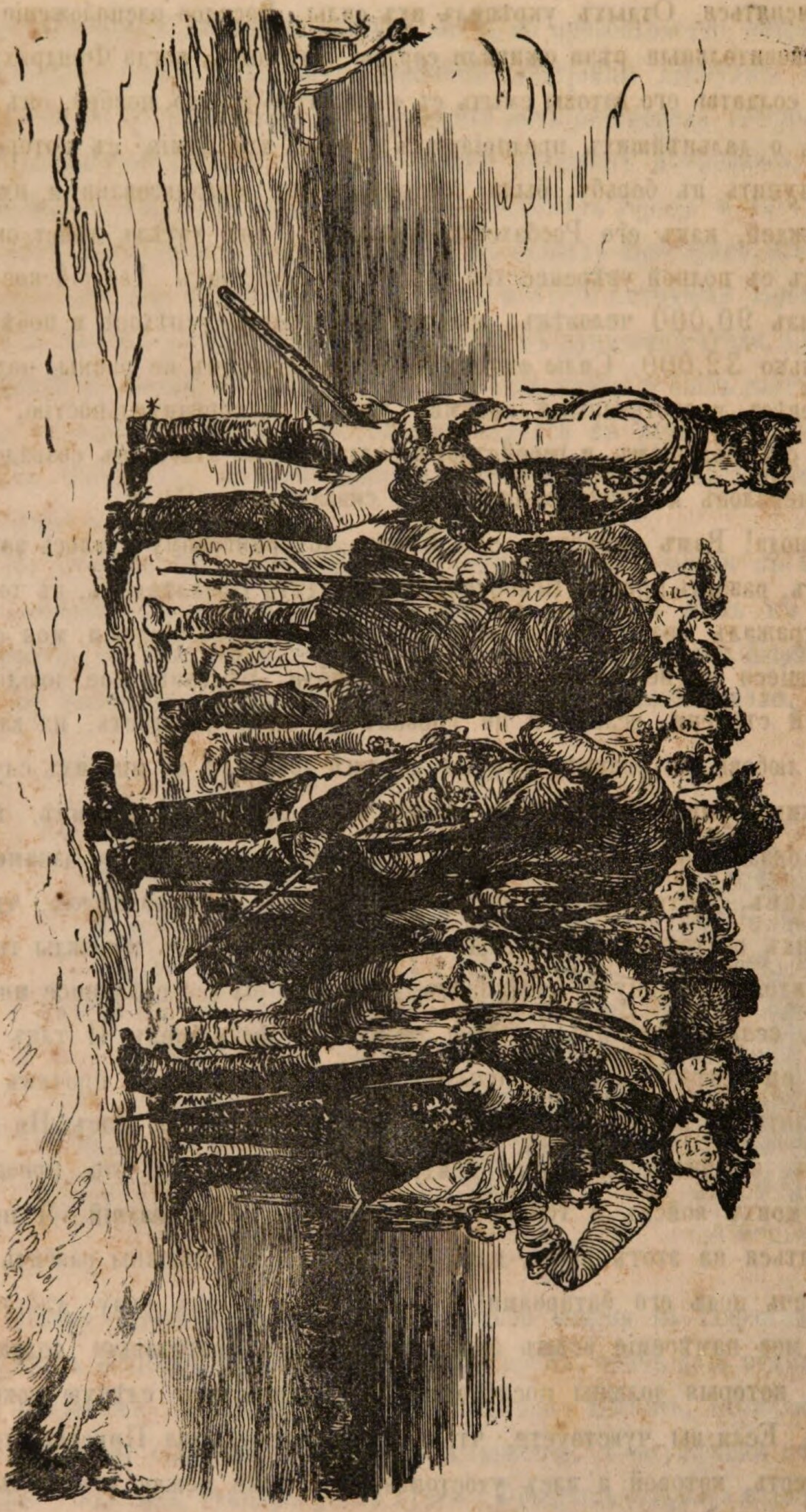

Ноября 28-го привелъ онъ утомленное войско въ Пархвицъ; переправился чрезъ Кацбахъ и на берегу сталъ лагеремъ, чтобъ дать отдыхъ измученнымъ солдатамъ Здѣсь присоединился къ нему Цитенъ. Развалины разбитой прусской арміи были въ печальномъ положеніи. Совершенная безнадежность овладѣла солдатами, офицеры упали духомъ. Фридрихъ старался всѣми средствами оживить войско и возбудить въ немъ прежнюю увѣренность и неустрашимость. Деньги, ласки, обѣщанія, даже вино, были употреблены въ дѣло. Побѣдители при Росбахѣ много способствовали видамъ короля: они ободряли своихъ товарищей, личной отвагою зажигали въ нихъ искры мужества. Понемногу лица

стали проясняться. Отдыхъ укрѣпилъ ихъ силы. Веселое расположеніе короля и его одушевительныя рѣчи оживили сердца Наконецъ, когда Фридриху казалось, что солдаты его готовы смыть съ себя пятно 22-го ноября, онъ началъ помышлять о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Зная, что армія, съ которою онъ хотѣлъ вступить въ борьбу, была совсѣмъ иначе организована и имѣла не такихъ вождей, какъ его Росбахскій непріятель, онъ хотѣлъ дѣйствовать не иначе, какъ съ полной увѣренностію въ своихъ средствахъ Австрійское войско состояло изъ 90,000 человѣкъ, ободренныхъ рядомъ успѣховъ и побѣдъ; онъ имѣлъ только 32,000. Силы физическія были слишкомъ не равны, надлежало взять перевѣсъ нравственными силами: умной распорядительностію, хитрой тактикой, одушевленіемъ и геройствомъ солдатъ Для этаго онъ созвалъ всѣхъ своихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ и сказалъ имъ (*):

«Господа! Вамъ извѣстно, что Карлу Лотарингскому удалось завоевать Швейдницъ, разбить принца Беверискаго и овладѣть Бреславлемъ, въ то время, какъ я отражалъ французовъ и имперскія войска. Часть Силезіи, моя столица и находившіеся въ ней военные запасы погибли. Бѣдствіе мое дошло бы до высочайшей степени, еслибъ я не уповалъ на вашу твердость, на ваше мужество и любовь къ родинѣ, которыя вы мнѣ доказали во многихъ случаяхъ. Съ глубокимъ умиленіемъ сердца сознаю ваши заслуги, какъ мнѣ, такъ и отечеству оказанныя! Между вами нѣтъ ни однаго, кто бы не ознаменовалъ себя великимъ, достославнымъ подвигомъ. Ласкаю себя надеждою, что и въ предстоящихъ обстоятельствахъ ваше мужество оправдаетъ надежды государства. Рѣшительная минута наступаетъ. Я почелъ бы все сдѣланное мною ничтожнымъ, еслибъ оставилъ Силезію въ рукахъ австрійцевъ. И такъ знайте: гдѣ бы я ни встрѣтилъ непріятельскую армію, я атакую ее противъ всѣхъ правилъ тактики, несмотря на то, что она втрое сильнѣе насъ. Ни позиція австрійцевъ, ни число ихъ здѣсь нейдутъ въ расчетъ: все это преодолѣетъ храбрость моихъ войскъ и точное исполненіе моихъ приказаній. Я принужденъ рѣшиться на этотъ шагъ, или все пропало! Мы должны разбить врага, или всѣ лечь подъ его батареями! Такъ я думаю—такъ буду дѣйствовать. Объявите мое намѣреніе всѣмъ офицерамъ арміи. Приготовьте солдатъ къ явленіямъ, которыя должны послѣдовать и внушите имъ слѣпую покорность моей волѣ. Если вы чувствуете, что вы настоящіе сыны Пруссіи, то вѣрно поймете честь, которой я васъ удостоиваю. Если же между вами есть такіе, которые боятся раздѣлить со мною всѣ опасности, то они могутъ сейчасъ-же взять отставку. Даю честное слово: я не оскорблю ихъ упрекомъ.»

(*) Рѣчь его сохранена потомству очевидцемъ, генераломъ Рецовымъ.

Мертвая тишина господствовала въ тѣсномъ кругу, въ которомъ говорилъ Фридрихъ. Офицеры молчали, но на лицахъ ихъ выступилъ огонь одушевленія; кровь кипѣла въ ихъ жилахъ: каждый внутренно клялся жить и умереть вмѣстѣ съ великимъ монархомъ. Фридрихъ съ видимымъ удоволь-

ствіемъ замѣтилъ дѣйствіе, произведенное его словами. Помолчавъ минуту, онъ продолжалъ съ пріятною улыбкою:

«Я напередъ чувствовалъ, что ни одинъ изъ васъ меня не покинетъ. Теперь я вполнѣ полагаюсь на ваше усердное содѣйствіе и напередъ увѣренъ въ побѣдѣ. Если я паду и не въ состояніи буду наградить васъ за ваши подвиги,—отечество ихъ не забудетъ. Оно обязано дать награду своимъ защитникамъ! Ступайте въ лагерь и повторите полкамъ все, что вы слышали.»

Общій энтузіазмъ одушевилъ собраніе. Всѣ клялись заслужить милости короля; слезы и слова ихъ доказывали, что эта клятва вырвалась прямо изъ сердца. Тогда Фридрихъ поднялъ гордо голову, строгій взглядъ его окинулъ окружающихъ. «Еще слово!» сказалъ онъ генераламъ, готовымъ идти. «За неисполненіе моихъ приказаній я буду строгъ, неумолимъ! Тотъ кавалерійскій полкъ, который по первому слову не врубится въ непріятеля, я послѣ битвы спѣшу и обращу въ гарнизонъ. Каждый пѣхотный батальонъ, который хоть на одну секунду остановится, какія бы препятствія онъ ни встрѣтилъ, будетъ лишенъ знамени, палашей и нашивокъ. Теперь прощайте, господа! Мы побьемъ врага или никогда болѣе не увидимся!»

Одушевленіе, которое Фридрихъ умѣлъ разжечь въ своихъ генералахъ, какъ электрическая искра сообщилось и всей остальной арміи. По всѣмъ жиламъ войска разлился восторгъ: радостные крики и пѣсни раздались въ лагерѣ и возвѣстили королю, что онъ смѣло можетъ на все рѣшиться.

4-го декабря прусская армія оставила свой лагерь съ барабаннымъ боемъ и трубнымъ звукомъ. Австрійцы стояли въ укрепленномъ лагерѣ подъ Бреславлемъ. Туда былъ направленъ маршъ пруссаковъ. Самъ король велъ авангардъ. Недалеко отъ Неймарка узналъ онъ, что этотъ городъ занятъ австрійскими кроатами и пандурами. Гористая мѣстность за Неймаркомъ входила въ планъ его операцій. Не дожидаясь пѣхоты, онъ ударилъ въ ворота города, сбилъ ихъ и ворвался въ городъ. Большинство непріятелей, послѣ легкой сѣчи, сдалось въ плѣнъ. Вечеромъ того же дня Фридрихъ узналъ, что Карлъ Лотарингскій вывелъ свое войско изъ шанцевъ и шелъ на встрѣчу пруссакамъ, чтобъ однимъ ударомъ меча уничтожить «*берлинскій вахтпарадъ,*» какъ онъ называлъ незначительную армію Фридриха. Фридрихъ обрадовался при этомъ извѣстіи. Съ веселымъ видомъ вошелъ онъ въ комнату для отданія пароли и сказалъ своимъ генераламъ: «Лисица вышла изъ норы: теперь не уйдетъ отъ ловца!» За ночь были сдѣланы всѣ распоряженія къ битвѣ.

Утромъ, 5-го декабря, Фридрихъ двинулъ свое войско впередъ, не зная еще позиціи австрійцевъ. Выѣзжая передъ армію, онъ подозвалъ къ себѣ офицера съ пятидесятью гусарами. «Слушай,» сказалъ онъ ему,—«въ сегоднш-

ней битвѣ я буду часто въ опасности. Ты съ своими гусарами долженъ прикрывать меня. Не отъѣзжай ни на шагъ и смотри, чтобъ я не попалъ въ руки этихъ негодяевъ. Если меня убьютъ, прикрой тѣло мое плащемъ и пошли за фургономъ... но—ни полслова о моей смерти! Пусть баталія продолжается—и непріятель будетъ разбитъ непремѣнно.»

Первыя колонны на походѣ запѣли церковный гимнъ. Одинъ изъ генераловъ спросилъ короля: не прикажетъ ли онъ имъ замолчать?—«Нѣтъ, отвѣчалъ Фридрихъ, они съ Богомъ идутъ на врага и Богъ намъ дастъ побѣду!»

Прусскій авангардъ дошелъ до небольшой деревушки Борна и едва миновалъ ее, какъ увидѣлъ передъ собою непріятельскую конницу.

Фридрихъ, полагая, что это правое крыло австрійцевъ, немедленно приказалъ на нихъ ударить. Въ четверть часа дѣло было кончено; большую часть отряда прусскіе гусары полонили, остальная обратилась въ бѣгство. Тогда только, на довольно дальнемъ разстояніи, открылось настоящее правое крыло непріятельской арміи, которому эта горсть кавалеріи служила аванпостомъ. Фридрихъ съ трудомъ могъ удержать увлеченіе своихъ гусаръ, которые хотѣли броситься на первую непріятельскую линію. Плѣнныхъ отправили въ Неймаркъ, но напередъ провели передъ всѣмъ прусскимъ фронтомъ, чтобы этимъ первымъ успѣхомъ возбудить мужество пруссаковъ. Фридрихъ взъѣхалъ на пригорокъ. Оттуда передъ нимъ открылась вся позиція австрійцевъ. Слишкомъ на милю тянулись ихъ линіи въ нѣсколько рядовъ. Центръ прикрывала деревня Лейтенъ,

Первая стычка съ кавалеріей заставила австрійцевъ думать, что Фридрихъ намѣренъ атаковать ихъ правое крыло и потому они поторопились

усилить его войсками. Но Фридрихъ, напротивъ, находилъ, что лѣвое крыло представляетъ больше удобствъ для нападенія. Армія его отчасти была прикрыта пригорками: широкимъ полукругомъ отодвинулъ онъ ее влѣво. Австрійцы замѣтили это движеніе, но не подозрѣвая настоящихъ намѣреній Фридриха, полагали, что онъ хочетъ избѣжать битвы. «Бѣдняки ретируются,» сказалъ Даунъ принцу Лотарингскому: «не трогайте ихъ, пусть идутъ!»

Въ полдень прусская армія прошла во флангъ лѣваго австрійскаго крыла. Въ часъ Фридрихъ подалъ знакъ къ атакѣ. Принцъ Карлъ, обратившій все вниманіе на свое правое крыло, оставилъ на лѣвомъ самыя слабыя войска, состоявшія, по большей части, изъ виртембергскихъ и баварскихъ вспомогательныхъ полковъ. Фридрихъ употребилъ здѣсь особенный маневръ, въ подражаніе македонской фалангѣ. Войска его, расположенныя въ косвенномъ порядкѣ, двигались эшелонами противъ праваго непріятельскаго крыла, но въ мгновеніе, по первому знаку, развертывались плутонгами, въ величайшемъ устройствѣ, съ быстротою потока. Маневръ этотъ въ послѣдствіи приняли всѣ европейскія войска.—Первый ударъ былъ нанесенъ съ такою силою, что баварцы и виртембергцы бросились бѣжать, сбили и смѣшали присланные имъ въ подкрѣпленіе полки, и устремились къ Лейтену, гдѣ подошли подъ ружейный огонь своихъ же союзниковъ. Бѣгство вспомогательныхъ войскъ привело въ разстройство все лѣвое крыло, которому пруссаки не давали опамятоваться. Очистивъ себѣ дорогу къ центру съ этой стороны, Фридрихъ двинулъ пѣхоту на Лейтенъ, прикрывавшій фронтъ центра. Но Лейтенъ пруссакамъ не представлялъ ни одного приступнаго мѣста. Изъ за заборовъ, ограничивающихъ сады и надворныя строенія, встрѣтилъ ихъ сильный ружейный огонь. Страшный бой завязался около Лейтена. Гренадерскій баталіонъ началъ штурмовать деревню: на каждомъ шагу представлялись новыя препятствія. Командиръ баталіона, употребя всѣ усилія и видя опасность, которой подвергалъ своихъ людей, на минуту остановился. «Что тутъ думать, полковникъ!» закричалъ ему старшій капитанъ Мёлендорфъ (*),—«надо драться, а не размышлять!»— Но полковникъ все еще не рѣшался. Тогда Мёлендорфъ выскочилъ передъ фронтъ и крикнулъ: «Другаго на его мѣсто! За мной, ребята!»

Онъ повелъ баталіонъ къ широкимъ воротамъ; ихъ сбили прикладами. До сорока огнедышащихъ дулъ встрѣтили смѣльчаковъ; отважный капитанъ проскользнулъ подъ ними, баталіонъ его съ крикомъ ворвался въ деревню и разсыпался по улицамъ. По его слѣдамъ кинулись и другіе баталіоны. Отчаянная

(*) Впослѣдствіи знаменитый фельдмаршалъ.

сѣча и перестрѣлка продолжались нѣсколько часовъ. Наконецъ деревня была очищена отъ непріятеля. Австрійцы начали строиться на возвышеніяхъ за Лейтеномъ, а пруссаки нашли въ немъ опорный пунктъ. Теперь прусская артиллерія стала дѣйствовать изъ деревни на непріятельскія густыя колонны: градъ картечь рвалъ ихъ на части, но врагъ стоялъ твердо и неуступалъ пяди пруссакамъ. Вечеръ близился, а бой оставался нерѣшеннымъ. Въ четыре часа, Карлъ велѣлъ кавалеріи своего праваго крыла напасть на пруссаковъ съ боку. Фридрихъ предвидѣлъ эту минуту. Кавалерія его лѣваго крыла стояла уже на готовѣ: лошади и люди рвались отъ нетерпѣнія; успѣхи пѣхоты раздували въ гусарахъ и драгунахъ воинскій жаръ. Фридрихъ удерживалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они могли ударить во флангъ непріятельской конницы. Неотразимой волною налетѣли они на австрійцевъ. Громы карабиновъ и молніи сабельныхъ ударовъ разразились въ одно время надъ непріятелемъ. Съ боку, съ тыла, съ фронта, вездѣ встрѣчалъ ихъ прусскій огонь. Лошади взвивались на дыбы и сбрасывали всадниковъ на прусскіе штыки. Въ дикомъ безпорядкѣ, почти въ безпамятствѣ отъ нежданной встрѣчи, австрійская кавалерія обратилась въ бѣгство, попирая собственную пѣхоту, увлекая все за собою. Вся непріятельская армія бросила поле битвы и спѣшила въ Лиссѣ. До глубокой ночи продолжалось ея преслѣдованіе; войска, неуспѣвшія уйти засвѣтло, клали оружіе, и сдавались въ плѣнъ.

Остроумнѣйшая распорядительность, которую можно назвать чудомъ тактики, даровала Фридриху побѣду при Лейтенѣ. Жиберъ говоритъ, что солдаты едвали имѣютъ право раздѣлять съ нимъ славу этаго дня: онъ одинъ былъ великъ, онъ одинъ рѣшилъ судьбу сраженія. И дѣйствительно, армія его въ этотъ день была для него тоже, что небольшой камень, съ которымъ Давидъ вышелъ на бой съ Голіафомъ. Побѣда выиграна не силою оружія, но умомъ, проницательностію и ловкостью.

По окончаніи дѣла, Фридрихъ подскакалъ къ Морицу Дессаускому, который командовалъ прусскимъ центромъ, и закричалъ ему: «Поздравляю васъ съ побѣдою, *господинъ фельдмаршалъ!*» Принцъ, занятый еще распоряженіями, не вникъ въ привѣтствіе короля, разсѣянно отсалютовалъ шпагою и опять занялся дѣломъ. Фридрихъ подъѣхалъ ближе: «Слышите ли, я васъ поздравляю—*господинъ фельдмаршалъ!*» Тутъ только принцъ Морицъ понялъ, что привѣтствіе короля было вмѣстѣ и повышеніемъ его въ званіе фельдмаршала. Онъ началъ извиняться и благодарить. Король прервалъ его: «Вы получаете только заслуженное: никогда и никто не помогалъ мнѣ такъ много, какъ вы — въ нынѣшнемъ дѣлѣ.»

Одержавъ побѣду, Фридрихъ хотѣлъ воспользоваться всѣми ея выгодами. Онъ боялся, что непріятель, переправясь чрезъ рѣку Швейдницъ, остановится и соберетъ разсѣянныя свои силы. Поэтому онъ рѣшился овладѣть мостомъ въ мѣстечкѣ Лисса, чтобъ на слѣдующій день продолжать преслѣдованіе. «Дѣти! сказалъ онъ обращаясь къ собраннымъ войскамъ, вы очень устали! Однако нѣтъ

ли охотниковъ пройтись со мною до Лиссы?» Три баталіона выступили впередъ, изъявляя желаніе немедленно слѣдовать за королемъ. — «Хорошо!» сказалъ Фридрихъ, — «я на васъ надѣюсь. Пока отдохните, а когда вы мнѣ будете нужны, я пришлю за вами.» — Съ этимъ словамъ онъ тронулся съ мѣста. взявъ съ собою Цитена, эскадронъ гусаръ и четыре орудія. «Стрѣляйте на воздухъ, чрезъ наши головы!» сказалъ онъ артиллеристамъ. «Пусть непріятель слышитъ свистъ нашихъ ядеръ и бѣжитъ безъ отдыха!»

Медленно шелъ впередъ этотъ маленькій отрядъ; сгущающаяся темнота мѣшала различать предметы, дорогу отыскивали почти ощупью. Вдали засвѣтлѣлъ огонекъ: гусаръ поскакалъ распросить о дорогѣ. Огонь свѣтился въ небольшой харчевнѣ на перекресткѣ. Хозяинъ самъ вышелъ съ фонаремъ. Фридрихъ приказалъ ему взяться за свое стремя и освѣщать дорогу. Такъ шли впередъ спокойно около получаса. Корчмарь болталъ безъ умолку объ австрійцахъ, о пруссакахъ, о Фридрихѣ, о его ошибкахъ и о прочемъ. Король молчалъ, гусары слушали росказни балагура. Вдругъ раздался ружейный залпъ, пули зажужжали около короля, лошадь его взвилась на дыбы съ визгомъ: она была ранена четырьмя пулями. Вожатый бросилъ фонарь въ испугѣ, огонь потухъ и опять все затихло. Гусары кинулись въ ту сторону, откуда произошли выстрѣлы, къ усаженному липами валу, но тамъ уже никого не было. Австрійскій ведетъ, изъ сорока человѣкъ, здѣсь поставленный, слыша приближеніе прусскаго отряда, выстрѣлилъ по направленію фонаря и тотчасъ же убѣжалъ въ близкій лѣсъ. Фридрихъ остановился. Онъ отправилъ офицера и нѣсколько гусаръ на рекогносцировку дороги, а адъютанта своего послалъ назадъ привесть въ Лиссу вызвавшіеся баталіоны. Офицеръ скоро возвратился и объявилъ, что до самой Лиссы не встрѣтилъ даже и слѣда непріятельскаго. Тогда Фридрихъ снова двинулся въ походъ.

Между тѣмъ глубокая тьма распространилась надъ полемъ битвы. Ночь, какъ будто ужасаясь слѣдовъ кроваваго дня, покрыла его жертвы густымъ мракомъ. Тысячи людей, въ страшныхъ мукахъ, покидали землю въ эту минуту. Вездѣ раздавались стоны и жалобы раненыхъ; ночной холодъ освѣжалъ и вмѣстѣ раздражалъ ихъ язвы. Вѣтеръ, ударяясь въ разрушенныя зданія Лейтена, уныло пѣлъ надъ ними погребальныя пѣсни. Усталое, измученное войско искало покоя. Лошади и люди ложились между ранеными и мертвыми на землю, увлаженную кровавою росою. Вдругъ одинъ изъ солдатъ запѣлъ одушевительный псаломъ: «Тебя, Бога, хвалимъ!» Товарищи подхватили. Вскорѣ вся армія пѣла съ нимъ вмѣстѣ; музыка тихо имъ вторила.... живые и умирающіе слили свои голоса въ общую молитву. Торжественная, святая минута наступила на этомъ полѣ, гдѣ смерть и жизнь спорили еще о своемъ достояніи. Въ это время прискакалъ

адъютантъ Фридриха за тремя баталіонами. Они выстроились и двинулись. Слыша объ опасности короля, вся армія, какъ бы одушевленная однимъ, общимъ чувствомъ, встрепенулась. Въ одинъ мигъ все было готово къ походу и цѣлое войско пошло вслѣдъ за тремя избранными баталіонами.

Недоходя до Лиссы, Фридрихъ дождался подкрѣпленія. Медленно, осторожно пруссаки вошли въ городъ. На улицахъ все было тихо, только огни и суетня въ домахъ показывали, что городъ былъ чѣмъ-то встревоженъ. Изъ воротъ однаго дома вышли три австрійца съ огромными связками соломы на спинѣ. Ихъ схватили. Они показали при допросѣ, что имъ велѣно сносить солому на мостъ, который намѣрены сжечь при первомъ приближеніи пруссаковъ. Король ѣхалъ впереди своихъ гренадеровъ. За 60 шаговъ отъ мосту ихъ встрѣтилъ ружейный огонь австрійскаго отряда, который собрался втихомолку и поджидалъ своихъ гостей. Нѣсколько гренадеровъ пали возлѣ самаго короля. Въ тотъ же мигъ изъ оконъ домовъ посыпались выстрѣлы Прусскіе гусары отскочили въ сторону, пушки выдвинулись и началась страшная перестрѣлка. «Господа, за мной! я знаю здѣсь дорогу!» сказалъ Фридрихъ своей свитѣ и поворотилъ влѣво, къ господскому замку. Проскакавъ подъемный мостъ, онъ остановился на небольшой площадкѣ и слѣзъ съ лошади. Въ тоже время огоньки забѣгали

въ окнахъ замка: австрійскіе генералы и офицеры со свѣчами бросились внизъ по лѣстницамъ, чтобъ отыскать своихъ лошадей, оставленныхъ на площадкѣ, «Bon soir, Messieurs!» (*) сказалъ онъ имъ, входя. «Вы вѣрно меня не ожидали? Нѣтъ ли здѣсь и для насъ мѣстечка?»

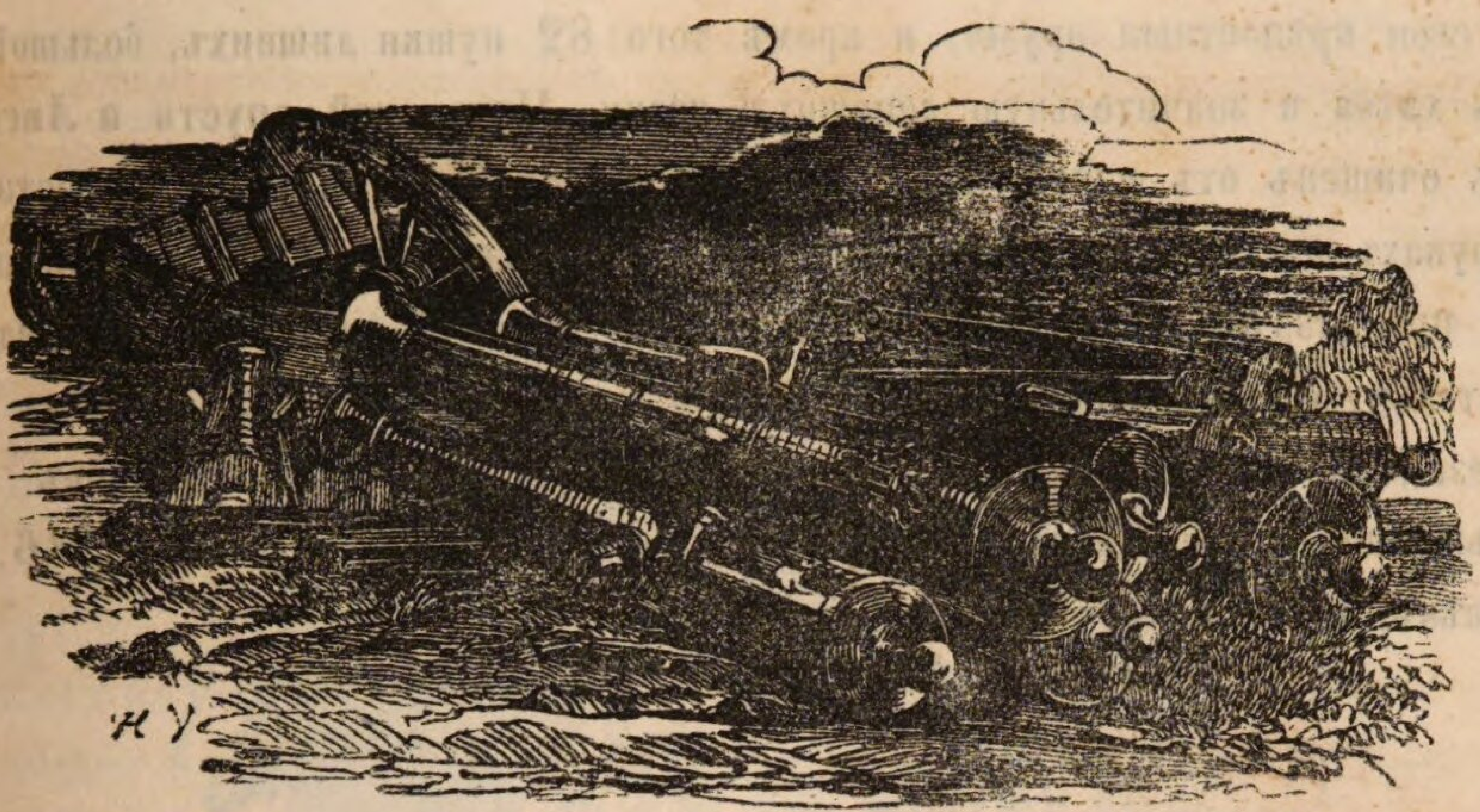
Какъ громомъ пораженные, остановились австрійцы. Ихъ было много, короля сопровождали только три адъютанта: легко могли бы захватить его въ плѣнъ. Но въ испугѣ никто объ этомъ не подумалъ. Генералы выхватили свѣчи у нижнихъ чиновъ и почтительно начали свѣтить Фридриху по лѣстницѣ. Когда онъ вошелъ въ залу, они поочередно ему представлялись. Онъ распрашивалъ каждаго объ имени и чинѣ, и наконецъ вступилъ съ ними въ ласковый разговоръ. Мало по малу зала стала наполняться прусскими офицерами, которыхъ число напослѣдокъ до того увеличилось, что изумленный король спросилъ: «Да откуда вы всѣ беретесь, господа?»

Тутъ офицеры объяснили ему, что при первомъ извѣстіи объ опасности, вся армія двинулась въ походъ и теперь стоитъ подъ Лиссою. Фридрихъ былъ глубоко тронутъ этой преданностію солдатъ, между тѣмъ, онъ не могъ не улыбнуться, видя, что австрійскій штабъ попался къ нему въ руки такимъ забавнымъ образомъ.

Всѣ австрійцы, найденные въ Лиссѣ, были взяты въ плѣнъ; мостъ уцѣлѣлъ, и съ зарею другаго дня Цитенъ и Фуке могли преслѣдовать австрійскую армію. Король въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ своихъ генераловъ и офицеровъ за ихъ усердіе и мужество. Между-тѣмъ хозяинъ замка хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, чтобъ собрать что нибудь для королевскаго ужина: австрійцы, какъ голодная саранча, истребили все съѣстное въ замкѣ и въ деревнѣ. Наконецъ королю подали родъ винегрета изъ разныхъ остатковъ послѣ ужина австрійскихъ офицеровъ. Онъ былъ и тому радъ. Во время ужина онъ ласково разговаривалъ съ хозяиномъ и наконецъ, взглянувъ на него пристально, спросилъ: «А умѣешь ли ты играть въ банкъ, любезный баронъ?»—Баронъ оторопѣлъ: онъ зналъ, что Фридрихъ ненавидѣлъ азардныя игры. Запинаясь отвѣчалъ онъ:—Ваше величество.... въ моей молодости... конечно..«—Поэтому ты знаешь, что значитъ *ва банкъ?*» прервалъ его Фридрихъ. Баронъ кивнулъ головою. «Такую карту я поставилъ сегодня—и мнѣ повезло!»

Лейтенская битва дорого стоила австрійцамъ. Ихъ главная армія была побита на голову: 6,000 человѣкъ легли на мѣстѣ; 21,000 взяты въ плѣнъ. Вся артиллерія, до 200 орудій, частію отняты пруссаками.

(*) Добрый вечеръ, господа!

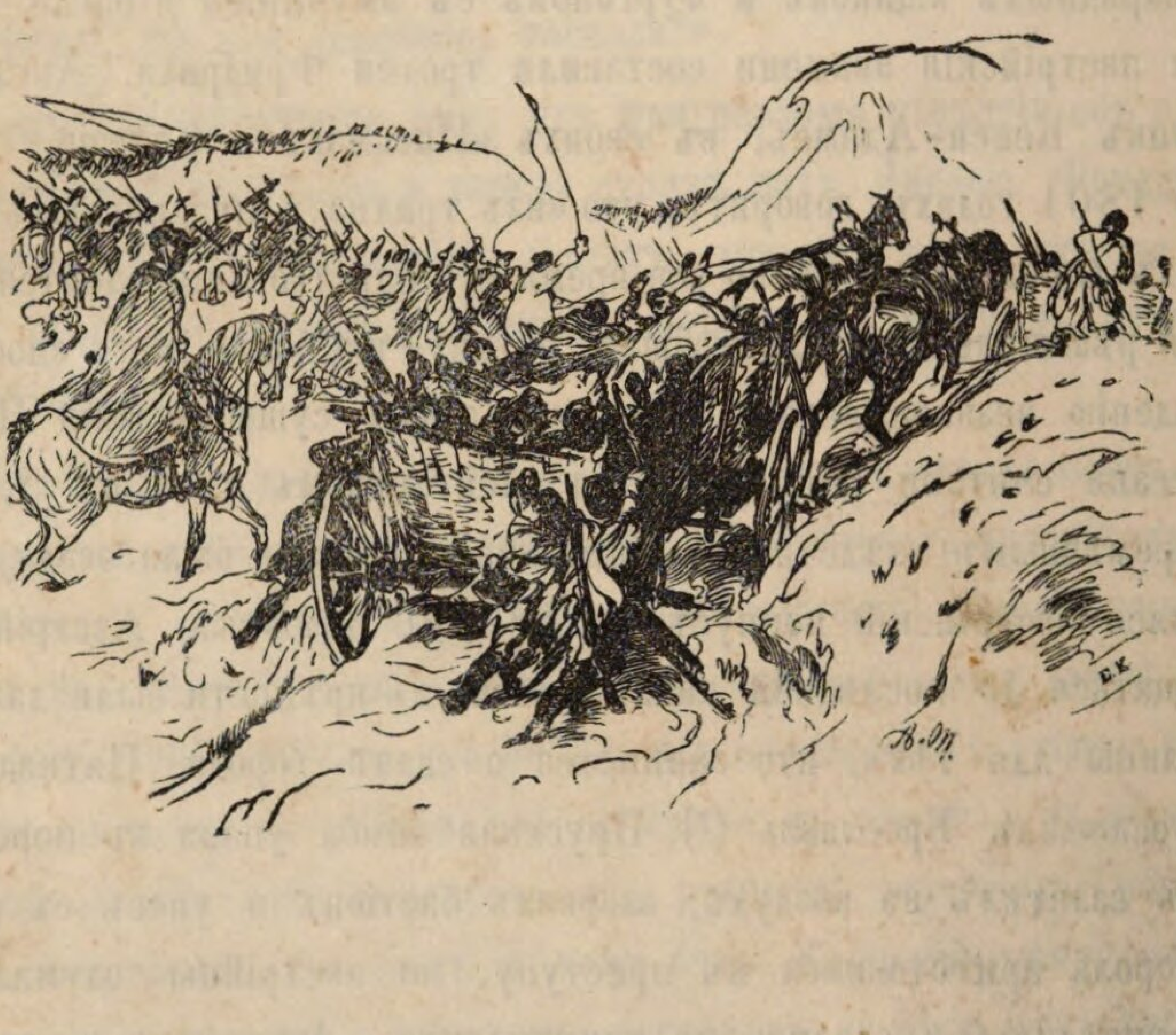

Въ слѣдующіе два дни Цитенъ и Фуке привели еще 2,000 плѣнныхъ и 4,000 зарядныхъ ящиковъ и фургоновъ съ амуниціей и багажемъ. Пятьдесятъ два австрійскія знамени составили трофеи Фридриха. Англійскій путешественникъ Кенси-Адамсъ, въ своихъ «Письмахъ о Силезіи,» писанныхъ въ 1800 и 1801 годахъ, говоритъ, что «изъ тридцати правильныхъ сраженій, выигранныхъ Фридрихомъ II во все время его царствованія, Лейтенская битва была самая рѣшительная и славнѣйшая, потому-что болѣе всего способствовала къ утвержденію независимаго и самостоятельнаго существованія Пруссіи.»

Пруссаки считали свой уронъ въ Лейтенскомъ дѣлѣ въ 5,000 человѣкъ. Непремѣннымъ слѣдствіемъ Лейтенской побѣды была осада Бреславля, куда бросился австрійскій корпусъ въ 18,000 человѣкъ. Австрійцы рѣшились защищаться до послѣдней капли крови; въ крѣпости были даже поставлены висѣлицы для тѣхъ, кто заикнется о сдачѣ города. Пятнадцать дней Фридрихъ осаждалъ Бреславль (*). Прусская бомба упала въ пороховой магазинъ, онъ взлетѣлъ на воздухъ, взорвалъ бастіонъ и унесъ съ собою 800 солдатъ. Король приготовился къ приступу, но австрійцы одумались, сломали свои висѣлицы и сдались на капитуляцію. Двѣнадцатитысячный гарнизонъ и 5,000 раненыхъ достались побѣдителю. Фридрихъ получилъ обратно

(*) Во время осады Бреславля, главная квартира короля находилась въ крестьянской избѣ, близъ города. Холодъ былъ такъ великъ, что солдаты разобрали все деревянное строеніе въ окрестностяхъ—на костры. Наконецъ не стало болѣе топлива, и они принялись за избушку короля. Караульный офицеръ закричалъ имъ: «Если кто тронетъ еще доску, я велю стрѣлять.» Солдаты шумѣли и не хотѣли слушаться. Король, узнавъ о причинѣ шума, сказалъ офицеру: «Другъ мой! этимъ средствомъ ты ничего не сдѣлаешь! Постой, я сейчасъ положу конецъ безпорядкамъ!» Онъ вышелъ на крыльцо и сказалъ солдатамъ: «Эй, драгуны! слушайте: если вы будете еще долго обдирать избу, такъ снѣгъ наконецъ посыплется ко мнѣ въ постелю: неужели вы этаго хотите?» Солдаты ушли и квартира короля осталась нетронутою.

всѣ свои крѣпостныя орудія, и кромѣ того 82 пушки лишнихъ, большой запасъ хлѣба и значительную денежную казну. Пять дней спустя и Лигницъ былъ очищенъ отъ непріятеля. Одна только крѣпость Швейдницъ осталась въ рукахъ австрійцевъ, потому, что жестокій холодъ не дозволялъ предпринять правильную осаду. Фридрихъ обложилъ крѣпость нѣсколькими отрядами, а остальную армію размѣстилъ на зимнія квартиры. Такимъ образомъ вся Силезія, за исключеніемъ Швейдница, была очищена отъ австрійцевъ. Изъ стотысячной арміи Карлъ Лотарингскій привелъ въ Богемію только 36,000 человѣкъ, и тѣхъ въ самомъ жалкомъ положеніи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМАЯ.

Кампанія 1757 года.

ПОХОДЪ ВЪ МОРАВІЮ.

Бѣдствіе австрійской арміи было тщательно скрываемо отъ Маріи-Терезіи. Генералы ея приписывали свою значительную потерю особеннымъ несчастнымъ случайностямъ, позднему времени года, труднымъ переходамъ въ горахъ, заразительнымъ болѣзнямъ, свирѣпствовавшимъ въ войскѣ. Неудачи перваго года войны надѣялись поверстать успѣхами слѣдующихъ кампаній. Отъ союзныхъ державъ ожидали болѣе единодушія въ дѣйствіяхъ. Союзы съ Франціею и Россіею были скрѣплены новыми тѣснѣйшими узами. Все это убаюкало встревоженный духъ императрицы-королевы, и чувство мщенія вспыхнуло въ ней съ новою силою. Однако вѣнскій кабинетъ, чувствуя, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ рѣшительнымъ, оборотливымъ и притомъ покровительствуемымъ счастіемъ, сталъ поосторожнѣе въ своихъ прокламаціяхъ, смягчилъ выраженія имперскаго суда, и сдѣлался вѣжливѣе и приличнѣе въ сношеніяхъ съ

Пруссiею. Графъ Кауницъ даже увѣдомилъ Фридриха о заговорѣ противъ его особы. Король почиталъ это извѣстiе выдумкою, но воспользовался имъ, чтобъ написать Марiи-Терезiи благодарственный отвѣтъ. «Есть два рода убiйства» — писалъ онъ ей—«одинъ кинжаломъ, другой позорными, унизительными статьями. Первый родъ я презираю; но ко второму я гораздо чувствительнѣе и отъ него стараюсь отписываться мечемъ.» Въ тоже время онъ отправилъ въ Вѣну, захваченнаго въ плѣнъ, князя Лобковича, для мирныхъ переговоровъ съ императрицей-королевою. «Еслибъ не битва 18-го iюня» — писалъ онъ «ей,—«въ которой счастiе мнѣ измѣнило, я можетъ быть имѣлъ бы случай «лично посѣтить Васъ. Тогда, можетъ быть, вопреки моей натурѣ, Ваша кра-«сота, Вашъ возвышенный умъ — оковали бы побѣдителя — и мы нашли бы «средство къ примиренiю. Правда, въ минувшую кампанiю Вы имѣли боль-«шiя выгоды въ Силезiи, но эта честь продолжалась недолго; о послѣдней «же битвѣ я не могу вспомнить безъ ужаса, столько въ ней пролито крови. «Я воспользовался моей побѣдою, и теперь въ состоянiи опять двинуться въ «Моравiю и Богемiю. Размыслите объ этомъ, дражайшая кузина! Узнайте на-«конецъ, кому Вы довѣряетесь. Вы губите свое государство; вся пролитая «кровь падетъ на вашу голову! Вы увидите, что не въ Вашихъ силахъ по-«бѣдить того, кто, будучи Вашимъ другомъ, заставилъ бы трепетать весь мiръ. «Строки эти выливаются у меня изъ глубины сердца: желаю, чтобъ они про-«извели на Васъ счастливое впечатлѣнiе. Если же Вы хотите довесть дѣло до «крайности, то я все испытаю, что только будетъ въ моихъ средствахъ. Но увѣряю «Васъ, мнѣ прискорбно видѣть погибель государыни, заслуживающей удивленiе «цѣлаго свѣта. Если Ваши союзники станутъ помогать Вамъ, какъ слѣдуетъ,— «я пропалъ: это предвижу. Но и тогда мнѣ не будетъ стыда: напротивъ, исторiя «покроетъ меня славою за то, что я защищалъ сосѣдняго государя отъ при-«тѣсненiй, что не способствовалъ къ увеличенiю могущества Бурбоновъ, и что «храбро боролся съ двумя императрицами и тремя королями.»

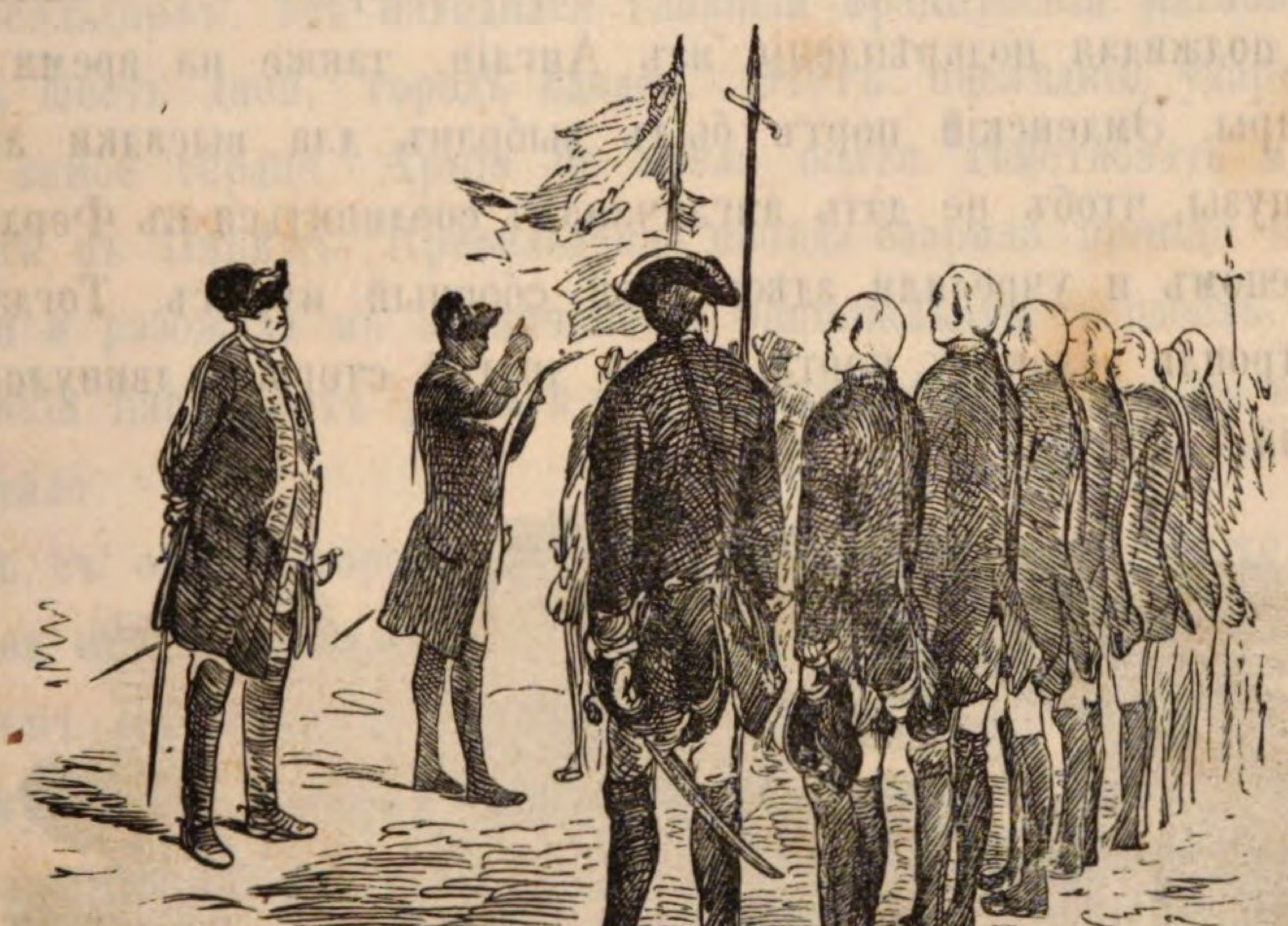
Убѣдительное письмо Фридриха не произвело желаннаго дѣйствiя. Французскiй посланникъ Шоазель уговаривалъ Марiю-Терезiю продолжать войну, и она согласилась. Францiя стала вооружать новое войско и выплатила Россiи новыя субсидiи. Елисавета Петровна приняла рѣшительныя мѣры къ немедленному продолженiю военныхъ дѣйствiй въ Пруссiи. Генералу Фермору было поручено главное начальство надъ войсками съ строжайшимъ предписанiемъ: начать войну, не теряя времени. Въ подкрѣпленiе ему посланъ генералъ Браунъ съ резервомъ, находившимся въ Жмудахъ и въ Курляндiи.

Фридрихъ провелъ зиму въ Бреславлѣ, приготовляясь къ оборонѣ. Англiйскiй статсъ-секретарь Вильямъ Питтъ убѣдилъ парламентъ заключить

съ Пруссіею новый трактатъ, по которому Англія обязалась усилить ганноверскую армію своими войсками и выдавать Фридриху ежегодно вспомогательныхъ суммъ 670,000 фунтовъ стерлинговъ. Но этихъ денегъ, вмѣстѣ съ контрибуціями, собранными съ Саксоніи и Мекленбургіи, было мало для покрытія издержекъ новой войны. Фридрихъ принужденъ былъ рѣшиться на мѣру непозволительную: онъ отдалъ монетный дворъ на откупъ богатому жиду Эфрему, за десять миліоновъ талеровъ; тотъ выплатилъ ихъ вновь отчеканенной монетой, которая на цѣлую треть была ниже своей стоимости. Съ этихъ поръ въ народѣ пошла поговорка о новыхъ талерахъ:

Снаружи — красивъ, а внутри — не совсѣмъ:
Фридрихъ — снаружи, внутри-же — Эфремъ. (*)

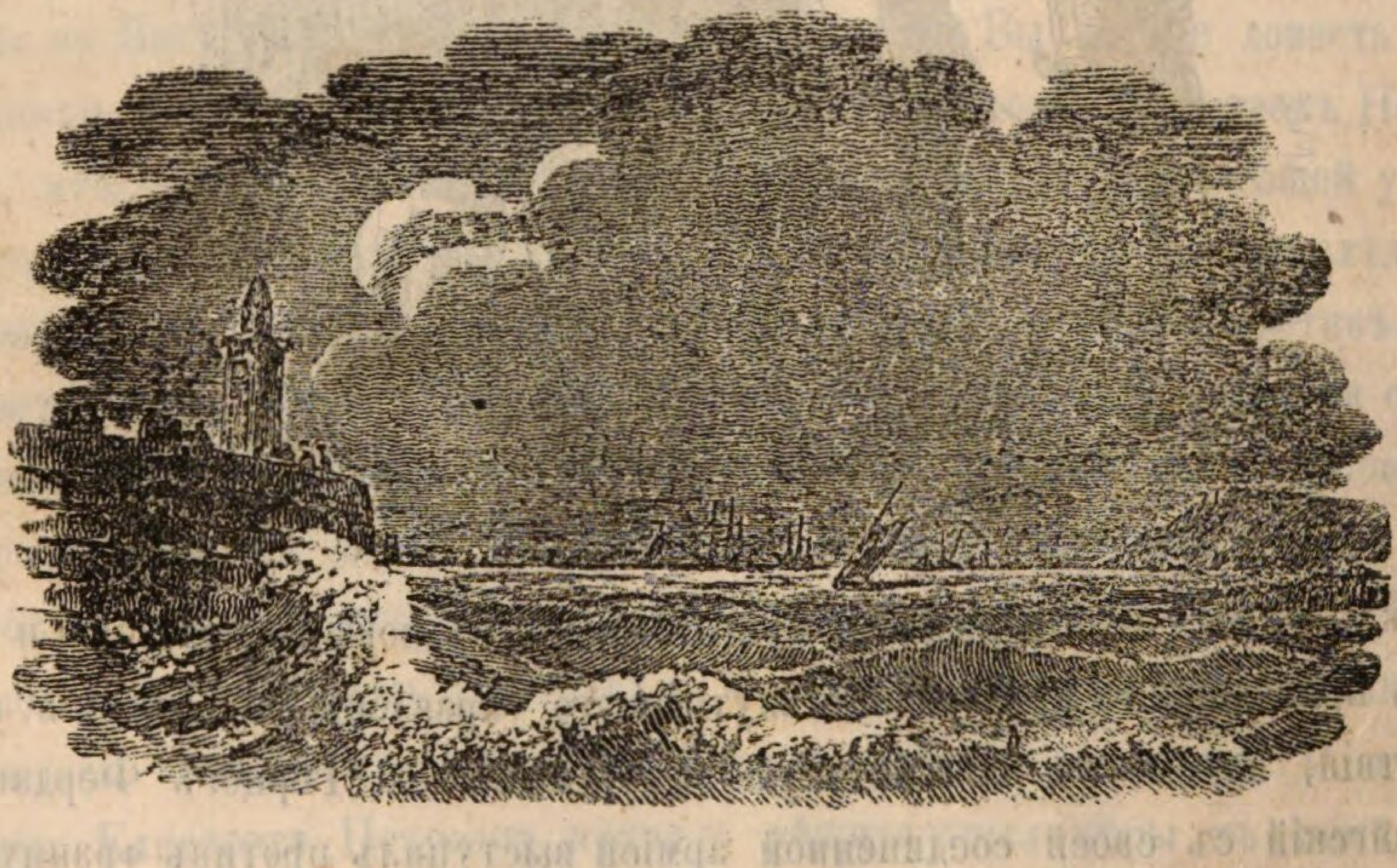
Войско Фридриха было значительно умножено новобранцами, которыхъ упражняли каждый день и знакомили съ правилами прусскаго артикула.

Между-тѣмъ, пока Фридрихъ приготовлялся къ новымъ походамъ и былъ озабоченъ приведеніемъ въ порядокъ внутреннаго управленія въ Саксоніи, военныя дѣйствія, не-смотря на жестокую зиму, начались. Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій съ своей соединенной арміей выступилъ противъ французовъ. Въ февралѣ онъ очистилъ отъ нихъ Ганноверъ и безъ отдыха гналъ непріятеля, чрезъ Вестфалію, до самаго Рейна. 11,000 французовъ попали въ его руки. Французское войско, не привыкшее къ субординаціи, занятое болѣе увеселеніями, чѣмъ заботою о своей безопасности и продовольствіи, находилось въ

(*) Von aussen schoen, von innen schlimm,
Von aussen Friedrich, von innen Ephraim.

печальномъ положеніи. Магазины его были разрушены, обозы отняты, артиллерія отбита. Герцогъ Ришльё былъ отозванъ отъ арміи. Мѣсто его занялъ графъ Клермонъ, бенедиктинскій аббатъ, который умѣлъ ловко поддѣлаться къ маркизѣ Помпадуръ, былъ ею возведенъ въ графское достоинство, пожалованъ въ генералы и посланъ «*поддержать честь французскаго оружія въ Германіи.*» Принявъ войско, Клермонъ писалъ къ Людовику XV: «Армія, порученная мнѣ Вашимъ Величествомъ, состоитъ изъ трехъ частей: одна часть на землѣ, это мародеры и грабители; другая—въ землѣ, третья—въ госпиталяхъ. Жду повелѣній Вашего Величества: отступить ли мнѣ съ первой частью къ предѣламъ Франціи, или оставаться въ Германіи и ждать, пока она соединится съ двумя остальными?» Ему было предписано остаться и обѣщано скорое подкрѣпленіе. А между-тѣмъ принцъ Фердинандъ отнялъ у него всѣ средства къ оборонѣ и къ жизни. Французскій полководецъ перенесъ свою главную квартиру къ Везелю, а большую часть войска переправилъ за Рейнъ. Принцъ Фердинандъ, поджидая подкрѣпленія изъ Англіи, также на время сталъ на зимнія квартиры. Эмденскій портъ былъ выбранъ для высадки англійскаго войска. Французы, чтобъ не дать англичанамъ соединиться съ Фердинандомъ, овладѣли Эмденомъ и учредили здѣсь свой сборный пунктъ. Тогда корабли англійскіе устроили блокаду порта, а съ другой стороны двинулся принцъ Брауншвейгскій.

Испуганные французы поспѣшно отступили, бросивъ больныхъ и раненыхъ. Соединенное войско преслѣдовало ихъ: обозы, амуниція, магазины—все было отнято у бѣгущихъ. Кромѣ того до 1,500 плѣнныхъ и цѣлый артиллерійскій паркъ, въ 100 орудій, достались Фердинанду. До марта мѣсяца соединенная армія гнала французовъ изъ одной провинціи въ другую: вся сѣверная Германія была очищена отъ этихъ грабителей, которые перешли за

Рейнъ. Одинъ только Брогліо держался еще въ Ганау и во Франкфуртѣ. Принцъ Брауншвейгскій раскинулся въ Вестфаліи и намѣренъ былъ перенесть театръ войны за Рейнъ, къ границамъ самой Франціи. Весенніе разливы и бури затрудняли переправу черезъ рѣку и онъ рѣшился обождать до іюня мѣсяца. Между-тѣмъ испуганный министръ, герцогъ де Бельиль, спѣшилъ выслать въ Германію новое войско, которое, соединясь съ остатками арміи Клермона и Субиза, заняло весьма выгодную позицію около Рейнсфельда. Ночью 1-го іюня Фердинандъ переправилъ войско чрезъ Рейнъ, частію по наведенному мосту, частію на плоскодонныхъ судахъ. Онъ началъ дѣлать фальшивые маневры предъ Рейнсфельдомъ, чтобы выманить французовъ изъ ихъ крѣпкой засады. Это ему удалось. Французская армія вышла на равнины при Крефельдѣ. Здѣсь произошло 23-го іюня кровопролитное сраженіе, въ которомъ французы были разбиты на голову и потеряли 7,500 человѣкъ Фердинандъ осадилъ Дюссельдорфъ, гдѣ находился главный французскій магазинъ. Осада продолжалась шесть дней, городъ сдался. Этотъ послѣдній ударъ поразилъ Францію въ самое сердце Армія не могла болѣе дѣйствовать и Клермонъ былъ отозванъ въ Парижъ. Крефельдская побѣда озарила принца Фердинанда новою славою и разожгла въ англичанахъ національную гордость. Съ этихъ поръ лондонскій парламентъ рѣшилъ продолжать войну на сухомъ пути во что бы то ни стало.

И такъ, съ одной стороны Фридрихъ былъ обезпеченъ. За то съ другой обстоятельства его принимали самый дурной видъ. Января 11-го генералъ-аншефъ Вильмъ Вильмовичъ Ферморъ (*) писалъ Императрицѣ Елисаветѣ:

«Вашему Императорскому величеству я уже имѣлъ честь, отъ 3-го сего мѣсяца, всенижайше донести о благополучномъ занятіи войсками Вашего Императорскаго Величества города Тильзита (Румянцовымъ), амта Руса и амта Кукернезенъ. Съ того времени войска В. И. В., вступя пятью колоннами въ прусскія земли, подъ командою генералъ-поручиковъ: Салтыкова, Рязанова, графа Румянцова, да генералъ-маіоровъ: принца Любомирскаго, Панина и Леонтьева, слѣдовали прямою дорогою безъ расттаговъ (дневокъ) до города Лабіо. 9-го числа вступилъ въ сей городъ съ авангардомъ легкихъ войскъ генералъ-квартирмейстеръ Штофель, а за нимъ полковникъ Яковлевъ съ 400 гренадеръ и двумя пушками, за которыми вскорѣ и я пріѣхалъ. Вскорѣ по-

(*) Ферморъ былъ адъютантомъ Миниха и у него обучался военному искусству. Начальствуя авангардомъ въ турецкую войну, онъ ознаменовалъ себя славными подвигами Въ 1741 году онъ съ отличіемъ служилъ подъ знаменами фельдмаршала Ласси, а въ 1757, подъ начальствомъ Апраксина, взялъ Мемель и способствовалъ къ выигрышу Гросъ-Егерндорфскаго сраженія.

томъ прибыли ко мнѣ и депутаты столичнаго города Кёнигсберга, а именно: трибунальный вицепрезидентъ Гробовскій, военный и камерный совѣтникъ Ауеръ и бургомистръ кёнигсбергскій, военный совѣтникъ Гиндернисенъ, кои подали именемъ всего правительства, города и всего королевства прусскаго прошеніе, о дозволеніи имъ протекціи В. И. В. и о сохраненіи ихъ при ихъ привиллегіяхъ. Я довольствовался на сіе прошеніе обнадежить ихъ генерально В. И. В. милостію, а дозволить на разныя ихъ прошенія предоставилъ на всемилостивѣйшее В. И. В. благоизобрѣтеніе. Такимъ образомъ на другой день, то есть, въ воскресеніе 21-го числа по полудни, вступили въ городъ вышеупомянутыя, напередъ отправленныя команды, а за оными и я съ четырью пѣхотными полками въ оной вошолъ, и главную квартиру занялъ въ главномъ замкѣ, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ фельдмаршалъ Левальдъ жилъ. Всѣ здѣшніе начальные и чиновные люди встрѣтили меня въ замкѣ, и отдались съ глубочайшею покорностію въ протекцію В. И. В При вступленіи полковъ въ городъ, съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою, производился во всемъ городѣ колокольный звонъ, и играли на трубахъ и литаврахъ по башнямъ, а мѣщане, поставленные въ парадъ, отдали честь ружьемъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Въ тожъ самое время принесены ко мнѣ отъ здѣшней цитадели, Фридрихсбурга и Пилавской крѣпости ключи, которые къ В. И. В. со вручителемъ сего, гвардіи поручикомъ графомъ Брюсомъ, отправить честь имѣю. Теперь упражняюсь я исправленіемъ потребныхъ въ городѣ распоряженій и, поставя въ замкѣ полковую церковь, за первую должность почту принести завтра Всевышнему соборное благодарственное моленіе за покореніе побѣдоносному В. И. В. оружію столичнаго города и цѣлаго королевства Прусскаго, безъ пролитія капли крови.

«Позвольте, Всемилостивѣйшая Государыня, принести мое о томъ всенижайшее и усерднѣйшее поздравленіе. Краткость времени не позволяетъ мнѣ теперь подробно донести, сколько здѣсь королевской казны, магазейновъ и въ арсеналахъ найдено: но то съ подлинностію обнадежить могу, что благословеніемъ Всевышняго и особливымъ счастіемъ В. И В., не смотря на весьма студеную погоду, войско однакожъ съ такимъ во всемъ удовольствіемъ сей поспѣшный походъ продолжало, что ни въ какое время и ни въ какой землѣ лучшаго желать нельзя, и больныхъ почти никого нѣтъ (*).»

Вслѣдъ за тѣмъ генералъ Ферморъ былъ назначенъ Императрицею генералъ-губернаторомъ Прусскаго королевства. Онъ ласково принималъ всѣхъ

(*) Подлинная реляція генерала Фермора, хранящаяся въ архивѣ Генеральнаго Е. И. В. Штаба.

прусскихъ сановниковъ, успокоивалъ и обнадеживалъ ихъ. «Для вашего блага, говорилъ онъ посланнымъ къ нему депутатамъ, моя всемилостивѣйшая государыня вступаетъ во владѣніе Пруссіею. Вы будете счастливы подъ ея кроткимъ правленіемъ и я постараюсь сохранить нынѣ существующій порядокъ вещей, который нахожу совершеннымъ, въ его настоящемъ видѣ.» И дѣйствительно, всѣ привиллегіи народа были ему оставлены, въ управленіи сохранено прежнее устройство. Пруссаки, помня прежнія жестокости русскихъ войскъ, были пріятно изумлены благочиніемъ и порядкомъ, которые вездѣ водворялись, и охотно принимали присягу на вѣрность русской императрицѣ. Балы, увеселенія, фейерверки развлекли ихъ совершенно. Они забыли о бѣдствіи отечества и своего короля, и даже съ изъявленіями радости склонялись подъ иго грознаго побѣдителя. Въ церквахъ стали поминать русскую императорскую фамилію на эктеніяхъ и народъ торжествовалъ дни тезоименитствъ царственныхъ особъ. Русскіе нашли въ Кенигсбергѣ и въ Пилау до 90 пушекъ, множество бомбъ, ядръ и нѣсколько сотъ боченковъ пороху. «Никогда еще самостоятельное царство не было завоевано такъ легко, какъ Пруссія,»—говоритъ Архенгольцъ,—«но и никогда побѣдители, въ упоеніи своего успѣха, не вели себя такъ скромно. какъ русскіе!» Ферморъ былъ осыпанъ милостями императрицы, а вѣнскій дворъ прислалъ ему въ награду графское достоинство Римской имперіи.

Извѣстія объ этихъ событіяхъ глубоко огорчали Фридриха, но онъ долженъ былъ покориться обстоятельствамъ, не имѣя возможности ни отразить, ни удержать русскаго оружія.

Онъ началъ думать только о средствахъ помѣшать соединенію русскихъ съ австрійцами. По обыкновенію, онъ рѣшился предупредить дѣйствія послѣднихъ и атаковать ихъ въ владѣніяхъ Маріи-Терезіи. Принцъ Карлъ Лотарингскій сильно упалъ въ народномъ мнѣніи послѣ Лейтенскаго дѣла. Избѣгая дальнѣйшихъ нареканій, онъ сложилъ съ себя главное начальство надъ войсками. Даунъ заступилъ его мѣсто и расположился въ Богеміи лагеремъ, на укрѣпленіе котораго порублено было нѣсколько огромнѣйшихъ лѣсовъ.

Прежде всего Фридрихъ хотѣлъ отнять у австрійцевъ послѣдній ихъ опорный пунктъ въ Силезіи—крѣпость Швейдницъ. Онъ подступилъ къ Швейдницу 3-го апрѣля. На тринадцатый день она была взята штурмомъ и пятитысячный гарнизонъ сдался въ плѣнъ Теперь Даунъ ожидалъ вторженія короля въ Богемію. Фридрихъ разными фальшивыми маневрами старался убѣдить его въ этомъ мнѣніи. Между тѣмъ, быстрыми переходами проникъ въ Моравію, вытѣснивъ мимоходомъ корпусъ генерала де-Вилле изъ Верхней Силезіи. Прежде, чѣмъ Даунъ извѣстился объ этомъ движеніи, Фридрихъ былъ

уже подъ стѣнами Ольмюца и готовился къ сильной осадѣ. Даунъ послѣдовалъ за нимъ, но, не препятствуя дѣйствіямъ пруссаковъ, остановился на границѣ, отрядивъ только обсерваціонный корпусъ, подъ начальствомъ Лаудона, для наблюденія за противникомъ.

Ольмюцъ имѣлъ 8000 гарнизона, былъ хорошо продовольствованъ, укрѣпленія находились въ лучшемъ состояніи. Фридрихъ разсчитывалъ на скорую сдачу крѣпости, которая должна была открыть ему дорогу къ самой Вѣнѣ. Но онъ обманулся въ своихъ предположеніяхъ. Близость Дауновой арміи позволяла ему осадить городъ только съ одной стороны; другая часть сохранила свободное сообщеніе съ лагеремъ фельдмаршала и могла получать оттуда всѣ нужные припасы и подкрѣпленіе. Ошибка главнаго прусскаго инженера Бальби сдѣлала первыя усилія пруссаковъ недѣйствительными. Онъ провелъ первую траншею на полторы-тысячи шаговъ отъ крѣпости, такъ, что ядра до нея не достигали. Пока эта погрѣшность была поправлена, осаждающіе потратили огромное количество ядръ и принуждены были ослабить свои дѣйствія. въ ожиданіи подвоза. Главный прусскій транспортъ, состоявшій изъ 3,000 подводъ съ порохомъ, хлѣбомъ и деньгами, вышелъ уже изъ Тропау. Даунъ хотѣлъ отнять у Фридриха это необходимое средство къ продолженію осады. Дороги, ведущія къ прусской арміи чрезъ горныя ущелія, были испорчены продолжительными дождями Обозы не могли двигаться скоро: на каждомъ шагу они вязли Цитенъ прикрывалъ транспортъ, тянувшійся на нѣсколько миль. Онъ расположилъ отряды свои на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобъ не мѣшать движенію транспорта. Даунъ отправилъ въ ущелія Лаудона, съ предписаніемъ: отнять или уничтожить транспортъ. Въ дефилеяхъ, скрывъ нѣсколько тысячъ пандуръ въ засады и въ прилѣски, Лаудонъ встрѣтилъ пруссаковъ сильнымъ огнемъ изъ пушекъ, которыя были

разставлены на всѣхъ возвышеніяхъ. Пока весь транспортъ и прикрытіе его собрались на тѣсную площадку и наскоро составили вагенбургъ, лошади подъ большей частію фургоновъ были убиты и множество возовъ съ порохомъ взлетѣли на воздухъ, производя страшный безпорядокъ и опустошеніе въ прусскихъ отрядахъ. Наконецъ и пандуры выскочили изъ своихъ засадъ и, послѣ упорной битвы, заставили пруссаковъ бѣжать. Цитенъ съ небольшимъ отрядомъ едва успѣлъ прорубиться сквозь непріятеля и уйти въ Тропау. Остальное прикрытіе, состоявшее, по большей части, изъ молодыхъ рекрутъ, легло на мѣстѣ.

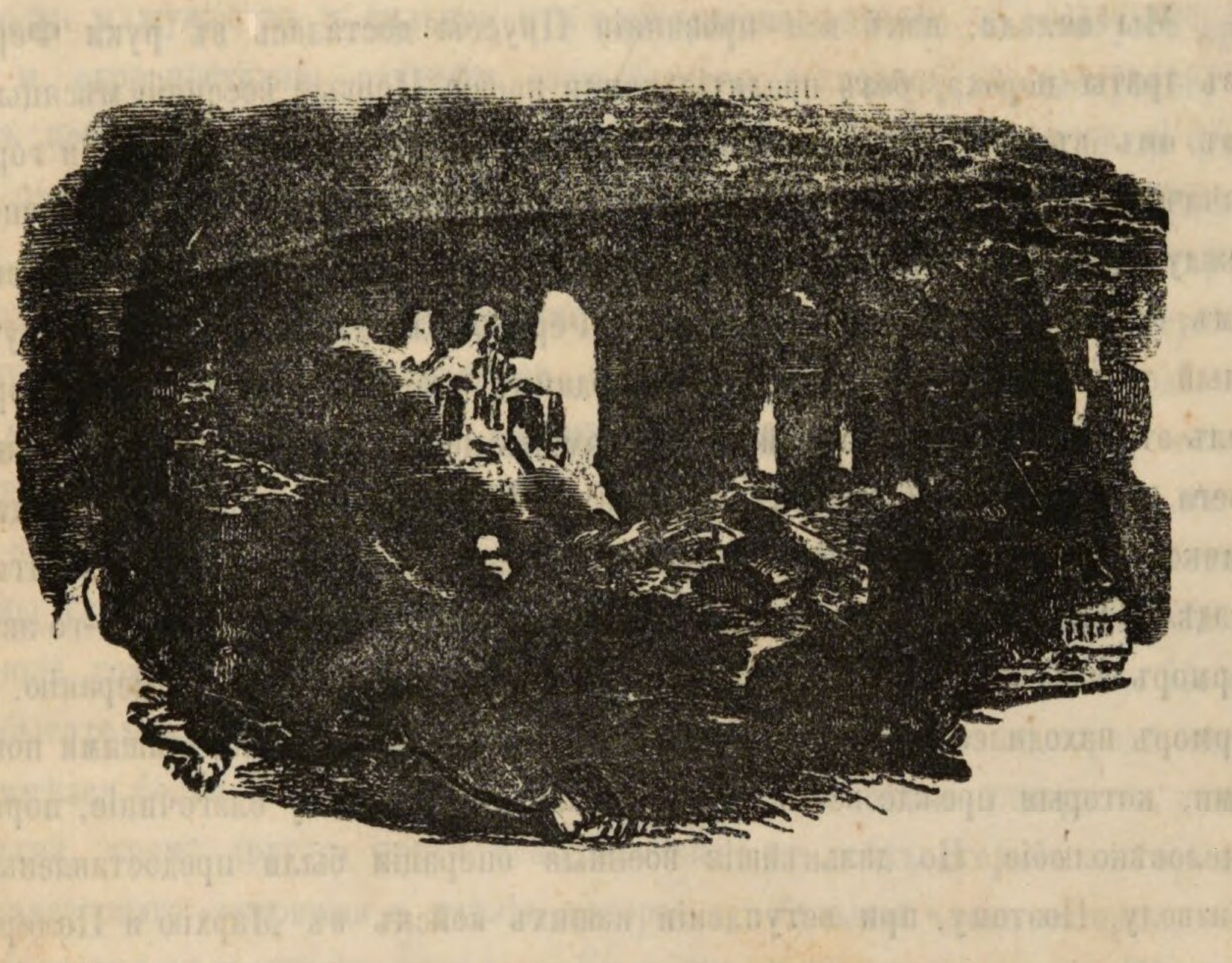
Только 950 повозокъ были спасены пруссаками и благополучно прибыли къ арміи. Безъ пороха и полевыхъ снарядовъ осада не могла продолжаться. Фридрихъ находился въ самомъ критическомъ положеніи. Австрійцы заняли всѣ горные проходы и загородили ему обратный путь въ Силезію. Даунъ сторожилъ его на границѣ Богеміи. Такимъ образомъ король былъ совершенно отрѣзанъ отъ своихъ провинцій и вездѣ видѣлъ противъ себя втрое сильнѣйшаго врага Пробиться съ оружіемъ въ рукахъ было бы безполезнымъ и даже безумнымъ рискомъ. И такъ вся армія находилась въ необходимости отдаться военноплѣнною. Но въ такія именно минуты необыкновенный геній Фридриха пробуждался. Онъ собралъ своихъ офицеровъ; краткой, по убѣдительной рѣчью старался пробудить въ нихъ бодрость и приготовилъ ихъ къ самымъ отчаяннымъ подвигамъ. Потомъ онъ отправилъ курьера къ коменданту крѣпости Нейсе въ Силезію, съ письменнымъ приказаніемъ заготовить на всю армію хлѣбъ и фуражъ. Курьеръ отлично разыгралъ свою роль, попался въ плѣнъ къ австрійцамъ, долго старался скрыть отъ нихъ свою депешу и только послѣ сильныхъ угрозъ и истязаній выдалъ ее. Даунъ, не подозрѣвая тутъ военной хитрости, немедленно расположилъ свои войска по всѣмъ дорогамъ въ Силезію; этимъ онъ открылъ проходъ въ Богемію. Фридрихъ тотчасъ выбралъ этотъ путь, не смотря на всѣ его трудности. 8-го іюля до глубокой ночи продолжалось обстрѣливаніе крѣпости; потомъ все замолкло. Австрійцы ничего не подозрѣвали. Въ темнотѣ, съ величайшей осторожностью, сперва были отправлены тяжелая артиллерія и обозы, потомъ тихо двинулись и самыя войска. На слѣдующее утро гарнизонъ Ольмюца изумился, видя, что осада снята и что подъ стѣнами нѣтъ и слѣда непріятельскаго. Теперь только Даунъ догадался, что Фридрихъ ускользнулъ у него изъ рукъ. Онъ ударилъ ему въ слѣдъ, но высокія горы и узкіе проходы, по которымъ Фридрихъ велъ свое войско, мѣшали всѣмъ предпріятіямъ австрійцевъ. Послѣ нѣсколькихъ легкихъ сшибокъ, почти безъ всякаго урона, король прибылъ со всей арміей въ Кенигинъ-Грецъ, гдѣ и расположился лагеремъ (14-го іюля).

Вся Европа была въ изумленіи отъ этой удивительной, почти невѣроят-

ной ретирады. Въ Вѣнѣ осыпали Дауна порицаніями за его медленность и недогадливость; а Фридрихъ началъ думать объ новыхъ операціяхъ.

Во время этаго похода жизнь Фридриха была въ опасности, но присутствіе духа его спасло. Опередивъ свою армію, король ѣхалъ съ небольшою свитою въ довольно заглохшемъ мѣстѣ и осматривалъ дорогу. Въ кустарникахъ были разсѣяны кроаты и начали стрѣлять изъ ружей. Фридрихъ не обращалъ на это вниманія, но вдругъ одинъ изъ адъютантовъ крикнулъ: «Государь, въ васъ цѣлятъ!»—и указалъ королю на пандура, который изъ за дерева наводилъ на него дуло.—«Ты! ты!»—крикнулъ Фридрихъ пандуру и погрозилъ ему палкой. Пандуръ тотчасъ опустилъ ружье, снялъ шапку и почтительно вытянулся, дожидаясь, пока король проѣдетъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТАЯ.

Продолженіе кампаніи 1758 года.

ЦОРНДОРФЪ.

два ускользнувъ съ арміей своей изъ рукъ непріятельскихъ, Фридрихъ однако не располагалъ оставить Дауна въ покоѣ. Изъ своего лагеря онъ наблюдалъ за его дѣйствіями и выжидалъ удобной минуты къ начатію борьбы. Но тутъ дошло до него извѣстіе объ успѣхахъ русской арміи, которая шла въ Померанію, и о критическомъ положеніи генерала Доны, командовавшаго померанскимъ отдѣльнымъ корпусомъ. Какъ орелъ встрепенулся Фридрихъ и полетѣлъ къ своему полководцу. Защита Силезіи была предоставлена маркграфу Бранденбургскому Карлу; а брату своему Генриху король поручилъ прикрывать Саксонію. Самъ же отобралъ себѣ только 14,000 испытаннаго войска и чрезъ одинадцать дней былъ уже въ Querying Неймаркѣ (Новой Мархіи).

Мы видѣли, какъ вся провинція Пруссія досталась въ руки Фермора, безъ траты пороха, безъ пролитія капли крови. Первые весенніе мѣсяцы провелъ онъ въ осмотрѣ крѣпостей, въ приведеніи къ подданству Россіи городовъ и значительнѣйшихъ мѣстъ Пруссіи и въ распоряженіяхъ правительственныхъ. Между-тѣмъ предписанія петербургскаго кабинета понуждали его къ дальнѣйшимъ, рѣшительнымъ предпріятіямъ. Ферморъ вознамѣрился проникнуть въ самый центръ владѣній Фридриха и однимъ ударомъ меча развязать Гордіевъ узелъ этой отяготительной войны. Въ самомъ непродолжительномъ времени оба берега рѣки Варты были въ его рукахъ. Всѣ сѣверныя провинціи тогдашней Великой Польши (Восточная Пруссія и Познань) были имъ заняты. Салтыковъ овладѣлъ Эльбингомъ; Торнъ былъ также взятъ Такимъ образомъ 2-го августа Ферморъ ввелъ свое 80,000 войско въ Новую Мархію и въ Померанію. Пока Ферморъ находился въ Пруссіи, онъ былъ ограничиваемъ Высочайшими повелѣніями, которыя прежде всего предписывали ему и войску благочиніе, порядокъ и человѣколюбіе. Но дальнѣйшія военныя операціи были предоставлены его произволу. Поэтому, при вступленіи нашихъ войскъ въ Мархію и Померанію, слѣдъ ихъ былъ ознаменованъ страшными опустошеніями. Вопль несчастнаго народа долетѣлъ наконецъ до ушей Фридриха и заставилъ его поспѣшить на помощь.

Еще до прибытія русскихъ, шведы сдѣлали высадку въ Померанію. Отдѣльный прусскій корпусъ, который въ прошломъ году дѣйствовалъ противъ нихъ, подъ начальствомъ Левальда, былъ теперь порученъ генералу Дона. Новый военачальникъ успѣлъ оттѣснить шведовъ на самые предѣлы Помераніи и блокировалъ Стральзундъ. Ферморъ положилъ конецъ его успѣхамъ. 4-го августа онъ осадилъ крѣпость Кюстринъ, которая заключала въ себѣ главные запасные магазины пруссаковъ и была особенно дорога Фридриху по его юношескимъ воспоминаніямъ. Дона, узнавъ о приближеніи русскихъ, поспѣшилъ на помощь къ Кюстрину. Съ большимъ трудомъ навелъ онъ мостъ чрезъ Одеръ, при безпрерывномъ нападеніи легкихъ русскихъ войскъ, и открылъ сообщеніе съ городомъ, чрезъ что могъ постоянно посылать осажденнымъ подкрѣпленіе и припасы. Кромѣ того, наканунѣ прибытія русской арміи, Дона отрядилъ нѣсколько полковъ пѣхоты и кавалеріи, для прикрытія города. Они окопались и укрѣпили свои траншеи сильными батареями. 5-го числа Ферморъ послалъ парламентера требовать сдачи города. Вмѣсто отвѣта послѣдовалъ залпъ съ укрѣпленія. Главнокомандующій отрядилъ тотчасъ Чугуевскій полкъ ударить въ лѣвый флангъ прусскимъ гусарамъ, а самъ съ двадцатью ротами гренадеръ и съ артиллеріею, по берегу Варты, пошелъ на главную непріятельскую батарею. «Непріятель,» — говоритъ онъ въ своей реляціи, — «увидя толикую

храбрость и мужество и сильное изъ единороговъ дѣйство, въ конфузію пришелъ и, скоропостижно оставивъ свою батарею и лагерь на дискрецію, въ городъ побѣжалъ, а гренадеры тотчасъ форштатъ заняли.» Послѣ этаго Ферморъ приказалъ бомбардировать городъ и, какъ самъ говоритъ—«благословеніемъ Божіимъ такой успѣхъ возъимѣлъ, что отъ четвертой бомбы въ городѣ пожаръ учинился, который бросаніемъ другихъ бомбъ и каленыхъ ядеръ въ четверть часа такъ распространился, что отъ великаго жару и на городскомъ валу устоять не могли, ибо въ пятомъ часу пополудни изъ города совсѣмъ стрѣлять перестали и такъ до вечера, и чрезъ ночь всѣ домы, кирки и магазины огнемъ пожерты и въ пепелъ обращены. Какой же съ непріятельской стороны уронъ былъ, того заподлинно вѣдать нельзя; только думать надобно, что оный гораздо великъ былъ по воплю, который въ городѣ стоялъ. Но сіе отъ обывателей ближнихъ деревень заподлинно извѣстно, что въ городѣ магазинъ имѣлся болѣе 100,000 виспелей ржи, а каждый виспель содержитъ шесть четвертей, кромѣ другаго почти неисчисленнаго со всѣхъ сторонъ для храненія привезеннаго сокровища и имѣнія, которое отъ большей части погорѣло.» (*)

Несмотря на несчастіе, постигшее Кюстринъ, крѣпость держалась. Жители, лишась всего своего достоянія, разбѣжались по лѣсамъ, перешли за Одеръ и питались кореньями и мірскимъ подаяніемъ. На пятый день осады, Ферморъ снова потребовалъ сдачи, грозя въ противномъ случаѣ взять городъ штурмомъ и не пощадить ни однаго человѣка. Комендантъ отвѣчалъ: «Я буду защищаться до послѣдняго человѣка, а когда мы всѣ падемъ, русскіе могутъ занять крѣпость и распоряжаться, какъ угодно.»

Дѣлать было ничего. Болота, окружающія крѣпость, и близость генерала Доны не допускали правильной осады со всѣхъ сторонъ. Ферморъ продолжалъ бомбардированіе. Между-тѣмъ онъ послалъ особенный корпусъ для соединенія со шведами, которыхъ убѣдилъ дѣйствовать съ нимъ совокупными силами. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Фридрихъ явился на помощь любимой своей Помераніи. При видѣ опустошенія и бѣдствія страны, солдаты его, несмотря на изнеможеніе отъ форсированныхъ маршей, горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ и отмстить ему за всѣ обиды. Съ прискорбіемъ увидѣлъ король обгорѣлый остовъ Кюстрина. Бѣдствіе жителей, которые окружили его въ рубищахъ, покрытые ранами, изнуренные голодомъ, взволновало его душу.

«Дѣти!»—сказалъ онъ, выслушавъ ихъ жалобы,—«я не могъ притти къ вамъ ранѣе! Но успокойтесь: я опять отстрою вашъ городъ, вы снова будете счастливы.» Онъ приказалъ роздать имъ 200,000 талеровъ на первое оза-

(*) *Подлинное донесеніе генералъ-аншефа.*

веденіе. Когда Фридрихъ осматривалъ укрѣпленія, комендантъ явился къ нему съ повинной головою, извиняясь въ своихъ ошибкахъ и въ томъ, что не успѣлъ принять необходимыхъ мѣръ къ удержанію непріятеля. «Замолчи!» сказалъ ему Фридрихъ строго. «Не ты виноватъ, а я, потому что сдѣлалъ тебя комендантомъ.» (*)

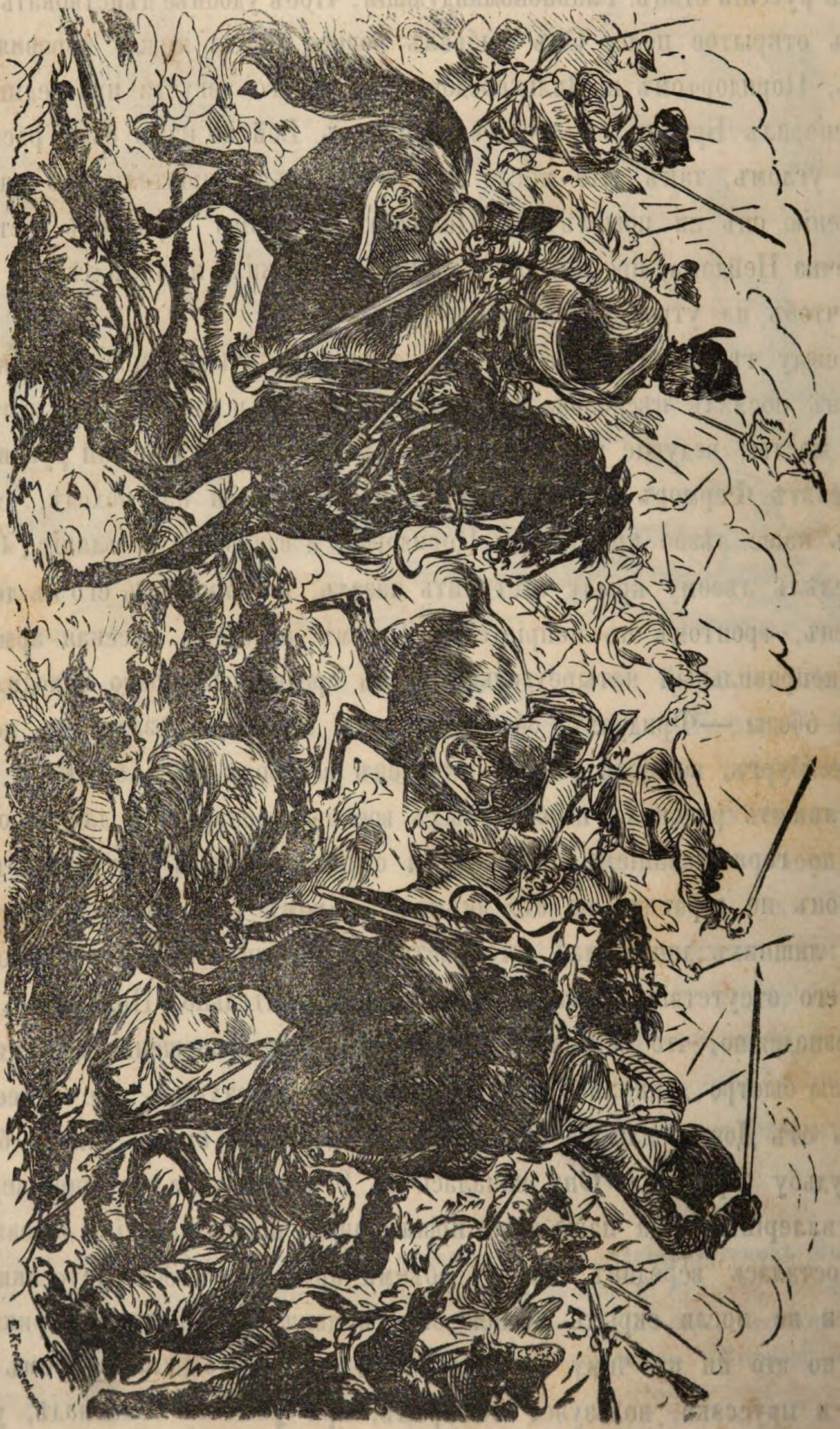
Изъ Кюстрина онъ отправился къ войску. 10-го армія его соединилась съ корпусомъ Доны, расположеннымъ подъ Кюстриномъ. «Ну что,»—спросилъ онъ Дону, — «какъ держатся русскіе?» — Какъ каменныя стѣны! отвѣчалъ Дона. — «Тѣмъ лучше: они скорѣе разсыплются!» Когда на смотру войско генерала Доны проходило мимо его въ новыхъ мундирахъ, съ напудренными головами, онъ сказалъ: «Ого! да ваши солдаты разряжены въ пухъ. Мои, напротивъ, настоящая саранча: за то кусаются.» 11-го августа на берегу Одера застучали топоры. Сотни плотниковъ работали надъ понтонами, чрезъ которые Фридрихъ, по видимому, хотѣлъ переправить свое войско прямо противъ русскаго лагеря. Вскорѣ артиллерія его стала дѣйствовать на русскіе окопы. Все заставляло думать, что онъ хочетъ атаковать Фермора въ самомъ лагерѣ.

(*) Въ одномъ частномъ письмѣ, публикованномъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1758 года, сказано между прочимъ: «*Г. комендантъ знать не думалъ, чтобъ русскіе куражъ имѣли такъ близко къ крѣпости подступить. Онъ еще и не всѣ пушки на лафеты поставилъ, но большая часть лежали еще на землѣ. Такъ-то дѣлается, когда непріятеля своего презираютъ.*»

Но за ночь Фридрихъ отправилъ свои мѣдные понтоны пониже Целлина, поднялся со всею арміею, и послѣ усиленнаго марша, втихомолку переправилъ ее тамъ чрезъ Одеръ. Ферморъ узналъ объ этомъ слишкомъ поздно отъ партіи казаковъ, которые, полагая напасть на прусскій аванпостъ, наткнулись на самую армію. Онъ отправилъ полковника Хомутова помѣшать переправѣ, но Хомутовъ опоздалъ и не могъ ничего сдѣлать. Широкой дугою Фридрихъ обходилъ русскій станъ. Главнокомандующій, чтобъ удобнѣе дѣйствовать, выступилъ въ открытое поле. Онъ выбралъ ровное мѣсто между деревнями Кондорфомъ, Цорндорфомъ и Вилькерсдорфомъ. 13-го августа присоединился къ нему генералъ Браунъ съ своимъ корпусомъ. Войско наше было расположено тупымъ угломъ, такъ, что могло дѣлать фронтъ непріятелю, по какому бы направленію онъ ни пошелъ отъ Целлина. Вечеромъ Фридрихъ остановился у мѣстечка Нейдама, противъ праваго крыла русскихъ и сталъ дѣлать распоряженія, чтобъ на утро атаковать его.

Между тѣмъ, чтобъ отнять у русскихъ всякую возможность къ ретирадѣ, онъ послалъ нѣсколько отрядовъ въ обходъ и въ тылу ихъ велѣлъ разрушить мосты, ведущіе чрезъ довольно значительный и широкій рукавъ Одера. На разсвѣтѣ Ферморъ замѣтилъ, что пруссаки были на походѣ, старались обогнуть наше лѣвое крыло при Цорндорфѣ и взять его во флангъ. Онъ тотчасъ велѣлъ лѣвому крылу отступить назадъ, и примкнулъ его къ деревушкѣ Квартченъ, фронтомъ къ непріятелю. Такимъ образомъ русская армія образовала неправильный четыреугольникъ, въ срединѣ котораго находились резервъ и обозы.—Фридрихъ, обходя русскую армію, отрѣзалъ отъ нея главный вагенбургъ, который былъ поставленъ всторонѣ. Онъ бы могъ овладѣть имъ и лишить русскихъ необходимыхъ военныхъ снарядовъ для продолженія войны, но горя желаніемъ сразиться и однимъ ударомъ уничтожить всю нашу армію, онъ не обратилъ на это вниманія. Кромѣ того боялся потратить нѣсколько лишнихъ дней, зная, что австрійцы не упустятъ случая воспользоваться его отсутствіемъ изъ Силезіи. И дѣйствительно. Положеніе его было такъ безнадежно, что оставалось или пасть, или совершенно сломить врага. Французы быстро двинулись въ Саксонію; Даунъ вступилъ уже въ нее; шведы, избавясь отъ Доны, шли на Берлинъ. Цорндорфская битва должна была рѣшить судьбу Фридриха. Она началась въ 9 часовъ утра страшной перестрѣлкой артиллеріи. Когда наше лѣвое крыло заняло новую позицію, деревня Цорндорфъ осталась всрединѣ между обѣими арміями. Чтобъ пруссаки ее не заняли и не могли скрыть за нею своихъ движеній, Ферморъ приказалъ ее сжечь; но это ни къ чему не послужило, потому что дыма вѣтромъ не проносило, и пруссаки, пользуясь пожаромъ, при ужасной канонадѣ, устреми-

лись на наше правое крыло. Отъ выстрѣловъ произошелъ безпорядокъ въ русскомъ обозѣ: испуганныя лошади, закусивъ удила, съ возами прорывались сквозь линіи и приводили въ разстройство пѣхоту. Не смотря на то, обозъ былъ отведенъ подальше отъ войска и полки снова построились. Прусская пѣхота, желая воспользоваться первымъ безпорядкомъ непріятеля, пошла въ атаку, не дожидаясь подкрѣпленія кавалеріи. Ферморъ замѣтилъ эту ошибку и велѣлъ

своей конницѣ ударить на атакующихъ. Тутъ русскіе двинулись съ такимъ неистовствомъ, что тотчасъ-же смяли пруссаковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Громкіе крики «*ура!*» огласили воздухъ. Но Ферморъ самъ сдѣлалъ ошибку: русская кавалерія оставила въ нашемъ каре большой промежутокъ; главнокомандующій не подумалъ его пополнить. Сейдлицъ воспользовался этимъ: ударивъ во флангъ нашей конницѣ, онъ ее опрокинулъ и потомъ съ своими драгунами и гусарами ворвался въ ряды нашей инфантеріи. Пѣхота, которая успѣла опять построиться, подоспѣла къ нему на помощь. Русскіе дрались, какъ львы. Цѣлые ряды ихъ ложились на мѣстѣ; другіе тотчасъ выступали впередъ, оспоривая у пруссаковъ каждый шагъ. Ни одинъ солдатъ не сдавался и боролся до тѣхъ поръ, пока падалъ мертвый на землю. Наконецъ всѣ выстрѣлы потрачены: стали драться холоднымъ оружіемъ. Упорство русскихъ еще болѣе разжигало злобу пруссаковъ: они рубили и кололи всѣхъ, безъ пощады. Многіе солдаты, отбросивъ оружіе, грызли другъ друга зубами. Фридрихъ предъ началомъ битвы не приказалъ давать пардону. «Постоимъ же и мы за себя, братцы!» кричали русскіе, «не дадимъ и мы пардону нѣмцу, да и не примемъ отъ него: лучше ляжемъ всѣ за Русь святую и матушку царицу!» Въ исторіи никогда не бывало примѣра подобнаго сраженія. Это была не битва, а лучше сказать—рѣзня на смерть, гдѣ и безоружнымъ не было пощады. Наконецъ русскіе были побиты и только немногіе бѣжали и скрылись въ ближнихъ болотахъ и лѣсахъ.

Пораженіемъ праваго русскаго крыла побѣда склонилась на сторону пруссаковъ. Но еще центръ и лѣвое крыло стояли неподвижно и готовы были оспоривать славу этаго кроваваго дня. На полчаса все пріумолкло, какъ будто оба войска отдыхали послѣ тяжкой борьбы. Въ часъ по полудни Фридрихъ повелъ свое правое крыло на русское лѣвое, двумя колоннами. Тяжелая артиллерія имъ предшествовала. На дальнемъ разстояніи отъ своей первой линіи, король выставилъ грозныя батареи и ядра посыпались въ русскіе ряды. Ферморъ приказалъ генералъ-маіору Демику. командовавшему кавалеріею, атаковать батареи. Въ мгновеніе ока правая батарея, съ прикрывавшимъ ее баталіономъ, была въ русскихъ рукахъ. Пѣхота вслѣдъ за тѣмъ ударила въ штыки. Завязался бой отчаянный. Но русскіе принуждены были отступить и попали въ болото, гдѣ не было возможности ни построиться, ни защищаться. Въ тоже время наша кавалерія овладѣла другою батареею, и съ такимъ дикимъ воплемъ и силою бросилась на лѣвую колонну, что непріятель съ ужасомъ побѣжалъ къ Вилькерсдорфу и сообщилъ свой паническій страхъ другимъ полкамъ до самаго прусскаго центра. Верхъ былъ на русской сторонѣ и судьба сраженія рѣшалась. Но вдругъ Сейдлицъ съ отчаяніемъ бро-

сается на нашу кавалерію, смѣшиваетъ ее, опрокидываетъ и гонитъ. Въ тоже время прусская пѣхота пробилась въ нашъ центръ и, ударя на лѣвое крыло во флангъ, потѣснила его прямо на свою кавалерію. Здѣсь повторилась сцена прошедшаго утра. Графъ Чернышевъ и генералъ Браунъ съ своими гренадерами оказывали чудеса храбрости. Сдѣлался ужасный безпорядокъ: русскіе и пруссаки, кавалерія и пѣхота, все смѣшалось въ кучи. Ружейный огонь замолкъ, дрались одинъ на одинъ, били другъ друга прикладыми, кололи штыками, рубились на сабляхъ. Ни одна сторона не уступала, ни одна не давала пощады. Напрасно генералы старались водворить порядокъ, прекратить рукопашный бой и разнять сражающихся. Никто ихъ не слушалъ. Страшная пыль, запекшаяся кровь и пороховой дымъ обезображивали еще болѣе лица и безъ того искаженныя злобой и остервенѣніемъ. Самъ Фридрихъ былъ увлеченъ въ средину свалки. Солдаты узнавали его только по голосу. Около него пали всѣ его адъютанты и пажи, лишь надъ его вѣнчанной головою носился щитъ спасительнаго Провидѣнія.

Наконецъ ночь положила предѣлъ страшному убійству. Съ обѣихъ сторонъ ударили отбой. Оба войска въ безпорядкѣ стали собираться на свои мѣста, оба предводителя, и Фридрихъ и Ферморъ, почитали себя побѣдителями. Пушки съ обѣихъ сторонъ были оставлены на полѣ битвы и никто ихъ не убиралъ. Всю ночь войска оставались подъ ружьемъ. Фридрихъ отодвинулся только вправо, къ деревнѣ Цихертъ, и перемѣнилъ позицію, русскіе только повернулись поперегъ поля, чтобы сдѣлать ему фронтъ. Съ разсвѣтомъ снова началась канонада. Все предвѣщало продолженіе битвы, но недостатокъ боевыхъ снарядовъ у пѣхоты и чрезвычайная усталость кава-

лерiи дѣлали всякое новое предпрiятiе невозможнымъ. Подъ обоюдными выстрѣлами обѣ армiи собирали и приводили въ порядокъ свои полки.

Въ Цорндорфскомъ дѣлѣ пруссаки имѣли 31,000 человѣкъ, русскiе до 50,000, уронъ первыхъ простирался мертвыми и плѣнными до тринадцати, послѣднихъ до 19,000 человѣкъ (*). Когда англiйскiй посланникъ, сопровождавшiй Фридриха, поздравилъ его съ побѣдою, король отвѣчалъ, указывая на Сейдлица: «Ему мы обязаны всѣмъ, безъ него намъ было бы плохо. Это желѣзные люди! Ихъ можно перебить, но разбить невозможно!» Не смотря на такое лестное для русскихъ убѣжденiе Фридриха, онъ все таки почиталъ сраженiе выиграннымъ, хотя Ферморъ удержалъ за собою поле битвы.

Пруссаки овладѣли 85 пушками, 11 знаменами и большею частiю нашего обоза. Русскими отбито у нихъ 26 орудiй, 8 знаменъ и два штандарта. Генералы русскiе принимали личное участiе въ битвѣ. Ферморъ раненъ въ ногу, Браунъ изрубленъ по головѣ, князь Любомирскiй и Панинъ сильно оконтужены; а графы Салтыковъ и Чернышевъ взяты въ плѣнъ.

Берлинскiя и англiйскiя газеты съ восторгомъ провозгласили знаменитую побѣду Фридриха. Ферморъ, съ своей стороны, поздравлялъ Елисавету Петровну съ новымъ торжествомъ русскаго оружiя. «Однимъ словомъ, Всемилостивѣйшая Государыня!»—говоритъ онъ въ своей реляцiи,—«непрiятель побѣжденъ и ничѣмъ хвалиться не можетъ!» Въ Берлинѣ и въ Петербургѣ праздновали Цорндорфскую побѣду — въ одно время. Ферморъ получилъ въ награду Андреевскую ленту. «Неужели мы въ самомъ дѣлѣ побѣдили?» воскликнулъ послѣ этого правдолюбивый Петръ Ивановичъ Панинъ.—«Правда, мы остались властелинами поля сраженiя, но или мертвые, или раненые!»

(*) Особенно опустошительно дѣйствовали на пруссаковъ такъ называемыя *Шуваловскiя гаубицы*, изобрѣтенныя графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Объ нихъ то Ломоносовъ сказалъ:

> Съ Елисаветой Богъ и храбрость генераловъ,
> Россiйска грудь—*твои орудiя*, Шуваловъ!

Эти же орудiя много способствовали къ выигрышу Гросъ-Егерндорфскаго сраженiя. Г. Бантышъ-Каменскiй, въ своихъ «*Бiографiяхъ фельдмаршаловъ*,» напрасно полагаетъ, что они тогда не были еще изобрѣтены. Апраксинъ въ своей реляцiи императрицѣ самъ говоритъ объ нихъ: «Наша артиллерiя, а особливо новоизобрѣтенныя генераломъ фельдцейгмейстеромъ, графомъ Шуваловымъ, по имени его Шуваловскими названныя, гаубицы, такое притомъ имѣли дѣйство, что заслуживая ему справедливую похвалу, не токмо не допустили стремящагося непрiятеля ворваться въ наши линiи, но паче кавалерiю его привели въ крайнее замѣшанiе.» *(Архивъ генеральнаго Е. И. В. штаба.)*

Фридрихъ еще во время похода перехватилъ письмо Дауна къ Фермору, въ которомъ тотъ убѣждалъ русскаго генерала «избѣгать битвы съ хитрымъ противникомъ и подождать, пока онъ кончитъ свое предпріятіе на Саксонію.» Теперь Фридрихъ торопился извѣстить Дауна о своей побѣдѣ при Цорндорфѣ слѣдующею запискою: «Вы очень справедливо совѣтовали генералу Фермору остерегаться хитраго противника, котораго вы лучше знаете. Но онъ непослушался—и разбитъ!»

Простоявъ два дни на полѣ сраженія, русскіе отступили къ Гросъ-Камину, чтобъ взять свой вагенбургъ, а оттуда къ Ландсбергу. Легкія прусскія войска ихъ тревожили. Самъ же Фридрихъ, оставя корпусъ Левальда наблюдать за Ферморомъ, возвратился къ Кюстрину и оттуда поспѣшилъ въ Саксонію, гдѣ его присутствіе было необходимо; а войско его пошло опять противъ шведовъ. Въ Кюстринѣ наши плѣнные генералы были помѣщены въ подвалы, подъ крѣпостными стѣнами. На жалобы ихъ комендантъ отвѣчалъ: «Господа! вы такъ хорошо бомбардировали Кюстринъ, что не оставили въ немъ ни одного дома для себя. Теперь не прогнѣвайтесь! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!»

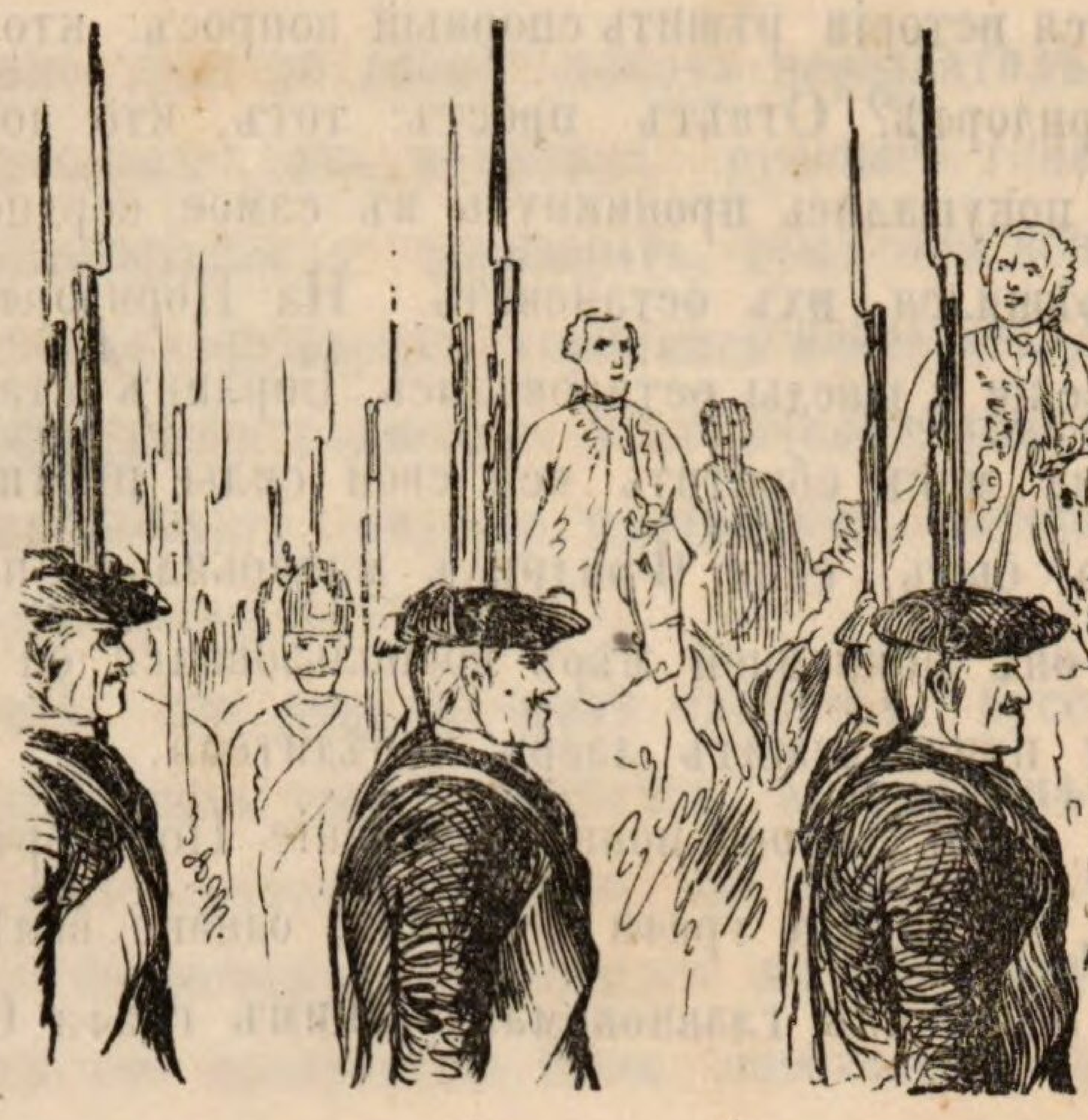
Но чрезъ нѣсколько дней они получили позволеніе отправиться въ Берлинъ и являться ко двору.

Ферморъ между тѣмъ ретировался въ Померанію и отозвалъ корпусъ Румянцова, отправленный было на подкрѣпленіе шведовъ. Недостатокъ въ провіантѣ заставилъ его осадить Кольбергъ, какъ выгодный для арміи портъ. Городъ не сдался: штурмъ русскихъ былъ отбитъ. Въ концѣ октября русская армія наконецъ перешла чрезъ Вислу и вступила въ Польшу, на зимнія квартиры.

Теперь представляется исторіи рѣшить спорный вопросъ: кто же остался побѣдителемъ при Цорндорфѣ? Отвѣтъ простъ: тотъ, кто достигъ своей цѣли. Русскіе и шведы покушались проникнуть въ самое сердце прусскаго королевства; Фридрихъ рѣшился ихъ остановить. На Цорндорфскомъ полѣ жребій былъ брошенъ. Русскіе и шведы ретировались, Берлинъ остался нетронутымъ, а Фридрихъ снова могъ обратить всѣ свои силы противъ главнаго врага, австрійцевъ. Стало быть, если Фридрихъ матерьяльно не выигралъ битвы при Цорндорфѣ, то онъ покрайней мѣрѣ воспользовался ея плодами. И въ этомъ отношеніи—ему принадлежитъ лавръ побѣдителя.

Елисавета Петровна очень хорошо поняла значеніе Цорндорфскаго дѣла: она торжествовала побѣду, наградила графа Фермора, однако вслѣдъ за тѣмъ отозвала его отъ войска, назначивъ главнокомандующимъ графа Салтыкова.

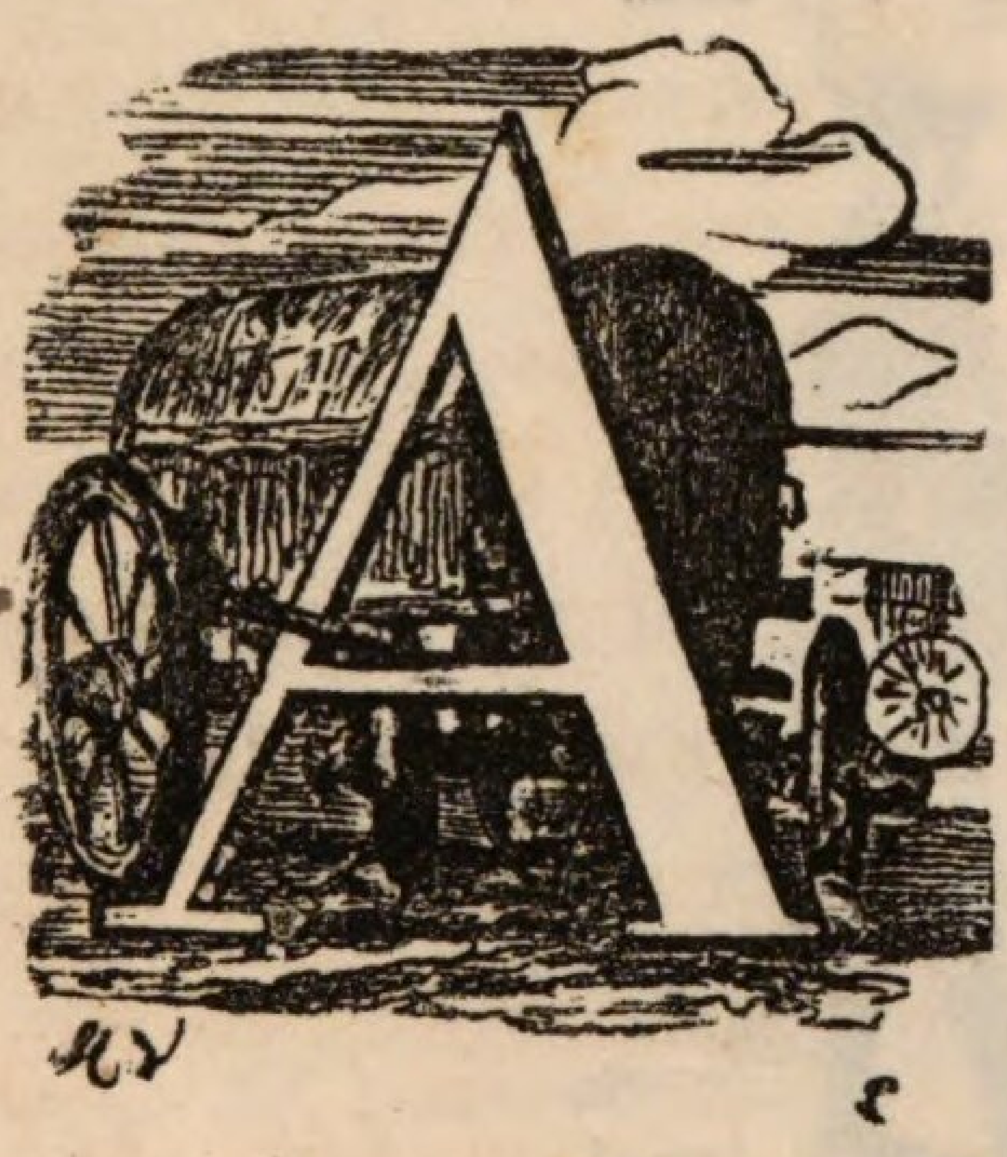

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Конецъ кампаніи 1758 года.

ГОХКИРХЪ.

Австрійцы воспользовались отсутствіемъ Фридриха. Даунъ, австрійскій Фабій-медлитель, не видя предъ собою *хитраго* противника, рѣшился дѣйствовать наступательно. Онъ вошелъ въ Лузацію (Лаузицъ) и устроилъ тамъ свои магазины. Отсюда онъ могъ, смотря по надобности, вступить въ Силезію, или соединиться съ Имперской карательной арміей, которая, укомплектовавшись на кантониръ-квартирахъ во Франконіи, теперь шла къ саксонскимъ границамъ. Съ другой стороны онъ могъ способствовать операціямъ русскаго войска. Для этого онъ отправилъ къ берегамъ Эльбы корпусъ Лаудона, съ намѣреніемъ отрѣзать Фридриху сообщеніе съ этой рѣкою. Такимъ образомъ онъ хотѣлъ предать его совершенно въ руки Фермора и удержать въ сѣверныхъ провинціяхъ Пруссіи.

Саксонію прикрывалъ принцъ Генрихъ, братъ Фридриха. При извѣстіи о приближеніи карательной арміи. онъ употребилъ всѣ средства, чтобъ задержать ее въ походѣ. Прусскіе партизанскіе отряды не разъ прегражда-

ли ей дорогу: но эти малыя стычки не могли остановить огромнаго войска; оно вступило наконецъ съ Саксонію. Генрихъ видѣлъ невозможность предпринять что нибудь рѣшительное; онъ отодвинулся къ Дрездену и занялъ укрѣпленный лагерь. Непріятельская армія стала лагеремъ подъ Пирною. Между-тѣтъ маркграфъ Карлъ съ своимъ корпусомъ послѣдовалъ за движеніями Дауна. Онъ сталъ напротивъ его въ Силезіи, чтобъ прикрыть эту страну на случай покушеній непріятеля проникнуть въ нее изъ Лузаціи, а генерала Цитена съ отборнымъ войскомъ отправилъ противъ Лаудона.

Видя, что Ферморъ своимъ содѣйствіемъ не подкрѣпляетъ общаго предпріятія и что пруссаки приняли мѣры противъ всѣхъ его замысловъ, Даунъ перемѣнилъ планъ и рѣшился обратить всѣ силы на Саксонію. Быстро повелъ онъ войско къ Дрездену. Цѣль его была ударить на маленькую армію принца Генриха въ тылъ, между-тѣмъ, какъ имперцы атакуютъ его съ фронта. Генрихъ былъ въ опасномъ положеніи: ловкими маневрами старался онъ избѣжать губительнаго удара. Тутъ пришла вѣсть о побѣдѣ Фридриха при Цорндорфѣ и о быстромъ походѣ его въ Саксонію. Близкая помощь одушевила пруссаковъ.

10-го сентября король явился подъ Дрезденомъ. Быстро соединилъ онъ армію маркграфа Карла и корпусъ Цитена съ войсками своего брата. Лаудонъ также поспѣшилъ примкнуться къ главной арміи Дауна. Здѣсь, на небольшомъ пространствѣ двухъ миль, стояли четыре враждующія арміи другъ противъ друга и каждый день должно было ожидать кровавой развязки. Фридрихъ горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться; нерѣшительный Даунъ избѣгалъ битвы. Какъ превосходный мастеръ вести оборонительную войну, онъ тотчасъ по приближеніи Фридриха занялъ неприступную позицію; лагерь имперцевъ при Пирнѣ былъ также слишкомъ надеженъ, чтобъ ожидать нападеній. Между-тѣмъ время шло: Фридрихъ дѣлалъ самые искусные маневры, непріятель оставался въ засадѣ. Но содержа такимъ образомъ всѣ силы Фридриха въ напряженіи, Даунъ пользовался беззащитнымъ состояніемъ Силезіи. Онъ отправилъ туда отдѣльный корпусъ, который обложилъ крѣпости Опельнъ и Нейсе. Фридрихъ увидѣлъ, что безъ пользы тратитъ время въ Саксоніи. Онъ рѣшился идти въ Силезію и выгнать оттуда австрійцевъ, а между тѣмъ, на походѣ захватить главные магазины Дауна въ Лузаціи. Авангардъ его дошелъ до Бауцена и овладѣлъ городомъ. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ и самъ Фридрихъ. Тутъ Даунъ понялъ угрожавшую ему опасность: армія его могла остаться безъ всякаго продовольствія. Поспѣшно повелъ онъ свое войско по тому-же направленію, по которому пошелъ Фридрихъ: усиленными маршами успѣлъ его опередить, и, наконецъ, ставъ укрѣпленнымъ лагеремъ,

преградилъ ему дорогу въ Силезію. Когда прусскій король вывелъ войско изъ Бауцена, и 10-го октября пришелъ въ деревню Гохкирхъ, онъ былъ крайне удивленъ, видя передъ собою всю австрійскую армію. Позиція Дауна была превосходна: войско его стояло на пригоркахъ, опушенныхъ у подошвы лѣсомъ, въ видѣ тупаго угла, котораго стороны обхватывали деревню Гохкирхъ, лежащую посрединѣ. Итти далѣе было невозможно, расположиться подъ Гохкирхомъ безразсудно. Но Фридрихъ не хотѣлъ осрамить себя отступленіемъ въ виду непріятельской арміи и приказалъ разбить свой лагерь подъ Гохкирхомъ. Напрасно генералы представляли ему всю опасность такого положенія, напрасно принцъ Морицъ Дессаускій умолялъ его отступить; король настаивалъ на своемъ и отправилъ подъ арестъ генералъ-квартирмейстера Марвица за то, что тотъ не рѣшался разбивать палатокъ подъ непріятельскими выстрѣлами.

Лагерь былъ поставленъ и защищенъ двумя сильными батареями. Главное неудобство лагеря состояло еще въ томъ, что пруссаки изъ долины не могли видѣть, что происходило въ непріятельскомъ станѣ, расположенномъ на высотахъ и за пригорками, и не смѣли пускаться на рекогносцировки, потому что прилѣски у подошвы горъ были заняты пандурами и венграми.

Но Фридрихъ былъ до того увѣренъ въ робости и непредпріимчивости Дауна, что не принималъ даже никакихъ мѣръ противъ внезапнаго нападенія. «Если Даунъ насъ здѣсь не атакуетъ,» — сказалъ ему фельдмаршалъ Кейтъ, — «то его стоитъ повѣсить!» — «Повѣрь мнѣ,» отвѣчалъ Фридрихъ, «онъ скорѣе пойдетъ на висѣлицу, чѣмъ на насъ.» — Въ этой увѣренности

утвердили короля еще болѣе ложныя донесенія переметчика, подкупленнаго имъ въ австрійской арміи (*). Такъ простояли пруссаки три дни. Австрійцы почитали ихъ отвагу явнымъ для себя оскорбленіемъ. Въ войскѣ поднялся ропотъ, сами генералы стали громко поговаривать о нерѣшительности своего вождя. Это понудило Дауна приняться наконецъ за дѣло.

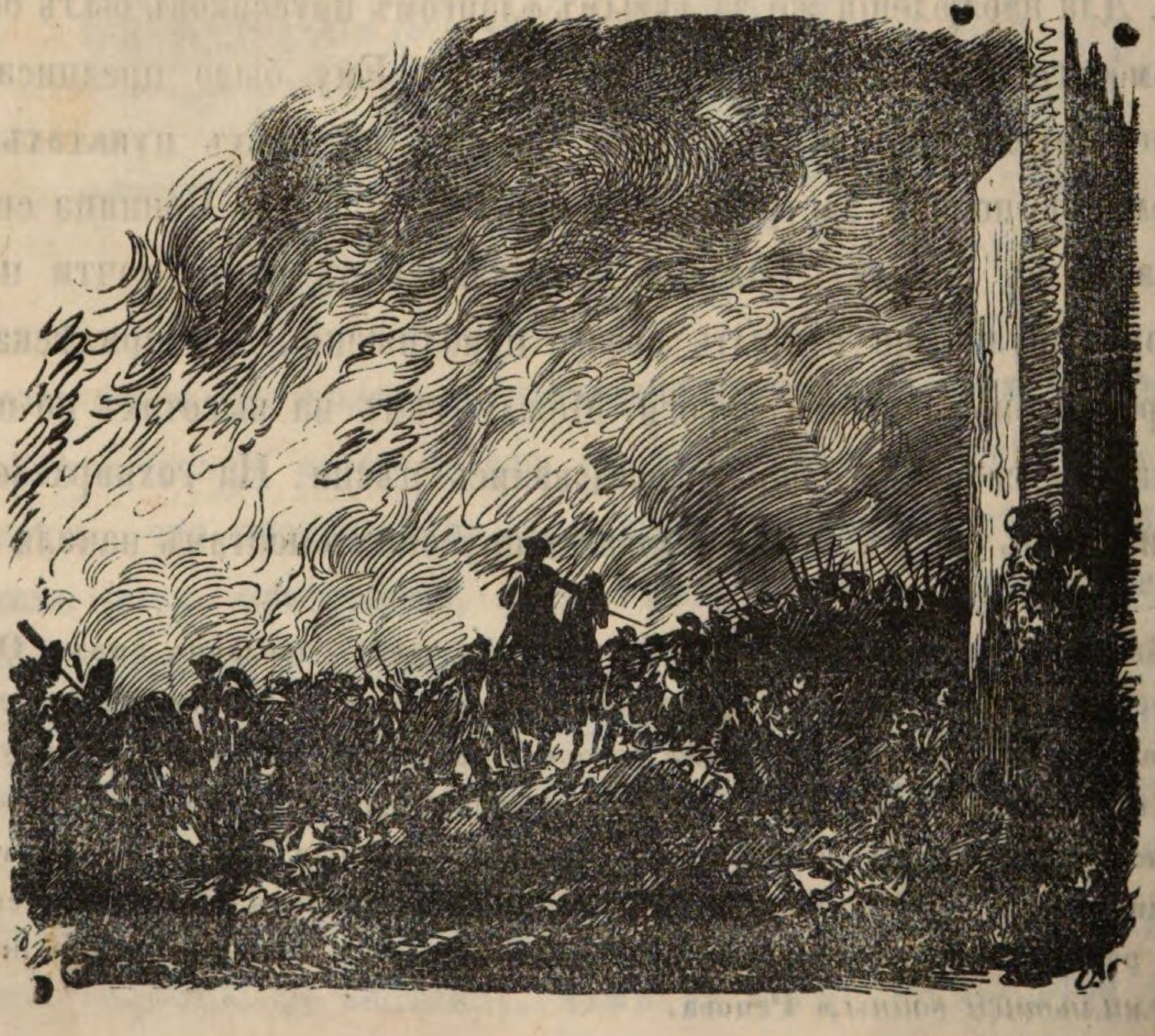
Фридрихъ между тѣмъ поджидалъ только своихъ транспортовъ и рѣшилъ на слѣдующій день непремѣнно отступить. 13-го октября день былъ пасмурный; густыя облака покрывали небо и ночь преждевременно сгустила свои мраки. Прусскіе солдаты, послѣ ужина, торопились поскорѣе согрѣться въ своихъ палаткахъ отъ пронзительнаго осенняго вѣтра. Король распустилъ свой штабъ и вскорѣ въ прусскомъ лагерѣ все предалось покою. Глубокая тишина водворилась: одни часовые изрѣдка перекликались. Совсѣмъ другую картину представлялъ станъ австрійцевъ. На всемъ пространствѣ, занимаемомъ ихъ войсками, пылали бивуачные огни, раздавались пѣсни, а подъ горами, въ лѣсу, стучали топоры и слышался шумъ падающихъ деревъ, которыя, по видимому, срубали для костровъ. Въ два часа ночи Даунъ поднялъ свою армію, роздалъ приказанія и пустился въ обходъ пруссакамъ, скрывая отъ нихъ свои движенія подъ описанной выше декораціей безпечности и веселія. Корпусъ Лаудона былъ отправленъ съ вечера; онъ сталъ въ тылъ непріятеля. Предположено было напасть на правый флангъ прусскаго лагеря, прикрытый деревней Гохкирхъ. Впереди шелъ авангардъ, состоявшій изъ 36 эскадроновъ конницы и четырехъ баталіоновъ пѣхоты. Даунъ самъ велъ остальную пѣхоту. Для наблюденія же за лѣвымъ флангомъ пруссаковъ былъ оставленъ герцогъ Армбергскій съ отдѣльнымъ корпусомъ. Ему было предписано преслѣдовать непріятеля, когда онъ будетъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ.

Въ темнотѣ ночной австрійцы крались, какъ воры. Конница спѣшилась и вела лошадей въ поводу. Солдаты спускались съ горъ почти ползкомъ, чтобъ шумомъ оружія не открыть своего приближенія. Въ прилѣскахъ были напередъ прорублены широкія дороги. Между-тѣмъ на высотахъ по прежнему бѣлѣли палатки, сверкали огни и раздавались пѣсни. На гохкирхской колокольнѣ пробило пять часовъ. Къ передовымъ прусскимъ постамъ начали являться

(*) Переметчикъ доставлялъ Фридриху свѣдѣнія чрезъ продавца яицъ. Онъ обыкновенно выпускалъ одно яйцо и въ скорлупу клалъ записку, залѣпляя отверстіе воскомъ. Разнощикъ разъ встрѣтился съ Дауномъ, который приказалъ ему всю корзинку съ яйцами отнесть къ себѣ на кухню. Такимъ образомъ предательство открылось. Шпіону была обѣщана пощада, если онъ отправитъ къ Фридриху ложныя показанія. Съ этихъ поръ самъ Даунъ диктовалъ ему записки и увѣрялъ въ нихъ короля, что австрійская армія готовится къ ретирадѣ въ Богемію. Фридрихъ повѣрилъ и попалъ въ ловушку.—См. «*Исторію Семилѣтней войны*,» Рецова.

австрійцы, называя себя дезертерами. Число ихъ ежеминутно возрастало: наконецъ они толпою бросились на аванпосты и началась перестрѣлка. Въ тоже время Лаудонъ съ тыла ворвался въ лагерь и въ знакъ начатія дѣла велѣлъ зажечь деревню. Австрійскій авангардъ пошелъ въ атаку съ фронта. Барабаны забили тревогу. Пруссаки вскакивали съ одра, хватались за оружіе, выбѣгали изъ палатокъ босикомъ и безъ ранцевъ. Австрійцы овладѣли батареею предъ Гохкирхомъ и, обратя орудія на пруссаковъ, стали будить ихъ картечью. Нѣкоторые проснулись только для того, чтобъ подъ предательскимъ штыкомъ ночныхъ убійцъ снова уснуть сномъ вѣчнымъ.

Тутъ только превосходная дисциплина прусскихъ войскъ явилась во всемъ блескѣ: чрезъ десять минутъ вся армія стояла подъ ружьемъ и храбро отражала напоръ непріятеля. Но было такъ темно, что пруссаки не могли узнать, гдѣ главная сила непріятеля, и потому дрались отдѣльными кучками. Солдаты хватали другъ друга за голову, чтобы ощупью отличить непріятеля отъ своего. Пруссаки узнавали своихъ противниковъ по мѣховымъ шапкамъ, австрійцы пруссаковъ — по мѣднымъ киверамъ. Главное нападеніе было устремлено на Гохкирхъ. Когда деревня запылала, занимавшій ее прусскій батальонъ ретировался на кладбище и, отважно преградивъ непріятелю дорогу, встрѣтилъ его бѣглымъ огнемъ. Въ тоже время Цитенъ съ гусарами ударилъ во флангъ пѣхотѣ, ворвался въ ряды и началъ ее страшно рубить. Цѣлая непріятельская линія была опрокинута, гренадеры почти всѣ легли на мѣстѣ.

Даунъ выставилъ семь новыхъ пѣхотныхъ полковъ противъ этой небольшой горсти пруссаковъ. Разстрѣлявъ свои патроны, мужественный батальонъ вышелъ изъ за плетней кладбища и ударилъ въ штыки. Но что могъ онъ сдѣлать противъ такого многочисленнаго врага? Весь батальонъ, начиная съ храбраго своего маіора Ланге до послѣдняго солдата, палъ на полѣ битвы. Австрійцы овладѣли кладбищемъ и деревней.

Зарево пожара освѣтило нѣсколько окрестность и прусскіе генералы могли предпринять что нибудь вѣрное. Надлежало выгнать непріятеля изъ занятой имъ позиціи. Фельдмаршалъ Кейтъ съ шестью батальонами успѣлъ отнять у австрійцевъ батарею и потѣснилъ ихъ назадъ. Но его окружили, солдаты проложили себѣ обратный путь штыками, а вождь ихъ палъ, пораженный пулею въ грудь (*) Герцогъ Францъ Брауншвейгскій послѣдовалъ примѣру

(*) Джемсъ Кейтъ (Яковъ Вильмовичъ) родомъ шотландецъ. Гонимый за свои политическія убѣжденія, онъ оставилъ отчизну и вступилъ въ испанскую службу. Въ 1728 году прибылъ онъ съ испанскимъ посланникомъ герцогомъ Делиріа къ русскому двору. Петръ II принялъ его въ нашу службу съ чиномъ генералъ-маіора. При Аннѣ Іоанновнѣ Кейтъ участвовалъ въ походѣ Ласси на Рейнъ (1735), и командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ. Въ 1737 году ходилъ съ Минихомъ противъ Турокъ, лично водилъ солдатъ на приступъ Очакова, раненъ въ правую ногу и возвратился съ чиномъ генералъ-поручика. Для пользованія отъ раны уволенъ въ отпускъ во Францію (въ Монпелье). По возвращеніи оттуда, въ исходѣ 1739 года, назначенъ гетманомъ Малороссіи, жилъ въ Глуховѣ, гдѣ за честность, прямодушный нравъ, умное и справедливое управленіе краемъ былъ любимъ народомъ до обожанія. Правительница Анна Леопольдовна отозвала Кейта въ Петербургъ для участія въ войнѣ противъ Шведовъ (1741). Здѣсь онъ помогъ Ласси разбить шведскихъ полководцевъ Врангеля и Левенгаупта. Въ 1743 г. Кейтъ съ нашимъ флотомъ ходилъ къ берегамъ Швеціи, и въ Стокгольмѣ, въ качествѣ полномочнаго министра русскаго двора, много способствовалъ къ скорѣйшему и выгоднѣйшему заключенію Абоскаго мира. Императрица Елисавета назначила Кейта генералъ-губернаторомъ Ревеля и Риги и пожаловала его Андреевскимъ кавалеромъ. Но Кейтъ не могъ поладить съ Бестужевымъ-Рюминымъ и, не желая претерпѣвать непріятностей отъ него и друга его Апраксина, вышелъ въ отставку. Послѣ двадцатилѣтней службы русскому престолу, Кейтъ вступилъ въ войска Фридриха Великаго, который его тотчасъ же пожаловалъ фельдмаршаломъ, а потомъ берлинскимъ генералъ-губернаторомъ. Кейтъ былъ однимъ изъ задушевныхъ друзей Фридриха, король часто слушался его совѣтовъ. Когда, предъ началомъ Семилѣтней войны, за столомъ Фридриха зашла рѣчь о будущихъ его непріятеляхъ, Кейтъ съ жаромъ говорилъ о храбрости и воинскихъ доблестяхъ русскихъ. «Помилуй!» прервалъ его король: «это дикія орды, которыя могутъ тягаться только съ такими же дикарями, съ турками, но никогда не устоятъ противъ правильныхъ дѣйствій хорошо устроенной арміи.» — «Дай Богъ!» отвѣчалъ Кейтъ, «чтобъ ваше величество не перемѣнили мнѣнія, когда короче познакомитесь съ этими дикарями!» — Послѣ Гросъ-Егерндорфской битвы и при Цорндорфѣ, Фридрихъ вспомнилъ Кейта. Нащокинъ въ своихъ «*Запискахъ*» говоритъ объ Кейтѣ: «Онъ былъ храбръ безъ горячности, неустрашимъ при самомъ военномъ случаѣ, герой безъ странности, и перемѣны въ немъ примѣтить было не можно; правосуденъ съ разумнымъ разсмотрѣніемъ; *учтивые* его подчиненнымъ за преступленія *выговоры* такъ

Кейта и палъ такъ же, какъ и онъ: ядро разможжило ему голову. Принцъ Морицъ Дессаускій раздѣлилъ участь этихъ двухъ храбрыхъ генераловъ, дрался также мужественно, какъ они, былъ смертельно раненъ въ грудь и отнесенъ за фронтъ. Зейдлицъ, въ главѣ кирасировъ, леталъ изъ одного конца въ другой, дрался, какъ отчаянный, но и его усилія не помогли: австрійцы все выдвигали новые полки и съ новой силой нападали. Наконецъ, подъ градомъ картечь, Фридрихъ самъ повелъ свѣжія войска въ дѣло. Лошадь подъ нимъ была убита, онъ проворно пересѣлъ на другую и не прежде вышелъ изъ битвы, пока непріятель побѣжалъ, однако австрійская кавалерія уничтожила этотъ новый успѣхъ, а пѣхота ея двинулась впередъ свѣжими массами.

День проснулся; но густой туманъ замѣнилъ мраки ночи. Битва продолжалась на удачу. Къ девяти часамъ туманъ упалъ и солнце озарило печальную картину разрушенія. Фридрихъ теперь только съ возвышенія могъ обозрѣть поле битвы, устланное жертвами кровавой ночи. Оба войска были въ величайшемъ разстройствѣ. Въ зрительную трубу наблюдалъ онъ за распоряженіями Дауна, стараясь угадать его намѣренія. Австрійская артиллерія навела на него свои орудія и ядра засвистали. Одно ядро упало возлѣ самаго короля и обрызгало его землею и пылью. Испуганная лошадь бросилась въ сторону: въ нетерпѣніи началъ онъ ее бить палкою до тѣхъ поръ, пока она стала на прежнее мѣсто. Новое ядро опять ее испугало. Тогда адъютанты стали умолять короля, чтобъ онъ оставилъ это опасное мѣсто. «Вы видите,»—сказалъ онъ имъ съ усмѣшкою, —«опасность вездѣ одинакова: ядра летятъ и вправо, и влѣво. Я могу быть убитъ и здѣсь, и тамъ, но позади моей арміи я безполезенъ.» Обозрѣвъ непріятеля, Фридрихъ увидѣлъ, что герцогъ Армбергскій обходитъ его лѣвое крыло. Тотчасъ собралъ онъ войско, построилъ его въ новыя линіи и, примкнувъ свое правое крыло къ мѣстечку

приводили въ страхъ и во исправленіе, что онъ великое счастіе въ томъ имѣлъ; его любили подкомандующіе, какъ отца. Онъ жизнь препровождалъ не скупо, но всегда съ умѣренностію; *доходы его были почти одни, что получалъ жалованье;* чего ему иногда не доставало, кредитъ имѣлъ брать въ долгъ, и получа, со всѣми *заплату скорую производилъ*. Весьма былъ не сребролюбивъ. *Честныхъ людей*, которые въ службѣ ревностны къ своимъ должностямъ, безъ *особливаго въ немъ исканія*, любилъ; равнымъ образомъ любилъ *такихъ* и чинами награждать. Въ компаніяхъ, его тихость съ пріятною веселостію всѣми была любима.»—Фридрихъ въ своихъ сочиненіяхъ подтверждаетъ слова Нащокина. «Кейтъ,»—говоритъ онъ,—«былъ кротокъ въ обращеніи, имѣлъ характеръ, былъ добродѣтеленъ, ревностенъ въ службѣ и съ величайшей тонкостью ума соединялъ геройское мужество въ день битвы.»

Трупъ Кейта найденъ между убитыми на Гохкирхскомъ полѣ. Даунъ похоронилъ его съ величайшими почестями. Фридрихъ почтилъ фельдмаршала памятникомъ на Вильгельмовской площади въ Берлинѣ.

Дреза, приказалъ маіору Мёллендорфу занять и отстаивать высоты, защищающія Дрезу. Но король не могъ ни вполнѣ развернуть свою армію, ни привесть въ исполненіе лучшія свои соображенія: поле дѣйствія было слишкомъ тѣсно, а мѣстность самая неблагопріятная. Снова непріятель двинулся на него съ фронта и въ тылъ: кровь лилась ручьями. Фридрихъ, видя, что выиграть сраженія нельзя и не желая долѣе подвергать своихъ людей опасности, искусными маневрами началъ ретироваться. Австрійцы сами были до того разстроены, что не тревожили его отступленія, которое прикрывала часть прусской конницы и артиллеріи.

Такъ отошелъ онъ на три мили и сталъ лагеремъ на Шпицбергенскихъ горахъ, всторонѣ отъ Бауцена. Солдаты должны были расположиться на землѣ, какъ могли, потому что палатки и почти весь обозъ были у нихъ отняты.

Въ Гохкирхской битвѣ пруссаки потеряли 9000 человѣкъ убитыми и ранеными, 101 пушку, 28 знаменъ, два штандарта, весь свой лагерь и большую часть тяжестей. Австрійцы лишились 7000 человѣкъ. Но Фридрихъ казался спокойнымъ и даже веселымъ. Солдаты его также не потеряли бодрости: они думали только объ отмщеніи. «Куда вы дѣвали свои пушки?» спросилъ король, шутя, у канонеровъ.—Чортъ ихъ взялъ ночью!—отвѣчали артиллеристы.—«А мы ихъ у него отнимемъ днемъ!»—продолжалъ Фридрихъ.—Разумѣется, отнимемъ!—подхватили солдаты.—«Вы и сегодня славно дрались, дѣти! но что же дѣлать, когда непріятель похитилъ у насъ побѣду воровскимъ образомъ, въ потьмахъ! Генералъ Даунъ сыгралъ съ нами преглупую шутку; но спасибо и за то, что онъ насъ отпустилъ и не далъ матъ королю! Теперь игра еще не потеряна: мы отдохнемъ денька два, три, да и полетимъ въ Силезію, выручать Нейсе! Не такъ ли, дѣти? Хотите?»—Всѣ съ тобой,

Фрицъ! (*) всѣ съ тобой!—закричали солдаты и безропотно принялись за свою чорствую корку хлѣба.

Но Фридрихъ смѣялся сквозь слезы. Потеря столькихъ полезныхъ генераловъ, и особливо потеря Кейта глубоко взволновала его душу. Къ этому присоединилась новая скорбь: онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ любимой сестры своей, маркграфини Байрейтской. Эту женщину, послѣ матери, любилъ онъ больше всѣхъ на свѣтѣ. Она страдала вмѣстѣ съ нимъ въ дѣтствѣ, раздѣляла всѣ его радости въ жизни; она одна умѣла понимать его великую душу и внушать ему твердость въ тяжкія минуты грусти и отчаянія. Нѣсколько дней король былъ неутѣшенъ и по обыкновенію изливалъ свои чувства на бумагу.

Но напослѣдокъ энергія его пробудилась съ новою силою: еще въ томъ-же году рѣшился онъ употребить всѣ средства, чтобъ очистить свое государство отъ всѣхъ непріятелей.

Совсѣмъ не то было у австрійцевъ. Предоставя непріятелю свободную ретираду, Даунъ спѣшилъ привесть полки свои въ порядокъ, снова возвратился въ засаду и еще надежнѣе укрѣпилъ лагерь, какъ будто самъ былъ испуганъ своей побѣдою. Тотчасъ началъ онъ изготовлять депеши съ радостною вѣстію къ императрицѣ-королевѣ и ко всѣмъ союзнымъ державамъ. Марія-Терезія была въ восторгѣ. Гохкирхская побѣда одержана въ день ея имянинъ. «Лучшаго поздравительнаго букета вы не могли прислать мнѣ!»—(**) писала она къ Дауну и благодарила его за успѣхъ въ самыхъ лестныхъ выраже-

(*) *Фрицъ* — уменьшительное отъ *Фридриха*. Солдаты всегда такъ звали короля.

(**) Въ католическихъ земляхъ существуетъ обычай дарить имянинницъ цвѣтами.

ніяхъ. Императрица Елисавета прислала ему золотую шпагу, осыпанную бриліантами; въ Вѣнѣ воздвигли въ честь его колонну, а австрійскія провинціи поднесли ему 300,000 гульденовъ для уплаты долговъ и на выкупъ заложеннаго имѣнія. Даже Климентъ XIII, который за нѣсколько мѣсяцевъ только вступилъ на папскій престолъ, остался неравнодушнымъ къ успѣху Австріи. Онъ отправилъ къ Дауну освященный беретъ изъ краснаго бархата съ гор-

ностаемъ и благословенную шпагу. «Любезный сынъ во Христѣ!»—писалъ святѣйшій отецъ—«съ глубокимъ чувствомъ удовольствія узнали мы о твоихъ геройскихъ подвигахъ надъ еретиками. Какъ отче и глава единой, душеспаситель- н[illegible] и всѣхъ истинно-вѣрующихъ, рѣшилъ я подкрѣпить твою храбрость с[illegible]его апостольскаго благословенія. Вручаю тебѣ сей священный мечъ: д[illegible]ымится десная твоя кровія отступниковъ. Положи сѣкиру къ кореню с[illegible]аго древа, которое принесло въ міръ плоды проклятія, и, по спаситель- н[illegible]ѣру святаго и великаго Карла, окрести сѣверную Германію ме- ч[illegible]емъ и кровію—въ вѣру истинную и присносущую. Велика будетъ радость всѣхъ вѣрующихъ на землѣ и св. угодниковъ Божіихъ на небеси, когда ты, мощію карающаго меча и силою креста животворящаго, возвратишь сіе стадо заблудшихъ въ лоно истинной матери-церкви. Да будутъ надъ тобою покровъ пресвятыя дѣвы Маріи-Цельской и молитвы св. Непомука отъ нынѣ и до вѣка.»

Этимъ воззваніемъ, напечатаннымъ во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ, папа хотѣлъ возобновить фанатизмъ среднихъ вѣковъ и одушевить католиковъ къ новому крестовому походу противъ протестантовъ. Но времена измѣнились. Поступокъ папы раздражилъ только протестантскія націи, а Пруссіи прямо указалъ на высокую чреду: быть отнынѣ главою и покровительницею реформатовъ.

Убаюканный наградами и похвалами, Даунъ праздновалъ свою побѣду въ лагерѣ и въ упоеніи славы думалъ, что отнялъ у Фридриха всѣ средства къ продолженію войны. Поэтому онъ писалъ къ генералу Гаршу: «При-

ступайте смѣло къ осадѣ Нейсы: со стороны прусскаго короля теперь уже бояться нечего.» А Фридрихъ между тѣмъ не дремалъ: онъ перемѣстилъ корпуса графа Доны и генерала Веделля изъ Померанiи въ Саксонiю, а брата своего Генриха вызвалъ къ своей армiи. Генрихъ привезъ съ собою необходимое количество полевыхъ запасовъ. Въ ночь 24-го октября Фридрихъ тихо выступилъ изъ лагеря, обогнулъ станъ Дауна и благополучно привелъ свою армiю въ Тёрлицъ.

Вся Европа ожидала блестящихъ послѣдствiй Гохкирхской битвы: погибель Фридриха была рѣшена, Даунъ въ ней не сомнѣвался. И вдругъ все измѣнилось: прусскiй король является въ Силезiю, несмотря на то, что всѣ пути преграждены непрiятелемъ; при одномъ его появленiи генералъ Гаршъ оставляетъ осаду Нейсы; въ двѣ недѣли вся Верхняя Силезiя очищена отъ австрiйцевъ и—погибавшiй герой опять торжествуетъ. Такой неожиданный оборотъ дѣла заставилъ Дауна опамятоваться. Въ досадѣ на свой промахъ, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, освободить Саксонiю. Онъ приказалъ имперской армiи атаковать пруссаковъ, которые укрѣпились на Эльбѣ, а самъ намѣренъ былъ ударить на нихъ въ тылъ. Но это неудалось. Графъ Дона прогналъ имперцевъ отъ Лейпцига, а Веделль вытѣснилъ Гаддика изъ Торгау. Тогда Даунъ пошелъ прямо на Дрезденъ. Но когда онъ располо[illegible] правильной осадѣ города, комендантъ Шпетау послалъ ему сказать, [illegible] жетъ всѣ предмѣстiя, даже весь городъ и будетъ защищаться въ [illegible] до самаго дворца. Если же и это не поможетъ, то наконецъ взорве[illegible] рецъ со всѣмъ гарнизономъ и съ семействомъ польскаго короля, но гор[illegible] не сдастъ.—«Это неслыханное насилiе!» воскликнулъ раздраженный Даунъ.—Что дѣлать!—отвѣчалъ посланный,—комендантъ исполняетъ приказанiя короля.—«Но онъ будетъ отвѣчать за нарушенiе народныхъ правъ.»—Оправданiемъ ему послужитъ, что вы принудили его на такую мѣру. Его величество, король польскiй союзникъ Австрiи: если столица его погибнетъ отъ осады австрiйцевъ—Пруссiя не виновата!—Даунъ не обратилъ на это вниманiя и продолжалъ свои наступательныя дѣйствiя. Тогда Шметау дѣйствительно зажегъ одно изъ лучшихъ и богатѣйшихъ предмѣстiй. Королевскiе увеселительные дворцы и палаты его вельможъ разсыпались въ прахъ въ глазахъ Дауна. Кромѣ того во всѣ домы были снесены горючiе матерiалы, а подъ главный дворецъ подведены пороховыя мины. Народъ съ ужасомъ выбиралъ изъ жилищъ свои драгоцѣнности и спѣшилъ съ воплемъ изъ города. Такiя рѣшительныя мѣры коменданта, а болѣе извѣстiе о приближенiи прусскаго короля, заставили Дауна оставить свое предпрiятiе и ретироваться въ Богемiю. Имперская армiя отправилась обратно во Франконiю. Фридрихъ, при-

бывъ въ Дрезденѣ, не нашелъ уже въ Саксоніи и слѣда непріятельскаго. Теперь онъ отправилъ снова Веделля и Дону въ Померанію, противъ шведовъ. Вскорѣ шведскій генералъ Гамильтонъ былъ разбитъ, потерялъ почти всю свою артиллерію и былъ преслѣдуемъ до самаго Стральзунда.

Между-тѣмъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій неусыпно дѣйствовалъ противъ французовъ, на Рейнѣ. Послѣ Крефельдской битвы, Клермонъ былъ замѣщенъ опытнымъ генераломъ Контадомъ, которому министръ Бель-иль далъ предписаніе: «проникнуть въ Ганноверъ и Вестфалію и превратить обѣ провинціи въ степи.» Несмотря на то, что Фердинандъ долженъ былъ прикрывать высадку англичанъ и удержать переправу свою на Рейнѣ, онъ успѣлъ однако овладѣть Брабантомъ и Люттихомъ и, послѣ мастерской ретирады, защитилъ Нижнюю Саксонію. Но Субизъ все таки проникъ въ Гессенскую провинцію и, съ помощію саксонцевъ, буквально исполнилъ въ ней предписаніе своего министра.

Такъ кончился третій годъ войны, богатый кровавыми битвами и блистательными подвигами! Фридрихъ снова могъ вздохнуть свободнѣе: земли его были очищены отъ непріятелей и самъ онъ уцѣлѣлъ среди ихъ грозныхъ ополченій! Но тучи еще не разсѣялись надъ его головою и съ новою весною громы битвъ опять должны были огласить встревоженную Европу.

SUUM CUIQUE

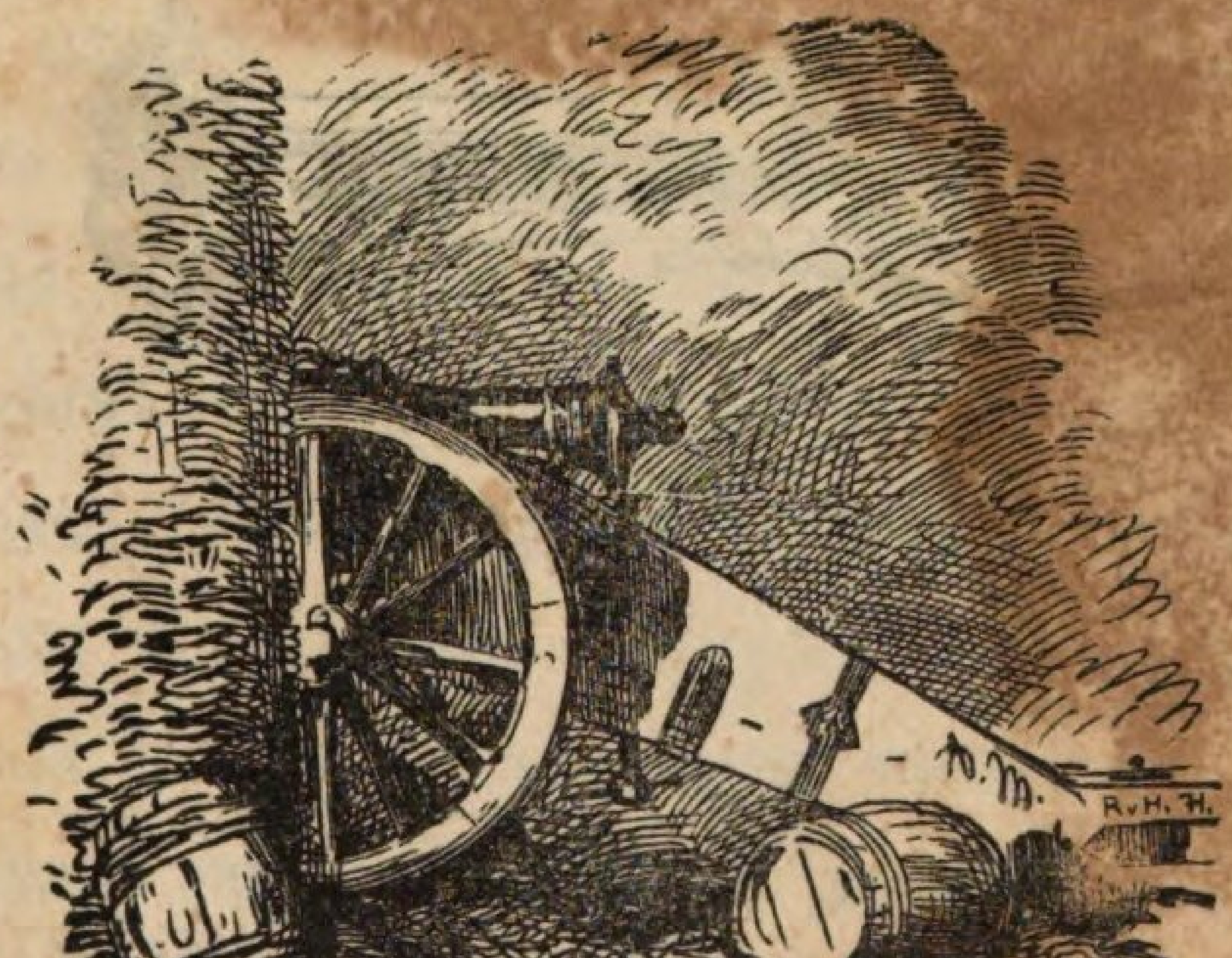

Фердинандъ Брауншвейгскій.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ПЕРВАЯ.

Кампанія 1759 года.

КУНЕРСДОРФЪ.

До сихъ поръ Фридрихъ велъ войну наступательную. Онъ держался правила: «*не давать непріятелю опомниться и предупреждать его дѣйствія.*» Теперь, когда силы его были значительно истощены, а энергія враговъ отъ его упорства усилилась, онъ рѣшился принять систему оборонительную, и защищая свои земли, уничтожать замыслы противниковъ. Поэтому до самаго лѣта мы видимъ его въ бездѣйствіи: спокойно выжидалъ онъ рѣшительныхъ предпріятій со стороны Австріи и Россіи.

Въ 1759 году, какъ и въ предшествовавшемъ, кампанія была открыта герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ. Французы, предводительствуемые

Субизомъ, еще зимою овладѣли предательски Франкфуртомъ на Майнѣ, несмотря на то, что этотъ городъ принадлежалъ къ имперскому союзу и слѣдовательно долженъ былъ оставаться неприкосновеннымъ. Обладаніе Франкфуртомъ открыло французамъ сообщеніе съ имперскою и австрійскою арміями и, сверхъ того, обезпечивало подвозъ провіанта и полевыхъ припасовъ изъ главнаго лагеря Контада. Фердинандъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобъ отнять у нихъ этотъ важный пунктъ. 13-го апрѣля при Бергенѣ, близъ Франкфурта, произошла битва; но французы, у которыхъ главное начальство вмѣсто Субиза принялъ графъ Брогліо, держались крѣпко въ своей позиціи. Фердинандъ принужденъ былъ отступить къ Везеру. Тогда обѣ французскія арміи вошли опять въ Германію и быстро овладѣли Касселемъ, Мюнстеромъ и Минденомъ. Но тутъ Фердинандъ остановилъ ихъ успѣхи. Въ первый день августа онъ разбилъ армію Контада при Минденѣ, а племянникъ его, наслѣдній принцъ Брауншвейгскій, въ то-же время поразилъ отрядъ французовъ при городкѣ Веттерѣ. Въ Минденскомъ дѣлѣ вся французская армія погибла бы непремѣнно, еслибъ англійскій генералъ Саквиль, подкупленнный французскимъ правительствомъ, не измѣнилъ своимъ союзникамъ. (*) Къ побѣдѣ при Минденѣ присоединилось еще нѣсколько удачныхъ операцій Фердинанда, такъ, что къ концу года французы должны были отказаться отъ всѣхъ своихъ счастливыхъ завоеваній Герцогъ Виртембергскій былъ также въ числѣ враговъ Фридриха. За деньги онъ выставилъ французамъ десять тысячъ солдатъ и предводительствовалъ ими самъ, состоя на жалованьи подъ знаменами Брогліо. Къ концу года онъ занималъ съ войскомъ городъ Фульду. Въ первыхъ числахъ декабря герцогъ давалъ великолѣпный балъ. Вдругъ танцовальная музыка была прекращена сильною перестрѣлкою и стукомъ оружія на улицахъ: всѣ остолбенѣли. Наслѣдный принцъ Брауншвейгскій съ гусарами и драгунами овладѣлъ городомъ. Большая часть гарнизона была порублена, 1200 человѣкъ взяты въ плѣнъ, остальные разбѣжались, побросавъ оружіе. Самъ герцогъ едва успѣлъ спастись. Дамы принуждены были кончить балъ съ прусскими кавалерами. Онѣ меньше всѣхъ приходили въ отчаяніе отъ несчастія, постигшаго городъ. Тѣмъ кончилась южная кампанія. Настоящее же дѣло съ главными непріятелями Фридриха началось лѣтомъ.

Въ Семилѣтней войнѣ всѣ движенія армій были сопряжены съ большими

(*) Въ этой битвѣ французы немногими своими успѣхами были обязаны особенной храбрости саксонскихъ полковъ, состоявшихъ у нихъ на службѣ. Саксонцы здѣсь въ первый разъ не оправдали изрѣченія Петра Великаго, который, въ 1706 году, сказалъ Огильвію: «На саксонцевъ плоха надежда; если и придутъ, то снова обратятся въ бѣгство, оставя союзниковъ на гибель.»

переходами. Система устроенія магазиновъ играла важную роль въ каждомъ предпріятіи: прежде, чѣмъ армія могла дѣйствовать, она должна была обезопасить себя со стороны продовольствія. Магазины показывали точку, съ которой непріятель намѣренъ былъ начать свои операціи и давали противнику средства предугадывать его намѣренія. На систему магазиновъ своихъ противниковъ Фридрихъ обратилъ особенное вниманіе. Прежде, чѣмъ враги его двинутся съ мѣста, онъ хотѣлъ отнять у нихъ всѣ способы къ содержанію войскъ и такимъ образомъ замедлить ихъ предпріятія. Въ февралѣ онъ послалъ корпусъ въ Польшу, гдѣ по берегамъ Варты находились главные магазины русскихъ. Пруссакамъ удалось истребить трехмѣсячный запасъ на 50,000 человѣкъ. Кромѣ того они захватили пана Сульковскего, главнаго поставщика провіанта на русскую армію. Такая же экспедиція была предпринята въ Моравію; она не удалась, но представила Фридриху другія выгоды. Даунъ полагалъ, что пруссаки намѣрены вторгнуться въ Моравію, и сосредоточилъ тутъ главныя свои силы. Этимъ онъ обнажилъ богемскія границы со стороны Саксоніи. Принцъ Генрихъ воспользовался случаемъ и послалъ нѣсколько корпусовъ въ Богемію, гдѣ они въ пять дней уничтожили всѣ австрійскіе магазины. Самъ же принцъ пошелъ съ своей арміей во Франконію противъ имперцевъ, которые были расположены отрядами между Бамбергомъ и Гофомъ. При появленіи прусскихъ колоннъ имперцы оставляли свои кантониръ-квартиры и обращались въ бѣгство. Только у Нюрнберга имперская армія опять соединилась и перевела духъ. Пруссаки между тѣмъ овладѣли всѣми ея магазинами, обозами, взяли много плѣнныхъ и собрали значительную контрибуцію съ франконскихъ городовъ. Но Саксонія, къ границамъ которой Даунъ двинулъ уже нѣсколько войскъ, имѣла нужду въ защитѣ. Поэтому принцъ Генрихъ оставилъ имперцевъ и поспѣшилъ назадъ. Эта экспедиція свершена въ маѣ мѣсяцѣ.

Фридрихъ въ это время неподвижно стоялъ у Ландсгута, напротивъ Дауновой арміи, которая занимала укрѣпленный лагерь въ Богеміи, и сторожилъ каждое ея движеніе. Даунъ ждалъ предпріятій со стороны русскихъ, потому, что условился съ Салтыковымъ дѣйствовать общими силами. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля русскіе перешли Вислу и снова устроили свои магазины. Фридрихъ отправилъ противъ нихъ корпусъ графа Доны, стоявшій въ Помераніи, съ предписаніемъ атаковать отдѣльныя колонны русской арміи, во время ея похода. Но Дона не успѣлъ въ этомъ предпріятіи: осторожный и распорядительный графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ умѣлъ упреждать каждое его движеніе и наконецъ соединилъ свою армію. Дона не могъ рѣшиться на битву съ такимъ сильнымъ войскомъ и удовольствовался одними контръ-маршами и нападеніями на мелкіе отряды и магазины русскихъ.

Между тѣмъ Салтыковъ все шелъ впередъ и приблизился уже къ Одеру. Фридрихъ, недовольный дѣйствіями Доны, вздумалъ замѣнить его вождемъ болѣе отважнымъ и предпріимчивымъ. Онъ выбралъ Веделля, младшаго изъ своихъ генераловъ. Чтобъ не обидѣть старшихъ, онъ наименовалъ его *диктаторомъ* арміи «Съ этой минуты» — сказалъ ему король — «ты представляешь при войскѣ мое лицо; каждое твое приказаніе должно быть исполняемо, какъ мое собственное. Полагаюсь на тебя вполнѣ! Дѣйствуй, какъ въ Лейтенскомъ дѣлѣ: атакуй русскихъ, гдѣ бы ихъ ни встрѣтилъ, разбей на голову и не давай имъ соединиться съ австрійцами,—больше я отъ тебя не требую.»

Но Веделль не оправдалъ довѣренности короля. Онъ слишкомъ буквально хотѣлъ исполнить его порученіе и дорого за это поплатился. Онъ встрѣтилъ русскую армію при мѣстечкѣ Пальцигѣ, въ десяти верстахъ отъ города Целлихау. Не смотря на превосходство ея позиціи, на значительныя силы, онъ напалъ на русскихъ, 12 іюля. Болотистая мѣстность не позволяла ему дѣйствовать правильными линіями: онъ долженъ былъ проводить свои войска по узкимъ дефилеямъ маленькими отрядами. Сначала ему удалось было привесть нашу армію въ разстройство своимъ быстрымъ нападеніемъ, но противъ многочисленной нашей артиллеріи не устояли ни испытанная отвага прусскихъ солдатъ, ни личная храбрость самаго диктатора. Веделль былъ разбитъ на голову, солдаты его разсыпались, частію затоптаны въ болота, частію легли на мѣстѣ. Пять разъ пруссаки возобновляли атаку и пять разъ были отбиты съ значительнымъ урономъ. Русскими добыто 1200 плѣнныхъ, 14 пушекъ, 4 знамени и 3 штандарта. На полѣ битвы найдено до 5000 убитыхъ пруссаковъ, тогда, какъ уронъ съ нашей стороны простирался только до 900 убитыми и до 3500 ранеными. Въ этой битвѣ погибъ нашъ храбрый генералъ Демикъ, который такъ отличился въ Цорндорфскомъ сраженіи. Уничтоженіе корпуса Веделля дало русскимъ средства подойти къ Кроссену, гдѣ къ нимъ присоединился 18,000 австрійскій корпусъ, подъ командою Лаудона. Теперь передъ ними дорога къ Берлину была совершенно открыта.

Извѣстіе объ этомъ поразило Фридриха. Но онъ хотѣлъ испытать послѣднее, рѣшительное усиліе. Написавъ духовное завѣщаніе, въ которомъ назначалъ племянника своего наслѣдникомъ престола, онъ вызвалъ въ свой лагерь принца Генриха, сдалъ ему команду надъ войсками, назначилъ его опекуномъ наслѣдника и взялъ съ него клятвенное обѣщаніе—никогда не заключать мира, постыднаго для Бранденбургскаго дома.

«Побѣдить или умереть непремѣнно!» вотъ девизъ, который онъ себѣ выбралъ, когда собралъ на берегахъ Одера до 40,000 войска и началъ переправлять его чрезъ рѣку.

Русская армія, вмѣстѣ съ корпусомъ Лаудона, составляла 70,000 человѣкъ. Салтыковъ, поджидая присоединенія втораго австрійскаго корпуса, подъ командою Гаддика, стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ на высотахъ близъ Франкфурта. При извѣстіи о приближеніи прусской арміи онъ даже не почелъ за нужное перемѣнить свою позицію, не смотря на то, что Фридрихъ подходилъ къ нему въ тылъ тремя колоннами. Онъ только учредилъ сообщеніе между своими флангами посредствомъ ретраншамента, который прикрывалъ фронтъ всей арміи. Правое наше крыло простиралось до самаго Одера и стояло на, такъ называемыхъ, Жидовскихъ горахъ: имъ командовалъ графъ Ферморъ; лѣвое—занимало Мельничьи горы до склона ихъ къ долинѣ, покрытой пашнями и болотами: оно находилось подъ начальствомъ князя Александра Михайловича Голицына. Центромъ командовалъ графъ Румянцевъ, а авангардомъ генералъ-поручикъ Вильбоа. Лаудонъ съ своимъ корпусомъ стоялъ позади праваго крыла. Лѣвое было прикрыто деревней Кунерсдорфъ. Всѣ возвышенія были защищены сильной артиллеріей.

1-го августа Фридрихъ сталъ противъ нашей арміи. Необыкновенная дѣятельность и безпрерывныя движенія въ его войскахъ показывали, что онъ хочетъ атаковать русскихъ со всѣхъ сторонъ. Но самъ онъ въ это время, распросивъ приведенныхъ къ нему переметчиковъ, высматривалъ нашу позицію и выбиралъ точку, съ которой бы удобнѣе начать атаку, совѣтуясь о томъ съ своими генералами.

Въ девять часовъ утра пруссаки установили двѣ батареи на горѣ, прямо во флангъ нашему лѣвому крылу; въ тоже время часть конницы и пѣхоты вошли въ лощину и начали атаку, при сильномъ перекрестномъ огнѣ. Не взирая на губительный огонь, пруссаки взобрались между виноградниками на воз-

вышеніе, заняли наши укрѣпленія и потѣснили лѣвое крыло. Фридрихъ выдвигалъ имъ на подмогу новыя колонны. Салтыковъ отрядилъ генерала Панина на подкрѣпленіе своихъ. Но пруссаковъ не могла удержать примѣрная храбрость нашихъ солдатъ: они овладѣли возвышеніемъ и бросились въ штыки на русскія батареи. Лѣвое крыло наше было совершенно разстроено и обратилось въ бѣгство. Болѣе ста орудій и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ достались въ руки пруссаковъ. Фридрихъ торжествовалъ; онъ не сомнѣвался болѣе въ окончательномъ успѣхѣ и отправилъ даже гонцевъ въ Берлинъ и въ Силезію съ радостною вѣстію о побѣдѣ. Пѣхота очистила ему поле дѣйствія; теперь оставалось конницѣ и артиллеріи довершить начатое. Но кавалерія его находилась на другомъ концѣ, противъ праваго русскаго крыла. Она не могла поспѣть во время, потому что должна была дефилировать и дѣлать большіе обходы между прудами и болотами. Пушки также перевозились съ большимъ затрудненіемъ. Салтыковъ воспользовался этимъ и открылъ по пруссакамъ сильный огонь изъ 80 орудій. Въ тоже время Румянцевъ и Лаудонъ ударили съ нашей и австрійской конницей во фланги прусскихъ эскадроновъ и опрокинули ихъ; а князь Любомирскій, съ полками Вологодскимъ, Псковскимъ и Апшеронскимъ, и князь Волконскій, съ первымъ Гренадерскимъ и Азовскимъ, привели въ безпорядокъ прусскую пѣхоту. Даже личная храбрость Сейдлица не помогла противъ этого ловкаго нападенія: пруссаки разстроились и разбѣжались. Но все еще вы-

годы битвы были на сторонѣ Фридриха Русское войско, совершенно разстроенное, сосредоточилось въ послѣднемъ своемъ ретрашаментѣ, защищаемомъ пятидесятью орудіями. Можно было полагать, что русскіе, послѣ своего огромнаго урона, за ночь отступятъ и полная побѣда останется на сторонѣ Фридриха. Но король этимъ не довольствовался: онъ хотѣлъ испытать свое счастіе до конца, совершенно истребить русскую армію. Многіе генералы и преимущественно Сейдлицъ старались отклонить короля отъ намѣренія продолжать битву; онъ уже колебался; но въ это время подъѣхалъ одинъ изъ старыхъ генераловъ, Фридрихъ спросилъ его мнѣніе; изъ угодливости тотъ присовѣтовалъ итти впередъ—и битва снова закипѣла.

Главный успѣхъ теперь зависѣлъ отъ овладѣнія горою Шпицбергъ, которая командовала надъ довольно обширнымъ пространствомъ, была занята лучшими русскими и австрійсками полками и защищена надежной артиллеріей. Пруссаки полѣзли на крутой обрывъ Шпицберга; въ нихъ брызнули картечью и рвы шпицбергенскіе наполнились трупами, которыхъ тутъ же засыпало землею. Нѣсколько разъ они возобновляли свои покушенія и каждый разъ страшная могила наполнялось новыми жертвами. Наконецъ сама природа ихъ обезоружила: пятнадцать часовъ прусское войско находилось въ форсированныхъ маршахъ, девять часовъ длилась уже битва, жаркій день, голодъ, жажда и безпрерывныя усилія истощили послѣднія ихъ силы; солдаты роняли ружья и въ совершенномъ изнеможеніи падали на мѣстѣ. Въ

тоже время покушенія пруссаковъ на другія высоты были такъ же счастливо отбиты. Фридрихъ старался провести одну свою колонну позади нашей второй линіи, чтобы тѣмъ поставить русскихъ между двухъ огней, но и это не удалось. Генералъ-маіоръ Бергъ встрѣтилъ ее штыками и шуваловскими гаубицами и потѣснилъ назадъ: а Вильбоа и князь Долгорукій, ударивъ пруссакамъ во флангъ, обратили ихъ въ бѣгство и взяли обратно не только всѣ наши пушки, но отняли еще множество непріятельскихъ.

Фридрихъ употребилъ послѣднее средство: онъ приказалъ Сейдлицу аттаковать высоты. Но огонь русскихъ батарей дѣйствовалъ слишкомъ опустошительно: прусская конница разстроилась и прежде, чѣмъ могла придти въ порядокъ, Лаудонъ съ австрійскими гусарами, а генералъ-маіоръ Тотлебенъ съ нашими легкими войсками, ударили на нее въ тылъ и во флангъ. Сейдлицъ былъ тяжело раненъ. Пруссаки обратились въ бѣгство, не смотря на увѣщанія и просьбы Фридриха. Король, остановясь въ самомъ жестокомъ огнѣ, приходилъ въ совершенное отчаяніе и громко восклицалъ: «Неужели для меня здѣсь нѣтъ ни одного ядра!» Подъ нимъ были убиты двѣ лошади, мундиръ его былъ прострѣленъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, возлѣ него пали три адъютанта, но онъ не оставлялъ поля битвы. Наконецъ ядро поразило его лошадь въ грудь, она опрокинулась навзничь и непремѣнно придавила бы своимъ трупомъ короля, еслибъ адъютантъ и гренадеръ, стоявшіе возлѣ, не подхватили его въ самую минуту паденія. Въ тоже время ружейная пуля ударила Фридриха въ лѣвый бокъ; по счастію сила ея была остановлена золотою готовальнею, которую король носилъ въ карманѣ. Тогда офицеры приступили къ нему съ просьбами, чтобы онъ оставилъ свой опасный постъ. «Когда всѣ бѣгутъ, я одинъ останусь на мѣстѣ!» отвѣчалъ онъ съ дикимъ отчаяніемъ, вонзивъ шпагу свою въ землю. Наконецъ неистовые крики преслѣдующаго непріятеля обратили въ бѣгство и послѣднюю горсть храбрыхъ пруссаковъ. Между ними былъ небольшой отрядъ гусаръ ротмистра Притвица; за нимъ гнались казаки «Господинъ ротмистръ! закричалъ одинъ изъ гусаровъ, взгляните: это нашъ король!» Весь отрядъ кинулся на пригорокъ. На немъ стоялъ Фридрихъ, одинъ, безъ свиты, сложивъ на груди руки, и съ нѣмымъ безчувствіемъ смотрѣлъ на гибель своего славнаго войска. Притвицъ почти силою усадилъ его на коня, гусары схватили лошадь подъ уздцы и увлекли за собою. Но казаки ихъ уже настигли и король навѣрное былъ бы убитъ или взятъ въ плѣнъ, еслибъ Притвицъ удачнымъ выстрѣломъ изъ пистолета не сразилъ офицера, который предводительствовалъ казачьимъ отрядомъ. Паденіе его на нѣсколько минутъ остановило преслѣдователей и пруссаки успѣли ускакать

Фридрихъ совершенно растерялся; вся бодрость духа, вся энергія его исчезли. «Притвицъ! я погибъ!» восклицалъ онъ безпрестанно дорогою и едва отрядъ ушелъ отъ преслѣдованія, онъ написалъ карандашемъ записку къ своему министру Финкенштейну въ Берлинъ: «Все пропало! Спасите королевскую фамилію! Прощайте на вѣки!»

Поздно вечеромъ прибылъ онъ въ небольшую деревушку на Одерѣ. Отсюда былъ отправленъ новый гонецъ къ Финкенштейну. «Изъ 40,000 человѣкъ»—писалъ ему король — «у меня осталось только 3,000. Я не могу болѣе располагать войскомъ. Подумайте о безопасности Берлина. Я не переживу моего несчастія. Послѣдствія битвы хуже, чѣмъ самая битва. Средства мои истощены. Признаюсь откровенно: все пропало. Но я не буду свидѣтелемъ погибели моего отечества. Прощайте навсегда!»

Тутъ же было написано предписаніе генералу Финку, которому король сдавалъ команду надъ остатками своей несчастной арміи: «Генералу Финку предстоитъ трудное порученіе. Я передаю ему армію, которая не въ силахъ болѣе бороться съ русскими. Гаддикъ за нимъ, а Лаудонъ впереди, ибо онъ вѣроятно пойдетъ на Берлинъ. Если генералъ Финкъ двинется за Лаудономъ—Салтыковъ нападетъ на него съ тыла; если онъ останется на Одерѣ—то будетъ подавленъ Гаддикомъ. Во всякомъ случаѣ, я думаю, лучше напасть на Лаудона. Успѣхъ такого предпріятія могъ бы остановить наши неудачи и замедлить ходъ дѣла: а выигрышъ времени очень много значитъ въ

такихъ обстоятельствахъ. Секретарь мой Кереръ будетъ присылать генералу газеты изъ Торгау и Дрездена. Генералъ Финкъ долженъ обо всемъ извѣщать моего брата, котораго я наименовалъ *генералиссимусомъ* арміи. Совершенно поправить наше несчастіе невозможно; но всѣ приказанія моего брата должны быть исполняемы безпрекословно. Армія присягнетъ моему племяннику, Фридриху-Вильгельму. Вотъ послѣдняя моя воля. Въ бѣдственномъ моемъ положеніи я могу только подать совѣтъ; но еслибъ имѣлъ хотя какія-нибудь средства, то вѣрно не покинулъ бы войско *Фридрихъ.*» (*)

Фридрихъ ночевалъ въ полуразвалившемся крестьянскомъ шалашѣ. Не раздѣваясь, бросился онъ на пукъ соломы, а адъютанты расположились въ ногахъ его, на голомъ полу.

Всю ночь прометался онъ на своемъ ложѣ въ страшномъ волненіи: состояніе души его было ужасно. Утромъ приближенные едва его узнавали, до того измѣнились всѣ его черты: отрывистыя, безсвязныя, почти безсознательныя рѣчи показывали, что онъ близокъ къ помѣшательству. Одинъ изъ офицеровъ донесъ, что привезли нѣсколько спасенныхъ орудій. «Ты лжешь!» закричалъ на него Фридрихъ съ бѣшенствомъ,—«у меня нѣтъ болѣе пушекъ!» Почти такъ же принялъ онъ артиллерійскаго полковника Моллера, когда онъ явился съ рапортомъ Но Моллеръ выдержалъ первый пылъ и потомъ старался успокоить и утѣшить короля. Онъ увѣрилъ его, что всѣ солдаты преданы ему душой и тѣломъ, готовы на каждый новый подвигъ и рады всей своей кровью искупить свободу отечества и жизнь короля. Это подѣйствовало на Фридриха; слезы проступили у него на глаза и ему стало легче. Новыя надежды заняли въ душѣ его мѣсто мрачнаго отчаянія и постоянной мысли о самоубійствѣ.

Пруссаки потеряли въ Кунерсдорфской битвѣ до 20,000 убитыми, ранеными и плѣнными. Между убитыми находился и маіоръ Эвальдъ Клейстъ,

(*) Это предписаніе, неизвѣстное прежнимъ историкамъ Фридриха, напечатано въ первый разъ въ 1835 году, Прейсомъ, въ его: Friedrich der Grosse. Eine Lebensgeschichte.

извѣстный нѣмецкій поэтъ, имя котораго гремѣло во всей Германіи. Печальная участь постигла этого героя-пѣвца. Онъ велъ солдатъ на приступъ Шпицберга, ядро оторвало у него правую руку; онъ схватилъ шпагу лѣвою и опять бросился впередъ, но не достигъ до вершины: картечью раздробило ему ногу. Солдаты отнесли его въ лощину и оставили до окончанія дѣла. Здѣсь нашли его казаки, раздѣли до нага и бросили въ болото.

Во время битвы, русскіе гусары, проходя мимо, услышали его стоны, вытащили полумертваго изъ болота, пріодѣли, чѣмъ могли, перевязали рану, утолили его жажду, но не могши взять съ собою, оставили близь дороги. Тутъ пролежалъ онъ до глубокой ночи. Новый казачій пикетъ совершилъ надъ нимъ новыя неистовства. На слѣдующій день русскій офицеръ нашелъ его въ ужасномъ положеніи, покрытаго ранами, почти истекшаго кровію. Немедленно страдальца отправили въ Франкфуртъ, гдѣ надъ нимъ были истощены всѣ врачебныя пособія. Но человѣческая помощь не могла возвратить его къ жизни: онъ умеръ 12 августа и былъ схороненъ съ большими почестями. Члены Франкфуртскаго университета и русскія войска сопровождали его гробъ до могилы. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, видя, что на гробѣ Клейста нѣтъ шпаги, положилъ свою на крышку, говоря, что такой достойный офицеръ не можетъ быть схороненъ безъ этого знака отличія.

Нѣмецкіе историки полагаютъ уронъ съ русской стороны до 17,000 человѣкъ, убитыми и ранеными, и увѣряютъ, что графъ Салтыковъ въ донесеніи своемъ императрицѣ сказалъ въ оправданіе значительной своей потери: «Что дѣлать! король прусскій дорого продаетъ побѣды надъ собою! Еще одна такая битва и я принужденъ буду самъ доставить реляцію къ Вашему Величеству!» Но все это несправедливо. Русскихъ ранено 10,863; и въ числѣ ихъ кн. Голицынъ, кн. Любомірскій и генералъ Олицъ. Что же касается до убитыхъ, графъ Салтыковъ говоритъ въ своемъ донесеніи: «Могу Вашему Императорскому Величеству засвидѣтельствовать, что если найдется гдѣ побѣда сія славнѣе и совершеннѣе, то однакожъ ревность и искусство генераловъ и офицеровъ, а мужество, храбрость, послушаніе и единодушіе солдатства должны навсегда примѣромъ остаться. Что же до урону съ нашей стороны принадлежитъ, то оный гораздо меньше, нежели я сперва самъ думать могъ. Убитыхъ генерально всѣхъ чиновъ имѣемъ мы только 2,614 человѣкъ.» Русскіе и австрійцы, подъ предводительствомъ Тотлебена и Лаудона, въ тотъ-же вечеръ преслѣдовали пруссаковъ до самаго Одера и отняли у нихъ еще множество пушекъ и знаменъ. Добыча наша состояла изъ 26 знаменъ, 2 штандартовъ, 172 пушекъ и гаубицъ и въ огромномъ количествѣ полевыхъ снарядовъ. Кромѣ того взято въ плѣнъ 6,555 человѣкъ рядовыхъ, 44 офицера, и отнято болѣе 10,000 ружей.

Графъ Салтыковъ былъ награжденъ за Кунерсдорфскую побѣду чиномъ генералъ-фельдмаршала.

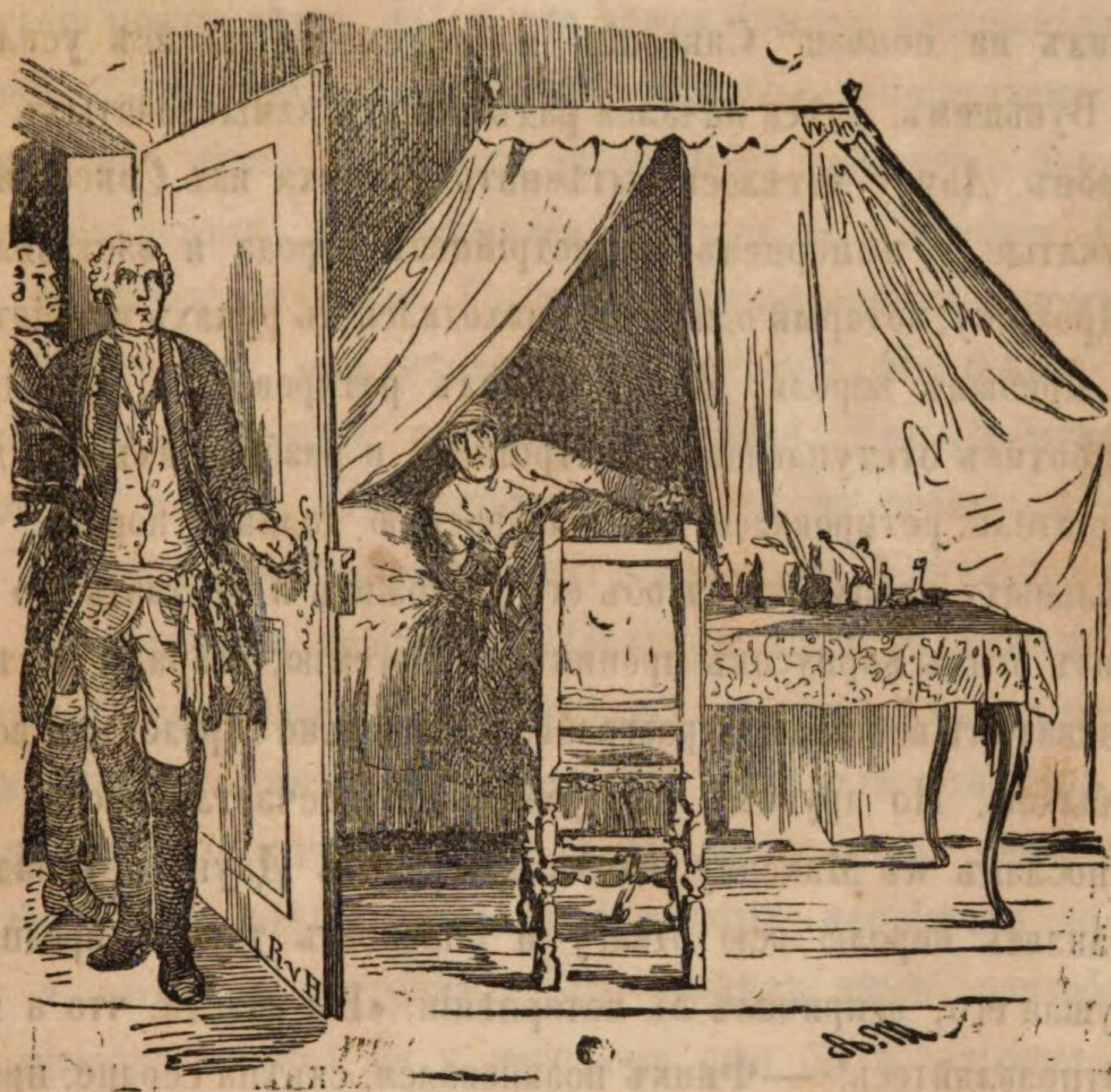
Фридрихъ скоро убѣдился, что страхъ и отчаяніе его были неосновательны. Около него собралось до 18,000 человѣкъ, разсѣянныхъ непріятелемъ въ Кунерсдорфской битвѣ. Съ ними онъ переправился чрезъ Одеръ, сломалъ за собою мосты и сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ между Кюстриномъ и Франкфуртомъ. Русскіе между тѣмъ также перешли Одеръ и стали лагеремъ при Лоссовѣ, а Даунъ подвинулся съ главной австрійской арміей въ Нижнюю Лузацію. Все показывало, что оба войска хотѣли соединиться, вмѣстѣ вступить въ Мархію и овладѣть беззащитной столицей Пруссіи. Фридрихъ присоединилъ къ себѣ всѣ войска, какими могъ располагать, и рѣшился защищать дорогу къ Берлину. Для этаго онъ сталъ у Фюрстенвальда на рѣкѣ Шпре, куда вытребовалъ себѣ новую артиллерію изъ берлинскаго арсенала. Но напрасно Фридрихъ ждалъ непріятелей: они не являлись. По причинѣ возникшихъ несогласій между Салтыковымъ и Дауномъ, русскіе не воспользовались своими выгодами. Даунъ требовалъ, чтобы Салтыковъ шелъ непремѣнно на Берлинъ, а самъ щадилъ свои войска. Салтыковъ отвѣчалъ на это, что одержалъ уже двѣ кровавыя побѣды и ждетъ того-же отъ австрійскаго фельдмаршала. Тогда

Даунъ для виду подвинулся впередъ, но едва онъ прошелъ нѣсколько миль, какъ принцъ Генрихъ, наблюдавшій за нимъ въ Силезіи, посредствомъ хитраго маневра ударилъ на него въ тылъ, разрушилъ всѣ магазины въ Богеміи и принудилъ его поспѣшно воротиться. Между тѣмъ русскіе требовали отъ Дауна выговореннаго продовольствія для арміи; австрійскій военачальникъ самъ ничего не имѣлъ и вмѣсто провіанта предложилъ деньги. Салтыковъ отвѣчалъ: «Мои солдаты денегъ не ѣдятъ!» и приготовился къ отступленію. Тогда вѣнскій кабинетъ, подстрекаемый Дауномъ, настоятельно требовалъ, чтобы Салтыковъ преслѣдовалъ свои завоеванія, грозя, что, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ смѣненъ и другой пожнетъ плоды его побѣдъ. Это взбѣсило русскаго фельдмаршала и онъ немедленно двинулся къ польскимъ границамъ. Но дорогою онъ получилъ высочайшее повелѣніе продолжать войну и обратился снова къ Силезіи. Намѣреніе его было осадить Глогау. Фридрихъ предупредилъ его и, занявъ крѣпкую позицію передъ Глогау, преградилъ русскому войску дорогу. Не получая подкрѣпленія изъ главной австрійской арміи и слыша, что Даунъ обратился въ Саксонію, Салтыковъ не рѣшился вступить съ Фридрихомъ въ битву. Онъ повелъ армію по берегамъ Одера, достигъ до мѣстечка Тернштадтъ, хотѣлъ взять его, но встрѣтя сопротивленіе, превратилъ его въ пепелъ, и потомъ выступилъ, въ началѣ ноября, въ Польшу. Лаудонъ отдѣлился отъ русскихъ и пошелъ въ Моравію. Берлинъ былъ спасенъ.

Но съ отступленіемъ русскихъ опасность не миновала. Пока Фридрихъ дѣйствовалъ противъ Салтыкова, имперская армія, подъ начальствомъ герцога Цвейбрюкскаго, проникла въ Саксонію, оставленную безъ всякой защиты. Въ короткое время Лейпцигъ, Торгау и Виттенбергъ были заняты. Имперцы подступили къ Дрездену. Комендантъ Шметау приготовился къ оборонѣ: онъ рѣшился отстоять городъ или похоронить себя подъ его развалинами. Это случилось вскорѣ послѣ Кунерсдорфской битвы. Фридрихъ въ безнадежномъ своемъ положеніи писалъ къ Шметау, чтобъ онъ не рисковалъ понапрасну гарнизономъ, а старался бы только спасти артиллерію и казну, состоявшую изъ 5,000,000 талеровъ. Вслѣдствіе королевскаго предписанія, Шметау сдалъ городъ на капитуляцію, выговоривъ свободный выходъ гарнизону и вывозъ орудій. Имперцы согласились, но по занятіи города, предательски напали на прусскихъ солдатъ, отнимали у нихъ ружья, рубили ихъ и брали въ плѣнъ. Только немногіе изъ гарнизона уцѣлѣли. А между тѣмъ помощь была уже близка: генералъ Вуньшъ, посланный Фридрихомъ, находился только въ трехъ миляхъ отъ Дрездена.

По удаленіи русскихъ, Фридрихъ сильно занемогъ подагрою. Не смотря на жестокія страданія, онъ не упускалъ изъ виду военныхъ дѣйствій и созвалъ

къ себѣ всѣхъ генераловъ. Они нашли его въ бѣдной каморкѣ небольшаго мѣщанскаго домика, въ Кёбенѣ. Онъ лежалъ на постелѣ, ноги были прикрыты шубою, голова завязана платкомъ.

«Господа!» — сказалъ онъ имъ, — «я созвалъ васъ, чтобъ ознакомить съ моими намѣреніями и показать, что жестокая боль не дозволяетъ мнѣ лично явиться къ арміи. Увѣрьте храбрыхъ пруссаковъ, что болѣзнь моя не вымышленна, что я, вполнѣ надѣясь на ихъ мужество, не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не поправлю нашихъ дѣлъ, и что только одна смерть можетъ меня разлучить съ моей арміей.»—Одну часть войска онъ отправилъ на прикрытіе Силезіи, другую, подъ начальствомъ Вуньша, на освобожденіе Саксоніи отъ имперцевъ.

Но и въ мучительные часы болѣзни дѣятельный умъ Фридриха не могъ оставаться спокойнымъ. Онъ занялся критическимъ разборомъ сѣверной войны Карла съ Петромъ Великимъ, и написалъ книгу, подъ названіемъ: *Взглядъ на характеръ и дарованія Карла XII* (*). Отсылая рукопись къ маркизу д'Аржансу, онъ писалъ: «Голова моя постоянно занята военными идеями и до того привыкла къ этой работѣ, что даже въ часы развлеченія умъ мой не можетъ обратиться на другіе предметы.» Едва король почувствовалъ облегченіе, онъ самъ поскакалъ въ Саксонію. Тамъ дѣла его, между-тѣмъ, значительно поправились.

(*) Любопытная книга эта была напечатана зимою 1760 года, но къ сожалѣнію, только въ двѣнадцати экземплярахъ.

Вуньшъ успѣлъ отнять у имперцевъ Виттенбергъ, разбилъ пришедшихъ къ нимъ на подкрѣпленіе австрійцевъ, при Торгау, овладѣлъ городомъ и, пять дней спустя, взялъ Лейпцигъ со всѣмъ его гарнизономъ. Принцъ Генрихъ также поспѣшилъ на помощь Саксоніи и, не смотря на всѣ усилія Дауна, соединился съ Вуньшемъ. Здѣсь начался рядъ самыхъ замысловатыхъ маневровъ съ обѣихъ сторонъ. Дауну хотѣлось вытѣснить Генриха изъ Саксоніи, Генрихъ прикрывалъ отнятые у имперцевъ и австрійцевъ города и заставилъ Дауна отступить къ Дрездену, который одинъ еще находился въ рукахъ непріятельскихъ. Въ это время прибылъ король. Даунъ началъ ретироваться. Фридрихъ самъ повелъ армію противъ отступающихъ австрійцевъ и разбилъ ихъ при деревушкѣ Крёгисѣ. Непріятель ретировался въ Плауэнскую долину, король отправилъ нѣсколько отдѣльныхъ корпусовъ, чтобъ его тревожить и отрѣзать его коммуникаціи. Одинъ изъ этихъ корпусовъ проникъ въ Богемію, собралъ тамъ большую контрибуцію, захватилъ всѣ запасы, разграбилъ нѣсколько городовъ, и возвратился съ богатою добычею. Но другимъ корпусамъ не посчастливилось. Генералъ Финкъ былъ посланъ къ Максену, чтобъ преградить Дауну ретираду. Финкъ началъ представлять королю всю отвагу и опасность такого предпріятія, но король, не слушая его, закричалъ въ нетерпѣніи: «Вы знаете, что я не терплю затрудненій! Отправляйтесь!»—Финкъ повиновался, скрѣпя сердце; предчувствіе его не обмануло. Вскорѣ непріятель окружилъ его со всѣхъ сторонъ; Финкъ хотѣлъ пробиться, но это не удалось, и онъ принужденъ былъ со всѣмъ корпусомъ положить оружіе и отдаться въ плѣнъ.

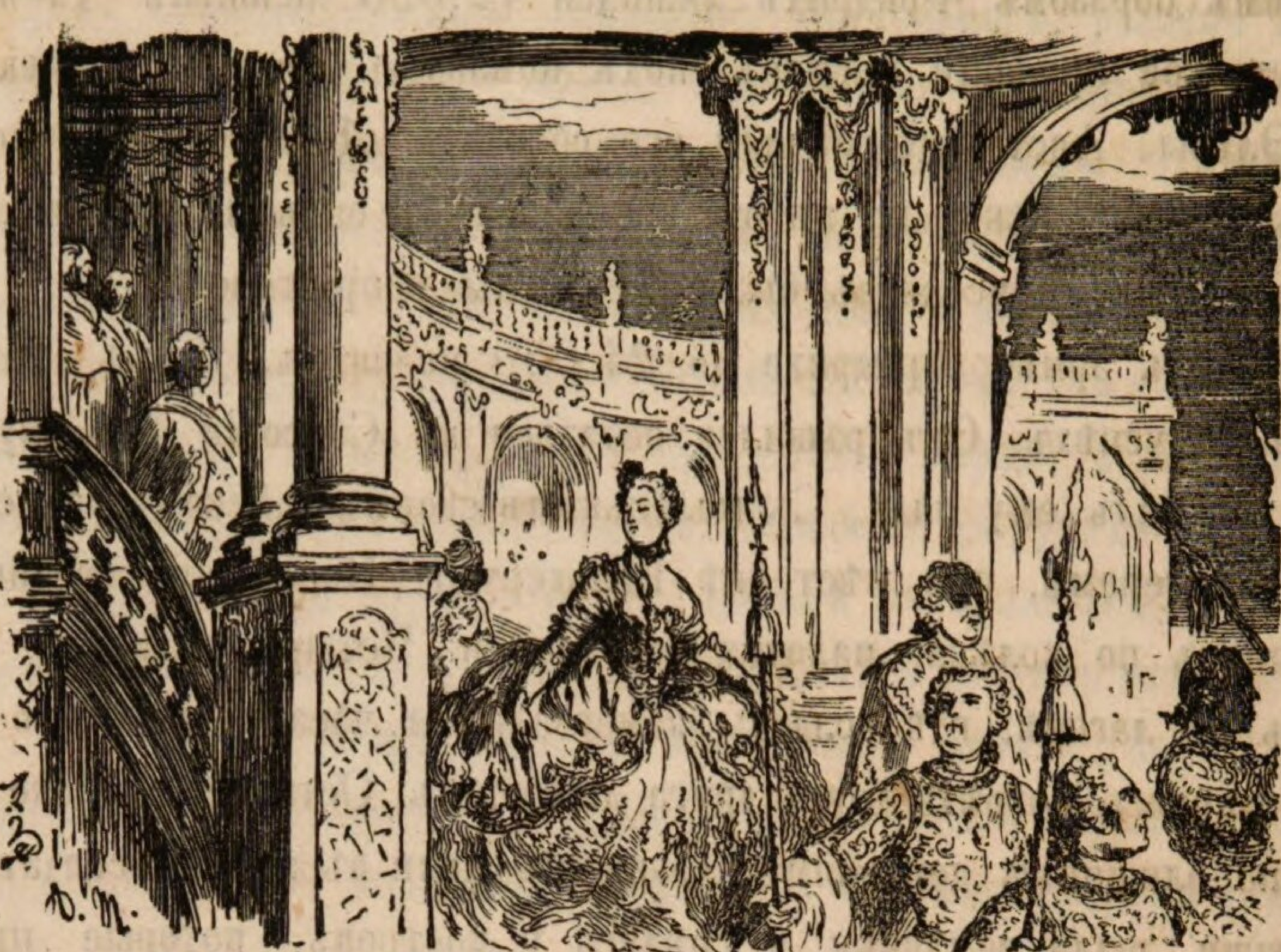

Такимъ образомъ Фридрихъ лишился 12,000 человѣкъ. Та-же участь постигла другой прусскій корпусъ, подъ командою Диреке, стоявшій по ту сторону Эльбы. Австрійцы начали его обходить, Диреке ночью хотѣлъ переправиться чрезъ рѣку, но въ это время пошелъ сильный ледъ и затруднилъ переправу. 1,500 пруссаковъ были захвачены непріятелемъ.

Сокративъ армію Фридриха до 24,000 человѣкъ, Даунъ смѣло могъ надѣяться на успѣхъ. Онъ рѣшился остаться въ Саксоніи. Но прусскій король не уступалъ ему пяди. Съ маленькимъ своимъ войскомъ онъ сталъ противъ него лагеремъ, при мѣстечкѣ Вильдсруфѣ. Наступила жестокая зима; снѣгъ выпалъ по колѣна; палатки заледенѣли. Четыре батальона постоянно смѣнялись въ лагерѣ, гдѣ солдаты замерзали на часахъ, а ночью ложились вмѣстѣ, стараясь согрѣть другъ друга дыханіемъ. Остальное войско было размѣщено по ближнимъ деревнямъ. Офицеры жили въ избахъ, солдаты строили себѣ шалаши, рыли землянки, и грѣлись у костровъ, которые никогда не потухали. На пять миль въ окрестности порубили всѣ лѣса на дрова. Эта зимняя кампанія похитила у короля больше солдатъ, чѣмъ самая кровопролитная битва. Но она имѣла и свои выгоды: непріятель не смѣлъ шагнуть впередъ, не смѣлъ и отступить. Онъ терпѣлъ тѣже неудобства и бѣдствія, какъ и прусское войско, но у него они еще были усилены повальными болѣзнями. Сама природа опустошила обѣ арміи—безъ кровопролитія. Такъ простоялъ Фридрихъ до тѣхъ поръ, пока, въ срединѣ января, наслѣдный принцъ Брауншвейгскій, по взятіи Фульды, привелъ ему въ подкрѣпленіе свое войско. Тогда только король расположилъ армію по зимнимъ квартирамъ. Самъ онъ перенесъ свой штабъ въ Фрейбергъ, гдѣ и провелъ остальные зимніе мѣсяцы.

Фридрихъ много претерпѣлъ въ этотъ пагубный годъ. Но враги его мало выиграли: при всѣхъ успѣхахъ и усиліяхъ, австрійцы овладѣли только Дрезденомъ и его окрестностями; а шведы, ободренные отсутствіемъ прусскихъ войскъ, распространили свои ничтожныя завоеванія въ Помераніи. Фридрихъ могъ еще торжествовать.

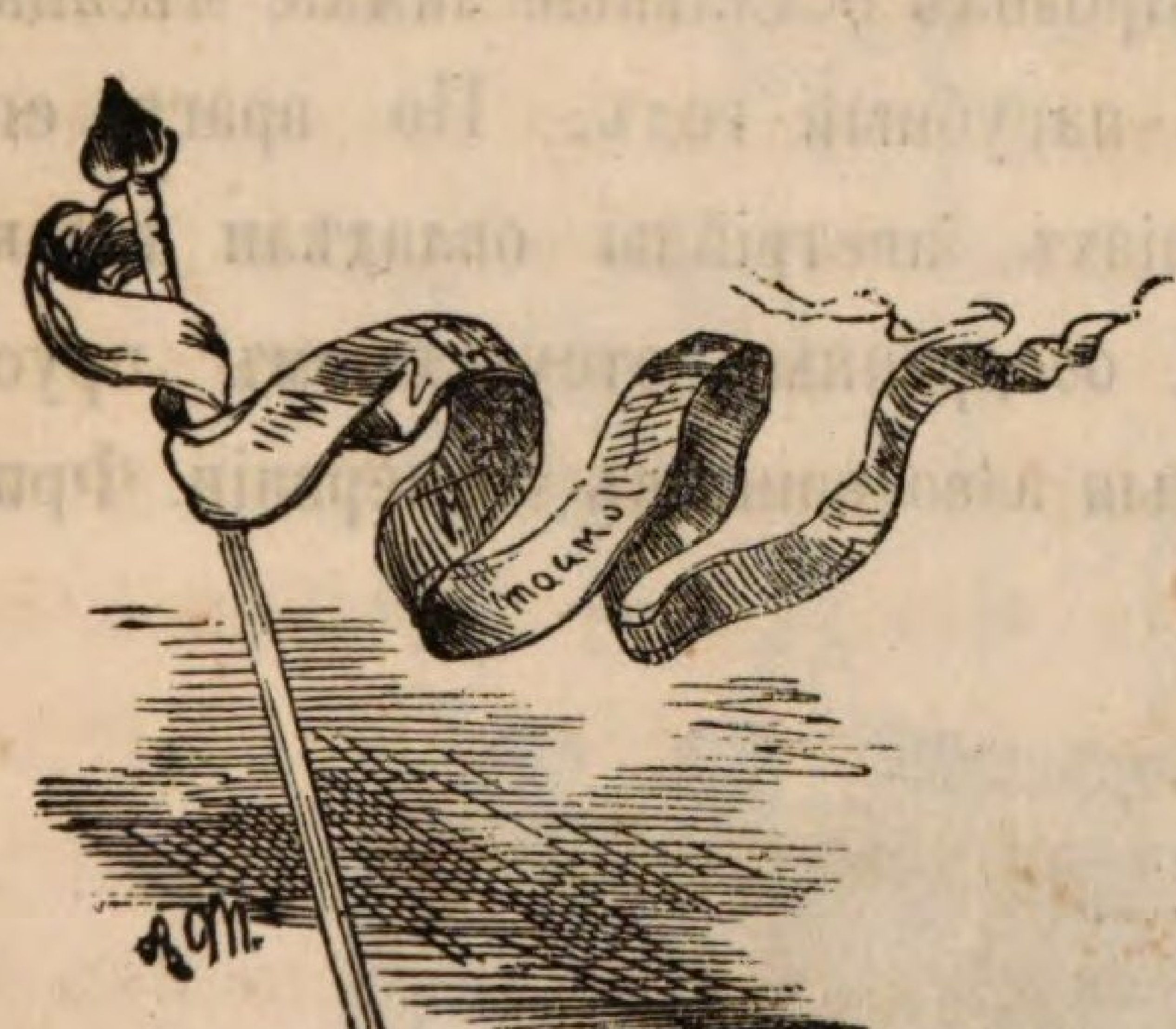

Маркиза Помпадуръ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ВТОРАЯ.

Начало кампаніи 1760 года.

ДРЕЗДЕНЪ И ЛИГНИЦЪ.

аръ земной не крѣпче покоится на плечахъ Атласа, какъ Пруссія на своей арміи! — сказалъ Фридрихъ послѣ Фридбергской битвы. Четыре года упорной войны, гдѣ Пруссія съ своими восмью милионами жителей боролась съ пятью государствами, имѣвшими болѣе восьмидесяти милионовъ подданныхъ, доказали всю справедливость этаго изрѣченія. Но теперь эта могущественная, непоборимая армія была разстроена и доведена почти до ничтожества. Надо было подумать о средствахъ пополнить и усилить ее, безъ ущерба государству. Фридрихъ предложилъ своимъ непріятелямъ размѣнъ плѣнныхъ, они не согласились, надѣясь истощить его до конца. Тогда всѣ

плѣнные насильно были приведены къ присягѣ и зачислены въ прусскіе полки. Подъ знаменами Фридриха они обязывались воевать даже противъ своего отечества. Такая мѣра была бы безразсудствомъ во всякомъ войскѣ, кромѣ прусскаго, гдѣ строгая воинская дисциплина и личное превосходство Фридриха налагали крѣпкое ярмо на подчиненныхъ. Одинъ Наполеонъ могъ впослѣдствіи прибѣгать къ подобнымъ средствамъ: онъ одинъ, подобно Фридриху, силою своего генія владычествовалъ надъ духомъ армій! Бѣдная Саксонія и на этотъ разъ должна была поплатиться за интриги своего министра, за безхарактерность своего короля: она сдѣлалась для Фридриха единственнымъ рудникомъ, изъ котораго онъ извлекалъ деньги, продовольствіе и солдатъ. Она выставила 10,000 рекрутъ, внесла въ казну два миліона червонцевъ, тысячами отпускала лошадей и рогатый скотъ, и отдала половину своей жатвы на содержаніе прусской арміи. Обширные лѣса саксонскіе были порублены, сплавлены по Эльбѣ до Гамбурга и обращены въ деньги. Кромѣ того, нужда въ людяхъ подала мысль къ совершенно новой системѣ рекрутскихъ наборовъ: начали *вербовать* въ военную службу. Прусскіе вербовщики, подъ разными видами, разбрелись по всей Германіи и заманивали молодыхъ людей въ свои сѣти, обольщая бѣдняковъ—деньгами, богатыхъ—почестями, а слабодушныхъ—виномъ и распутствомъ. Имъ отпускались значительныя суммы для заманокъ, и молодежь толпами отправлялась въ Магдебургъ, назначенный сборнымъ мѣстомъ для поступающихъ на прусскую службу. Честь раздѣлять громкую славу прусскаго оружія заставляла молодыхъ людей оставлять университеты, до окончанія курса, купеческихъ прикащиковъ бросать торговлю, молодыхъ чиновниковъ бѣжать отъ службы. Вербовщики инымъ сами давали деньги, съ другихъ брали плату за патенты на разные офицерскіе чины. Но по прибытіи въ Магдебургъ всѣмъ новобранцамъ, безъ исключенія, надѣвали солдатскіе ранцы Купцы, ремесленники, простолюдины, купившіе себѣ званіе полковниковъ, капитановъ и поручиковъ, вдругъ дѣлались рядовыми и узнавали обманъ не прежде, какъ въ строю, подъ грознымъ фухтелемъ фельдфебеля. Такимъ образомъ было собрано до 60,000 рекрутъ. Позорное средство! Даже крайняя нужда едва-ли можетъ оправдать Фридриха въ глазахъ потомства. Но прежде, чѣмъ онъ ухватился за это послѣднее средство, имъ было испытано все, чтобъ привесть дѣло къ дружелюбному концу. Послы его являлись ко всѣмъ враждующимъ дворамъ съ мирными предложеніями: всюду послѣдовалъ отказъ. Противники его слишкомъ надѣялись на свой крѣпкій союзъ и на его малосиліе, чтобъ склониться на полюбовную сдѣлку. Самыя событія того времени, казалось, долженствовали способствовать къ примиренію, но врагами Фридриха были три царицы, три женщины,

и всѣ выгоды политическія уступили мѣсто личной ненависти. Въ концѣ 1759 года умеръ король испанскій Фердинандъ VI. Ему наслѣдовалъ король неаполитанскій, предоставя Неаполь своему сыну-младенцу. Австрія давно имѣла права на Сицилійское и Неаполитанское королевства; теперь представлялся самый удобный случай овладѣть ими. Все способствовало этому пріобрѣтенію: и слабое регенство, и ничтожныя войска, и разстроенныя финансы Неаполя. Даже некому было вступиться за Неаполь: Испанія не была приготовлена къ войнѣ, а Франція не имѣла средствъ выслать въ Италію новое войско Но Марія-Терезія пренебрегала случаемъ сдѣлаться обладательницей всей Италіи, для того только, чтобъ продолжать борьбу съ Фридрихомъ и возвратить свою Силезію.

Франція потеряла почти цѣлую армію въ Германіи; 20-го ноября англійскій адмиралъ Гаукъ истребилъ весь ея флотъ почти ввиду французскихъ береговъ; а лордъ Клейвъ овладѣлъ Канадою и завоевывалъ французскія владѣнія въ обѣихъ Индіяхъ. Финансы ея были истощены продолжительными войнами въ двухъ частяхъ свѣта и придворною роскошью. Версальскій кабинетъ готовъ былъ согласиться на мирныя предложенія Англіи, но онъ не имѣлъ власти: имъ управляла легкомысленная Помпадуръ. Главною статьею предлагаемаго Англіею мира была неприкосновенность Пруссіи: гордая любимица Людовика скорѣе согласилась бы выморить всю Францію голодомъ, чѣмъ оставить дерзкаго противника безъ наказанія.

Русскій дворъ былъ такъ-же непреклоненъ. Напрасно Салтыковъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, зимою 1760, старался охладить императрицу къ войнѣ съ Пруссіею, представляя ей на видъ несогласныя съ нимъ, слабыя дѣйствія австрійскихъ генераловъ и всѣ затрудненія продовольствовать армію въ отдаленной, враждебной землѣ. Напрасно достигалъ до ея слуха повсемѣстной ропотъ о тратѣ столькихъ людей въ безполезной войнѣ за чужіе интересы. Противъ недовольныхъ были приняты строгія мѣры. Салтыковъ возвратился къ войску съ высочайшимъ предписаніемъ «неослабно дѣйствовать въ пользу общаго добраго дѣла, уничтоженія вредной власти прусскаго короля!»

И такъ не было спасенія! Міръ требовалъ крови и Фридриху осталось употреблять всѣ способы, безъ разбора, чтобъ оградить себя и королевство отъ исполинскихъ ополченій противниковъ. Кромѣ Саксоніи, герцогство Мекленбургское и княжества Ангальтскія были обложены значительными контрибуціями. Со всѣхъ сторонъ сыпались деньги, отвсюду являлись солдаты и совсѣмъ тѣмъ, къ началу кампаніи, у Фридриха стояли подъ ружьемъ не болѣе 90,000 человѣкъ, противу 250,000 враждебнаго войска.

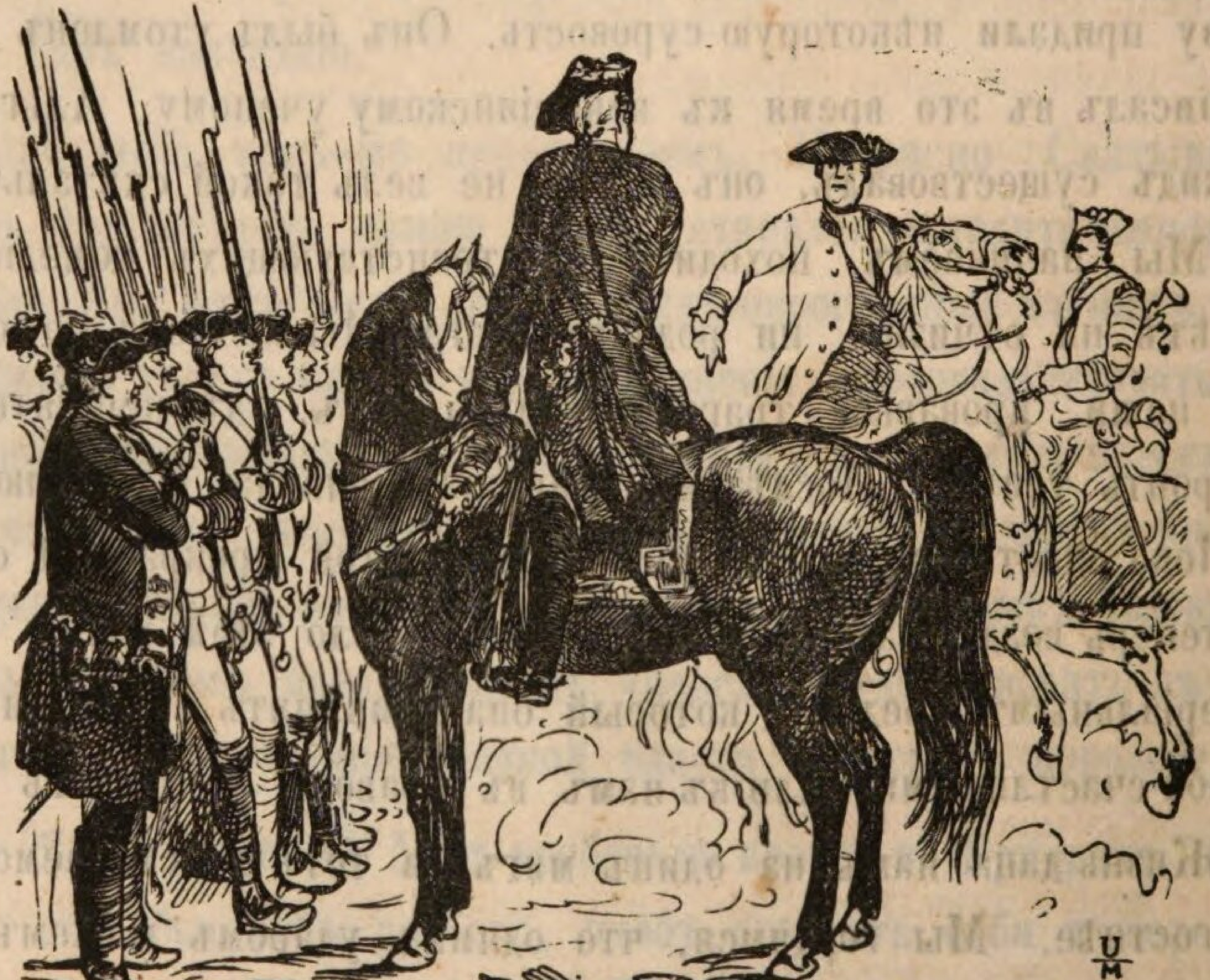

Притомъ это были не тѣ испытанные, закаленные въ непріятельскомъ огнѣ, солдаты, съ которыми Фридрихъ одерживалъ свои великія побѣды. Полки его состояли изъ неопытныхъ юношей, не видавшихъ крови и пороховаго дыма. Увлеченные обаяніемъ славы, они горѣли желаніемъ ознаменовать себя громкими подвигами и занять въ исторіи мѣсто подлѣ великаго своего полководца. Отъ такого направленія духа въ молодомъ войскѣ можно было ожидать однѣхъ крайностей: или оно сдѣлается непобѣдимымъ, или первая неудача погаситъ его воинскій жаръ. Фридрихъ надѣялся на свою счастливую звѣзду. И самъ онъ былъ уже не тотъ, что прежде: четыре года заботъ, треволненій и трудовъ неимовѣрныхъ ослабили его физическія силы. Болѣзни и преждевременные признаки старости измѣнили его наружность и даже нраву придали нѣкоторую суровость. Онъ былъ утомленъ войною. Вотъ, что онъ писалъ въ это время къ венеціянскому ученому, Альгаротти: «Если вѣчный жидъ существовалъ, онъ вѣрно не велъ такой скитальческой жизни, какъ я. Мы начинаемъ походить на странствующихъ комедіянтовъ, у которыхъ нѣтъ ни отчизны, ни роднаго очага. Мы кочуемъ по свѣту и разыгрываемъ наши кровавыя трагедіи только тамъ, гдѣ непріятель дозволяетъ намъ устроить театръ. Послѣдняя кампанія привела Саксонію на край погибели. Пока счастіе дозволяло мнѣ владѣть этой прекрасной страною, я берегъ ее: теперь вездѣ разореніе. Нравственное зло этой войны ничтожно передъ матеріальнымъ вредомъ, который она причинитъ Германіи. Мы можемъ назвать себя счастливыми, если къ намъ въ добавокъ не придетъ чума. Бѣдные глупцы! Жизнь дана намъ на одинъ мигъ, и тотъ мы стараемся сдѣлать какъ можно тягостнѣе. Мы гордимся, что однимъ ударомъ можемъ обратить въ прахъ прекраснѣйшія созданія труда и времени! Развалины и нищета, вотъ презрѣнные памятники нашихъ громкихъ подвиговъ!»

Весна застала уже войска Фридриха на всѣхъ опасныхъ пунктахъ, онъ былъ готовъ остановить каждое предпріятіе совокупныхъ враговъ. Принцъ Генрихъ ждалъ на Одерѣ русскихъ; генералъ Фуке прикрывалъ силезскія границы

со стороны Богеміи; въ Помераніи отдѣльный корпусъ былъ выставленъ противъ шведовъ; а самъ король стоялъ противъ арміи Дауна въ Саксоніи, между тѣмъ, какъ Фердинандъ Брауншвейгскій на юго-западѣ Германіи дѣйствовалъ противъ французовъ и ихъ мелкихъ союзниковъ.

Но военныя дѣйствія начались не скоро. Союзники не могли согласиться въ планѣ предстоящей кампаніи. Каждая сторона искала своихъ выгодъ— и это было началомъ раздоровъ. Салтыковъ хотѣлъ начать дѣло съ покоренія Кольберга и потомъ, при помощи русскаго флота, овладѣть берегами Помераніи: пріобрѣтеніе это могло быть важно для Россіи въ торговомъ и въ военномъ отношеніяхъ. Августъ убѣдительно просилъ прежде всего освободить его курфирство; а Марія-Терезія требовала, чтобъ Салтыковъ вмѣстѣ съ Лаудономъ обратились на Силезію, въ то время, какъ Даунъ будетъ удерживать Фридриха въ Саксоніи. Французамъ хотѣлось, чтобъ Салтыковъ овладѣлъ Штетиномъ. Послѣ долгихъ переписокъ и совѣщаній, петербургскій кабинетъ согласился утвердить планъ императрицы-королевы. Салтыковъ получилъ повелѣніе двинуться со всей арміей въ Силезію и осадить Бреславль. Всѣ его представленія о выгодахъ пріобрѣтенія Кольберга и Данцига, и напротивъ, о затрудненіяхъ осады Бреславля, по неудобству подвоза военныхъ и жизненныхъ потребностей, не были уважены. Это его огорчило. Неохотно сталъ онъ содѣйствовать видамъ австрійскаго фельдмаршала.

Прологъ къ войнѣ открылся въ Силезіи. Въ мартѣ Лаудонъ проникъ въ Верхнюю-Силезію. Она была защищаема Мантейфельскимъ полкомъ, подъ командою генерала Гольца, который рѣшился отступить къ Нейсѣ. На пути Лаудонъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ и отправилъ трубача съ требова-

ніемъ, чтобъ пруссаки сдались въ плѣнъ, а въ случаѣ отказа, грозилъ всѣхъ до одного положить на мѣстѣ. Гольцъ провелъ трубача передъ своимъ фронтомъ и объявилъ солдатамъ предложеніе непріятеля. Взрывъ негодованія былъ отвѣтомъ храбраго полка.

Тогда австрійцы всею своей силою ринулись на пруссаковъ, но мантейфельцы дрались, какъ львы, отбили врага, заняли крѣпкую позицію и отняли у австрійцевъ охоту на вторичное нападеніе. Лаудонъ потерялъ до 400 человѣкъ, тогда какъ у Гольца пало только 140.

Болѣе серьозныя дѣйствія начались лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Лаудонъ съ 50,000 войска вошелъ въ графство Глацкое, а оттуда въ Силезію. Генералъ Фуке занималъ пограничный постъ при Ландсгутѣ. Корпусъ его состоялъ изъ 14,000 человѣкъ: съ такими силами нельзя было удержаться въ горахъ. Онъ отступилъ къ Швейдницу, въ намѣреніи встрѣтить непріятеля въ открытомъ полѣ. Лаудонъ того только и ждалъ: онъ тотчасъ же осадилъ крѣпость Глацъ, чтобъ въ ней основать себѣ опорный пунктъ для дальнѣйшихъ предпріятій въ Силезіи. Фридрихъ былъ очень недоволенъ распоряженіемъ Фуке. «Добудьте мнѣ горы во что бы то ни стало!» писалъ онъ ему; послушный Фуке поспѣшилъ занять свою прежнюю позицію. Онъ постигалъ всю опасность этого поста, но рѣшился защищать его до послѣдней капли крови. Цѣль короля была идти на помощь къ Фуке, но прежде онъ хотѣлъ выманить Дауна въ Силезію и, пользуясь его отсутствіемъ, овладѣть Дрезденомъ. Но фальшивые его маневры и контръ-марши не подѣйствовали. Даунъ, слишкомъ часто обманутый его стратегическими вымыслами, не трогался изъ своего лагеря близъ Дрездена. Такъ прошло нѣсколько дней. Вдругъ, 25 іюня, въ австрійскомъ лагерѣ раздались побѣдные выстрѣлы: король, къ величайшему прискорбію, узналъ, что Фуке разбитъ Лаудономъ на голову. Прусскій военачальникъ сдержалъ свое обѣщаніе. 23 іюня испыталъ онъ грозную атаку Лаудона. Съ отчаяніемъ дрались пруссаки, но превосходство силъ одолѣло. Почти весь корпусъ былъ побитъ непріятелемъ. Самъ Фуке, покрытый ранами, наконецъ упалъ съ лошади. Австрійскіе драгуны занесли уже надъ нимъ палаши, но вѣрный его деньщикъ кинулся на своего господина и закричалъ: «Что вы, разбойники! это нашъ генералъ!» Покрывъ его своимъ тѣломъ, онъ принялъ назначенные ему смертоносные удары. Въ эту минуту подскакалъ австрійскій полковникъ Войтъ и остановилъ разъяренныхъ драгунъ. Фуке былъ взятъ въ плѣнъ.

Когда Фридриху донесли о всѣхъ подробностяхъ дѣла, онъ воскликнулъ: «Фуке истинный герой! Плѣнъ его дѣлаетъ честь прусскому оружію!»

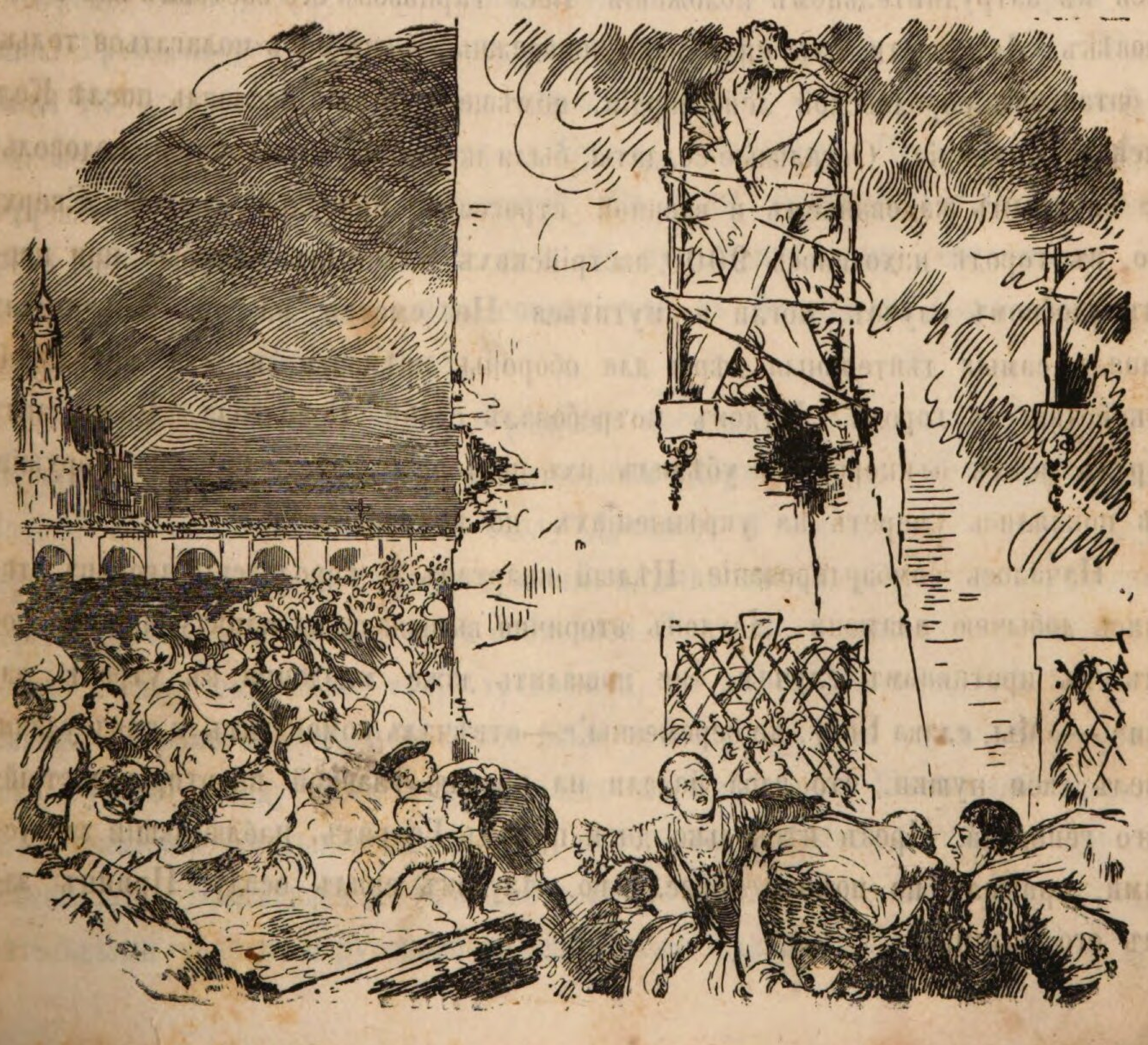

Лаудонъ, разбивъ Фуке, овладѣлъ беззащитнымъ Ландсгутомъ. Здѣсь опозорилъ онъ свое имя, дозволивъ войску, въ видѣ награды, разграбить городъ, издавна славный промышленностію и торговлею. Жителей перерѣзали, домы сожгли. Не было пощады ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Лаудонъ самъ ужаснулся жестокости своихъ солдатъ, но остановить ихъ былъ не въ силахъ.

При извѣстіи о пораженіи Фуке, Фридрихъ поднялся со всей своей арміей и пошелъ въ Силезію. Даунъ поспѣшилъ опередить его нѣсколькими маршами, чтобъ, соединясь съ Лаудономъ, преградить пруссакамъ дорогу. Но когда Даунъ ушелъ впередъ довольно далеко, Фридрихъ вдругъ поворотилъ войско и поспѣшилъ назадъ къ Дрездену. При его приближеніи, австрійскій корпусъ фельдцейхмейстера Ласси (*) поспѣшно переправился чрезъ Эльбу и вмѣстѣ съ имперской арміей, которая праздно стояла на лѣвомъ берегу, отступилъ къ Пирнѣ. Фридрихъ обложилъ Дрезденъ и послалъ въ Магдебургъ за осадной артиллеріей. 14 іюля начали обстрѣливать, а вскорѣ за тѣмъ и бомбардировать городъ. Король надѣялся, что опасное положеніе се-

(*) Францъ Маврикій, сынъ знаменитаго русскаго фельдмаршала графа Петра Петровича Ласси, побѣдителя крымцевъ и шведовъ. Служилъ сперва въ Россіи и съ чиномъ генералъ-маіора перешелъ въ австрійскую службу, въ 1744 году.

мейства Августа и пожары понудятъ коменданта къ сдачѣ. Но комендантъ держался, ожидая помощи отъ Дауна. Даунъ, между тѣмъ, принялъ поворотъ Фридриха изъ Силезіи за фальшивый маневръ и не слишкомъ торопился на помощь къ Дрездену, зная, что для защиты его оставлено достаточное войско. Такимъ образомъ штурмъ продолжался нѣсколько дней. Прусскія бомбы и каленыя ядра превратили предмѣстія и большую часть города въ пепелъ. Жители съ трудомъ могли тушить безпрерывные пожары. Великолѣпные дворцы и церкви, истинные памятники искусства и вкуса, разсыпались въ развалины. Знатнѣйшія фамиліи искали спасенія въ погребахъ. Улицы были покрыты ранеными и раздавленными паденіемъ домовъ и колоколенъ. Вопли отчаянія раздавались по городу; всѣ дороги были запружены бѣгущими. Чего не успѣли сдѣлать прусскія ядра и бомбы, то докончилъ гарнизонъ. Пользуясь смятеніемъ, австрійскіе солдаты, не привыкшіе къ субординаціи, пускались на грабежъ; неистовства ихъ надъ бѣдными жителями умножали общее бѣдствіе. Напрасно дрезденцы старались скрыть свои сокровища въ крѣпкихъ кладовыхъ и подъ землею: защитники сами отнимали у нихъ послѣднее достояніе. Вскорѣ цвѣтущій, красивѣйшій городъ Германіи — обратился въ печальный остовъ, напоминавшій только о прежнемъ величіи и богатствѣ!

Наконецъ Даунъ опомнился и явился подъ Дрезденомъ. Со стороны Эльбы устроилъ онъ сообщеніе съ городомъ и посылалъ туда цѣлые корпуса на подкрѣпленіе. Начались вылазки и безпрерывныя стычки. Всѣ предпріятія Фридриха были неуспѣшны: онъ терялъ терпѣніе. Онъ сдѣлался безпощаденъ даже къ своему войску. Въ одномъ изъ австрійскихъ нападеній, Бернбургскій пѣхотный полкъ былъ вытѣсненъ изъ траншеи. Фридрихъ приписалъ этотъ случай недостатку храбрости своихъ солдатъ. Весь полкъ былъ примѣрно наказанъ: у простыхъ солдатъ отняты тесаки и нашивки, офицеры лишены позументовъ на шляпахъ. Храбрый полкъ сдѣлался посмѣшищемъ цѣлой арміи. Между тѣмъ смѣлыя вылазки австрійцевъ угрожали даже главной квартирѣ короля: онъ принужденъ былъ перемѣнить позицію и съ этой перемѣной лишился послѣднихъ выгодъ надъ непріятелемъ Сверхъ того, въ арміи оказался недостатокъ въ продовольствіи и военныхъ припасахъ, а Даунъ, владѣя Эльбою. захватывалъ всѣ прусскія барки, шедшія съ транспортами. Въ тоже время изъ Силезіи приходили самыя неблагопріятныя вѣсти: Лаудонъ овладѣлъ Глацомъ почти безъ сопротивленія. Все это понудило короля оставить осаду Дрездена и поспѣшить на выручку Силезіи.

Дешевая добыча Глаца ободрила Лаудона на дальнѣйшія предпріятія. Онъ осадилъ Бреславль. Комендантъ крѣпости, генералъ Тауэнціенъ находился въ затруднительномъ положеніи. Весь гарнизонъ его состоялъ изъ 3000 человѣкъ. Двѣ трети изъ нихъ были ненадежны,—онъ могъ полагаться только на батальонъ королевской лейбгвардіи, помѣщенный въ Бреславль послѣ Коллинскаго сраженія. Остальные солдаты были наемники, иностранцы, недовольные скуднымъ жалованьемъ и военной строгостію прусской слжубы Сверхъ того, въ городѣ находилось 9000 австрійскихъ плѣнныхъ, которые при первомъ удобномъ случаѣ, могли возмутиться Не смотря на то, Тауэнціенъ принялъ самыя дѣятельныя мѣры для обороны крѣпости и для сохраненія спокойствія въ городѣ. Лаудонъ потребовалъ сдачи Бреславля. Комендантъ собралъ всѣхъ офицеровъ и убѣдилъ ихъ поддержать честь прусскаго оружія. Всѣ поклялись умереть на укрѣпленіяхъ, но не сдаваться

Началось бомбардированіе. Цѣлый кварталъ и королевскій дворецъ сдѣлались добычею пламени Лаудонъ вторично вызывалъ на капитуляцію и грозилъ, въ противномъ случаѣ, «не пощадить даже младенца въ утробѣ матери».—«Мы, слава Богу, не беременны!»—отвѣчалъ комендантъ, и такъ удачно навелъ свои пушки, что ядра падали на кровлю главной квартиры австрійскаго генерала. Чрезъ нѣсколько дней принцъ Генрихъ, наблюдавшій за русскими, пришелъ на помощь Бреславлю. Лаудонъ снялъ осаду. Принцъ занялъ его позицію.

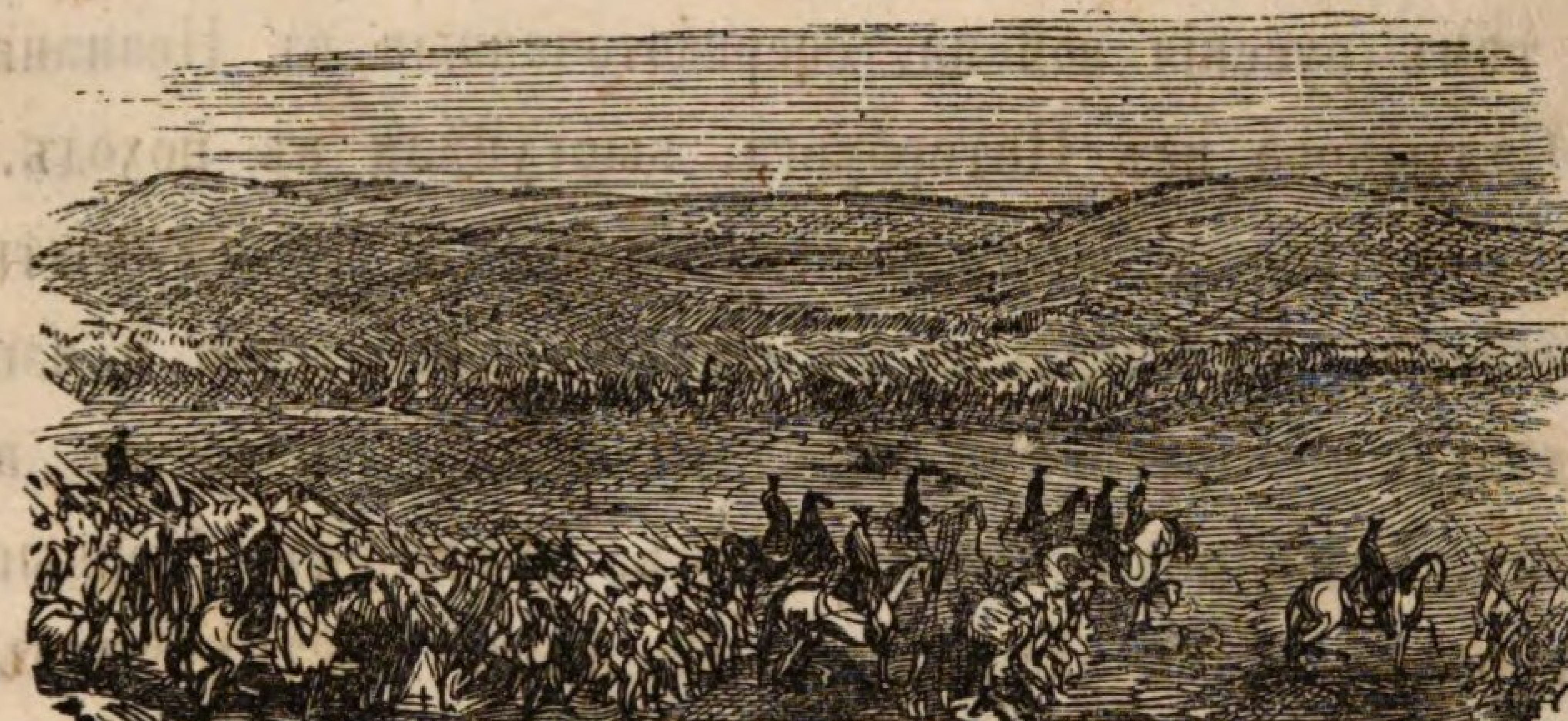

Между тѣмъ русскія войска, сосредоточенныя въ Познани, тотчасъ по возвращеніи Салтыкова изъ Петербурга, выступили въ походъ. Въ Каминѣ и Сарадѣ были устроены обширные магазины. По дорогѣ взяты города Кеслинъ, Грейфенбергъ, Ригенвольде, съ добычей артиллеріи и запасовъ. Малая война съ отдѣльными прусскими отрядами велась во время всего похода. Кн. Волконскій, Румянцевъ, графы Брюсъ, Тотлебенъ, Чернышевъ и Ферморъ были героями этихъ экспедицій. Въ іюнѣ шестидесятитысячная наша армія приблизилась къ Силезіи, гдѣ, по предварительному соглашенію, она должна была подъ Бреславлемъ соединиться съ Лаудономъ. Передовые ея отряды уже достигали до Одера.

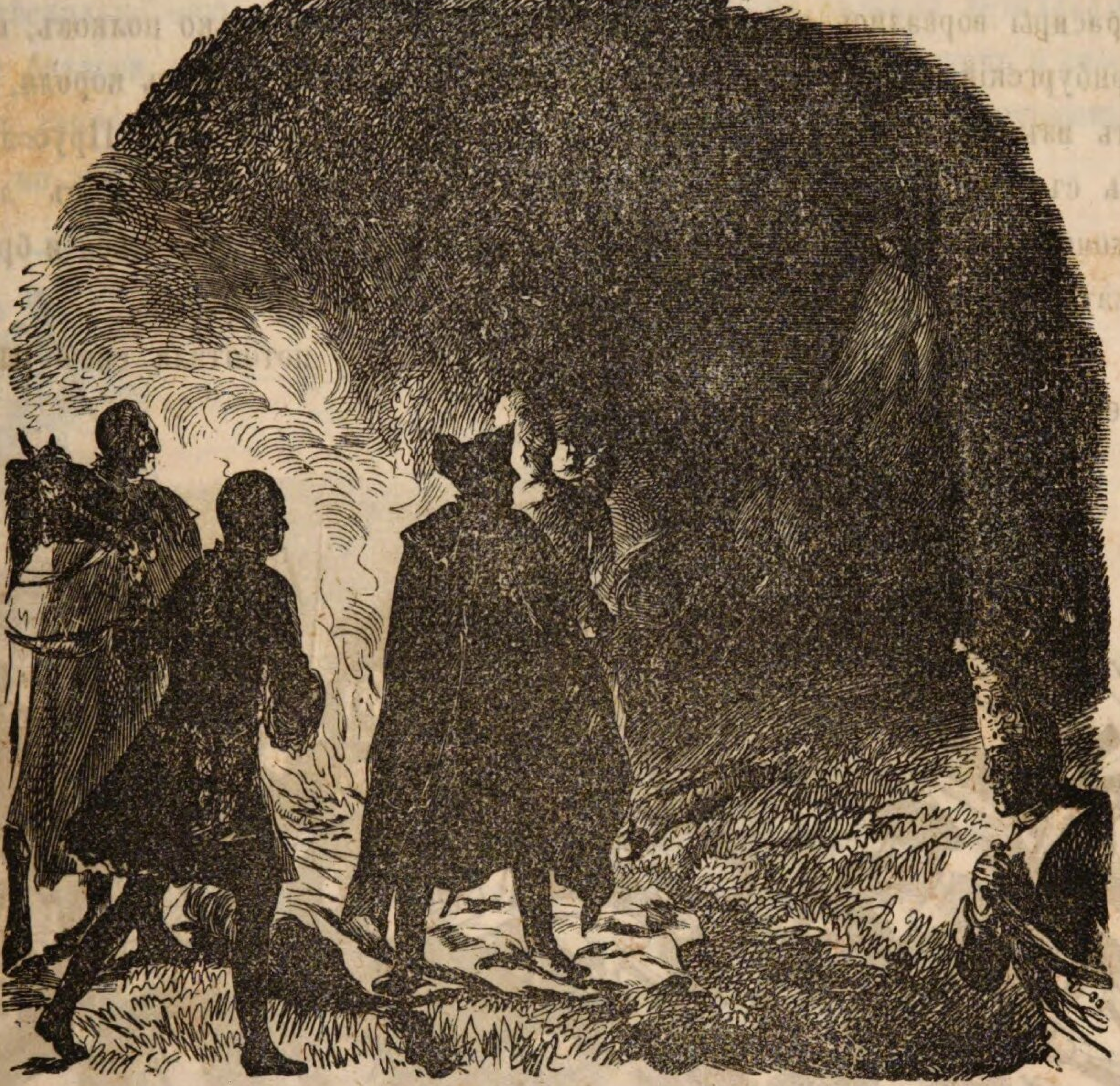
Критическая минута для Фридриха наступила. Соединеніе русскихъ съ австрійцами могло нанесть ему рѣшительный ударъ. Медлить было невозможно. Ночью, 30-го іюля онъ снялъ осаду Дрездена и пошелъ въ Силезію. Даунъ опередилъ его; а Ласси слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь. Одного Фридрихъ гналъ передъ собою, отъ другого самъ отбивался. Такъ шелъ онъ впередъ безъ остановки. Враги окружали его, тревожили, но не отваживались на битву. У Лигница король остановился: здѣсь была точка соединенія всѣхъ его непріятелей. Русскіе между тѣмъ приближались къ Бреславлю. Можно себѣ представить удивленіе Салтыкова, когда онъ, вмѣсто австрійцевъ, встрѣтилъ прусское войско подъ Бреславлемъ. Всѣ дѣйствія Дауна не согласовались съ предварительными условіями русскаго фельдмаршала. Салтыковъ остановился за Оде-

ромъ. Негодованіе его еще больше увеличилось, когда онъ узналъ, что австрійцы допустили Фридриха безпрепятственно переправиться чрезъ Эльбу, Шпре, Боберъ и дойти до Лигница. «Еще нѣсколько контръ-маршей, говорилъ Салтыковъ, и король прусскій будетъ за Одеромъ. Тогда намъ придется расплачиваться за промахи австрійскихъ генераловъ. Но я до того не допущу. Если корпусъ Лаудона не пристанетъ къ намъ и не прикроетъ Одера, я тотчасъ же отступлю въ Польшу!»

Эта угроза сильно подѣйствовала на Дауна. Онъ рѣшился немедленно дать Фридриху битву, вступилъ по этому въ переговоры съ Салтыковымъ и выпросилъ русскій корпусъ гр Чернышева для подкрѣпленія Лаудона. Планъ Дауна былъ атаковать пруссаковъ при Лигницѣ, гдѣ король занималъ самую невыгодную позицію. Ласси угрожалъ ему съ тыла, Даунъ съ праваго крыла и съ фронта, а Лаудонъ и Чернышевъ съ лѣваго фланга. Между этими опасностями Фридрихъ извивался съ своимъ войскомъ, какъ змѣя; каждую ночь перемѣнялъ онъ позицію и сбивалъ непріятелей съ толку.

Четырнадцатаго августа австрійцы тщательно изслѣдовали лагерь Фридриха. Онъ былъ со всѣхъ сторонъ открытъ для приступа. «Мѣшокъ готовъ!» восклицали они: «стоитъ только посадить въ него пруссаковъ и стянуть концы!» Король узналъ объ этомъ отъ переметчика. «Австрійцы разсчитали недурно!» сказалъ онъ своимъ генераламъ за ужиномъ: «но я прорву имъ такую дыру въ мѣшкѣ, что нескоро починятъ!» Приказавъ крестьянамъ поддерживать огонь въ кострахъ лагеря, онъ ночью тихо снялся съ позиціи, провелъ свое войско на Фафендорфскія высоты и размѣстилъ его тамъ въ боевомъ порядкѣ. Ночь была тихая, чудесная. Солдаты, съ ружьями въ рукахъ, расположились на травѣ. Самъ король прилегъ на плащѣ своемъ передъ огнемъ и скоро заснулъ. Цитенъ, сидя у ногъ его на барабанѣ, наблюдалъ за тишиною. Вдругъ маіоръ Гундъ прискакалъ во весь опоръ и крикомъ «непріятель!» разбудилъ короля.

Фридрихъ быстро вскочилъ на лошадь и велѣлъ ударить тревогу. Принявъ команду надъ лѣвымъ крыломъ, на которое шелъ непріятель, онъ отправилъ на правое Цитена. Лаудонъ предводительствовалъ австрійцами. Незная о перемѣнѣ позиціи пруссаковъ, онъ хотѣлъ овладѣть ихъ обозомъ. Чтобъ нападеніе было неожиданнѣе и вѣрнѣе, онъ пустился на лагерь Фридриха безъ авангарда, но самъ попалъ съ свою ловушку: передъ нимъ стояла вся прусская армія въ правильныхъ линіяхъ. Идти назадъ было невозможно. Онъ сталъ развертывать свое войско, но вездѣ встрѣчалъ препятствія отъ невыгоднаго мѣстоположенія. Громъ орудій открылъ битву на разсвѣтѣ. Австрійская кавалерія ударила на пруссаковъ, но была отражена. Тогда пѣхота обоихъ войскъ пошла навстрѣчу другъ другу. Пруссаки выдержали мелкій огонь, австрійцы пошатнулись. Въ эту минуту прусская кавалерія ворвалась въ ея ряды и взяла множество плѣнныхъ. Но эти первые успѣхи ни къ чему не послужили. У Лаудона было 35,000 человѣкъ, тогда какъ лѣвое прусское крыло состояло только изъ 14,000. Австрійцы возобновляли свои нападенія свѣжими силами, но пруссаки мужественно выдерживали атаки, несмотря на то, что ряды ихъ начали видимо рѣдѣть. Лаудонъ испыталъ послѣднее средство;

еще разъ повелъ онъ лично свою тяжелую кавалерію на прусскую пѣхоту. Кирасиры ворвались въ ряды и разстроили было нѣсколько полковъ, но тутъ Бернбургскій полкъ, горя желаніемъ снова заслужить милость короля, выступилъ изъ второй линіи и пошелъ на австрійцевъ въ штыки. Пруссаки дрались съ отчаяніемъ: австрійскіе всадники какъ снопы валились съ лошадей. Наконецъ ихъ стѣснили такъ, что они не могли даже обороняться и бросились бѣжать. Храбрый полкъ преслѣдовалъ ихъ съ неистовствомъ.

Въ бѣгствѣ своемъ австрійская кавалерія потоптала свою пѣхоту и увлекла ее съ собою.

Побѣда была одержана. Солнце только что выплыло изъ за горъ. Въ ближней деревнѣ пробило шесть часовъ. Теперь Фридрихъ поскакалъ на правое свое крыло, гдѣ тоже завязывалось дѣло. По плану Дауна, корпусъ Лаудона долженъ былъ атаковать прусскій лагерь съ тыла, а онъ самъ хотѣлъ напасть на его правый флангъ. Прибывъ на мѣсто, Даунъ нашелъ, что прусскій лагерь оставленъ. «Непріятель бѣжалъ», — сказалъ онъ,—«надо его преслѣдовать!» Чтобъ настигнуть прусскую армію, ему слѣдовало переправиться чрезъ, такъ называемую, *Черную рѣчку*, болотистый, широкій ручей, впадающій близъ Лигница въ Кацбахъ. Цитенъ это предвидѣлъ и принялъ свои мѣры. По его приказанію всѣ мосты были разрушены и оставленъ только одинъ. Противъ этаго моста, онъ выставилъ на возвышеніи двѣ батареи, скрытыя кустарниками. Когда одна треть Дауновой арміи переправилась и стала строиться, онъ открылъ по ней такой страшный перекрестный огонь, что испуганная пѣхота бросилась бѣжать. Прусская конница погналась за нею, затоптала большую часть въ тину Черной рѣчки, а остальныхъ захватила въ плѣнъ. Даунъ от-

рядилъ нѣсколько новыхъ баталіоновъ, подъ прикрытіемъ сильной артиллеріи. Прусскія батареи начали цѣлить въ пушки, сбили ихъ съ лафетовъ и скоро заставили замолчать. Тогда австрійская пѣхота кинулась на эти страшныя батареи, но цитенскіе гусары разсѣяли и истребили смѣльчаковъ.

Даунъ не зналъ, что дѣлать. Объ Лаудонѣ онъ не имѣлъ никакого извѣстія. Вѣтеръ относилъ шумъ сраженія въ другую сторону, только по сильному дыму на горизонтѣ могъ онъ заключить, что тамъ случилось что нибудь важное. Вдругъ въ прусскомъ станѣ раздались побѣдные выстрѣлы и громкіе крики: *викторія*! Тогда австрійскій военачальникъ понялъ въ чемъ дѣло. Поспѣшно отступилъ онъ назадъ и переправился снова чрезъ Кацбахъ, который на разсвѣтѣ только что перешелъ.

Фридрихъ былъ чрезвычайно обрадованъ побѣдою. Послѣ многихъ неудачъ счастье въ первый разъ ему улыбнулось. Съ веселымъ видомъ проѣзжалъ

онъ по рядамъ своихъ полковъ и благодарилъ солдатъ. На лѣвомъ флангѣ былъ выстроенъ Бернбургскій полкъ. «Спасибо, дѣти!» сказалъ король, подскакавъ къ нему;—«спасибо! Вы славно исполнили свое дѣло. Я возвращу вамъ все отнятое!» — Флюгельманъ выступилъ впередъ и благодарилъ Фридриха отъ имени всего полка. «Мы знали, говорилъ онъ, что нашъ король строгъ, но справедливъ, и старались загладить проступокъ!» — «Все забыто, дѣти! объ старомъ не будетъ помину»,—отвѣчалъ Фридрихъ;—«но сегодняшняго дѣла я не забуду!» — Тогда солдаты кинулись къ нему, обнимали колѣна, цѣловали руки и старались оправдаться, говоря, что причиною отступленія подъ Дрезденомъ были ихъ начальники. Фридрихъ снисходительно слушалъ ихъ оправданія и обѣщалъ вознаградить ихъ временный позоръ будущими почестями.

Двадцать три знамени, два штандарта и 82 пушки составляли трофеи Лигницкой побѣды. Австрійцы лишились 10,000 человѣкъ, пруссаки потеряли только 3500. Побѣда эта ничего бы не значила, еслибъ непріятели, вспомня свое преимущество надъ прусской арміей, приступили немедленно къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Но каждое пораженіе черезчуръ ихъ озадачивало, каждая побѣда слишкомъ радовала. А Фридрихъ, не привыкшій дѣлать дѣло въ половину, пользовался ихъ медленностію. Здѣсь ясно обнаруживалась выгода личнаго предводительствованія самого монарха, которое Фридрихъ въ сочиненіяхъ своихъ *(см. стр. 229)* почитаетъ необходимымъ. Непріятельскіе вожди воевали за чужіе интересы, а онъ за свои собственные. Одержавъ Лигницкую побѣду, онъ не успокоился на лаврахъ, по примѣру своихъ противниковъ, но торопился воспользоваться ея выгодами. Въ тотъ-же день, не давая войску отдыха, онъ прошелъ съ нимъ три мили, а чрезъ два дни онъ примкнулся къ арміи принца Генриха, подъ Бреславлемъ. Даунъ ретировался въ горы, прикрывая границы Богеміи; а Салтыковъ, потерявъ охоту долѣе стоять въ бездѣйствіи, вызвалъ войска свои за Одеръ и отступилъ Замыселъ соединенія двухъ враждебныхъ армій не удался.

Фельдмаршалъ Даунъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ТРЕТЬЯ.

Окончаніе кампаніи 1760 года.

БЕРЛИНЪ. ТОРГАУ.

Побѣду при Лигницѣ Фридрихъ называлъ только *улыбкою счастія.* И дѣйствительно, обстоятельства его вскорѣ приняли самый печальный видъ. Салтыковъ хотѣлъ зимовать въ Помераніи; а потому, пока военныя операціи происходили въ Силезіи, явился подъ стѣнами Кольберга русскій флотъ, состоявшій изъ 27 военныхъ судовъ, и высадилъ значительное войско, которое тотчасъ-же приступило къ осадѣ города. Гарнизонъ Кольберга былъ ничтоженъ, но при умѣ и твердости своего коменданта, полковника Гейдена, онъ оказывалъ чудеса.

Всѣ усилія русскихъ съ моря и съ сухаго пути были напрасны. Нѣсколько недѣль прошли безъ всякаго успѣха. Наконецъ прибылъ еще маленькій шведскій флотъ на подкрѣпленіе русскихъ. Но и это не пособило. Гейденъ выдерживалъ непріятельскій огонь и отражалъ каждый ихъ приступъ. Вдругъ, совсѣмъ нежданно явился къ нему на помощь генералъ Вернеръ, который съ

невѣроятной быстротой привелъ изъ Силезіи 6000 человѣкъ, по большей части гусаръ. Эта горсть людей своимъ неожиданнымъ нападеніемъ произвела страшную суматоху въ станѣ осаждающихъ. Русскіе, полагая, что большая прусская армія обошла ихъ съ тылу, поспѣшно сняли осаду. Одна часть бросилась на корабли, которые тотчасъ же оставили померанскіе берега, другая была преслѣдуема пруссаками и съ большою потерею отступила.

Послѣ этой экспедиціи Вернеръ отправился въ шведскую Померанію противъ шведовъ.

Арміи Дауна и Фридриха стояли между тѣмъ рядомъ, въ бездѣйствіи. Первая занимала лагерь при Дитмансдорфѣ, вторая близъ Швейдница. Фланги ихъ почти соприкасались; ежедневно происходили маленькія стычки, но до важнаго дѣла недоходило. Оба полководца сторожили другъ друга. Фридрихъ былъ недоволенъ: онъ тратилъ время въ утомительномъ спокойствіи, тогда, какъ присутствіе его было необходимо въ другихъ мѣстахъ. Имперская армія проникла въ Саксонію: Лейпцигъ, Торгау и Виттенбергъ были завоеваны безъ труда; незначительный корпусъ генерала Гюльзена, оставленный на прикрытіе Саксоніи, не могъ состязаться съ такимъ значительнымъ войскомъ: онъ былъ вытѣсненъ. Герцогъ Карлъ Виртембергскій въ тоже время вошелъ въ Магдебургскую провинцію, собиралъ контрибуцію и опустошалъ страну Фридрихъ ежедневно получалъ эти печальныя вѣсти и не смѣлъ располагать своимъ войскомъ, не могъ подать помощи утѣсненнымъ: самъ онъ держалъ въ засадѣ Дауна, а генералъ Гольцъ, близъ Глогау, наблюдалъ за Салтыковымъ.

Осень приближалась. Погода становилась ненастная. Обѣ императорскія арміи не успѣли соединиться, не совершили ничего рѣшительнаго; а между тѣмъ приходилось уже думать о зимнихъ квартирахъ. Даунъ рѣшился воспользоваться послѣдними выгодами, которыя могло еще представить положеніе обѣихъ армій. Начались переговоры съ русскимъ фельдмаршаломъ и наконецъ было положено отправить на Берлинъ по отдѣльному корпусу съ каждой стороны. Изъ австрійскаго стана пошелъ графъ Ласси съ 14,000 человѣкъ; Салтыковъ отрядилъ графа Захара Григорьевича Чернышева съ 20,000 корпусомъ. Чернышевъ быстро двинулся на Берлинъ. Графъ Тотлебенъ командовалъ авангардомъ. Выступя изъ Бейтена (въ Силезіи), онъ въ шесть дней совершилъ походъ чрезъ Губенъ, Бесковъ, Вустергаузенъ и 3-го октября (22-го сентября) явился передъ столицей Пруссіи. Остальная часть корпуса Чернышева слѣдовала за нимъ; въ тоже время отдѣльный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика Панина, шелъ на соединеніе съ ними, чрезъ Франкфуртъ.

Берлинъ въ то время былъ обнесенъ валомъ, защищеннымъ палисадами. Весь гарнизонъ его состоялъ изъ 1,500 человѣкъ. Королевская фамилія давно уже переѣхала въ Магдебургъ: но въ столицѣ было много плѣнныхъ и прусскихъ генераловъ, которые лечились отъ своихъ ранъ. Комендантъ Роховъ хотѣлъ сдать городъ, желая спасти его отъ бомбардированія, но другіе генералы на это не соглашались. Въ особенности Сейдлицъ и старикъ Левальдъ настаивали, чтобъ городъ защищали до послѣдней возможности. Передъ воротами были наскоро сдѣланы земляные валы, за ними построили

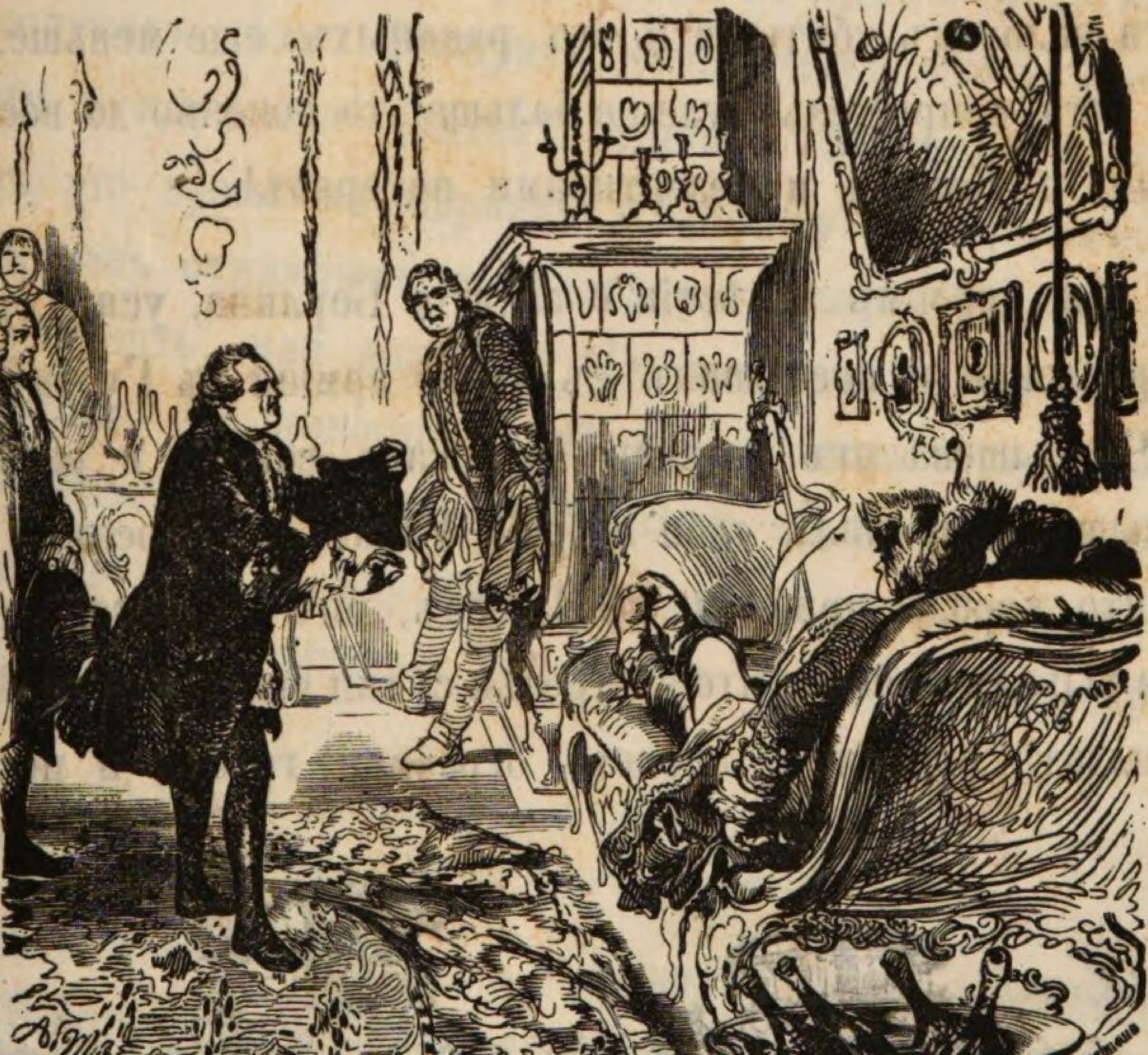
деревянные помосты, съ которыхъ можно было дѣйствовать мелкимъ оружіемъ. Всю тяжелую артиллерію выдвинули изъ арсенала на защиту, а гонцы поскакали по всѣмъ направленіямъ съ вѣстію объ угрожавшей опасности.

Берлинъ приготовился къ отчаянной оборонѣ. Команду надъ редутами, внѣ городскаго вала, приняли на себя генералы Сейдлицъ, Левальдъ и Кноблаухъ: они рѣшились умереть геройской смертію, предъ воротами своей столицы.

Графъ Тотлебенъ, тотчасъ по прибытіи, занялъ всѣ дороги отъ Кепеника, Котбуса и Бранденбургскихъ воротъ. Между двумя послѣдними дорогами онъ поставилъ батарею, на возвышеніи, командовавшемъ надъ городомъ. Поручикъ Чернышевъ былъ посланъ съ требованіемъ сдачи города Послѣдовалъ отказъ. Началось бомбардированіе городскихъ воротъ и самаго города. Пожары вспыхивали тамъ и сямъ, но ихъ скоро тушили. Въ продолженіе пяти часовъ Берлинъ выдержалъ самую сильную бомбардировку и не сдался. Въ полночь подполковникъ князь Прозоровскій и мэіоръ Паткуль повели своихъ людей на штурмъ Бранденбургскихъ и Котбусскихъ воротъ. Но прусскія пушки дѣйствовали такъ сильно, что предпріятіе осталось безъ успѣха. На слѣдующее утро пришло извѣстіе, что принцъ Евгеній Виртембергскій идетъ изъ Темплина на помощь къ Берлину. Боясь попасть между двухъ огней, Тотлебенъ ретировался къ Кепенику и взялъ этотъ городъ. Принцъ Евгеній хотѣлъ преслѣдовать Тотлебена, но весь корпусъ графа Чернышева успѣлъ уже съ нимъ соединиться. Между тѣмъ подоспѣлъ къ Берлину и генералъ Гюльзенъ, вытѣсненный изъ Саксоніи. Оба предводителя расположились предъ Ландсбергскими и Кепеникскими воротами и тутъ рѣшились ожидать непріятеля Онъ не заставилъ ждать себя долго. Графъ Чернышевъ двинулся противъ принца Евгенія, а Тотлебенъ съ 3,000 человѣкъ пошелъ на Гюльзена. Распоряженія Чернышева были отличны: русскія крылья обхватывали весь городъ, рѣка Шпре находилась въ ихъ рукахъ и прусскимъ войскамъ былъ оставленъ только одинъ путь къ отступленію. Не смотря на то, дѣло непремѣнно дошло бы до битвы, но приближеніе графа Ласси съ австрійцами

заставило прусскихъ генераловъ отступить къ Шпандау. Берлинъ остался безъ защиты: комендантъ просилъ о капитуляціи. 9-го октября (сентября 28-го) Чернышевъ торжественно вступилъ въ Берлинъ. Всѣ распоряженія въ городѣ были поручены графу Тотлебену. Нѣмецкіе историки единогласно сознаются, что никогда еще счастливый завоеватель не поступалъ такъ великодушно и умѣренно съ столицею своего врага, какъ графъ Чернышевъ и Тотлебенъ поступили съ Берлиномъ. Строжайшій порядокъ господствовалъ въ русскомъ войскѣ; за всѣ его потребности платили щедро: солдаты вели себя не только скромно, но даже дружелюбно въ отношеніи къ пруссакамъ. Одни австрійцы, которымъ, по настоятельному требованію Ласси, Чернышевъ принужденъ былъ дозволить занять три берлинскія предмѣстія, производили по ночамъ грабежи, вламывались въ домы, терзали, мучили, даже убивали жителей. Тотлебенъ вытребовалъ 2,000,000 талеровъ контрибуціи. Третья часть была выплачена наличными деньгами, на остальное прусское купечество выставило векселя, за поручительствомъ богатаго банкира Гоцковскаго, который, какъ истинный патріотъ, жертвовалъ всѣмъ состояніемъ для спасенія роднаго города. Примѣръ его возбудилъ соревнованіе остальныхъ гражданъ. Онъ велъ всѣ переговоры съ Тотлебеномъ.

Затѣмъ были разрушены всѣ пороховыя мельницы, литейные заводы и фабрики, работавшія на войско. Изъ арсеналовъ выбрали орудія и другіе военные припасы. Словомъ, все, что могло служить Фридриху для продолженія войны, было уничтожено. Уцѣлѣлъ одинъ только ружейный заводъ въ Потсдамѣ, гдѣ стоялъ австрійскій генералъ Эстергазе, строго наблюдавшій за неприкосно-

венностію королевской собственности, какъ въ Потсдамѣ, такъ и въ Сан-Суси. Зато дворцы Шенгаузенскій и Шарлоттенбургскій были начисто разграблены саксонцами и пандурами. Въ неистовствѣ солдаты не щадили ничего; срывали драгоцѣнные обои, рубили въ куски картины, били фарфоръ и зеркала, обезображивали статуи. Даже святыня храма не спаслась отъ ихъ поруганія: въ придворной церкви они изломали въ куски дорогой органъ и расхитили золотую утварь. Таже участь постигла и рѣдкій кабинетъ антиковъ, купленный Фридрихомъ по смерти кардинала Полиньяка.

Впрочемъ, экспедиція на Берлинъ, которая представляется дѣломъ блистательнымъ въ семилѣтней войнѣ, была въ сущности не такъ важна сама по себѣ, какъ по своимъ послѣдствіямъ. Еслибъ непріятели воспользовались ею, какъ слѣдуетъ, она нанесла бы рѣшительный ударъ Фридриху. Экспедиція эта была ничто иное, какъ ловкій маневръ, которымъ хотѣли выманить Фридриха въ Бранденбургію, сосредоточить здѣсь его войска, и развязать себѣ руки въ Силезіи, Саксоніи и Помераніи. Въ этомъ отношеніи она вполнѣ удалась, и притомъ, благодаря мудрымъ распоряженіямъ Чернышева, весьма недорого стоила Россіи. «Свѣтъ съ трудомъ повѣритъ,»—пишетъ графъ Чернышевъ,—«что сія столь важная и для общаго дѣла полезная экспедиція не стоила здѣшней арміи ста человѣкъ убитыми и что раненыхъ еще меньше. Напротивъ того неоспоримо, что непріятель, буде не больше, то конечно до восьми тысячь человѣкъ убитыми, плѣнными и дезертирами потерялъ!»

Фридрихъ, при первомъ извѣстіи о занятіи Берлина, усилилъ гарнизоны Швейдница и Бреславля и поспѣшилъ съ своей арміей въ Губенъ, чтобъ отрѣзать корпусъ Чернышева отъ главнаго русскаго войска и разбить его на голову. Но Чернышевъ принялъ свои мѣры. Узнавъ, на восьмой день послѣ взятія Берлина, что король прибылъ въ Губенъ, онъ съ такой поспѣшностію очистилъ городъ и вывелъ войско, что на третьи сутки былъ уже во Франкфуртѣ. Австрійцы, по выходѣ русскихъ, наскоро ограбили городъ и поспѣшили въ

Саксонію. Дорогою, проходя Вильмерсдорфомъ, имѣніемъ Швериновъ, они вскрыли фамильный склепъ, вытащили мертвыхъ изъ гробовъ, обобрали ихъ и бросили въ поле. Примѣръ варварства, неслыханный даже между готентотами и жителями Маркизскихъ острововъ!

Даунъ, которому походъ Фридриха въ Бранденбургію очистилъ поле дѣйствія, немедленно выступилъ въ Саксонію и занялъ неприступный лагерь, тотъ самый, въ которомъ въ предшествовавшемъ году принцъ Генрихъ такъ превосходно выдержалъ всѣ непріятельскія атаки. Вся Саксонія была теперь въ рукахъ австрійцевъ и имперцевъ. Фридрихъ, узнавъ о ретирадѣ русскихъ изъ Берлина, поворотилъ назадъ. Онъ долженъ былъ непремѣнно овладѣть Саксоніей, иначе непріятели могли пріобрѣсть надъ нимъ рѣшительный перевѣсъ. Отъ успѣха этого похода зависѣло все: если Даунъ его разобьетъ или удержится въ Саксоніи, тогда русскіе немедленно проникнутъ въ Бранденбургскія владѣнія и тамъ займутъ зимнія квартиры. Фридрихъ рѣшился дѣйствовать на пропалую. Салтыковъ сильно занемогъ и получилъ позволеніе отправиться въ Познань. Вмѣсто его былъ посланъ къ арміи новый фельдмаршалъ, графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ. Несмотря на ненастную и холодную погоду, Бутурлинъ медлилъ выступленіемъ на зимнія квартиры: онъ ждалъ развязки саксонскихъ дѣлъ. Фридрихъ чувствовалъ всю важность новаго своего предпріятія и какъ при Лейтенѣ ставилъ карту *ва банкъ!* Вотъ что писалъ онъ въ это время къ маркизу д'Аржансу: «Я похожъ на тѣло, у котораго каждый день отнимаютъ по больному члену. Еще одна операція и все кончено:—или смерть, или спасеніе! Да поможетъ намъ Богъ, теперь Его помощь необходима! Но никогда не рѣшусь я заключить невыгодный миръ. Никакія обстоятельства, никакое краснорѣчіе не принудятъ меня подписать собственный позоръ. Или я паду подъ развалинами отечества, или, если судьба отниметъ у меня и это утѣшеніе, я съумѣю самъ положить предѣлъ своему несчастію.

«Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'éspoir,
La vie est un opprobre, et la mort un devoir.»

Первыя движенія Фридриха въ Саксоніи были увѣнчаны успѣхомъ. Витенбергъ и Лейпцигъ опять достались въ его руки. Имперская армія, не соединясь съ австрійцами, отступила къ Тюрингіи. Оставался одинъ, но самый страшный непріятель,. Даунъ Фридрихъ созвалъ генераловъ своихъ на военный совѣтъ Онъ предлагалъ напасть на лагерь Дауна и спрашивалъ ихъ мнѣнія. Всѣ молчали. Въ такомъ отчаянномъ дѣлѣ легче было повиноваться, чѣмъ совѣтовать. «Стало быть вы почитаете это предпріятіе невозможнымъ?» сказалъ король, послѣ нѣкотораго молчанія. Тогда Цитенъ

выступилъ впередъ съодушевленнымъ лицомъ: «Все возможно!» воскликнулъ онъ, «хотя и кажется труднымъ. Испытаемъ и увидимъ!»— Король пожалъ ему руку и дѣло было рѣшено. Фридрихъ хотѣлъ атаковать австрійскій станъ съ тыла и съ фронта въ одно время; стѣснить ихъ фланги къ центру и, пользуясь безпорядкомъ, нанесть рѣшительный ударъ. Исполненіе этаго плана было сопряжено съ большими затрудненіями, но при успѣхѣ могло уничтожить всю армію Маріи-Терезіи. Даунъ имѣлъ 64,000 войска, стоялъ въ самой выгодной позиціи: лѣвое крыло его примыкало къ Эльбѣ, правое было защищено высотами, на которыхъ находились страшныя батареи, фронтъ прикрывали лѣсъ и болота. Но Фридрихъ основывалъ свои виды на тѣсномъ пространствѣ австрійскаго лагеря, гдѣ, въ случаѣ нападенія, нельзя было съ успѣхомъ развернуть всѣ силы.

Рано утромъ, 3-го октября, онъ выступилъ въ походъ четырьмя колоннами. Армія его была раздѣлена на двѣ части; одну онъ самъ велъ на непріятельскій фронтъ; другую велъ Цитенъ къ деревнѣ Синтицъ, откуда съ возвышеній могъ дѣйствовать въ тылъ врагамъ. Дорога пролегала Торгаускимъ лѣсомъ. По уговору, Цитенъ не прежде долженъ былъ вступить въ битву, пока услышитъ, что король завязалъ уже дѣло съ непріятелемъ. Въ лѣсу Фридрихъ встрѣтилъ австрійскій драгунскій полкъ, занимавшій аванпостъ. Совершенно неожиданно драгуны очутились между двумя прусскими колоннами и, по слабомъ сопротивленіи, принуждены были сдаться въ плѣнъ. Около полудня король обошелъ лѣвый флангъ Даунова лагеря и достигъ до опушки лѣса. Въ это время съ противуположной стороны раздались пушечные выстрѣлы. Цитенъ наткнулся на непріятельскій форпостъ и принужденъ былъ выдвинуть противъ него нѣсколько орудій. Король, полагая, что Цитенъ вступилъ уже въ дѣло, спѣшилъ съ авангардомъ своимъ выдти изъ лѣса, не дожидаясь остальнаго войска, и также атаковать непріятеля. Эта ошибка едва не лишила его всей надежды на успѣхъ. Когда пруссаки вышли изъ лѣсу, ихъ встрѣтилъ огонь изъ 200 орудій. Пять баталіоновъ и всѣ канонеры легли на мѣстѣ прежде, чѣмъ успѣли сдѣлать выстрѣлъ. Казалось, весь адъ открылъ свои нѣдра, извергая тысячи смертей. Канонада была такъ сильна, что съ первыхъ десяти выстрѣловъ густыя тучи на небѣ разсѣялись и день

прояснѣлъ. Земля застонала и съ столѣтнихъ дубовъ посыпались вершины и сучья на прусскихъ солдатъ, которые пробирались лѣсомъ.

Фридрихъ принужденъ былъ слѣзть съ коня и пѣшкомъ вести солдатъ въ атаку. Смѣло, бодро шли пруссаки впередъ, смыкая свои ряды, въ которыхъ ядра прорывали широкія полосы. Такъ взошли они на возвышенія и овладѣли непріятельскими батареями. Несмотря на всѣ усилія австрійской пѣхоты, прусскіе гренадеры держались крѣпко и страшно мстили за смерть своихъ товарищей. Тогда Даунъ послалъ своихъ кирасировъ въ дѣло. Латники врубились въ ряды пруссаковъ и погнали ихъ назадъ. Между-тѣмъ подоспѣла и прусская кавалерія. Атака возобновилась. Обѣ арміи сблизились на выстрѣлъ. Начался перекрестный огонь. Фридрихъ ободрялъ своихъ солдатъ. Бой длился, обѣ стороны дрались съ равнымъ успѣхомъ, побѣда оставалась нерѣшительною. Подъ Фридрихомъ была убита лошадь. Когда онъ пересѣлъ на другую, пуля поразила его въ грудь и онъ упалъ на землю. Адъютанты подскочили къ нему: онъ лежалъ безъ чувства, кровь струилась. Его хотѣли уже отнесть за фронтъ, но вдругъ онъ пришелъ въ себя, самъ привсталъ на ноги и потребовалъ лошадь. «Ничего! ничего! друзья мои!» сказалъ онъ адъютантамъ и опять началъ распоряжаться битвою. На немъ были бархатный сюртукъ и шуба; они ослабили силу удара и пуля только слегка оцарапала ему грудь.

Прусская конница привела въ разстройство непріятельскую пѣхоту; нѣсколько полковъ были взяты въ плѣнъ; успѣхъ склонялся на сторону Фридриха. Но тутъ австрійскіе драгуны и кирасиры кинулись съ такимъ неистовствомъ во фланги прусскихъ гусаръ, что заставили ихъ отступить и преслѣдовали до самаго лѣса. Новыя попытки къ атакѣ были неуспѣшны. Даунъ могъ поздравить себя съ побѣдою. Темная, осенняя ночь наступила и бой пре-

кратился. Но Фридрихъ не хотѣлъ уступить побѣды. Онъ вывелъ своихъ людей въ Плауэнскую долину и тамъ расположилъ ихъ въ боевой порядокъ, чтобы съ разсвѣтомъ снова начать сраженіе. Самъ онъ отправился въ ближнюю

деревню. Тамъ всѣ избы были наполнены ранеными и онъ долженъ былъ помѣститься въ сельской церкви. На ступеняхъ престола, при слабомъ свѣтѣ лампады, онъ написалъ карандашомъ нужныя депеши.

Потомъ ему перевязали рану. Онъ многаго ожидалъ отъ слѣдующаго дня. «Непріятель не можетъ остаться въ прежней позиціи»—говорилъ онъ,—«потому что Цитенъ у него въ тылу А когда онъ вылѣзетъ изъ норы своей, мы съ нимъ справимся.» Офицеры слушали его, но внутренно чувствовали, что надежды нѣтъ. Побѣда Дауна была рѣшительна, половина прусской арміи покрыла поле битвы. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ король первыхъ лучей дня, ночь эта казалось ему цѣлою вѣчностію. Безпрестанно высылалъ онъ адъютантовъ посмотрѣть, не разсвѣтаетъ ли. Но бурная ночь длилась, какъ нарочно. Вѣтеръ завывалъ въ лѣсу и заглушалъ стоны раненыхъ и умирающихъ. Проливной дождь, какъ будто хотѣлъ смыть съ земли кровавыя пятна. Солдаты обѣихъ армій блуждали по полямъ въ совершенной темнотѣ и часто пруссаки, натыкаясь на свои же патрули, открывали по нимъ огонь. Въ разныхъ мѣстахъ австрійцы и пруссаки, которые не могли добраться до своихъ армій, располагались у однихъ костровъ, дѣлясь по братски, чѣмъ Богъ послалъ: голодъ, холодъ и утомленіе примирили враговъ. Въ солдатахъ, похожихъ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ на разъяренныхъ звѣрей, теперь пробуждалось человѣческое чувство участія и состраданія. Они ложились рядомъ на мокрую

землю, условясь напередъ, что на утро тотъ изъ нихъ признаетъ себя плѣннымъ, чья сторона проиграетъ битву.

Между-тѣмъ, пока это происходило въ арміи Фридриха, Цитенъ передъ вечеромъ вступилъ въ битву съ корпусомъ Ласси, поразилъ его и вытѣснилъ австрійцевъ изъ деревни Сиптицъ. Непріятель, чтобъ спастись отъ преслѣдованія, зажегъ деревню. Но это обстоятельство послужило въ пользу пруссаковъ. Зарево пожара дало Цитену средства продолжать свои дѣйствія, не смотря на наступающую темноту. По совѣту Мёллендорфа, онъ велѣлъ изъ деревни штурмовать непріятельскія батареи, а самъ съ нѣсколькими полками пѣхоты, прикрываемой конницею, ринулся на Сиптицкія высоты, овладѣлъ ими, потѣснилъ австрійцевъ и неумолкающей канонадой привелъ ихъ въ совершенный безпорядокъ Нѣсколько австрійскихъ полковъ, которые въ темнотѣ сбились съ дороги, были захвачены въ плѣнъ. Ласси сдѣлалъ послѣднюю попытку сбить пруссаковъ съ позиціи, но неудачно. Конница его была опрокинута и спасалась бѣгствомъ. Самъ Даунъ получилъ нѣсколько ранъ и принужденъ былъ сдать команду генералу д'Оннелю. Новый военачальникъ, видя совершенное разстройство арміи, спѣшилъ переправить ее чрезъ Эльбу по тремъ пловучимъ мостамъ, которые наскоро были наведены.

Едва разсвѣло, Фридрихъ выѣхалъ изъ деревни, чтобъ обозрѣть свое войско и приготовить его къ новой битвѣ. Вдали показались всадники въ бѣлыхъ плащахъ; они неслись во весь карьеръ прямо на него. Это былъ Цитенъ. Подскакавъ къ королю, онъ отсалютовалъ саблею и рапортовалъ:

«Имѣю честь донести, что приказъ вашего величества исполненъ: непріятель разбитъ и ретировался.» Въ одинъ мигъ оба соскочили съ коней. Король

бросился обнимать Цитена, который рыдая упалъ къ нему на грудь и не могъ произнести слова. Потомъ вырвавшись изъ объятій Фридриха, онъ обратился къ своимъ солдатамъ: «Братцы!»—воскликнулъ онъ,—«король нашъ побѣдилъ, непріятель разбитъ: да здравствуетъ нашъ великій король!» — Да здравствуетъ король!—раздалось въ рядахъ;—но да здравствуетъ и старый Цитенъ, нашъ гусарскій король! закричали гусары.

Можно себѣ представить радость прусскаго войска при этомъ совершенно неожиданномъ извѣстіи. Побѣда Цитена, объ которой не смѣли даже мечтать, и рана, полученная Фридрихомъ, снова возбудили одушевленіе солдатъ. Рядъ успѣховъ слѣдовалъ за Торгаускимъ сраженіемъ, и еслибъ не позднее время года, король извлекъ бы значительныя выгоды изъ этой кампаніи. Въ девять часовъ утра, когда солнце озарило всю окрестность, пруссаки увидѣли себя обладателями поля сраженія, покрытаго десятками тысячь мертвыхъ и умирающихъ, которыхъ однако саксонскіе крестьяне и австрійскіе мародеры за ночь успѣли обобрать до чиста. Потеря съ обѣихъ сторонъ была такъ значительна, что, повидимому, враждующія стороны не скоро могли опять приступить къ новымъ дѣйствіямъ. Король лишился 13,000, австрійцы 16,000 человѣкъ. Войско послѣднихъ ретировалось по берегамъ Эльбы. Ласси пошелъ прямо къ Дрездену, д'Оннель повелъ свои отряды по правому берегу. За Плауэнской долиною оба генерала соединились. Фридрихъ преслѣдовалъ непріятеля, сдѣлалъ даже попытку вытѣснить его изъ Дрездена, но проливные дожди и холодъ препятствовали правильной осадѣ. Онъ размѣстилъ войска свои по зимнимъ квартирамъ. Австрійцы сдѣлали тоже. Русскіе отправились зимовать вблизи своихъ польскихъ магазиновъ, а имперцы во Франконію.

Въ тоже время генералъ Гольцъ дѣйствовалъ съ успѣхомъ въ Силезіи. Лаудонъ принужденъ былъ отступить къ границамъ. Въ рукахъ австрійцевъ осталась одна крѣпость Глацъ. Евгеній Виртембергскій, по удаленіи русскихъ за Варту, ударилъ на шведовъ и прогналъ ихъ къ Стральзунду. Гюльзенъ занялъ Рудный хребетъ (Erzgebirge) и тѣмъ отрѣзалъ имперскую армію отъ Саксоніи.

Война съ французами велась въ этомъ году съ перемѣнчивымъ счастіемъ. Французы имѣли нѣкоторые успѣхи, но не могли ими воспользоваться, по несогласію своихъ вождей. Фердинандъ Брауншвейгскій, ослабленный Фридрихомъ, которому долженъ былъ уступить значительную часть своего войска, не могъ дѣйствовать рѣшительно. Малая война продолжалась между враждующими, безъ особенныхъ выгодъ для каждой стороны. Вся кампанія не имѣла важныхъ результатовъ.

Фридрихъ провелъ зиму въ Лейпцигѣ.

Городъ этотъ въ то время почитался средоточіемъ германскаго просвѣщенія и литературной дѣятельности. Въ немъ жили знаменитѣйшіе ученые, поэты и художники: король вошелъ въ свою сферу Здѣсь онъ могъ отдохнуть душою и освѣжиться въ бесѣдѣ о наукахъ и о поэзіи съ отличнѣйшими умами Германіи. Здѣсь сблизился онъ съ саксонскимъ поэтомъ Готшедомъ и съ баснописцемъ Геллертомъ. Для придворныхъ концертовъ король выписалъ изъ Берлина всю свою капеллу, но самъ уже рѣдко принимался за флейту. Наконецъ прибылъ въ Лейпцигъ и послѣдній задушевный другъ Фридриха, маркизъ д'Аржансъ. Когда онъ вошолъ въ кабинетъ короля, Фридрихъ сидѣлъ на полу и кормилъ своихъ любимыхъ собакъ. «Какъ! — вскричалъ онъ,—это-ли страшный маркграфъ Бранденбургскій, противъ котораго воюютъ пять сильнѣйшихъ державъ Европы! Непріятели трепещутъ и ломаютъ себѣ головы, полагая, что онъ въ эту минуту замышляетъ новый планъ кампаніи, или пишетъ грозныя статьи договора, или пріискиваетъ себѣ сильныхъ союзниковъ... а онъ—спокойно сидитъ въ кабинетѣ и утѣшается комнатными собачками!»—Но Фридрихъ былъ не такъ спокоенъ, какъ казался. Онъ постоянно думалъ о предстоящей кампаніи. Каждый день набирались рекруты и въ продолженіе шести часовъ ихъ неутомимо обучали боевымъ пріемамъ и упражняли въ военныхъ эволюціяхъ.

Были также сдѣланы попытки къ мирнымъ переговорамъ. Франція первая вызвалась открыть конгресъ въ Аугсбургѣ. Финансы ея были сильно разстроены войною въ Вестфаліи и еще болѣе неудачной борьбою съ англичанами на морѣ. Миръ былъ для нея необходимъ. Но остальныя державы на это не соглашались. Расчетъ ихъ былъ вѣренъ: съ каждою кампаніей силы и средства Фридриха истощались, наконецъ онъ долженъ будетъ изнемочь— и покориться. Чего не вынудитъ сила оружія, то приведутъ съ собою обстоятельства. Но предположенія человѣческія хрупки: судьба прежде дѣлаетъ свой расчетъ и часто зароняетъ сѣмена успѣха тамъ, гдѣ человѣкъ видитъ одну погибель. Тоже сбылось и съ Фридрихомъ. Средства его дѣйствительно были истощены. Война обнимала своимъ пламенемъ всѣ его провинціи. Жители бѣднѣли, доходы уменьшались, поля были притоптаны, цѣлыя селенія истреблены, войско умалялось видимо. Но это самое послужило къ возрожденію его силъ. Крестьяне оставляли плугъ и вмѣсто того, чтобъ трудиться для невѣрной жатвы, брались за оружіе и становились подъ королевскія знамена,—съ твердымъ намѣреніемъ отмстить врагамъ отечества. Незамѣтно, война сама собою обратилась въ народную. Вся Пруссія запылала общимъ патріотическимъ энтузіазмомъ. Прежде, чѣмъ Фридрихъ могъ придумать—откуда набирать солдатъ, войска его такъ пополнились охотниками, что онъ въ началѣ зимы могъ уступить 20,000 Фердинанду. Правда, армія эта далеко не походила на войско 1756 года: ветераны сложили кости на поляхъ своихъ побѣдъ, немногіе изъ этихъ героевъ уцѣлѣли въ новыхъ рядахъ прусской арміи, для поощренія и поддержки неопытнаго войска. Самые офицеры, ознаменовавшіе себя славными подвигами, уступили мѣсто кадетамъ, поступавшимъ передъ фронтъ прямо со школьной лавки. (*) Фридрихъ лишился лучшихъ своихъ полководцевъ.

Принцъ Леопольдъ Дессаускій, фельдмаршалъ Шверинъ, Кейтъ, герцогъ Францъ Брауншвейгскій и Винтерфельдъ—пали съ оружіемъ въ рукахъ. Фуке и герцогъ Бевернскій томились въ плѣну. Левальдъ страдалъ отъ тяжкихъ ранъ. Но духъ Фридриха по прежнему господствовалъ въ войскѣ. Судьба его была скована съ арміею неразрывною цѣпью. Собратъ солдата—въ походѣ и провидѣніе его—въ бою, онъ сдѣлался для всѣхъ предметомъ фанатическаго обожанія. Анекдоты о сближеніи его съ войскомъ безчисленны. Во время усиленнаго марша въ Бранденбургію, войско остановилось на нѣсколько часовъ у болота, чрезъ которое прокладывали наскоро плотину.

(*) Такъ поступилъ на службу и молодой Архенгольцъ, написавшій въ послѣдствіи «Исторію Семилѣтней войны.»

Принцъ Леопольдъ Дессаускій. *Фельдмаршалъ Шверинъ.*

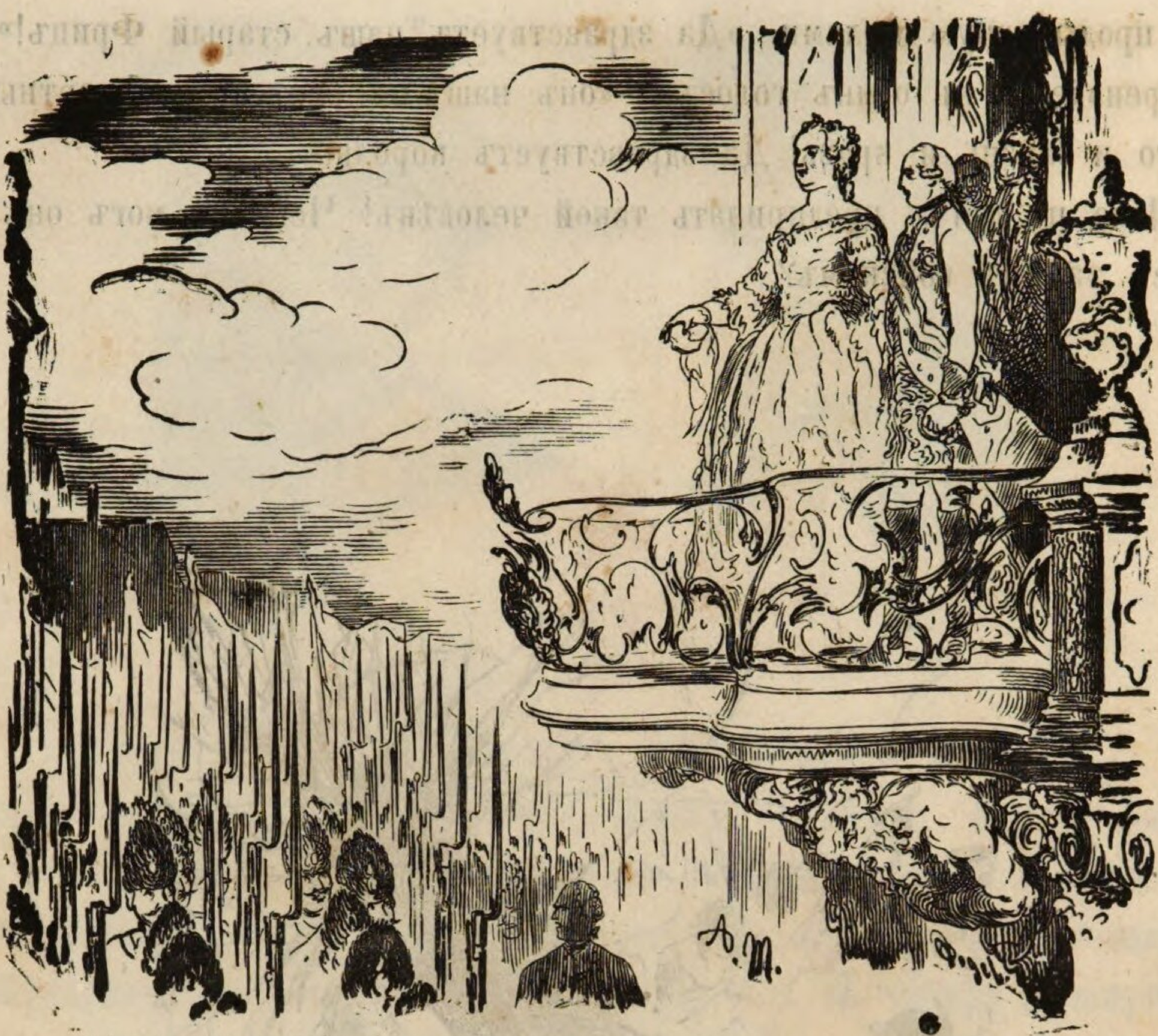
Утомленные солдаты разложили костры и легли на травѣ. Вечеръ былъ холодный; рѣзкій сѣверный вѣтеръ проникалъ до костей. Цитенъ также присѣлъ къ огоньку и скоро заснулъ. Солдаты подложили ему подъ голову пукъ сѣна. Фридрихъ увидѣлъ это. Тихо подошелъ онъ къ костру и, закутавшись въ плащъ, прислонился къ дереву. При малѣйшемъ шумѣ, онъ уговаривалъ солдатъ: «Тише, тише, дѣти! Не разбудите моего Цитена: старикъ усталъ.» Вскорѣ пришла солдатка и, не примѣчая короля, такъ неосторожно поставила на огонь горшокъ съ картофелемъ, что искры и пепелъ полетѣли ему въ лицо. Не говоря ни слова, онъ только прикрылся плащемъ. Солдатъ, замѣтя это, закричалъ на бабу: «Ослѣпла ты что-ли? Здѣсь король.» Солдатка испугалась, схватила свой горшокъ и бросилась бѣжать. Но Фридрихъ приказалъ ее воротить и насильно заставилъ доварить картофель. «Ничего, душа моя!» сказалъ онъ ей милостиво;—«на походѣ мы всѣ равны и кухня у насъ общая.»—Другая солдатка во время ночлега родила мальчика. Едва оправясь, рано утромъ она схватила своего ребенка и прибѣжала къ Фридриху: «Государь! вскричала она: вотъ вамъ еще солдатикъ! Я его сейчасъ родила.»—Крещенъ ли ребенокъ? спросилъ король.—«Нѣтъ еще, отвѣчала солдатка, но я непремѣнно хочу, чтобъ и его тоже звали *Фрицомъ!*»—Хорошо, сказалъ Фридрихъ, давая ей золотую монету, береги его, а на зимнихъ квартирахъ я самъ окрещу твоего Фрица.—

«А гдѣ же ты былъ, старый Фрицъ?» спросили короля гвардейцы, бывшіе подъ командой Цитена, послѣ Торгауской побѣды,—«мы тебя совсѣмъ не видали. Или ты ужъ отказался драться вмѣстѣ съ нами?»—Нѣтъ, дѣти!—отвѣчалъ Фридрихъ,—я въ это время билъ непріятеля на другомъ крылѣ. Видите, онъ цѣлилъ мѣтко!—Тутъ показалъ онъ имъ на свою рану и на

шубу, продыренную пулями. «Да здравствуетъ нашъ старый Фрицъ!» закричали гренадеры въ одинъ голосъ,—«онъ нашъ въ огнѣ и въ смертный часъ! За него и жизнь и кровь! Да здравствуетъ король!»

Чего не могъ предпринять такой человѣкъ! Чего не могъ онъ совершить съ такимъ войскомъ?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало кампаніи 1761 года.

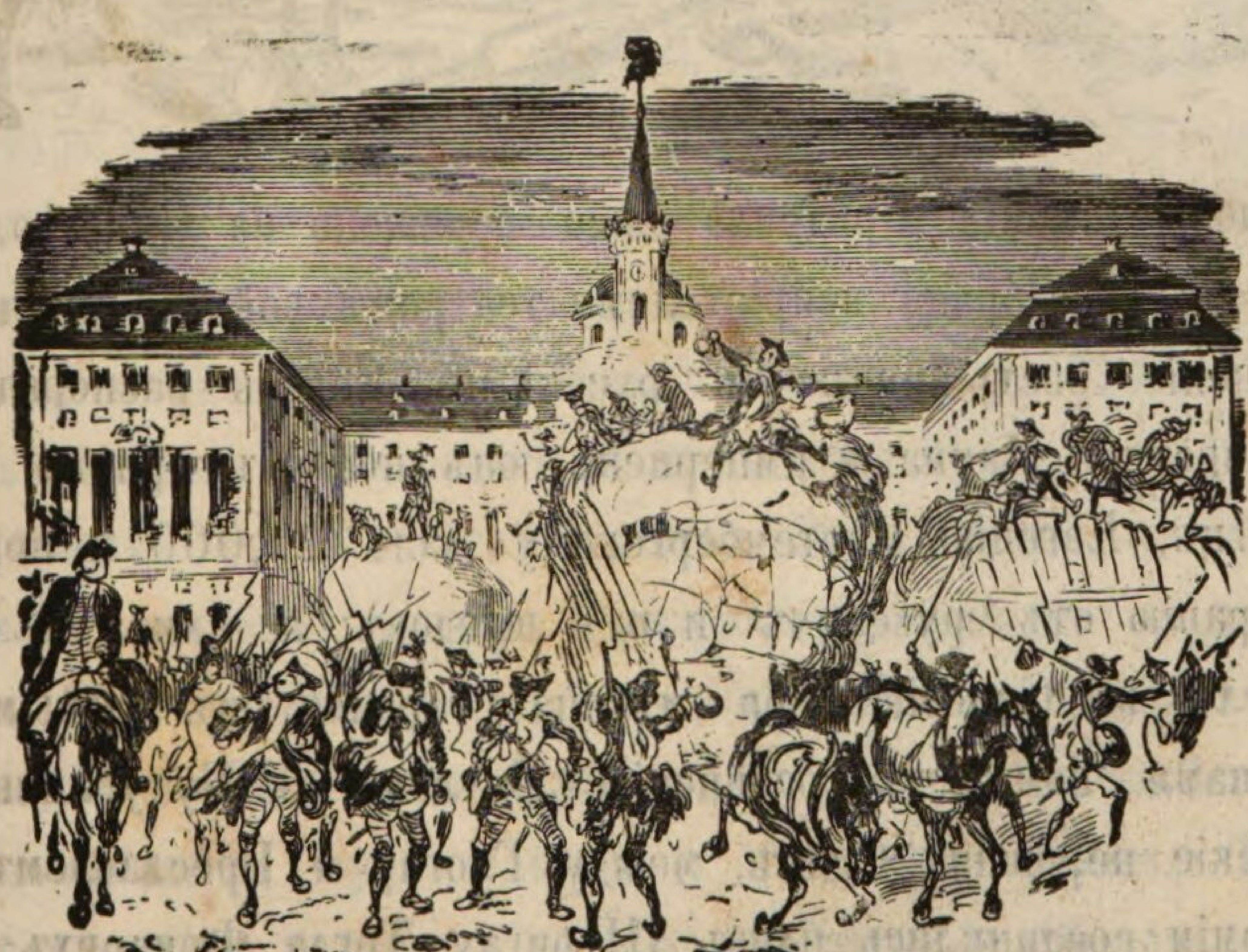
ЛАГЕРЬ ПРИ БУНЦЕЛЬВИЦѢ.

Марія-Терезія имѣла болѣе средствъ продолжать войну, въ которой и она до сихъ поръ ничего, кромѣ потерь, не испытала. Государство ея, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Богеміи и Моравіи, осталось неприкосновеннымъ. Каждую зиму въ Австріи производили новые наборы для укомплектованія арміи. Императрица-королева вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Іосифомъ выходила на балконъ и привѣтствовала полки, выступающіе въ походъ. Такою же внимательностію старалась она

возбудить твердость и усердіе своихъ полководцевъ. Когда Даунъ, послѣ пораженія при Торгау, возвращался въ Вѣну, покрытый ранами, Марія-Терезія выѣхала къ нему на встрѣчу за три мили и осыпала разбитаго фельдмаршала милостями. Но казна австрійская была истощена войною. Правительство выпускало множество ассигнацій, которыя совсѣмъ не принимались въ другихъ земляхъ. Офицерамъ, которые получали жалованье ассигнаціями, приходилось ждать уплаты до окончанія войны Между тѣмъ конца ей не предвидѣлось. Такимъ образомъ, большая часть офицеровъ поневолѣ принуждены были съ большою потерею размѣнивать свои ассигнаціи въ частномъ банкѣ, основанномъ мужемъ императрицы, на собственный его капиталъ. Такою невинною спекуляціею императоръ Францъ наживалъ огромныя суммы, между тѣмъ, какъ подданные его супруги разорялись. За то, занимаясь подрядами и денежными оборотами, онъ не вмѣшивался въ дѣла правительственныя, а Марія-Терезія, которая того только и желала, не мѣшала его спекуляціямъ. Обѣ стороны были довольны и дѣла шли своимъ порядкомъ.

Видя, что всѣ усилія къ примиренію остались безъ успѣха, и зная, что однимъ изъ самыхъ упорныхъ противниковъ мира былъ Брюль, Фридрихъ хотѣлъ дать почувствовать Августу всѣ невыгоды войны. Въ возмездіе за расхищеніе Шарлотенбургскаго дворца, онъ приказалъ разграбить роскошнѣйшій и самый любимый Августомъ увеселительный замокъ Губертсбургъ. «Голова властителей не чувствуетъ, когда у подданныхъ вырываютъ волосы»: говорилъ онъ;—«надо ихъ самихъ трогать за больное мѣсто!» — Но король едва могъ найти во всемъ своемъ войскѣ офицера, который взялся за этотъ позорный подвигъ.

Военныя дѣйствія 1761 года начались въ августѣ. Франція выставила два войска: первое, въ 110,000 человѣкъ, для завоеванія Мюнстера и остальныхъ крѣпостей Вестфаліи, другое въ 45,000, для овладѣнія Ганноверскими провинціями. Бутурлинъ велъ 60,000 русскихъ; кромѣ того Румянцевъ съ 20,000-мъ корпусомъ, подкрѣпляемый русскимъ и шведскимъ флотами, отправился осаждать Кольбергъ. Лаудонъ прикрывалъ Богемію семидесятипяти-тысячнымъ войскомъ, а Даунъ стоялъ въ Саксоніи съ 30,000. Имперская армія имѣла не болѣе 20,000 человѣкъ; но кромѣ того шведское войско занимало берега Помераніи и при первой опасности могло быть увеличено новыми высадками. Противъ всѣхъ этихъ силъ Фридрихъ едва могъ выставить сотню-тысячь людей! При такомъ положеніи дѣлъ даже побѣда, подобная Торгауской, могла нанесть ему великій вредъ. Онъ рѣшился щадить свое войско и строго держаться оборонительной системы.

Еще въ исходѣ зимы гусарскіе отряды сдѣлали набѣгъ на кантониръ-квартиры имперцевъ. Экспедиція была такъ счастлива, что пруссаки привели множество плѣнныхъ, сбили имперскую армію съ позиціи и на долгое время лишили ее возможности вступить въ дѣло.

Но главное вниманіе Фридриха было обращено на Силезію, которая и въ этомъ году была избрана непріятелями театромъ войны. Здѣсь предполагалось соединеніе австрійцевъ съ русскими. Король распорядился такъ: въ Саксонію, противъ Дауна и имперцевъ, онъ послалъ принца Генриха съ 32,000 человѣкъ; Евгенію Виртембергскому далъ 11,000 и поручилъ защищать Померанію отъ русскихъ и отъ шведовъ; а самъ съ остальнымъ войскомъ пошелъ въ Силезію. Три мѣсяца старался онъ разными маршами и контръ-маршами помѣшать соединенію Лаудона съ Бутурлинымъ, — все напрасно! Русскіе перешли Одеръ, между Глогау и Бреславлемъ, и 24-го августа обѣ арміи соединились близъ Штригау. Тогда Фридрихъ съ 50,000

человѣкъ очутился противъ 135,000-наго непріятельскаго войска. Несогласіе между непріятельскими вождями было причиною, что Фридрихъ успѣлъ еще отретироваться и при Бунцельвицѣ занять укрѣпленный лагерь. Когда чрезъ нѣсколько дней предводители вздумали обозрѣть позицію пруссаковъ, они нашли уже не лагерь, а крѣпость, которая выросла передъ ними, какъ-будто изъ земли. Весь лагерь былъ обнесенъ валомъ, передъ которымъ находились палисады и рвы въ 16 футовъ ширины и 12 глубины. Кромѣ того, на всѣхъ возвышенностяхъ стояли батареи; 460 пушекъ защищали валы, а передъ фронтомъ были поставлены рогатки, вырыты волчьи ямы и проведены летучія мины, наполненныя порохомъ, ядрами и гранатами. Вся прусская армія работала надъ этими укрѣпленіями день и ночь и черезъ недѣлю они были готовы.

Лагерь Фридриха прикрывалъ отъ русскихъ Бреславль и препятствовалъ осадѣ Швейдница. Здѣсь Фридрихъ хотѣлъ погибнуть со всѣмъ войскомъ геройскою смертью, но рѣшился продать кровь свою дорогой цѣною. Непріятельскій станъ обнималъ прусскій лагерь широкимъ полукругомъ и, постепенно сближая свои концы, отрѣзывалъ у него всѣ пути сообщенія. Ежечасно Фридрихъ ждалъ нападенія; всѣ предосторожности были взяты: солдаты спали поочередно днемъ, а по ночамъ становились съ ружьями на валы. Король дѣлилъ съ ними всѣ тревоги и неудобства такой жизни. Часто спалъ онъ у бивуачныхъ огней на голой землѣ. Разъ утромъ, послѣ бурной ночи съ проливнымъ дождемъ, которую Фридрихъ провелъ въ солдатской палаткѣ, онъ сказалъ Цитену: «Такого удобнаго ночлега я еще никогда не имѣлъ.»— Но въ вашей палаткѣ стояли лужи?—«Въ томъ-то и удобство»—возразилъ Фридрихъ,—«питье и купанье были у меня подъ рукою.» Такъ проходили цѣлыя недѣли; всѣхъ волновало тревожное ожиданіе, но нападенія не послѣ-

довало. Тогда другія заботы начали мучить короля: съ каждымъ днемъ иссякали жизненные припасы, лошади дохли, люди мерли, походные лазареты наполнялись больными; открылись повальныя болѣзни; въ войскѣ распространялось уныніе, а подвозу не было. Голодъ и зараза дѣйствовали хуже русскихъ штыковъ и австрійскихъ пуль. Съ такими врагами Фридрихъ не привыкъ бороться: онъ видимо упадалъ духомъ. Стараясь казаться веселымъ, ободряя солдатъ, онъ самъ тосковалъ, проводилъ ночи безъ сна и часто изливалъ грусть свою въ простую, безхитростную душу Цитена. Старый гусаръ утѣшалъ его, какъ могъ. «Нѣтъ,» восклицалъ король,—«не обманывай меня, старый другъ! Все пропало; надежды нѣтъ!»—Есть! отвѣчалъ Цитенъ съ твердостію.— «Развѣ ты пріискалъ намъ новаго союзника?»—Да; вонъ тамъ: надъ звѣздами небесными. Онъ за насъ и съ Его помощью мы не погибнемъ!—

Цитенъ былъ правъ: одинъ Богъ, правящій судьбами людей, спасъ короля изъ этого тяжкаго испытанія. Бутурлинъ и Лаудонъ не ладили между собою. Русскій фельдмаршалъ негодовалъ, что Лаудонъ не соединился съ нимъ тотчасъ при переходѣ чрезъ Одеръ и тѣмъ подвергъ русскій авангардъ нападеніямъ пруссаковъ. Графъ Александръ Борисовичъ (*) былъ вельможа хо-

(*) Петръ Великій, замѣтя въ молодомъ Бутурлинѣ смѣтливость и ловкость, тотчасъ по выпускѣ его изъ петербургской Морской Академіи, взялъ его къ себѣ въ деньщики.

лодный, гордый, самолюбивый. Ловкостью и происками при дворѣ онъ успѣлъ достигнуть фельдмаршальскаго жезла, ничѣмъ не прославя себя на ратномъ полѣ и не имѣя даже необходимымъ способностей для предводителя войска. Когда императрица поручила ему начальство надъ арміею въ Пруссіи, молодой великій князь Павелъ Петровичъ, хорошо постигая Бутурлина, сказалъ: «Этотъ ни войны, ни мира не сдѣлаетъ!» Предсказаніе Павла сбылось. Бутурлинъ хитрилъ, какъ царедворецъ. Онъ зналъ, что надо угодить и государынѣ и наслѣднику. Первая ненавидѣла Фридриха, второй обожалъ его. Бутурлинъ строго исполнялъ волю императрицы до той точки, до которой простирались ея предписанія; но гдѣ долженъ былъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, тамъ онъ старался угодить Петру Ѳедоровичу. По повелѣнію Елисаветы, онъ соединился наконецъ съ австрійцами, но когда надлежало нанесть рѣшительный ударъ Фридриху, онъ вспомнилъ, что императрица недужна и слаба, и что не нынче, такъ завтра вступитъ на престолъ Петръ III. Потому, несмотря на всѣ убѣжденія Лаудона, онъ не соглашался атаковать пруссаковъ въ Бунцельвицкомъ лагерѣ. Лаудонъ хотѣлъ сберечь свои силы и охотно предоставилъ русскимъ первую роль въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Но Бутурлинъ его понялъ. «Австріецъ хитритъ,» — говорилъ онъ, — «ему хочется загребать жаръ нашими руками. Этого не будетъ!» Когда Лаудонъ настаивалъ, доказывая все удобство и необходимость рѣшительной битвы, Бутурлинъ велѣлъ ему сказать, «что если барону угодно пуститься на это отважное дѣло, онъ дастъ ему въ подкрѣпленіе 20,000 русскихъ.» У Лаудона разлилась желчь при этомъ извѣстіи. По выздоровленіи, онъ начерталъ подробный планъ атаки и въ немъ указывалъ, гдѣ и какъ должны дѣйствовать русскіе. Бутурлинъ вспыхнулъ отъ гнѣва; онъ почелъ неслыханною дерзостію, что субальтернъ-генералъ осмѣливается дѣлать предписанія

Екатерина I пожаловала его въ камеръ-юнкеры, а потомъ въ камергеры, приказавъ состоять при дворѣ Елисаветы Петровны. Онъ скоро своей ловкостію пріобрѣлъ особенную благосклонность цесаревны, сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ къ ней людей и чрезъ ея посредство вошелъ впослѣдствіи въ милость къ Петру II Въ его царствованіе Бутурлинъ игралъ важную роль при дворѣ, но нашелъ сильнаго соперника въ князѣ Иванѣ Долгорукомъ. При Аннѣ Іоанновнѣ Бутурлинъ былъ Смоленскимъ губернаторомъ. Съ воцареніемъ Елисаветы, на Бутурлина посыпались всѣ дары фортуны. Императрица ввѣрила ему управленіе Малороссіею. Въ 1742 году онъ былъ отправленъ въ чинѣ полнаго генерала къ войску, находившемуся въ Остзейскихъ провинціяхъ, потомъ сдѣланъ сенаторомъ и главнокомандующимъ въ Москвѣ. Въ 1751 году получилъ фельдмаршальскій жезлъ и сдѣланъ членомъ конференціи министровъ; а въ 1756 наименованъ графомъ русской имперіи. По окончаніи войны съ Пруссіею, Бутурлинъ снова былъ посланъ генералъ-губернаторомъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1767, занимаясь болѣе хожденіемъ по церквамъ, чѣмъ дѣлами.

фельдмаршалу. Подъ предлогомъ недостатка провіанта и труднаго подвоза, онъ со всей арміей перешелъ за Одеръ, оставя Лаудону только корпусъ графа Чернышева. Лаудонъ не смѣлъ оставаться одинъ передъ лагеремъ Фридриха и также отретировался въ горы. Прусская армія была спасена. Солдаты прыгали отъ радости, видя, что непріятель отступаетъ, а Фридрихъ обнялъ Цитена и сказалъ: «Ты правъ! Союзникъ твой сдержалъ слово: Онъ насъ выручилъ!»

Генералъ Лаудонъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ПЯТАЯ.

Конецъ кампаніи 1761 года.

ШТРЕЛЕНСКІЙ ЛАГЕРЬ.

слѣдъ за русскими Фридрихъ отрядилъ отдѣльный корпусъ, подъ командою Платена, поручивъ ему проникнуть въ Польшу и разрушить тамъ русскіе магазины. Платену, послѣ многихъ затрудненій, удалось при Гостинѣ захватить огромный русскій вагенбургъ, прикрываемый 5000 человѣкъ, подъ начальствомъ бригадира Черепова. Послѣ кровопролитнаго боя, 2000 русскихъ захвачены въ плѣнъ,

остальные обратились въ бѣтство. Бутурлинъ отрядилъ корпусъ для преслѣдованія Платена, однако онъ успѣлъ перебраться чрезъ Варту, при Ландсбергѣ, и ушелъ въ Померанію. Это обстоятельство заставило русскихъ отступить къ Познани. Теперь оставалось еще удалить Лаудона. Для этого Фридрихъ выступилъ изъ своего укрѣпленнаго лагеря и началъ дѣлать искусные маневры, показывая видъ, что хочетъ ударить на графство Глацкое, занятое австрійцами, или проникнуть въ Моравію. Но Лаудонъ не дался въ обманъ и удерживалъ свою позицію въ горахъ. Напротивъ, пользуясь удаленіемъ короля отъ Швейдница, онъ ночью на 1-е октября нечаянно напалъ на эту крѣпость. Чернышевъ первый повелъ русскихъ на приступъ, овладѣлъ валомъ, поворотилъ прусскія пушки противъ крѣпости, ворвался въ городъ и отворилъ австрійцамъ крѣпостныя ворота. Трехтысячный гарнизонъ, арсеналы и обширные магазины Швейдница достались побѣдителямъ.

Смѣлый подвигъ Лаудона далъ австрійцамъ средства стать твердою ногою въ Силезіи, расположиться въ ней на зимнихъ квартирахъ и начать слѣдующую кампанію съ большими выгодами. За все это Лаудонъ былъ награжденъ опалою Маріи-Терезіи и едва не попалъ подъ военный судъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ распорядился самовольно и нанесъ Фридриху гибельный ударъ, не испросивъ сперва разрѣшенія вѣнскаго военнаго совѣта. Этотъ нелѣпый образъ веденія войны былъ причиною всѣхъ неудачь австрійскаго оружія въ борьбѣ съ прусскимъ королемъ.

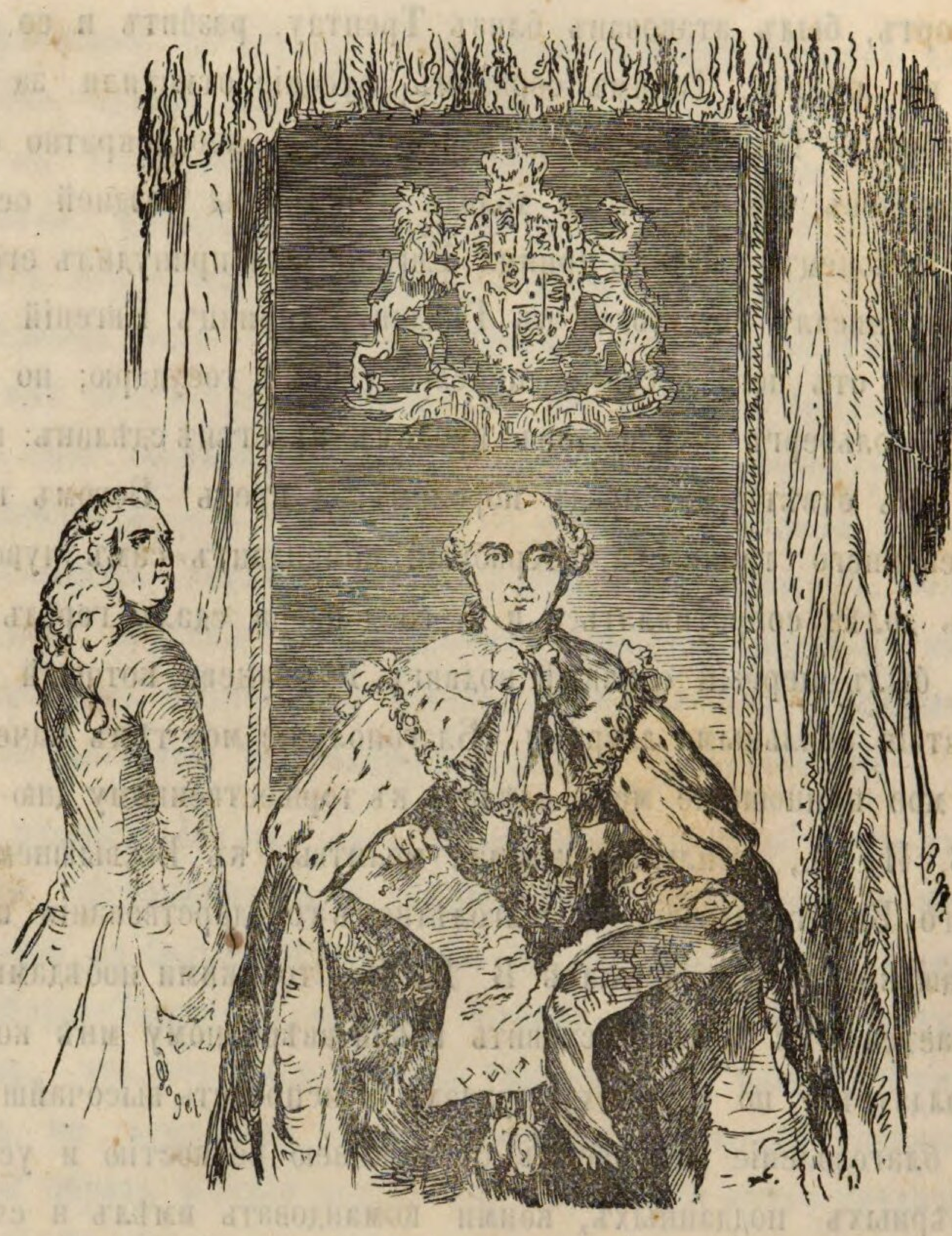
Вѣсть о взятіи Швейдница сильно поразила Фридриха. *Ключъ къ Силезіи*, а вмѣстѣ съ нимъ и половина этой провинціи были потеряны. Ему оставалось только прикрыть столицу и остальныя крѣпости Силезіи и подкрѣпить принца Евгенія, который съ трудомъ боролся противъ русскихъ, подъ Кольбергомъ. Фридрихъ занялъ квартиру при Штреленѣ. Отсюда онъ могъ удобно дѣйствовать противъ непріятеля, при малѣйшемъ его покушеніи на Бреславль или на окрестности Швейдница. Войска были расположены по деревнямъ, около Штрелена.

Съ 11-го сентября графъ Румянцевъ дѣйствовалъ въ Помераніи, противъ города Трептау. Послѣ краткаго сопротивленія городъ сдался на капитуляцію, а командовавшій имъ генералъ Кноблаухъ со всѣмъ гарнизономъ взятъ въ плѣнъ. Оттуда Румянцевъ двинулся къ Кольбергу. Въ тоже время небольшой русскій флотъ, подъ командою вице-адмирала Полянскаго, началъ блокировать городъ съ моря. Румянцевъ окружилъ армію принца Евгенія Виртембергскаго со всѣхъ сторонъ и такимъ образомъ отрѣзалъ у ней совершенно подвозъ провіанта. Генералъ Вернеръ, прикрывавшій большой прус-

скій транспортъ, былъ атакованъ близъ Трептау, разбитъ и со всѣмъ отрядомъ взятъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ русскіе отмстили за разграбленіе своего вагенбурга Платеномъ. Графъ Бутурлинъ неоднократно отзывалъ его назадъ. Румянцевъ, несмотря на холодъ и невзгоды поздней осени, не повиновался. Наконецъ, разбивъ принца Евгенія, онъ принудилъ его отступить. «Вы видите,» писалъ онъ тогда къ Гейдену, «принцъ Евгеній сдѣлалъ все, чего требовала отъ него честь и присяга своему государю; но онъ разбитъ и прогнанъ. Кольбергъ беззащитенъ; проломъ въ стѣнѣ сдѣланъ: вамъ остается думать объ отвѣтѣ не предъ королемъ, а предъ Богомъ въ напрасной погибели невиннаго гарнизона.» Храбрый комендантъ самъ чувствовалъ невозможность долѣе сопротивляться и 5-го декабря сдалъ городъ на капитуляцію. Это былъ первый славный подвигъ Румянцева, который покрылъ себя впослѣдствіи обильными лаврами. «Благополучіе мое тѣмъ паче велико, что сіе первое мое приношеніе могу сдѣлать къ торжественному дню высочайшаго рожденія В. И. В., теплыя возсылая молитвы къ Всевышнему о цѣлости неоцѣненнаго Вашего здравія, о долголѣтномъ государствованіи и ежевременномъ приращеніи славы державѣ В. И. В., толиками побѣдами увѣнчанной. Теперь остается мнѣ токмо доставить покой ввѣренному мнѣ корпусу и облегченіе солдатству по толикихъ трудахъ и испросить высочайшую В. И. В. милость и благоволеніе для всѣхъ съ крайнею ревностію и усердіемъ служившихъ вѣрныхъ подданныхъ, коими командовать имѣлъ я счастіе.» Такъ выражался новый русскій полководецъ, донося о своемъ подвигѣ императрицѣ. По взятіи Кольберга русскія войска заняли зимнія квартиры въ Помераніи.

Въ первый разъ, послѣ шестилѣтней борьбы, непріятели Фридриха достигли желаемой цѣли: теперь операціи ихъ могли быть вѣрны и сокрушительны для Пруссіи.

Кромѣ этихъ обстоятельствъ постигъ короля третій, еще ужаснѣйшій ударъ. Въ октябрѣ 1760 года умеръ единственный союзникъ Пруссіи Георгъ II. На англійскій престолъ вступилъ внукъ его Георгъ III. Зная привязанность націи къ Фридриху, новый король въ вступительной рѣчи своей торжественно обѣщалъ поддержать союзъ съ прусскимъ королемъ и продолжать, по выраженію Питта, *завоевывать Америку въ Германіи*. Но вскорѣ по воцареніи своемъ, онъ отдалъ мѣсто перваго министра любимцу своему, лорду Буту. Властолюбивый англичанинъ умѣлъ все передѣлать по своему. Сперва выдача Пруссіи вспомогательныхъ суммъ была замедлена подъ разными предлогами, а наконецъ Георгъ III совершенно отказалъ Фридриху въ субсидіяхъ и уничтожилъ трактатъ.

Когда такимъ образомъ ударъ за ударомъ поражалъ Фридриха въ Штреленскомъ лагерѣ, втайнѣ дѣйствовали противъ него измѣна и коварство Силезскій дворянинъ, баронъ Варкочъ, имѣлъ помѣстье близъ самаго Штрелена. По занятіи тамъ зимнихъ квартиръ прусскими войсками, онъ за долгъ почелъ представиться королю, былъ имъ обласканъ и даже приглашенъ къ столу. Но Варкочъ давно негодовалъ на прусское правительство, которое связало ему руки и не позволяло *драть съ крестьянъ кожу*. Сосѣдство съ главною квартирою Фридриха подало ему мысль избавиться отъ строгаго судіи предательствомъ. Онъ предложилъ австрійцамъ захватить Фридриха въ плѣнъ и взялся за 100,000 червонцевъ представить его живаго или мертваго. Все было слажено напередъ. Сообщникъ Варкоча, католическій патеръ Шмидъ, велъ всѣ переговоры, чрезъ австрійскаго полковника Валлиса. Квартира короля находилась внѣ городской стѣны, въ небольшомъ сельскомъ домикѣ, скрытомъ между деревьями. Тридцать гренадеръ занимали караулы около сада этой маленькой пустыни. Густой паркъ Варкоча примыкалъ къ ней. Чрезъ него ночью легко можно было проникнуть къ самому домику и захватить короля прежде, чѣмъ въ городѣ узнаютъ о случившемся.

Но Провидѣніе хранитъ своихъ избранниковъ. Когда уВаркоча было все приготовлено, онъ въ полночь послалъ егеря съ письмомъ къ Валлису и строго наказывалъ ему, какъ можно осторожнѣе прокрасться мимо квартиры короля. Ночная переписка и это предостереженіе возбудили въ егерѣ подозрѣнія. Онъ распечаталъ письмо и узналъ весь умыселъ. Тотчасъ поскакалъ онъ къ Фридриху. «Самъ Богъ избралъ тебя орудіемъ моего спасенія!» сказалъ король, обнимая вѣрнаго служителя. Немедленно были приняты мѣры захватить заговорщиковъ. Но оба ускользнули обманомъ. Варкоча застали въ халатѣ; онъ просилъ позволенія одѣться и подъ этимъ предлогомъ выбѣжалъ въ конюшню, бросился на лошадь и ускакалъ.

Судъ приговорилъ злоумышленниковъ къ смертной казни, но какъ они успѣли спастись, то судьи предложили совершить приговоръ надъ ихъ портретами: «Согласенъ!» отвѣчалъ король,—«портреты вѣрно также негодны, какъ и подлинники!»—Низкій заговоръ противъ Фридриха возбудилъ всеобщее негодованіе, не только въ союзныхъ государствахъ, не даже въ самой Австріи. Графы Валлисы объявили во всѣхъ газетахъ, что полковникъ Валлисъ не принадлежитъ къ ихъ фамиліи. Офицеры его полка отказались съ нимъ служить. Австрійское правительство оправдывалось публично, говоря, что не имѣло никакого участія въ этомъ презрѣнномъ дѣлѣ и даже уволило Валлиса отъ службы. Но впослѣдствіи, когда Варкочъ въ нищенскомъ рубищѣ скитался по Венгріи, Марія-Терезія назначила ему пенсію. Это ясно показываетъ, что она почитала его измѣну заслугою Австріи.

За этой измѣною вскорѣ послѣдовала другая. Одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ Фридриха, баронъ Тренкъ, былъ неоднократно уличенъ въ различныхъ преступленіяхъ. Онъ два раза бѣгалъ изъ темницъ, поступалъ въ русскую и австрійскую службу, дѣйствовалъ противъ отечества, но и въ чужихъ держа-

вахъ отличался только предательствомъ и распутною жизнію. Наконецъ онъ опять попалъ въ руки прусскаго правительства и содержался въ это время, какъ государственный преступникъ, въ казематѣ Магдебургской крѣпости. Здѣсь онъ успѣлъ составить заговоръ съ другими заключенными, нашелъ

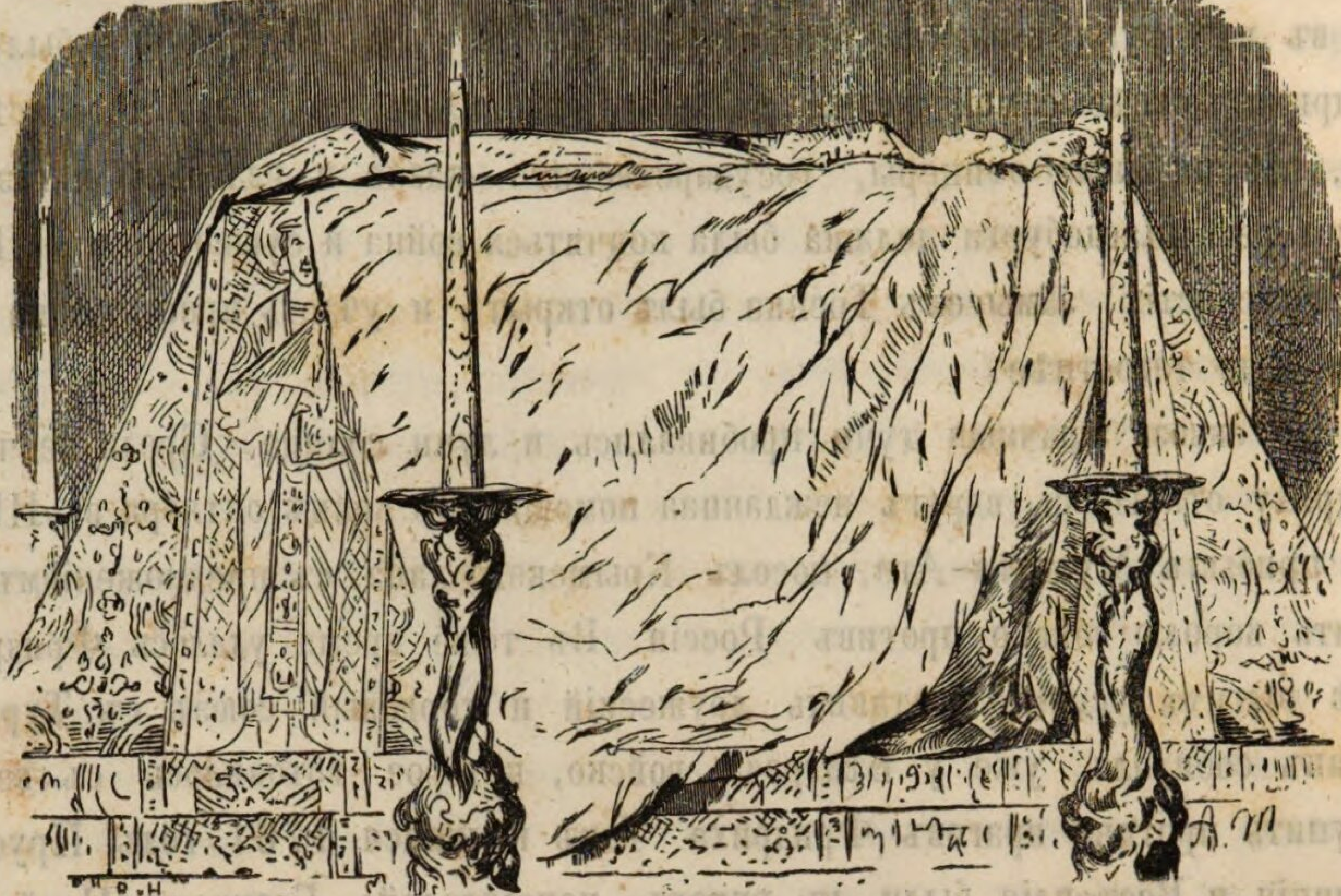
сообщниковъ внѣ темницы, завелъ переписку съ австрійцами и хотѣлъ предать въ ихъ руки крѣпость Магдебургъ. Въ то время Магдебургъ былъ для Фридриха важнѣе самой жизни: въ немъ находилось его семейство, всѣ архивы, всѣ плѣнные офицеры, государственная казна и главные магазины. Съ потерею Магдебурга должна была кончиться война и существованіе Пруссіи. По счастію, замыселъ Тренка былъ открытъ и участь преступника сдѣлалась еще тягостнѣе.

Но сквозь мрачныя тучи пробивались и лучи солнца. Среди несчастій Фридриху открылась вдругъ нежданная помощь. Въ концѣ октября въ Штреленъ прибылъ Мустафа-Ага, посолъ Крымскаго хана, съ предложеніемъ выставить королю войско противъ России. Въ тоже время удалось Фридриху, послѣ долгихъ усилій, составить дружескій и торговый союзъ съ Турціею. Султанъ собиралъ уже у Бѣлграда войско, которое готовилось съ весною выступить противъ враговъ Фридриха Такъ кончился 1761 годъ! Прусская провинція и Вестфалія были въ рукахъ непріятелей; Глацъ и Швейдницъ завоеваны; Кольбергъ и большая часть Помераніи заняты русскими! Враги Фридриха стояли твердой ногою въ его владѣніяхъ. Слѣдующій годъ обѣщалъ имъ рядъ блистательныхъ и легкихъ торжествъ. Марія-Терезія почитала Силезію почти завоеванною. Для сбереженія расходовъ, она распустила 20,000 войска.

У Фридриха были отняты послѣднія средства къ оборонѣ: пособіе со стороны Англіи прекратилось; Саксонія была истощена; оставшіяся у него провинціи разорены въ конецъ. Кромѣ того, Франція приступила къ мирнымъ переговорамъ съ Англіею; стало быть, съ будущаго года Фридриху надлежало вести войну съ французами на собственный счетъ. Участь Пруссіи была уже рѣшена всею Европою. Надежда на непрочныя обѣщанія султана и крымцевъ—не могла спасти Фридриха. Но и на краю бездны онъ стоялъ твердо, готовясь мужественно встрѣтить послѣдній ударъ рока, и съ геройской рѣшимостію смотрѣлъ на будущее!

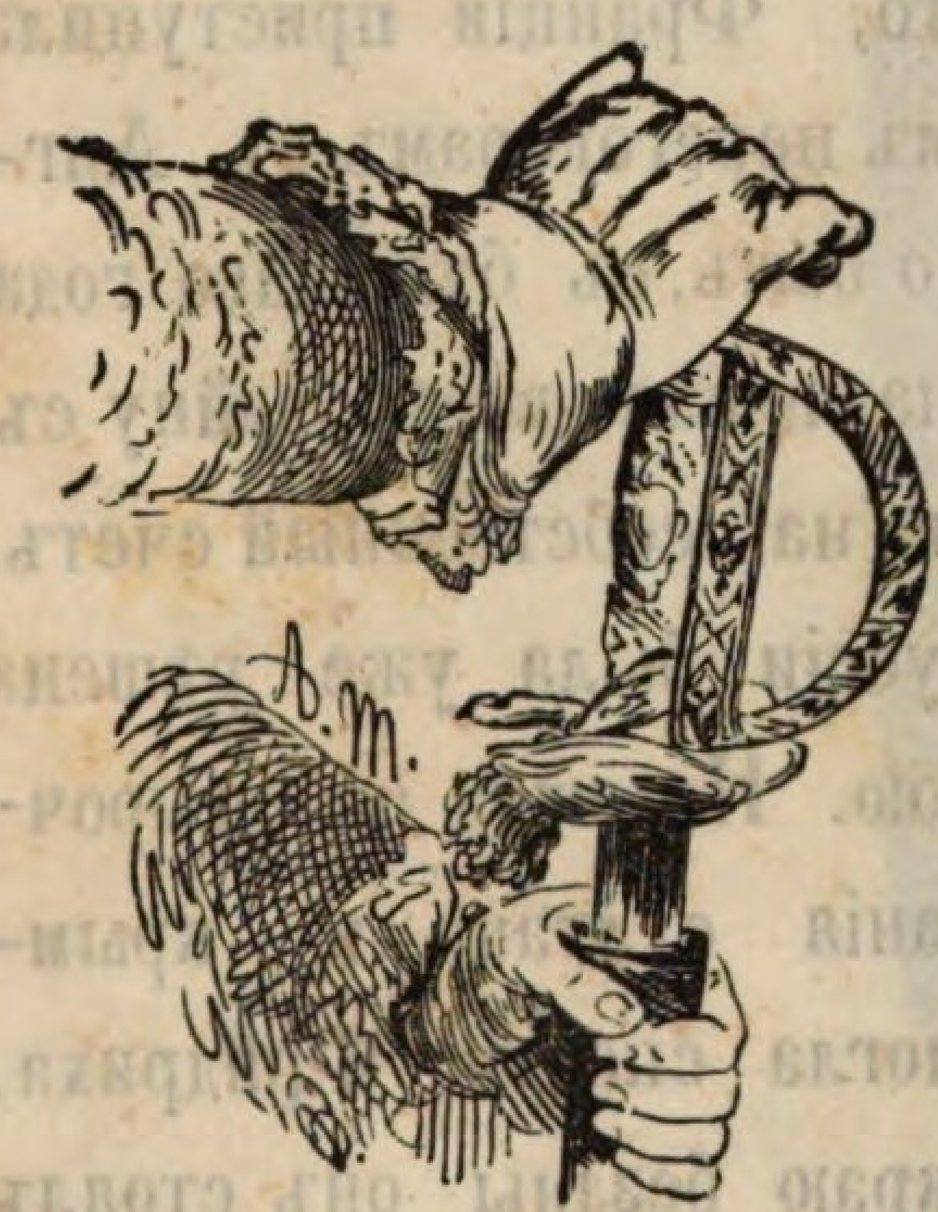
———

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ШЕСТАЯ.

Кампанія 1762 года.

БУРКЕРСДОРФЪ.—ШВЕЙДНИЦЪ.—ГУБЕРТСБУРГСКІЙ МИРЪ.

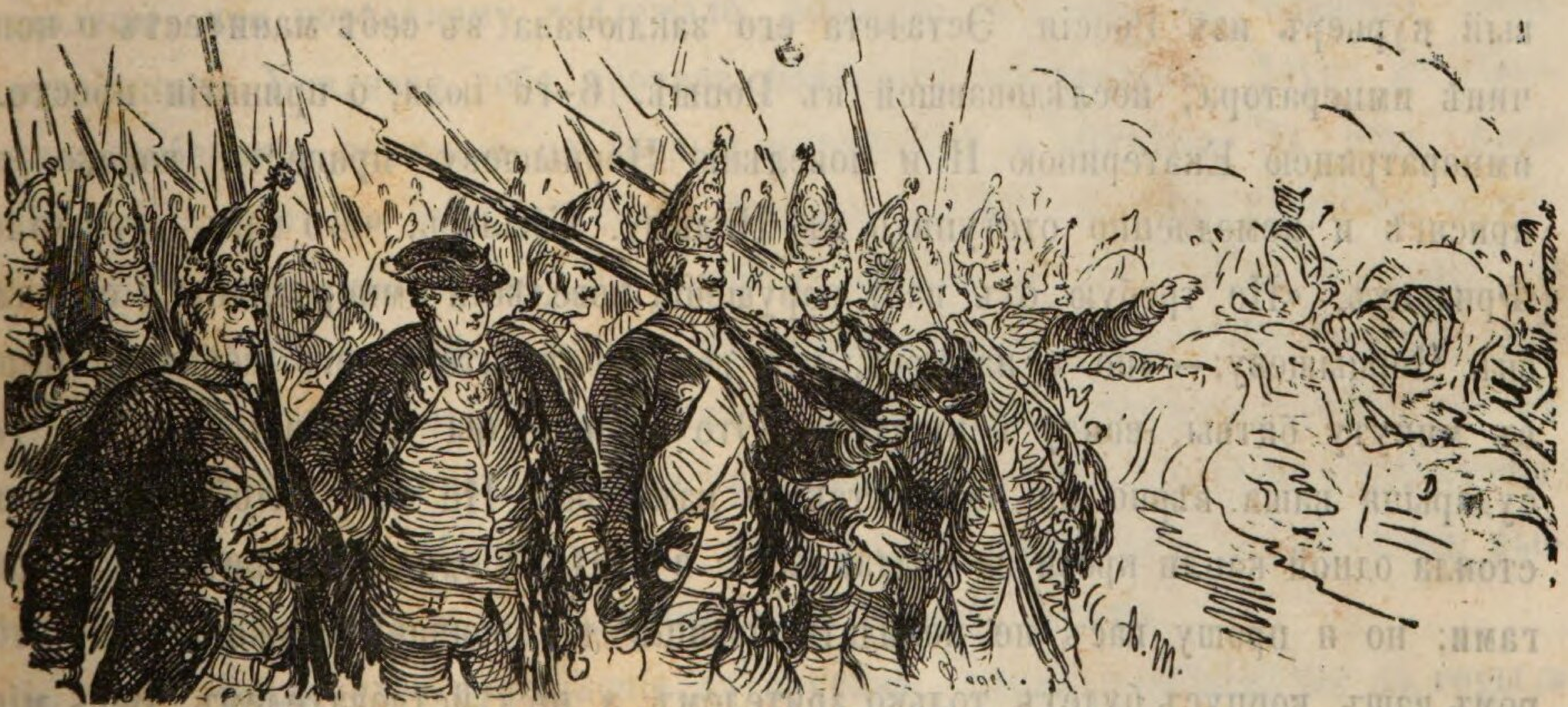

Рокъ судилъ иначе. Неожиданное обстоятельство измѣнило видъ всѣхъ европейскихъ дѣлъ. 5-го января (25-го декабря) императрица Елисавета скончалась. На русскій престолъ вступилъ Петръ III. Новый императоръ спѣшилъ увѣрить Фридриха Великаго въ искренности своей дружбы и уваженія. Послы съ обѣихъ сторонъ поскакали съ поздравленіями. Немедленно было заключено перемиріе. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовалъ формальный миръ. Всѣ прусскіе плѣнные были созваны въ Петербургъ и, послѣ ласковаго пріема, получили позволеніе возвратиться въ отечество. Провинціи и города, завоеванные у Фридриха, отданы назадъ безъ всякаго возмездія, а жители ихъ разрѣшены отъ присяги на русское подданство. Войскамъ нашимъ повелѣно вступить въ пре-

дѣлы имперіи; а по заключеніи мирнаго договора (24-го апрѣля), корпусу Чернышева было предписано присоединиться къ арміи Фридриха и состоять подъ его начальствомъ. Оба монарха старались превзойти другъ друга въ великодушіи и щедрости. Петръ III воспретилъ дальнѣйшую порубку прусскихъ лѣсовъ, подарилъ значительныя суммы разореннымъ жителямъ Помераніи и отступился отъ своихъ магазиновъ къ Старгартѣ. Фридрихъ, въ своей стороны, приказалъ щедро вознаградить жителей княжества Ангальтъ-Цербстскаго (родины новой императрицы), за собранныя съ нихъ контрибуціи и поставки.

Миръ съ Россіею разстроилъ всѣ планы противниковъ Фридриха; а присоединеніе Чернышева къ прусскимъ войскамъ до того изумило австрійцевъ, что они долго невѣрили этому быстрому перевороту Первымъ слѣдствіемъ союза Россіи съ Пруссіею былъ миръ со Швеціею. Шведы, опозорившіе свое оружіе въ Семилѣтнюю войну, владѣли небольшимъ участкомъ Помераніи. Прусскій полковникъ Белингъ съ 1500 гусаръ поставилъ ихъ въ 1761 году тъ такое положеніе, что они не смѣли двинуться съ мѣста. Теперь, боясь Россіи, шведскій сенатъ спѣшилъ отправить въ Гамбургъ посольство для мирныхъ переговоровъ съ прусскимъ королемъ. 11-го мая миръ былъ заключенъ и шведское войско возвратилось во своси. Война эта принесла Пруссіи одну выгоду: изъ шведскаго войска поступилъ на королевскую службу Блюхеръ, прославившійся впослѣдствіи въ войнѣ съ французами.

Всѣ отдѣльные отряды, разсѣянные въ прусскихъ областяхъ противъ русскихъ и шведовъ, теперь примкнули къ арміямъ короля—въ Силезіи и принца Генриха—въ Саксоніи.

Возвращенные изъ плѣна генералъ Вернеръ, принцъ Виртембергскій и герцогъ Бевернскій, а равно и выздоровѣвшій Сейдлицъ снова вступили въ свои должности при войскѣ. Армія Фридриха, со включеніемъ корпуса Чернышева, состояла изъ 60,000 человѣкъ. Почти на такое-же количество войско

Маріи-Терезіи было ослаблено отступленіемъ русскихъ, сильной повальной болѣзнію и распущеннымъ ею корпусомъ. Силы уравновѣсились. Наконецъ король могъ отнять у Австріи прошлогоднія ея завоеванія. Но австрійцы напередъ угадывали его намѣренія Въ продолженіе всей зимы, они трудились надъ укрѣпленіемъ Швейдница. Владѣя горами, они на каждомъ возвышеніи построили по отдѣльной крѣпостцѣ и подходы къ нимъ защитили палисадами и засѣками, такъ, что вся горная цѣпь представляла нѣсколько укрѣпленныхъ террасъ. Даунъ, который снова принялъ главное начальство надъ австрійской арміей, занялъ всѣ горные проходы. Фридрихъ старался нападеніями и маневрами вытѣснить Дауна изъ крѣпкой позиціи и удалить отъ Швейдница. Даунъ отбивался и равнодушно смотрѣлъ на всѣ его попытки. Фридрихъ отправилъ въ тылу его экспедицію въ Богемію. Партизаны его съ русскимъ казацкимъ отрядомъ разрушали тамъ непріятельскіе магазины, собирали контрибуцію, — ничто не помогло. Наконецъ Фридрихъ рѣшился атаковать правое крыло Дауна, простиравшееся до Буркерсдорфа. Всѣ распоряженія были уже сдѣланы, войска расположены; вдругъ новый ударъ судьбы постигъ короля. Курьеръ изъ Петербурга прибылъ съ извѣстіемъ, что императоръ Петръ III, 28-го іюня, отрекся отъ престола въ пользу своей супруги. Такая новость могла произвесть совершенный переворотъ въ дѣлахъ Фридриха. Онъ упросилъ Чернышева сохранить это событіе втайнѣ, хотя на одинъ день, и поспѣшилъ исполнить свой планъ. На слѣдующее утро произошло Буркерсдорфское дѣло. Передъ самымъ началомъ сраженія, когда войска Фридриха стояли уже въ боевомъ порядкѣ, прибылъ новый курьеръ изъ Россіи. Эстафета его заключала въ себѣ манифестъ о кончинѣ императора, послѣдовавшей въ Ропшѣ, 6-го іюля, о принятіи престола императрицею Екатериною II и повелѣніе Чернышеву привесть войско къ присягѣ и немедленно отступить въ Польшу. Сбылось, чего такъ страшился Фридрихъ. «Не требую отъ васъ нарушенія повелѣній императрицы,» сказалъ онъ Чернышеву;—«но я надѣюсь, что вы не оставите моего войска теперь, въ минуту битвы, ввиду непріятеля. Это значило бы погубить меня: а государыня ваша вѣрно не имѣла такого намѣренія. Не хочу, чтобъ моя битва стоила одной капли крови ея подданнымъ: я надѣюсь одинъ управиться съ врагами; но я прошу васъ не покидать позиціи до окончанія сраженія, въ которомъ вашъ корпусъ будетъ только зрителемъ, а не дѣйствователемъ. Весь міръ оправдаетъ поступокъ, котораго требуетъ отъ васъ званіе благороднаго вождя и благонамѣреннаго союзника. По окончаніи дѣла—вы свободны.» Чернышевъ былъ не въ состояніи противиться убѣдительному краснорѣчію короля. Притомъ требованія его были такъ умѣренны и справедливы, что исполненіе ихъ

русскій военачальникъ не могъ почитать измѣною отечеству. Онъ согласился. «Я остаюсь!» сказалъ онъ Фридриху; «и еслибъ даже нашли, что поступокъ мой достоинъ смерти, я готовъ десять разъ пожертвовать жизнію, чтобъ доказать, какъ глубоко почитаю ваше величество. Но я убѣжденъ, что дѣйствую согласно съ долгомъ совѣсти и присяги, и увѣренъ, что моя всемилостивѣйшая государыня оправдаетъ мое убѣжденіе.»—Планъ Фридриха былъ вѣрно разсчитанъ. Даунъ, имѣя передъ собою корпусъ Чернышева, не смѣлъ двинуться съ мѣста. Кромѣ того, войска Фридриха были такъ искусно поставлены, что повидимому надлежало ожидать натиска на главныя силы австрійцевъ. Усиливая себя противъ намѣреній противника, Даунъ не обратилъ особеннаго вниманія на горныя укрѣпленія и проходы. За ночь была поставлена противъ нихъ прусская батарея въ 45 гаубицъ Сраженіе началось искуснымъ маневромъ, по которому пѣхота и артиллерія Фридриха съ необузданной быстротой кинулись на непріятельскіе шанцы. Австрійская легкая конница хотѣла отбить приступъ, но прусская батарея загнала ее въ горныя ущелія. Тогда начался приступъ на горы со всѣхъ сторонъ. Пруссаки, подъ начальствомъ Мёллендорфа, какъ кошки взбирались по крутымъ высотамъ и обрывамъ и на себѣ взносили на нихъ пушки.

Они брали одно укрѣпленіе за другимъ, тѣснили непріятеля въ горы и наконецъ принудили его бѣжать къ главной арміи Дауна. 1400 австрійцевъ пали на мѣстѣ битвы, до тысячи взяты въ плѣнъ. Русскіе генералы, находившіеся въ свитѣ короля, съ изумленіемъ смотрѣли на удивительныя распоряженія Фридриха и на почти невѣроятныя дѣйствія его войска По оконча-

нiи битвы Фридрихъ съ Чернышевымъ возвращался съ поля сраженiя. Подъ кустомъ сидѣлъ солдатъ, тяжело раненый въ голову. «Какъ ты себя чувствуешь?» спросилъ его король.—Очень хорошо—отвѣчалъ солдатъ,—непрiятель бѣжитъ, а мы побѣждаемъ!—«Но ты сильно раненъ, мой другъ. Вотъ мой платокъ: завяжи имъ голову, чтобъ не терять напрасно крови.»—Чернышевъ былъ глубоко тронутъ этой сценою. «Теперь я не удивляюсь успѣхамъ вашего величества,»—сказалъ онъ Фридриху,—«кто такъ умѣетъ привязывать къ себѣ солдатъ, тотъ долженъ быть непобѣдимъ!» (*)

(*) Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ съ тринадцатилѣтняго возраста былъ уже въ военной службѣ. Въ 1742 году онъ поступилъ въ секретари при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ. По возвращенiи въ Россiю сдѣланъ камеръ-юнкеромъ при дворѣ наслѣдника престола. Отличное знанiе иностранныхъ языковъ, быстрый умъ и особенная любезность въ обращенiи вскорѣ доставили ему мѣсто полномочнаго посла на имперскомъ германскомъ сеймѣ, гдѣ ему было поручено отстаивать права Петра Өеодоровича, какъ герцога Шлезвигъ-Голштейнскаго. Возвратясь въ Петербургъ, онъ, по интригамъ придворныхъ, подпалъ подъ опалу императрицы и былъ удаленъ въ армiю. Во время Рейнскаго похода пожалованъ въ генералъ-маiоры. Въ Семилѣтнюю войну Чернышевъ,

Въ тотъ-же день русскія войска присягнули императрицѣ Екатеринѣ, а на слѣдующее утро корпусъ Чернышева выступилъ въ походъ. Фридрихъ осыпалъ русскаго военачальника ласками и возложилъ на него орденъ Чернаго Орла; Екатерина пожаловала его генералъ-аншефомъ, а въ день своего коронованія кавалеромъ св. Андрея Первозваннаго. Всѣ русскіе генералы получили отъ Фридриха подарки и до самыхъ границъ Польши русская армія была продовольствована на его счетъ виномъ, хлѣбомъ и мясомъ.

Между тѣмъ гроза, которую Фридрихъ ожидалъ со стороны Россіи, миновала сама собою. При Елисаветѣ, когда русскія войска дѣйствовали противъ Фридриха, всѣ глядѣли на эту войну съ явнымъ неудовольствіемъ, считая ее совершенно безполезною. При Петрѣ, во время мира съ Пруссіею, Фридрихъ за то сдѣлался въ Россіи предметомъ всеобщей ненависти Причиною такого страннаго и скораго переворота въ общественномъ мнѣніи были неожиданныя и быстрыя нововведенія въ войскѣ и въ правленіи, которыя императоръ предпринималъ по образцу Пруссіи, безъ всякаго предварительнаго пріуготовленія. Фридрихъ былъ его идоломъ и онъ рѣшился слѣпо подражать

въ чинѣ генералъ-поручика, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ нашей арміи, отличался въ малой войнѣ съ пруссаками и со славою участвовалъ въ Цорндорфской битвѣ. По заключеніи мира съ Пруссіею, Чернышевъ сдѣланъ вице-президентомъ Военной Коллегіи, управлялъ ею двѣнадцать лѣтъ; въ 1773 году пожалованъ чиномъ фельдмаршала и возведенъ въ званіе президента Коллегіи, но скоро долженъ былъ уступить это мѣсто любимцу счастія, Потемкину Чернышевъ привелъ русское войско въ отличный порядокъ и устройство; начерталъ для полковъ инструкціи, положенія и штаты, которые были высочайше одобрены и утверждены. Онъ былъ первымъ генералъ-губернаторомъ Бѣлорусской области и образовалъ въ ней Псковское и Могилевское намѣстничества. При немъ Бѣлорусскій край пришелъ къ цвѣтущее состояніе. Въ 1782 году Чернышевъ былъ перемѣщенъ генералъ-губернаторомъ въ Москву, которая обязана ему многими лучшими своими зданіями Здѣсь онъ получилъ Владимірскую ленту и скончался шестидесятитрехъ лѣтъ, въ 1784 году. Екатерина чрезвычайно уважала Чернышева за его примѣрную преданность къ престолу, за его свѣтлый умъ и безкорыстное самоотверженіе на пользу отечества. Чтобъ показать, на какой высокой степени образованности стоялъ Чернышевъ, довольно сказать, что первымъ другомъ его былъ умнѣйшій и просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени, московскій митрополитъ Платонъ. Чернышевъ имѣлъ рѣдкую душу: для пользы общей онъ жертвовалъ всѣми личными выгодами, не увлекался честолюбіемъ и умѣлъ цѣнить достоинства своихъ сверстниковъ, несмотря на то, что они обгоняли его по службѣ. Одинъ изъ сановниковъ, разсказывая при немъ новости, сказалъ: «Представьте! Репнину дали Андреевскій орденъ!»—*Не можетъ быть*, возразилъ Чернышевъ хладнокровно.—«Я васъ увѣряю»... *Не можетъ быть*, повторилъ Чернышевъ, *мнѣ его дали, и вамъ могутъ дать, а Репнинъ самъ его взялъ.*»

Братъ его *Иванъ Григорьевичъ* Чернышевъ былъ извѣстенъ, какъ отличнѣйшій дипломатъ, славился тѣмъ же проницательнымъ умомъ и благородствомъ характера. Императоромъ Павломъ онъ былъ пожалованъ въ фельдмаршалы *по флоту* и произвелъ въ немъ такой же счастливый переворотъ, какъ братъ его въ арміи.

ему во всемъ. Но эти нововведенія, прекрасныя по своей цѣли, часто противорѣчили духу, характеру и нравамъ русскаго народа. Надлежало прививать ихъ къ Россіи крутыми мѣрами. Мудрыя намѣренія императора народъ представлялъ себѣ въ ложномъ свѣтѣ. Появленіе при дворѣ иностранцевъ, которыхъ государь осыпалъ милостями, породило ревность въ прежнихъ любимцахъ. Во всѣхъ классахъ народа поднялся ропотъ противъ прусскаго короля: его почитали виновникомъ всѣхъ переворотовъ. При восшествіи Екатерины на престолъ всѣ единодушно желали продолженія войны съ Пруссіею Но по разобраніи бумагъ покойнаго императора, Екатерина нашла письма Фридриха, въ которыхъ онъ давалъ Петру самые спасительные совѣты: «Не дѣлать бытрыхъ переворотовъ въ государствѣ; щадить права и обычаи народа; только въ крайнихъ случаяхъ приниматься за нововведенія и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ болѣе слѣдовать внушеніямъ благороднаго и нѣжнаго сердца его супруги, которое никогда не ошибется въ выборѣ благихъ мѣръ, чѣмъ горделивой и часто обманчивой увѣренности въ собственныхъ силахъ.»—Эти строки обезоружили великую монархиню. Семилѣтняя война и безъ того изнурила государство, а Екатерина поставила себѣ правиломъ, только тогда вмѣшиваться въ дѣла другихъ державъ, когда оттого предвидится ощутительная польза для Россіи. И такъ она приняла нейтралитетъ между Пруссіей и Австріей и мирный трактатъ съ Фридрихомъ остался во всей своей силѣ.

Теперь Фридрихъ былъ совершенно спокоенъ: онъ могъ обратить все свое войско противъ одной Австріи. Даунъ, послѣ пораженія при Буркерсдорфѣ, былъ отрѣзанъ отъ Швейдница и отступилъ далѣе въ горы. Пруссакамъ открылся свободный доступъ къ городу. Генералъ Тауэнціенъ началъ осаду: 8-го августа были открыты траншеи. Двѣ арміи, одна подъ начальствомъ короля, другая подъ командою принца Бевернскаго, прикрывали его. Эта осада занимаетъ важное мѣсто въ исторіи военной науки. Два отличные инженера, Грибоваль, со стороны австрійцевъ, и Лефевръ, со стороны прусской, управляли осадою и защитою крѣпости. Оба были знамениты своими сочиненіями по этой части, но держались различныхъ системъ. Борьба ихъ должна была рѣшить, которая изъ двухъ системъ лучше. Это подало поводъ къ особенной подземной войнѣ, въ которой оба соперника одинаково торжествовали. Между тѣмъ Даунъ, обойдя горный хребетъ, напалъ на армію принца Бевернскаго, расположенную при Рейхенбахѣ. Дрались съ остервененіемъ, но Фридрихъ подоспѣлъ на помощь къ своему полководцу и побѣда осталась за пруссаками. Эта попытка стоила австрійцамъ 3,000 человѣкъ. Видя невозможность вырвать у пруссаковъ Швейдницъ, Даунъ отретировался къ Глацу. Два мѣсяца продолжалась безплодная осада. Фридрихъ потерялъ

терпѣніе и самъ взялся за распоряженія. Удачнымъ выстрѣломъ изъ единорога граната была брошена въ пороховой подвалъ, и цѣлый бастіонъ съ двумя ротами австрійскихъ гренадеръ взлетѣлъ на воздухъ. Тогда начались приготовленія къ штурму, но комендантъ Гаско не допустилъ до этого и 9-го октября самъ сдалъ крѣпость. Весь гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ. Пруссія и Австрія похоронили во время осады Швейдница по 3,000 человѣкъ. 172,000 бомбъ и гранатъ было брошено въ крѣпость, полтораста тысячь такихъ же выстрѣловъ сдѣлано по пруссакамъ. Фридрихъ показалъ примѣрное хладнокровіе во время этой осады. Разъ онъ осматривалъ подкопы: ядра и гранаты сыпались вокругъ него. Одно изъ нихъ убило лошадь подъ его пажемъ. Генералы просили короля ретироваться съ опаснаго мѣста. «Не бойтесь,» — отвѣчалъ, онъ — «ядро, которое поразитъ меня, упадетъ свыше!» Восьмнадцатилѣтній наслѣдникъ престола, съ рѣдкой неустрашимостью сопровождалъ короля во всѣхъ трудныхъ пунктахъ Взятіемъ Швейдница кончились всѣ операціи въ Силезіи. Войска Фридриха пошли въ Саксонію, куда и Даунъ отправилъ часть своей арміи. Тамъ принцъ Генрихъ отлично держался противъ всѣхъ нападеній австрійцевъ и имперцевъ. Малая война велась постоянно и почти всегда онъ выходилъ побѣдителемъ изъ мелкихъ стычекъ и сраженій. Побѣды при Дебельнѣ, близъ Ауэрсбаха и подъ Теплицемъ доставили принцу рѣшительно верхъ надъ непріятелемъ. Имперцы были совершенно вытѣснены изъ Саксоніи и только послѣ большаго обхода чрезъ Богемію имъ

удалось опять примкнуться къ австрійской арміи. Тогда соединенныя непріятельскія войска рѣшились кончить походъ генеральнымъ сраженіемъ. 29-го октября обѣ арміи выстроились другъ противъ друга, на поляхъ Фрейбергскихъ. Здѣсь обѣ стороны дѣйствовали такъ рѣшительно, что, по словамъ историковъ, *кровь лилась ручьями*, и груды мертвыхъ тѣлъ часто раздѣляли сражающихся. Вся битва продолжалась только два часа, послѣ чего непріятели были такъ истощены, что не могли долѣе бороться. Сперва была опрокинута легкая кавалерія австрійцевъ, потомъ имперцы были вытѣснены изъ окоповъ и отброшены къ Мульдѣ. Наконецъ, послѣ упорной борьбы пѣхоты, Сейдлицъ явился съ своими кирасирами и нанесъ непріятелю рѣшительный ударъ.

Дѣло подъ Фрейбергомъ было послѣднее въ эту кампанію. Имперскія войска очистили Саксонію совершенно, Даунъ отошелъ къ Дрездену. Враждующіе заключили между собою перемиріе и каждая армія вступила на зимнія квартиры.

Между тѣмъ война въ Вестфаліи велась съ перемѣннымъ счастіемъ Въ февралѣ 1761 года, Фердинандъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ

противъ французовъ. Онъ напалъ на ихъ зимнія квартиры, уничтожилъ магазины и вытѣснилъ непріятеля изъ многихъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Только Кассель и Гётингенъ остались въ рукахъ французовъ; но у Лангензальце французы претерпѣли такое сильное пораженіе, что принуждены были очистить побѣдителямъ путь къ Касселю. Тогда Фердинандъ послалъ племянника своего на осаду этого города, а самъ началъ блокировать Марбургъ. Взятіе Касселя могло лишить французовъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ ими въ предыдущую кампанію. Потому маршалъ Брогліо собралъ всѣ свои силы на Нижнемъ Рейнѣ, смѣло пошелъ на непріятеля и разбилъ союзную армію при Стангероде.

Фердинандъ принужденъ былъ ретироваться къ Падеборну; а французы, овладѣвъ всею Гессенскою областію, открыли себѣ путь въ Ганноверъ. Холодъ и недостатокъ продовольствія заставилъ обѣ арміи прекратить военныя дѣйствія. Малая война открылась снова въ исходѣ іюня мѣсяца. Обѣ арміи дѣйствовали сначала съ равнымъ успѣхомъ, но напослѣдокъ французы взяли перевѣсъ. Брогліо овладѣлъ Ганноверской областью, тревожилъ Вестфалію, взялъ Оснабрюкъ, Эмденъ, даже Бременъ, хотя это былъ имперскій городъ, и вездѣ собиралъ страшныя контрибуціи деньгами и провіантомъ. Успѣхи французовъ были бы еще значительнѣе, еслибъ наступившая зима и несогласія между Брогліо и Субизомъ не остановили военныхъ дѣйствій. По клеветамъ послѣдняго, Брогліо былъ отозванъ отъ войска и удаленъ отъ двора (*).

(*) Французская нація принимала живое участіе въ Брогліо. На другой день по его отозваніи отъ арміи, въ театрѣ давали трагедію «Танкредъ»; при стихѣ:

C'est le sort d'un héros d'être persécuté!

Участь героя быть преслѣдуемымъ...

Мѣсто его заступилъ принцъ Конде. Съ этой перемѣной все пошло иначе.

Фердинандъ Браунштейгскій снова ознаменовалъ себя рядомъ побѣдъ, не смотря на то, что лордъ Бутъ очень слабо подкрѣплялъ его войскомъ, со стороны Англіи. Къ концу года начались между Англіею и Франціею мирные переговоры. Фердинандъ, не обращая на то вниманія, продолжалъ дѣйствовать и 1-го ноября успѣлъ еще отнять у французовъ Кассель. Это былъ послѣдній подвигъ знаменитаго полководца: чрезъ нѣсколько дней миръ былъ заключенъ. Лондонскій парламентъ отблагодарилъ Фердинанда адресомъ, въ которомъ назначилъ ему ежегодный пенсіонъ въ 3000 фунтовъ стерлинговъ. Война эта совершенно разорила Францію. Вольтеръ говоритъ: «Франція, во время шестилѣтняго союза съ Австріею, гораздо болѣе истощилась людьми и деньгами, чѣмъ во всѣ войны, которыя она вела съ этимъ домомъ въ теченіе двухъ вѣковъ.» По статьямъ мирнаго договора французы обязаны были *очистить* и *возвратить* всѣ завоеванныя ими у англичанъ земли; объ земляхъ же прусскихъ, находившихся въ ихъ рукахъ, въ договорѣ было упомянуто глухо. Поэтому французы еще оставались въ Клевскомъ, Гельдернскомъ и въ другихъ округахъ и Фридриху предстояло выгнать ихъ оттуда силою.

Перемиріе, заключенное Фридрихомъ, распространилось только на Саксонію и Силезію. Онъ рѣшился воспользоваться имъ для пораженія прочихъ непріятелей. Онъ отправилъ десятитысячный корпусъ противъ имперскихъ князей, которые держались противной стороны. Генералъ Клейстъ со славою исполнилъ эту экспедицію. Онъ вошелъ во Франконію, овладѣлъ Бамбергомъ, потомъ Нирнбергомъ, взялъ съ обоихъ городовъ до двухъ миліоновъ талеровъ контрибуціи, и оттуда уже отправилъ партіи по разнымъ направленіямъ имперскаго союза. Прусскіе гусары распространяли повсюду страхъ и трепетъ. При одномъ ихъ появленіи города сдавались и отплачивались деньгами. Такъ достигли они до самаго Регенсбурга. Имперскій сеймъ пришелъ въ ужасъ

раздались такія неистовыя рукоплесканія и крики, что для прекращенія шума принуждены были принять полицейскія мѣры. —Брогліо потомъ вступилъ въ русскую службу, въ царствованіе Павла Петровича, переименованъ въ генералъ-фельдмаршалы, но не находя пищи для своей дѣятельности, вышелъ въ отставку. Онъ умеръ въ Мюнстерѣ, въ 1804 году. Людовикъ XVIII говорилъ объ немъ: «Въ Брогліо двѣ рѣдкія крайности: *храбрость юноши* и *опытность старца*!»

и въ крайней бѣдѣ прибѣгнулъ къ милосердію прусскаго посланника, графа Плото, на котораго прежде смотрѣлъ съ пренебреженіемъ. Его покровительство спасло Регенсбургъ. Австрія смотрѣла равнодушно на дѣйствія Клейста и тогда только отправила небольшой корпусъ во Франконію, когда Клейстъ, обремененный добычею, заложниками и плѣнными, былъ на возвратномъ пути и благополучно прибылъ въ Саксонію. Союзные имперскіе чины теперь увидѣли ясно, какъ непрочна надежда на помощь австрійцевъ и спѣшили наперерывъ отдѣляться отъ союза противъ Пруссіи или заключать съ нею миръ. Баварія прежде всѣхъ объявила себя нейтральною; затѣмъ войска Палатината возвратились во свояси; а наконецъ и Мекленбургъ заключилъ миръ съ Фридрихомъ и внесъ ему 150,000 талеровъ контрибуціи.

Другая экспедиція была отправлена королемъ противъ французовъ въ рейнскія провинціи. И она имѣла самый счастливый результатъ: владѣнія его въ самое короткое время были очищены и спасены отъ грабительства французскихъ мародеровъ.

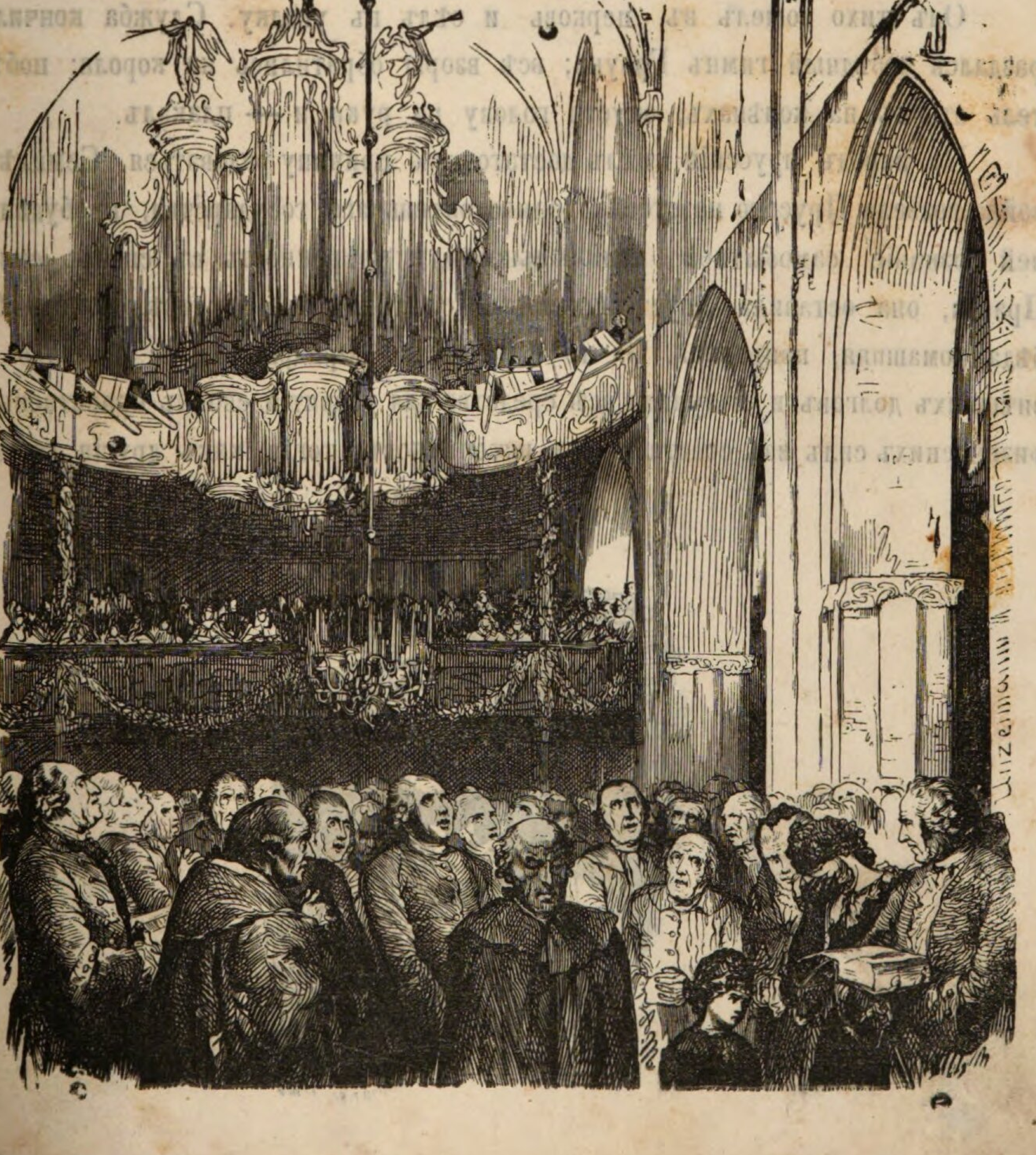
Теперь Австрія и Пруссія должны были бороться одинъ на одинъ. Всѣ преимущества клонились на сторону Фридриха. Богатыя контрибуціи, собранныя имъ съ имперскихъ городовъ, онъ употреблялъ теперь на жалованье имперскимъ-же солдатамъ, которые, при разстройствѣ грозной карательной арміи, цѣлыми полками переходили подъ его знамена. Такимъ образомъ онъ надѣялся составить войско въ 200,000 человѣкъ. Австрія могла выставить противъ него только 60,000. Кромѣ того она была обременена тяжкими долгами; подданные страдали отъ значительныхъ налоговъ; недостатокъ звонкой монеты остановилъ ходъ торговли, купцы разорялись, ремесленный классъ обнищалъ: поднялся всеобщій ропотъ. Эти обстоятельства заставили Марію-Терезію смирить свою гордость. Она сдѣлала первый шагъ къ примиренію. Фридрихъ былъ радъ кончить брань, которая семь лѣтъ истощала его силы. Даже Августъ III увидѣлъ, что для спасенія Саксоніи отъ конечной погибели, остается только одно это средство. Замокъ Губертсбургъ былъ избранъ для переговоровъ. Каждая изъ враждующихъ державъ отправила туда своего уполномоченнаго. На этотъ разъ для совѣщаній были избраны не министры, не придворные интриганы, а чиновники, извѣстные своею добросовѣстностію и свѣтлымъ взглядомъ на вещи. Прусскій совѣтникъ посольства Герцбергъ, и тайные совѣтники—австрійскій Коленбахъ и саксонскій—Фричъ, въ концѣ декабря, съѣхались въ назначенное мѣсто. Въ первыхъ числахъ января начались переговоры, а 16-го февраля миръ былъ подписанъ. Всѣ три державы согласились признать взаимно свои владѣнія въ тѣхъ самыхъ границахъ, въ которыхъ они находились до начатія Семилѣт-

ней войны и не требовать другъ съ друга никакихъ вознагражденій. Силезія и графство Глацкое признаны собственностію Фридриха. Австрія обязалась даже не разрушать построенныхъ ею новыхъ укрѣпленій. Саксонія была возвращена Августу. Кромѣ того Фридрихъ обязался подать голосъ въ пользу эрцгерцога Іосифа, сына Маріи-Терезіи, при избраніи его въ римскіе короли.

Такъ кончилась эта кровопролитная распря, которая опутала своими цѣпями всю Европу и закинула пламя войны даже въ Америку. Кромѣ разоренія, потери людей и долговъ—она ничего не принесла враждующимъ державамъ. Пруссія, опустошенная и разстроенная, однако съ восторгомъ ожидала прибытія своего короля въ столицу. Она чувствовала, что отнынѣ все ея величіе, безопасность и будущее счастіе заключалось въ немъ. 30-го марта, объѣхавъ Силезію, онъ прибылъ въ Берлинъ Онъ хотѣлъ избѣжать торжественнаго пріема и въѣхалъ въ городъ вечеромъ. Но народъ съ утра ждалъ его передъ городскими воротами; громкіе крики: *да здравствуетъ великій король!* встрѣтили побѣдителя. Въ одинъ мигъ коляска его была окружена народомъ и тысячи факеловъ запылали по улицамъ.

Народъ ликовалъ: на площадяхъ раздавались пѣсни и заздравные тосты, всѣ окна блистали радостными огнями. Но Фридрихъ былъ печаленъ и съ поникшей головой переступилъ порогъ своего королевскаго дома. Послѣ се-

милѣтняго отсутствія онъ возвращался въ столицу, и взоръ его на каждомъ шагу встрѣчалъ живыя свидѣтельства бѣдствій, перенесенныхъ подданными, онъ долженъ былъ прочесть почти на каждомъ лицѣ печальный слѣдъ потерь, ничѣмъ не вознаградимыхъ. За нѣсколько дней до пріѣзда онъ писалъ къ д'Аржансу: «Старикомъ, у котораго каждый день отнимаетъ по году жизни, инвалидомъ, израненнымъ подагрою, возвращаюсь я въ городъ, въ которомъ мнѣ знакомы только однѣ стѣны. Тамъ нѣтъ болѣе близкихъ моему сердцу! Не старые друзья встрѣтятъ меня у порога, а новыя язвы моего народа и безчисленныя заботы о ихъ исцѣленіи. Съ душой утомленной, съ сердцемъ разбитымъ, возвращаюсь я въ этотъ городъ, гдѣ скоро сложу мои кости въ пріютѣ, котораго покой не возмутятъ на война, ни бѣдствія, ни злоба людей!» На другой день по прибытіи въ Берлинъ онъ отправился въ Шарлотенбургскую придворную церковь, гдѣ назначено было молебствіе и панихида по павшимъ въ брани. Вся придворная капелла и множество народа ожидали его появленія.

Онъ тихо вошелъ въ церковь и сѣлъ въ уголку. Служба кончилась, раздался побѣдный гимнъ Грауна; всѣ взоры обратились на короля: побѣдитель стоялъ на колѣнахъ, опустя голову на руки и — плакалъ.

Но народъ прусскій имѣлъ достаточную причину радоваться. Семилѣтняя война возвела Пруссію на степень самостоятельнаго государства, пробудила въ ней сознаніе самобытной національности и увѣренность съ своихъ силахъ. Правда, она оставила опустошительный слѣдъ въ государствѣ, но это была бѣда домашняя, поправная. За то королевство Фридриха было свободно отъ внѣшнихъ долговъ и получило всѣ средства для развитія своихъ нравственныхъ физическихъ силъ изъ собственныхъ источниковъ; тогда, какъ другія государ-

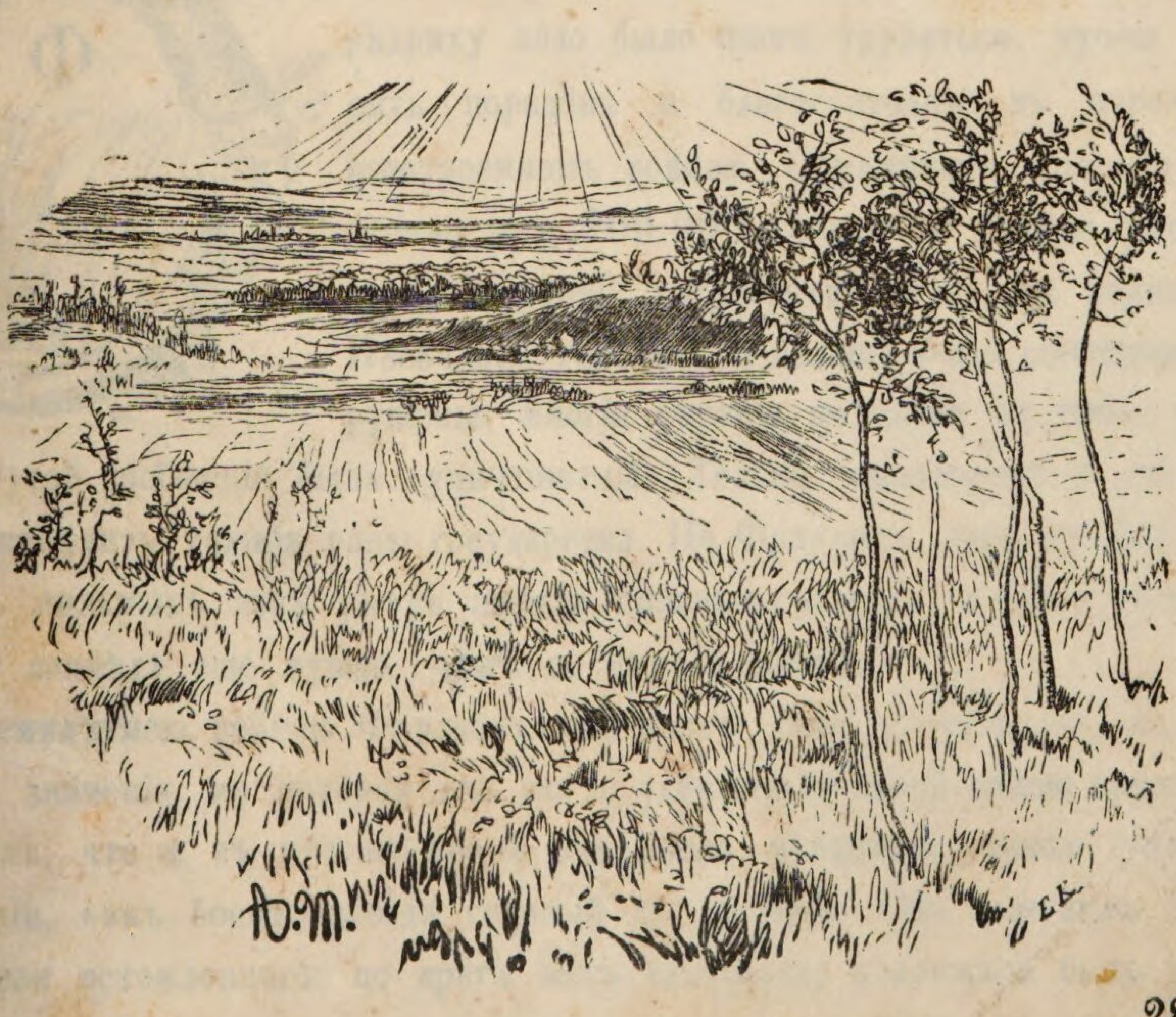
ства совершенно истощились и на долгое время результаты своей внутренной дѣятельности должны были употреблять на потушеніе иностранныхъ займовъ. Кромѣ того, слава прусскаго оружія и громкое имя Фридриха, какъ полководца, поставили Пруссію въ уровень съ сильнѣйшими державами и сдѣлали ее однимъ изъ важныхъ рычаговъ европейской политики Этой войнѣ пруссаки обязаны образованіемъ превосходныхъ военачальниковъ: принцевъ Брауншвейгскихъ, Генриха, Клейста, Меллендорфа, Вернера и въ особенности героя Семилѣтней войны Сейдлица, которыхъ имена надолго обезпечивали спокойствіе и безопасность государства, отнынѣ играющаго важную роль въ Европѣ

ства совершенно истощились и на долгое время результаты всей внутренней дѣятельности должны были употреблять на погашеніе иностранныхъ займовъ. Кромѣ того, слава прусскаго оружія и громкое имя Фридриха, какъ полководца, поставили Пруссію въ уровень съ значительными державами и сдѣлали ее однимъ изъ важнѣйшихъ рычаговъ европейской политики. Его войнѣ прусскіе обязаны образованіемъ и многихъ военачальниковъ: принцевъ Брауншвейгскихъ, Генриха, Клейста, Меллендорфа, Беверна и въ особенности героя Семилѣтней войны Зейдлица, которыхъ имена немало обезпечивали спокойствіе и безопасность государства, ставшаго незамѣтно одною изъ державъ въ Европѣ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ
ФРИДРИХА.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМАЯ.

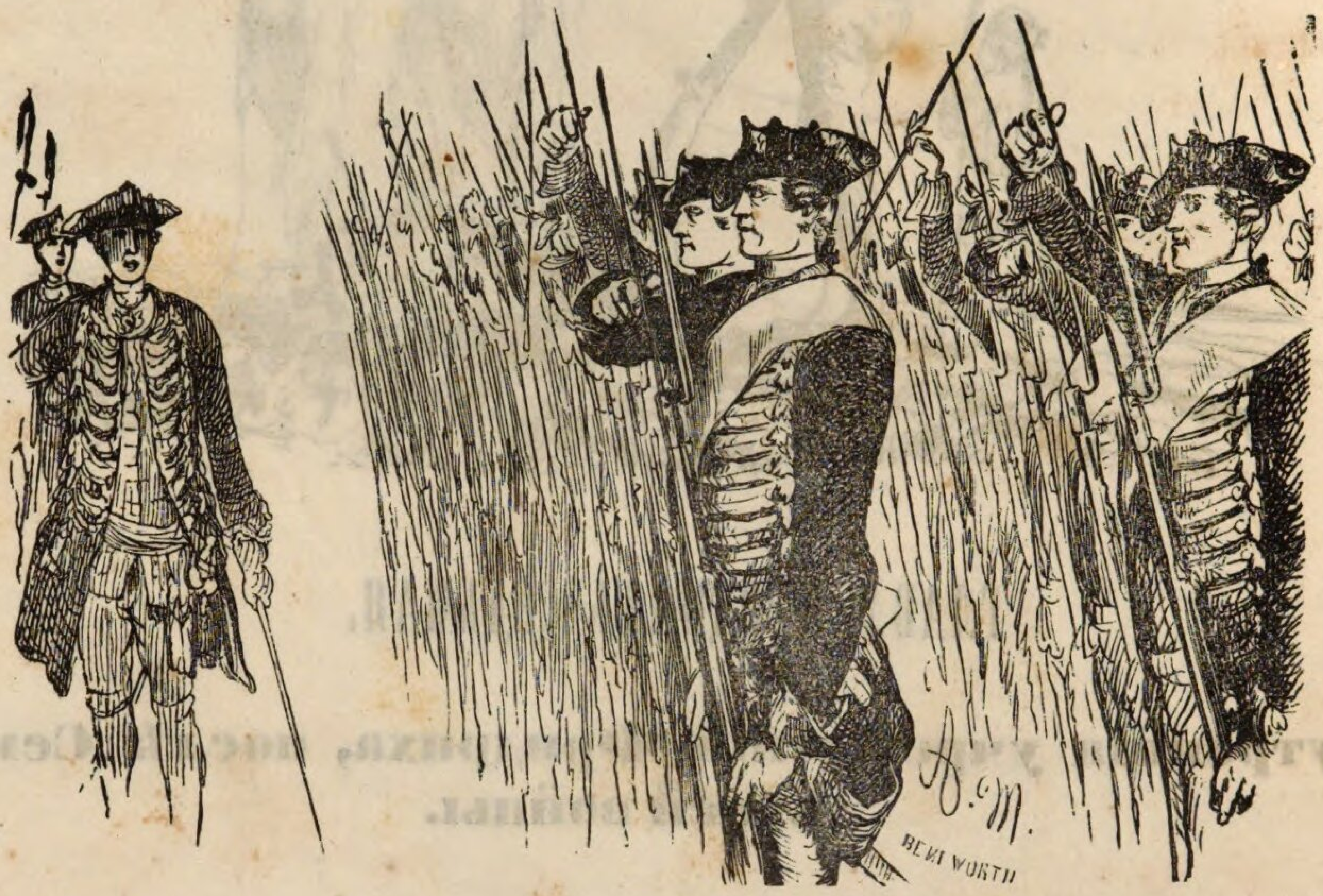
Внутреннія учрежденія Фридриха, послѣ Семилѣтней войны.

Фридриху надо было много трудиться, чтобы водворить порядокъ и благосостояніе въ королевствѣ, разстроенномъ войною. Семилѣтняя упорная борьба стоила ему 200,000 солдатъ и вообще уменьшила народонаселеніе государства почти на полмилліона. Нѣсколько городовъ и селеній были совершенно разрушены; многія страны походили на степь; большая часть путей сообщенія были уничтожены. Только милліонами и столѣтіями можно исцѣлить тяжкія раны государства. Но Фридрихъ, какъ мудрый врачъ, противъ сильныхъ язвъ умѣлъ найдти сильныя средства и чрезъ десять лѣтъ Пруссія зацвѣла еще лучше, чѣмъ до начала войны.

Семилѣтнею войною Фридрихъ поставилъ свое государство на такую степень значенія, на которой оно могло удержаться одной силою оружія. Онъ постигалъ. что и въ мирное время оно могло предаться покою только во всеоружіи, какъ боецъ, всегда готовый къ оборонѣ. Онъ вынудилъ миръ у непріятеля истомленнаго: но врагъ могъ отдохнуть; надлежало быть увѣрен-

нымъ въ своихъ силахъ для новой встрѣчи. Поэтому Фридрихъ прежде всего занялся войскомъ. Тотчасъ по заключеніи мира онъ распустилъ изъ арміи 40,000 прусскихъ крестьянъ, которые возвратились къ плугу. Несмотря на то, войско его пополнилось иностранцами, которые стекались со всѣхъ сторонъ, отыскивая чести служить подъ его знаменами.

Строгая дисциплина связывала это разноплеменное войско крѣпкими узами. Ежедневныя военныя упражненія заставляли солдатъ думать только о своемъ дѣлѣ и забывать обо всемъ постороннемъ. Королевское вниманіе и щедрыя награды отличавшимся породили въ нихъ благородное состязаніе. Скоро новая армія стояла на той же степени совершенства, какъ войско 1756 года.

Постигая сердце человѣческое, Фридрихъ избралъ *честь* рычагомъ для своей арміи. Это чувство старался онъ раздувать въ своихъ воинахъ всѣми возможными средствами, зная, что оно ближе всего граничитъ съ одушевленіемъ и способно на всякую жертву. Военное званіе получило новое значеніе въ гражданскомъ быту Пруссіи. Одни дворяне производились въ офицерскіе чины; преимущество рожденія должно было вознаграждаться и всѣми почестями военной службы. При этомъ король имѣлъ ввиду и другую полезную цѣль: слава прусскаго оружія была слишкомъ заманчива; многіе изъ гражданскаго быта поступали въ полки, въ надеждѣ на возвышеніе; оттого въ королевствѣ умножался классъ дворянъ, почитавшій униженіемъ каждое другое занятіе, кромѣ государственной службы; а прочія полезныя сословія уменьшались. По новому постановленію переходъ сдѣлался невозможнымъ, и *башмачникъ оставался при своей колодкѣ*, какъ говоритъ нѣмецкая

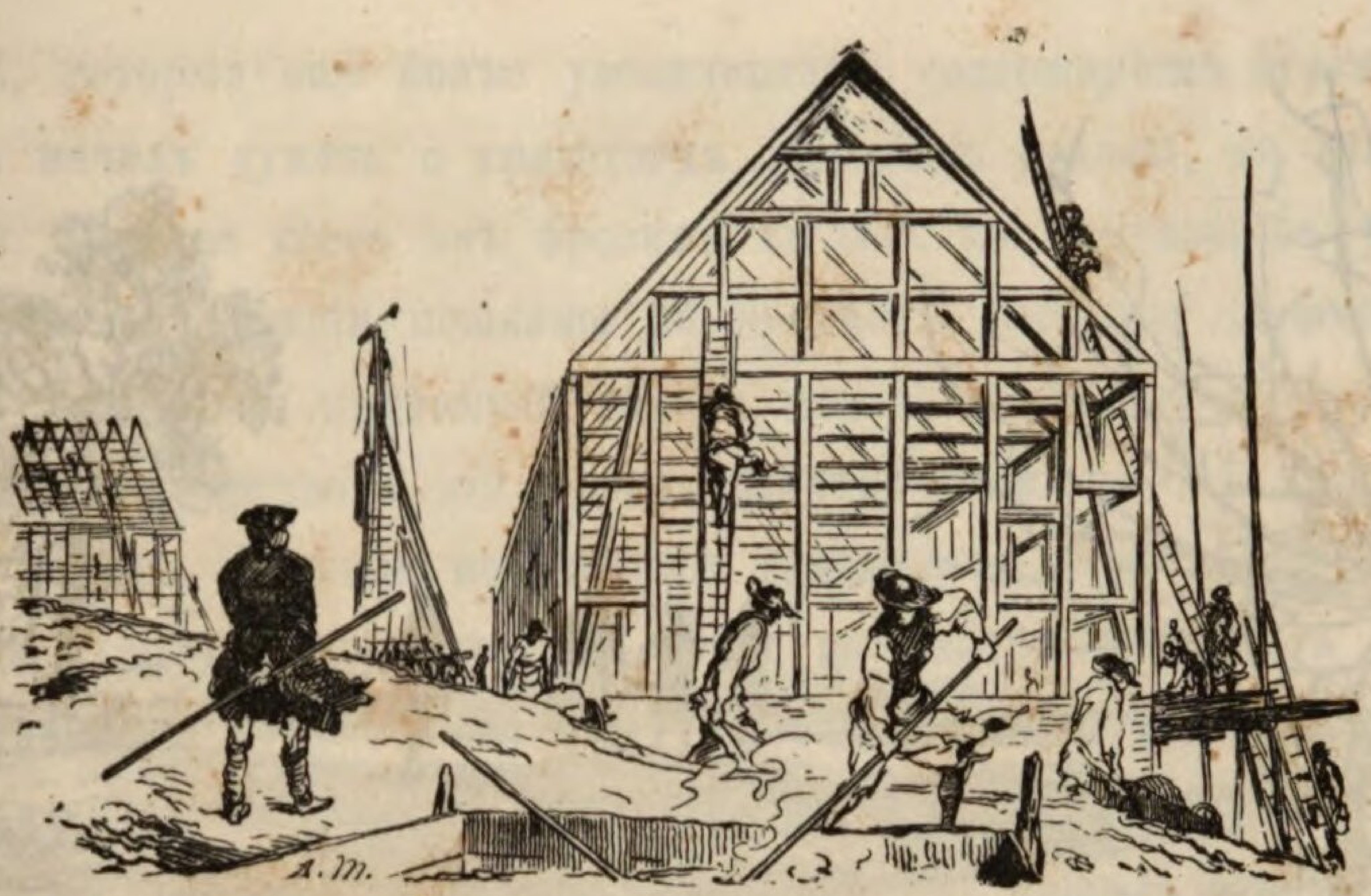
пословица. Каждый членъ общества не выходилъ изъ круга, въ которомъ рожденъ, и слѣдовалъ своему призванію, не увлекаясь мечтами честолюбія, всегда пагубнаго для людей средняго сословія. Чтобъ ознакомить офицеровъ съ особенными тактическими правилами, Фридрихъ самъ написалъ для нихъ курсъ, извлеченный изъ его собственнаго опыта. Курсъ этотъ раздавали имъ въ рукописи. подъ строжайшимъ запрещеніемъ отдавать въ постороннія руки, чтобы иностранцы не могли узнать его содержанія. Кромѣ устройства войска, король заботился и объ другихъ мѣрахъ къ оборонѣ. Всѣ укрѣпленія были исправлены и усилены; въ Зильбербергѣ, въ Силезіи, построена новая крѣпость; запасные магазины наполнились черезъ край; ружейные и литейные заводы работали безъ отдыха. Черезъ годъ Пруссія имѣла въ десять разъ больше пушекъ, чѣмъ утратила въ Семилѣтнюю войну, а число артиллерій-

скихъ полковъ удвоилось. Чтобы съ дѣтства приготовлять дворянъ къ ихъ назначенію, къ военной службѣ, Фридрихъ увеличилъ берлинскій кадетскій корпусъ и основалъ еще два: одинъ въ Штольпе (въ Помераніи), другой въ Кульмѣ (въ восточной Пруссіи). Сверхъ того, въ Берлинѣ открыта военная академія для офицеровъ; король выписалъ для нея отличнѣйшихъ преподавателей изъ Франціи. Обезпечивъ себя такимъ образомъ извнѣ, Фридрихъ обратилъ все свое вниманіе на уврачеваніе внутреннихъ ранъ государства Здѣсь онъ дѣлалъ истинныя чудеса. По его слову, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, города роскошно возставали изъ развалинъ, строились деревни, осушались, болота пустыни превращались въ цвѣтущія селенія

Не одна отеческая заботливость о благосостояніи подданныхъ побуждала его къ этимъ быстрымъ и напряженнымъ возобновленіямъ. Онъ имѣлъ и тайную, политическую цѣль: ему хотѣлось показать міру, что Пруссія, не смотря на свое истощеніе, была еще такъ сильна и богата средствами, что въ нѣсколько лѣтъ могла востановить все разрушенное продолжительной войною и залечить всѣ свои язвы, не прибѣгая къ стороннему пособію. Съ этой же цѣлію онъ тотчасъ по заключеніи мира началъ строить въ Сан-Суси огромный дворецъ; на сооруженіе его употреблено до пятидесяти милліоновъ. Этой постройкой онъ хотѣлъ, кромѣ того, пустить деньги въ оборотъ и поправить состояніе рабочаго класса. При отдѣлкѣ этаго дворца замѣчателенъ случай, который свидѣтельствуетъ о чрезвычайной скромности Фридриха. Онъ поручилъ знаменитому живописцу Ванлоо расписать потолокъ главной марморной залы. Художникъ изобразилъ на немъ Олимпъ съ полнымъ собраніемъ боговъ и въ самой срединѣ картины представилъ Кліо, передающую парящей Славѣ вензель короля. Фридрихъ былъ этимъ весьма недоволенъ и приказалъ уничтожить свое имя. «Я трудился не для исторіи, а для моего народа;»—сказалъ онъ —«Все, что я сдѣлалъ, принадлежитъ государству, а не славѣ. Я не завоеватель, а только защитникъ правъ моихъ подданныхъ; я не великій человѣкъ, а только порядочный король. Исполненіе долга не заслуга, а успѣхъ—не подвигъ!» Съ большими издержками были снова выведены подмостки въ залѣ и Ванлоо, не желая переписывать своей колосальной картины, закрылъ вензель зеленой занавѣской. И донынѣ еще богини славы держатъ въ рукахъ своихъ этотъ загадочный покровъ.

Чтобы провинціи, наиболѣе пострадавшія отъ войны, могли поправиться, съ нихъ были сложены подати: съ Силезіи на шесть мѣсяцевъ, съ Помераніи и Новой Мархіи на два года. Кромѣ того, шесть милліоновъ талеровъ были розданы разнымъ областямъ для вспомоществованія обѣднявшимъ жителямъ, на выкупъ заложенныхъ дворянскихъ имѣній и на поддержку и поправленіе

фабрикъ и мануфактуръ, которыя во время войны пришли въ разстройство. Для земледѣльцевъ были назначены особыя суммы. Король приказалъ выдать крестьянамъ изъ запаснаго провіанта арміи 42,000 четвертей зерноваго хлѣба на посѣвъ, почти столько же муки для пропитанія и 35,000 артиллерійскихъ и обозныхъ лошадей для обработыванія полей. Вообще, по исчисленію кабинетсминистра Герцберга, Фридрихомъ роздано подданнымъ на возстановленіе государства, съ 1763 по 1786 годъ, 24,399,838 талеровъ. Но всего удивительнѣе, что всѣ эти пожертвованія сдѣланы имъ изъ собственной казны, изъ частныхъ его сбереженій и контрибуцій, собранныхъ во время войны. Государственныя суммы остались неприкосновенными. Такое уваженіе къ народной собственности возвышаетъ этого великаго монарха еще болѣе въ глазахъ міра. Только съ его геніальнымъ умомъ, съ его понятіями о чести и народныхъ правахъ, можно было достигнуть до такихъ изумительныхъ и великихъ результатовъ. «Государство мое богато, но самъ я бѣденъ,»—говорилъ онъ;—«такъ что же? Зато мои подданные счастливы, а въ этомъ состоитъ главное сокровище монарха!» Прекрасная мысль въ государѣ! Великая черта истиннаго самоотверженія!

Въ одной Силезіи Фридрихъ построилъ въ восемь лѣтъ 213 деревень. Пруссія была открыта для всѣхъ семействъ, гонимыхъ религіознымъ фанатизмомъ въ другихъ государствахъ. Во время Семилѣтней войны, преслѣдованіе протестантовъ усилилось еще болѣе въ католическихъ земляхъ, жертвы гоненія толпами стремились подъ защиту Фридриха. Въ одномъ Магдебургскомъ округѣ было имъ поселено 2000 новыхъ семействъ. Въ Помераніи,

въ Остфрисландіи, на берегахъ Одера и Гавеля раскинулись обширныя колоніи иноземныхъ выходцевъ и мѣста болотистыя и песчаныя покрылись цвѣтущими нивами и молодыми лѣсами. Лѣсоводство вообще составляло одинъ изъ главныхъ предметовъ заботъ Фридриха. Въ теченіе войны прусскіе лѣса жестоко пострадали: они были отчасти истреблены непріятелями, отчасти порублены самимъ правительствомъ, на продажу. Теперь огромное количество лѣса пошло на новыя постройки и король дѣятельно хлопоталъ, чтобъ обезпечить грядущія поколѣнія прусскихъ подданныхъ этой необходимой потребностію.

При такихъ усиленныхъ дѣйствіяхъ короля, Пруссія видимо приходила въ первобытное состояніе. «Фанатизмъ и ярость честолюбія превратили самыя цвѣтущія страны моего государства въ пустыни;»—писалъ Фридрихъ къ Вольтеру.—«Если васъ интересуетъ итогъ опустошеній, причиненныхъ мнѣ врагами, то знайте, что я построилъ въ Силезіи 8000 домовъ. въ Помераніи и Неймаркѣ 6500, а это, по всѣмъ вычисленіямъ Ньютона и д'Аламбера, составитъ 14,500 новыхъ жилищъ. Большая часть была сожжена непріятелемъ. Нѣтъ! мы не такъ вели войну; правда, и мы разрушили нѣсколько домовъ въ городахъ, которые осаждали; но число ихъ не простирается и до тысячи. Дурной примѣръ не ввелъ насъ въ искушеніе и съ этой стороны совѣсть моя свободна отъ всякаго упрека.»

На всѣ эти вспомоществованія и улучшенія были потребны огромныя суммы: обыкновенныхъ королевскихъ доходовъ недоставало на покрытіе

издержекъ, которыя еще болѣе увеличивались содержаніемъ огромнаго войска. Фридрихъ началъ думать о средствахъ умножить доходы, не дѣлая налоговъ на народъ. Прежде всего онъ бросилъ взглядъ на таможенное управленіе и нашелъ, что въ Пруссіи пошлины на предметы роскоши слишкомъ ничтожны и что тарифъ на привозный товаръ можно значительно распространить. Въ другихъ государствахъ эта отрасль политической экономіи приносила казнѣ огромныя пользы. Особенно во Франціи таможенное управленіе было доведено до высокой степени совершенства. Фридриху хотѣлось завесть у себя тоже самое устройство. Онъ вызвалъ въ Берлинъ знаменитаго Гельвеція, генералъ-президента таможень во Франціи, который на этомъ мѣстѣ доставилъ Людовику XV большія денежныя выгоды и самъ нажилъ огромное состояніе. Гельвецій ознакомилъ короля съ ходомъ дѣла и устроилъ въ Пруссіи главную администрацію королевскихъ доходовъ, извѣстную въ народѣ подъ простымъ названіемъ *Régie*. Она состояла изъ департаментовъ: государственнаго акциза и таможенныхъ пошлинъ. Начальникомъ этаго учрежденія былъ сдѣланъ французъ де Лоне, который прибылъ съ цѣлою ватагою голодныхъ одноземцевъ. Пошлина была распространена почти на всѣ предметы заграничнаго привоза и потому становилась нѣсколько отяготительною. Дѣйствія новой администраціи скоро распространили ропотъ въ народѣ.

Чиновники ея, явясь въ Пруссію почти нищими, вдругъ стали играть значительныя роли, обогащались на счетъ гражданъ, позволяли себѣ разныя притѣснительныя мѣры. Незнаніе нѣмецкаго языка и жадность этихъ людей возбуждали къ нимъ всеобщую ненависть. Къ тому-же они имѣли право, не только осматривать проѣзжающихъ на границахъ, но даже останавливать путешественниковъ на дорогахъ внутри государства и дѣлать обыски въ домахъ.

Несмотря на такія мѣры, торговля контрабандою усиливалась, а ропотъ становился съ каждымъ днемъ громче. Наконецъ онъ долженъ былъ достигнуть до слуха короля. Фридрихъ увидѣлъ ясно, въ чемъ состояла его ошибка.

Онъ замѣнилъ французовъ нѣмцами и строго запретилъ всякое притѣсненіе гражданъ. Тогда народъ примирился съ новымъ учрежденіемъ. Не видя злоупотребленія, пруссаки убѣдились въ пользѣ самаго дѣла и охотно платили пошлины въ доходъ казны, зная, что эти доходы были собираемы не для своекорыстныхъ видовъ короля, не для обогащенія временщиковъ и наложницъ, не на роскошь придворныхъ праздниковъ, а для поддержки и облагодѣтельствованія того-же самаго народа. Кромѣ таможенныхъ постановленій, король придумалъ и другія финансовыя операціи. Онъ присвоилъ казнѣ исключительное право производства и торговли нѣкоторыми предметами народной потребности. Первое мѣсто между этими предметами занимали табакъ и кофе. Табакъ былъ отданъ на откупъ за полтора миліона талеровъ компаніи купцовъ; но компанія не устояла и казна должна была сама принять продолженіе откупа. Эта монополія доставляла ежегодно милліонъ талеровъ государственнаго дохода и сильно развила и возвысила плантацію и производство табака въ Пруссіи. Король самъ надзиралъ за дѣйствіями администраціи табачнаго откупа. Вотъ, что пишетъ объ этомъ знаменитый Рёденбекъ: «Невозможно, чтобы частный торговецъ или фабрикантъ, который съ дѣтства изучилъ свою промышленность, велъ свое дѣло съ большимъ трудолюбіемъ, внимательностію и порядкомъ, чѣмъ Фридрихъ. Проницательный взоръ его слѣдилъ за всѣмъ. Онъ самъ приводилъ въ порядокъ счетную часть, наблюдалъ за продажею и закупкою матеріаловъ, за фабрикаціею и облагороживаніемъ внутреннихъ плантацій. Его проэкты, предписанія и распоряженія ясно показываютъ, что онъ глубоко проникъ даже въ самыя мелкія частности этой полезной отрасли государственнаго хозяйства »

Торговля кофеемъ также исключительно была присвоена казнѣ. Кофе продавался жженый и смолотый, по довольно дорогой цѣнѣ; а для наблюденія за контрабандой были приставлены особые чиновники, которые открывали злоупотребленіе по запаху жженаго кофе и потому назывались *нюхальщиками* (Kaffeeriecher). Фридрихъ смотрѣлъ на кофе, какъ на предметъ роскоши, желалъ отучить отъ его употребленія низшіе классы народа и чрезъ то сберечь огромныя суммы, которыя ежегодно вывозились изъ королевства на покупку этаго продукта

Чтобъ истребить злоупотребленія, закравшіяся въ судопроизводство и провинціальное управленіе, а равно и дурныя наклонности, прививаемыя народу разной безнравственной сволочью, занесенною въ Пруссію Семилѣтнею войною, Фридрихъ вздумалъ учредить, по образцу Франціи, тайную полицію. Для изученія этаго дѣла онъ отправилъ въ Парижъ молодаго полицейскаго чиновника, Филиппи, приказавъ ему подробно узнать систему министра полиціи Сартина, котораго чудныя дѣйствія гремѣли по всей Европѣ. По возвращеніи въ Берлинъ, Филиппи былъ сдѣланъ президентомъ полиціи и новое учрежденіе открыло свои дѣйствія. Но благая цѣль монарха не была достигнута. Какъ безотвѣтственное мѣсто, тайная полиція дѣйствовала помимо закона, оскорбляла права гражданъ, поддерживала сильныхъ, боясь ихъ вліянія, и угнетала слабыхъ, по одному подозрѣнію, часто по ложному доносу, чтобъ наживать отъ нихъ деньги.

Самъ Филиппи тоже не принадлежалъ къ праведникамъ. Такимъ образомъ учрежденіе, назначенное для обезпеченія правъ и собственности народа, сдѣлалось для него чѣмъ-то въ родѣ инквизиціи, полновластной губить и миловать, безъ аппеляціи. А между тѣмъ, сановники смѣло употребляли во зло свою власть и дѣйствовали деспотически, зная, что, въ случаѣ жалобы, ихъ сторона всегда возьметъ перевѣсъ въ тайной полиціи и что слишкомъ крикливымъ челобитчикамъ тамъ скоро зажмутъ ротъ, опозоривъ ихъ названіями *вольно-*

думцевъ и *бунтовщиковъ*. Страхъ, трепетъ, вопль и всеобщее негодованіе были слѣдствіемъ прекрасной, человѣколюбивой мысли Фридриха. Но скоро онъ самъ убѣдился въ дурномъ направленіи своей секретной полиціи. Въ Берлинѣ произошло тайное убійство и Филиппи не могъ отыскать виновника. Фридрихъ призвалъ его къ себѣ и изъявилъ свое неудовольствіе. Филиппи оправдывался тѣмъ, что не имѣетъ достаточныхъ средствъ дѣйствовать такъ, какъ Сартинъ, и что для полнаго развитія тайной полиціи должно учредить систему доносовъ и содержать множество шпіоновъ. На это король возразилъ ему слѣдующими достопамятными словами: «Нѣтъ! на такую мѣру я никогда не соглашусь. Не могу отдать судьбу моихъ подданныхъ на произволъ наемниковъ, которые не знаютъ чувства чести и за деньги готовы принять на себя позорное ремесло. Хотя я желалъ бы уничтожить всякое злоупотребленіе, открыть зародышъ каждаго преступленія, но нахожу, что средства, которыми можно достигнуть до уничтоженія зла, гораздо хуже, чѣмъ самое зло. Спокойствіе и довѣріе моихъ подданныхъ мнѣ дороже всего. Пусть лучше все идетъ попрежнему. Чего самъ не досмотрю, то укажутъ мнѣ жалобы притѣсненныхъ.» — И за тѣмъ Фридрихъ уничтожилъ тайную полицію.

Несмотря на всѣ эти тяжкія нововведенія, любовь народа къ Фридриху нисколько не охладѣвала. Каждое новое учрежденіе, нарушая прежній порядокъ вещей, вначалѣ возбуждало ропотъ, но когда оно приходило въ устройство, подданные сами видѣли благія намѣренія короля и охотно подчинялись его волѣ. Даже акцизы и пошлины, которые сначала казались тяжкимъ налогомъ, наконецъ были признаны дѣломъ полезнымъ и справедливымъ. Всѣ знали, что король, скопляя капиталы, почиталъ ихъ не цѣлію, но средствомъ своихъ дѣйствій и всегда имѣлъ ввиду не столько самыя деньги, какъ добро, которое можно сдѣлать деньгами. Народъ зналъ, что въ этихъ капиталахъ состоитъ сила и безопасность государства. «У кого будетъ больше денегъ, тотъ и останется побѣдителемъ!» говорилъ Фридрихъ во время Семилѣтней войны и доказалъ всю справедливость этаго изрѣченія. Къ тому же добросовѣстность его финансовыхъ операцій ясно обнаружилась по окончаніи войны, когда онъ въ три года уничтожилъ и приказалъ перечеканить всю дурную монету, распущенную жидомъ Ефремомъ. При перемѣнѣ новаго денежнаго курса народъ утратилъ изъ своего капитала только 22 процента. Такую жертву можно было принесть за спасеніе отчизны, прусскаго имени и народной независимости! Каждый гражданинъ, вымѣнявъ свои деньги, смотрѣлъ на свою маловажную потерю, какъ на лепту, принесенную на алтарь отечества, и радовался, что былъ участникомъ въ великомъ дѣлѣ народнаго освобожденія.

Въ то самое время, когда съ одной стороны народъ платилъ пошлины за предметы роскоши, съ другой на него сыпались благодѣянія короля: торговцы, фабриканты, ремесленники, сельскіе хозяева получали щедрыя вспоможенія. Фридрихъ являлся среди своего народа довѣрчиво, съ участіемъ распрашивалъ каждаго о дѣлахъ, и кроткимъ обращеніемъ и милостію обезоруживалъ всякую вспышку народнаго неудовольствія. Множество анекдотовъ рѣзко характеризуютъ состояніе умовъ въ это время. Когда были открыты дѣйствія кофейнаго откупа, Фридрихъ проѣзжалъ разъ по городу верьхомъ Въ одной изъ улицъ онъ увидѣлъ толпу народа, которая тѣснилась около фонарнаго столба. «Узнай, что тамъ такое?» сказалъ онъ своему пажу. Пажъ донесъ, что къ столбу прибита каррикатура. Фридрихъ подъѣхалъ ближе, такъ, что могъ разсмотрѣть картину. Она представляла его самаго, верьхомъ на кофейной мельницѣ. Одной рукой онъ съ большимъ усиліемъ мололъ кофе, а другой жадно подбиралъ выпавшія зерна. «Дѣти!» сказалъ онъ окружающимъ,—«прибейте картину повыше, чтобъ всѣмъ было видно; а то вы изъ

за меня еще раздавите другъ друга!» Эти слова возбудили всеобщій восторгъ. Каррикатура была изорвана въ мелкіе куски и народъ съ радостными криками провожалъ короля по улицамъ.

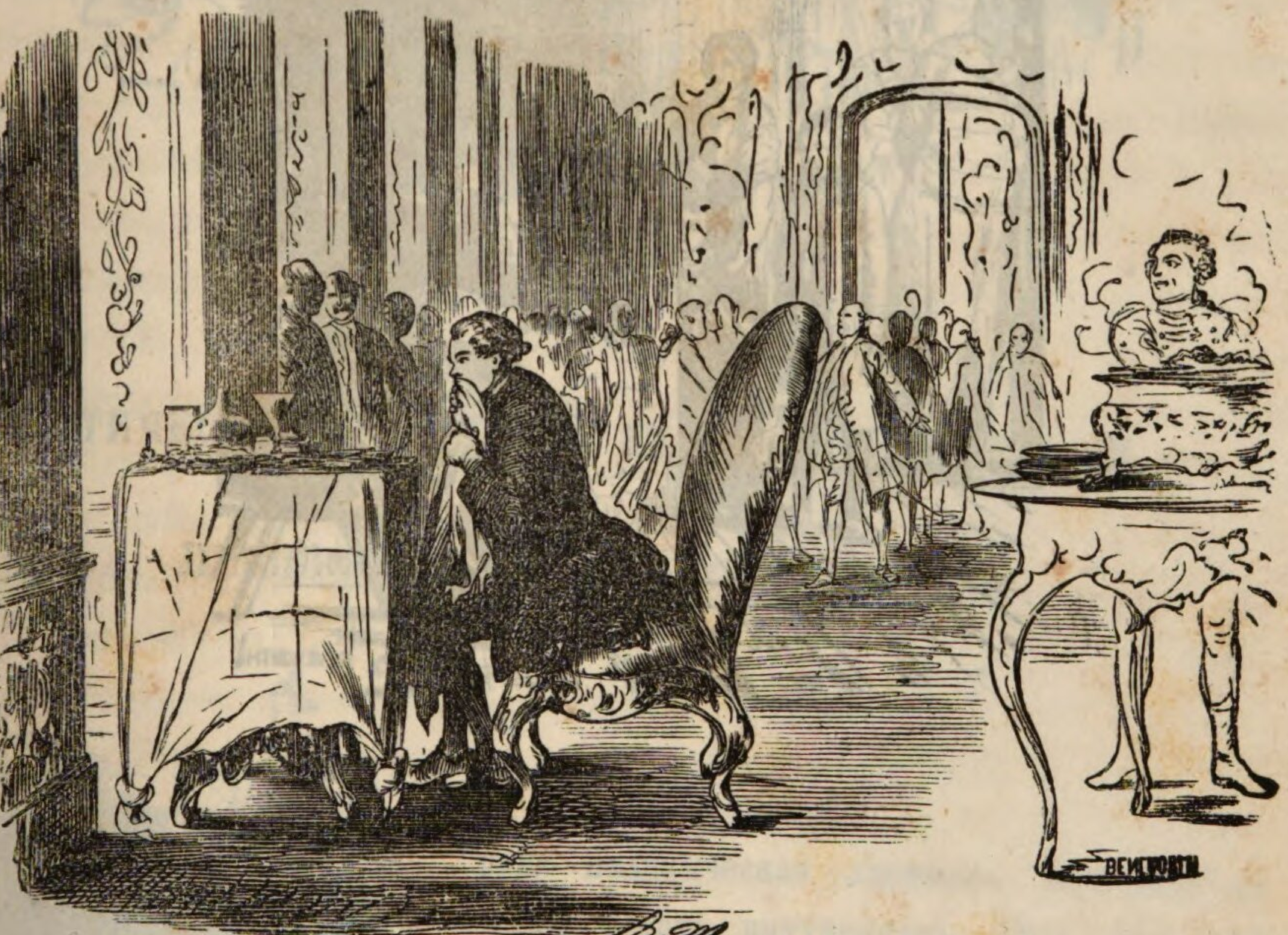
Другіе случаи показывали еще яснѣе его внимательность и участіе къ положенію самыхъ ничтожныхъ и бѣднѣйшихъ изъ подданныхъ. Такъ ходила въ народѣ повѣсть о тюрингенскомъ кандидатѣ богословія, который, пріѣхавъ въ Берлинъ, былъ остановленъ и жестоко притѣсненъ таможенными чиновниками.

Онъ привезъ съ собою мѣшочекъ съ прежней, дурной монетой. Вмѣсто того, чтобъ обмѣнять ее, у него совсѣмъ отняли деньги и такимъ образомъ оставили въ чужомъ городѣ безъ полушки денегъ, на произволъ голодной смерти. Въ крайнемъ отчаяніи, не ѣвши двое сутокъ, онъ наконецъ рѣшился итти пѣшкомъ въ Потсдамъ и подать королю просьбу. Долго бродилъ онъ около дворца и наконецъ пробрался въ садъ, гдѣ Фридрихъ его увидѣлъ. Принявъ отъ него просьбу, король вступилъ съ нимъ въ разговоръ и въ заключеніе сказалъ: «Будь покоенъ, мой другъ! Мы какъ нибудь поправимъ бѣду. Таможенные чиновники неправы, за то они возвратятъ тебѣ деньги съ процентами. Ты пріѣзжій; стало быть, не могъ знать, что такая монета здѣсь не въ ходу.» Съ этимъ словомъ король его оставилъ и возвратился во дворецъ. Бѣдный кандидатъ долго стоялъ передъ великолѣпнымъ зданіемъ, не зная, что начать.

Такъ прошло около часа. Вдругъ явился камеръ-гусаръ и позвалъ его во дворецъ. Въ одной изъ залъ былъ накрытъ столъ. «Его величество проситъ васъ здѣсь откушать!»—сказалъ одинъ изъ придворныхъ и приказалъ подать кандидату стулъ. Онъ сѣлъ съ большимъ смущеніемъ, но голодъ скоро взялъ свое и онъ преисправно началъ знакомиться съ каждымъ блюдомъ. Послѣ обѣда ему подали письмо отъ имени короля къ директору таможни и пять червонцевъ. У подъѣзда стояла коляска, въ которую его попросили сѣсть. Черезъ два часа онъ былъ уже въ Берлинѣ и въ пакгаузѣ. Ему не только выдали всѣ деньги ходячею монетою, но заплатили еще 24 талера, которые онъ былъ долженъ трактирщику за квартиру и за необходимѣйшія потребности жизни. Это были обѣщанные королемъ проценты.

Эта черта королевскаго вниманія и правосудія быстро разнеслась по всей Пруссіи. Вездѣ говорили о Фридрихѣ съ восторгомъ, а старые солдаты и инвалиды Семилѣтней войны своими разсказами еще болѣе разжигали къ нему любовь народную. Въ кругу семействъ, въ хижинахъ, въ гербергахъ, вездѣ, гдѣ только являлись эти герои, около нихъ собирался кружокъ усердныхъ слушателей. Добрая кружка пива развязывала имъ языкъ и тогда не было конца повѣствованіямъ о великихъ подвигахъ *стараго Фрица*, о его неустрашимости, любви къ солдатамъ, о томъ, какъ онъ страдалъ вмѣстѣ съ ними, переносилъ и холодъ и голодъ, какъ побѣждалъ враговъ и награждалъ заслуги храбрыхъ. Старики удивлялись своему великому монарху, матери се-

мействѣ молились за него, а дѣти съ раннихъ лѣтъ приучались любить его. Такимъ образомъ народность Фридриха росла съ каждымъ днемъ. Съ нею вмѣстѣ усиливались любовь и довѣріе подданныхъ и онъ смѣло могъ предпринимать каждое нововведеніе, не опасаясь вредныхъ послѣдствій и неудачъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМАЯ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ КЪ АВСТРІИ И РОССІИ.— ПРІОБРѢТЕНІЕ ЗАПАДНОЙ ПРУССІИ.

рена политическая занимала Фридриха не менѣе заботъ внутреннихъ. При всей силѣ своей, онъ чувствовалъ неудобство положенія Пруссіи: государство его не имѣло естественныхъ границъ, кромѣ Балтійскаго моря къ сѣверу. Но и тутъ для защиты прусскихъ береговъ не доставало флота. Между тѣмъ, послѣ Семилѣтней войны, Пруссія образовала, такъ сказать, звѣно, связующее государства запада съ сѣверо-востокомъ. Фридрихъ, по неволѣ, становился посредникомъ въ политикѣ обѣихъ половинъ Европы. Положеніе почетное, но опасное. Въ случаѣ вражды, онъ находился подъ перекрестнымъ огнемъ той и другой части. Хотя Губертсбургскій миръ и обезпечилъ его владѣнія и даровалъ ему второй голосъ въ дѣлахъ Германіи,

однако Фридрихъ могъ предвидѣть, что при постоянномъ стремленіи Австріи къ расширенію границъ и къ первенству, этотъ миръ не будетъ продолжителенъ. Оборонительный трактатъ Австріи съ Франціей, оставшійся и послѣ Семилѣтней войны во всей силѣ, убѣждалъ его въ томъ еще болѣе. Фридрихъ сталъ также думать о союзѣ съ которой нибудь изъ сильныхъ державъ. Францію онъ могъ бы склонить на свою сторону, но она была слишкомъ слаба и разстроена и не могла представить ему надежную опору. Съ Англіей, измѣнившей ему такъ предательски, онъ не хотѣлъ болѣе имѣть дѣла. Турція находилась съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Султанъ Мустафа III, по заключеніи Губертсбургскаго мира, прислалъ къ нему посольство съ богатыми подарками, поздравляя его съ побѣдою и прося о продолженіи дружбы. Съ осени 1763 года уполномоченный посолъ Оттоманской порты, Ахмедъ-Эфенди, прожилъ въ Берлинѣ до мая мѣсяца слѣдующаго года. Увѣряютъ, что султанъ просилъ Фридриха прислать къ нему одного изъ трехъ великихъ астрологовъ, которые помогли ему побороть враговъ. На это король отвѣчалъ, что повелитель правовѣрныхъ найдетъ ихъ у себя, ибо эти три астролога суть — *его знаніе политическихъ дѣлъ*, его *войско* и *казна*. Но чего могъ Фридрихъ надѣяться отъ дружбы съ турками? Тѣснимая могуществомъ Россіи, сама Турція находилась въ критическомъ положеніи. Вліяніе Франціи на дѣла дивана—дѣлало союзъ съ нею еще сомнительнѣе. Притомъ, войти въ политическія связи съ султаномъ значило нажить себѣ еще опаснѣйшаго врага—Россію, которой виды преимущественно были обращены на Востокъ. И такъ оставалась только одна держава, которая могла достойно поддержать значеніе Пруссіи и обезпечить ея границы съ сѣвера и съ востока: это была Россія. Фридрихъ приложилъ всѣ старанія, чтобъ съ нею сблизиться. Посланникъ его, графъ Сольмсъ, прибылъ въ Петербургъ и отъ имени короля просилъ прочной дружбы и союза. Но успѣхъ былъ сомнителенъ. Бестужевъ-Рюминъ, возвращенный Петромъ III изъ ссылки, снова началъ свои интриги противъ Пруссіи. Дѣйствуя чрезъ любимца Екатерины, графа Григорія Григорьевича Орлова, онъ всѣми мѣрами старался отклонить императрицу отъ союза съ Фридрихомъ. Вѣнскій кабинетъ, узнавъ о намѣреніи прусскаго короля, немедленно отправилъ своего министра въ Петербургъ съ такимъ-же предложеніемъ. Посолъ Маріи-Терезіи началъ вредить Сольмсу тайными происками, въ тоже время разными доводами старался убѣдить Екатерину, что союзъ съ Австріею можетъ принести Россіи неимовѣрныя выгоды, тѣмъ болѣе, что Австрія, по физическому своему положенію раздѣляетъ непріязнь Россіи къ Оттоманской портѣ и, въ случаѣ войны, можетъ оказать императрицѣ значительную помощь. Австрійскій дворъ не щадилъ ничего, чтобъ достигнуть цѣли

и не допустить Пруссію до опаснаго для себя союза. Но съ великой Екатериной было не такъ легко поладить, какъ съ Елисаветой Петровной. Она не отказывалась отъ дружбы обѣихъ состязающихся державъ, но не хотѣла заключать союза, пока время и обстоятельства не укажутъ ей, которой стороны должно держаться. И такъ, несмотря на всѣ интриги Бестужева и австрійской партіи, не смотря на сильныя убѣжденія графа Никиты Ивановича Панина, который ходатайствовалъ за Фридриха и былъ особенно любимъ императрицею за его глубокія политическія познанія и прозорливый умъ, оба посланника дѣйствовали безуспѣшно. Но скоро самыя событія рѣшили дѣло въ пользу Пруссіи. Въ октябрѣ 1763 года умеръ Августъ III, обязанный польскимъ престоломъ Россіи. Онъ оставилъ послѣ себя сына и малолѣтнаго внука. Сынъ его умеръ въ декабрѣ, того же года. Польша готовилась къ избранію новаго короля. Во время двадцатисеми-лѣтняго слабаго царствованія Августа, анархія Польши достигла высочайшей степени. Проживая постоянно въ Саксоніи, онъ почти совсѣмъ не заботился о дѣлахъ королевства польскаго, гдѣ браздами правленія овладѣло своеволеніе магнатовъ. Всѣ стихіи общественной жизни пришли въ совершенное разстройство. Дѣла государственныя рѣшались сеймомъ, составленнымъ изъ депутатовъ областей, которыхъ выбирали на малыхъ сеймикахъ, подъ вліяніемъ золота или насилія вельможъ. Liberum veto, право каждаго депутата изъявлять свое несогласіе на сеймѣ, подавляло часто лучшія и полезнѣйшія предположенія въ самомъ ихъ зародышѣ. Грозное «*nie pozwalam*» самаго ничтожнаго шляхтича, служившаго орудіемъ своекорыстныхъ видовъ богатаго вельможи, останавливало ходъ государственныхъ дѣлъ и нерѣдко рѣшало участь всего народа. Съ пресѣченія рода Ягеллоновъ (смертью Сигизмунда-Августа I, въ 1572), этимъ сеймамъ было предоставлено избраніе королей. Тогда образовалось въ Польшѣ столько же партій, сколько было магнатовъ, ибо каждый изъ нихъ почиталъ себя потомкомъ Пяста и слѣдовательно въ правѣ на престолъ. При Августѣ III вельможи овладѣли почти всѣми государственными помѣстьями, управлялись въ нихъ, какъ въ своей собственности, строили укрѣпленные замки, вели междоусобныя войны и лишили короля всѣхъ владѣній въ государствѣ. Имѣя въ рукахъ средства и деньги, они возвышали голосъ свой надъ властью монархической. Духъ безначалія разлился повсюду. Корысть и фанатизмъ духовенства раздували страсти. Къ внутреннему неустройству присоединились еще споры и гоненія за вѣру. Народъ враждовалъ между собою также, какъ и магнаты. Дворянство польское гордилось своею *вольностію*, утопало въ роскоши и развратѣ, предаваясь или деспотическому угнетенію, или всѣмъ униженіямъ рабства, и не чувствовало, какъ влечетъ отечество свое въ бездну

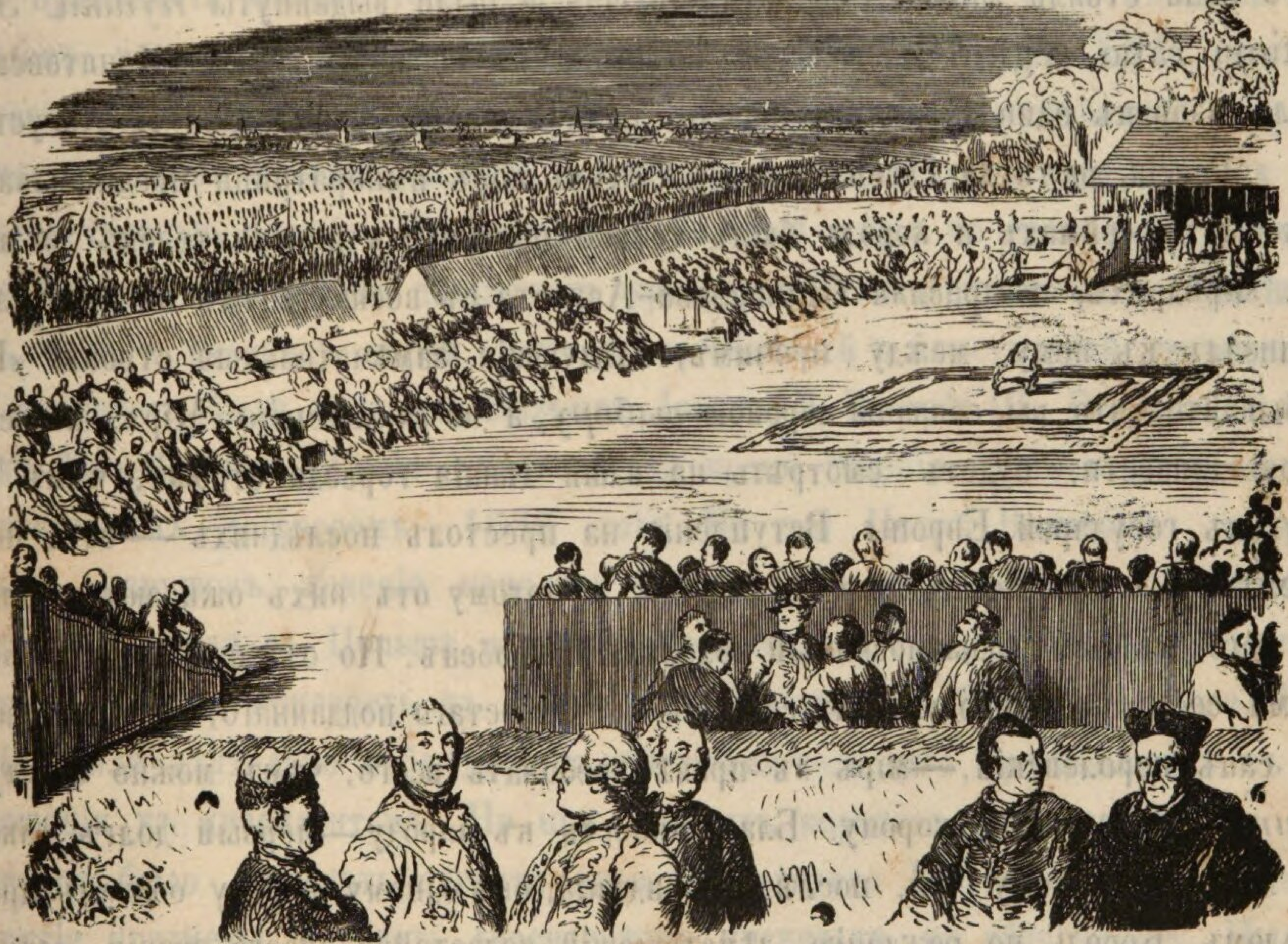
погибели. Польша остановилась въ своемъ гражданскомъ образованіи, именно въ то время, когда сосѣднія съ нею державы быстро начали развивать свои силы, и потому сдѣлалась цѣлію для видовъ другихъ европейскихъ государствъ. Вотъ печальное положеніе, въ которое Польша пришла при государяхъ изъ дома Саксонскаго. Весьма естественно, что въ толпѣ своевольныхъ честолюбцевъ и враговъ общественнаго порядка, которые такъ же легкомысленно играли судьбою отечества, какъ и участью своихъ крестьянъ и помѣстьевъ, отдавая ихъ на произволъ грабительства жидовъ-арендаторовъ, были и люди благомыслящіе, истинные патріоты. Скорбя душой о неустройствахъ отчизны, они желали положить конецъ ея несчастіямъ прочнымъ основаніемъ монархическаго правленія, избраніемъ государя достойнаго, который силою самодержавной власти искоренилъ бы зло и передалъ престолъ своему потомству. Во главѣ этой партіи были два значительнѣйшіе магната, Браницкій и Чарторижскій. Не имѣя довольно средствъ отстоять свое мнѣніе въ государствѣ, гдѣ каждая голова имѣла собственное мнѣніе и волю, они, для введенія новаго образа правленія, принуждены были прибѣгнуть къ посредничеству другихъ державъ, наиболѣе имъ опасныхъ, къ Австріи, Франціи и Турціи. Россія, проникая ихъ намѣренія, не могла при этомъ оставаться равнодушною. Смерть Августа III и безначаліе Польши заставили Екатерину принять участіе въ дѣлахъ этого государства.

Она хотѣла дать полякамъ короля, который бы дѣйствовалъ согласно съ ея видами. Выборъ императрицы палъ на литовскаго дворянина Станислава Понятовскаго, который долго жилъ при русскомъ дворѣ и былъ извѣстенъ какъ ловкій царедворецъ, но безхарактерный и слабый человѣкъ (*).

Екатерина, чтобъ достигнуть цѣли, приняла сторону Чарторижскаго, которому Станиславъ доводился племянникомъ. Но ей нужна была поддержка еще одной сосѣдственной державы. Графъ Сольмсъ увѣрилъ ее, что Фридрихъ приметъ всѣ мѣры, чтобъ сдѣлать ей угодное и поддержать ея требованія. Такимъ образомъ 31-го марта 1764 года составился оборо-

(*) Вотъ что пишетъ объ немъ графъ Линаръ, знавшій его коротко: «Отецъ Понятовскаго былъ искатель приключеній (un avanturier). Изъ простаго слуги, въ домѣ литовскаго помѣщика Мизельки, онъ поступилъ въ шведскую службу и сдѣлался довѣреннымъ лицомъ Карла XII. Потомъ онъ вкрался въ любовь польскаго короля Станислава Лещинскаго и предательски укралъ у него отреченіе отъ престола Августа II. Съ этимъ важнымъ актомъ поспѣшилъ онъ въ Варшаву. Въ награду за такую услугу, Августъ возвелъ его въ графское достоинство и женилъ на княжнѣ Чарторижской, происходившей отъ Ягеллоновъ. Отъ этого брака родился Станиславъ-Августъ. Молодой Понятовскій, не имѣя никакого состоянія, но одаренный чрезвычайно красивой наружностію и непомѣрнымъ честолюбіемъ, долго жилъ въ Германіи и Франціи, въ надеждѣ на блестящую

нительный союзъ Россіи и Пруссіи. Статьями этого договора, который остался тайною для другихъ державъ, были гарантированы европейскія владѣнія обоихъ государствъ, съ условіемъ: не начинать войны и не заключать мира безъ обоюднаго согласія, а въ случаѣ нападенія на которую либо сторону, союзная держава обязывалась давать вспомоществованіе или двѣнадцатью тысячами войска или субсидіею въ 480,000 талеровъ. Въ двухъ сепаратныхъ статьяхъ договора было сверхъ того постановлено: не допускать въ Польшѣ наслѣдственнаго, самодержавнаго правленія и всѣми мѣрами поддерживать избраніе Понятовскаго на престолъ.

Прусскій посолъ Шёнайхъ и уполномоченные Екатерины, князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ и графъ Кейзерлингъ, немедленно отправились въ Варшаву, чтобы приготовить умы къ предстоящему выбору. Примасъ королевства польскаго, князь Лубенскій, и важнѣйшіе изъ магнатовъ легко склонились на ихъ сторону. Оставалось только согласить депутатовъ изъ про-

будущность. Въ Парижѣ, при посредствѣ шведскаго посланника, ему удалось войти въ значительныя связи; но мать его, боясь, чтобы слишкомъ обольстительныя удовольствія этой столицы не имѣли на сына пагубнаго вліянія, вызвала его изъ Франціи. Понятовскій поѣхалъ въ Лондонъ. Тамъ сблизился онъ съ лордомъ Вильямомъ Гендбури, который, отправляясь посломъ къ русскому двору, взялъ его съ собою. Здѣсь служилъ онъ лорду секретаремъ». См. *Ecrits politiques du comte de Lynar*. Впослѣдствіи Августъ III назначилъ Станислава Понятовскаго посланникомъ при нашемъ дворѣ; но, по проискамъ французскаго кабинета, онъ скоро былъ отозванъ въ Варшаву.

винцій. Эта задача была труднѣе; но умные министры умѣли и тутъ уладить дѣло, не унижая высокихъ своихъ довѣрителей низкими средствами интриги и подкупа. Рѣпнинъ уговорилъ примаса созвать сперва конвокаціонный или *предварительный* сеймъ. На немъ было постановлено: «Рѣшать всѣ государственныя дѣла не по единодушному соглашенію всѣхъ членовъ сейма, какъ прежде, но по большинству голосовъ.»—Этой мѣрой было уничтожено пагубное liberum veto и министры Пруссіи и Россіи могли смѣло приступить къ избранію назначеннаго императрицею короля. Августа 26-го собрался избирательный сеймъ. Противорѣчій не было: вокругъ избирательнаго поля стояли войска Россіи и Пруссіи и были выдвинуты *пушки*. Эта ultima ratio regum много содѣйствовала къ согласію сейма. Понятовскій былъ избранъ единодушно въ короли, подъ именемъ Станислава II Августа.

Россія достигла своей цѣли. Съ этихъ поръ императрица предписывала законы на сеймахъ и король былъ только покорнымъ исполнителемъ ея воли. Фридрихъ, поздравляя Станислава-Августа съ восшествіемъ на престолъ, написалъ къ нему, между прочимъ, слѣдующія замѣчательныя строки: «Не забывайте, что вы обязаны короною *выбору*, а не *рожденію*. Міръ, по всей справедливости, будетъ смотрѣть на ваши дѣянія гораздо строже, чѣмъ на другихъ государей Европы. Вступленіе на престолъ послѣднихъ — есть непремѣнное слѣдствіе ихъ происхожденія, а потому отъ нихъ ожидаютъ только того, къ чему обыкновенный человѣкъ способенъ. Но отъ избраннаго равными себѣ, по единодушному согласію, отъ простаго подданнаго, возвышеннаго въ санъ королевскій,—міръ въ правѣ требовать всего, чѣмъ можно *заслужить* и *украсить* корону. Благодарность къ народу—первый долгъ такого монарха: потому что, послѣ Провидѣнія, онъ одному народу обязанъ престоломъ. Король по рожденію, дѣйствующій недостойно своего званія, сатира на самаго себя; но избранный монархъ, забывающій свой долгъ и санъ, кладетъ пятно и на своихъ подданныхъ. Ваше величество вѣрно простите меня за излишній жаръ: онъ слѣдствіе чистосердечнаго уваженія. Лучшая часть моей картины не столько наставленіе, чѣмъ вы должны быть, какъ пророчество, чѣмъ вы будете.»

Но при состояніи тогдашней Польши и при вліяніи на нее посторонних державъ, Станиславъ-Августъ не могъ воспользоваться мудрыми совѣтами Фридриха. Если вопросъ о правѣ на верховную власть былъ рѣшенъ Екатериною, почти такимъ же средствомъ, какимъ Александръ Македонскій разрѣшилъ гордіевъ узелъ, то другой вопросъ—о правахъ религіи—волновалъ еще умы и разжигалъ страсти. Въ коренныхъ постановленіяхъ Рѣчи Посполитой было опредѣлено, чтобы всѣ граждане, не смотря на различіе вѣро-

споведанія, пользовались одинаковыми правами въ государствѣ. Въ 1569 году постановленіе это было снова утверждено на Люблинскомъ сеймѣ и съ тѣхъ поръ каждый изъ королей польскихъ, при вступленіи на престолъ, произносилъ клятву сохранять права *диссидентовъ* (*), т. е. гражданъ не римско-католическаго исповѣданія. Но дѣла вѣры имѣли вліяніе и на дѣла политическія. Большая часть польскихъ подданныхъ держались православнаго закона, стало быть, невольно находились подъ вліяніемъ единовѣрной имъ Россіи. Желая уничтожить эту послѣднюю связь между двумя народами, родственными по происхожденію, польскіе короли, начиная съ XVII вѣка, стали притѣснять диссидентовъ. Началось съ введенія Уніи, т. е смѣшенія обрядовъ восточной церкви съ обрядами западной. Въ началѣ XVII столѣтія иновѣрцамъ было запрещено строить новыя церкви и возобновлять старыя, участвовать въ провинціальныхъ сеймахъ и наконецъ даже поступать на государственную службу. Такія притѣснительныя мѣры не разъ зажигали пламя бунта и заставляли подданныхъ греко-россійскаго исповѣданія прибѣгать къ защитѣ русскихъ царей, какъ представителей и блюстителей православія. Слѣдствіемъ были войны съ Польшею Іоанна III, Василія III, Годунова, Алексѣя Михайловича. Софія укротила на время гоненія противъ диссидентовъ московскимъ договоромъ, 1686 года. Но при Петрѣ Великомъ договоръ былъ нарушенъ, гоненія начались снова и еще съ большимъ фанатизмомъ. Іезуиты, найдя въ Польшѣ надежное пристанище, возбуждали въ католикахъ непримиримую ненависть къ иновѣрцамъ. Начиная съ Петра Великаго, Россія стала дѣятельно наблюдать за дѣйствіями польскаго правительства въ отношеніи къ диссидентамъ. Но при слабыхъ короляхъ изъ саксонскаго дома трудно было укрощать страсти народа. Политика Россіи была обращена на другіе предметы и участь диссидентовъ нисколько не облегчалась. Пылкій, великодушный Петръ III вознамѣрился принять болѣе рѣшительное участіе въ судьбѣ притѣсненныхъ единовѣрцевъ и силою оружія возстановить ихъ права и свободу. Но Провидѣнію угодно было представить исполненіе этого замысла его супругѣ, великой Екатеринѣ. Тотчасъ по возведеніи Станислава-Августа на престолъ, императрица, чрезъ князя Рѣпнина, потребовала отъ короля утвержденія законныхъ привиллегій диссидентовъ Дворы прусскій, англійскій, шведскій и датскій поддерживали это требованіе, чрезъ своихъ министровъ. Станиславъ принужденъ былъ наконецъ созвать чрезвычайный

(*) *Диссидентъ*—значитъ *несогласный*. Въ Польшѣ именовались такъ всѣ исповѣдующіе православную или протестантскую религіи и потому не согласовавшіеся съ обрядами римской церкви. Dissidentes in rebus religionis—разнящіеся въ дѣлахъ вѣры.

сеймъ. Въ октябрѣ, 1767 года, сеймъ собрался. Краковскій епископъ Салтыкъ и магнатъ Залуцкій возстали противъ предложеній Рѣпнина и увлекли за собою большинство голосовъ. Сопротивленіе ихъ возбудило умы въ Польшѣ. Въ Торнѣ, въ Слуцкѣ, въ Радомѣ—составились конфедераціи, подъ начальствомъ маршала Гольца, Яна Грабовскаго и князя Радзивила, личнаго врага Станислава Понятовскаго. Русскія войска, подъ предводительствомъ Салтыкова, двинулись къ нимъ на помощь. Страшное междоусобіе угрожало государству. Устрашенный Станиславъ увидѣлъ необходимость прибѣгнуть къ силѣ власти, чтобъ остановить бурю въ самомъ ея началѣ. Онъ составилъ новый сеймъ изъ семидесяти депутатовъ. Начальники противной партіи начали опять поселять раздоръ. Рѣпнинъ приказалъ ихъ арестовать и отправилъ въ Россію. Такимъ образомъ дѣло диссидентовъ было кончено; сеймъ утвердилъ всѣ ихъ прежнія права и обѣщалъ полную вѣротерпимость въ государствѣ. Польша на время успокоилась. Въ Россію было отправлено почетное посольство, составленное изъ графовъ Віельгорскаго, Потоцкаго, Попея и Осалинскаго, для принесенія Екатеринѣ благодарности отъ имени Польши и княжества Литовскаго, за оказанное ею покровительство диссидентамъ. Такое рѣшительное вліяніе Россіи на дѣла Польши стало тревожить другія государства и въ особенности Австрію и Францію. Союзъ Фридриха съ Екатериною мѣшалъ Австріи ясно высказать свое неудовольствіе и она до времени оставалась спокойною зрительницею событій. Франція, напротивъ, прибѣгла къ обыкновенному своему орудію, къ дипломатическимъ проискамъ. Герцогъ Шуазель, управлявшій министерствомъ, не могъ равнодушно видѣть возрастающую силу Россіи, которая распоряжалась престоломъ Польши, не испрося даже согласія французскаго короля. Не имѣя средствъ противиться намѣреніямъ петербургскаго кабинета силою оружія, Шуазель пустилъ въ ходъ интригу. «Французскіе агенты», пишетъ Фридрихъ Великій,—«появились повсюду. Одни возбуждали поляковъ къ возстанію за свою свободу; другіе увѣряли диванъ, что могущество Россіи угрожаетъ Оттоманской портѣ: третьи, наконецъ, поддерживали, на стокгольмскихъ сеймахъ, партію Гилленборговъ, чтобы чрезъ то склонитъ Швецію къ разрыву съ Россіею (*). Самъ же герцогъ Шуазель принялъ на себя трудъ болѣе важный: онъ старался отклонить прусскаго короля отъ союза съ Россіею. Но всѣ его старанія и всѣ

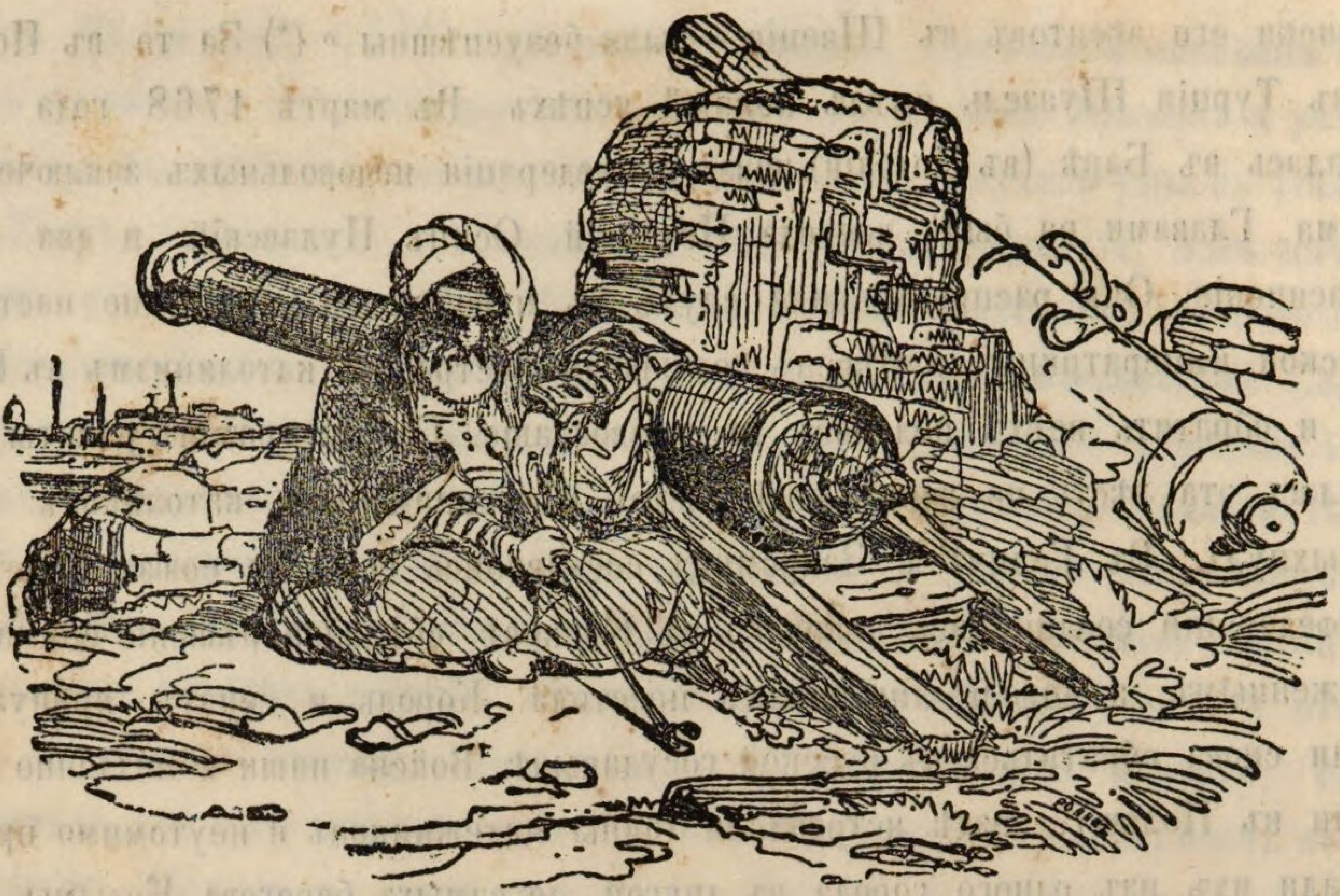
(*) Въ Швеціи, гдѣ аристократія овладѣла браздами правленія и совершенно ограничила монархическую власть, образовались двѣ партіи: одна *Гилленборговъ* или *шляпъ*, другая *Горновъ* или *шапокъ*. Онѣ получили свое названіе отъ главныхъ предводителей. Первую партію поддерживала Франція, вторую Англія и Россія.

происки его агентовъ въ Швеціи—были безуспѣшны.» (*) За то въ Польшѣ и въ Турціи Шуазель имѣлъ полный успѣхъ. Въ мартѣ 1768 года образовалась въ Барѣ (въ Подоліи) новая конфедерація недовольныхъ заключеніями сейма. Главами ея были воевода Потоцкій, Осипъ Пулавскій и два брата Красинскіе. Они распространили слухъ въ народѣ, что король, по настоянію русской императрицы, намѣренъ совершенно истребить католицизмъ въ Польшѣ и обратить всѣхъ поляковъ въ православіе. Съ быстротой ракеты пронеслась эта вѣсть по всему королевству и воспламенила католиковъ: бунтъ вспыхнулъ. Въ Галичѣ и Закромицѣ составились еще два союза и всѣ три конфедераціи соединились наконецъ въ Краковѣ, объявляя рѣшеніе сейма уничтоженнымъ, а короля лишеннымъ престола. Король и сенатъ принуждены были снова обратиться къ русской государынѣ Войска наши немедленно вступили въ Польшу, вездѣ истребляли толпы мятежниковъ и неутомимо преслѣдовали ихъ изъ одного города въ другой, до самыхъ береговъ Кодымы Здѣсь лежало селеніе Бальта (**), въ которомъ конфедераты укрѣпились и хотѣли защищаться. Русскіе прогнали ихъ за рѣку, овладѣли переправою и, перейдя на лѣвый берегъ Кодымы, сожгли селеніе. Этотъ ничтожный случай послужилъ къ разрыву Турціи съ Россіею. Правый берегъ рѣки принадлежалъ кн. Любомірскимъ, на лѣвомъ начинались уже владѣнія султана. Несмотря на извиненія и дружественныя предложенія нашего кабинета, диванъ, подстрѣкаемый агентомъ Шуазеля, Верженемъ, счелъ разрушеніе Бальты непріязненнымъ дѣйствіемъ противъ порты, объявилъ Россіи войну (4 октября 1768 года) и заключилъ русскаго посла Обрѣзкова въ семибашенный замокъ, близь Адріанополя.

Всѣ усилія Фридриха примирить обѣ стороны остались безъ успѣха. Противъ воли, увидѣлъ онъ себя запутаннымъ въ чужую ссору и долженъ былъ выступить дѣйствующимъ лицомъ (какъ самъ выражался) «въ политическихъ *сплетняхъ*, которыми управляется міръ» Онъ выплатилъ Россіи вспомогательныя суммы, по договору, и ждалъ, чѣмъ дѣло кончится. Безсмертная слава озарила русское оружіе въ этой войнѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ Россія пріобрѣтаетъ неимовѣрныя выгоды: Голицынъ дважды побѣждаетъ при Хотинѣ; Румянцевъ завоевываетъ Молдавію и Валахію; Орловъ разбиваетъ турокъ при Хіосѣ и сжигаетъ ихъ флотъ при Чесмѣ: Румянцевъ одерживаетъ побѣды при Лагрѣ и Кагулѣ; Панинъ беретъ Бендеры,

(*) *Oeuvres posthumes de Frédéric II.* Berlin. 789.

(**) Нынѣ уѣздный городъ Подольской губерніи.

Долгорукій завоевываетъ Крымъ. Турція поражена на всѣхъ пунктахъ; войска ея ослабѣли и упали духомъ, большая часть крѣпостей обращена въ развалины.

Такіе успѣхи Россіи начали сильно безпокоить Австрію и даже самого Фридриха. Онъ предвидѣлъ, что отъ увеличенія силъ Россіи, онъ могъ, подобно Станиславу-Августу, изъ союзника сдѣлаться послушникомъ этой державы, и началъ думать о средствахъ остановить ея завоеванія и поддержать политическое равновѣсіе. Австрія думала о томъ же. Оба государства встрѣтились въ общихъ видахъ и, несмотря на скрытую вражду, стали искать сближенія. Іосифъ II, сынъ Маріи-Терезіи, который, по смерти Франца I (1765), былъ объявленъ императоромъ и соправителемъ своей матери, давно смотрѣлъ на Фридриха съ юношескимъ увлеченіемъ и горѣлъ желаніемъ вписать свое имя въ лѣтописи міра такими же яркими, блистательными чертами. Еще въ 1766 году, объѣзжая Богемію и Саксонію, чтобъ узнать поближе театръ Семилѣтней войны, Іосифъ письменно изъявилъ Фридриху желаніе лично съ нимъ познакомиться. Но тогда канцлеръ Маріи-Терезіи, Кауницъ, нашелъ это неприличнымъ. Іосифъ извинился передъ Фридрихомъ, говоря, что скоро поправитъ невѣжливость, къ которой принуждаетъ его педантство менторовъ. Теперь самыя обстоятельства требовали сближенія обоихъ монарховъ. Городъ Нейссе, въ Силезіи, былъ избранъ для ихъ свиданія. 25 августа 1769 года прибылъ туда молодой императоръ. Фридрихъ встрѣтилъ гостя на лѣстницѣ. Іосифъ бросился къ нему въ объятія и съ восторгомъ воскликнулъ: «Теперь я совершенно счастливъ! Желанія мои исполнились: я вижу и обнимаю величайшаго монарха и полководца.»

Фридрихъ отвѣчалъ, что почитаетъ этотъ день счастливѣйшимъ въ своей жизни, потому что онъ послужитъ эпохою соединенія двухъ домовъ, которые такъ долго были раздѣлены враждою и которыхъ общіе интересы требуютъ взаимной поддержки. И дѣйствительно, слѣдствіемъ свиданія Іосифа съ Фридрихомъ былъ договоръ, которымъ они обязались сохранять нейтралитетъ, въ случаѣ новой войны Франціи съ Англіею. Оба государя расстались, увѣряя другъ друга въ искренней и прочной дружбѣ. Осенью слѣдующаго года Фридрихъ отдалъ императору визитъ. На этотъ разъ съѣздъ былъ назначенъ въ Нейштатѣ, въ Моравіи. Дорогою Фридрихъ завернулъ въ Росвальдъ, помѣстье графа Годица, который славился въ Европѣ, какъ отличный садоводъ. Сады его замка могли дѣйствительно назваться гесперидскими садами. Всѣ прихоти вкуса, всѣ вымыслы фантазіи, всѣ преданія баснословной

вія были въ нихъ осуществлены самымъ поразительнымъ образомъ. Въ рощахъ порхали нимфы, преслѣдуемыя фавнами; на лугахъ играли аркадскіе пастухи и пастушки; сирены и тритоны плескались въ водахъ. Всѣ боги и богини древняго Олимпа оживали среди роскошной флоры всѣхъ земныхъ поясовъ. Чудные фонтаны, зрѣлища, фейерверки и превращенія поражали по-

сѣтителя на каждомъ шагу и уничтожали всякую мысль о мірѣ существенномъ. Многочисленная дворня графа была пріучена къ разнымъ ролямъ этой траги-комической картины, вполнѣ характеризующей досужство, причуды и роскошь XVIII столѣтія.

Фридрихъ пожалѣлъ о бѣдныхъ людяхъ, которые дрогли въ холодной осенней водѣ, представляя наядъ и тритоновъ, и о тонкой изобрѣтательности хозяина, которая, при лучшемъ направленіи, могла бы принесть пользу человѣчеству. Въ началѣ сентября король прибылъ въ Нейштатъ. Іосифъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу. У городскихъ воротъ оба монарха обнялись дружески и подъ руку пошли во дворецъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты и народной толпы. На этомъ новомъ конгрессѣ Кауницъ старался склонить Фридриха къ рѣшительному союзу съ Австріею, но король не желалъ прерывать дружескихъ отношеній къ Россіи. Онъ обѣщалъ однако принять всѣ мѣры, чтобы потушить пожаръ войны, готовый обхватить всю Европу и, вмѣстѣ съ вѣнскимъ кабинетомъ, вызвался быть посредникомъ между Турціею и Россіею. Извѣстный князь де Линь (de Ligne), находившійся въ въ австрійской службѣ, оставилъ намъ весьма любопытныя записки о Ней-

штатскомъ съѣздѣ. Онъ приводитъ множество изрѣченій короля, которыя показываютъ тонкость ума и скромность Фридриха.

Знаете ли, сказалъ онъ разъ Іосифу, *что я состоялъ у васъ на службѣ? Да, да. Первый походъ мой былъ за домъ австрійскій! Господи! какъ времена-то переходчивы!* прибавилъ онъ со вздохомъ. *Знаете ли*, продолжалъ онъ, *что я видѣлъ послѣдній лучъ славы Евгенія?*

«Вѣроятно отъ этого луча и воспламенился геній вашего величества.»— прибавилъ князь де Линь.—«*Богъ мой! Кто же можетъ стать на ряду съ принцемъ Евгеніемъ!*»—«Тотъ, кто выше его».— прибавилъ князь де Линь.—«Напримѣръ тотъ, кто выигралъ тринадцать сраженій.» Объ фельдмаршалѣ Траунѣ Фридрихъ говорилъ: «*Это былъ мой наставникъ: у него выучился я сознавать мои ошибки.*»—«Ваше величество были очень неблагодарны: вы не заплатили ему за уроки;» отвѣчалъ де Линь.

«Вамъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, дать разбить себя; но я не помню, чтобъ это случилось.»—«*Я не былъ разбитъ потому только, что не дрался.*»

Къ Лаудону Фридрихъ обращался съ особеннымъ уваженіемъ. Онъ называлъ его не иначе, какъ *фельдмаршаломъ*. Это былъ тонкій упрекъ австрійскому правительству, которое не наградило заслугъ достойнаго генерала единственно за то, что онъ взялъ Швейдницъ безъ разрѣшенія военнаго совѣта (*) Разъ передъ обѣдомъ замѣтили, что Лаудонъ еще не пришелъ. *Странно*, сказалъ Фридрихъ, *это не похоже на него. Обыкновенно онъ прежде меня являлся на мѣсто.* Садясь за столъ, Фридрихъ помѣстилъ Лаудона по правую руку. «*Мнѣ пріятнѣе*, говорилъ онъ, *видѣть васъ возлѣ, чѣмъ противъ себя.* Деликатность короля доходила до того, что во время пребыванія его въ Нейштатѣ, онъ и вся свита носили австрійскіе мундиры, чтобы прусскимъ цвѣтомъ не напоминать о недавной непріязни. Молодой императоръ умѣлъ расположить его въ свою пользу Вотъ что Фридрихъ писалъ объ немъ къ Вольтеру: «Я былъ въ Моравіи и видѣлъ императора, который долженъ играть значительную роль въ Европѣ. Онъ воспитанъ при набожномъ дворѣ — и презираетъ предразсудки; выросъ среди роскоши—и научился жить просто; окруженъ льстецами—и скроменъ; полонъ страстью къ славѣ—и жертвуетъ своимъ честолюбіемъ сыновнему чувству; имѣлъ наставниками однихъ педантовъ и, несмотря на то, въ немъ столько вкуса, что онъ читаетъ и цѣнитъ творенія Вольтера.»

Между тѣмъ содѣйствіе Фридриха къ примиренію Порты съ Россіею не имѣло желаннаго успѣха. Екатерина требовала уступки Молдавіи и Валахіи и свободы крымцевъ. Австрія, боясь сосѣдства Россіи, вошла въ переговоры съ Турціей и стала собирать войска въ Венгріи. Фридрихъ съ своей стороны объявилъ вѣнскому кабинету, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій, онъ будетъ поддерживать свою союзницу, русскую императрицу. Франція, пользуясь несогласіемъ кабинетовъ, обратила все свое вниманіе на Польшу. Шуазель отправилъ туда нѣсколько войска и опытнаго генерала Дюмурье (**), для предводительствованія инсургентами. Но что могъ сдѣлать самый лучшій военачальникъ, когда его войска не привыкли къ повиновенію и не знали правилъ подчиненности? Самыя главы конфедераціи были въ несогласіи между собою и дѣйствовали по своему произволу. Это давало русскимъ войскамъ, несмотря на ихъ малочисленность, всегдашній перевѣсъ надъ ними На всѣхъ пунктахъ мятежники были разбиты. Великій Суворовъ про-

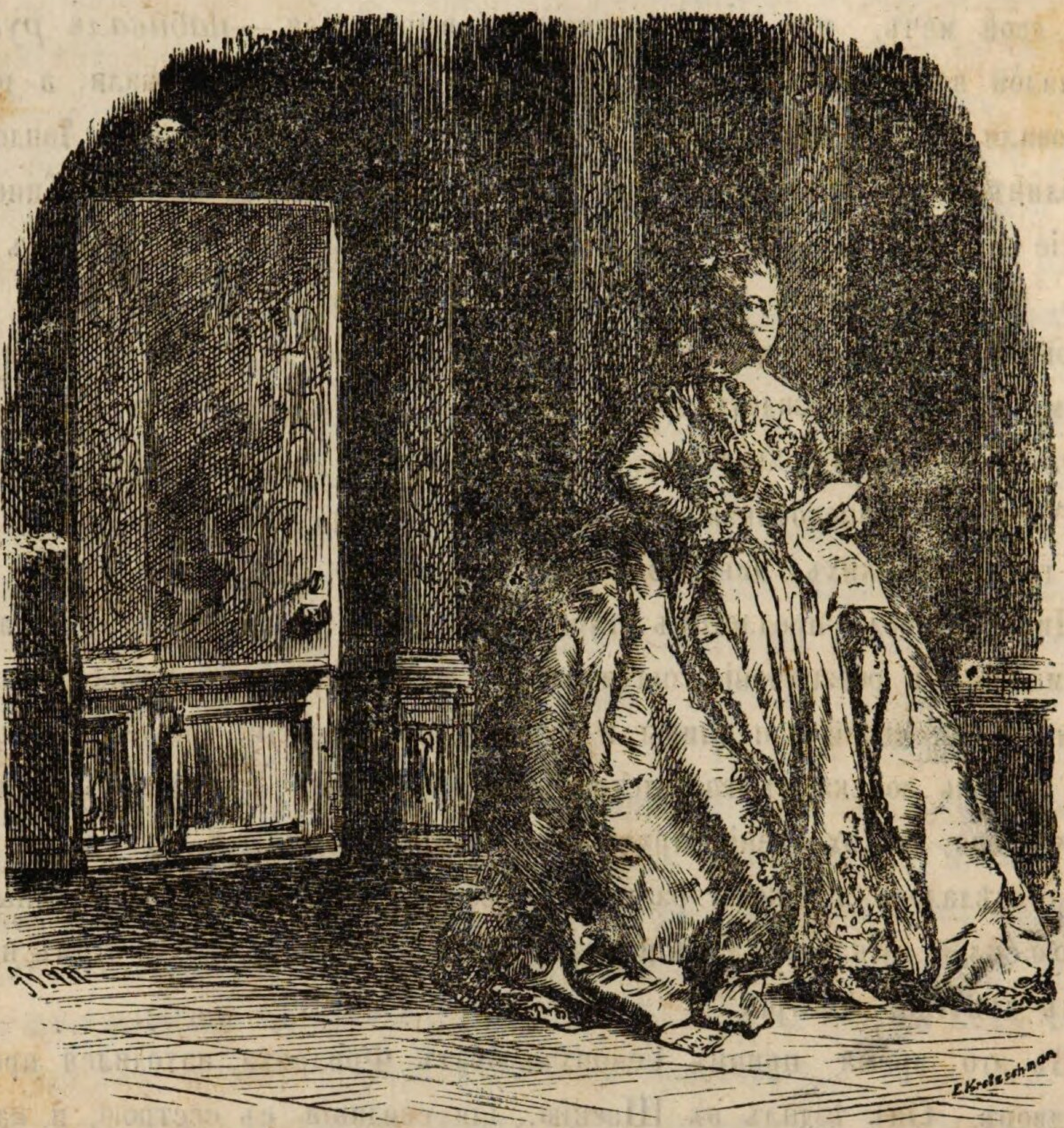
(*) См. часть III, ст. 412.

(**) Впослѣдствіи знаменитый Наполеоновскій маршалъ.

бовалъ свой мечъ, или, если можно такъ выразиться,—*набивалъ руку* въ этой малой войнѣ. Вездѣ, гдѣ онъ являлся, конфедераты бѣжали, а русскіе праздновали побѣду. Битвы подъ Варшавою, около Бреста, при Ландскронѣ и Люблинѣ, у Велички, Замостья, подъ Сталовичами, Пулавами, Тинецомъ, и взятіе Кракова — были первые лавры, которые онъ вплелъ въ свой вѣнокъ, неувядаемый въ русской военной исторіи. Здѣсь, въ этой упорной войнѣ съ цѣлымъ народомъ, Суворовъ доказалъ міру, что и съ малымъ войскомъ «можно побѣждать врага, какъ онъ выражался—*безъ тактики и практики*—однимъ *взглядомъ, быстротой и натискомъ.*»

Австрія, обезпокоенная успѣхами русскихъ въ Польшѣ и не видя рѣшенія дѣлъ турецкихъ, двинула войско за польскія границы и заняла графство Ципское, подъ предлогомъ старинныхъ правъ на эту область, заложенную имперіи въ обезпеченіе значительнаго долга. Фридрихъ, наблюдая за всѣми движеніями своей соперницы и за выгодами Россіи, также расположилъ десять тысячъ войска въ воеводствахъ Познанскомъ и Кульмскомъ, подъ видомъ кордона, для охраненія Пруссіи отъ свирѣпствовавшей въ Турціи чумы. Польша сдѣлалась яблокомъ раздора. Всеобщая война готова была вспыхнуть съ новою силою. Екатерина съ изумленіемъ прочла извѣстіе объ этомъ неожиданномъ дѣйствіи Австріи.

Въ это время принцъ Генрихъ, братъ Фридриха, находился при нашемъ дворѣ. Онъ ѣздилъ въ Швецію, для свиданія съ сестрою, и на возвратномъ пути былъ приглашенъ императрицею въ Петербургъ. Своимъ добрымъ, открытымъ характеромъ и пріятностію въ обращеніи, онъ умѣлъ заслужить особенную довѣренность государыни. «Странно!» сказала Екатерина, сообщая ему полученное ею извѣстіе; — «въ Польшѣ, по видимому, стоитъ только протянуть руку, чтобъ взять, что захочешь. Но если вѣнскій дворъ думаетъ присвоить себѣ польскія провинціи, то и другія сосѣдственныя державы вправѣ сдѣлать тоже.» Принцъ Генрихъ, столь же ловкій дипломатъ, какъ и военачальникъ, далъ мысли императрицы большее развитіе. Онъ старался убѣдить Екатерину, что дѣлежъ Польши, спасая самую страну отъ гибельной анархіи и безпрерывныхъ междоусобій, въ тоже время можетъ служить успокоеніемъ Европы, удовлетворивъ всеобщіе интересы. Россія въ Польшѣ найдетъ вознагражденіе за уступку Молдавіи и Валахіи, безъ которой миръ съ Портою невозможенъ; Пруссія—будетъ удовлетворена за издержки, понесенныя въ турецкую войну, по поводу Польши; Австрія, получивъ новую область, забудетъ о Силезіи, и отстанетъ отъ союза съ Турціею, гдѣ ей теперь грозитъ опасное сосѣдство Россіи. Мысль Генриха чрезвычайно понравилась Екатеринѣ. Она просила сообщить ее Фридриху. Фридрихъ, восхи-

щенный этимъ неожиданнымъ средствомъ остановить войну и уладить всѣ дѣла миролюбиво, вмѣсто отвѣта прислалъ готовый планъ дѣлежа Польши. Между русскимъ и берлинскимъ кабинетами скоро все было слажено. Оставалось пригласить Австрію къ участію въ общемъ договорѣ. Но вѣнскій дворъ, который самъ подалъ поводъ къ этому безпримѣрному замыслу, долго не рѣшался. Тогда Фридрихъ отправилъ въ Вѣну договоръ съ Россіею о дѣлежѣ Польши, заключенный 5-го февраля 1772 года, присовокупивъ, что онъ поздравляетъ Марію-Терезію съ тѣмъ, что нынѣ судьба Европы находится въ ея рукахъ, ибо война и миръ зависятъ отъ ея воли. «Я увѣренъ»—присовокупилъ онъ,—«что императрица-королева, по своему всегдашнему благоразумію и благонамѣренности, предпочтетъ спокойствіе Европы всеобщей войнѣ, послѣдствій которой никто не можетъ ни предвидѣть, ни съ точностію предсказать» (*) Эти многозначительныя слова заставили Марію-Терезію согласиться на общее желаніе. «Je ne suis plus en vigueur! (Я уже не въ

(*) Oeuvres posthumes de Frédéric II. Tome V. Тамъ подробно описана вся исторія дѣлежа Польши, въ которомъ Фридрихъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

силахъ, »—сказала она Кауницу,—«и потому должна подчиняться волѣ другихъ; къ общему рѣшенію присоединяю и мое: *placet* » Несмотря на такое мнѣніе императрицы-королевы, требованія Австріи были такъ неумѣренны, что едва не разстроили всего проэкта. Фридрихъ снова долженъ былъ прибѣгнуть къ силѣ убѣжденій и самъ подалъ Австріи примѣръ къ уступчивости, отказавшись, въ назначенномъ ему участкѣ, отъ важнѣйшихъ городовъ, Данцига и Торна. Австрійскій посолъ при берлинскомъ дворѣ. баронъ Фанъ-Свитенъ, принялъ на себя трудъ склонить Марію-Терезію къ требованіямъ болѣе умѣреннымъ. Наконецъ послѣ долгой переписки между кабинетами общій актъ о дѣлежѣ былъ подписанъ 25-го іюля 1772 года. На долю Россіи приходилось ея древнее, родное достояніе — Бѣлоруссія (воеводства: Двинское, Полоцкое, Могилевское, Оршанское, Мстиславское, Витебское и Рогачевское); Пруссія брала воеводства Маріенбургское, Хельминское, Поморское, Вармію и часть Великой Польши, до рѣки Нотецъ; Австрія—нынѣшнюю Галицію. Немедленно всѣ три державы двинули войска въ участки, объявя на нихъ старинныя права свои. 7-го сентября 1773 года сеймъ согласился на уступку требуемыхъ областей, Станиславъ-Августъ издалъ объ этомъ манифестъ; Россія, Австрія и Пруссія спокойно вступили во владѣніе вновь пріобрѣтенныхъ земель.

Фридрихъ основалъ права свои, на требуемый отъ Польши участокъ, на томъ, что Поморское воеводство и часть Великой Польши, на лѣвомъ берегу рѣки Нотецъ, встарину принадлежали къ владѣніямъ Бранденбургскимъ и были несправедливо отторгнуты польскими королями; что городъ Эльбингъ былъ нѣкогда заложенъ его предкамъ за значительную сумму денегъ; и что воеводства Маріенбургское и Хельминское должны поступить во владѣніе Пруссіи въ замѣнъ Данцига, который прежде былъ столицею Помераніи, но признанъ Польшею вольнымъ городомъ.

Участокъ, полученный Пруссіею, былъ ничтожнѣе всѣхъ по пространству, народонаселенію и достоинству почвы. Но Фридрихъ умѣлъ извлечь изъ него огромныя выгоды для своего королевства. Во первыхъ, эта часть Польши составляла черезполосное владѣніе съ Пруссіею: она послужила къ округленію прусскаго королевства и къ естественной связи между ея провинціями. Во вторыхъ, обладаніе устьемъ Вислы сдѣлало Фридриха хозяиномъ всей польской торговли. Новая провинція получила названіе Западной Пруссіи. Самъ король поѣхалъ обозрѣть ее и тотчасъ же принялъ мѣры къ ея устройству. Въ самое короткое время въ ней установлено правильное судопроизводство; собственность и личная свобода жителей были обезпечены закономъ. Рабство и варварское береговое право уничтожились Вездѣ учреж-

дались школы, чтобъ свѣтомъ разума и наукъ облагородить грубую чувственность новыхъ подданныхъ, привыкшихъ къ своеволію, распутству и забвенію всякаго человѣческаго чувства. Устроились почты, больницы, фабрики: все пришло въ дѣятельность и движеніе. Цѣлыя колоніи пруссаковъ заселили пустыни и своимъ трудолюбіемъ и довольствомъ поощряли безпечныхъ поляковъ къ подражанію.

Послѣ раздѣла Польши, союзъ Пруссіи и Россіи еще болѣе укрѣпился, не смотря на всѣ усилія враждебныхъ партій. Между Фридрихомъ и Екатериною завязалась постоянная, дружеская переписка. Въ 1776 году принцъ Генрихъ вторично посѣтилъ Петербургъ При немъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, скончалась супруга наслѣдника престола, Наталія Алексѣевна. Принцъ, своимъ истинно родственнымъ участіемъ при этомъ горестномъ событіи, привязалъ къ себѣ всю царскую фамилію. Съ этой минуты императрица обходилась съ нимъ, какъ съ сочленомъ своего семейства. Екатерина желала, чтобъ Павелъ Петровичъ, какъ можно скорѣе вступилъ въ новый бракъ Принцъ Генрихъ предложилъ для этого союза принцессу Виртембергскую Софію-Доротею-Августу, свою двоюродную племянницу, дочь принцессы изъ дому Бранденбургъ-Шветскаго. Онъ зналъ принцессу коротко и выхвалялъ ее, какъ образецъ красоты, ума и добродушія. Выборъ его былъ одобренъ государынею. Въ іюнѣ Цесаревичъ долженъ былъ отправиться въ Берлинъ для свиданія и обрученія съ назначенной невѣстою. Фридрихъ дѣлалъ чрезвычайныя приготовленія для пріема молодаго гостя. Къ русской границѣ было выслано для встрѣчи его посольство. 9-го іюля великій князь, съ большой церемоніей, въѣхалъ въ Берлинъ. Король встрѣтилъ его у дворцоваго крыльца.

«Ваше величество!» — сказалъ ему Павелъ Петровичъ,—«я прибылъ изъ глубокаго сѣвера въ эти счастливыя страны, чтобъ увѣрить васъ въ искренности дружбы, которая отнынѣ навсегда должна связывать Россію и Пруссію, и чтобъ увидѣть принцессу, назначенную судьбою для украшенія престола московскихъ государей (*). Тѣмъ драгоцѣннѣе будетъ она для меня и для моего народа, что я получаю ее изъ рукъ вашихъ. Наконецъ сбылись мои давнишнія желанія: я имѣю честь представиться герою, котораго имя прославляется современниками и послужитъ удивленіемъ для потомства.»

Фридрихъ возразилъ: «Я не заслуживаю такихъ похвалъ, любезный принцъ. Вы видите во мнѣ только больнаго, посѣдѣвшаго старика; но я почитаю себя счастливымъ, что дожилъ до дня, въ который могу принять въ моей сто-

(*) Предсказаніе Павла Петровича сбылось вполнѣ: принцесса эта была, незабвенная въ сердцахъ русскихъ, — императрица Марія Θеодоровна.

лицѣ достойнаго наслѣдника могущественнѣйшей державы, единственнаго сына лучшей моей пріятельницы, великой Екатерины!» Потомъ онъ обратился къ графу Румянцеву, который находился въ свитѣ наслѣдника: «Привѣтствую побѣдителя оттомановъ! Я нахожу въ васъ большое сходство съ генераломъ моимъ Винтерфельдомъ.» — Ваше величество!—отвѣчалъ Румянцевъ, — мнѣ было бы очень лестно, хотя нѣсколько, походить на генерала, который съ такимъ отличіемъ служилъ подъ знаменами великаго Фридриха. —«Нѣтъ!» возразилъ Фридрихъ, — «вы не этимъ должны гордиться, а своими побѣдами; онѣ передадутъ имя Румянцева позднѣйшему потомству.»

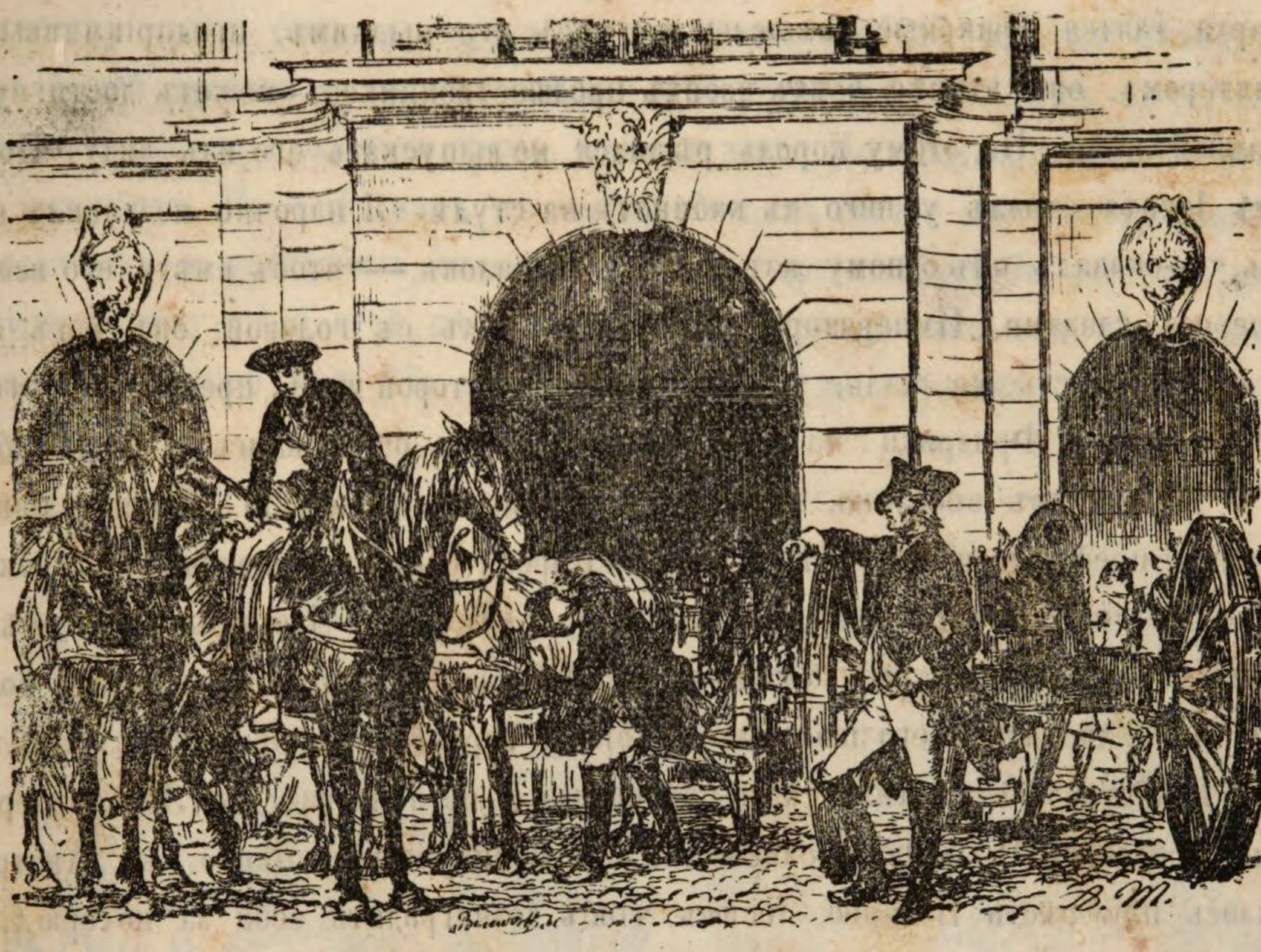

На другой день Фридрихъ приказалъ всему своему штабу явиться къ Румянцеву для поздравленія его съ пріѣздомъ. Чрезъ нѣсколько дней близъ Потсдама происходили маневры, представлявшіе Кагульское сраженіе, выигранное Румянцевымъ. Самъ король предводительствовалъ войсками и, по окончаніи маневровъ, собственноручно возложилъ на русскаго полководца орденъ Чернаго Орла. Кромѣ того Фридрихъ оказывалъ русскому герою много другихъ почестей. Въ публичномъ засѣданіи академіи наукъ, на которое былъ приглашенъ Павелъ Петровичъ со всею свитою, король посадилъ Румянцева возлѣ себя, тогда, какъ принцы крови стояли у него за стуломъ. Въ этомъ засѣданіи знаменитый Формей произнесъ рѣчь цесаревичу, въ которой превозносилъ его доблести и предсказывалъ Россіи подъ его скипетромъ продолжительное счастіе. Потомъ, обращаясь къ Румянцеву, онъ

сказалъ: «Да будетъ этотъ воинъ на долго ангеломъ-хранителемъ русскаго престола. Я желалъ бы высказать восторгъ, одушевляющій меня при видѣ задунайскаго героя, который соединилъ въ себѣ мужество Ахилла съ доблестію Энея, но для этого нуженъ геній Гомера и Виргилія, а мой голосъ слишкомъ слабъ для его прославленія.»

Два дни спустя по пріѣздѣ цесаревича было отпраздновано его обрученіе. Рядъ торжествъ и блистательныхъ праздниковъ послѣдовалъ за обрядомъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТАЯ.

Война за Баварское наслѣдство. — Германскій союзъ.

Рокъ не судилъ мудрецу-монарху посвятить остальную жизнь мирнымъ заботамъ о благѣ подданныхъ. Проницательный взглядъ его слѣдилъ за каждымъ движеніемъ политическаго міра и гдѣ только предвидѣлась малѣйшая опасность могуществу и самостоятельности Прусскаго королевства, онъ готовъ былъ отстаивать свои права вооруженною рукою. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ Австрійскій домъ домогался неограниченной власти въ Германіи и желалъ обратить всѣхъ нѣмецкихъ князей въ покорныхъ вассаловъ Мы видѣли, что большая часть князей, волей или неволей, принуждены были принять сторону Австріи въ Семилѣтней войнѣ. Знакомство съ Іосифомъ убѣдило Фридриха, что въ головѣ этого молодаго

монарха таятся обширные замыслы и что съ его пылкимъ, предпріимчивымъ характеромъ, онъ вѣрнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ можетъ достигнуть желанной цѣли. По этому король рѣшился не выпускать его изъ виду. Портретъ Іосифа стоялъ у него въ кабинетѣ на стулѣ. «Я нарочно поставилъ его здѣсь,»—сказалъ онъ одному изъ своихъ генераловъ,—«чтобъ имѣть его всегда передъ глазами. Императоръ Іосифъ человѣкъ съ головой; онъ могъ бы многое произвесть, но жаль, что всегда дѣлаетъ второй шагъ, прежде перваго.»

Опасенія Фридриха на счетъ Іосифа скоро оправдались. Въ декабрѣ 1777 года умеръ внезапно, отъ оспы, курфирстъ баварскій, Максимиліанъ. Съ нимъ пресѣкся царствовавшій домъ. Корона баварская перешла на боковую линію, къ курфирсту пфальцкому Карлу-Теодору. Но и онъ не имѣлъ законныхъ дѣтей, такъ что послѣ него, по ближайшему праву, престолъ долженъ былъ достаться его двоюродному брату, герцогу цвейбрюкскому, Карлу. А на нѣкорую часть Пфальцскаго герцогства и на ландграфство Лейхтенбергъ могли претендовать герцоги саксонскій и мекленбургскій. Давно уже Австріи хотѣлось пріобрѣсть Баварію. Іосифъ, чтобъ вознаградить себя за потерю Силезіи, вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ. Вѣнскій кабинетъ наскоро сочинилъ какія-то права на курфирство и двинулъ войска въ Нижнюю Баварію и Оберпфальцъ. Карлъ-Теодоръ не имѣлъ ни духу, ни средствъ противиться и заключилъ съ Іосифомъ трактатъ, по которому уступилъ ему лучшую часть своихъ владѣній.

Такой самовластный поступокъ возбудилъ негодованіе Фридриха. Настала минута, гдѣ онъ могъ и долженъ былъ показать свое преимущество предъ остальными монархами Германіи. Онъ рѣшился выступить представителемъ ихъ правъ, защитникомъ германской свободы. Чрезъ посла своего онъ убѣдилъ цвейбрюкскаго герцога просить у него защиты противъ неправильныхъ притязаній императора и самовольнаго раздробленія курфирства, котораго онъ законный наслѣдникъ.

Начались дипломатическая переписка и переговоры. Франція и Россія приняли сторону Пруссіи. Но Австрія не соглашалась отступиться отъ своего пріобрѣтенія. Напротивъ, Іосифъ собиралъ войска изъ Венгріи, Италіи и Фландріи, чтобъ вооруженной рукою удержать за собою Баварію. Тогда и Фридрихъ началъ приготовляться къ войнѣ, не смотря на свои лѣта и сильные болѣзненные припадки. Въ апрѣлѣ 1778 года, вся прусская армія собралась около Берлина на смотръ. Обозрѣвъ полки, Фридрихъ созвалъ около себя генераловъ.

«Господа!»—сказалъ онъ имъ.—«Большая часть изъ насъ съ юношескихъ лѣтъ служили подъ прусскими знаменами и даже посѣдѣли на службѣ

отечеству: стало быть мы другъ-друга знаемъ коротко. Дружно дѣлили мы доселѣ всѣ тревоги и тягости войны и я убѣжденъ, что вамъ на старости также непріятно проливать кровь, какъ и мнѣ. Но государство мое теперь въ опасности. На мнѣ, какъ на королѣ, лежитъ святая обязанность защитить подданныхъ и употребить сильныя и скорыя средства, чтобъ разсѣять угрожающую тучу. Для этой цѣли обращаюсь къ вашей испытанной храбрости и преданности ко мнѣ. Но прошу объ одномъ: не упускайте изъ вида чув-

ства человѣчества, наблюдайте, какъ можно строже, за порядкомъ и благочиніемъ войскъ въ землѣ непріятельской. Не могу совершить похода вмѣстѣ съ вами, какъ въ годы моей юности: я ѣду въ почтовой коляскѣ. Вы имѣете полное право сдѣлать тоже самое. Но въ день сраженія вы увидите меня на конѣ, впереди моихъ храбрыхъ. Надѣюсь, что генералы мои и въ этомъ послѣдуютъ моему примѣру.»

Такимъ образомъ двѣ арміи, каждая въ 80,000 человѣкъ, двинулись, чрезъ Силезію и Саксонію, къ границамъ Моравіи и Богеміи. Начальство надъ одною было поручено принцу Генриху; другая должна была дѣйствовать подъ личнымъ предводительствомъ короля. Фридрихъ отправился въ Бреславль и уже намѣренъ былъ вступить въ Моравію. Но тутъ началась между нимъ и Іосифомъ переписка. Торговались, ладили, спорили; ни одинъ не хотѣлъ уступить и Фридрихъ наконецъ рѣшительно объявилъ, что дальнѣйшее сопротивленіе Іосифа почтетъ объявленіемъ войны. Пылкому императору того только и хотѣлось. Обѣ арміи двинулись. Пятаго іюля Фридрихъ съ аван-

гардомъ вступилъ въ Богемію: скоро къ нему присоединился и принцъ Генрихъ изъ Саксоніи. Непріятели стали другъ противъ друга въ укрѣпленныхъ лагеряхъ.

Но ни одна сторона не отваживались начать дѣло. Иногда происходили маленькія, незначительныя стычки между разъѣздами и аванпостами, которыя всегда оканчивались пустяками. Марія-Терезія искала средствъ остановить войну вначалѣ; старалась склонить Францію и Англію на свою сторону, но вездѣ встрѣчала отказъ. Англія была занята своею войною въ Сѣверной Америкѣ; Франція объявила себя нейтральною. Наконецъ императрица-королева, боясь за жизнь любимаго сына и опасаясь повторенія Семилѣтней войны, безъ вѣдома Іосифа, обратилась къ Фридриху и просила прекратить вражду, говоря, что «имъ обоимъ не слишкомъ будетъ выгодно вырывать другъ у друга волосы, убѣленные старостію.» Фридрихъ былъ радъ кончить распрю миролюбиво. Онъ начерталъ планъ договора, но австрійскій кабинетъ не соглашался на главныя статьи. Іосифъ же, узнавъ о тайныхъ переговорахъ, объявилъ императрицѣ, что никогда не ступитъ ногою въ Вѣну, если она заключитъ миръ. И такъ военныя дѣйствія продолжались, но не долго. Недостатокъ въ продовольствіи заставилъ пруссаковъ отступить въ графство Глацкое. Тамъ они заняли укрѣпленный лагерь. Австрійская конница нѣсколько разъ пыталась ловкимъ нападеніемъ нанесть имъ вредъ во время ретирады, но вездѣ была отбита прусскою пѣхотою.

Въ этихъ небольшихъ битвахъ отличался особенною предусмотрительностію и мужествомъ молодой наслѣдникъ прусскаго престола, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Когда послѣ того онъ явился къ королю, Фридрихъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями: «Отнынѣ вы мнѣ болѣе не племянникъ,» сказалъ онъ принцу, «вы мой кровный сынъ. Вы распоряжались, какъ опытный генералъ; я самъ не умѣлъ бы распорядиться лучше». Фридрихъ занялъ главную квартиру въ Шацларѣ. Зимою австрійцы сдѣлали нападеніе на Верхнюю Силезію. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ сраженій король ихъ вытѣснилъ и занялъ пограничные австрійскіе города. Здѣсь онъ самъ подвергался всѣмъ опасностямъ, какъ въ молодые годы, не смотря на то, что припадки болѣзни сильно его изнуряли. Разъ, утромъ ему пустили кровь; въ полдень услышалъ онъ перестрѣлку и поскакалъ на мѣсто битвы. Въ пылу сраженія перевязка съ руки его свалилась и кровь хлынула фонтаномъ. Сойдя съ коня, онъ приказалъ, первому попавшемуся ему на глаза, лекарю перевязать ранку. Во время перевязки непріятельское ядро упало у самыхъ ногъ его, завертѣлось и брызнуло вокругъ себя пескомъ. Лекарь съ ужасомъ отскочилъ и затрясся всѣмъ тѣломъ. Фридрихъ улыбнулся и сказалъ окружающимъ: «Этотъ должно быть не много видывалъ пушечныхъ ядеръ.»

Наконецъ Франція и Россія вступились за дѣло притѣсненныхъ и чрезъ пословъ своихъ требовали отъ Австріи окончанія войны. Опасаясь, что Россія поддержитъ требованія Фридриха силою оружія, австрійскій кабинетъ сдѣ-

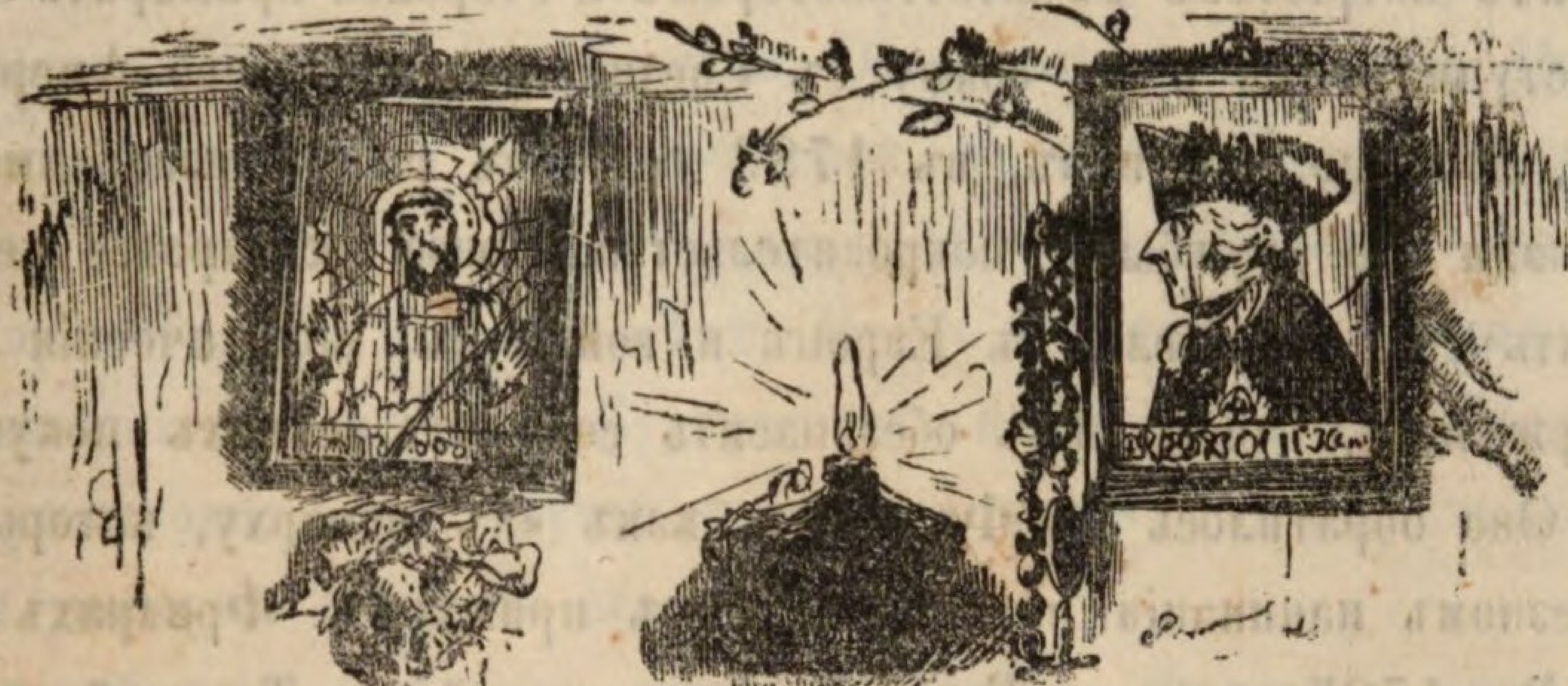
лался уступчивѣе. Въ Мартѣ 1779 года было заключено перемиріе съ Пруссіею, а въ маѣ, въ Тешенѣ, съѣхались уполномоченные враждующихъ и посредствующихъ державъ на конгрессъ. Французскій министръ, баронъ де Бретейль, написалъ проэктъ мира, который и былъ всѣми одобренъ. Главныя статьи были слѣдующія: «Австрія возвращаетъ Карлу-Теодору всю Баварію и Оберпфальцъ, за исключеніемъ одного небольшаго округа, между рѣками Дунаемъ, Инномъ и Сальцою; герцогъ цвейбрюкскій признается законнымъ наслѣдникомъ Баваріи, по пресѣченіи же его рода престолъ переходитъ къ боковымъ линіямъ; а курфюрсту саксонскому и герцогу мекленбургскому назначаются денежныя вознагражденія.» Россія, Франція, Пруссія и вся германская имперія поручились за неприкосновенность этихъ правъ

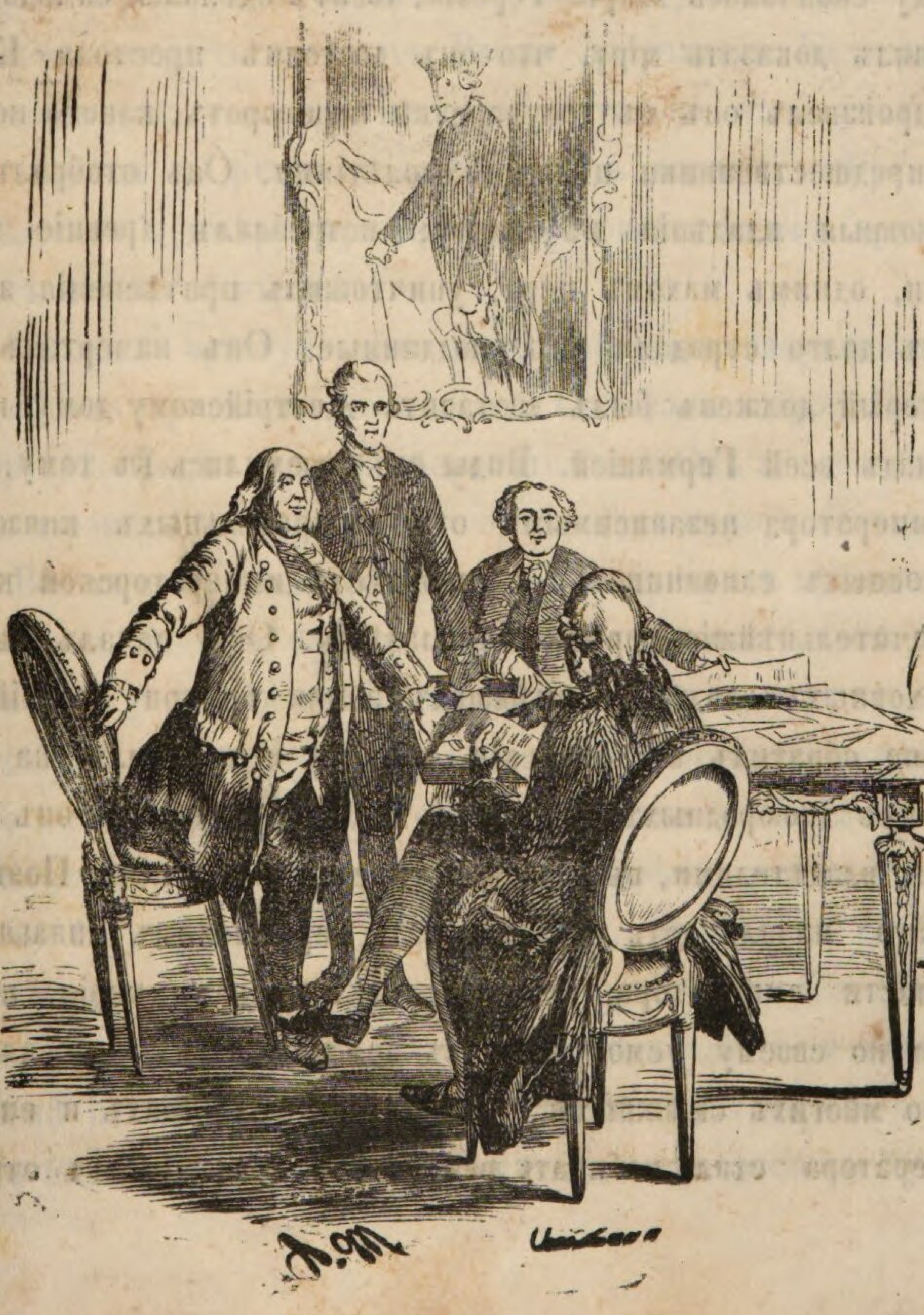
Такимъ образомъ миръ снова водворился. Фридрихъ, потративъ на эту войну до двѣнадцати милліоновъ талеровъ, не требовалъ никакихъ вознагражденій. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что дѣйствовалъ безъ всякихъ видовъ своекорыстія, единственно съ цѣлію защитить права германской конституціи и удержать самовластіе австрійскаго дома въ границахъ. Съ этой минуты всѣ германскіе владѣтели стали смотрѣть на Пруссію, какъ на силу противоборствующую властолюбивымъ видамъ Австріи, а на короля, какъ на защитника ихъ самостоятельности. Баварскій народъ любилъ его до обожанія. Въ крестьянскихъ хижинахъ портретъ его висѣлъ въ переднемъ углу, близъ образа св. Корбиніана, покровителя Баваріи. Посрединѣ обыкновенно теплилась лампада. «Что это значитъ?» спросилъ разъ путешественникъ у баварскаго крестьянина. Хозяинъ отвѣчалъ: «Вотъ этотъ—заступникъ нашъ на небеси, а тотъ—защитникъ на землѣ. Мы молимся одному—за счастіе другаго, и теплимъ предъ обоими масло, въ знакъ нашей благодарности.»

Даже самые непріятели благословляли имя Фридриха. Когда весною 1779 года онъ узналъ, что часть Богеміи, въ предыдущемъ году опустошенная его войсками, находится въ печальномъ положеніи, такъ что крестьяне при-

нуждены идти по міру, не имѣя хлѣба на посѣвъ, онъ приказалъ открыть имъ всѣ свои пограничные запасные магазины, съ правомъ брать зерновой хлѣбъ или въ видѣ займа, или покупать его за самую умѣренную цѣну.

Въ политическомъ мірѣ имя Фридриха сдѣлалось еще значительнѣе. Вмѣшательство его во всѣ дѣла Европы заставило другія державы заискивать его дружбы. Ни одно политическое предпріятіе не обходилось безъ его участія. Нерѣдко онъ былъ приглашаемъ къ такимъ союзамъ, которымъ даже не могъ содѣйствовать силою оружія. Одно его грозное имя заключало въ

себѣ довольно магической силы, чтобъ подкрѣпить имъ всякое намѣреніе. Такъ присоединился онъ къ *вооруженному морскому нейтралитету*, учрежденному Екатериною, хотя не имѣлъ флота; такъ вмѣшался онъ въ борьбу голландскихъ патріотовъ съ штатгальтеромъ и старался примирить обѣ партіи; такъ приступилъ онъ и къ союзу съ Соединенными Сѣверо-Американскими Штатами, которые, вступивъ, въ 1783 году, въ рядъ независимыхъ державъ, искали его дружбы и покровительства. Новое государство желало распространить свою торговлю въ Европѣ и войти въ политическія связи со всѣми державами, чтобы тѣмъ обезопасить себя отъ всякихъ покушеній англичанъ. Оно обратилось къ Фридриху, какъ «къ монарху, который во всякомъ полезномъ начинаніи подаетъ другимъ примѣръ». Фридрихъ изъявилъ согласіе. Въ 1785 году, въ Гагѣ, уполномоченный его, Тулемейеръ, и послы Соединенныхъ Штатовъ, Франклинъ, Адамсъ и Джеферсонъ заключили союзъ, который, какъ памятникъ человѣколюбія и безпристрастія, составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній царствованія великаго монарха.

Наконецъ, въ слѣдующемъ году Фридрихъ основалъ *германскій союзъ*, чтобы еще прочнѣе обезпечить права и независимость нѣмецкихъ владѣтелей. Въ 1780 году скончалась Марія-Терезія. Іосифъ сдѣлался самодержцемъ Австріи и спѣшилъ доказать міру, что онъ достоинъ престола Карла V. Въ одинъ годъ произвелъ онъ въ государствѣ переворотъ, какого не могли произвесть его предшественники цѣлыми столѣтіями. Онъ отобралъ монастырскія и церковныя владѣнія въ казну; истреблялъ древніе предразсудки съ корнемъ и, однимъ махомъ пера, уничтожилъ притѣсненія за вѣру, отъ которыхъ такъ долго страдали его подданные. Онъ начерталъ себѣ планъ дѣйствій, который долженъ былъ доставить Австрійскому дому неограниченную власть надъ всей Германіей. Виды его стремились къ тому, чтобы сдѣлать санъ императора независимымъ отъ избирательныхъ князей (курфирстовъ) и духовныхъ сановниковъ, и пріобрѣсть императорской коронѣ главнѣйшія и значительнѣйшія германскія владѣнія. Онъ началъ съ того, что нѣсколько духовныхъ владѣній, имѣвшихъ земли внутри австрійскихъ границъ, насильно обратилъ въ свѣтскія области и посадилъ на епископскіе престолы своихъ двоюродныхъ братьевъ. Такъ намѣревался онъ поступить и съ свѣтскими владѣтелями, въ особенности съ курфирстами. Поэтому онъ хотѣлъ съ самаго начала дать почувствовать германскимъ князьямъ, что они подчинены власти императора, который, какъ глава имперіи, имѣетъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію въ земляхъ своихъ вассаловъ. Вслѣдствіе того, во многихъ смѣжныхъ съ Австріею графствахъ и епископствахъ, по волѣ императора, стали набирать рекрутъ; а когда Іосифъ отправилъ вой-

ска въ Нидерланды, то во всѣхъ земляхъ, чрезъ которыя они проходили, самовольно собирали продовольствіе, какъ законную дань. Такія деспотическія мѣры озаботили всѣхъ имперскихъ князей. Но страхъ ихъ достигъ до высшей степени, когда Іосифъ II, въ 1785 году, вздумалъ принудить курфирста Баварскаго уступить ему Баварію, Оберпфальцъ, княжества Нейбургъ и Сульцбахъ и ландграфство Лейхтенбергское, въ замѣну австрійскихъ Нидерландовъ, (за исключеніемъ Люксенбурга и Намура). Чтобы скорѣе склонить слабаго Карла-Теодора къ этой мѣнѣ, Іосифъ обѣщалъ дать новымъ его владѣніямъ названіе королевства Бургундскаго и кромѣ того приплатить три мильона гульденовъ; а въ случаѣ несогласія грозилъ содѣйствіемъ Россіи и Франціи, которыя одобрили его намѣренія.

Такое насиліе возбудило всеобщій ропотъ. Фридрихъ снова долженъ былъ выступить защитникомъ германскихъ правъ. Онъ представилъ Екатеринѣ всю несправедливость требованій Іосифа и ясные доводы, что такою мѣною областей не только нарушаются коренныя постановленія германской конституціи, но даже и система равновѣсія государствъ, потому что пріобрѣтеніе Баваріи подастъ Австріи поводъ простирать свои виды и на другія нѣмецкія владѣнія. Кромѣ того, этимъ нарушаются условія Тешенскаго договора, за неприкосновенность которыхъ Россія поручилась. Екатерина отвѣчала, что она изъявила свое согласіе императору только въ случаѣ добровольной сдѣлки, но никогда не рѣшится содѣйствовать насилію. Франція въ этомъ случаѣ послѣдовала примѣру русской императрицы. Іосифъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія.

Тогда Фридрихъ приступилъ къ исполненію давно задуманнаго проэкта: къ составленію *союза германскихъ князей.* Онъ самъ набросалъ планъ въ нѣсколькихъ чертахъ:«Союзъ этотъ не оборонительный.Онъ заключается съ единственною цѣлію охранить права и свободу германскихъ князей, безъ различія вѣроисповѣданій. Все въ немъ должно основываться на древнихъ привиллегіяхъ и правахъ, дарованныхъ золотою буллою. Не нахожу нужнымъ припоминать старой басни о томъ, что у лошади можно выщипать хвостъ по волоску, но нельзя оторвать его, захвативъ весь въ руку. Предлагаемый мною союзъ долженъ обезпечивать владѣнія каждаго; онъ воспрепятствуетъ честолюбивому и предпріимчивому императору нарушить германскую конституцію, отрывая у князей земли по клочкамъ. Если не будутъ приняты мѣры заранѣе, императоръ разсадитъ своихъ братцевъ и племянничковъ во всѣ епископства, архіепископства и аббатства Германіи, потомъ обратитъ ихъ земли въ свѣтскія владѣнія, и такимъ образомъ, поддерживаемый на имперскомъ сеймѣ голосами братцевъ и племянничковъ, всегда будетъ имѣть перевѣсъ надъ всѣми. Это относится къ духовнымъ вла-

стямъ, которыхъ права, по силѣ конституціи, мы должны защищать. Но и выгоды свѣтскихъ владѣтелей зависятъ отъ обезпеченія ихъ земель. Союзъ нашъ ограничитъ императора во всѣхъ притязаніяхъ, которыя иногда могутъ переходить за границы позволеннаго, какъ мы недавно видѣли тому примѣръ въ Баваріи. Не менѣе важный предметъ составляютъ Регенсбургскій сеймъ и Вецларское имперское судилище. Надо принять дѣятельныя мѣры къ поддержанію этихъ важныхъ старинныхъ учрежденій, иначе императоръ воспользуется ими, чтобъ распространить свое самовластіе надъ всею Германіей. Вотъ главнѣйшія причины, по которымъ князья должны приступить къ союзу, обезпечивающему ихъ самостоятельность и общіе интересы. Пусть вспомнятъ, что если они теперь смотрятъ на притѣсненія другихъ, то со временемъ очередь непремѣнно дойдетъ и до нихъ, и тогда имъ останется одно право Улисса въ Полиѳемовой пещерѣ: право *быть проглоченными послѣ другихъ*. Союзъ, напротивъ, можетъ имѣть ту выгоду, что общій голосъ князей удержитъ императора въ границахъ умѣренности, когда онъ увлечется порывами честолюбія или самовластія; а еслибъ онъ вздумалъ употребить насиліе — то найдетъ крѣпкій отпоръ въ союзникахъ, которыхъ сторону непремѣнно примутъ и другія державы. Я полагаю, что эти мысли стоятъ зрѣлаго обсужденія. Я набросалъ только важнѣйшіе пункты, но, при основательномъ разсмотрѣніи, имъ можно дать гораздо обширнѣйшее развитіе. Г. Герцбергъ, по моему мнѣнію, имѣетъ всѣ необходимыя способности, чтобъ разработать эти идеи и дать имъ окончательную форму.»

Герцбергъ дѣйствительно въ нѣсколько дней выработалъ планъ короля; списки съ него были разосланы ко всѣмъ германскимъ владѣтелямъ и ко дворамъ иностранныхъ державъ. Саксонія и Ганноверъ первыя приступили къ союзу. Ихъ примѣру послѣдовали и всѣ другіе князья. Въ іюлѣ союзъ германскихъ князей былъ всѣми подписанъ въ Берлинѣ.

Такимъ образомъ Фридрихъ въ послѣдніе годы жизни успѣлъ воздвигнуть себѣ безсмертный памятникъ въ Германіи, утвердивъ права ея властителей на незыблемомъ основаніи, даровавъ ей свободу убѣжденія и своебытнаго развитія, и поддержавъ могучею рукою колеблющееся зданіе ея древней конституціи.

Кабинетъ Фридриха въ Сан-Суси.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Государственная дѣятельность и домашняя жизнь Фридриха, послѣ Семилѣтней войны.

Обозрѣвъ вліяніе Фридриха на дѣла политическія, обратимся опять къ его внутреннему управленію и взглянемъ на него, какъ на человѣка, въ домашнемъ быту. Мы уже видѣли, какими мѣрами онъ старался залечить раны своего государства, какія новыя учрежденія онъ придумалъ для пользъ своихъ подданныхъ и какъ дѣятельно трудился надъ развитіемъ нравственныхъ и физическихъ силъ Пруссіи. Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на весь организмъ основанной имъ державы и разсмотримъ нѣкоторыя его частности. Фридрихъ стоялъ, такъ сказать, на порогѣ двухъ важныхъ эпохъ. Еще слѣды феодализма среднихъ вѣ-

ковъ не совсѣмъ изгладились съ лица Европы, еще древніе предразсудки оковывали ее своими цѣпями: духовенство, дворянство и городскія общины составляли рѣзкія касты и мѣшали развитію гражданственности и всеобщей цивилизаціи; но въ тоже время новыя идеи о равенствѣ, гражданской свободѣ и народности быстро распространялись на югѣ и западѣ Европы. Французскіе энциклопедисты, осуществляя ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, давали имъ обширный ходъ и увлекали умы, потому что французская литература, со временъ Людовика XIV, сдѣлалась литературою цѣлаго образованнаго міра. Фридрихъ зналъ, что каждая реформа, какъ религіозная, такъ и политическая, могла принесть благодѣтельные плоды, если созрѣетъ и укоренится вѣками, но онъ предвидѣлъ также, что новыя идеи, порожденныя духомъ времени, по своей увлекательности, не могли достигнуть естественнаго созрѣнія и должны были проложить себѣ путь къ осуществленію огнемъ, мечемъ и потоками крови. Желая предупредить слишкомъ крутой переворотъ въ своемъ государствѣ, онъ старался заранѣе ознакомить и по возможности освоить свой народъ съ этими идеями, не разрушая однако государственнаго состава, который одинъ, по его мнѣнію, могъ поставить Пруссію на высокую чреду могущества и поддержать ее на ней. По этому онъ такъ ревностно слѣдилъ за успѣхами новыхъ идей въ сочиненіяхъ энциклопедистовъ и самъ старался сблизиться съ проповѣдниками новаго воззрѣнія. Отсюда поясняется его особенная

благосклонность къ д'Аламберу, его привязанность къ Вольтеру, съ которымъ онъ продолжалъ переписываться даже послѣ своей ссоры. Вольтеръ, жестоко оскорбленный сожженіемъ своего «Доктора Акакія» и франкфуртскимъ арестомъ, въ первыя минуты бѣшенства, клялся жестоко отмстить своему высокому покровителю.

Но Фридрихъ, зная корысть и алчность *перваго генія* Франціи, умѣлъ укротить его милостями и покорить своей власти богатыми подарками. Переписка ихъ длилась до самой смерти Вольтера (30 мая 1778 г.). Король, получивъ объ ней извѣстіе, во время войны за Баварію, самъ написалъ біографію и похвальное слово своему любимцу, которое было прочтено въ особенномъ засѣданіи берлинской академіи. Фридрихъ, постигая, что всѣ нововведенія и улучшенія въ королевствѣ могутъ быть сдѣланы только неограниченной монархической властью, заботился объ сохраненіи самодержавныхъ формъ правленія, установленныхъ его отцомъ. Но онъ въ тоже время далъ каждому сословію права — и средства ихъ отстаивать отъ насилія и деспотизма властей. Сохранивъ прежнія сословія и назначивъ каждому изъ нихъ особенный кругъ гражданской дѣятельности, онъ въ тоже время связалъ ихъ между собою неразрывными узами. Не смотря на различіе своего назначенія, всѣ они пользовались *равенствомъ* предъ закономъ. На вѣсахъ правосудія не разбирались гербы дворянства и привиллегіи средняго сословія: одна правота рѣшала дѣло въ пользу той или другой стороны.

Такимъ образомъ, при различіи въ правахъ и обязанностяхъ, укоренилась въ народѣ идея о равенствѣ гражданскомъ, въ отношеніи къ верховной власти, которая высказывалась не иначе, какъ въ законѣ. Всѣмъ и каждому предписывалось подчиняться постановленіямъ верховной власти, но никому не возбранялось высказывать объ нихъ свои мнѣнія изустно или печатно. Если эти мнѣнія были основательны, они часто вели съ совершен-

ному уничтоженію постановленія; если же были ложны, то оставлялись правительствомъ безъ вниманія. Эта свобода мысли сближала и дружила народъ съ правительствомъ, не останавливая однакожъ дѣйствій послѣдняго. Народъ, видя, что его основательныя требованія уважаются, чувствовалъ довѣріе къ своему правительству, а правительство въ свою очередь показывало, что всѣ цѣли его клонятся только къ пользамъ и счастію народа. Поддерживая каждое сословіе съ одинакимъ вниманіемъ, давая всѣмъ средства къ развитію, и сдѣлавъ переходъ изъ одного въ другое рѣшительно невозможнымъ, Фридрихъ заставилъ каждую изъ нихъ дѣйствовать сообразно съ своимъ призваніемъ, разработывать свою почву и невольно пробуждалъ въ немъ чувства самобытности и народной гордости. Оттого силы государственныя развивались у него изъ собственныхъ источниковъ и росли не по днямъ, а по часамъ. Изъ этаго развитія родилась политическая независимость Пруссіи, которая впослѣдствіи поставила это государство на первую степень благоустроенности, довольства и гражданскаго счастія.

Дворянству было предназначено занимать почетнѣйшія мѣста въ службѣ гражданской и военной. Офицерами въ прусской арміи могли быть только родовые дворяне. Предоставя такія права дворянамъ, Фридрихъ хотѣлъ, чтобъ это сословіе отличалось и благородствомъ своихъ дѣйствій, чтобъ *честь* руководила имъ во всѣхъ случаяхъ жизни и чтобъ оно было изъято отъ всѣхъ видовъ своекорыстія. Низкій поступокъ дворянина судился строже преступленія крестьянина. Обширныя земли должны были обезпечивать существованіе дворянъ, но имъ строго воспрещалось входить въ какія либо торговыя или промышленныя спекуляціи. За трудъ и службу награждались они отличіями и честію—называться первыми подпорами государственнаго зданія. Фридрихъ щедро надѣлялъ ихъ помѣстьями, заботился о томъ, чтобъ земли доставляли имъ достаточные доходы и, не давая дворянству власти надъ крестьянами, строго наблюдалъ въ тоже время, чтобы послѣдніе въ точности исполняли свои обязанности въ отношеніи къ помѣщикамъ. Такими мѣрами онъ связывалъ обѣ касты: дворянинъ обязанъ былъ уважать классъ хлѣбопашцевъ, который трудомъ своимъ его кормилъ; а крестьянинъ цѣнилъ дворянство, какъ классъ, доставляющій ему средства къ труду и къ жизни. Большая часть дворянскихъ помѣстій въ то время были разстроены; дворянство обѣдняло; многія фамиліи были близки къ несостоятельности. Фридрихъ, роздалъ имъ на поддержку огромныя суммы и устроилъ дворянскіе банки, изъ залоговъ имѣній цѣлой области, гдѣ каждый помѣщикъ могъ на поправку занимать деньги, съ тѣмъ что въ уплатѣ ихъ за него ручалась вся провинція, въ которой находилось его помѣстье. Чрезъ это одни истинно нуж-

дающіеся прибѣгали къ помощи банковъ, и кромѣ того между дворянствомъ сохранялись дружба и согласіе. Взаимная нужда другъ въ другѣ заставляла ихъ сближаться и заботиться объ общемъ интересѣ всей провинціи. Учрежденіе этихъ областныхъ кредитныхъ учрежденій имѣло самыя благодѣтельныя послѣдствія и отвлекло дворянство отъ побочныхъ занятій, лежащихъ внѣ его назначенія. Продажа родовыхъ имѣній, и въ особенности людямъ другихъ сословій, была строжайше воспрещена. Такимъ образомъ дворяне, желая увеличить свои доходы, поневолѣ были принуждены заняться своими помѣстьями. И сельское хозяйство въ Пруссіи процвѣло,—и кредитъ значительно поднялся.

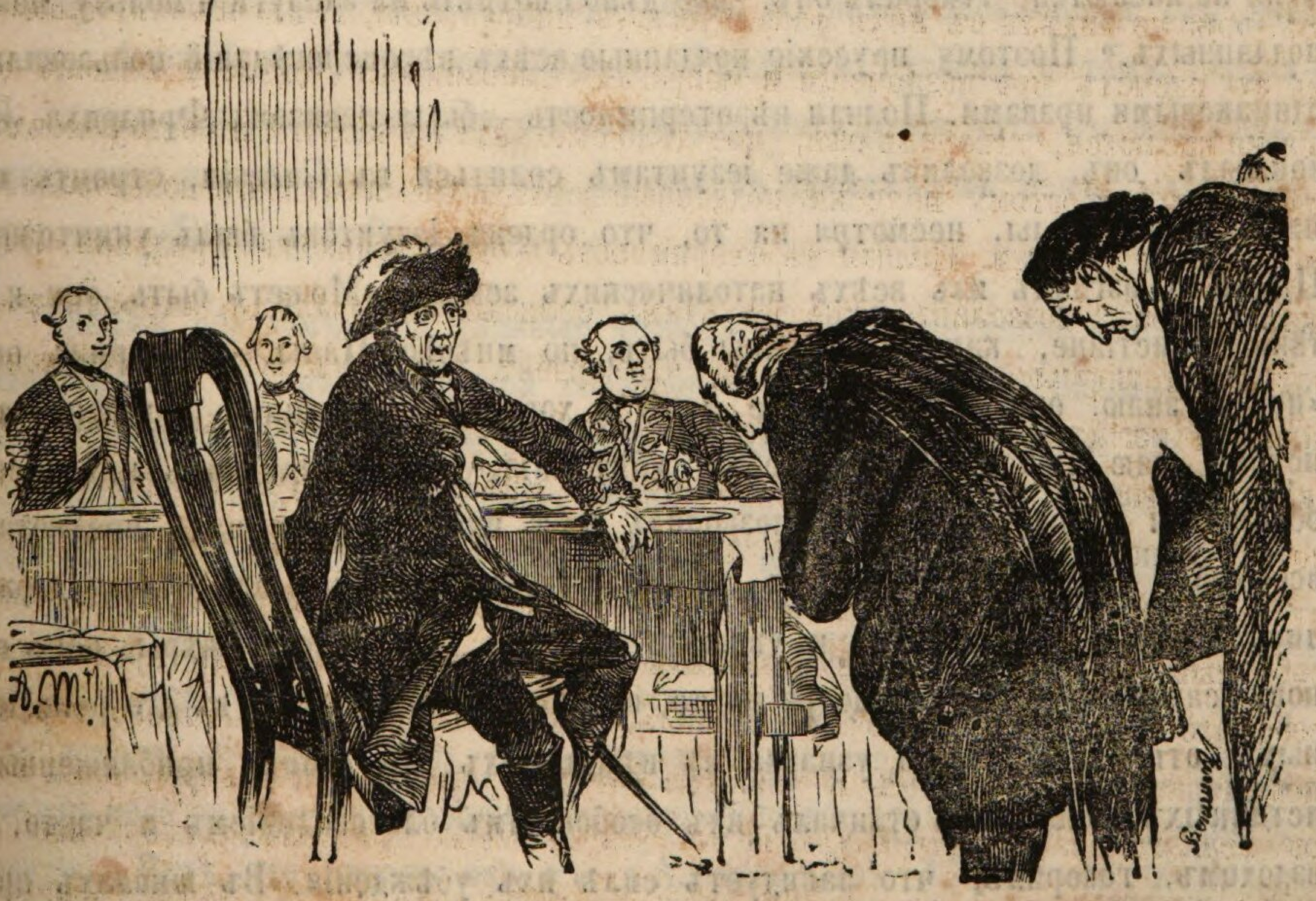
При такихъ постановленіяхъ, Фридрихъ, разумѣется, долженъ былъ обратить особенное вниманіе на быть *крестьянъ*. Чтобъ не отдалить этого полезнаго класса отъ престола и не подвергнуть его произволу помѣщиковъ, отъ которыхъ хлѣбопашцы находились въ нѣкоторой зависимости, онъ за долгъ почиталъ лично удостовѣряться въ ихъ нуждахъ и открылъ имъ свободный къ себѣ доступъ. Освободить ихъ совершенно изъ подъ власти помѣщиковъ онъ еще не рѣшался, боясь тѣмъ нарушить права и преимущества дворянъ, которыхъ самъ поставилъ первымъ сословіемъ въ государствѣ. Но онъ поощрялъ крестьянъ къ труду, поддерживалъ хлѣбопашество, раздавалъ нуждающимся хлѣбъ и деньги, обзаводилъ ихъ хозяйствомъ и, въ примѣръ сельскаго устройства, учреждалъ вольныя колоніи изъ опытныхъ и дѣльныхъ иностранцевъ. Ежегодно подавались ему отчеты о числѣ родившихся и умершихъ, о новыхъ постройкахъ, объ посѣвахъ и жатвахъ, о наличномъ капиталѣ крестьянъ, о ихъ недоимкахъ и проч. «Ни одинъ государь не зналъ быта своихъ подданныхъ лучше Фридриха!» говоритъ Беккеръ въ своей «*Всемірной Исторіи*», и это дѣйствительно справедливо. Примѣръ тому мы видимъ въ письмѣ, которое Фридрихъ писалъ къ Вольтеру въ 1777 году: «Сейчасъ только возвратился я изъ Силезіи и чрезвычайно доволенъ. Успѣхи земледѣлія и мануфактурной промышленности очевидны. Мы продали заграницу на 5 мил. талеровъ полотна и на 1,200,000 сукна. Въ горахъ открыли кобальтовый рудникъ, который можетъ снабдить всю Силезію этимъ матеріаломъ. Мы дѣлаемъ купоросъ не хуже иностраннаго; а одинъ опытный промышленникъ производитъ индиго, который ни въ чемъ не уступитъ индійскому. У насъ перекаливаютъ желѣзо въ сталь и притомъ гораздо легчайшимъ способомъ, чѣмъ Реомюровъ. Народонаселеніе наше съ 1756 года, когда началась война, умножилось на 180,000 душъ. Словомъ, теперь не видно и слѣдовъ бѣдствій, которыя разорили эту несчастную страну, и я, признаюсь откровенно, чувствую особенное удовольствіе и гордость, что могъ въ

короткое время поднять на такую степень провинцію, почти совершенно опустошенную.» Одной изъ главныхъ заботъ его было осушеніе болотистыхъ и удобреніе песчаныхъ мѣстъ На это употреблялъ онъ огромныя суммы и, можно сказать, пріобрѣлъ чрезъ то нѣсколько хлѣбородныхъ провинцій.

Какъ дворянству и крестьянамъ, такъ и *среднему сословію* Фридрихъ указалъ приличное направленіе и назначилъ опредѣленный кругъ дѣйствія въ общемъ организмѣ государства. Среднее сословіе было ограничено городовыми правами и раздѣлялось на цѣхи, по древнимъ привиллегіямъ среднихъ вѣковъ. Оно пользовалось исключительнымъ правомъ торговли и промышленныхъ предпріятій. Король въ особенности поощрялъ мануфактуры и фабрики, предпріимчивымъ людямъ давалъ даже на такія заведенія деньги; самъ, своимъ примѣромъ, поощрялъ дворянство къ покупкѣ отечественныхъ произведеній и старался всѣми силами распространить индустріальный духъ въ своихъ подданныхъ. Чтобъ возвысить прусскія фабрики, онъ налагалъ чрезвычайныя пошлины на всякій привозный товаръ, а чрезъ поощреніе фабрикантовъ къ подражанію иностраннымъ произведеніямъ, доводилъ прусскія издѣлія постепенно до усовершенствованія. Такимъ образомъ, въ Пруссіи образовалась мануфактурная промышленность, которая, обработывая свои собственные матеріалы, продавала ихъ въ своемъ-же государствѣ; чрезъ что деньги получали правильное обращеніе и оставались внутри Пруссіи. Нѣкоторыя отрасли мануфактурной промышленности, еще при жизни Фридриха, достигли до значительной степени совершенства. Такъ, напримѣръ, берлинская фарфоровая фабрика производила издѣлія, которыя могли стать на ряду съ саксонскими, почитавшимися въ то время лучшими въ этомъ родѣ. Чтобъ доставить ея произведеніямъ больше распространенія, король сталъ дарить ими своихъ приближенныхъ и употреблять въ видѣ наградъ богатые столовые сервизы, фарфоровыя вазы и другія издѣлія. Съ такимъ же вниманіемъ старался онъ возвысить торговлю и открыть для ея дѣятельности обширнѣйшее поле. Съ этой цѣлію заключалъ онъ торговые трактаты и конвенціи съ другими государствами; основывалъ конторы; проводилъ каналы. Изъ нихъ болѣе всѣхъ важенъ Бромбергскій каналъ: онъ соединяетъ рѣку Нетцу, вытекающую изъ Одера, съ р. Браге, впадающею въ Вислу. Это водяное сообщеніе оживило торговлю Польши.

Такъ приводилъ онъ въ безпрерывное движеніе всѣ колеса многосложной государственной механики; подмазывалъ ихъ тамъ, гдѣ могла случиться остановка, придумывалъ пружины, гдѣ нужно было породить новыя силы. Мудрая заботливость его предупреждала даже всякую непроизвольную остановку въ ходѣ народной дѣятельности. Безчисленное множество магазиновъ,

наполненныхъ до верху хлѣбомъ, которые онъ основалъ въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селеніи, почитались многими излишествомъ обременительнымъ. Но судьбѣ угодно было дать почувствовать прусскому народу всю важность и благодѣтельность этой мудрой мѣры Въ 1771 и 1772 годахъ вся Европа страдала отъ страшнаго неурожая. Почти во всѣхъ государствахъ обнаружился голодъ; одна Пруссія была продовольствована изъ богатыхъ запасовъ Фридриха, и могла, гордясь предусмотрительностію своего монарха, еще подѣлиться съ сосѣдями и извлечь матеріальную пользу изъ своей бережливости. Въ 1783 году сгорѣлъ до основанія городъ Грейфенбергъ, въ Силезіи. Фридрихъ, изъ акцизныхъ суммъ, построилъ бѣднымъ грейфенбергцамъ новый, красивый городъ и далъ имъ всѣ средства къ обзаведенію, такъ, что несчастіе пролетѣло надъ ихъ головами, не задѣвъ ихъ опустошительнымъ крыломъ своимъ. Черезъ годъ все процвѣтало по прежнему. Когда онъ на слѣдующій годъ съ наслѣднымъ принцемъ объѣзжалъ Силезію, облагодѣтельствованные жители Грейфенберга прислали къ нему депутацію. «Ваше величество!» сказали посланные.—«отъ имени всего города Грейфенберга явились мы благодарить васъ за благодѣяніе, намъ оказанное. Конечно, благодарность наша предъ такимъ монархомъ, какъ вы, ничтожна, какъ песчинка предъ величіемъ солнца; но мы будемъ молить Бога, чтобы онъ васъ достойно наградилъ за наше счастіе!»

Король былъ тронутъ до слезъ. «Вамъ не-за-что благодарить меня!»— сказалъ онъ, обращаясь къ депутатамъ. «Я исполнилъ только свою обязанность. Мой долгъ помогать подданнымъ, когда ихъ постигло несчастіе. На то я и король!»

Послѣ этаго мудрено-ли, что онъ могъ управлять кормилюмъ государства, какъ хотѣлъ, и что народъ безропотно подчинялся прихотямъ его характера, котораго направленіе гораздо ярче обнаружилось въ послѣдніе годы его жизни.

Образованіе и вѣра составляли два предмета особенной важности для Фридриха. Онъ заботился объ учрежденіи повсюду народныхъ училищъ, хотя, по взгляду своему, онъ не совсѣмъ одобрялъ общественное воспитаніе. Но ему хотѣлось, чтобъ даже каждый крестьянинъ въ его государствѣ былъ грамотенъ и чтобъ могъ здраво судить о вещахъ. Для этого предписано было даже въ сельскихъ школахъ излагать ученикамъ, въ простыхъ и понятныхъ формахъ, основныя правила логики. Въ высшихъ училищахъ онъ повелѣлъ знакомить воспитанниковъ съ древними писателями, а потому преподаваніе древнихъ языковъ, и въ особенности латинскаго, поставилъ непремѣннымъ закономъ. Объ этомъ предметѣ онъ написалъ весьма любопытный трактатъ, который сообщилъ министру своему Зедлицу. Въ церковныя дѣла онъ не вмѣшивался до тѣхъ поръ, пока не видѣлъ въ нихъ фанатическаго направленія. Религія не принималась въ расчетъ при назначеніи и наградахъ чиновниковъ. «Дѣла убѣжденія до меня не касаются,» говорилъ онъ; «мое дѣло смотрѣть на заслуги и пользу моихъ подданныхъ.» Поэтому прусскіе подданные всѣхъ вѣроисповѣданій пользовались одинаковыми правами. Полная вѣротерпимость—была девизомъ Фридриха. Это доказалъ онъ, дозволивъ даже іезуитамъ селиться въ Силезіи, строить монастыри и школы, несмотря на то, что орденъ іезуитовъ былъ уничтоженъ Папою и изгнанъ изъ всѣхъ католическихъ земель. «Можетъ быть, они и не такіе христіане, какими должны быть, по мнѣнію Папы,»—говорилъ онъ, «но я знаю: они очень умные люди и хорошіе наставники духовенства и потому даю имъ пріютъ и свободу убѣжденія.» Хотя Фридрихъ имѣлъ свои особенныя вѣрованія и даже позволялъ себѣ иногда шутки надъ предметами всеобщаго благоговѣнія, но онъ любилъ, чтобъ подданные его строго держались церковныхъ уставовъ и уважали догматы христіанской вѣры, какъ основу всякаго счастія. Несмотря на то, онъ никого не стѣснялъ въ его религіозныхъ отправленіяхъ, а узнавая въ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ истинныхъ христіанъ, отличалъ ихъ особеннымъ благоволеніемъ и часто, со вздохомъ, говорилъ, что завидуетъ силѣ ихъ убѣжденія. Въ школахъ приказано было преимущественно и прежде всего обучать закону Божію.

Король поощрялъ духовенство, назначалъ духовнымъ лицамъ большія пенсіи, награждалъ особенныя ихъ заслуги, но вмѣстѣ съ тѣмъ не давалъ имъ никакой власти въ государствѣ. Когда Клетчке, оберъ-священникъ арміи, подалъ королю просьбу о томъ, чтобъ ему предоставить право назначать полковыхъ пасторовъ, которыхъ до того опредѣляли полковые командиры, Фридрихъ написалъ подъ его просьбою: «Царство твое нѣсть отъ міра сего!»—и отослалъ ее назадъ.

Какъ вѣра не пострадала отъ его личныхъ убѣжденій, такъ и литература нѣмецкая не была стѣснена его прелубѣжденіемъ къ отечественнымъ писателямъ.

Напротивъ, она получила еще большее развитіе отъ свободы, съ которою каждая новая мысль могла высказываться съ каѳедры и въ печати. Строгій цензурный уставъ былъ уничтоженъ; цензура ограничивалась только тремя статьями: не дозволялось писать противъ существа Божія, противъ таинствъ христіанской церкви и противъ чести народа. Все остальное, даже статьи противъ его собственной особы, не подлежало расмотрѣнію цензуры. Какъ Фридрихъ смотрѣлъ на сатирическія статьи противъ себя, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ Берлинѣ ежегодно издавался календарь, въ видѣ альманаха, къ которому всегда прилагался портретъ одного изъ царствующихъ государей и нѣсколько другихъ картинокъ. Въ томъ, къ которому былъ приложенъ портретъ императора Іосифа II, находились сцены изъ Дона Кихота. Австрійцы этимъ оскорбились. Фридрихъ, узнавъ о томъ, приказалъ издать новый альманахъ съ своимъ портретомъ и вложить въ него самыя язвительныя каррикатуры на себя. Альманахъ вышелъ: въ немъ находились сцены изъ «Бѣшенаго Роланда!»

Такимъ образомъ, два главные недостатка этаго великаго человѣка, его предубѣжденіе къ отечественной словесности и его личныя вѣрованія,—не имѣли никакого вліянія на его народъ. Если онъ заблуждался, то хотѣлъ заблуждаться одинъ и предоставилъ полную свободу мысли и убѣжденія своимъ подданнымъ. Черта рѣдкая въ монархѣ—съ властью неограниченной!

Но вѣнецъ всей его дѣятельности—составляло правосудіе. За нимъ наблюдалъ онъ неусыпно. Вся власть его высказывалась въ законѣ; соблюденіе закона, по его мнѣнію, была первая обязанность подданныхъ; отступленіе отъ него судей—самое важное преступленіе, ибо чрезъ это оскорблялось величество. Вотъ что писалъ онъ къ д'Аламберу, въ 1780 году, по поводу новыхъ узаконеній: «Первая обязанность государей быть судьями своего на-

рода Но многосторонія занятія заставили ихъ довѣрить эту священную обязанность людямъ, избраннымъ для храненія закона. Несмотря на то, они не должны забывать объ этой важнѣйшей отрасли государственнаго управленія; не должны допускать, чтобъ имя и значеніе ихъ употреблялись во зло, для однихъ несправедливостей. Подданный не можетъ уважать и любить монарха, именемъ и властью котораго его грабятъ и раззоряютъ. Поэтому и я долженъ блюсти надъ тѣми, кому поручены судъ и расправа: несправедливый судья, по моему мнѣнію, хуже разбойника: онъ грабитъ *по праву, именемъ закона*. Наблюдать за неприкосновенностію достоянія гражданъ—долгъ главы каждаго общества, и я стараюсь исполнять долгъ свой ревностно и правдиво. Безъ этаго, къ чему бы мнѣ послужило изученіе Платона и Аристотеля, законовъ Ликурга и Солона? Приложеніе къ жизни мудрыхъ поученій философовъ: вотъ истинная цѣль философіи!»

Предоставя всѣмъ и каждому къ себѣ свободный доступъ, Фридрихъ могъ слѣдить за ходомъ судопроизводства и узнавалъ каждое злоупотребленіе закона изъ первыхъ рукъ. Въ наказаніяхъ за такія проступки судей онъ былъ безпощаденъ, не смотрѣлъ ни на какое лицо, удалялъ своихъ любимцевъ и даже смѣщалъ полезныхъ министровъ, если видѣлъ, что они защищали виновныхъ. Примѣръ такого правосудія представляетъ знаменитый процессъ мельника Арнольда, надѣлавшій много шума въ Европѣ и прибавившій самые яркіе лавры къ вѣнцу великаго короля.

Мельникъ Арнольдъ имѣлъ въ Новой Мархіи водяную мельницу, за которую обязанъ былъ платить ежегодно подать помѣщику, графу Шметтау. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ исправно исполнялъ свои обязанности; потомъ за нимъ оказались недоимки, а наконецъ онъ совсѣмъ отказался отъ платежа. Помѣщикъ подалъ на него жалобу въ Кюстринское областное правленіе. Арнольдъ показалъ, что графъ Шметтау продалъ сосѣднему владѣльцу, барону Герсдорфу, участокъ своей земли, на которомъ сосѣдъ, пользуясь протекающей рѣчкою, вырылъ огромный прудъ, для разведенія карповъ, и отвелъ въ него воду. Отъ этаго у мельницы Арнольда сдѣлалось мелководіе; онъ могъ работать только два мѣсяца въ году, во время разливовъ, и былъ доведенъ до раззоренія. Но судъ не обратилъ вниманія на отзывъ мельника, даже не нашелъ нужнымъ изслѣдовать, справедливо ли его показаніе. Опредѣлили продать мельницу и удовлетворить помѣщика. При описи мельницы не пощадили даже и остальнаго имущества Арнольда; все было продано съ молотка, за безцѣнокъ, и бѣднякъ съ семействомъ остался безъ куска хлѣба. Арнольдъ подалъ аппеляцію въ высшую инстанцію, но и тамъ по

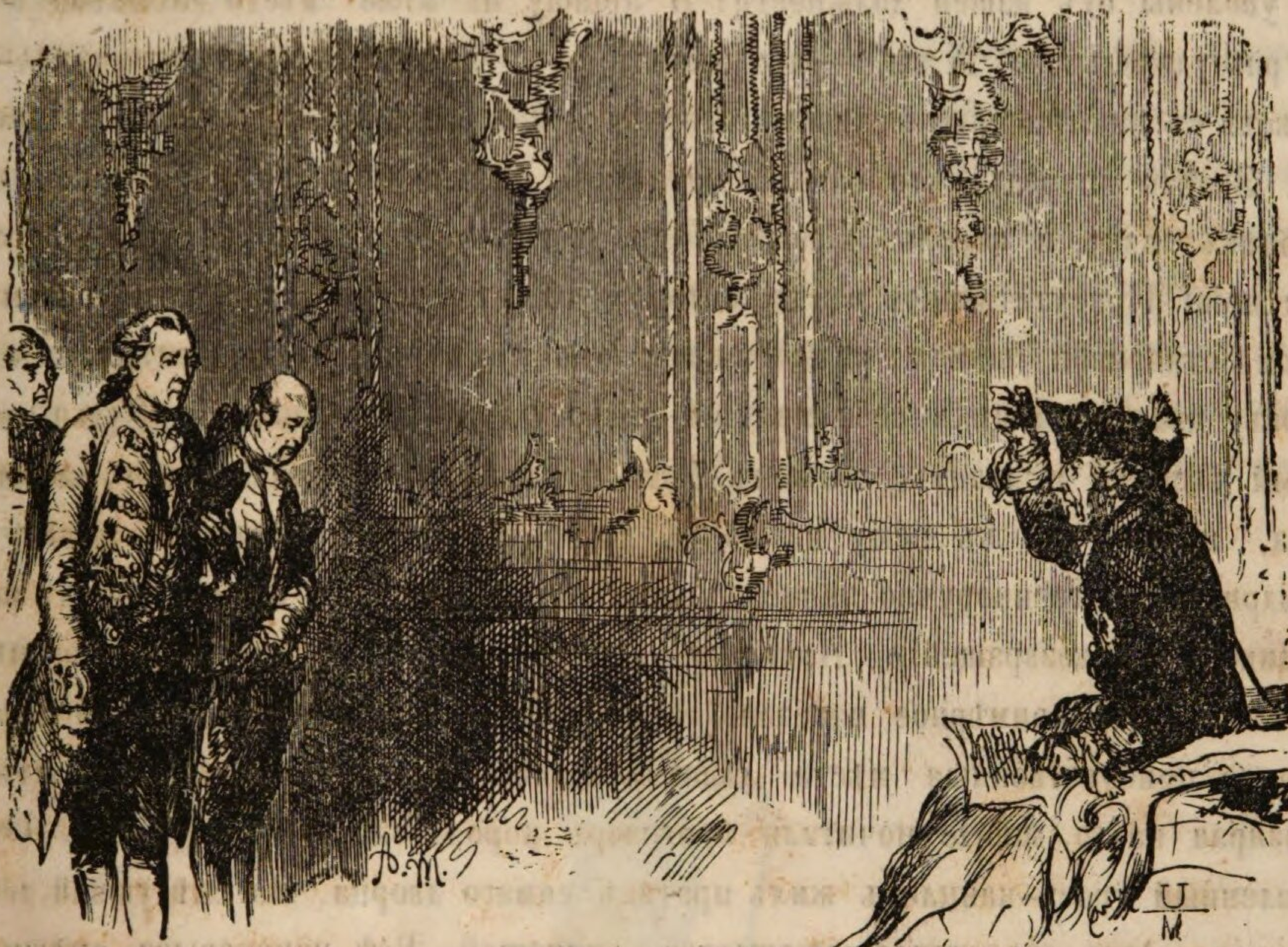
обычаю вѣрить болѣе дѣйствіямъ присутственнаго мѣста, чѣмъ жалующемуся на несправедливость челобитчику) приговоръ Кюстринскаго суда былъ признанъ дѣйствительнымъ. Тогда бѣдный мельникъ продалъ часть своего платья и пустился со всѣмъ семействомъ въ Потсдамъ, просить защиты короля. Подъ старымъ дубомъ, противъ самыхъ оконъ королевскаго кабинета, остановилась несчастная семья, ожидая съ робостію рѣшенія своей участи.

Престарѣлая мать мельника, едва живой дѣдъ его, молодая жена и самъ Арнольдъ составляли умилительную группу около столѣтняго, царственнаго дерева, подъ которымъ какъ будто искали защиты отъ постигшей ихъ грозы. Король не могъ ихъ не замѣтить. Длинная, исписанная бумага, которую старуха держала въ дрожащей рукѣ, тотчасъ открыла ему цѣль нежданнаго посѣщенія. Онъ позвонилъ, и чрезъ нѣсколько минутъ расторопный каммергусаръ ввелъ бѣдное семейство въ богатую залу дворца. Съ трепетомъ сердечнымъ переступилъ Арнольдъ порогъ королевскаго дома, съ свѣтлой улыбкой счастія и надежды вышелъ онъ оттуда. Въ рукахъ его дрожалъ запечатанный пакетъ короля къ председателю Кюстринскаго верховнаго суда, въ карманѣ звенѣла горсть талеровъ, которые монархъ подарилъ ему на путевыя издержки. Но Фридрихъ очень хорошо зналъ, что воронъ ворону глаза не выклюетъ и потому отправилъ вѣрнаго человѣка, полковника Гейкинга, въ Неймаркъ, изслѣдовать, справедливо ли показаніе мельника. Полковникъ вскорѣ возвратился и вполнѣ оправдалъ Арнольда,

Мельникъ пришелъ, между тѣмъ, въ Кюстринъ и доставилъ королевскій пакетъ по адресу. Въ немъ заключалась слѣдующая собственноручная бумага Фридриха: «Его королевское величество объявляетъ Кюстринскому верховному суду свое высочайшее неудовольствіе и крайнее убѣжденіе, что всѣ члены этаго суда не стоятъ холостаго заряда. Еслибъ судъ самъ занялся дѣломъ, какъ слѣдуетъ, и произнесъ правдивый приговоръ, то королю не нужно бы посылать другихъ на слѣдствіе. Но въ этомъ дѣлѣ поступлено не только противъ справедливости, но даже противъ здраваго смысла. Когда у мельника отнимаютъ воду на прудъ для карповъ, то онъ не можетъ молоть и, стало быть, не имѣетъ средствъ платить подати. За это слѣдуетъ вознаградить его, а не отнимать у него остальное. Но съ Арнольдомъ поступлено совершенно напротивъ: его ограбили, прибили, обезчестили. Это неслыханная дерзость! Его величество всѣхъ васъ прогонитъ къ чорту, и на мѣста ваши посадитъ людей со смысломъ, потому, что вы всѣ недостойны хлѣба, который ѣдите. Симъ повелѣвается суду непремѣнно, и въ наискорѣйшемъ времени, рѣшить дѣло Арнольда по законамъ разума и совѣсти, и вполнѣ удовлетворить его требованія; малѣйшая затяжка и недобросовѣстность можетъ дорого обойтись господамъ судьямъ: это замѣтьте!» Можно себя представить, какъ подобное посланіе должно было подѣйствовать на судей! Но люди эти, умертвившіе въ себѣ механизмомъ своего дѣла всякое человѣческое чувство, привыкшіе смотрѣть на правосудіе, какъ на доходное ремесло, прежде всего подумали не объ исполненіи воли монарха, но объ отклоненіи отъ себя грозы. Оправдать мельника значило выставить областной и верховный судъ виновными. Въ рѣшеніи были подведены законы, на которыхъ оно опиралось. Судъ и теперь не измѣнилъ своего рѣшенія, говоря, что не имѣетъ на то права, что если приговоръ несправедливъ, то вина въ томъ закона, а не судей. Арнольда велѣно было вознаградить только 40 талерами за то, что при описи мельницы, захвачены были и его пожитки. Мельникъ снова обратился къ королю. Фридрихъ приказалъ разсмотрѣть дѣло въ уголовномъ департаментѣ Берлинскаго Сената и непремѣнно удовлетворить Арнольда. Но и тутъ оправдали приговоръ двухъ первыхъ присутственныхъ мѣстъ и рѣшили, что верховный Кюстринскій судъ не могъ измѣнить своего рѣшенія, не смотря на приказъ короля, ибо въ Codice Fridericiano сказано: «Судья долженъ дѣйствовать по прямому смыслу закона, не взирая ни на какія высочайшія повелѣнія». Фридрихъ былъ разгнѣванъ въ высшей степени. Онъ видѣлъ въ этомъ упорствѣ трехъ судебныхъ мѣстъ явное противодѣйствіе истинѣ и родъ кумовства, чрезъ которое одинъ судъ прикрывалъ несправедливости другаго. Строгимъ примѣромъ хотѣлъ онъ однажды

навсегда прекратить подобное злоупотребленіе. Тремъ совѣтникамъ уголовной палаты и предсѣдателю ея, гросъ-канцлеру и министру юстиціи, Фюрсту, велѣно было явиться во дворецъ. Фридрихъ въ это время жестоко страдалъ подагрою, однако не хотѣлъ откладывать дѣла. Строго встрѣтилъ онъ виновныхъ и приказалъ имъ отвѣчать на свои вопросы.

«Справедливо-ли обвинять крестьянина, у котораго отняты плугъ, поле, и всѣ средства къ труду и пропитанію?»—Нѣтъ,—отвѣчали совѣтники, съ низкимъ поклономъ.

«Справедливо-ли», продолжалъ король, «отнять у мельника мельницу за то, что онъ не уплатилъ подати помѣщику, который лишилъ его воды?»—Нѣтъ

«Хорошо,» сказалъ король; «но вотъ случай: дворянину вздумалось для своей охоты завести прудъ съ карпами; онъ отводитъ въ него рѣчку, которою приводилась въ движеніе мельница. У мельника оттого сталъ жерновъ и бѣднякъ сидитъ безъ работы. Только четыре недѣли въ круглый годъ, весною и осенью, во время разливовъ, онъ можетъ достать себѣ скудный кусокъ хлѣба. Несмотря на это, дворянинъ, который у него отнялъ доходъ, требуетъ, чтобъ мельникъ платилъ ему исправно подать. Какъ же поступаетъ для разрѣшенія этого вопроса Кюстринское правосудіе? Оно повелѣваетъ продать мельницу и удовлетворить дворянина. А здѣшняя уголовная палата одобряетъ это рѣшеніе. Это выше всякой несправедливости и

совершенно противно отеческимъ видамъ монарха.» — Гросъ-канцлеръ хотѣлъ возражать, но Фридрихъ грозно ударилъ по столу и вскричалъ: «Молчите! Не здѣсь вамъ слѣдовало говорить! А тамъ, гдѣ употребляли во зло мое имя и угнетали моего подданнаго подъ видомъ закона! Позорить имя короля несправедливостью—уголовное преступленіе, оскорбленіе величества! Вы уволены отъ вашей должности! Я пріищу на ваше мѣсто человѣка болѣе разсудительнаго. А вы,»—продолжалъ онъ, обращаясь къ совѣтникамъ.— «вмѣстѣ съ кюстринскими судьями отправитесь на годъ въ тюрьму, въ Шпандау. Знайте впередъ, что самый послѣдній крестьянинъ и нищій такой же человѣкъ, какъ и король. Забывать для него чувство человѣчества—верхъ злодѣянія! Присутственное мѣсто, которое дѣлаетъ несправедливости, опаснѣе самой отчаянной шайки разбойниковъ; отъ нихъ можно защититься, а отъ воровъ, прикрывающихъ себя мантіей правосудія, - нѣтъ спасенія. Судья, который тѣснитъ и давитъ, долженъ быть наказываемъ вдвое строже разбойника, потому что къ нему идутъ съ довѣріемъ, въ надеждѣ на зашиту». Фридрихъ собственноручно написалъ сентенцію виновнымъ и приговорилъ помѣщиковъ къ возвращенію Арнольду мельницы и всѣхъ понесенныхъ имъ убытковъ. Это примѣрное наказаніе остановило многія злоупотребленія и заставило присутственныя мѣста дѣйствовать съ большею осмотрительностію. Невзирая на то, многіе почитали приговоръ короля слишкомъ строгимъ. Отставленный гросъ-канцлеръ жилъ противъ самаго дворца. На слѣдующій день около подъѣзда его стояло множество экипажей. Всѣ наперерывъ спѣшили изъявить ему чувство своего соболѣзнованія и сказать нѣсколько утѣшительныхъ словъ. Австрійскій посланникъ, живши возлѣ Фюрста, воскликнулъ съ изумленіемъ: «Да здѣсь, я вижу, свѣтъ на изворотъ: въ другихъ странахъ спѣшатъ съ поклонами къ новымъ министрамъ, а здѣсь къ отставленнымъ!» Самъ Фридрихъ замѣтилъ, изъ окна, необыкновенный съѣздъ. Когда ему объяснили причину, онъ сказалъ: «Это дѣлаетъ честь моимъ придворнымъ. Никогда не должно забывать сослуживца въ несчастіи. Я самъ жалѣю о канцлерѣ; но чувство правды и безопасность послѣдняго изъ подданныхъ первый долгъ короля: онъ выше всякаго личнаго участія.»

Вмѣсто Фюрста назначилъ Фридрихъ оберъ-канцлеромъ Крамера, бывшаго министромъ юстиціи въ Силезіи. «Знаешь ли ты, кто я—и кто ты?» сказалъ онъ ему при назначеніи.—«Я глава правосудія въ моемъ государствѣ и долженъ Богу дать отчетъ въ исполненіи этой обязанности. Тебя я избралъ себѣ въ помощники. Въ соблюденіи истины и правосудія обязанъ ты отвѣтомъ и предъ Богомъ, какъ предъ общимъ судіею, и предо мною, какъ предъ довѣрителемъ своимъ. За твою оплошность я въ отвѣтѣ, это правда,

но и моя непроизвольные грѣхи падутъ на твою душу въ день судный» Крамеру поручилъ онъ пересмотрѣть законы и составить руководство для всѣхъ судебныхъ мѣстъ, сообразное съ назначеніемъ и правами каждаго сословія. Крамеръ составилъ двѣ превосходныя книги: «*Всеобщее гражданское право*» и «*Общій порядокъ судопроизводства*,» которыми Пруссія руководствуется и до нынѣ.

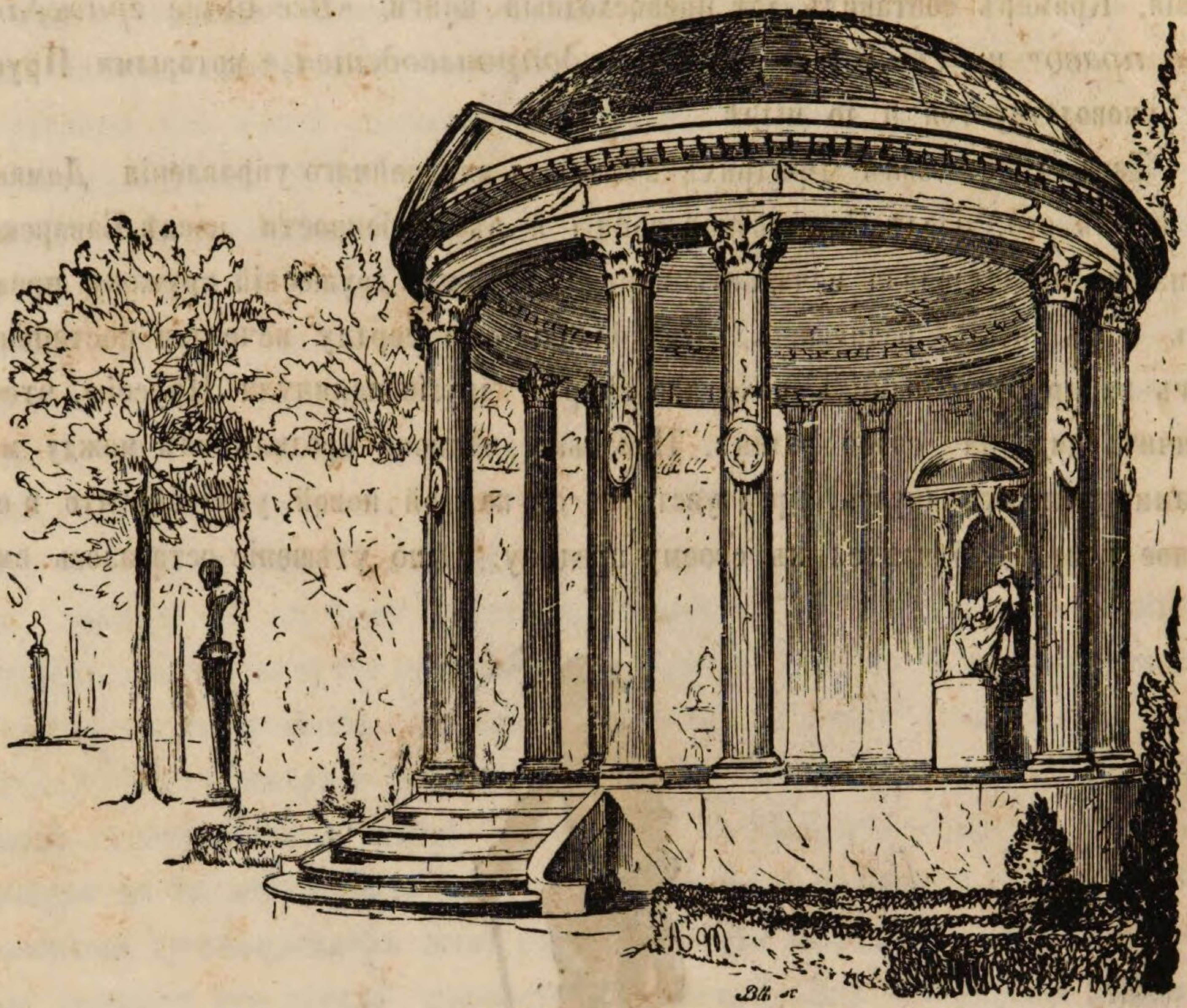
Такъ дѣйствовалъ Фридрихъ въ дѣлахъ внутренняго управленія Домашняя жизнь его, послѣ Семилѣтней войны и въ особенности послѣ Баварской кампаніи, представляла печальную картину. Тѣсный дружескій кружокъ прежнихъ лѣтъ былъ разрушенъ. Всѣ близкіе его сердцу исчезали постепенно другъ за другомъ; однихъ похитила смерть, другіе покинули Пруссію, чтобъ окончить дни на своей родинѣ. Печально, одиноко бродилъ онъ между могилами усопшихъ друзей, предчувствуя, съ каждой новой утратой, что и его земное поприще близится къ своему предѣлу. Одно утѣшеніе оставалось ему:

воздвигать друзьямъ своего сердца и сподвижникамъ памятники, которые показали бы міру, что славу его царствованія раздѣляли люди, достойные уваженія отечества и любви своего монарха. Вильгельмовская площадь въ Берлинѣ постепенно украшалась монументами: Шверину, Сейдлицу, фельдмаршалу Кейту и Винтерфельду (*). Но чувствительнѣйшую утрату для сердца Фридриха составляла его сестра, маркграфиня Бейрейтская Ея памяти поставилъ онъ мавзолей совсѣмъ другаго рода; въ этомъ памятникѣ высказались вся мечтательность германскаго характера и вся нѣжность души короля—человѣка. Вотъ какъ пишетъ объ немъ самъ Фридрихъ къ Вольтеру,

(*) Въ слѣдующія царствованія къ нимъ присоединены еще два памятника: Цитену и Леопольду Дессаускому.

въ 1773 году: «Пусть назовутъ это слабостью или безразсуднымъ обожаніемъ, но я исполнилъ для моей сестры то, что Цицеронъ думалъ сдѣлать для своей Туліи: я воздвигъ въ честь ея *храмъ дружбы.*»

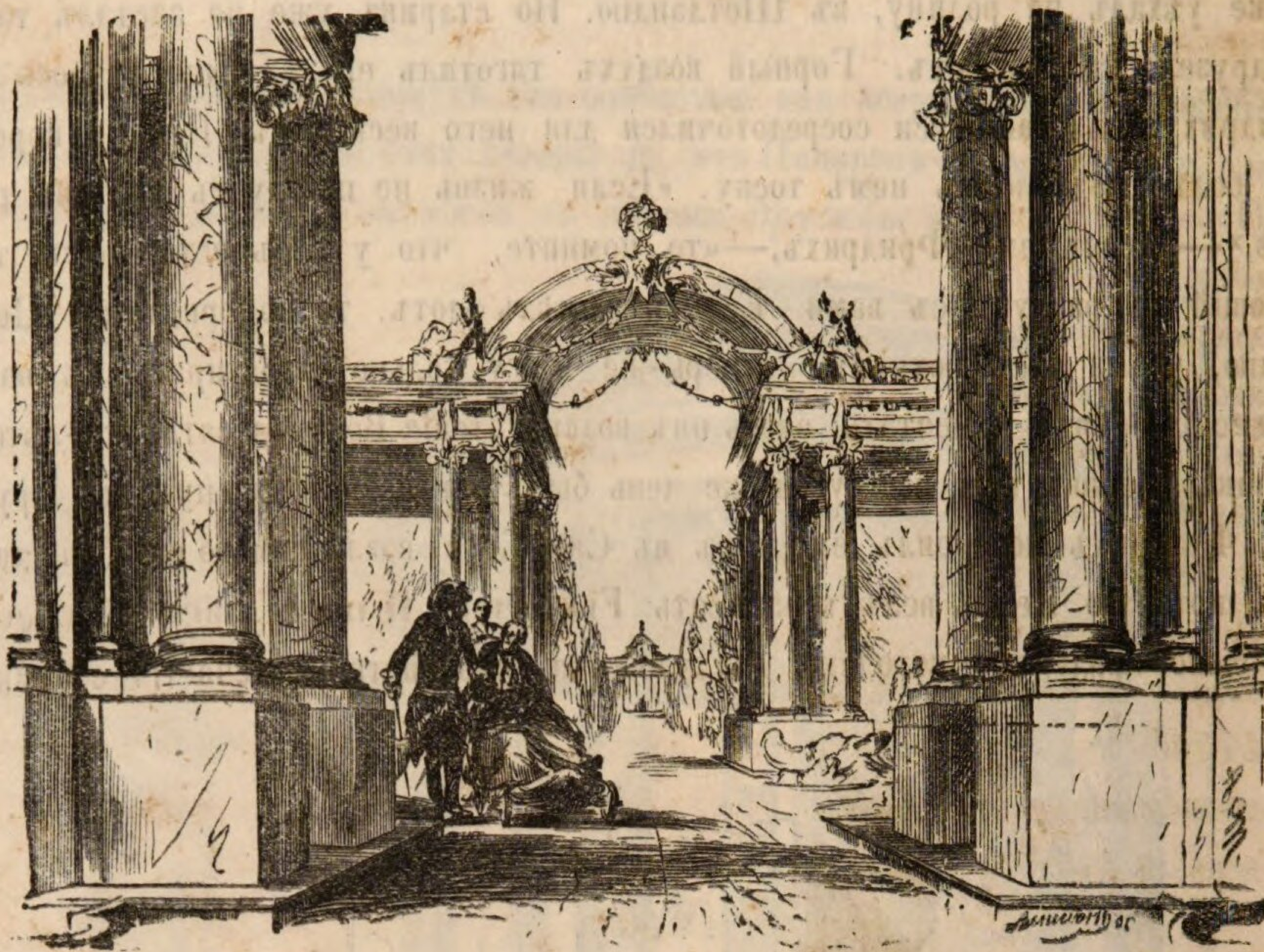
«Въ глубинѣ храма поставлена ея статуя, а на каждой колоннѣ находится медальонъ героя, прославившагося чувствомъ преданности и дружбы. Храмъ построенъ въ уединенной рощицѣ моего сада и я часто хожу туда вспоминать о моихъ утратахъ и о счастіи, которымъ нѣкогда наслаждался.»

И точно, изъ всѣхъ старыхъ друзей у него оставалось еще двое: старикъ Фуке и лордъ-маршалъ Джоржъ Кейтъ, братъ фельдмаршала, погибшаго подъ Гохкирхомъ. Маркизъ д'Аржансъ, съ которымъ Фридрихъ постоянно велъ переписку, даже во время походовъ, покинулъ своего вѣнценоснаго друга въ 1769 году. Подъ старость онъ сталъ тосковать по родинѣ, ему хотѣлось умереть подъ благодатнымъ небомъ Прованса, и Фридрихъ, съ душевною скорбію, принужденъ былъ его отпустить. Прощаніе было трогательно. Д'Аржансъ полагалъ, что король удерживаетъ его, боясь повторенія исторіи съ Вольтеромъ, потому что вся переписка Фридриха находилась въ его рукахъ. Чтобъ успокоить короля на этотъ счетъ, онъ, вмѣстѣ съ просьбою объ увольненіи, послалъ къ нему всѣ письма, запечатанныя въ пакетѣ. Но Фридрихъ, не распечатывая пакета, возвратилъ его своему другу.—Кейтъ

также уѣхалъ на родину, въ Шотландію. Но старикъ уже не засталъ тамъ ни друзей, ни родныхъ. Горный воздухъ тяготилъ его, сердце рвалось къ Фридриху: въ Сан-Суси сосредоточился для него весь міръ Письмо короля еще болѣе подняло въ немъ тоску. «Если жизнь не порадуетъ васъ на родинѣ,»—писалъ ему Фридрихъ,—«то помните, что у васъ есть другъ, тоскующій въ разлукѣ съ вами. Еслибъ я имѣлъ флотъ, то покорилъ бы Шотландію, чтобы васъ похитить; теперь-же могу только простирать къ вамъ дружескія объятія и мечтать: авось онъ возвратится!» Восьмидесятипяти-лѣтній старикъ заплакалъ и на другой же день былъ на возвратномъ пути въ Пруссію. Фридрихъ построилъ ему домъ въ Сан-Суси, возлѣ самаго сада, на дверяхъ котораго Кейтъ велѣлъ написать: Fridericus II nobis haec otia fecit. Все было придумано королемъ для удобства, спокойствія и счастія старика.

Кейтъ могъ видѣться съ Фридрихомъ нѣсколько разъ въ день; когда хотѣлъ, приходилъ къ нему обѣдать, посылая напередъ сказать, что будетъ, и король не садился за столъ, пока онъ не являлся. Для послѣобѣденнаго отдыха для него была устроена особенная комната во дворцѣ. Дворецъ и домъ Кейта придворные звали *монастыремъ*. Старикъ часто говаривалъ: «Нашъ патеръ пріоръ (такъ звалъ онъ Фридриха), самый обходительнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Живи я въ Испаніи, за долгъ почелъ бы обвинить его предъ святой инквизиціей въ колдовствѣ». Кейтъ сохранилъ привязанность къ Фридриху до самой смерти. Въ народѣ его звали не иначе, какъ *«другъ короля»*.

Другой любимецъ Фридриха былъ генералъ Фуке, съ прекраснымъ характеромъ котораго мы успѣли уже ознакомиться во время Семилѣтней войны. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ при Ландсгутѣ, содержался въ Кроаціи до самаго окончанія войны и терпѣлъ всѣ возможныя лишенія. Фридрихъ посылалъ ему иногда небольшія суммы, называя ихъ «лептою вдовицы». По возвращеніи изъ плѣна, Фуке былъ приглашенъ къ королю, въ Потсдамъ. Здѣсь Фридрихъ осыпалъ его милостями, окружилъ всѣми удовольствіями и въ два мѣсяца заставилъ забыть страданія нѣсколькихъ лѣтъ Но дряхлость не позволяла старцу продолжать военной службы; онъ просилъ отставки и позволенія удалиться въ Бранденбургъ, чтобъ посвятить остальную жизнь служенію Богу. Король назначилъ его пробстомъ бранденбургской соборной церкви, приказалъ купить домъ и устроилъ его на свой счетъ. «Но вы должны меня навѣщать» — сказалъ онъ Фуке. «Отсюда до Брауншвейга недалеко: когда соберетесь ко мнѣ въ гости, дайте знать: я вышлю къ вамъ моихъ лошадей». Каждую недѣлю посылались къ Фуке запасы отборнѣйшихъ фруктовъ и винъ, изъ королевскихъ оранжерей и погребовъ. «Вы слабы, другъ мой, вамъ нужно хорошее подкрѣпленіе,» — писалъ ему однажды Фридрихъ. «Вчера отыскали въ дворцовомъ погребѣ кладъ: бутылку венгерскаго изъ запаса моего дѣда. Я отвѣдалъ вино: оно превосходно. Посылаю завѣтную бутылку и желаю, чтобъ она пришлась вамъ по вкусу». Фуке замѣтно ослабѣвалъ. Фридрихъ придумывалъ всѣ средства, чтобъ поддержать его здоровье

и силы. Когда старикъ являлся въ Сан-Суси, его сносили съ лѣстницы въ креслахъ и сажали въ нарочно устроенную колясочку, въ которой катали по саду, между тѣмъ, какъ король сопровождалъ его пѣшкомъ.

Когда у Фуке началъ притупляться слухъ, Фридрихъ заказалъ ему въ Парижѣ нѣсколько слуховыхъ рожковъ. «Благодарю, благодарю!» писалъ королю старецъ; «я испытаю ихъ въ церкви, слушая слово Божіе и помолюсь за моего благодѣтеля». Наконецъ Фуке съ трудомъ сталъ говорить. Король изобрѣлъ особенную машину, посредствомъ которой, составляя буквы, можно было объясняться, и по нѣсколько часовъ въ день проводилъ съ нимъ въ такомъ нѣмомъ разговорѣ. Въ послѣдній годъ жизни стараго генерала, когда онъ не могъ уже выѣзжать, Фридрихъ самъ посѣщалъ его еженедѣльно. Послѣ такой внимательности и подлинно отеческихъ попеченій о своемъ любимцѣ, можно себѣ представить, какъ велика была печаль короля, когда, въ 1774 году, ему донесли о смерти генерала Фуке. Нѣсколько дней онъ былъ совершенно убитъ горемъ: послѣдній другъ его юности сошелъ въ могилу и великій монархъ совершенно осиротѣлъ.

Изъ сподвижниковъ его славы оставался еще дряхлый Цитенъ. Но съ нимъ онъ не былъ связанъ интелектуальными узами души. Онъ любилъ и уважалъ въ старцѣ простаго, честнаго, благороднаго человѣка, заслуженнаго героя, но не дѣлился съ нимъ тайными побужденіями своего сердца, результатомъ своихъ глубокихъ размышленій. Это былъ булатный мечъ, закаленный въ горнилѣ опыта, преданности и правоты; король могъ надѣяться на его неизмѣнную крѣпость и вѣрность — и только. Фридрихъ не разъ доказывалъ Цитену, какъ глубоко уважаетъ и цѣнитъ его заслуги. Однажды за королевскимъ обѣдомъ утомленный старикъ заснулъ. Генералы, сидѣвшіе возлѣ Цитена, хотѣли разбудить его. «Тсъ!» сказалъ имъ Фридрихъ въ полголоса: «не троньте старика! пусть спитъ: онъ довольно долго за насъ бодрствовалъ». Во время карнавала, когда въ Потсдамъ обыкновенно съѣзжались всѣ генералы, разъ утромъ и Цитенъ явился во дворецъ. Король вышелъ объявить пароль. Увидя старика, Фридрихъ бросился къ нему: «Ба! и мой старый Цитенъ здѣсь! Очень радъ; но зачѣмъ ты трудишься взбираться по моей крутой лѣстницѣ; я бы самъ навѣстилъ тебя, вѣрный другъ! Ну, каково здоровье?»—Слава Богу!—отвѣчалъ Цитенъ,—ѣмъ и пью хорошо, только чувствую, что силы исчезаютъ.—«Стулъ!»—закричалъ Фридрихъ. Адъютантъ подалъ кресло. «Садись!»—продолжалъ король, «тебѣ трудно стоять». Цитенъ отговаривался. «Садись, садись, старый мечъ! Иначе я уйду; я не желаю быть тебѣ въ тягость». Цитенъ сѣлъ и король, стоя передъ нимъ, распрашивалъ его о малѣйшихъ подробностяхъ его жизни, здо-

ровья, обстоятельствъ, занятій. Наконецъ онъ его отпустилъ, обнимая и приговаривая: «Пожалуйста, береги здоровье! Чтобъ я еще долго и часто имѣлъ удовольствіе тебя видѣть!»

Одна письменная бесѣда съ отсутствующими друзьями утѣшала еще Фридриха; особливо переписка съ д'Аламберомъ, который жилъ его пособіями и пенсіономъ. И ему хотѣлъ Фридрихъ воздвигнуть памятникъ въ своемъ саду. «Много есть героевъ, которые выигрывали битвы,»—писалъ къ нему король по этому случаю,—«многіе завоевали цѣлыя царства; но людей, которые написали такое превосходное твореніе какъ ваше предисловіе къ энциклопедіи, очень мало. Вы достойны памятника наравнѣ съ величайшими героями». Но французскій ученый отклонилъ отъ себя эту почесть. «Государь!»—писалъ онъ въ отвѣтъ: «я желаю только одного памятника: могильнаго камня съ надписью: *Великій король дарилъ его милостію и осыпалъ благодѣяніями.*»

Въ семействѣ своемъ Фридрихъ такъ-же не находилъ утѣшенія. Съ женой своей онъ давно жилъ розно. Она проводила набожную жизнь вдали отъ

свѣтскаго шума, въ тишинѣ Нидеръ-Шенгаузенскаго дворца. Оттуда сыпала она благотворенія на народъ, возсылала молитвы къ Богу о счастіи короля, своего супруга, занималась рукодѣліями, для украшенія церквей, и переводомъ на французскій языкъ нѣмецкихъ книгъ духовнаго содержанія. Рѣдко являлась она въ Берлинъ и то только въ необходимыхъ, оффиціальныхъ случаяхъ: во время общихъ смотровъ войска, торжествъ по случаю мира, семейныхъ событій и т. п. Тогда она становилась средоточіемъ двора. Фридрихъ самъ подавалъ примѣръ глубокаго уваженія и почтительности къ королевѣ. Во время смотровъ, она объѣзжала ряды войскъ въ золотой колясқѣ, съ великолѣпною упряжью; по сторонамъ, ее сопровождали король и кронпринцъ верхами; весь штабъ, иностранные посланники и министры слѣдовали за ними. Войско отдавало ей почести и привѣтствовало громкими: *viva!* Каждое утро король посылалъ освѣдомляться о ея здоровьи и пожелать ей добраго дня. Всѣ члены семейства обязаны были сперва явиться къ ней, а потомъ къ королю, котораго первый вопросъ всегда былъ: «Привѣтствовали-ли вы сегодня ея величество?»—Неисполнившій этой обязанности получалъ строгій выговоръ, часто наказывался арестомъ. Иногда король просилъ у королевы позволенія откушать вмѣстѣ съ нею. Они сходились молча, почтительно раскланивались другъ съ другомъ, садились за столъ и съ такой же церемоніей послѣ обѣда расходились.

Такимъ образомъ была ими отпразднована и золотая свадьба въ 1783 г.

Сан-Суси королева никогда не видала: король не приглашалъ ее въ свое уединеніе, а она была слишкомъ горда, чтобъ назваться къ нему въ гости. Но король часто съ нею переписывался въ стихахъ и прозѣ. Письма съ обѣихъ сторонъ были исполнены нѣжности, вниманія и изысканной любезности. Иногда они обмѣнивались взаимно своими литературными труда-

ми: король посылалъ ей экземпляръ своихъ историческихъ сочиненій, она отдаривала его экземпляромъ своихъ переводовъ. Но сколько Фридриху не нравились труды королевы, столько же и супруга его не находила удовольствія въ чтеніи произведеній его величества. Причины взаимнаго охлажденія покоились въ самомъ несходствѣ характеровъ вѣнценосной четы. Фридрихъ былъ нрава пылкаго, ума быстраго и язвительнаго: страсти въ немъ клокотали и искали сочувствія. Елисавета-Христина была рѣшительная противоположность ко всему этому. Вотъ ея портретъ, начертанный рукою маркграфини Бейрейтской: «Она высока ростомъ, но дурно сложена и дурно держится. Бѣлизна ея ослѣпительна, за то румянецъ слишкомъ ярокъ; глаза ея блѣдноголубые, безъ всякаго выраженія и не обѣщаютъ особеннаго ума. Ротъ ея малъ; черты миловидны, хотя неправильны; все лицо ея такъ невинно простодушно, что можно подумать съ перваго взгляда, что головка ея принадлежитъ двѣнадцати-лѣтнему ребенку. Бѣлокурые ея волосы вьются отъ природы; но вся красота ея обезображивается нескладными, почернѣлыми зубами. Движенія ея неловки; разговоръ вялъ, она затрудняется въ выраженіяхъ и часто употребляетъ обороты, по которымъ надо угадывать, что она хочетъ сказать.» Несмотря на такое явное противорѣчіе наклонностей и характеровъ, несмотря на насильственный союзъ, къ которому Фридриха принудили противъ его воли, онъ въ первые годы супружества, по видимому, примирился съ своей участью и между молодыми супругами господствовало единодушіе и согласіе. Безплодность Елисаветы-Христины, кажется, была главною причиною, которая отдалила отъ нея супруга. По восшествіи на престолъ, онъ тотчасъ объявилъ наслѣдникомъ своего брата и съ тѣхъ поръ жилъ розно съ королевою. Въ старости ихъ характеры приняли еще болѣе опредѣленное выраженіе и тогда сближеніе сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ. Но Фридрихъ уважалъ ее до конца жизни и даже въ духовной завѣщалъ это уваженіе своему преемнику.

Съ братомъ своимъ и съ наслѣднымъ принцемъ Фридрихъ также не совсѣмъ ладилъ. Многіе случаи породили взаимныя неудовольствія. Строгость и взыскательность короля были главными причинами разлада. Несмотря на эти отношенія, Фридрихъ сердечно обрадовался, когда въ 1770 году у наслѣдника родился сынъ. Онъ самъ былъ его воспреемникомъ и послѣ часто нянчилъ малютку на рукахъ. «Я предчувствую, что этотъ молодецъ нѣкогда со славою будетъ царствовать надъ пруссаками.» Такъ писалъ онъ къ одному изъ друзей своихъ. «Онъ непремѣнно пойдетъ по стопамъ своихъ предковъ и будетъ не бичемъ, а благодѣтелемъ своего народа.» Играя однажды съ маленькимъ принцемъ, Фридрихъ отнялъ у него мячикъ и спря-

талъ въ карманъ. Малютка настойчиво требовалъ свою игрушку обратно и, видя, что король ее не возвращаетъ, схватилъ его наконецъ за полу и насильно вытащилъ мячикъ изъ кармана. «О!»—воскликнулъ Фридрихъ,—«этотъ постоитъ за себя! У него Силезію не отнимутъ!»

Посѣтивъ наслѣдника въ 1777 году, Фридрихъ нашелъ, что крестникъ его не въ духѣ. «Что съ тобою?» спросилъ король.—Мнѣ досадно; отвѣчалъ семилѣтній мальчикъ, здѣсь всѣ ходятъ въ мундирахъ, а меня заставляютъ носить курточку: и я хочу быть солдатомъ!—«Браво!» сказалъ король; «сшейте ему мундиръ прапорщика.» Малютка съ чувствомъ поцѣловалъ Фридриха.

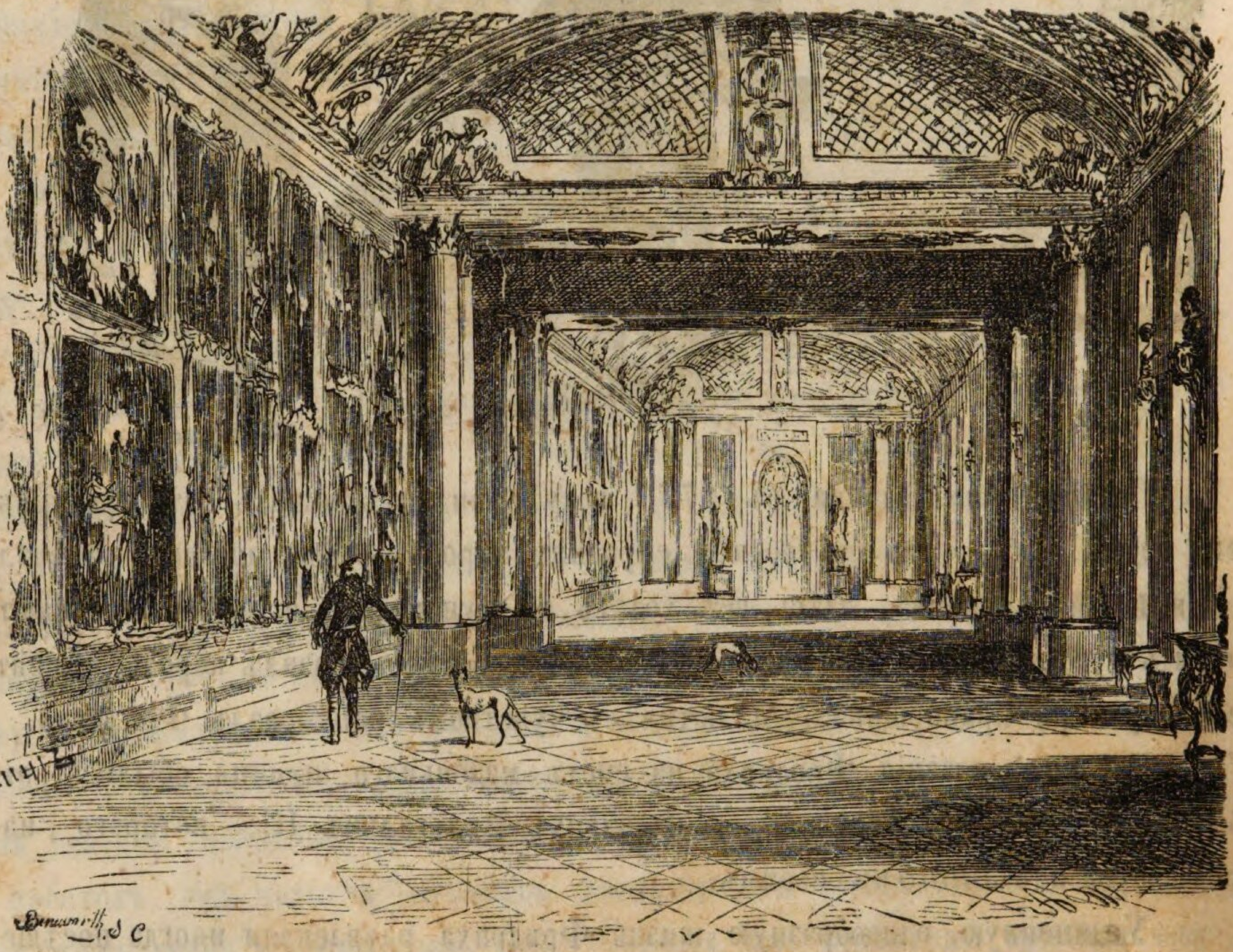
Всѣ предсказанія Фридриха на счетъ маленькаго принца сбылись: это былъ покойный прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III, котораго народъ прозвалъ *отцомъ* своимъ.

Уединенную, однообразную жизнь Фридриха развлекали иногда посѣщенія иностранныхъ принцевъ и другихъ знаменитыхъ людей, которые пріѣзжали въ столицу Пруссіи, чтобы принесть прославленному герою дань своего удивленія. Изъ нихъ особенно были обласканы королемъ Лафайетъ и Мирабо. Съ послѣднимъ бесѣды его длились иногда по нѣсколько часовъ.

Дни Фридриха протекали, какъ заведенные часы, по опредѣленному однажды порядку. Въ одномъ изъ писемъ его къ Вольтеру находимъ мы описаніе ежедневныхъ его занятій. «Я встаю въ четыре часа»—пишетъ онъ;—

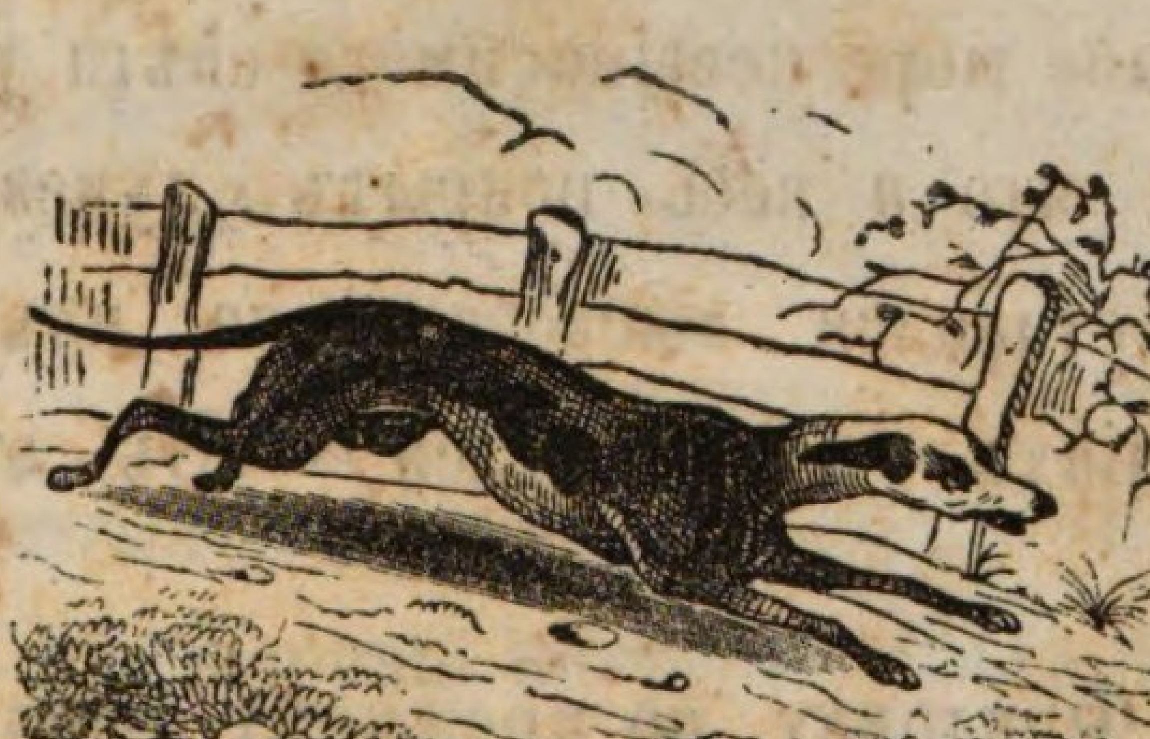
«до восьми пью минеральную воду, играю на флейтѣ и обдумываю новыя предположенія; до десяти пишу; до двѣнадцати смотрю и обучаю войска; послѣ обѣда до пяти работаю надъ дѣлами, а вечеромъ освѣжаюсь въ пріятной бесѣдѣ.» Лѣтомъ онъ обыкновенно послѣ обѣда часъ гулялъ по саду или проѣзжался верхомъ по окрестностямъ. Въ дурную погоду онъ посѣщалъ свою картинную галлерею и по нѣсколько часовъ изучалъ лучшія произведенія древнихъ и новыхъ художниковъ.

Какъ всѣ великіе люди, и Фридрихъ имѣлъ свои странности. Онъ ненавидѣлъ новое платье и носилъ мундиръ до тѣхъ поръ, пока на немъ дѣлались прорѣхи, и тогда только, съ большимъ сокрушеніемъ, рѣшался съ нимъ разстаться. Онъ безпрерывно нюхалъ табакъ: почти на каждомъ рабочемъ столикѣ стояла у него богатая табакерка, которая никогда не закрывалась. Но, выходя изъ кабинета, онъ никогда не бралъ съ собою табакерки, а просто насыпалъ табакъ въ карманы своего камзола. Оттого камзолъ и мундиръ его всегда были неопрятны. Разъ гросъ-канцлеръ, во время доклада, слѣдуя машинально движенію короля, который изъ открытой табакерки понюхалъ табаку, такъ же взялъ изъ нея щепотку. Король молча, какъ будто нечаянно, высыпалъ табакъ на полъ. По возвращеніи домой, гросъ-канцлеръ нашелъ у себя на столѣ богатую табакерку, съ запискою: «Узнавъ, что ваше

высокопревосходительство любите хорошій французскій табакъ, расположенная къ вамъ особа проситъ васъ употреблять его изъ прилагаемой табакерки.» Тутъ только гросъ канцлеръ вспомнилъ о своей неловкости и догадался отъ кого присланъ подарокъ. Онъ тотчасъ написалъ къ королю благодарственное письмо. Фридрихъ отвѣчалъ: «Благодарность ваша за табакерку, которую вамъ хочется получить отъ меня, такъ трогательна, что я рѣшаюсь послать вамъ желаемый подарокъ.» Онъ послалъ ему ту самую табакерку, изъ которой министръ понюхалъ при докладѣ.

Король чрезвычайно любилъ и всегда держалъ при себѣ нѣсколько борзыхъ собакъ. Одна изъ нихъ, которую звали Биша, была его любимицей и не отходила отъ него ни на шагъ. Она сопровождала его даже въ походахъ и спала у ногъ его на постели. Эта собака была удивительно привязана къ Фридриху. Послѣ одной жаркой битвы, когда австрійцы отняли у пруссаковъ весь обозъ, и Бишка попалась въ непріятельскія руки, Фридрихъ былъ неутѣшенъ объ этой потерѣ. Грустный сидѣлъ онъ ночью въ своей палаткѣ, наскоро сдѣланной изъ сучьевъ и солдатскихъ плащей, какъ вдругъ Бишка съ визгомъ ворвалась въ палатку, вспрыгнула на столъ и стала ласкаться къ королю. На шеѣ у нея висѣлъ еще клочекъ веревки, которую она перегрызла. Король до слезъ былъ тронутъ и обрадованъ ея появленіемъ. Въ другой разъ, когда король одинъ, пѣшкомъ, отправился на рекогносцировку, вдали послышался конскій топотъ.

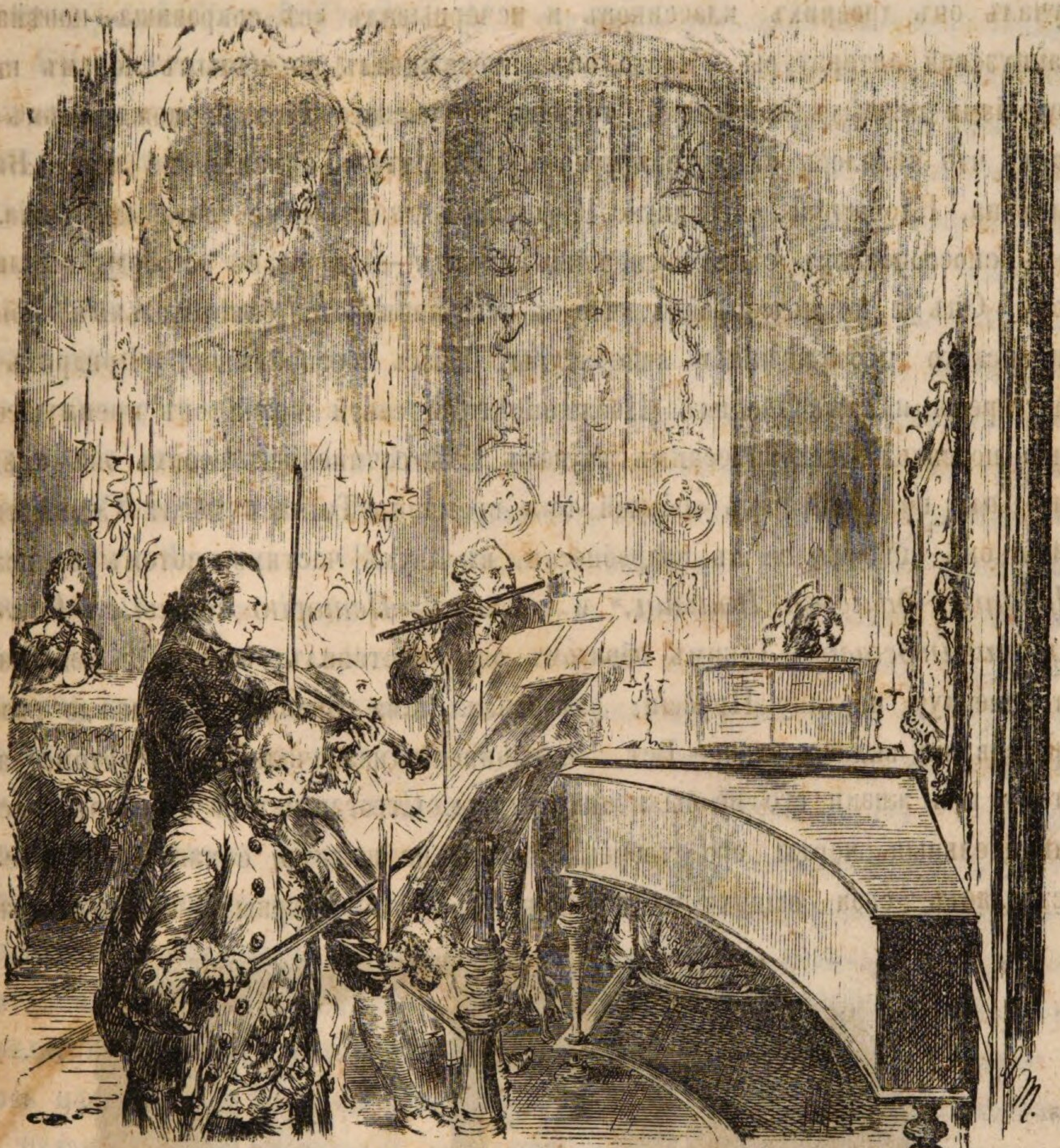

Бишка опрометью бросилась впередъ и вскорѣ возвратилась, поджавъ хвостъ, и съ тихимъ, боязливымъ визгомъ потащила короля за полу. Онъ спрятался подъ ближній мостикъ, собака прижалась къ нему, какъ мертвая. Чрезъ нѣсколько минутъ по мосту проскакалъ непріятельскій пикетъ, который провѣдалъ объ одинокой прогулкѣ короля и хотѣлъ его захватить въ плѣнъ.—Когда вышелъ философическій словарь Байле, Фридрихъ развернулъ статью объ инстинктѣ животныхъ. «Слышишь-ли?» — сказалъ онъ Бишкѣ, которая лежала у него на колѣнахъ,—«они говорятъ, что у тебя нѣтъ души! Это вздоръ, моя добрая Биша! У тебя есть душа; ты это доказала: ты спасла мнѣ жизнь и честь моей Пруссіи.»—Особенно любилъ и ласкалъ Фридрихъ

своихъ лошадей. Большая часть изъ нихъ были бѣлой масти. Король давалъ имъ историческія имена: одну звали Кауницъ, другую Шуазель, третью Питтъ и т. д. Больше всѣхъ Фридрихъ любилъ Цесаря, буланую лошадь, которая участвовала въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Когда она устарѣла, ей отвели открытую конюшню у потсдамскаго дворца, откуда она могла, когда вздумаетъ, выходить и гулять по дворцовому саду. Когда король бывалъ въ Потсдамѣ, онъ изъ рукъ своихъ кормилъ ее сахаромъ, бѣлымъ хлѣбомъ, дынями и винными ягодами. Лошадь до того знала своего благодѣтеля, что, завидя его издали, прибѣгала къ нему, прогуливалась съ нимъ по саду и часто преслѣдовала его до передней залы дворца. Когда въ Потсдамѣ бывалъ разводъ или смотръ, Цесарь, заслыша военную музыку, являлся на плацъ, становился возлѣ короля, и положивъ голову къ нему на сѣдло, не отходилъ до тѣхъ поръ, пока король не возвращался домой. Цесарь могъ дѣлать, что хотѣлъ, и никто не смѣлъ его остановить или въ чемъ нибудь ему воспрепятствовать.

Хотя Фридрихъ былъ изъятъ отъ всѣхъ предразсудковъ суевѣрія, однако часто любилъ отыскивать тайный смыслъ въ сновидѣніяхъ. Иногда сны его дѣйствительно имѣли предсказательное значеніе. Такъ видѣлъ онъ сонъ, въ ночь 15-го августа 1769 года, который любилъ разсказывать своимъ приближеннымъ. «Мнѣ снилось»—говорилъ онъ,—«что на западѣ восходитъ яркая звѣзда; ростетъ неимовѣрно по мѣрѣ своего возвышенія надъ горизонтомъ; наконецъ она стала спускаться надъ землею и покрывала ее ослѣпительными лучами. Цѣлое море невыносимаго свѣта разлилось вокругъ, какъ туманъ. Я чувствовалъ, что я весь покрытъ лучезарнымъ хвостомъ этой необычайной кометы. Я старался высвободиться изъ подъ ея лучей и—не могъ. Въ крайнихъ усиліяхъ—я проснулся.»—Въ эту самую ночь родился Наполеонъ!

Флейта доставляла Фридриху, по прежнему, одно изъ пріятнѣйшихъ развлеченій. Каждый день почти бывалъ маленькій концертъ при дворѣ. Однажды, когда Фридрихъ приготовился было играть новую пьесу своего сочиненія и роздалъ уже каммеръ-музыкантамъ партіи, ему подали списокъ пріѣхавшихъ въ столицу. Бѣгло взглянулъ онъ въ него и потомъ, положа флейту, сказалъ: «Господа! старый Бахъ пріѣхалъ! При такомъ знаменитомъ гостѣ намъ играть не приходится.» Тотчасъ былъ посланъ флигель-адъютантъ просить Себастіана Баха во дворецъ. Старому маэстро не дали даже переодѣться. Онъ явился въ дорожномъ платьѣ и разсыпался въ извиненіяхъ. «Почтенный маэстро!»—сказалъ ему Фридрихъ,—«я цѣню душу человѣка, а не платье; послѣдуйте моему примѣру и мы сойдемся.» Фридрихъ показывалъ ему всѣ свои рояли, которыхъ у него было пятнадцать; на каждомъ

изъ нихъ Бахъ долженъ былъ пофантазировать. Наконецъ король задалъ ему тему, на которую знаменитый музыкантъ экспромтомъ сочинилъ превосходную фугу (*). Послѣдній придворный концертъ былъ самый знаменитый: онъ данъ былъ во время пріѣзда вдовствующей супруги саксонскаго курфирста, Антоніи, въ 1771 году. Принцесса играла на фортепьяно и пѣла, Фридрихъ акомпанировалъ ей на флейтѣ, наслѣдный принцъ Брауншвейгскій на скрыпкѣ, кронпринцъ прусскій на віолончелѣ и Кванцъ на альтѣ.

Вскорѣ послѣ этаго концерта Кванцъ умеръ, а Фридрихъ лишился переднихъ зубовъ и потерялъ амбушюръ. Музыкальные вечера прекратились. Лишась и этаго наслажденія, Фридрихъ посвятилъ свой досугъ однимъ занятіямъ ученымъ и литературнымъ. Съ неутомимою жаждою къ познаніямъ

(*) Она впослѣдствіи была напечатана подъ названіемъ: *«Музыкальная жертва»* (Musicaliches Opfer) См. Ueber Johann Sebastian Bach's Leben, Kunst und Kunstwercke von I. N. Forkel, Лейпцигъ, 1802.

изучалъ онъ древнихъ классиковъ и исчерпывалъ всѣ сокровища новѣйшей французской литературы. Часто онъ просиживалъ по цѣлымъ ночамъ надъ твореніями первыхъ корифеевъ тогдашняго ученаго міра, и между тѣмъ не зналъ, что дѣлалось на литературномъ горизонтѣ Германіи, не зналъ Винкельмана, Клопштока, Лессинга, Гердера, Виланда, Гёте, которыхъ геніальнымъ способностямъ самъ расправилъ крылья — даровавъ свободу мысли и слову. Онъ и не подозрѣвалъ, что съ него начинается блистательный періодъ германскаго просвѣщенія и литературы. Учась безпрерывно, Фридрихъ въ тоже время и самъ творилъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ преимущественно посвятилъ историческимъ трудамъ. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ слѣдовалъ ходу политическихъ событій того времени. Тотчасъ послѣ Семилѣтней войны онъ описалъ ее въ подробности, въ двухъ частяхъ; потомъ написалъ «*Исторію дѣлежа Польши,*» и наконецъ «*Исторію войны за Баварское наслѣдство.*» Такимъ образомъ онъ составилъ полную и подробную историческую картину Пруссіи, отъ начала дома Бранденбургскаго до своего царствованія включительно. Всѣ эти сочиненія назначались для потомства и потому при жизни его не были напечатаны. Строгая истина и безпристрастіе отличительныя черты его твореній. Онъ не щадитъ самаго себя, вездѣ выставляетъ свои ошибки и промахи, съ безпримѣрнымъ самоотверж-

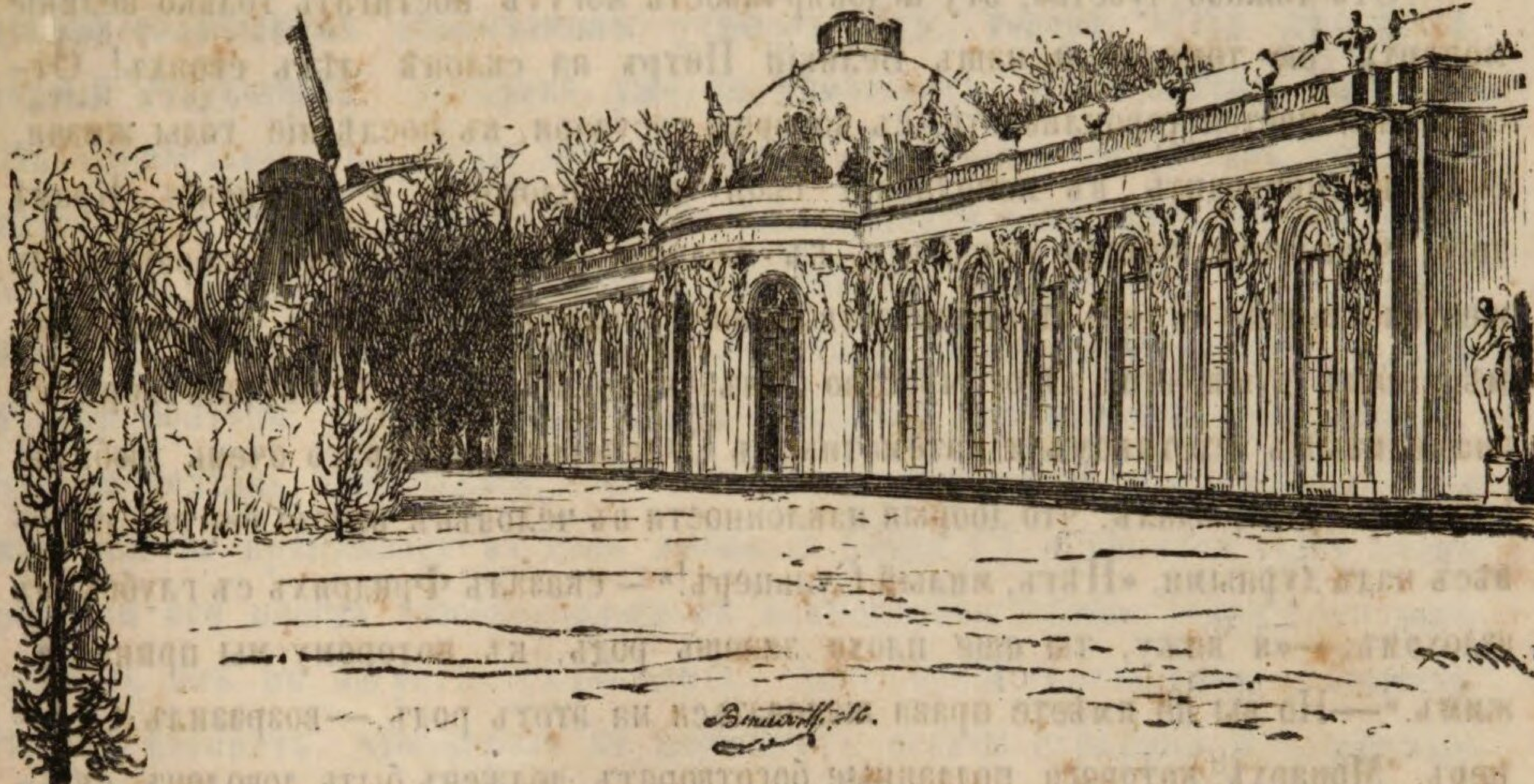

ніемъ. Эти сочиненія были изданы въ свѣтъ по смерти его, подъ названіемъ: *Oeuvres posthumes de Frédéric II*, и составили нѣсколько огромныхъ томовъ.

Кромѣ историческихъ сочиненій, онъ написалъ, въ послѣднее время, нѣсколько трактатовъ, относящихся до государственнаго управленія. Изъ нихъ замѣчательнѣйшіе: «*Письма о любви къ отечеству*» и «*Разсужденіе о различныхъ образахъ правленія и обязанностяхъ государей.*» Оба эти творенія составляютъ съ его «*Антимакіавелли*» одно цѣлое и, по глубокому чувству человѣколюбія и свѣтлымъ истинамъ, въ нихъ высказаннымъ, могутъ служить настольною книгою для монарховъ, желающихъ народу своему—счастія, а себѣ—мирнаго и благополучнаго царствованія.— «Сохраненіе собственности и личной свободы побудило народы избирать себѣ правителей для суда и расправы и подчиняться законамъ, ими назначаемымъ.»— Такъ пишетъ Фридрихъ. «Вотъ начало верховной власти. Поэтому правитель былъ первый слуга государства. Если-бъ всѣ монархи строго держались первоначальнаго своего предназначенія и во всѣхъ дѣйствіяхъ слѣдовали основному правилу, народы не знали бы революцій и не имѣли бы нужды въ конституціяхъ. Первые правители, патріархи, были главами многочисленныхъ семействъ и смотрѣли на подданныхъ, какъ на дѣтей своихъ. Всѣ ихъ учрежденія и законы клонились къ счастію членовъ собственнаго семейства. Патріархамъ должны подражать и тѣ монархи, которыхъ перстъ Провидѣнія породнилъ съ милліонами некровныхъ имъ дѣтей, наложивъ на чело ихъ печать помазанія.» На основаніи этой главной идеи, созидаетъ Фридрихъ правила, посредствомъ которыхъ правители могутъ стяжать миръ, славу и любовь народную, а монархіи достигнуть до апогеи величія и благоденствія. Отъ изложенныхъ имъ правилъ онъ самъ никогда не отступалъ, и гдѣ только выгодное учрежденіе было сопряжено съ ущербомъ для его подданныхъ, онъ отвергалъ его безъ дальнѣйшаго разсужденія. Такъ статсъ-секретарь Таубенгеймъ подалъ ему однажды проэктъ увеличить государственные доходы посредствомъ вычетовъ и уменьшенія жалованія чиновниковъ. Фридрихъ отвѣчалъ ему на это: «Благодарю за отстроумный совѣтъ. Но я нахожу его не совсѣмъ удобоисполнимымъ, потому что бѣдный классъ чиновниковъ и безъ того во всемъ нуждается. Впрочемъ, я сдѣлаю опытъ и начну съ приложенія проэкта къ тебѣ самому. Я прикажу вычесть у тебя изъ жалованья 1000 талеровъ и не выдавать квартирныхъ и столовыхъ денегъ. Черезъ годъ явись ко мнѣ и объяви, находишь ли ты эту мѣру полезною для твоего домашняго быта. Если она окажется выгодною, то съ будущаго года я удержу у тебя половину жалованья, похвалю твое патріотическое рвеніе къ пользамъ казны и введу твой проэктъ во всеобщее употребленіе.»

Такимъ образомъ великій Фридрихъ, составивъ счастіе своего народа, возвысивъ свое королевство, сходя въ открытый гробъ, завѣщалъ тайну своего мудраго правленія и другимъ монархамъ, въ которыхъ желалъ жить для блага человѣчества, даже послѣ смерти!

Дворецъ въ Санъ-Суси.

ГЛАВА СОРОКЪ-ПЕРВАЯ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

Фридрихъ переступилъ за седьмое десятилѣтіе своей жизни. Какъ величественная развалина прошедшаго времени стоялъ онъ посреди своего народа. Все, что принимало участіе въ его дѣятельности и раздѣляло внутренній міръ его души,— исчезло. Новыя поколѣнія возрасли около него, для которыхъ слава его имени, подвиги и мысли — сдѣлались уже преданіемъ. При жизни еще наступило для него потомство. Тяжкія скорби лежали у него на душѣ: многія изъ его благодѣтельныхъ учрежденій не оправдались; многіе замыслы—не могли свершиться: обыкновеннаго срока человѣческой жизни было для нихъ недостаточно. Печально глядѣлъ онъ на ниву, въ которую посадилъ свои сѣмяна: пахарь чувствовалъ уже свое безсиліе, зналъ, что не доживетъ до жатвы и боялся за будущность.

Это тяжкое чувство, эту недовѣрчивость могутъ постигать только великіе монархи: ею томился и нашъ Великій Петръ на склонѣ лѣтъ своихъ! Отсюда поясняется торопливость, съ которою государи, въ послѣдніе годы жизни, спѣшатъ приводить въ исполненіе свои предположенія и начинанія. Кромѣ того, Фридриха томила ненависть къ людямъ: многіе изъ его избранниковъ жестоко обманули его довѣрчивость, многіе измѣнили самымъ чистымъ намѣреніямъ души его. Это чувство онъ ярко обнаружилъ въ разговорѣ съ знаменитымъ эстетикомъ и математикомъ Сульцеромъ, котораго очень любилъ. Сульцеръ утверждалъ, что добрыя наклонности въ человѣкѣ всегда берутъ перевѣсъ надъ дурными. «Нѣтъ, милый Сульцеръ!» — сказалъ Фридрихъ съ глубокимъ вздохомъ; —«я вижу, ты еще плохо знаешь родъ, къ которому мы принадлежимъ.»—Но вы не имѣете права жаловаться на этотъ родъ,—возразилъ Сульцеръ. Монархъ, котораго подданные боготворятъ, долженъ быть доволенъ судьбою и людьми.—«Все суета!» воскликнулъ Фридрихъ. «Я люблю человѣчество, но презираю людей отдѣльно. Корысть и низкія страсти управляютъ ими! Что значитъ ихъ обожаніе? Глупость! Если бъ я даже осчастливилъ всѣхъ моихъ подданныхъ, то дѣйствовалъ бы только на весьма малую часть земнаго шара, который, въ свою очередь, есть ничтожная частичка цѣлаго мірозданія. Какъ же я посмѣю сравнять себя съ тѣмъ вѣчнымъ Существомъ, которое управляетъ мірами и содержитъ ихъ въ порядкѣ? Безуменъ правитель, который выставляетъ себя земнымъ богомъ и требуетъ отъ народа обожанія? Презрѣнны и тѣ люди, которые играютъ самымъ святымъ чувствомъ души и приносятъ божественную жертву на алтари земнаго величія! Монарху пріятна благодарность народа, но въ страхѣ, обожаніи и прославленіи его — онъ не нуждается!» — Къ душевному растройству короля присоединились еще и немощи тѣлесныя. Мы уже сказали, что онъ съ самаго младенческаго возраста былъ слабаго сложенія. Въ молодости опасались за его жизнь. На двадцать-пятомъ году силы его укрѣпились отъ безпрерывныхъ тѣлесныхъ упражненій; лагерная жизнь и тревоги походовъ закалили его тѣло въ зрѣломъ возрастѣ. Но тогда же онъ началъ чувствовать припадки гемороя и подагры. Подъ старость эти болѣзни усилились, къ нимъ присоединились еще водяная и хирагра. Онъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ днемъ силы его ослабѣвали. «Вы вѣрно сами догадываетесь» — писалъ онъ въ 1780 году къ одному изъ друзей своихъ,—«что на 68-мъ году жизни я чувствую всѣ признаки старости. То подагра, то боль въ пояснидѣ, то лихорадка потѣшаются на счетъ моего существованія и напоминаютъ мнѣ, что пора бросить изношенный футляръ моей души.» Иногда припадки болѣзни были такъ сильны, что всѣ почитали ихъ смертельными; окружавшіе приходили въ отчаяніе, а онъ съ

истинно солдатскимъ стоицизмомъ утѣшалъ ихъ, говоря: «Что дѣлать! я дряхлый старичишка: механика уже не дѣйствуетъ. Но человѣкъ долженъ быть справедливъ: не вѣчно же ему жить! Башенные часы изъ стали и желѣза, да и тѣ не выдерживаютъ болѣе двадцати лѣтъ, какъ же человѣкъ, этотъ комъ глины и грязи, хочетъ быть впятеро долговѣчнѣе часовъ!» Несмотря на свои страданія, Фридрихъ не оставлялъ обычныхъ занятій и даже на одрѣ болѣзни подписывалъ бумаги и дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Но едва болѣзнь облегчалась, онъ забывалъ объ опасности и съ обычной неумѣренностію принимался за свои любимыя блюда (*) и напитки. Отъ этаго припадки его иногда возобновлялись съ неимовѣрною силою. Такой припадокъ испыталъ онъ въ августѣ 1776 года. Австрійскій посланникъ увѣдомилъ Вѣнскій кабинетъ, что король не перенесетъ своихъ страданій и что самый долгій срокъ его жизни—три мѣсяца. Вслѣдствіе того Іосифъ II сталъ собирать войска въ Богемію, чтобы, тотчасъ по смерти Фридриха, отнять у его наслѣдника Силезію. Но Фридрихъ выздоровѣлъ въ двѣ недѣли. «Есть люди на свѣтѣ»—писалъ онъ къ Вольтеру,—«для которыхъ я слишкомъ долго живу. Они клевещутъ на мое здоровье, полагая, что отъ этаго я скорѣе отправлюсь къ отцамъ. Людовикъ XIV и Людовикъ XV своимъ долгимъ царствованіемъ утомили терпѣніе французовъ. Я уже 36 лѣтъ правлю кормиломъ государства и, можетъ быть, такъ же, какъ они, употребляю во зло привиллегію жизни, потому что не умираю—тогда, какъ уже многимъ надоѣлъ. Несмотря на то, я держусь прежней методы: не берегу себя. Чѣмъ болѣе бережешься, тѣмъ чувствительнѣе и слабѣе становится тѣло. Санъ мой требуетъ дѣятельности и труда: тѣло и душа должны покоряться обязанностямъ сана. Въ моей жизни конечно нѣтъ особенной надобности, но есть нужда въ моемъ трудѣ.»

Фридрихъ рѣдко выходилъ изъ своего *монастыря*, но за то, когда онъ показывался въ народѣ, его встрѣчали на каждомъ шагу съ радостью, умиленіемъ и признательностью. Когда онъ бывалъ въ Берлинѣ, онъ обыкновенно часъ или два въ день прогуливался верхомъ по улицамъ. Тогда изъ всѣхъ домовъ высыпалъ народъ, купцы бросали лавки, ремесленники выбѣгали изъ мастерскихъ, окна въ домахъ наполнялись любопытными; всѣмъ хотѣлось взглянуть на старца, котораго подвиги гремѣли въ Европѣ, котораго духъ наполнялъ собою всѣ жилы прусскаго государства. Народъ всегда, вездѣ и во всемъ

(*) Онъ особенно любилъ итальянскую поленту, пастеты изъ угря и говядину, вываренную въ водкѣ.

чувствовалъ его присутствіе, но рѣдко видѣлъ его лично, и зналъ его только по разсказамъ отцевъ и дѣдовъ. Появленіе Фридриха среди подданныхъ было к кимъ-то торжествомъ, оваціею, гдѣ благодарные пруссаки хотѣли высказать ему чувства признательности и уваженія—слезами, криками радости и молитвами.

Фридрихъ съ умиленіемъ принималъ эту народную награду. Толпы наполняли улицы; онъ принужденъ былъ ѣхать шагомъ. Дѣти преслѣдовали его до самаго дворца, кидали свои шапки въ воздухъ, тѣснились около стремянъ и обтирали пыль съ его сапоговъ. Разъ, рѣзвая гурьба ихъ своими прыжками и криками испугала лошадь; король осторожно отстранялъ ихъ костылемъ, говоря: «Полно, перестаньте, шалуны! Ступайте въ школу!» — Въ школу! — закричали мальчишки съ хохотомъ, — Ай, да король! ай, да старичекъ! столько лѣтъ живетъ на свѣтѣ, а не знаетъ, что по середамъ классовъ нѣтъ!

Такой-же восторгъ встрѣчалъ Фридриха и въ высшихъ слояхъ общества, особенно когда онъ являлся въ театръ. При звукѣ трубъ и литавръ, которыя обыкновенно возвѣщали его прибытіе, всѣ вставали съ мѣстъ, тѣснились, какъ можно ближе къ его ложѣ, чтобъ лучше разсмотрѣть черты монарха, и громкіе

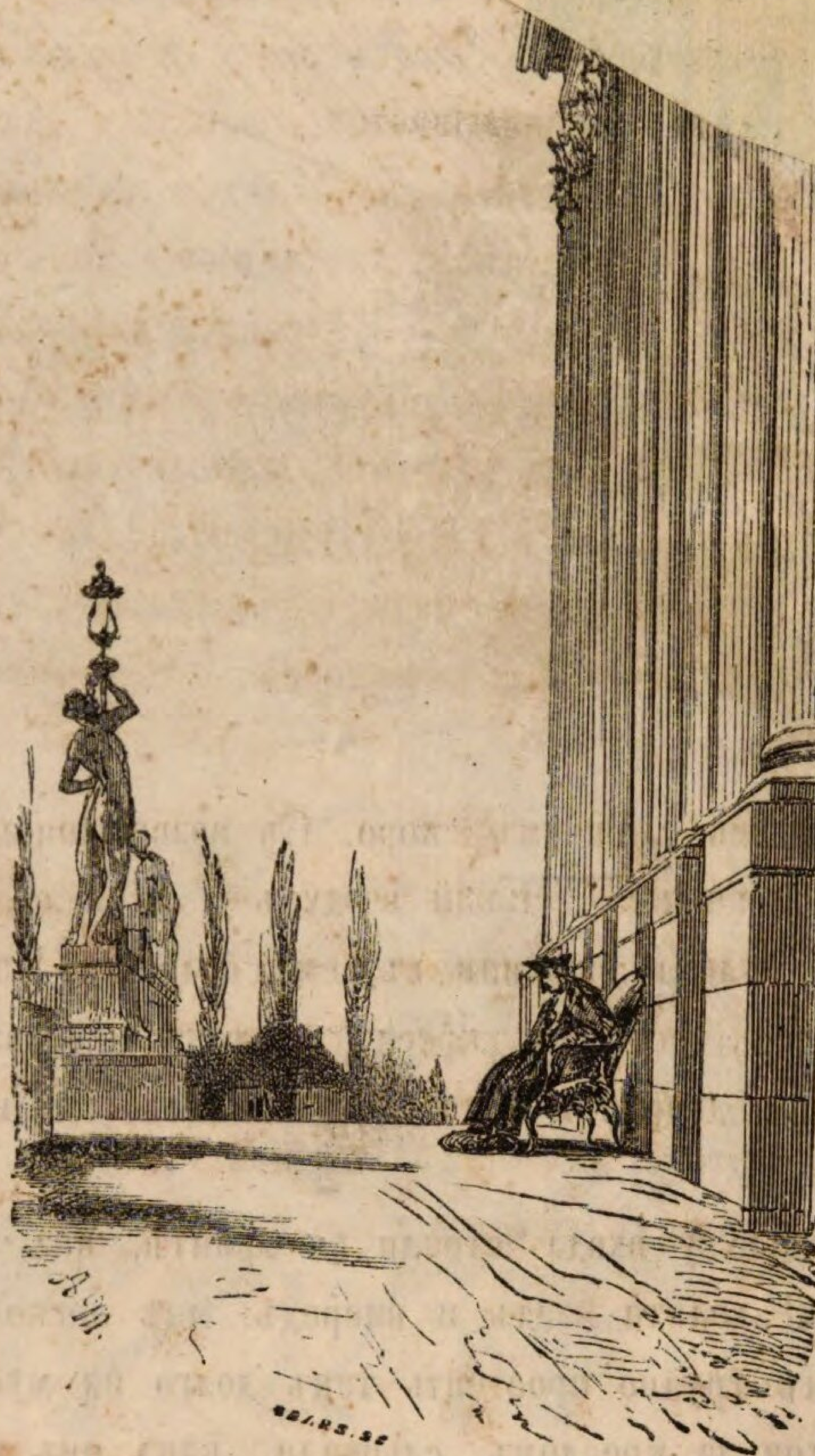
...и смерти исполнилъ свое назначе-
...онъ всегда велъ авангардъ — и въ
...андовалъ главной арміей — и послѣдую за нимъ.»

Предсказаніе сбылось слишкомъ скоро. Съ возвращеніемъ весны Фридрихъ почувствовалъ облегченіе. Теплый воздухъ и лучи солнца благотворно подѣйствовали на его тѣло и оживили въ немъ бодрость. Часто, по утрамъ, онъ приказывалъ вынесть себя въ креслѣ на такъ называемую *зеленую террасу* Потсдамскаго дворца и тутъ просиживалъ по нѣскольку часовъ на солнцѣ.

Видя, что часовые у входа стояли во фронтѣ, онъ подозвалъ одного къ себѣ: «Друзья мои! ходите взадъ и впередъ: мнѣ легко просидѣть здѣсь часъ и болѣе, но вамъ трудно простоять такъ долго на мѣстѣ.»

Часто слуги, стоя за кресломъ, слышали, какъ онъ твердилъ, смотря на солнце: «Скоро, скоро я къ тебѣ приближусь!» Въ маѣ король переѣхалъ въ свой любимый дворецъ. Но весна не возвратила ему утраченныхъ силъ. Дни и ночи проводилъ онъ въ вольтеровскомъ креслѣ, обложенный подушками. Удушливый кашель безпокоилъ его безпрестанно, часто судорги сжимали ему грудь. Несмотря на то, онъ сохранялъ спокойствіе духа и прежнюю веселость, не обнаруживалъ ни малѣйшаго признака боли, не произносилъ ни одной жалобы. По ночамъ онъ не имѣлъ сна и забывался только на нѣсколько минутъ. Тутъ обыкновенно онъ вступалъ въ разговоръ съ дежурившими при немъ каммеръ-гусарами. «Есть ли у тебя родители?» спросилъ онъ одного изъ нихъ —Отца нѣтъ,—отвѣчалъ каммеръ-гусаръ,—онъ убитъ на войнѣ; а старуха жива и сестры тоже.—«Чѣмъ же онѣ занимаются?»—Прядутъ.—«И много получаютъ?»—Когда работы много, гроша четыре вырабатываютъ въ день.—«Мало! тутъ не чѣмъ жить!»—В. В. думаете, что у насъ, какъ

въ Берлинѣ, за все дерутъ впятеро! Нѣтъ, въ Помераніи жить и дешево, и привольно.—«А помогаешь ли ты иногда матери?»—Случается: талеръ, другой перешлешь къ празднику.—«Это похвально: ты добрый сынъ; люблю за это» Въ слѣдующее дежурство каммеръ-гусара король сказалъ ему: «Поди, вонъ тамъ, на окнѣ, я для тебя кое-что приготовилъ.» На окнѣ лежалъ десятокъ луидоровъ Каммеръ-гусаръ взялъ два и робко спросилъ:Это, ваше величество?—«Нѣтъ, нѣтъ! возьми всѣ! а твоей старухѣ я тоже послалъ подарочекъ.» Чрезъ нѣсколько дней слуга узналъ, что король назначилъ его матери пенсію въ сто талеровъ. Разъ ночью, другой каммеръ-лакей, подавая королю питье, взглянулъ на него съ участіемъ и покачалъ головою. «Что ты?» спросилъ Фридрихъ.—Мнѣ кажется, что доктора В. В все вздоръ дѣлаютъ.—«Какъ это?»—Они пичкаютъ васъ лекарствами, а не подумаютъ о томъ, что вамъ всего нужнѣе сонъ. Ужъ какое здоровье безъ сна!—«Правда! добрый сонъ

. . наю это хорошо, самъ былъ . . . іе отъ меня лекарства, а то бы я . . . » аппе итъ бы явился и сонъ.—«Право? . . . о лекарство. Посмотримъ, правду ли ты говоришь.» . . ительно проспалъ семь часовъ сряду и почувствовалъ потомъ свѣжесть и облегченіе. «Вотъ что называется поспать!» сказалъ онъ, пробудившись. Потомъ насыпалъ червонцевъ въ золотую табакерку и отдалъ ее каммеръ-лакею. «Вотъ тебѣ за участіе и за отличное дѣйствіе твоего снадобья. По настоящему мнѣ слѣдовало бы пожаловать тебя въ лейбъ-медики, да боюсь: доктора не позволятъ.» Въ другую безсонную ночь Фридрихъ спросилъ, который часъ?—Половина перваго! отвѣчалъ лакей.—«Боже мой! какъ еще рано, а я не могу заснуть. Посмотри, не встали ли люди; только не буди никого. Да если увидишь Неймана (любимый его каммеръ-гусэръ), такъ скажи ему, что тебѣ кажется, будто король скоро проснется. Но если онъ спитъ, не буди; слышишь ли, не буди; бѣдняжка и безъ того усталъ.» Такъ кротко, такъ милостиво и человѣколюбиво обходился онъ съ людьми своими въ самыя тяжкія минуты своей жизни. Наконецъ онъ отдалъ приказаніе кабинетсъ-секретарямъ, которые обыкновенно приходили съ докладами въ 7 часовъ, чтобъ они являлись въ четыре. «Извините, господа, что я васъ тревожу по ночамъ. Жизнь моя клонится къ концу. Въ такомъ положеніи я долженъ пользоваться временемъ: оно принадлежитъ не мнѣ, а государству. Впрочемъ,» прибавилъ онъ съ улыбкою, —«безпокойство ваше не долго продолжится.»

Въ это время посѣтилъ короля герцогъ Курляндскій. «Не нуженъ ли вамъ, любезный герцогъ, ночной сторожъ?» сказалъ ему Фридрихъ, шутя. «Возьмите меня на службу; я отлично умѣю—*не спать по ночамъ*.»

Лейбъ-медикъ корол
нѣсколько облегчить страдан
гиня Брауншвейгская, убѣдила е
верскому врачу, Циммерману. Но и
вѣнценоснаго больнаго всякое человѣческое
безполезна. Онъ умѣлъ, по крайней мѣрѣ, разв
назидательною бесѣдою. Фридрихъ задавалъ ему сам
медицинскіе вопросы. Послѣ многихъ споровъ, король наконецъ сказалъ: — согласитесь, любезный докторъ, что каждый врачъ, прежде, чѣмъ начнетъ вылечивать больныхъ, долженъ наполнить кладбище. Скажите мнѣ откровенно, между нами: какъ велико было ваше кладбище и давно ли вы перестали наполнять его?» — Мое кладбище было очень не велико и я давно уже его наполнилъ; отвѣчалъ Циммерманъ —«Но какъ же вы въ этомъ успѣли?» — Очень просто. Я всегда смотрѣлъ на жизнь, какъ на драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка, которое можно потерять только одинъ разъ. Поэтому, если мнѣ его поручали и я видѣлъ, что оно можетъ быть потеряно, я всегда прибѣгалъ къ совѣту старыхъ и опытныхъ врачей. Когда же больной умиралъ, несмотря на эту предосторожность, — онъ попадалъ не на мое кладбище. — «Вотъ это умно!» воскликнулъ король. «Въ началѣ каждый человѣкъ ошибается; но тотъ истинно уменъ, кто, дѣлая разъ ошибку, избѣгаетъ десяти другихъ!» — Часто Циммерманъ бывалъ изумленъ глубокими свѣдѣніями Фридриха во врачебной наукѣ. Какъ умный человѣкъ, онъ не хотѣлъ рисковать своей репутаціей и рѣшился оставить Берлинъ, прежде смерти короля, боясь, что молва и этаго великаго покойника снесетъ на его кладбище. Король отпустилъ его съ сожалѣніемъ. «Благодарю васъ за участіе,» писалъ онъ къ своей сестрѣ. «Врачъ вашъ очень умный и ученый человѣкъ и радъ бы отъ души помочь мнѣ, но это не въ его власти. Старики должны очищать мѣсто молодымъ: таковъ законъ природы. Да и что такое жизнь? Жить — не значитъ-ли видѣть, какъ другіе родятся и умираютъ! Впрочемъ, съ нѣкотораго времени, мнѣ немножко полегче. Сердце мое предано вамъ навѣки, добрая сестра моя.»

Къ половинѣ августа болѣзнь короля значительно усилилась. 15-го августа онъ, противъ обыкновенія, проспалъ до 11 часовъ. Всѣ ожидали его пробужденія съ сердечнымъ трепетомъ: доктора объявили, что сонъ этотъ долженъ былъ кончиться рѣшительнымъ кризисомъ. Фридрихъ проснулся, весело привѣтствовалъ окружающихъ; потомъ велѣлъ позвать кабинетсъ-секретарей и тихимъ, но твердымъ голосомъ диктовалъ имъ разныя бумаги и депеши. Коменданту Потсдама объяснилъ онъ всѣ нужныя распоряженія для маневровъ

...лѣдующій день. Всѣ радо-
... уже не видали въ больномъ.
... слѣдующее утро нашли короля въ
... ...иналъ коснѣть, разсудокъ потемнялся.
... ...о пріемной, одинъ комендантъ вошелъ въ каби-
... ...лъ приподнять голову, силился что-то сказать и не
...ечальнымъ взоромъ махнулъ онъ тихо рукою, давая понять, что не въ состояніи болѣе заниматься дѣлами. Комендантъ заплакалъ и, молча, вышелъ изъ комнаты. Съ этой минуты король совершенно потерялъ память, не узнавалъ окружающихъ. Но иногда болѣзненный бредъ его смѣнялся свѣтлыми минутами. Жизнь догорала въ немъ, какъ лампада, то вспыхивая яркимъ свѣтомъ, то померкая въ тихомъ забвеніи. Ночью онъ спросилъ: «Который часъ?» Ему отвѣчали: одинадцать. «Хорошо,» сказалъ онъ, — «разбудите меня въ четыре, я нынче не работалъ, завтра будетъ много дѣла.» Но напрасно искалъ онъ успокоенія, внутренній огонь пожиралъ уже его сердце. Въ комнатѣ царствовала священная тишина, какъ въ храмѣ, предъ совершеніемъ какого нибудь таинства. Только врачъ и два лакея стояли неподвижно передъ больнымъ. Три свѣчи съ высокаго камина тускло озаряли эту картину. Вдругъ больной встрепенулся, глаза его блеснули необыкновеннымъ огнемъ, онъ хотѣлъ приподняться, каммеръ-гусаръ подхватилъ его подъ мышки. Но въ туже минуту голова короля опустилась, взоръ остановился неподвижно, уста ясно залепетали: «О, какъ легко! Я взошелъ на гору... хочу успокоиться...» остальные звуки замерли въ судоргахъ послѣдняго вздоха. Могучая душа — отлетѣла въ горнюю обитель. На рукахъ вѣрнаго слуги—лежалъ одинъ холодный трупъ.

Было 2 часа ночи. Часы Фридриха указали роковую минуту и остановились. Самые эти часы Наполеонъ впослѣдствіи увезъ съ собою на островъ св. Елены и на смертномъ одрѣ завѣщалъ ихъ своему сыну.

Вся Пруссія одѣлась въ трауръ при извѣстіи о великой своей потери. Фридрихъ былъ оплаканъ самыми чистосердечными слезами. Даже враги отдали справедливость его геніальнымъ способностямъ — на его могилѣ. Духовное его завѣщаніе должно было вполнѣ открыть міру—какого человѣка, а Пруссіи—какого монарха они лишились. Вотъ главнѣйшія статьи этого замѣчательнаго акта:

«Жизнь наша мгновенный переходъ отъ минуты рожденія къ минутѣ смерти. Назначеніе человѣка въ этотъ краткій переходъ трудиться для блага общества, къ которому онъ принадлежитъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я достигъ кормила правленія, я старался всѣми средствами, данными мнѣ природою, по мѣрѣ силъ и возможности, способствовать къ счастію и довольству государ-

ства, которымъ имѣлъ честь упр
правосудіе; завелъ порядокъ и точность
образованіе, которое поставило ее выше всѣхъ
Исполнивъ, такимъ образомъ, обязанности мои въ отно
я заслужилъ бы вѣчный упрекъ, еслибъ не подумалъ о домашнихъ
дѣлахъ. И такъ, чтобъ предупредить всякій споръ, могущій возникнуть между родственниками за мое наслѣдіе, объявляю симъ торжественнымъ актомъ мою послѣднюю волю,

. й благодѣтельной природѣ,
стихiямъ, изъ которыхъ оно
хочу быть похороненъ—какъ жилъ:
не желаю, чтобъ тѣло мое было вскрыто
поставятъ меня въ Санъ-Суси въ склепѣ, подъ
рыи я для себя приготовилъ.

«Любезному моему племяннику, Фридриху-Вильгельму, какъ ближайшему наслѣднику престола, предоставляю королевство Пруссiю, со всѣми провинцiями, городами, замками, крѣпостями, арсеналами и военными запасами; всѣ завоеванныя и прiобрѣтенныя мною по наслѣдству земли; всѣ коронныя сокровища, драгоцѣнные камни, золотые и серебряные сервизы, мои загородные библiотеку, собранiе рѣдкихъ монетъ, картинную галлерею, сады и проч. Кромѣ того, передаю ему казну, въ томъ видѣ, въ какомъ она будетъ находиться въ день моей смерти, какъ достоянiе государства, которое можетъ быть употребляемо только на защиту и на поддержанiе народа.

«Королевѣ, моей супругѣ, назначаю, кромѣ доходовъ, которые она уже получаетъ, еще по 10,000 талеровъ ежегодно, по двѣ бочки вина, казенное отопленiе и свободный ловъ дичи для ея стола. Городъ Штетинъ да будетъ ея резиденцiей; но и въ берлинскомъ дворцѣ ей должна быть отведена приличная, соотвѣтствующая ея сану, квартира. Племянникъ мой обязанъ оказывать ей все уваженiе, которое она заслуживаетъ, какъ вдова его дяди и какъ государыня, никогда, ни на шагъ не отступавшая отъ стези добродѣтели.

«Теперь о частномъ моемъ достоянiи. Я никогда не былъ скупъ и богатъ: слѣдовательно не имѣю значительной собственности. Доходы государственные я всегда почиталъ святынею, до которой нечистая рука не должна прикасаться. Никогда не употреблялъ я общественныхъ денегъ на свои потребности. Ежегодные расходы мои не превышали 200,000 талеровъ. За то я съ чистою совѣстью слагаю съ себя санъ государственнаго правителя и не стыжусь отдать мiру отчетъ въ моихъ поступкахъ. Все, что послѣ меня останется, да будетъ достоянiемъ моего племянника.

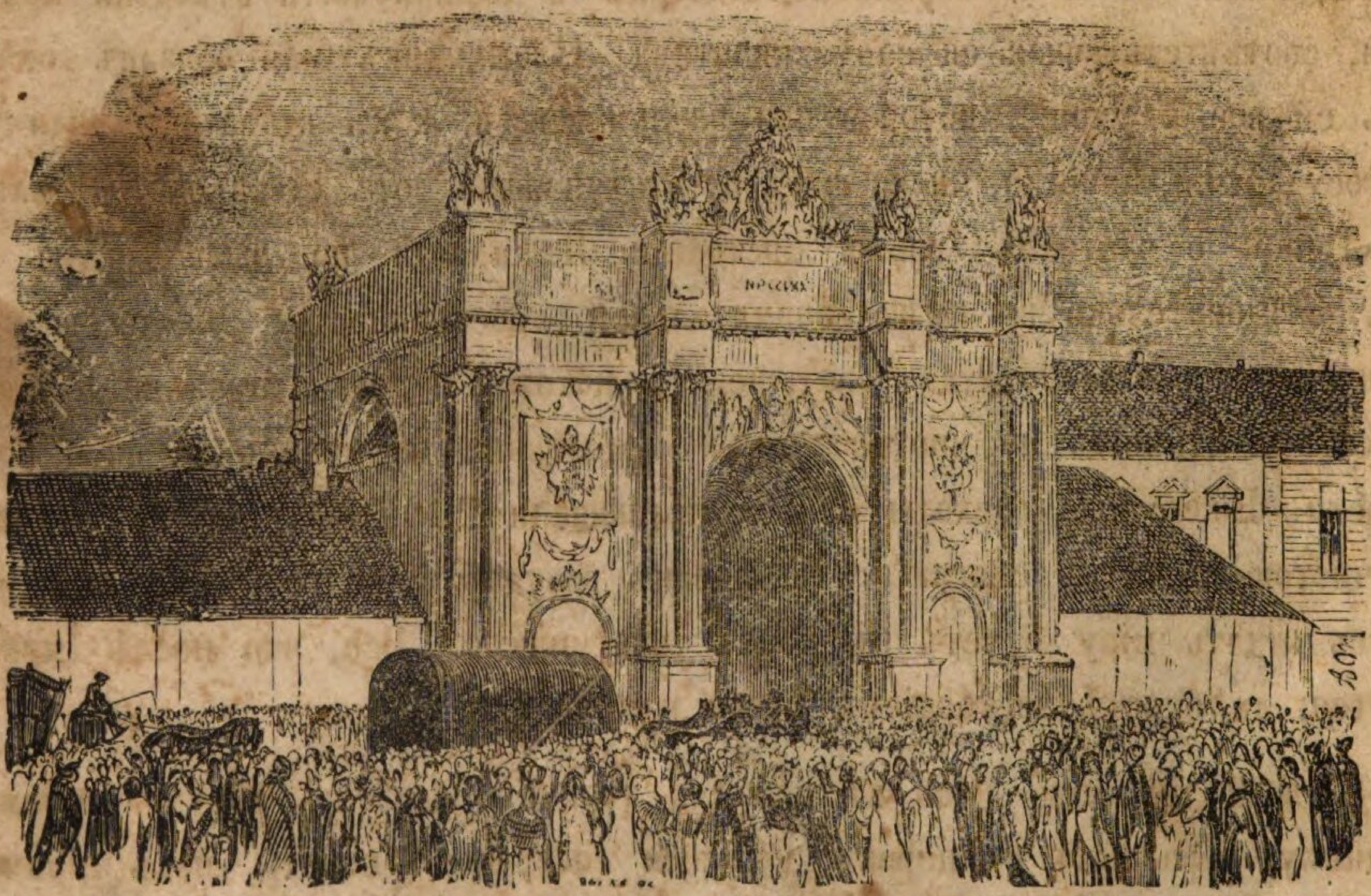
«Со всей теплотою души, къ какой я только способенъ, поручаю моему наслѣднику—храбрыхъ офицеровъ, которые совершали походы подъ моимъ предводительствомъ. Прошу его обратить также особенное вниманiе на тѣхъ офицеровъ, которые находились въ моей свитѣ; чтобъ ни одинъ изъ нихъ не страдалъ на старости въ нищетѣ и болѣзни. Онъ найдетъ въ нихъ опытныхъ воиновъ, которые не разъ на дѣлѣ доказали свой умъ, свою храбрость и преданность престолу.

«Поручаю моему наслѣднику ...
его дядей, тетокъ и остальныхъ родствен...
значеніемъ человѣка, даетъ и право первородства,
не значитъ еще быть достойнѣе другихъ. Прошу всѣхъ моихъ
жить въ любви и согласіи и не забывать, что въ случаѣ надобности, они обязаны жертвовать личными своими выгодами пользамъ и благу государства.

«Послѣднія мои желанія въ минуту, когда разстаюсь съ міромъ, клонятся къ счастію прусскаго государства. Да управляется оно всегда мудростію и правдою, съ неослабнымъ вниманіемъ. Да будетъ оно по кротости законовъ— *счастливѣйшею*, по умному распоряженію финансами—*богатѣйшею*, по храбрости и чести своей арміи — *крѣпчайшею* державою въ мірѣ! Да цвѣтетъ и красуется она во вѣки!»

Вотъ какъ мыслилъ и чувствовалъ Фридрихъ на краю гроба. И почти всѣ его желанія сбылись: всѣ сѣмена, имъ посаженныя, взошли и принесли его любимой Пруссіи золотые плоды!

На другой день, по смерти Фридриха, явился новый король, Фридрихъ-Вильгельмъ, чтобъ отдать послѣдній долгъ великому покойнику. Вечеромъ тѣло было перевезено въ потсдамскій дворецъ и выставлено на катафалкѣ.

Толпы народа встрѣтили и провожали печальную процессію. Всѣ шли молча за гробомъ и только глубокіе вздохи и рыданія иногда нарушали святую тишину ночи. На другой день всѣмъ былъ открытъ доступъ во дворецъ для прощанія съ покойнымъ.

Renate Kieseritz
Buchbindemeiste
8911 Schöffeldi

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Koni, Fedor Alekseevič

Istorija Fridricha Velikago Tekst Fedora Koni. Risunki Adol'fa Mencelja [Adolph von Menzel]. [Friedrich II., König v. Preussen]

Moskva 1863

Bor. 340 z
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10015096-4